

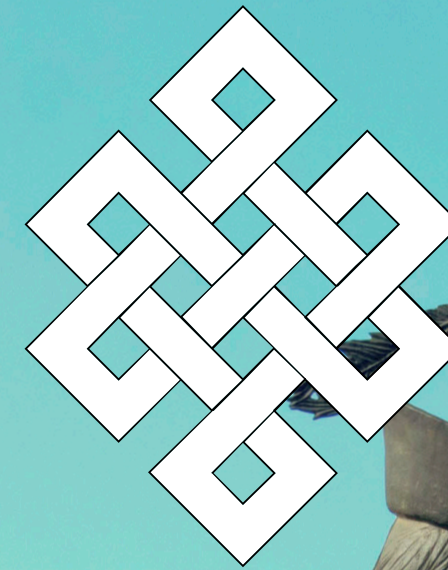
ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2020

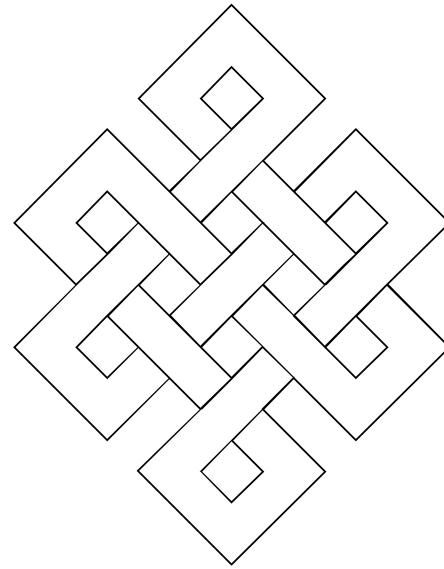
№ 3

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

№3
2020

nit.tuva.asia

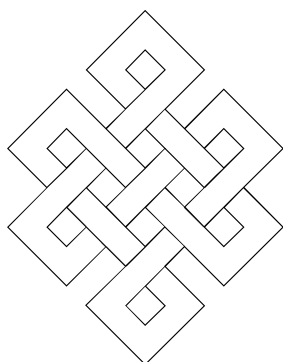

Эл. адрес: article@tuva.asia
<https://nit.tuva.asia>

9 772079 848005

ISSN 2079-8482

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ

THE NEW RESEARCH OF TUVA

2020

№ 3

nit.tuva.asia

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ламажаа Ч. К., г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

СЕКЦИЯ ИСТОРИИ (ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

Харитонов В. И., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ерекешева Л. Г., Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова
 МОН РК, Казахстан
Донахо Б., Институт социальной антропологии Макса Планка, Германия
Монгуш М. В., Российский государственный архив
 Российской Федерации
Дацышен В. Г., Сибирский федеральный университет, Россия
Отрошенко И. В., Институт востоковедения имени А. Е. Крымского
 Национальной академии наук Украины
Чулуун Сампилдондов, Институт истории и археологии Академии наук
 Монголии
Харунова М. М.-Б., Тувинский институт комплексного освоения
 природных ресурсов Сибирского отделения РАН, Россия
Бакаева Э. П., Калмыцкий научный центр РАН, Россия

**СЕКЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК (ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ)**

Ламажаа Ч. К., Москва, Россия
Попков Ю. В., Институт философии и права Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Балакина Г. Ф., Тувинский институт комплексного освоения природных
 ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук
Кара-оол Ш. В., Правительство Республики Тыва, Россия
Хомушку О. М., Тувинский государственный университет, Россия

**СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ (КУЛЬТУРОЛОГИЯ,
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)**

Сузукей В. Ю., Тувинский институт гуманитарных и прикладных
 социально-экономических исследований, Россия
Левин Т., Дартмаус колледж, США

**СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИИ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА,
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)**

Бичелдей К. А., Национальный музей им. Алдан Маадыр
 Республики Тыва, Россия
Шамина Л. А., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия
Широбоква Н. Н., Институт филологии Сибирского отделения
 Российской академии наук, Россия

ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА

Папын А. С., редактор, администратор, Россия,
Макаров В. С., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
 университет, Россия

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.
 Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в качестве СМИ Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
 (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации Эл №ФС77-37967 от 5 ноября 2009 г.

Индексация журнала: ERIH PLUS, РИНЦ, КиберЛенинка,
 PKP Index, Google Scholar, DOAJ, Scopus,
 ESCI Web of Science Core Collection.
 Включен в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

Издатели:

Ламажаа Ч. К.
 117437, Россия, Москва, а/я 30,
 Федеральное государственное автономное образовательное
 учреждение высшего образования
 «Российский университет дружбы народов» (РУДН)
 117198, Россия, Москва, ул. Миклуко-Маклая, д. 6.

EDITOR-IN-CHIEF

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

**SECTION OF HISTORY (HISTORY, ETHNOGRAPHY,
ANTHROPOLOGY)**

Valentina I. Kharitonova, Institute of Ethnology and Anthropology,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Laura G. Yerekesheva, Institute of Oriental Studies (Almaty), Kazakhstan
Brian Donahoe, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany
Marina V. Mongush, State Archives of the Russian Federation
Vladimir G. Datsyshen, Siberian Federal University, Russian Federation
Ivanna V. Otroshchenko, Krymsky Institute of Oriental studies, National
 Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine
Chuluun Sampildondov, Institute of History and Archaeology,
 Academy of Science Mongolia, Mongolia
Marianna M.-B. Harunova, Tuvian Institute for Exploration of Natural
 Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
Elza P. Bakaeva, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of
 Science

**SECTION OF SOCIAL SCIENCES (PHILOSOPHY, SOCIOLOGY,
RELIGIOUS STUDIES)**

Chimiza K. Lamazhaa, Moscow, Russian Federation
Yuri V. Popkov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian
 Academy of Sciences, Russian Federation
Galina F. Balakina, Tuvian Institute for Exploration of Natural Resour-
 ces, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Sholban V. Kara-ool, The Government of the Republic of Tuva, Russia
Olga M. Homushku, Tuvan State University, Russian Federation

SECTION OF CULTUROLOGY (CULTURAL STUDIES, ART HISTORY)

Valentina Yu. Suzukey, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social
 and Economic Research, Russian Federation
Theodore Levin, Dartmouth College, United States

**PHILOLOGY SECTION (LINGUISTICS, FOLKLORE, LITERARY
STUDIES)**

Kaadyr-ool A. Bicheldey, National Museum of the Republic of Tuva,
 Russian Federation
Lyudmila A. Shamina, Institute of Philology, Siberian branch,
 Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Natalya N. Shirobokova, Institute of Philology,
 SB RAS, Russian Federation

TECHNICAL GROUP

Alexander S. Papyn, Editor, Manager, Russian Federation
Vladimir S. Makarov, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities,
 Russian Federation

The New Research of Tuva welcomes contributions
 in Russian and English.

The journal is published quarterly.

The journal is indexed in
 ERIH PLUS, RINTs, KiberLeninka, PKP Index,
 Google Scholar, DOAJ, Scopus,
 ESCI Web of Science Core Collection.

Publishers:

Lamazhaa Ch. K.
 Postal box 30, 117437, Moscow, Russian Federation,
 Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
 6 Miklukho-Maklaya str.,
 117198 Moscow, Russian Federation.

Тема выпуска
 «Тувинская Народная Республика:
 исторический опыт и значение
 (к 100-летию со дня провозглашения)».
 Ответственный редактор —
 доктор исторических наук
Николай Михайлович Моллеров
 (Тувинский институт гуманитарных
 и прикладных социально-экономических
 исследований при Правительстве
 Республики Тыва, Россия).

Special Issue:
 “People’s Republic of Tuva:
 Historical Background and Significance
 (Marking the centenary of its foundation)”
 Guest-edited by
Nikolai Mikhailovich Mollerov
 Doctor of History
 Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social
 and Economic Studies
 at the Government of the Republic of Tuva,
 Russian Federation

К 75-летию ТНИИЯЛИ - ТИГИ - ТИГПИ

DOI: 10.25178/nit.2020.3.1

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Великий Хурал — высший и представительный орган власти Тувинской Народной Республики

Николай М. Моллеров

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация*

В статье представлено исследование истории высшего представительного органа власти Тувинской Народной Республики — Великого хурала (1923–1941 гг.). В деятельности Великих Хуралов ТНР выделяются два периода: 1923–1928 гг. и 1930–1941 гг. Источниковой базой выступили работы предшественников и документы из архивов Тувы и Москвы, часть которых (особенно по VI и VIII Великим Хуралам) вводится в научный оборот впервые.

Годы проведения Великих хуралов были разными: с I по VI-й (1923–1928 гг.) они проходили каждый год и вписывались в годовой хозяйственный цикл. Однако, ежегодное проведение, а значит и частые смены составов правительства и Малого Хурала не способствовали обретению и закреплению опыта государственного управления. Последующие Великие Хуралы (1930–1941 гг.), собирались реже, без четкой периодичности. В этот период их авторитет и роль в жизни тувинского общества начинают падать, они находятся в тени ТНРП и правительства. Одновременно с этим возрастает роль Малых Хуралов, более отвечающих требованиям бурных революционных преобразований. К началу 1940-х гг. главную роль в государстве начинает играть ЦК ТНРП, который в годы Великой Отечественной войны

возглавил переход страны на военные рельсы и организацию многосторонней помощи СССР.

Заключается, что Великие Хуралы ТНР, несмотря на внутреннее (со стороны ЦК ТНРП) и внешнее (Коминтерн и советский фактор) политическое влияние, были школой народовластия, управления государством, а их деятельность способствовала поддержанию самостоятельности и суверенитета ТНР.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; Тува; история Тувы; Всетувинский учредительный Хурал; Великий Хурал; Малый Хурал; история представительной власти

Для цитирования:

Моллеров Н. М. Великий Хурал — высший и представительный орган власти Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 4–19. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.1>

Моллеров Николай Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательской группы по истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: + 7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: igi@tigpi.ru

MOLLEROV, Nikolai Mikhailovich, Doctor of History, Chief Research Fellow, Research Group on History, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: + 7 (394-22) 2-39-36. Email: igi@tigpi.ru **ORCID ID: 0000-0002-7127-184X**

The Great Khural as the supreme representative authority of the Tuvan People's Republic

Nikolai M. Mollerov

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research,
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article examines the history of the supreme representative authority of the Tuvan People's Republic — the Great Khural (1923–1941). Its work clearly falls into two periods: 1923–1928 and 1930–1941. Our research is based on the previous works and documents from both Tuvan and Moscow archives. Some of the documents, especially those of the 6th and 7th Great Khurals, have been consulted for the first time by a researcher.

The Great Khurals took place in different periods: from Khural I to VI (1923–1928), they were held annually and fitted into the annual economic cycle. However, annual Khurals meant frequent changes in the cabinet and in the Little Khural, which did not contribute to consolidating public administrative experience. The following Great Khurals (1930–1941) were held less frequently without any precise intervals. In that period, their respect and role in the life of Tuvan society started to fall, they fell under the shadow of the TPRP and the Cabinet. At the same time, the rise of the Little Khural began, since that body was better suited to the requirements of rapid revolutionary transformations. By the beginning of 1940s, the TPRP Central Committee started to play the primary role in the state, leading the country towards the military transition and organizing multilateral help to the USSR during World War II.

The Great Khurals of TPR were the school of democracy and government despite the pressure from the inside (CC TPRP) and outside (Comintern and USSR). Their work contributed to maintaining the independence and sovereignty of the TPR.

Keywords: Tuvan People's Republic; Tuva; Tuvan history; the First Khural; the Great Khural; Little Khural; history of representative authority

For citation:

Mollerov N. M. Velikii Khural — vysshii i predstavitel'nyi organ vlasti Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [The Great Khural as the supreme representative authority of the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 4–19. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.1>

Введение

История российских регионов и их представительных органов власти всегда находилась в центре внимания отечественных исследователей (Миль, 1897; Чичерин, 1899; Ковалевский, 1906; Тахтарев, 1907; Кизеветтер, 1910; Устинов, 1912; Черепнин, 1978; Астафичев, 2003; Булаков, 2004; Алексеев, 2015). История представительных органов Тувинской Народной Республики, несмотря на многочисленные научные труды по общей истории этого государства (Иезуитов, 1956; Хороший, 1974; Аранчин, 1982; Сердобов, 1985; История Тувы, 2007 и др.), все еще остается мало изученной. Можно назвать только отдельные статьи авторов (напр.: Ондар, 2010, 2014; Моллеров, 2019). Одна из главных причин такого положения кроется в том, что исследователи недостаточно осознали значение, место и роль основополагающего элемента политической системы ТНР в лице Великих Хуралов — органа представительной власти, которые по Конституции, являлись высшей властью в ТНР (Конституции Тувы ... , 1999: 26). Управление государством осуществлялось в основном через решения и законы, выработанные Великими Хуралами, представителями народа в них. Но до сих пор в историческом знании работа высшего представительного органа власти Тувы времен ТНР едва-едва обозначена.

Прописать место и роль Великих Хуралов в политической системе ТНР — значит создать условия для более правильного и объективного представления наших современников о ТНР, 100-летие образования которого отмечает 14 августа 2021 г. Это и станет целью нашей статьи.

Для достижения цели нами привлечен комплекс опубликованных (Конституции Тувы ... , 1999; На перекрестке времени, 2014; Война далекая и близкая, 2015) и обнаруженных в архивах исторических документов и других материалов из фондов Национального архива Республики Тыва (НА РТ), Центра архивных документов партий и общественных организаций Национального архива Республики Тыва

(ЦАДПОО НА РТ, бывшего партийного архива Тувы), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), а также Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (НА ТИГПИ).

Глубокий и систематизированный анализ этих источников был бы менее затруднен, если бы все доступные материалы Великих Хуралов были изданы единым сборником. Но, к сожалению, эта задача пока не решена. На сегодняшний день издан ряд документальных сборников, в составлении и редактировании которых автор настоящей статьи принимал непосредственное участие — они отчасти восполняют отсутствие полного сборника материалов (*Конституции Тувы ...*, 1999; *На перекрестке времени*, 2014; *Война далекая и близкая*, 2015).

Кроме того, дает о себе знать давняя ошибка, допущенная при определении списка фондов республиканского архива Тувы (ныне — НА РТ). Среди фондов, вошедших в этот список, нет ни фонда Великого (высшего представительного органа власти), ни Малого (законодательного органа власти) хуралов. Есть фонд р-93 Президиума Малого Хурала (рабочего органа Малого Хурала). В нем, а также фондах р-92 Совета Министров ТНР и р-100 Министерства иностранных дел, главным образом и хранятся документы, содержащие сведения о Великих Хуралах (*Путеводитель по фондам ...*, 2012: 30). В сравнительном плане можно обратиться к фондам центрального Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), среди которых значится фонд 3316 «ЦИК СССР» (Центральный Исполнительный Комитет, советский аналог Малого Хурала ТНР).

Вопрос об исследовании истории представительной власти ТНР назрел давно. Данная статья представит первые его результаты, в дальнейшем анализ может быть расширен до отдельного монографического издания по истории тувинских представительных законодательных органов власти, включая образованный в 1993 г. Верховный Хурал Республики Тыва (парламент).

Конституционные основы создания и деятельности съезда представителей Тувы

В первой конституции тувинского государства, принятой на Всетувинском учредительном хурале 15 августа 1921 г., была заложена норма о съезде представителей всех хошунов (параграф 9) (*Конституции Тувы ...*, 1999: 26). В ней прямо не сказано, что съезд представителей (позднее Великий Хурал) является высшим органом власти молодого государства. С другой стороны, в конституции сделан акцент, что съезд по своей сути — это законодательный орган, хотя Великий Хурал сложился как высший представительный орган власти.

В параграфе 10 определялось, что депутаты съездов избираются на собраниях сумо¹ «в количестве, пропорциональном числу населения каждого сумо, но не менее двух человек от самого малочисленного по числу населения сумо» (там же). Но вскоре — через несколько лет, в соответствии с избирательным законодательством, прямые выборы от сумо сменяются многоступенчатыми, при которых легче контролировать и обеспечивать прохождение нужных кандидатов.

Наконец, параграф 11 в своей заключительной части гласил: «В промежутках между съездами вся полнота власти принадлежит Центральному Совету (правительству. — Н. М.), который может издавать постановления в пределах Конституции» (там же). Эта была норма, которая хотя и косвенно, не в параграфе о съезде представителей, но достаточно понятно указывала на то, что съезды в системе власти должны занимать высшее положение. С другой стороны, говорилось, что правительство, вынося постановления, учитывает только Конституцию. Об исполнении решений съезда представителей умалчивалось, хотя такая норма напрашивалась. Не оговаривалось и то, кто созывает съезды представителей, хотя по логике вещей в первые годы становления молодого государства это должно было делать именно правительство. Лишь с созданием законодательного органа — Малого Хурала (1924 г.), эта обязанность перешла к нему.

Таковыми были конституционные правовые основы, по лекалам которых должны были выстраиваться формирование и работа съезда представителей Тувы. Они давали представление об общих контурах будущего здания высшего органа власти, но отдельные детали конструкции четко проработаны не были. В процессе государственного строительства все эти недоработки должны были быстро проявиться. Однако срок созыва и формирования первого Великого Хурала (съезда) был отодвинут

¹ Сумо, сумон — административно-территориальная единица в ТНР и в настоящее время, несколько сумонов составляли хошун (кожуун, район).

более чем на два года. Внешние обстоятельства и практика жизни внесли в процесс государственного строительства свои коррективы.

Препятствия на пути к созыву первого съезда представителей

В соответствии с решением Всетувинского учредительного хурала (15 августа 1921 г.), 3 октября 1921 г. состоялось первое заседание тувинского правительства. Оно собралось в обстановке назревавшей угрозы вторжения из Северо-Западной Монголии белых отрядов.

Но его работу трудно назвать конструктивной, направленной на поддержание первых ростков государственности и отражение назревавшей военной угрозы. Дело в том, что само правительство еще не было структурировано, и не имело программы хотя бы первоочередных действий. Вопрос о его структуре и функциях ни в решениях учредительного хурала, ни в конституции проработан не был. Сказалось и то, что бывший амбын-нойон¹ Тувы Соднам-Бальчир от поста главы правительства отказался. Его решения прождали целый месяц. Много времени было потрачено участниками заседания на выбор нового главы правительства, которым стал Монгуш Буян-Бадырғы (Моллеров, 2005а: 65). Казалось бы, члены правительства были заинтересованы в получении легитимности от съезда представителей Тувы и должны были сделать все, чтобы он собрался как можно раньше. Но невысокая дееспособность правительства стала основным препятствием для созыва первого съезда представителей Тувы — будущего Великого Хурала.

Ситуация неопределенности затягивалась. А это, в свою очередь усугубляло положение в стране. Первый решительный шаг в нужном для государства направлении сделала на первом же своем учредительном съезде Тувинская Народно-Революционная Партия (ТНРП) в конце февраля 1922 г. Пойдя дальше Конституции, не предусмотревшей деления правительства на министерства и ведомства, делегаты партийного съезда преобразовали малодееспособный Центральный Совет в Совет Министров, учредив первые четыре министерства: иностранных, внутренних и военных дел, а также юстиции. Для каждого министерства было обозначено определенное поле деятельности. Тогда же еще не созданный будущий съезд представителей Тувы получил название «Великий Хурал», и это название стало для него постоянным.

Но далеко не все вопросы обеспечения нормальной работы правительства были тогда решены. В новом издании «Истории Тувы» отмечено: «На эффективности работы реорганизованного правительства негативно сказывалось то, что поначалу его руководители и министры работали без зарплаты» (История Тувы, 2007: 133). Думаю, что это не очень существенная причина, поскольку члены правительства, как правило, были из числа богатых феодалов и чиновников. Хотя, конечно, отсутствие зарплаты дополнительного стимула их лишало. Куда более весомым аргументом следует признать то, что члены правительства, переехав в Кызыл, все еще не имели постоянного места жительства в столице и «поэтому ежегодно проводили в своих кочевьях трехмесячные отпуска» (там же).

Другое препятствие, отодвинувшее созыв съезда представителей на более позднее время — это выше отмеченная военная угроза вторжения в Туву белых отрядов. В начале декабря 1921 г. она стала реальностью. В край вторгся вооруженный отряд белого генерала А. С. Бакича. Только после его разгрома силами красных партизан Тувы, с участием взвода красноармейцев, тувинских разведчиков и бойцов, удалось по-настоящему приступить к мирному строительству (Ганин, 2014).

Наконец, не могло не сказаться на проблемах государственного строительства то, что тувинское государство в первые годы своего существования оставалось непризнанным государством. Даже соседние страны — СССР и Внешняя Монголия — не торопились с его признанием. В качестве причины непризнания советское руководство указывало на то, что выборы делегатов учредительного хурала (съезда) были проведены без охвата всех социальных слоев населения, что на съезд не попали, за редчайшим исключением, простые араты. А Монголия не оставляла попыток присоединить Туву. Все это сильно ограничивало для Тувы использование опыта соседних стран в государственном строительстве.

Таким образом, созыв высшего органа государственной власти был затруднен целым рядом важных причин. Историк В. М. Иезуитов констатировал: «Первые полтора года существования ТНР характеризуются исключительно медленными темпами строительства в стране новых государственных форм»

¹ Амбын-нойон — главное должностное лицо Тувы в период ее нахождения в составе цинского Китая, под протекторатом России и в первые годы ТНР. Только в 1923 г. на I Великом Хурале титулы были отменены.

(Иезуитов, 1956: 53–54). Эти, взятые в совокупности обстоятельства и причины, бесспорно, вызвали продолжительную отсрочку с избранием делегатов на местах и созывом съезда представителей Тувы. Не будучи утвержденным высшим органом власти — Великим Хуралом, правительство оставалось нелегитимным.

Подготовка к созыву Великого Хурала (съезда) представителей Тувы

Итак, правительство после некоторой реорганизации обрело дееспособность, но к созыву первого Великого Хурала надо было подготовиться. Следовало не только сформировать его путем выборов представителей, но и предложить на его разрешение комплекс первоочередных и жизненно важных вопросов текущей политики и экономики, оформить их в виде пакета законопроектов.

Ко времени созыва первого Великого Хурала такие законопроекты были правительством с помощью советских специалистов наработаны. Предстояло также тщательно продумать полномочия нового органа власти, повестку дня его работы и наиболее удачное время созыва. Этим, по всей видимости, и пришлось вплотную заняться членам правительства ТНР во главе с князем Идам-Сюрюном. Кроме того, они торопились сверстать первый бюджет государства, чтобы представить его на обсуждение Великого Хурала. Все время, прошедшее до созыва съезда, правительство само и разрабатывало, и утверждало законы. Следует отметить, что тем же самым ему пришлось заниматься и после формирования Великого Хурала. Только создание законодательного органа — Малого Хурала — позволило правительству освободиться от несвойственных ему функций. Но это произошло только через год после I Великого Хурала на II Великом Хурале (1924 г.).

Выше уже отмечалось, что государственные органы власти были прописаны в конституции ТНР лишь в самых общих чертах. В связи с этим необходимо было дополнить конституционные положения продиктованными жизнью новыми законами. К тому времени процедура внесения изменений в конституцию продумана не была.

Поэтому сделали это в виде особого документа, который назвали «Основные законы ведения политической работы народного правительства Танну-Тувинской Народной Республики». Его разработало и предложило к рассмотрению ЦК ТНРП. В. А. Дубровский в комментариях к сборнику документов «Конституции Тувы. 1921–1993 гг.», ссылаясь на архивные источники, назвал этот документ второй Конституцией ТНР (1923 г.) (Конституции Тувы ..., 1999: 4–6).

Но согласиться с этим трудно по следующим соображениям. Во-первых, автор и составитель сборника сослался лишь на проект архивного документа. А в проектах, как известно, позволительно предлагать разные варианты названий документов. Только не факт, что они будут воспроизведены в оригинале принятого документа. Следует учитывать, что при изучении дальнейшей законотворческой практики и политической работы в ТНР, в исторических источниках не обнаружено никаких отсылок к нормам Конституции ТНР 1923 г. и никаких ссылок на нее. И, в связи с этим, встает закономерный вопрос: а была ли такая Конституция?

Следует также учитывать, что указанный документ охватывал лишь узкий круг вопросов, а именно — политических. Ни социально-экономических, ни культурных вопросов он не затрагивал.

И последнее. Документ детализировал лишь аспекты деятельности одного правительства, не определяя компетенцию и полномочия других органов власти. В этом отношении документ существенно проигрывал Конституции 1921 г. и потому замена ее в 1923 г. была бы неполноценной. Его важное значение состояло в том, что он вносил необходимые изменения в конфигурацию и выборы органов власти. Эти изменения придали всей системе власти стройность, повысили ее дееспособность. Документ был подготовлен очень своевременно, как раз к началу работы I Великого Хурала (съезда).

Итак, правительство ТНР к осени 1923 г. провело большую организационно-правовую работу, благодаря чему стало возможным созвать первый Великий Хурал ТНР.

I Великий Хурал (съезд) ТНР

Поскольку именно I Великий Хурал ТНР имеет важное историческое значение, и все остальные съезды проходили по проложенному им руслу, стоит остановиться на нем подробнее, тем более что источники это позволяют. Можно предположить, что первоначально их было значительно больше, но, поскольку первый архив в Туве был создан только в 1930 г., многие материалы Хурала были утрачены.

Советский полпред в Туве В. В. Малков, высылая в Москву копии протоколов пяти первых Великих Хуралов ТНР в своем сопроводительном письме во 2-й Восточный отдел НКВД СССР, сообщал: «Высылаю Вам доставленные мне копии протокольных записей работ Великих Хуралов с I по V включительно, причем в Тувпра (Тувинском Правительстве. — *Н. М.*) более полных материалов об этих Хуралах, по видимому, не имеется» (АВП РФ, ф. 153, оп. 10, д. 8, п. 5, л. 1).

У нас есть возможность, помимо материалов, направленных Малковым в Москву, опереться на документ, опубликованный в разных переводах со старомонгольского языка в двух сборниках документов: «Конституции Тувы. 1921–1993 гг.» (*Конституции Тувы ...*, 1999: 29–34) и «На перекрестке времени» (*На перекрестке времени*, 2014: 266–271). Это пакет законопроектов, предложенных на обсуждение и утверждение делегатов Председателем Президиума I Великого Хурала Монгушем Буяном-Бадырғы. Принятие этих законов заложило фундамент для работы органов государственной власти в будущем. Дополнить представление не только о первом, но и последующих пяти Великих Хуралах помогает рукопись секретаря полпредства СССР в ТНР Г. Л. Коваля, хранящаяся в Научном архиве ТИГПИ (НА ТИГПИ, д. 420).

I Великий Хурал ТНР работал с 20 сентября по 1 октября 1923 г. В его работе приняли участие 150 делегата. Повестка дня съезда включала:

1. Приветственную речь председателя Буяна-Бадырғы,
2. Доклад министра иностранных дел,
3. Доклад министра юстиции,
4. Доклад министра внутренних дел,
5. Доклад Госторга,
6. Доклад Минфина о налогах,
7. Выборы в Совет Министров,
8. Текущие дела: а) об упразднении чинов на первом съезде ТНРП; б) об организации власти в кожуунах; в) о порядке проведения выборов в местные органы.

Председатель съезда, глава правительства Монгуш Буян-Бадырғы в своей приветственной речи отметил независимость тувинского государства, обратив внимание на сочувствие и помощь со стороны СССР и недружественную позицию Внешней Монголии. Делегаты поддержали председателя съезда, выразив надежду, что существующее положение изменится, «когда и в монгольском и в тувинском правительстве будут другие лица» (НА ТИГПИ, д. 420, л. 4). Генеральный секретарь ЦК ТНРП Оюн Курседи выступил с речью о значении освобождения Тувы от иностранного гнета для повышения материального благосостояния народа. Собравшихся также поприветствовали советский консул Ф. Г. Фальский и председатель Исполкома Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК) Г. Я. Стрелков.

Далее выступали с отчетными докладами министры. При этом порядок их выступлений, определенный повесткой дня, несколько поменялся. Первым выступил министр внутренних дел Шыырап. В своем докладе он остановился на итогах малоизвестной для исследователей переписи 1923 г., охватившей все кожууны, кроме Тоджинского. По ее результатам, общее поголовье скота в Туве составило 113 861 бодо¹. Он доложил, что в республике начато создание армии. При этом 30 чел., с которыми работал одним инструктором, обучались на командиров; 15 человек служили на границе, где были установлены караулы. Тува была разделена на 6 хошунов. Была восстановлена уртонная служба (почта). В Кызыле при правительстве была организована партийная учеба, которой были охвачены 160 человек. Обучали их четыре учителя. Оказанием медицинской помощи занимались два врача при правительстве. Анализируя эти сведения, можно заключить, что в ведении МВД ТНР находился широкий круг важных вопросов, в том числе оборонного и социально-экономического характера. Загруженность несвойственными для данной структуры делами не позволила министру уделить даже минимум внимания вопросам предупреждения и наказания преступности и охраны общественного порядка, т. е. результатам работы по своей профильной деятельности.

Министр юстиции Дарма Базыр сообщил об упразднении в Туве всех долгов, как государственных, так и частных, а также об установлении наказания за конокрадство. Были аннулированы все судебные дела, начатые до 1921 г. Отмечена необходимость разработки Уголовного кодекса для разрешения всех

¹ Бодо — единица счета скота, равная 1 голове крупного рогатого скота или 10 головам мелкого скота.

судебных дел по законам своего государства. Была отменена и категорически воспрещена круговая порука¹.

Министр иностранных дел остановился на вопросах советской помощи по укреплению государственного строя и независимости Тувы. Ввиду отсутствия нормальных межгосударственных отношений между Тувой и соседними государствами, непризнания тувинского государства, этот доклад отличался предельной лаконичностью.

С докладом министерства финансов выступил заместитель министра. Он представил первую смету государственного бюджета. По доложенным им данным, за текущий год в Туве было добыто 40000 лан² золота (поначалу бюджет исчислялся в китайских ланах). В Минфине ТНР имелось денежных средств на сумму 79780 лан. Население по своему имущественному положению было разделено на 4 категории: 1) имеющие от 1 до 20 бодо; 2) от 20 до 100; 3) от 100 до 1000; 4) от 1000 и выше. Последнюю категорию по определению составляли бай³. В соответствии с этой градацией велось налоговое исчисление.

Далее рассматривался закон о выборах. Было установлено, что в состав правительства могут быть избраны граждане с 18 лет независимо от пола. Ламы и бывшие чиновники в правительство не допускались. Но последнее положение в условиях дефицита грамотных кадров носило декларативный характер. Молодые люди и женщины в 1920-е годы в правительстве также не работали. Об этом наглядно свидетельствует и возрастной состав избранного правительства.

После рассмотрения закона о выборах прошли выборы состава Совета Министров. Председателем (теперь уже легитимным) стал Монгуш Буян-Бадыргы, его заместителем — Данзын-оол. Министерские посты заняли: министра юстиции — бывший амбын-нойон Тувы Оюн Соднам-Бальчир, министра иностранных дел — Оруйгу, министра финансов — Ананды, министра внутренних дел — Идам-Сюрюн. Секретарями правительства избрали Тамдын-Сюрюна и Сундуя, кандидатами в члены правительства стали Шарап и Бальдыр. Избрание кандидатов показывает, что делегаты заранее беспокоились о создании небольшого кадрового резерва правительства ввиду текучки кадров.

Затем был рассмотрен и положительно решен вопрос об отмене всех старых привилегий, должностей, титулов и чинов. По логике вещей его следовало рассмотреть перед выборами Совета Министров. Тогда избранные в правительство бывшие феодалы и чиновники получили бы формальные права быть избранными. А так они вошли в правительство в прежнем качестве и только после отмены титулов, чинов и привилегий его утратили. Подобного рода ошибки происходили в основном из-за недостатка опыта.

Следует отметить, что с созывом I Великого Хурала (съезда) в республике появился высший орган власти, который, заняв подобающее ему положение в системе власти, придал легитимность всем государственным институтам. За время своей работы Великий Хурал, проходивший под председательством Монгуша Буяна-Бадыргы, принял целый ряд важных решений. Из анализа содержания его работы видно, что он действовал не по букве первой конституции — не как законодательный, а скорее как представительный орган власти: только обсуждал и утверждал наработанные правительством законопроекты, а законотворческой деятельностью не занимался. Великий Хурал был совершенно необходимой, но для законотворческой работы слишком громоздкой структурой. Все выше сказанное можно в полной мере отнести и к последующим девяти Великим Хуралам, оставившим заметный след в истории Тувы.

II Великий Хурал: новая Конституция, избрание Малого Хурала ТНР

Вряд ли целесообразно рассматривать последующие Великие Хуралы во всех подробностях, поскольку они проходили согласно установившемуся на первом съезде порядку: открытие съезда, приветствия, отчеты, утверждение бюджета и прочие вопросы. Но были у них и свои особенности.

Так, уже со II Великого Хурала (28 октября 1924 г.), кроме отчетов министерств, стали заслушивать отчеты правительства и делегатов от хошунов. В продолжении ранее поднятой темы об основных пра-

¹ Круговая порука — отказ свидетельствовать против соплеменника или родственника, подозреваемого в совершении преступления. Первая попытка ее отмены была предпринята после принятия Тувой российского протектората (1914 г.) (Моллеров, 2014: 121–127).

² Лан — весовое золото, 1 лан = 2 руб.

³ Бай или кара-бай — зажиточные араты, как правило, торговцы и предприниматели, не имевшие феодальных титулов.

вилах, принятых за Конституцию 1923 г., следует отметить, что в материалах второго съезда представителей сказано: «В текущих делах утверждаются основные правила, которые легли затем в основу Конституции» (АВП РФ, ф. 153, оп. 10, д. 8, п. 5). Из него ясно, что «Основные правила» (по другим документам это основные законы) не были тождественны Конституции. Не могли же депутаты принимать Конституцию государства в процессе или после рассмотрения текущих дел. Конечно же, «Основные правила» стали частью новой Конституции ТНР 1924 г. Государство стало называться Танну-Тувинской Народной Республикой. Был впервые сформирован законодательный орган — Малый Хурал. Правительство стало избираться на сессиях Малого Хурала из числа депутатов. Все органы власти на местах перевели на местные бюджеты. Произошел отход от положения Конституции 1921 г. о запрете использования пыток и физических наказаний. II Великий Хурал постановил «наказывать воров и других преступников плетью» (там же).

На этом съезде работа правительства была признана неудовлетворительной и несоответствующей интересам народа. Вынесение столь жесткой оценки предопределили события весны 1924 г. на Хемчике, поставившие под удар само существование тувинского государства. Заподозренные в связях с повстанцами глава правительства Монгуш Буян-Бадыргы и ряд министров были освобождены от своих должностей и не были переизбраны в новый состав правительства. В правительство вошли люди более левых взглядов, настроенные на дружественные отношения с СССР. Неудачной оказалась кандидатура председателя правительства (он же — министр иностранных дел) Оруйгу, которого вскоре пришлось отстранять от власти.

II Великий Хурал сыграл важную роль в развитии Тувы. Принятые на нем решения заметно продвинули ТНР по пути развития государственности и обретения экономической самостоятельности.

Великие Хуралы ТНР второй половины 1920-х годов

На III Великом Хурале (27 октября 1925 г.) присутствовало 86 делегатов. В заслушанном делегатами докладе председателя Правительства Куулара Дондука поднимались вопросы организации в Туве Тувинбанка, Тувинценкоопа и службы безопасности. В докладе министра внутренних дел было отмечено значение введения национальной письменности и необходимость оказания в этом вопросе помощи со стороны СССР. Но, по замечанию Г. Л. Ковалья, «вопрос не получил надлежащего разрешения» (НА ТИГ-ПИ, д. 420, л. 21). Докладчик озвучил некоторые основные данные переписи 1925 г. Затем по докладу Минфина дискутировался вопрос о переходе в расчетах на советскую валюту — червонцы. После обсуждения было решено перенести его на уровень Полпредства ТНР в СССР. В целях дифференцированного обложения налогооблагаемое население разделили на три группы: богатых, середняков и бедных.

Министр иностранных дел доложил о заключении дружественного договора с СССР от 22 июля 1925 г. Великий Хурал его ратифицировал. Из-за сложных отношений с Китаем советская сторона этого так и не сделала, но это не помешало его выполнению обеими сторонами. На этом съезде наказания за преступления были еще более ужесточены. В п. 4 постановления съезда говорилось: «Усилить нормы наказания за воровство. В необходимых случаях применять смертную казнь» (АВП РФ, ф. 153, оп. 10, д. 8, п. 5). Но это решение осталось на бумаге, высшая мера наказания на практике не применялась. Провели выборы в Малый Хурал, выбрав в него 38 чел. Избрали новый состав правительства.

На IV Великом Хурале (18–24 ноября 1926 г.) председательствовал Куулар Дондук. Съезд впервые заслушал и обсудил доклад Малого Хурала. В его работе участвовало 77 чел., в том числе по социальному положению: 17 бедняков, 48 середняков, 7 батраков и 5 баев. 43 делегата состояли в партии. 26 — были грамотными. Главными событиями работы съезда стало утверждение третьей Конституции государства и ратификация тувинско-монгольского дружественного договора.

В докладе министра МВД прозвучала информация о том, что два Хемчикских кожууна, Салчакский и Тоджинский подали заявление о присоединении к Монголии, но после проведения разъяснительной работы от своих намерений отказались. Согласно новой Конституции, государство стало именоваться Тувинской Народной Республикой. По ней нетрудовые элементы лишались избирательного права. Кроме докладов министров были заслушаны доклады о работе Тувинценкоопа (ТЦК) и Тувинбанка. Большое экономическое значение для Тувы имело введение червонцев, что означало вхождение республики в «рублевую зону». Это решение придало ТНР экономическую устойчивость и тем самым способствовало ее политической стабильности.

Новым для Тувы был также рассмотренный на Великом Хурале вопрос о наращивании автомобильного парка и улучшении дорог. Утвердили Таможенный устав. Были рекомендованы меры по улучшению работы правительства.

Делегаты потребовали от правительства ускорения работы по введению в стране национальной письменности и перевода всего делопроизводства на тувинский язык. Они отмечали, что в судебных делах произвол, и предлагали организовать высший судебный орган и суды на местах. Две эти задачи, как мы знаем, были решены только в 1930 г., когда пришедшие к власти «левые» приступили к реализации своего курса. Были также проведены выборы составов правительства и Малого Хурала ТНР. Следуя пятому пункту повестки дня, съезд утвердил «Положение о Великом Хурале» (АВП РФ, ф. 153, оп. 10, д. 8, п. 5), которое могло бы стать ценным источником для подготовки настоящей статьи. Во исполнение решения съезда о введении тувинской письменности был разработан букварь на русской графической основе, «но вследствие несоответствия звуков и букв был забракован» (НА РТ, ф. 100, оп. 1, д. 92, л. 109).

С 15 по 18 сентября 1927 г. проходил V Великий Хурал, на котором собралось 78 делегатов. В том числе членов ТНРП и ТРСМ было 56 чел., грамотных¹ — 60 чел. Бедноту представляли 65 делегатов, середняков — 12, принадлежность одного делегата не была определена. Первым в повестке дня стоял вопрос об отчете Малого Хурала, вторым — об отчете правительства. Далее шли доклады министров и выборы членов Малого Хурала и Правительства (НА ТИГПИ, д. 420, л. 46).

В докладе Малого Хурала получили отражение вопросы тувинско-советских отношений, образования в Туве советского консульства с последующим переименованием его в полномочное представительство (полпредство). Для увеличения доходов в бюджет решили наращивать добычу золота, кооперацию освободили от пошлины с товаров. При Тувинбанке организовали управление золотыми приисками — Горный отдел. Кроме того, банку было дано поручение проработать вопрос о снижении цен на товары первой необходимости, о выдаче кредитов на развитие сельского хозяйства. Хошунные управления (хотя их доклады в повестке дня не предусматривались) доложили Великому Хуралу о проделанной работе за период между предыдущим и настоящим съездами. Их доклады делегаты приняли к сведению, а также дали рекомендации по улучшению работы. Великий Хурал утвердил «Положение о правах Президиума Малого Хурала», закон о браке, положение о делегатах и их выборах на местах и в Великий Хурал.

Совершенно не изучались и не вводились в научный оборот материалы VI Великого Хурала. Только в первом издании «Истории Тувы» автору удалось найти полторы строчки о том, что «на V и VI Великих Хуралах ТНР (1927 и 1928 гг.)... резкой критике подверглись бывшие феодалы и чиновники, окопавшиеся на руководящих постах» (История Тувы, 1964: 129). В настоящее время появилась возможная возможность заполнить этот пробел путем введения в научный оборот новых данных из научного архива ТИГПИ. Они показывают, что VI Великий Хурал собрался 22 сентября 1928 г. В его работе участвовало 59 делегатов (19 служащих, 35 аратов, 5 бывших лам; 40 членов ТНРП, 10 членов ТРСМ и 9 беспартийных). В повестку дня съезда были включены следующие вопросы:

1. Доклад Малого Хурала,
2. Доклад Правительства и Государственного контроля,
3. Доклад МВД и Здравоотдела,
4. Доклад мандатной комиссии (новация),
5. Доклад Минфина,
6. Доклад Тувинценкоопа,
7. Доклад Тувинбанка,
8. Доклад МИДа,
9. Доклад Минюста,

¹ Согласно переписи 1925 г. (ее материалы не опубликованы, см.: НА ТИГПИ, д. 420, л. 21) в ТНР насчитывалось менее 1% грамотных на старомонгольском и тибетском языках. Высокий процент грамотных среди делегатов (60 чел. или почти 77%) может объясняться двумя причинами. Во-первых, требования к определению грамотности могли быть занижены, порой достаточно было умения поставить свою подпись. Во-вторых, в это время в рядах партии и ревсомола (т. е. ТНРП и ТРСМ) было немало представителей светской и духовной знати, которые и могли дать большую часть грамотных. Вообще же вопрос критериев грамотности в ТНР на разных этапах ее развития требует отдельного изучения.

10. Доклады кожуунов,

11. Выборы Малого Хурала и Правительства (НА ТИГПИ, д. 420, л. 52).

Других сведений о VI Великом Хурале нам не удалось найти, но, считаем, что и они позволяют составить о нем более полное и объективное представление.

III–VI Великие Хуралы за 1925–1928 гг. в совокупности рассмотрели немало важных вопросов государственного значения. Среди них — вопросы развития внешне- и внутривнутриполитических, социально-экономических и культурных отношений.

Великие Хуралы ТНР 1930-х гг.: проведение левого курса

VII Великий Хурал ТНР проходил с 4 по 18 ноября 1930 г.¹ Он укрепил левый курс государства, определенный VIII съездом ТНРП. Среди участников съезда было много новых делегатов, избранных из среды бедных аратов. Из 66 делегатов 58 являлись трудовыми аратами (10 середняков, 48 бедняков), 8 делегатов — бывшими мелкими чиновниками из арбанов² и низшими ламами.

18 ноября Великий Хурал утвердил четвертую Конституцию государства, которое стало именоваться «Тувинская Аратская Республика» — ТАР (*Конституции Тувы ...*, 1999: 29). На съезде обсуждался вопрос о конфискации феодальной собственности, под которую попадали 303 феодальных хозяйства. Хурал дал директиву укрепить имеющиеся и организовать новые госхозы, усилить производственную кооперацию аратских хозяйств, повысить техническую оснащенность и аграрно-зоотехническое обслуживание сельского хозяйства (*История Тувы*, 1964: 140–141).

О VIII Великом Хурале в историческом тувиноведении написано лишь полстроки. В «Летописи важнейших событий» «Очерков истории Тувинской организации КПСС» сказано только то, что этот съезд состоялся в период с 22 июня по 2 июля 1935 г. (*Очерки истории ...*, 1975: 354). В данной статье его материалы, как и в случае с VI Великим Хуралом, вводятся в научный оборот впервые.

Из отчета Правительства ТАР «О международном и внутреннем положении» на этом съезде мы узнаем об активизации Японии на монгольском направлении и необходимости для государства укреплять свою обороноспособность. В «Общественно-политической части» отчета говорилось: «4 года и 9 месяцев, которые отделяют VIII Великий Хурал от VII-го, наполнены множеством больших и важных событий государственного и общественного значения» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 508, л. 17). Величайшим революционным делом была названа конфискация феодальной собственности. «Из 18578 бодо общего количества конфискованного скота, говорилось в отчете, — было роздано свыше 10 тыс. бодо аратам, остальные конфискованные средства были направлены для использования в общественном порядке (строительство госхозов, мероприятия культурно-просветительского характера и пр.)» (там же). Отмечалось, что теперь каждый арат имеет не менее 5 бодо скота, нет нищих, деревянную соху заменил железный плуг, кожаную одежду — фабричные ткани.

Вместе с тем в решениях Хурала указывалось на допущение в отчетный период серьезных ошибок.

«Ошибки, — говорилось в отчете, — были заложены еще в решениях VII Великого Хурала. Они заключались в неправильной оценке переживаемого страной этапа национальной революции, в перескакивании через не пройденные ступени ее и в попытках установить непосредственно социалистический строй. Ошибки в таком коренном вопросе влекли за собой ошибки во всех областях государственной и общественной деятельности: зажим частно-хозяйственной инициативы, перевод аратских хозяйств на сплошную коллективизацию, неправильная налоговая политика, ...элементы администрирования в борьбе с религиозными предрассудками и др.» (там же: л. 18).

Далее отмечалось, что эти ошибки были использованы феодалами, поднявшими в ряде хошунов вооруженные выступления. В отчетном докладе правительства ставились задачи по дальнейшему укреплению независимости ТНР, дальнейшему развитию связей с Советским Союзом, решительному выкорчевыванию остатков и пережитков феодальных отношений, поднятию производительных сил. «... Мы должны исходить из того, — подчеркивалось в отчете, — что хозяйственная основа нашей страны, это частное хозяйство аратов» (там же: л. 20).

¹ О датировке V Великого Хурала см.: *Конституции Тувы ... 1999*: 58.

² Арбан — десятидворка, самая малая административно-территориальная единица ТНР, несколько арбанов составляли сумон.

Главной задачей VIII Великого Хурала в отчете было названо закрепление выработанного на II Чрезвычайном пленуме ЦК АРП и III Чрезвычайной сессии Малого Хурала ТАР нового политико-хозяйственного курса с опорой на частно-хозяйственную инициативу граждан. Вместе с тем, подчеркивалось, что в этих условиях хозяйствования борьба с феодально-теократическими элементами будет обостряться.

Далее в отчете подробно рассматривалось социально-экономическое положение республики, отмечался экономический подъем, начавшийся с конца 1933 г. Особенно это было заметно в развитии животноводства, появлении автомобильного транспорта. Акцентировалось внимание на предстоящем введении с 1 октября текущего 1935 г. национальной валюты *акша*¹.

Время между VII и VIII Великим Хуралами было названо «самым ярким этапом культурной революции» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 508, л. 47). Основное содержание этого этапа составляло массовое освоение национальной письменности, открытие школ с 4-летним сроком обучения (ранее было 2-летнее), появление в стране людей со средним образованием, увеличение бюджетных расходов на образование, появление своей печати, выпускавшей периодику и книги на тувинском языке. Выдвигалась задача постепенно с помощью советских специалистов готовить национальные кадры во всех сферах народного хозяйства.

Президиум Малого Хурала ТАР доложил VIII Великому Хуралу о внесении изменений в Конституцию 1930 г. в связи с пересмотром политики государства и исправлением ошибок, заложенных в решениях VII Великого Хурала ТАР. В частности, были возвращены избирательные права лицам, не имеющим родственных отношений с феодалами и высшими ламами. Из 2374 человек, ранее лишенных избирательных прав, 1985 были восстановлены в 1934 г. в правах. Был принят новый Уголовный закон, исправлены допущенные ранее судебные ошибки. Только по амнистии были освобождены 57 человек (НА РТ, ф. 92, оп.1, д. 540, л. 3).

Утвердили новый закон о труде, пересмотрели земельный и ветеринарный законы, закон об охоте и рыбной ловле. В ходе совершенствования структуры государственного управления Министерство народного хозяйства было заменено Министерством промышленности и торговли (Минпромторг). В связи с организацией Верховного суда был упразднен Минюст, от которого функции надзора за соблюдением законности перешли к Правительству. Создание Минпромторга повлекло за собой упразднение Экономического совещания при Правительстве ТАР. Было создано Министерство животноводства и земледелия. IV сессия Малого Хурала и Президиум Малого Хурала накануне VIII Великого Хурала одобрили конституционные изменения, касающиеся государственных символов — герба и флага (см.: Монгуш, 2011).

Тогда же Великие Хуралы было решено созывать один раз в три года, а Малые Хуралы — не два раза в год, как это было раньше, а один (НА РТ, ф. 92, оп.1, д. 540, лл. 4–5).

IX Великий Хурал проходил с 1 по 5 сентября 1938 г. На нем, как сжато говорится в первом издании «Истории Тувы», были намечены «серьезные меры для исправления допущенных ошибок и ускоренного развития страны по некапиталистическому пути к социализму» (История Тувы, 1964: 158).

На нем, как и на предыдущем VIII съезде, Правительство сделало отчет «О международном и внутреннем положении». «Со времени VIII Великого Хурала прошло более трех лет, — говорилось в докладе председателя правительства ТНР А. Ш. Баира. — За эти три года в огромном мире усилилась антифашистская борьба» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 716, л. 1). Упоминались угрозы со стороны Японии и Германии. Отмечалось, что ТНР поддерживает внешнюю политику Советского Союза, направленную на укрепление и расширение фронта антифашистской борьбы, что во внутренней политике страна за период с VIII Великого Хурала добилась успехов в укреплении государственной независимости, экономическом и культурном развитии. Утверждалось, что «араты теперь живут сыто и культурно» (там же: л. 9).

Как достижение национальной революции называлось раскрытие в 1938 г. контрреволюционной организации во главе с Чурмит-Тажи, Хемчик-оолом и Танчаем, будто бы ставившей задачу свержения революционного строя в Туве, сдачи тувинского народа в японское рабство. Докладчик, в частности, сказал: «Товарищи! Я уверен в том, что широкие аратские массы ТНР, которые послали Вас, товарищи делегаты, на свой IX Великий Хурал удовлетворены применением высшей меры наказания, согласно революционного закона ТНР по отношению к заклятым врагам народа...» (там же: л. 11).

¹ *Акша* — национальная валюта ТНР, первоначально 1 акша = 1 руб. 30 коп. Введена после десятилетнего (1925–1935 гг.) нахождения Тувы в «рублевой зоне» Советского Союза (см.: Моллеров, 2005b: 189–203; Харунова, Харунов, 2019).

Главными задачами страны, в целях дальнейшего продвижения по некапиталистическому пути, он назвал укрепление связей с СССР, борьбу с внутренними и внешними врагами, поощрение частно-хозяйственной инициативы в развитии народного хозяйства, улучшение кредитной, налоговой и финансово-экономической политики, укрепление обороноспособности ТНР и усиление Тувинской народно-революционной армии (ТНРА).

Работа правительства была оценена Великим Хуралом положительно. Была отмечена успешная борьба с внутренними врагами, политическая консолидация общества вокруг правительства и ТНРП, повышение поголовья скота за отчетный период на 12,5%, увеличение посевов на 24,2%, рост товарооборота страны на 5,2%, рост госбюджета на 61,3%. Как достижение отмечалось, что 70–80% во всех государственных, хозяйственных и общественных организациях составляют национальные кадры (там же: лл. 14, 16, 17).

Хуралы 1930-х гг. проводились в обстановке сначала левого политического курса, затем нового политико-хозяйственного курса (своеобразного тувинского нэпа). Если с решениями VII съезда связаны ошибки в проведении коллективизации и отношениях с церковью, ликвидация феодальной собственности, то последующие съезды эти ошибки исправляли и своими решениями способствовали успехам в развитии животноводства, земледелия, транспорта, золотодобычи и в целом экономики ТНР.

Х Великий Хурал: «до полной победы...»

На Х Великом Хурале, открывшемся в день начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г., были приняты два важнейших документа: новая Конституция ТНР и Декларация о готовности тувинского народа всеми силами и средствами участвовать в борьбе советского народа с фашистской Германией (*Война далекая и близкая*, 2015: 9).

Хурал одобрил внутреннюю и внешнюю политику правительства. В его постановлении по отчету правительства отмечалось, что «за период с IX Великого Хурала по X Великий Хурал поголовье скота увеличилось на 11,7%, площадь посевов на 10%, выпуск промышленной продукции возрос на 20,8%, сбор урожая превзошел предыдущий период» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 281, лл. 1–2). Отмечалось, что вся внешняя и внутренняя торговля сосредоточилась в руках государства. Отмечен рост товарооборота, укрепление финансово-кредитной системы и бюджетных отношений. Росли кадры управленцев, интеллигенции и рабочего класса. Повысилась активность народ в государственном строительстве.

Положительные сдвиги в жизни страны позволили принять новую конституцию. Х Великий Хурал выделил комиссию по окончательному редактированию проекта конституции. 24 июня комиссия в составе Салчака Тока, Хертек Анчимы, Толганчика, Гриновецкого, Малышева, Садовского, Бажина, Чигчик, Криштафовича, Шалчима, Часкем, Толжунма, Намай, на своем заседании рассмотрела все статьи конституции от 1 до 94. Согласно протокола, подписанного С. К. Тока (председатель), Талганчиком и Гриновецким (секретари), члены комиссии ограничились мелкими замечаниями и поправками (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 276, л. 14). В тот же день Х Великий Хурал утвердил новую конституцию. В связи с ее принятием ставилась задача по приведению всего законодательства республики в соответствие с новым Основным Законом. Х Великий Хурал призвал граждан ТНР к самоотверженному труду и упорной борьбе с фашизмом до полной и окончательной победы над ним.

Отмечалось, что выполнению принятой Х Великим Хуралом Декларации должна быть посвящена вся трудовая деятельность Тувы и ее народа. В постановлении съезда говорилось: «Необходимо всемерно укреплять обороноспособность ТНР, помогая Народно-Революционной Армии, ОСОС¹ и физкультурным организациям широко развернуть военную подготовку трудящихся, через военные кружки подготовить кадры общественных военных инструкторов, принять меры по организации военизированной спортивной и физкультурной работы» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 918, л. 58). Ставились задачи по улучшению работы органов власти, укреплению трудовой дисциплины и повышению производительности труда. Х Великий Хурал постановил увеличить поголовье скота к 1944 г. до 2,5 млн голов, валовый сбор сена к тому же сроку довести до 22 млн пудов, организовать силосование, рациональное использование кормов. Съезд наметил созыв в 1941 г. совещания передовиков-животноводов. Намечался ежегодный рост бюджета на 15–20%. Увеличивалось финансирование на оборону страны, развитие народного хозяйства и культурно-массовые мероприятия (там же: лл. 58, 64).

¹ Общества содействия обороне страны — советские общественные организации; в конце 1930 — начале 1940-х гг. стали создаваться и в ТНР.

Значения решений и Декларации, принятой на X Великом Хурале, имели огромное значение для организации помощи СССР в Великой Отечественной войне против гитлеровской Германии. Конституция 1941 г. также способствовала консолидации тувинского населения и постоянно проживавших в ТНР советских граждан вокруг этой главной задачи. В сущности, они стали надежной правовой основой, на которой происходило сближение тувинского народа с народами СССР.

Заключение

Таким образом, проанализировав доступные источники, можно сделать ряд обобщений и выводов, раскрывающих значение, роль и место Великих Хуралов в Тувинской Народной Республике. Мы видим, что Великие Хуралы с I по VI (включительно) проходили ежегодно, начиная с 1923 г. Они созывались в относительно свободное от хозяйственных занятий время, когда осенне-уборочные работы в основном завершались, а зимние кочевки еще были впереди. Можно сказать, что в этом смысле Великие Хуралы неплохо вписывались в годовой хозяйственный цикл. Никакие, в том числе и политические, события не нарушали порядок их созыва. Вместе с тем, это положительное обстоятельство имело обратную сторону. Ежегодное проведение съездов, а значит и частые смены составов правительства и Малого Хурала не способствовали обретению и закреплению опыта государственного управления. Тем самым происходила осознанная, законодательно обусловленная текучка кадров.

Последующие Великие Хуралы, проходившие в 1930-е гг., стали собираться реже, при этом четкой периодичности сроков их созыва установлено не было. Так, VII Великий Хурал состоялся через два года после VI, VIII — через 4 года и 9 месяцев после VII, IX — через три года после VIII и X — через два года после IX. Напрашивалось проведение Великого Хурала в 1933 г., когда существенным образом корректировался политический курс государства, вводился своеобразный тувинский нэп — «новый политико-хозяйственный курс», партия становилась «первым помощником правительства»¹. Однако, несмотря на всю серьезность положения, созвали только III сессию Малого Хурала ТНР. Второй раз ситуация повторилась в 1944 г., когда решался вопрос о вхождении ТНР в состав РСФСР и СССР. Только на этот раз созыв Малого Хурала имел под собой вескую причину — Тува была на военном положении, и в ней, как и в СССР, съезды в первой половине 1940-х годов, т. е. пока шла война, не проводились.

По ряду формальных признаков: несоблюдение периодичности сроков созыва, небольшая длительность работы, проведение Великих Хуралов после съездов ТНРП с неизменным одобрением их решений, скупое освещение роли и значения съездов в жизни общества, — можно заключить, что в 1930-е годы авторитет и роль Великих Хуралов в жизни тувинского общества начинают падать. Они находятся в тени ТНРП и правительства. Одновременно с этим возрастает роль Малых Хуралов, более отвечающих требованиям бурных революционных преобразований. К началу 1940-х гг. авангардную роль в ТНР начинает играть ЦК ТНРП, которая в годы Великой Отечественной войны возглавила переход страны на военные рельсы и организацию многосторонней экономической и военной помощи СССР.

Вместе с тем, Великие Хуралы и в 1930 — начале 1940-х гг. сохранили за собой важнейшие государственные функции. Они заслушивали доклады Малого Хурала, Правительства и хошунных управлений, утверждали Конституции и важнейшие законы, определяли и уточняли административно-территориальное деление ТНР, давали оценку международному и внутреннему положению республики, избирали членов Малого Хурала и Правительства. Как и в 1920-е гг. Великие Хуралы оставались для представителей народа школой государственного управления, ярким проявлением народовластия. Совершенно правильно по аналогии с Советами СССР, пишет Е. М. Ондар, что «политической основой новой власти стала система хуралов» (Ондар, 2014: 149). Численный состав делегатов Великого Хурала от съезда к съезду колебался в зависимости от изменения норм, возрастного ценза и ограничений, определяемых избирательным правом, а также от полноты учета и активности избирателей.

Имея ввиду ключевую роль Великих Хуралов в жизни государства и народа, можно сказать, что граждане ТНР являлись не слепыми исполнителями, а активными участниками социально-политических процессов, многие из них были делегатами и депутатами разных уровней.

¹ Понятия «новый политико-хозяйственный курс», и «ТНРП — первый помощник правительства» из политических документов вошли в лексический арсенал и историков-тувиноведов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев, В. П. (2015) Земские соборы древней Руси. М. : Школа. 60 с.
- Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 339 с.
- Астафичев, П. А. (2003) Реализация нормотворческих полномочий коллегиальных органов народного представительства // Правоведение. № 5. С. 59–75.
- Булаков, О. Н. (2004) Представительная власть в системе разделения властей // Законодательство и экономика. № 8. С. 19–23.
- Война далекая и близкая (2015) / гл. ред. А. М. Дугар-Сюрюн. Новосибирск : Сибирское книжное издательство. 256 с.
- Ганин, А. (2014) Урянхайский поход Бакича // Родина. № 7, июль. С. 52–58.
- Иезуитов, В. М. (1956) От Тувы феодальной — к Туве социалистической. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 208 с.
- История Тувы (1964) : в 2 т. / отв. ред. С. К. Тока. М.: Наука. Т. 2. 455 с.
- История Тувы (2007) / под общей ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.
- Кизеветтер, А. А. (1910) Местное самоуправление в России. IX–XIX ст.: Исторический очерк. М. : Журнал «Русская мысль». 155 с.
- Ковалевский, М. М. (1906) От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Рост государства и его отражение в истории политических учений : в 3 т. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина. Т. 1. 293 с.
- Конституции Тувы 1921–1993 гг. (1999) : сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 216 с.
- Милль, Дж.-Ст. (1897) Представительное правление / пер. с англ. Р. И. Сементковского. СПб. : Изд-во. Ф. Павленкова. 192 с.
- Моллеров, Н. М. (2005а) История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 326 с.
- Моллеров, Н. М. (2005b) Советско-тувинское сотрудничество в создании финансово-кредитной системы и укреплении финансового положения Тувы. М. : Издательство РАГС. 297 с.
- Моллеров, Н. М. (2014) Судебная система Урянхайского края в условиях протектората // Центральноазиатские исторические чтения. Материалы III международной научно-практической конференции / ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дандынчап, А. А. Стороженко. Кызыл : Тувинский государственный университет. 241 с. С. 121–127.
- Моллеров, Н. М. (2019) Хуралы — органы представительной и законодательной власти ТНР (к изучению проблемы) // Вестник Тувинского государственного университета. Выпуск 1. Социальные и гуманитарные науки. № 3 (48). С. 50–58.
- Монгуш, Б. Б. (2011) Становление государственной символики Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 4. С. 79–82. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/378> (дата обращения: 17.05.2020).
- На перекрестке времени (2014) / гл. ред. А. М. Дугар-Сюрюн. Новосибирск: Сибирское книжное издательство. 780 с.
- Ондар, Е. М. (2010) История становления и развития парламентаризма в Туве // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы : сборник материалов II Международной научно-практической конференции / отв. ред. Н. И. Дроздов. Кызыл ; Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. 359 с. С. 194–197.
- Ондар, Е. М. (2014) О выборах в Великий Хурал в Конституциях Тувинской Народной Республики // Центральноазиатские исторические чтения. Материалы III международной научно-практической конференции / ред. З. Ю. Доржу, В. М. Дандынчап, А. А. Стороженко. Кызыл : Тувинский государственный университет. 241 с. С. 146–149.
- Очерки истории Тувинской организации КПСС (1975) / отв. ред. Г. Ч. Ширшин. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 405 с.
- Путеводитель по фондам Государственного архива Республики Тыва за 1715–2011 гг. (2012) / отв. ред. А. М. Дугар-Сюрюн. Новосибирск: Сибирское книжное издательство. 460 с.
- Сердобов, Н. А. (1985) Коминтерн и революционная Тува. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 238 с.

Тахтарев, К. М. (1907) От представительства к народовластию: К изучению новейших стремлений политического развития современного общества. СПб. : Библиотека обществознания. 228 с.

Устинов, В. М. (1912) Учение о народном представительстве : в 2-х т. М. : Тип. «Печатное дело». Т. 1. Идея народного представительства в Англии и Франции до XIX века. 653 с.

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2019) Создание национальной денежной системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 208–221. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.17>

Хороший, Н. Н. (1974) Социалистическая государственность тувинского народа / отв. ред. А. И. Ким. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 138 с.

Черепнин, Л. В. (1978) Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М. : Наука. 416 с.

Чичерин, Б. Н. (1899) О народном представительстве. М. : Тип. Тов-ва И. Д. Сытина. 810 с.

Дата поступления: 03.06.2020 г.

REFERENCES

- Alekseev, V. P. (2015) *Zemskie sobory drevnei Rusi [The Zemsky Sobor in Old Russia]*. Moscow, Shkola. 60 p. (In Russ.).
- Aranchyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).
- Astafichev, P. A. (2003) Realizatsiia normotvorcheskikh polnomochii kollegial'nykh organov narodnogo predstavitel'stva [Problems of realization of rule-making powers in collegiate bodies of popular representation]. *Pravovedenie*, no. 5, pp. 59–75. (In Russ.).
- Bulakov, O. N. (2004) Predstavitel'naia vlast' v sisteme razdeleniia vlastei [Representative authority in the system of separation of powers]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no. 8, pp. 19–23. (In Russ.).
- Voina dalekaia i blizkaia [War, far and near]* (2015). A collection of archival documents on the participation of Tuva in the Great Patriotic War / ed. by N. M. Mollerov. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 256 p. (In Russ.).
- Ganin, A. (2014) Uriankhaiskii pokhod Bakicha [Bakich's Uriankhai campaign]. *Rodina*, no. 7, July, pp. 52–58. (In Russ.).
- Iezuitov, V. M. (1956) *Ot Tuvy feodal'noi k Tuve sotsialisticheskoi [From feudal Tuva to socialist Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 208 p. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (1964): in 2 vols. Moscow, Nauka. Vol. II / ed. by S. K. Toka. 455 p. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).
- Kizevetter, A. A. (1910) *Mestnoe samoupravlenie v Rossii. IX–XIX st. [Local self-government in Russia. IX–XIX century]*: Historical essay. Moscow, Russkaia mysl' Journal Publ. 155 p. (In Russ.).
- Kovalevskii, M. M. (1906) *Ot priamogo narodopravstva k predstavitel'nomu i ot patriarkhal'noi monarkhii k parlamentarizmu. Rost gosudarstva i ego otrazhenie v istorii politicheskikh uchenii [From direct popular rule to representative government and from patriarchal monarchy to Parliamentarism. Growth of the state and its reflection in the history of political doctrines]*: in 3 vols. Moscow, Tip. T-va I. D. Sytina. Vol. 1. 293 p. (In Russ.).
- Konstitutsii Tuvy [Constitutions of Tuva]* (1999): a collection for the 55th anniversary of Tuva's accession to the USSR and RSFSR. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 216 p. (In Russ.).
- Mill, J. S. (1897) *Predstavitel'noe pravlenie [Considerations on representative government]*. Transl. by R. I. Sementkovskii. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ. 192 p. (In Russ.).
- Mollerov, N. M. (2005a) *Istoriia sovetsko-tuvinskikh otnoshenii (1917–1944 gg.) [History of Soviet-Tuvan relations (1917–1944)]*. Moscow, Moscow University for Humanities Publ. 326 p. (In Russ.).
- Mollerov, N. M. (2005b) *Sovetsko-tuvinskoe sotrudnichestvo v sozdanii finansovo-kreditnoi sistemy i ukreplenii finansovogo polozheniia Tuvy [Soviet-Tuvan cooperation in creating a financial and credit system and strengthening the financial position of Tuva]*. Moscow, RAGS Publ. 297 p. (In Russ.).
- Mollerov, N. M. (2014) Sudebnaia sistema Uriankhaiskogo kraia v usloviakh protektorata [The judicial system of the Uriankhai region under the protectorate]. In: *Tsentrāl'noaziatskie istoricheskie chteniia [Central Asian Readings in history]*. Proceedings of the 3rd international conference / ed. by Z. Yu. Dorzhu, V. M. Dandynchap and A. A. Storozhenko. Kyzyl, TuvSU Publ. 241 p. Pp. 121–127. (In Russ.).
- Mollerov, N. M. (2019) Khuraly — organy predstavitel'noi i zakonodatel'noi vlasti TNR (k izucheniiu problemy) [Khurals as representative and legislative bodies of the TPR: towards a study of the problem]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Issue 1. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki, no. 3 (48), pp. 50–58. (In Russ.).

Mongush, B. B. (2011) Stanovlenie gosudarstvennoi simvoliki Tuvinskoj Narodnoj Respubliki [Formation of the state symbols of the People's Republic of Tuva]. *The New Research of Tuva*, no. 4, pp. 79–82 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/378> (access date: 17.05.2020). (In Russ.).

Na perekrestke vremeni [At the crossroads of time] (2014): a collection of archival documents and photo documents / eds.: A. M. Dugar-Surun et al. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 480 p. (In Russ.).

Ondar, E. M. (2010) Istoriia stanovleniia i razvitiia parlamentarizma v Tuve [History of the rise and development of parliamentarism in Tuva]. In: *Kochevye tsivilizatsii narodov Tsentral'noi i Severnoi Azii: istoriia, sostoianie, problemy [Nomadic civilizations of the peoples of Central and North Asia: history, current state and problems]* : Proceedings of the 2nd International conference / ed. by N. I. Drozdov. Kyzyl, Krasnoarsk, Krasnoarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. P. Astaf'eva. 359 p. Pp. 194–197. (In Russ.).

Ondar, E. M. (2014) O vyborakh v Velikii Khural v Konstitutsiakh Tuvinskoj Narodnoj Respubliki [The elections to the Great Hural in the Constitutions of the Tuvan People's Republic]. In: *Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniia [Central Asian readings in history]*. Proceedings of the 3rd international conference / ed. by Z. Yu. Dorzhu, V. M. Dandynchap and A. A. Storozhenko. Kyzyl, TuvSU Publ. 241 p. Pp. 146–149. (In Russ.).

Ocherki istorii Tuvinskoj organizatsii KPSS [Essays on the history of Tuvan branch of the CPSU] (1975) / [V. Ch. Ochur, O. A. Tolgar-ool, Yu. L. Aranchyn et al., editorial board: G. Ch. Shirshin (ed.) et al.]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 405 p. (In Russ.).

Putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo arkhiva respubliki Tyva [The guide to the collections of the State Archives of the Republic of Tuva] (2012). Ed. by A. M. Dugar-Siuriun, T. A. Bondarenko, M. Sh. Kuular and N. I. Surgutskaia. 2nd ed. Novosibirsk, Siberian book publishing house. 460 p. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1985) *Komintern i revoliutsionnaia Tuva [The Comintern and the revolutionary Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 238 p. (In Russ.).

Takhtaryov, K. M. (1907) *Ot predstavitel'stva k narodovlastiiu: K izucheniiu noveishikh stremlenii politicheskogo razvitiia sovremennogo obshchestva [From representation to democracy: Towards a study of the latest aspirations in the political development of modern society]*. St. Petersburg, Biblioteka obshchestvoznaniia. 228 p. (In Russ.).

Ustinov, V. M. (1912) *Uchenie o narodnom predstavitel'stve [The doctrine of popular representation]*: in 2 books. Moscow, Tip. «Pечатnoe delo». Vol. 1. Ideia narodnogo predstavitel'stva v Anglii i Frantsii do XIX veka [The idea of popular representation in England and France before the nineteenth century]. 653 p. (In Russ.).

Kharunova M. M.-B. and Kharunov R. Sh. (2019) Sozdanie natsional'noi denezhnoi sistemy Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1921–1944 gg.) [The rise of the national monetary system of the People's Republic of Tuva (1921–1944)]. *The New Research of Tuva*, no. 3. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.17>

Khoroshii, N. N. (1974) *Sotsialisticheskaia gosudarstvennost' tuvinskogo naroda [Socialist statehood of the Tuvan people]* / ed. by A. I. Kim. Kyzyl, Tuvan book publisher. 138 p. (In Russ.).

Cherepnin, L. V. (1978) *Zemskie sobory Russkogo gosudarstva v XVI–XVII vv. [The Zemsky sobor in the Russian state of the XVI–XVII centuries]*. Moscow, Nauka. 416 p. (In Russ.).

Chicherin, B. N. (1899) *O narodnom predstavitel'stve [On popular representation]*. Moscow, Tip. T-va I. D. Sytina. 810 p. (In Russ.).

Submission date: 03.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.2

Государственные внутренние займы Тувинской Народной Республики и СССР в Туве (1920–1940 гг.)

Марианна М.-Б. Харунова

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Российская Федерация,

Рамиль Ш. Харунов

Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Российская Федерация,

Руслана Н. Базыр

Национальный архив Республики Тыва, Российская Федерация

Для форсированного развития собственной промышленности и укрепления сельского хозяйства в Тувинской Народной Республике в 1930–1940-е годы пошли по советскому опыту мобилизации сбережений населения и средств предприятий в пользу страны путем распространения облигаций государственных внутренних займов. В статье на основе материалов Национального архива Республики Тыва, фондов Национального музея им. Алдан-Маадыр Тувы впервые показана история выпуска, размещения и обращения государственных внутренних займов СССР и ТНР на территории Тувы, а также вложения полученных заемных средств в развитие народного хозяйства республики.

Первые облигации государственных займов СССР 1927, 1928, 1929, 1930 гг. получили распространение среди командированных в Туву советских специалистов и местных жителей Русской Самоуправляющейся Трудовой Колонии. Далее Правительство ТНР широко использовало облигации госзаймов СССР. В 1942 и 1943 гг. ТНР выпустила облигации тувинских государственных займов. После вхождения в состав СССР был произведен обмен этих облигаций на облигации Третьего государственного военного займа СССР.

Показаны различные методы распространения облигаций госзаймов, например, планы, с обязательными контрольными цифрами, социалистическими соревнованиями и обязательствами по подписке на облигации через трудовые коллективы, были и за наличный расчет среди сельского населения. Также рассмотрено участие и роль органов государственной власти, партии, финансовых структур, Тувинского торгово-промышленного банка, Комитета советских граждан в организации размещения облигаций среди населения Тувы.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; история Тувы; Тува; экономика Тувы; советский период; государственные займы; облигация; бюджет; подписка на заем; конверсия займов

Для цитирования:

Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш., Базыр Р. Н. Государственные внутренние займы Тувинской Народной Республики и СССР в Туве (1920–1940 гг.) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 20–34. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.2>

Харунова Марианна Монге-Байыровна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории математического моделирования Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН. Адрес: 667007, Россия, г. Кызыл, ул. Интернациональная, д. 117А. Тел.: +7 (394-22) 6-62-18. Эл. адрес: ondar18@mail.ru

Харунов Рамиль Шатмуратович — кандидат исторических наук, заведующий филиалом Алдын Дошка Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Титова, д. 30. Тел.: +7 (394-22) 2-28-04. Эл. адрес: ramar33@mail.ru

Базыр Руслана Николаевна — заместитель директора Национального архива Республики Тыва. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91. Тел.: +7 (394-22) 5-63-15. Эл. адрес: rnb-x@mail.ru

KHARUNOVA, Marianna Monge-Bairovna, Candidate of History, Leading Research Fellow, Laboratory of mathematical modeling, Tuvanian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 117A Internatsionalnaya St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: Ondar18@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-9011-2262**

KHARUNOV, Ramil Shatmuratovich, Candidate of History, Head, Aldyn-Doshka branch, Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva. Postal address: 30 Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-28-04. E-mail: ramar33@mail.ru **ORCID ID: 0000-0001-7940-5972**

BAZYR, Ruslana Nikolaevna, Deputy Director, National Archives of the Republic of Tuva. Postal address: 91 Kechil-ool St., 667010 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 5-63-15. E-mail: rnb-x@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-5305-3275**

Tuvan People's Republic's and USSR's Domestic Loans in Tuva, 1920s – 1940s

Marianna M.-B. Kharunova

Tuvian Institute for Exploration of Natural Resources, Siberian Branch of RAS, Russian Federation,

Ramil Sh. Kharunov

Aldan-Maadyr National Museum of the Republic of Tuva, Russian Federation,

Ruslana N. Bazyr

National Archives of the Republic of Tuva, Russian Federation

In the 1930s–40s, the Government of the People's Republic of Tuva (PRT) followed the Soviet practices of using personal savings and enterprises' resources to raise funds to accelerate the republic's economic advance and reinforce its agricultural sector. To take control of these resources, public bonds were issued.

This article, making use of materials preserved at the National Archives of the Republic of Tuva, the 1930s–40-s regional newspapers and collections of the Aldan-Maadyr National Museum of Tuva, for the first time ever attempts to present an overall picture of the issuance, placement and circulation of the USSR and TPR public bonds in the territory of Tuva, as well as of how the borrowed funds contributed to the republic's economy.

The first USSR public bonds (1927, 1928, 1929, 1930 issues) were placed among Soviet professionals on an assignment in Tuva, and among residents of the Russian Self-Administering Workers' Colony (RSWC). Later on, the Government of Tuva widely used public bonds issued by the USSR. After TPR's accession to the USSR, the Tuvan government bonds issued in 1942 and 1943 were converted into those issued through the 3rd Public War Loan of the USSR.

The article analyzes various methods of the bond placement. For instance, there were planned actions with mandatory bond purchase targets, "Socialist competitions" and obligatory subscription to loans through labor collectives. The bonds were also sold to rural population for cash. The authors also examine the involvement and role of the TPR government and party organs, financial sector, the Tuvan Bank of Industry and Trade and the Committee of Russian Citizens in the campaign of bond placement among the population of Tuva.

Keywords: TPR; USSR; public loan; bond; budget; loan subscription; bond conversion

For citation:

Kharunova M. M.-B., Kharunov R. Sh. and Bazyr R. N. Gosudarstvennye vnutrennie zaimy Tuvinskoj Narodnoj Respubliki i SSSR v Tuve (1920–1940 gg.) [Tuvan People's Republic's and USSR's Domestic Loans in Tuva, 1920s – 1940s]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 20–34. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.2>

Введение

Во втором томе второго издания «Истории Тувы» есть только одна строчка, посвященная облигациям Тувинской Народной Республики (ТНР): «В 1942 и 1943 гг. правительство ТНР выпустило государственные внутренние выигрышные займы с целью увеличения помощи фронту» (История, 2007: 378). Эта лаконичная информация не отражает массива данных об объемных процессах по формированию рынка ценных бумаг, протекавших в республике с 1920-х по 1940-е годы.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных бюджету ТНР, финансовой сфере государства, в том числе и авторов статьи (Иезуитов, 1956; Тульчинский, 1961; Тульчинский, Каплунов, 1972; Копеев, 1981; Аранчын, 1982; Бичелдей, 2009; Ананьин, Рогов, 2014; Харунова, Харунов, Санчай, 2019; Харунова, Харунов, 2019), тем не менее, тема облигаций (ценных бумаг) до сих пор не становилась предметом для исследований.

В данной статье мы попытаемся раскрыть основное содержание и суть исторических событий, связанных с размещением и обращением государственных внутренних займов СССР на территории Тувы и выпуском государственных внутренних займов ТНР (конец 1920-х — 1944 гг.), а также оценить значение полученных заемных средств для развития народного хозяйства республики.

Источниковую базу нашего исследования составили материалы республиканских газет «Тувинская правда», «Шын», «Вперед» 1930–1940 гг., а также документы Тувинского торгово-промышленного банка 1930-х гг., хранящиеся в фондах Национального архива Республики Тыва (НА РТ, ф. 102, оп. 1). На страницах газет размещались постановления о выпуске облигаций, призывы к подписке, итоги розыгрышей, информация о проведении конверсии займов, а также статьи М. Самбу, работавшего министром финансов ТНР в 1932–1933, 1938–1944 гг., работников Правления Тувинбанка Х. Тоткана, Г. Лысенко и др. о значении государственных займов в период Великой Отечественной войны¹, об итогах их реализации и др.² В архивных документах представлены материалы об особенностях реализации облигаций советских госзаймов на территории ТНР, а также вопросы создания собственно тувинских облигаций, финансовая отчетность и др.

Первые советские облигации в Туве

Первые облигации государственных займов СССР получили распространение среди командированных в Туву советских специалистов и местных жителей Русской Самоуправляющейся Трудовой Колонии (РСТК) на территории ТНР, которые с 1942 г. получили двойное гражданство — тувинское и советское (Моллеров, 1989).

В ведомости о движении и остатках облигаций государственных займов в Тувинском Торгово-Промышленном банке (Тувинбанк), на 1 декабря 1931 г. перечисляются:

1. Государственный внутренний 10% выигрышный займ 1927 г.;
2. Государственный внутренний 6% выигрышный займ индустриализации народного хозяйства СССР 1927 г.;
3. Второй государственный внутренний выигрышный займ индустриализации народного хозяйства СССР 1928 г.;
4. Государственный внутренний выигрышный займ укрепления крестьянского хозяйства 1928 г. (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 66, л. 18);
5. Третий государственный внутренний выигрышный займ индустриализации народного хозяйства СССР 1929 г.;
6. Государственный внутренний беспроцентный выигрышный займ 1929 г.;
7. Государственный внутренний займ «Пятилетка в четыре года» 1930 г.;
8. Государственный внутренний 9% выигрышный займ 1930 г. (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 160, л. 14).

Ценные бумаги Советского государства в 1920-е годы были выгодными для населения: приносили 8–10% годового дохода своим владельцам по купонам (процентам); регулярно проводились тиражи выигрышей; доходы освобождались от налогов и сборов, облигации принимались в уплату налогов и участвовали в ссудных операциях; погашались вовремя в указанные сроки.

Соглашения об условиях размещения займов СССР в ТНР

С началом 1930-х годов к продаже советских облигаций активно подключилось руководство Тувинской Аратской Республики (ТАР)³. Были заключены четыре соглашения об условиях размещения государственных займов СССР («Пятилетка в четыре года» 1930 г., «Третьего решающего года пятилетки» 1931 г., «Четвертого завершающего года пятилетки» 1932 г., «Вторая пятилетка выпуск первого года» 1933 г.) на территории ТАР (соглашения были заключены 30 декабря 1930 г., 29 марта и 19 ноября 1932 г., 19 декабря 1933 г.). (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 171, л. 37).

С чем связан этот энтузиазм мы можем понять из текста, сохранившегося в фондах НА РТ «Соглашения об условиях размещения государственных займов СССР на территории ТАР», подписанного

¹ Самбу М. М., Ларионов К. Значение государственных займов в период Великой Отечественной войны // Тувинская правда. 1943, №65 от 19 июня. С. 3.

² Самбу М. М. Итоги реализации Госзайма ТНР 1943 года в помощь фронту // Тувинская правда. 1943, № 92 от 27 августа. С. 2.

³ Названия государства были закреплены в его конституциях: Танну-Тува улус — с 1921 г.; Танну-Тувинская Народная Республика — с 1924 г.; Тувинская Народная Республика — с 1926 г.; Тувинская Аратская Республика — с 1930 г.; Тувинская Народная Республика — с 1941 г. (Конституции Тувы, 1999: 24–93).

19 декабря 1933 г. Председателем Совета министров ТАР Сатом Чурмит-Дажы и Полномочным представителем СССР в ТАР Никифором Васильевичем Поповым. Данный документ посвящен размещению облигаций займа СССР «Вторая пятилетка выпуск первого года» (1933 г.), и согласно статье второй данного соглашения, все поступившие к 1 сентября 1934 г. средства от займа на территории Тувы должны быть предоставлены республике в виде ссуды сроком на 10 лет под 5% годовых (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 171, л. 38). Указанные проценты Правительство ТАР должно было выплачивать Правительству СССР через Тувинбанк ежегодно, начиная с 1 октября 1934 г. Погашение самой ссуды должно производиться Правительством ТАР через тот же банк ежегодно, в течение пяти лет, равными долями, начиная с 1 октября 1939 г. по 1 октября 1944 г. включительно.

В статье четвертой документа предусматривались изменения условий ранее подписанных соглашений от 29 марта и от 19 ноября 1932 г. о размещении государственных займов СССР на территории ТАР «Пятилетка в четыре года» (1, 2 и 3 выпусков). Согласно этим изменениям, начиная с платежа 1933 г., размер процента по ссудам, выданным в связи с размещением на территории ТАР трех выпусков государственного внутреннего займа «Пятилетка в четыре года», снижался с 10% до 5%. При этом порядок и сроки выплаты процентов оставались без изменений (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 171, л. 38).

Механизм распространения советских облигаций в ТНР

Размещение каждого займа сопровождалось широкой пропагандистской кампанией политической направленности. Акценты ставились на выгодность вложения средств в государственные бумаги и политическое значение развития народного хозяйства республики.

Рассмотрим механизм распространения советских облигаций на примере Государственного внутреннего займа СССР «Четвертого завершающего года пятилетки» (1932 г.). Данный процесс хорошо задокументирован в фонде № 102 НА РТ.

Первоначально было издано Постановление Совета министров ТАР о распространении займа СССР «Четвертого завершающего года пятилетки» среди трудящихся ТАР от 18 августа 1932 г. за подписью заместителя председателя Совета Министров ТНР Оюна Данчая, в соответствии с которым ставилась задача мобилизовать все средства страны посредством проведения широкого распространения среди населения займа «Четвертого завершающего года пятилетки» для развития народного хозяйства, животноводства, поднятия его товарности, укрепления существующих и организации новых госхозов, колхозов, МТС, дальнейшее промышленное, дорожное, сельскохозяйственное и культурное строительство (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 54).

Ранее распространенные займы СССР — «Пятилетка в четыре года» (1930 г.) и «Третий решающий год пятилетки» (1931 г.), в сумме: первый 187 000 рублей и второй — 300 000 рублей, полученные в долгосрочный кредит на 10 лет, уже были вложены в развитие республики.

Исходя из этого, Совет министров ТАР установил контрольную цифру для размещения займа «Четвертого завершающего года пятилетки» по республике 300 000 рублей. Было решено просить Правительство СССР о том, чтобы сумма, вырученная от реализации займа, была предоставлена полностью в кредит на таких же условиях, как и предыдущие займы.

Для реализации займа и содействия госкредиту была организована постоянная центральная правительственная комиссия содействия, в составе: председателя Чульдума и членов — Самбу, Тани Камовой, Бузина, Шагдыр-Суруна, Далай-Серена, а также представителя от русской части (его фамилия в документе не указана). Во всех хошунах, приисковых управлениях и учреждениях также организовывались постоянные комиссии содействия госкредиту.

Займ реализовывался под лозунгами: «Каждый рабочий и служащий дает в заем «Четвертого завершающего года пятилетки» свой трехнедельный заработок на дело некапиталистического социалистического строительства ТАР», «Каждый колхозник — свой трехнедельный доход», «Единоличник, равняйся на колхозника — подпишись на заем не менее своего трехнедельного дохода», «Все, как один, на выполнение подписки» (там же).

Между трудовыми коллективами, населенными пунктами, колхозами, хошунами проводились соревнования по размещению займа. Руководители учреждений, предприятий и колхозов несли персональную ответственность за своевременную реализацию займа и сдачу денег в Тувинбанк, как по наличному расчету, так и по коллективной подписке. Крестьяне единоличники и неорганизованное население покупали займ за наличный расчет.

К разворачиванию кампании по реализации займа было решено приступить с 1 сентября с таким расчетом, чтобы первый взнос по подписке поступил 15 сентября. Срок погашения займа по коллективной подписке устанавливался 10 месяцев, считая со дня первого взноса, т. е. 15 сентября 1932 г. и до 30 июня 1933 г. (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 55.)

Все трудящиеся должны быть подписчиками займа. Были определены контрольные цифры по г. Кызылу, хошунам, приискам и госхозам, опубликованные в газете «Вперед». В таблице 1 приведены суммы, установленные для подписчиков.

Таблица 1. Плановые суммы подписки на займ «4-го завершающего года пятилетки», 1932 г.¹

Table 1. Planned subscriptions for the “4th and final year of the 5-year plan” loan, 1932.

№	Территория	Сумма (руб.)
1	Город	121 000
2	Хошуны	115 000
3	Прииски	54 000
4	Госхозы	10 000
Итого		300 000

Среди населения республики проводилась массовая разъяснительная работа по условиям займа, которые были типовыми для всех трех выпусков облигаций «Пятилетка в четыре года». Займ устанавливался на 10 лет в виде двух типов выпуска. Один выпуск являлся процентным. Доход по облигациям этого выпуска устанавливался исключительно в виде процентов, выплачиваемых по купонам регулярно в оговоренные сроки. Другой выпуск являлся беспроцентным выигрышным. В течение десятилетнего срока займа на каждую облигацию этого выпуска обязательно выпадал выигрыш.

Доходность займа определялась государством в среднем по 10% годовых. По процентному выпуску держатель займа получал свой доход по купонам, срок которых наступал каждое 1 декабря, начиная с 1933 г. По беспроцентному выпуску доход выплачивался в виде выигрышей (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 66).

По выигравшей облигации выплачивался только выигрыш. При выплате выигрыша от облигации отрезался специальный контрольный талон. Облигация возвращалась владельцу с последующим погашением через три года с момента выпадения на нее выигрыша (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 67).

Последним абзацем условий распространения займа являлся призыв: «Дадим государству свой трехнедельный заработок! Рабочие, колхозники и служащие, обеспечим стопроцентное участие в подписке на заем «Четвертого завершающего года пятилетки» (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 68).

Трудно было совместить требование инструкции министерства финансов и Тувинбанка о порядке и условиях реализации займа, в которой говорилось, что «реализация проводится на основе полной добровольности методами широкой агитмассовой работы» (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 71), с контрольными цифрами и требованием охватить всех трудящихся подпиской на займ. В Каа-Хемском хошунном управлении (п. Знаменка) отнеслись к размещению займа с «революционной прямоотой» и 22 сентября 1932 г. управление разослало письма жителям поселка Медведевка с требованием в обязательном порядке до 1 октября приобрести облигации займа на 500 либо 300 руб. В противном случае управление грозило привлечь к судебной ответственности по законам ТНР (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 67).

Минфин ТНР в ответ на жалобы граждан отреагировал быстро, отметив недопустимость применения методов, подрывающих доверие населения, и предлагал проводить реализацию займа в добровольном порядке путем массовой разъяснительной работы (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 71).

Несмотря на подобные прецеденты, среди коллективов проводились соревнования по подписке на займ. Обычно все проходило по одной схеме: работник расписывался в подписном листе по сумме приобретаемых облигаций (трехнедельный заработок, а в следующем займе — уже за месяц) и получал закрепительный талон на право получения облигаций после выплаты всей суммы подписки. Максимальный срок рассрочки платежа составлял 10 месяцев и платеж производился удержанием

¹ Чульдум. Все трудящиеся должны быть подписчиками займа. Выполним контрольные цифры // Вперед, 1932. № 27 от 23 сентября. С. 1.

из зарплаты в счет погашения подписки на займ. Часть облигаций, как правило, среди сельского населения, распространялась за наличный расчет. Активное участие в пропаганде подписки на займы СССР принимали Комитеты советских граждан¹ (*История Тувы, 2007*: 219).

Последним широко распространенным на территории ТНР был советский займ «Вторая пятилетка выпуск первого года» 1933 г. По опыту прошлых лет Совет министров ТНР выпустил постановление о распространении займа, в котором говорилось, что в целях развития основной отрасли народного хозяйства — животноводства, укрепления госхозов, для реализации намеченного плана транспортного и дорожного строительства, дальнейшего развития кустарной промышленности и окончания намеченного промышленного строительства (кожевенный завод, лесопильный завод и др.) поставлена задача мобилизации средств путем широкого распространения займа среди жителей республики (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 182, л. 57).

В документе отмечалось, что держателям займов, распространенным ранее, в 1931 г. была выплачена 21 000 руб., в 1932 г. — 36 500 руб., и за 6 месяцев 1933 г. 36 700 руб. процентами по купонам и выигрышам.

В соответствии с этим постановлением была утверждена контрольная цифра распространения займа «Второй пятилетки» по республике в 300 000 рублей с разбивкой по приискам, городу и хошунам.

Таблица 2. Плановые суммы подписки на займ «Второй пятилетки», 1933 г.²

Table 2. Planned subscriptions to the "2nd 5-year plan" loan, 1933.

№	Территория	Сумма (руб.)
1	Город	126 000
2	Хошуны	105 000
3	Прииски	54 000
4	Госхозы	15 000
Итого		300 000

Центральной комиссии содействия госкредита было предложено выделить соответствующее количество работников для проведения кампании по хошунам. Ответственность за реализацию займа возлагалась на эту же комиссию.

Реализация займа должна была сопровождаться разъяснительной работой под лозунгом: «Каждый рабочий и служащий свой месячный заработок взаимно на выполнение намеченного строительства. Каждый колхозник — свой месячный доход, единоличник, равняйся на колхозника» (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 182, л. 58).

Как и ранее, на руководителей учреждений, предприятий, приисков, хошунных управлений, госхозов, колхозов возлагалась персональная ответственность за своевременную реализацию займа и сдачу денег в Тувинбанк. Срок погашения займа по коллективной подписке устанавливался в 10 месяцев — с 1 октября 1933 г. по 15 июля 1934 г. (там же).

В результате активной кампании установленная Советом министров ТНР сумма в 300 000 руб. была выполнена к 23 января 1934 г. (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 182, л. 126). Это было последнее массовое мероприятие по распространению советских займов на территории ТНР.

Финансовые результаты от размещения госзаймов СССР в ТНР

Большая часть тиражей государственных займов СССР была распространена добровольно-принудительными методами по подписке среди населения. Так, облигации «Пятилетка в четыре года» планировалось распространить на сумму 125 000 руб., а реализовали на 187 000 руб. (на 140 000 руб. по подписке). «Третий решающий год пятилетки» по плану составлял 300 000 руб., а был распространен на 330 000 руб. (210 000 руб. по подписке). По итогам реализации «Четвертого завершающего года

¹ Комитеты советских граждан — органы самоуправления постоянно проживавших в Туве советских граждан, созданные 24 мая 1932 г. по Соглашению между ТНР и СССР. В феврале 1942 г. КСГ преобразованы в хуралы трудящихся (*История Тувы, 2007*: 215, 227).

² Данные для таблицы взяты из публикации: Контрольные цифры по реализации займа «Второй пятилетки» (первого выпуска) // Вперед. 1933. № 70 от 15 сентября. С. 3.

пятилетки» общая сумма распространения займа превысила плановую и составила 310 670 руб. (234 640 руб. по подписке) (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 144, л. 92). Займ «Вторая пятилетка выпуск первого года» принес еще 300 000 руб. В сумме 1 127 670 руб. поступило в бюджет республики в качестве ссуд от размещения государственных внутренних займов СССР среди населения ТНР. Чтобы понять относительную величину этой суммы, достаточно привести цифру бюджета республики за 1935 г. — 2 818 700 руб. (Тульчинский, 1961: 272).

Необходимо отметить, что советское правительство также предоставляло республике кредиты на льготных условиях, неоднократно списывая задолженность. В 1938 г. было списано 3050,4 тыс. руб., что составляло 45,8% расходов бюджета ТНР (Экономика Тувинской АССР, 1973: 78).

На что же расходовались поступившие средства? В передовице газеты «Вперед» № 69 от 11 сентября 1933 г., посвященной распространению займа «Вторая пятилетка выпуск первого года», подведены итоги за три предыдущие кампании. «За последние три года Правительство ТНР в народное хозяйство вложило займовых средств 820 000 рублей. ... Причем, дорожное строительство, это не только тракт граница — Кызыл, это только часть одной большой задачи, поставленной Правительством ТНР. Дорожное строительство это и тракт Шагонар — Чадан, и тракт Чадан — Кызыл-Мажалык. Это только в направлении западной части республики. Хорошая дорога, проезжая для автотранспорта во все концы республики — такова основная задача в области дорожного строительства. Куплены 24 автомашины, постройка гаражей, госхозы, промышленное строительство, рост школ, больниц и т. д.»¹.

В архивных фондах сохранился ряд обязательств Правительства ТНР по погашению средств, поступивших от ссуды за счет реализации советских облигаций. Например, сроки погашения ссуды за облигации «Пятилетка в четыре года» 1930 г. приведены в таблице 3.

Таблица 3. Сроки погашения ссуды за облигации «Пятилетка в четыре года» 1930 г.

Table 3. Maturity dates for the “Five-year plan in four years” bonds, 1930.

№	Дата	Сумма
1	01.12.1936	24 415 руб.
2	01.12.1937	24 415 руб.
3	01.12.1938	41 317 руб.
4	01.12.1939	48 830 руб.
5	01.12.1940	48 829 руб. 38 коп.
Итого		187 806 руб. 38 коп.

(НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 178, л. 2).

1 октября 1932 г. Правительство обязывалось погасить ссуду от государственного займа СССР «Пятилетка в четыре года» выпуска 3-го решающего года 150 000 рублей в течение 9 лет и направить полученные средства на развитие народно-хозяйственного строительства (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 178, л. 4).

По обязательству от 18 июля 1933 г. Министерство финансов в лице министра М. М. Самбу, из средств реализованного на территории ТНР займа «Четвертого завершающего года пятилетки», получило ссуду в сумме 100 000 руб. на нужды народного хозяйства ТНР, в частности на дорожное строительство и развитие животноводства (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 178, л. 6).

Конверсия (обмен) госзаймов СССР в 1936–1939 годах

В 1936 г. Правительство СССР провело конверсию (обмен) всех предыдущих действующих займов на один — «Государственный внутренний займ второй пятилетки (выпуск четвертого года)», который фактически ухудшил положение займодержателей, снизив ежегодный процент с 8 до 4 и увеличив срок погашения облигаций с десяти до двадцати лет.

В газете «Вперед» (печатном органе Комитетов советских граждан) № 79 от 18 ноября 1936 г. в статье «О порядке конверсии (обмена) займов среди советских граждан, проживающих в ТАР» дано разъяснение Консульского отдела полпредства СССР в ТАР о «Постановлении Советского правительства от 1 июля 1936 г. о выпуске нового внутреннего займа и конверсии ранее выпущенных займов»².

¹ Полностью распространим контрольную цифру // Вперед. 1933. № 69 от 11 сентября. С. 1.

² О порядке конверсии (обмена) займов среди советских граждан, проживающих в ТАР // Вперед. 1936. № 79 от 18 ноября. С. 4.

В соответствии с этим решением Тувинбанк и его отделения приступили с 25 сентября 1936 г. к подготовительной работе по проведению конверсии (обмена) займов среди советских граждан, проживавших в ТАР. При этом граждане, не сдавшие Тувинбанку свои облигации для обмена, были лишены этой возможности, т. к. все облигации прежних займов с 1 сентября 1937 г. аннулировались и к обмену не принимались (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 305, л. 23 об.).

В связи с проведением конверсии займов решением Тувинбанка и управления связи для составления списков по обмену облигаций был произведен объезд всех поселков Тоджинского хошуна, прииска Харал и поселков Каа-Хемского хошуна, произведена массовая проверка выигрышей по всем выпускам госзаймов. В результате проверок было оплачено выигрышей по облигациям и срочным купонам: на Тодже — 2 534 акша, в том числе свыше 500 акша тувинским гражданам; на Харале — 1 187 акша; в Знаменке — 1 993 акша; в Медведевке — 573 акша¹.

В 1938–1939 гг. была проведена конверсия предыдущих займов на выпуск «Государственный внутренний займ второй пятилетки (выпуск четвертого года)» и среди тувинского населения. В итоге на руках у жителей Тувы остались только облигации данного займа (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 418, л. 1).

Добровольная сдача облигации госзаймов СССР в фонд обороны в 1941–1944 годах

Судьба большей части тиража «Государственного внутреннего займа второй пятилетки (выпуск четвертого года)» со штампом «Тувинбанка» определилась уже во время Великой Отечественной войны. Первые восемь облигаций (на сумму 1090 руб.) в качестве добровольных пожертвований для укрепления обороны СССР в связи с нападением на него фашистской Германии принес товаровед Тувинценоккопа Юневич. 3 июля 1941 г. данные облигации были направлены в Банк Внешней торговли СССР (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 585, л. 1).

Это мероприятие сразу же приобрело массовый характер и на протяжении 1941–1944 гг. Тувинбанк еще девять раз направлял облигации, собранные «в основном гражданами ТНР и СССР и лишь в незначительной части различными учреждениями и организациями» для зачисления в Фонд обороны СССР (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 585, л. 16).

Итоговая сумма оказалась значительной — 286 365 руб. (таблица 4). Население Тувы и посредством личных сбережений внесло свой вклад в победу.

Таблица 4. Сумма облигаций «Государственного внутреннего займа второй пятилетки (выпуск четвертого года)», внесенных в фонд обороны.

Table 4. Total value of the “State internal loan of the 2nd five-year plan” bonds (issued in the 4th year).

№	Дата отправки	Сумма (руб.)
1	03.07.1941	1 090
2	06.10.1941	53 665
3	15.12.1941	74 835
4	31.12.1941	47 040
5	31.03.1942	54 205
6	30.06.1942	26 190
7	30.12.1942	12 630
8	31.03.1943	11 500
9	31.12.1943	4 455
10	30.12.1944	775
	Итого	286 385

(НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 585, л. 43).

Почему же Правительство ТНР использовало государственные ценные бумаги СССР в 1920–1930 гг., а не выпустило собственные внутренние займы? Причин было много. Мы рассмотрим две из них.

Во-первых, это было сложно технически. В Туве не было опыта выпуска и размещения государственных внутренних займов и не было технических возможностей издания защищенных финансовых продуктов. Новые экономические реалии с трудом находили воплощение в народном хозяйстве республики, выбравшей некапиталистический путь развития.

¹ Яшин. О проведении конверсии займов // Вперед. 1936. № 79 от 18 ноября. С. 4.

Во-вторых, государственные обязательства СССР пользовались доверием населения, обладали доходностью и высоким уровнем ликвидности, чего нельзя было гарантировать в случае выпуска внутреннего займа ТНР.

С 1934 г. Правительство ТНР отказалось от практики массового распространения государственных внутренних займов СССР среди населения республики. Это было связано с тем, что рос внутренний государственный долг по четырем предыдущим ссудам с повышением объемов средств на его обслуживание. К тому же в Туве в 1935 г. была проведена денежная реформа и введена национальная валюта — *акша*. Формирование собственной денежной системы в целом укрепило финансово-экономические институты, такие как налоговая, кредитная политика и государственный бюджет, а также основные отрасли экономики республики (Харунова, Харунов, 2019: 219). Хотя не все было гладко. Так в 1939 г. был финансовый кризис, когда даже армия республики была под угрозой сокращения, срочно понадобилась советская помощь.

Выпуски 1942 и 1943 годов государственных внутренних займов ТНР

Первые попытки выпустить государственный внутренний заем ТНР были предприняты в 1941 г. Об этом свидетельствует деловая переписка Полномочного представителя ТНР в СССР Сата Намчака с управляющим производством государственных знаков НКФ СССР в августе 1941 г. о принятии заказа на изготовление первых тувинских облигаций (НА РТ, ф. 100, оп. 1, д. 250, л. 87–88). От имени правительства ТНР Сат Намчак попросил как можно быстрее выполнить заказ, чтобы можно было начать реализацию займа в этом же году. Несмотря на эти планы, первый выпуск облигаций ТНР состоялся только в следующем году. В июне 1942 г. вышло Постановление Совета министров ТНР и Центрального комитета ТНРП о выпуске первого государственного внутреннего выигрышного займа. В постановлении говорилось, что:

«...в целях развития и подъема материального и культурного уровня аратских масс, усиления государственных резервов и дальнейшего укрепления оборонной мощи ТНР, необходимо:

1. Выпустить первый Государственный внутренний выигрышный заем в сумме 1.000.000 акша.
2. Заем запустить сроком на 10 лет — с 1 декабря 1942 г. до 1 декабря 1952 г., из 4 % годовых.
3. Облигации займа и доходы от них освободить от обложения государственными налогами и сборами.
4. Утвердить представленные министерством финансов условия выпуска Первого государственного внутреннего выигрышного займа.
5. Для размещения займа и руководства работой по займу образовать Центральную комиссию по Госзайму в составе:

Председатель комиссии — заместитель Председателя Президиума Малого Хурала ТНР тов. Базыр-Сат.

Члены комиссии — Председатель ЦК Профсоюза — Лопсан-Самбу, Министр финансов — Самбу.

6. Предоставить право Центральной комиссии по Госзайму образовывать комиссии по Госзайму при хошунных хуралах трудящихся и отдельных предприятиях и учреждениях.

7. Реализация займа среди сельского населения производится за наличный расчет по временным квитанциям, подлежащим обмену на облигации займа» (НА РТ, ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 57).

Далее последовало Постановление Совета министров ТНР о ходе размещения Первого государственного внутреннего выигрышного займа ТНР, в котором отмечалось, что заем, выпущенный на сумму 1 000 000 акша, успешно реализован на основе активного участия сельского населения, рабочих и служащих республики. На 1 сентября 1942 г. Государственный заем был реализован среди сельского населения за наличный расчет на сумму 403 169 акша, среди рабочих и служащих на сумму 597 712 акша, что в общей сумме составило 1 000 881 акша.

Хошунным комиссиям по размещению займа и хуралам трудящихся хошунов было поручено к 30 сентября 1942 г. полностью погасить задолженность по временным квитанциям. А с 5 октября 1942 г. Центральная комиссия по размещению займа начинала обмен проданных временных квитанций на облигации займа (НА РТ, ф. 113, оп. 1, д. 122, л. 47).

По инструкции об оплате выигрышей и стоимости выигравших облигаций «Первого государственного внутреннего выигрышного займа ТНР» общая сумма выигрышей, подлежавших выплате в течение 10 лет определялась в 338 500 акша. Должно было пройти 20 тиражей (по два в год). Первый тираж, согласно объявлениям Минфина ТНР в газетах «Шын» и «Тувинская правда», состоялся 20 июня 1943 г.

Выигрыши от 25 до 250 акша выплачивались немедленно по предъявлении облигаций вместе со стоимостью самих выигравших облигаций. Выигрыши в 500 и 1000 акша считались крупными и вы-

плачивались только после предварительной проверки Минфина ТНР. В постановлении упоминаются облигации достоинством в 10, 25 и 50 акша (НА РТ, ф. 165, оп. 1, д. 22, л. 31). В газете «Шын» была опубликована таблица выигрышей первого тиража внутреннего выигрышного займа ТНР¹.

В июле 1943 г. было принято решение о выпуске Государственного внутреннего беспроигрышного займа ТНР 1943 г. в помощь фронту. Займ выпускался в облигациях достоинством 100, 50, 25 и 10 акша сроком на десять лет с 1 ноября 1943 г. по 1 ноября 1953 г.²

В условиях высокого подъема патриотизма в Великой Отечественной войне выигрышные займы ТНР были размещены с большим успехом. Каждый понимал, что «... народные сбережения, отданные займы государству, будут дополнительным ударом по врагу»³.

Фото 1. Облигация на 25 акша 1941 г., проект.

НМ РТ, ф.10, ДПИ, шкаф №15, полка №13, коробка 1.

Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 1. A 25 aksha bond, 1941, obverse, draft version, NM RT, f. 10, DPI, Cab. 15, Shelf 13, Box 1.

Photo by A. D. Kuular, 2018.

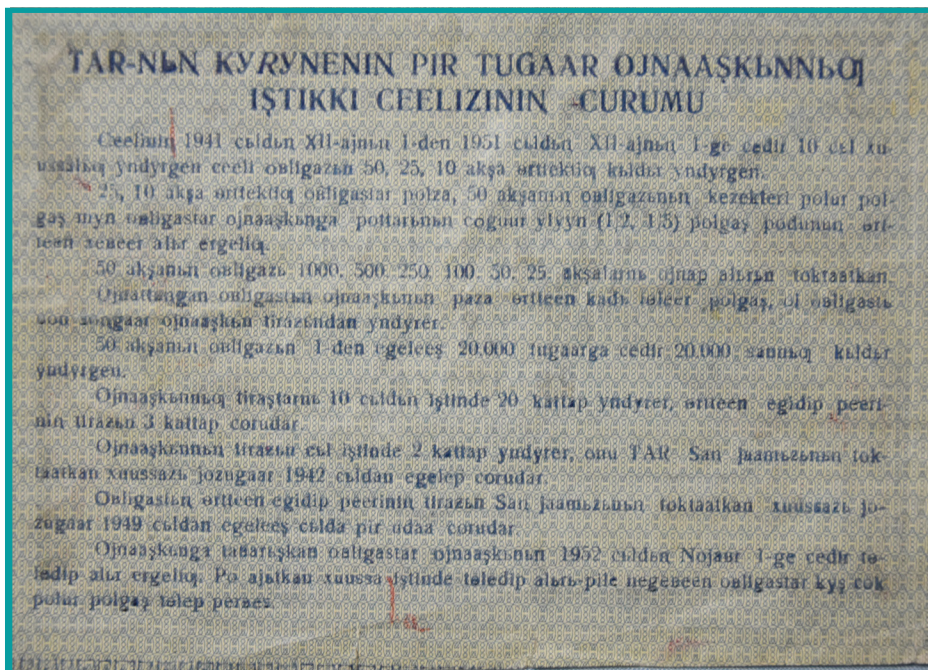
Фото 2. Облигация на 25 акша 1941 г., оборотная сторона.

НМ РТ, ф. 10, ДПИ, шкаф № 15, полка № 13, коробка 1.

Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 2. A 25 aksha bond, 1941, reverse, draft version, NM RT, f. 10, DPI, Cab. 15, Shelf 13, Box 1.

Photo by A. D. Kuular, 2018.

Население Тувы с большим энтузиазмом участвовало в приобретении облигаций и уже 26 августа 1943 г. Совет министров ТНР в своем постановлении подвел итоги реализации второго займа в сумме 1 156 430 акша⁴. Благодаря подписке на государственный внутренний займ и сбору наличных денег в фонд обороны СССР было собрано более 2 млн акша (Копеев, 1981: 88). В 1943 г. на средства, собранные с населения и выделенные из государственного бюджета Республики, была куплена и передана Красной Армии авиаэскадрилья «Тувинский народ — фронту» в составе десяти боевых самолетов (Иезуитов, 1956: 124).

¹ TAR-ның Курүненің Пір Тугаар Ојнаашкынын Ој Иштикки Сееşкини [Таблица выигрышей первого тиража внутреннего выигрышного займа ТНР] // Шын. 1943. № 53 от 22 июня. С. 6. (На тув. яз.).

² Чымба С. Т. О выпуске Государственного внутреннего беспроигрышного займа ТНР 1943 г. в помощь фронту // Тувинская правда. 1943. № 72 от 8 июля. С. 1.

³ Самбуу М. М., Ларионов К. Значение государственных займов в период Великой отечественной войны // Тувинская правда. 1943. № 65 от 19 июня. С. 5.

⁴ Самбуу М. М. Итоги реализации госзайма ТНР 1943 года в помощь фронту // Тувинская правда. 1943. № 92 от 27 августа. С. 2.

Фото 3–8:

3. Облигация на 10 акша 1943 г., проект; 4. Облигация на 25 акша 1943 г., проект;
 5. Облигация на 50 акша 1943 г., светло-коричневая, проект;
 6. Облигация на 50 акша 1943 г., сине-зеленая, проект;
 7. Облигация на 100 акша 1943 г., синяя, проект; 8. Облигация на 100 акша 1943 г., коричневая, проект.
 НМ РТ, ф. 10, ДПИ, шкаф № 15, полка № 13, коробка 1. Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photos 3–8:

3. A 10 aksha bond, 1943, obverse, draft version,
 4. A 25 aksha bond, 1943, obverse, draft version,
 5. A 50 aksha bond, 1943, obverse, light brown, draft version,
 6. A 50 aksha bond, 1943, obverse, sea-green, draft version,
 7. A 100 aksha bond, 1943, obverse, blue, draft version,
 8. A 100 aksha bond, 1943, obverse, brown, draft version.
 NM RT, f. 10, DPI, Cab. 15, Shelf 13, Box 1. Photos by A. D. Kuular, 2018.

ТЫВА АРАТ РЕСПУБЛИКАНЫҢ 1943 ЧЫЛДА ФРОНТУГА ДУЗАЛАМЧЫ КЫЛДЫР ҮНДҮРЕР КҮРҮНЕНИҢ ОЙНААШКЫННЫГ ИШТИККИ ЧЭЭШКИНИНИҢ ЧУРУМУ.

Чээшкинни 1943 чылдың ноябрьның 1-ден эгелээш, 1953 чылдың ноябрьның 1-ге чедир—10 чыл хууссаалыг 100, 50, 25, 10 акша, үнелиг облигациялар биле үндүрер. 100 акшаның облигациязы болза, ийи аңгы дугаарлыг ийи 50 акшаның облигацияларындан тургустунган.

25, 10 акша үнелиг облигациялар болза, 50 акша үнелиг облигацияның кезектери болур, ынчангаш ол чээрби беш акшаның ийи облигациязы, азы он акшаның беш облигациязы чаңгыс аай дугаарларлыг чоруур болза-даа, ол кезектер бүрүзү тускай эргилер болгаш 50 акшаның бүдүн облигациязының ойнаашкынының чогуур үлүүн (1:2, 1:5) ойнап алырының эргезин бээр.

50 акшаның облигациязынга ук облигацияның бодунда чарлаан өртөөн кириштирби-шаан, 1000, 500, 250, 150, 100, 55 акша хемчээлдиг ойнаашкыннар таваржырын доктаадыр.

Бүгү чээшкинниң иштинде № 000.01-ден эгелээш, № 22.000 чедир дугаарларлыг бежен акша үнелиг 22.000 кезек облигациялар болгаш 22.000 ойнаашкыннар бар.

Ойнаашкынга таварышкан облигацияларның ойнап алган түңү биле кады ук облигацияның бодунда чарлаан өртөөн бир угда төлөп бээр.

Чээшкинниң он чыл хууссаазының иштинде 1944 чылдан эгелээш, чыл бүрүдө ийи тиражтыг кылдыр ойнаашкынның 20 тиражын чорудар. Тираж бүрүзүңгө 1.100 кезек облигациялар ойнаашкынга таваржыр.

Ойнаашкынның болгаш облигацияларның түңнерин төлөп бээриниң сөөлгү хууссаазын 1954 чылдың ноябрьның 1-ге доктаадыр. Бо хууссаа эрткен соонда төледип албаан облигациялар күш чок болур, ынчангаш ону төлөп бербес.

Фото 9. Обратная сторона облигаций 1943 г. НМ РТ, ф.10, ДПИ, шкаф № 15, полка № 13, коробка 1. Фото А. Д. Куулар, 2018 г.

Photo 9. 1943 bonds, reverse. NM RT, f. 10, DPI, Cab. 15, Shelf 13, Box 1. Photos by A. D. Kuular, 2018.

В коллекциях Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва сохранились проекты облигаций внутреннего выигрышного займа ТНР, датированные 1941 г. и 1943 г. на 10, 25, 50 и 100 акша (фото 1–8). Некоторые из них выполнены в различных цветах. К сожалению, оригиналов облигаций ТНР первого и второго займов 1942 г. и 1943 г. в коллекциях музея и фондах архива не имеется.

На оборотной стороне облигаций 1943 г. был напечатан одинаковый текст на тувинском языке с разъяснениями по порядку розыгрыша облигаций данного выпуска (фото 9).

Обмен облигаций после вхождения ТНР в состав СССР в 1944 г.

После вхождения ТНР в состав СССР ситуация с облигациями кардинально поменялась. В апреле 1945 г. в «Тувинской правде» было опубликовано извещение исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся Тувинской автономной области и Тувинского областного финансового отдела, в котором говорилось, что производится обмен облигаций Тувинских Государственных займов выпусков 1942 и 1943 гг. на облигации Третьего Государственного военного займа СССР по установленному обменному курсу валют — 1 акша = 3 рубля 50 копеек.

Населению рекомендовалось перед тем, как обменять облигации Тувинских займов, обязательно проверить их по таблицам тиражей выигрышей, так как выигравшие облигации обмену не под-

лежали и предъявлялись в сберкассе или Госбанк для оплаты выигрышей не позднее 31 декабря 1945 г. Держатели облигаций обмениваемых займов могли по своему желанию при обмене получить облигации Третьего Государственного военного займа СССР любого достоинства (100, 50 и 25 рублей).

Все облигации Тувинских Государственных займов, не предъявленные для обмена до 31 декабря 1945 г., считались утратившими силу и после обозначенного срока обмена или оплате не подлежали¹.

Заключение

Благодаря объемным фондам Национального Архива Республики Тыва удалось восстановить забытую страницу социально-экономического развития в истории Тывы — о реализации государственных внутренних займов СССР и ТНР. При поддержке СССР в ТНР в 1930-е годы по соглашениям были размещены советские облигации госзаймов: «Пятилетка в четыре года» 1930 г., «Третьего решающего года пятилетки» 1931 г., «Четвертого завершающего года пятилетки» 1932 г., «Вторая пятилетка выпуск первого года» 1933 г.

Мобилизация финансовых ресурсов республики потребовала применения добровольных и принудительно подписных методов по реализации облигаций в Тыве. Тем не менее, государственные займы пользовались успехом у населения, потому что сочетали в себе общегосударственные интересы и непосредственную выгоду займодержателей.

Вырученные средства от займов были получены Правительством ТНР в виде ссуды и потрачены на основные направления народного хозяйства — животноводство и дорожно-транспортную инфраструктуру.

Во второй половине 1930-х годов Правительство ТНР отказалось от практики массового распространения государственных внутренних займов СССР среди населения республики. Формирование собственной денежной системы укрепило финансово-экономические институты, такие как налоговая, кредитная политика и государственный бюджет. Не обошлось и без трудностей. В 1939 г. республика пережила финансовый кризис, выйти из которого смогла при помощи СССР. Впоследствии, оставшийся на руках у жителей республики тираж советского госзайма «Вторая пятилетка выпуск четвертого года 1936 г. (со штампом Тувинбанка)» на сумму 286 385 рублей, был добровольно и патриотично сдан в фонд обороны СССР в 1941–1944 гг.

Опыт по размещению облигаций госзаймов СССР помог мобилизовать сбережения населения и средств предприятий в суровые годы Великой Отечественной войны на пользу республике. Выпуски государственных внутренних выигрышных займов ТНР 1942 и 1943 гг. пошли на укрепление оборонной мощи и отраслей народного хозяйства.

В связи с вхождением ТНР в состав СССР в октябре 1944 г., тиражи облигаций государственных внутренних выигрышных займов ТНР в 1945 г. были обменены на облигации Третьего Государственного военного займа СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ананьин, А. Я., Рогов, Г. И. (2014) Денежные знаки Тывы // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. № 9 (119). С. 134–143.

Аранчин, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 337 с.

Бичелдей, К. А. (2009) Денежная реформа ТНР 1925–1940 гг. — банкноты и монеты Тывы как предмет нумизматики (по фондовым материалам Национального музея Республики Тыва) // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование. Материалы научно-практической конференции, г. Кызыл, 9–10 сентября 2009 г.: в 2-х ч. / сост. У. Б. Нурзат. Кызыл : КЦО «Аныяк». Ч. 1. 199 с. С. 18–26.

Иезуитов, В. М. (1956) От Тывы феодальной к Тыве социалистической. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 208 с.

История Тывы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Конституции Тывы (1999) : сборник к 55-летию принятия Тывы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 216 с.

¹ Извещение исполнительного комитета областного Совета депутатов трудящихся Тувинской автономной области и Тувинского областного финансового отдела // Тувинская правда. 1945. № 41 от 7 апреля. С. 3.

Копеев, В. А. (1981) Деньги и денежное обращение в период ТНР // По пути Великого Октября. К 60-летию Народной революции в Туве / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 156 с. С. 81–89.

Моллеров, Н. М. (1989) Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 144 с.

Тулчинский, Л. И. (1961) К вопросу о зарождении и развитии финансово-кредитной системы в Туве (1921–1944 гг.) // Ученые записки. Вып. IX. Кызыл : Типография управления культуры. С. 269–274.

Тулчинский, Л. И., Каплунов, А. И. (1972) Очерки бюджета Тувы / отв. ред. В. П. Солдатов. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 136 с.

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш. (2019) Создание национальной денежной системы Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 208–221. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.17>

Харунова, М. М.-Б., Харунов, Р. Ш., Санчай, Ч. О. (2019) Деньги Тувинской Народной Республики в коллекциях Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.9>

Экономика Тувинской АССР (1973) / отв. ред. С. В. Клопов. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 380 с.

Дата поступления: 02.06.2020 г.

REFERENCES

Anan'in, A. Ia. and Rogov, G. I. (2014) Denezhnye znaki Tuvy [Banknotes of Tuva]. *Antikvariat, predmety iskusstva i kolleksionirovaniia*, no. 9 (119), pp. 134–143. (In Russ.).

Aranchnyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).

Bicheldei, K. A. (2009) Denezhnaia reforma TNR 1925–1940 gg. — banknoty i monety Tuvy kak predmet numizmatiki (po fondovym materialam Natsional'nogo muzeia Respubliki Tyva). [The Money reform of the Tuvan People's Republic 1925–1944 — banknotes and coins of Tuva as a subject of numismatics (in the collections of The National Museum of the Republic of Tuva)]. In: *Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie [A heritage of the people of Central Asia and adjacent territories: research, preservation and use]* : Proceedings of the scientific and practical conference, Kyzyl, September 9–10, 2009: in 2 vol. / ed. by U. B. Nurzat. Kyzyl, KTSO «Anyiak». Vol 1. 199 p. P. 18–26. (In Russ.).

Iezuitov, V. M. (1956) *Ot Tuvy feodal'noi k Tuve sotsialisticheskoi [From feudal Tuva to socialist Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 208 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Konstitutsii Tuvy [Constitutions of Tuva] (1999): a collection for the 55th anniversary of Tuva's accession to the USSR and RSFSR. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 216 p. (In Russ.).

Kopeel, V. A. (1981) Den'gi i denezhnoe obrashchenie v period TNR [Money and monetary circulation during the TNR period]. In: *Po puti Velikogo Oktabria. K 60-letiiu Narodnoi revoliutsii v Tuve [On the way of the Great October. To the 60th anniversary of the people's revolution in Tuva]* / ed. by Yu. L. Aranchnyn. Kyzyl, Tuvan book publisher. 156 p. Pp. 81–89. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (1989) *Istoki bratstva. Russkaia samoupravliaiushchiasia trudovaia koloniia v Tuvinskoj Narodnoj Respublike [The origins of the brotherhood. Russian self-governing labor colony in the Tuvan People's Republic]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 144 p. (In Russ.).

Tul'chinskii, L. I. (1961) K voprosu o zarozhdenii i razvitii finansovo-kreditnoi sistemy v Tuve (1921–1944 gg.) [On the origin and development of the financial and credit system in Tuva (1921–1944)]. *Uchenye zapiski*, Vol. IX. Kyzyl, Tipografiia upravleniia kul'tury. Pp. 269–274. (In Russ.).

Tul'chinskii, L. I. and Kaplunov, A. I. (1972) *Ocherki biudzheta Tuvy [Essays on Tuva's budget]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 136 p. (In Russ.).

Kharunova, M. M.-B. and Kharunov, R. Sh. (2019) Sozdanie natsional'noi denezhnoi sistemy Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1921–1944 gg.) The rise of the national monetary system of the People's Republic of Tuva (1921–1944). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 208–221. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.17>

Kharunova, M. M.-B., Kharunov, R. Sh. and Sanchai, Ch. O. (2019) Den'gi Tuvinskoi Narodnoi Respubliki v kollektssiakh Natsional'nogo muzeia Tuvy Money of the People's Republic of Tuva in the collections of the Aldan-Maadyr National Museum of Tuva. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 105–114. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.9>

Ekonomika Tuvinskoi ASSR [The economy of Tuvan ASSR] (1973). Ed. by S. V. Klopov. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 378 p. (In Russ.).

Submission date: 02.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.3

«Монголофильство» политической элиты Тувинской Народной Республики

Иванна В. Отрощенко

*Институт востоковедения им. А. Е. Крымского
Национальной академии наук Украины, Украина*

В статье исследуется один из аспектов политической истории Тувинской Народной Республики, который пока не получил освещения со стороны исследователей. В советском политическом дискурсе тувинских политиков того времени часто называли монголофилами, подразумевая под этим их симпатии к Монгольской Народной Республике, либо стремление присоединить Туву к Монголии. Сам термин использовался советской стороной только для характеристики настроений тувинской политической элиты (например, для описания настроений и деятельности политической элиты и интеллигенции в Бурят-Монголии активно использовался более известный термин «панмонголизм»).

Цель исследования — показать, что именно советские функционеры вкладывали в это понятие, кого и по каким критериям причисляли к монголофилам, соответствовала ли такая характеристика действительности. Исследование опирается на документы (доклады, донесения, характеристики, переписка и т. д.), в том числе неопубликованные, которые хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории, в фонде 495 «Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ)».

Анализ документов показывает, что в советском политическом дискурсе и дискурсе Коминтерна, касающемся Тувы, термины «монголофильство», «монголофилы», «монголофильские настроения» часто фигурировали в 1920-е гг., изредка встречаясь в первой половине 1930-х гг. Из исторических событий того времени, темой, при освещении которой наиболее часто задействовался термин «монголофильство», стало Хемчикское восстание 1924 г. После его завершения одним из критериев монголофильства в глазах советской стороны стали контакты тувинских политиков с монгольскими инструкторами или с монгольским консульством в Туве. Одной из главных аксиом было утверждение, что монголофильские настроения тувинских политиков основывались на желании объединиться со знатью, ламством, феодалами и всеми имущими слоями МНР для уменьшения размаха революции Тувы, а идеологи монголофильства состояли исключительно из состоятельной тувинской знати.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; история Тувы; СССР; Монголия; Монгольская Народная Республика; Коминтерн; монголофильство; монголофил; политическая элита; Монгуш Буян-Бадьргы; С. Оруйгу; М. Нимажап; тувинцы; монголы; Хемчикское восстание

Для цитирования:

Отрощенко И. В. «Монголофильство» политической элиты Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 35–48. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3

Отрощенко Иванна Витальевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела современного Востока Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины, главный редактор журнала «Східний світ» («Мир Востока»). Адрес: 01001, Украина, г. Киев, ул. Грушевского, д. 4, к. 226. Эл. адрес: shidnyj.svit@gmail.com

OTROSHCHENKO, Ivanna Vitalievna, Doctor of History, Leading Research Fellow, Department of the Modern East, A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, NAS of Ukraine; Editor-in-Chief, Shidnyj svit (Mir Vostoka). Postal address: Apt. 226, 4 Hrushevskiy St., 01001 Kyiv, Ukraine. Email: shidnyj.svit@gmail.com

[ORCID ID: 0000-0003-3508-7954](https://orcid.org/0000-0003-3508-7954)

“Mongolophilia” of the political elite in the Tuvan People’s Republic

Ivanna V. Otroshchenko

A. Yu. Krymskyi Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences, Ukraine

The article explores one aspect of the political history of Tuvan People’s Republic, which has not been covered by the researchers yet. The Soviet political discourse often referred to Tuvan politicians as ‘Mongolophilic’, meaning that they were sympathetic to the Mongolian People’s Republic or their commitment to align Tuva and Mongolia. The term was applied by the Soviets only to describe the political sentiments of the Tuvan elites (for instance, referring to the similar moods and orientation of the Buryat-Mongolian political elite and intelligentsia, they used a better-known term ‘pan-Mongolism’).

The aim of this article is to demonstrate what exactly the Soviet officials mean by ‘Mongolophilia’; who could be classified as a Mongolophile; what criteria were used for that and if these characteristics were true. The research is based on documents (reports, dispatches, characteristics, correspondence etc.), including those not published and stored in the Russian State Archive of Socio-Political History, f. 495 ‘Executive Committee of the Comintern’ (ECC).

Our analysis has shown that the terms ‘Mongolophilia’, ‘Mongolophiles’ and ‘Mongolophilic sentiment’ were used frequently in the Soviet and Comintern discourse of Tuva during the 1920s and the early 1930s. The terms were used most frequently to describe the Khemchik rebellion of 1924. Subsequently, the contacts between Tuvan politicians and Mongolian instructors or the Mongolian consulate in Tuva started to be seen by the Soviet officials as one of the criteria of ‘Mongolophilia’. A major presupposition was that ‘Mongolophilic’ sentiments of Tuvan politicians were based on the desire of allying with the nobility, lamas, feudal lords and all wealthy circles of MPR to contain the revolution in Tuva, and that ideologists of Tuvan “Mongolophilia” all came from among the wealthy Tuvan nobles.

Keywords: Tuvan People’s Republic; Tuvan history; USSR; Mongolia; Mongolian People’s Republic; Comintern; mongolophilia; mongolophil; political elite; Mongush Buian-Badyrgy; S. Oruigu; M. Nimazhap; Tuvans; Mongols; Khemchik rebellion

For citation:

Otroshchenko I. V. “Mongolofil’stvo” politicheskoi elity Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [“Mongolophilia” of the political elite in the Tuvan People’s Republic]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 35–48. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.3

Введение

В 1920-е гг. стремление к объединению с Монголией наблюдалось как среди представителей тувинской властной верхушки, так и среди населения разных хошунов Тувинской Народной Республики (ТНР). Об этом говорят петиции от хошунов Тувы того времени, выступления и предложения тувинских государственных деятелей, не говоря уже о лозунгах Хемчикского восстания 1924 г.¹ Сторонников объединения с МНР насчитывалось достаточно много, включая отдельных премьер-министров и министров ТНР, а также секретарей ТНРП² (Mänchen-Helfen, 1931: 169; Friters, 1937: 328; Tang, 1959: 399 и т. д.). Тувинских политиков, представителей старой аристократии, чиновничества и духовенства, настроенных на объединение или сотрудничество с Монголией, в советском политическом дискурсе и дискурсе Коминтерна называли монголофилами.

В науке, да и в обществе, термин «монголофильство» сегодня чаще употребляют, характеризуя точку зрения евразийцев о влиянии монгольских завоеваний на российскую государственность и России как наследнице Монгольской империи и Золотой Орды³ («безудержное монголофильство и монголофильская ревизия русской истории» (Хоружий, 2008: 189)). Однако, в то время, когда «группа русских

¹ Нужно отметить, что в то же время имели место и петиции за самостоятельность Тувы (см.: Российский государственный архив социально-политической истории — далее РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 94; Кайский, 2007: 563 и т. д.).

² ТНРП — Тувинская народно-революционная партия (1921–1944).

³ Как писал один из главных теоретиков евразийства П. Н. Савицкий: «Своею ролью наказания Божия татары очистили и освятили Русь, своим примером привили ей навык могущества, — в этом противоположении явлен двойственный лик России. Россия — наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиса и Тимура, объединительница Азии» («Степь и оседлость» (1922 г.)) (Савицкий, 2003: 691).

эмигрантов-интеллектуалов, обосновавшаяся в Праге, стала уделять монголам более пристальное внимание» (Схиммельпеннинк ван дер Ойе, 2002/2003: 26), этот же термин в более приземленной плоскости начал задействоваться в советской и коминтерновской документации, которая касалась Тувы. Интересно, что использовался он советской стороной преимущественно для характеристики¹ настроений тогдашней тувинской политической элиты, ориентированной на объединение с Монголией² (в то время как для описания настроений и деятельности политической элиты и интеллигенции в Бурят-Монголии активно использовался более известный термин «панмонголизм» (см., напр.: РГАСПИ, ф. 89, оп. 4, ед. хр. 162, л. 72)). И хотя советская дипломатия и номенклатура, по-видимому, просто позаимствовали оба термина из документального наследия Российской империи, в этой дифференциации наблюдается своя логика. Яркие представители бурятской интеллигенции, ставшие монгольскими политическими деятелями, такие как Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино, мечтали о консолидации, в той или иной степени, всей этнографической Монголии. Тогда как у многих представителей тувинской элиты 1910–1920-х гг. были менее амбициозные планы — вернуть прежний порядок вещей, добиться возвращения Тувы в состав Монголии.

Цель исследования — показать, что именно советские функционеры вкладывали в это понятие, кого и по каким критериям причисляли к монголофилам, соответствовала ли такая характеристика действительности. Этот аспект политической истории ТНР пока не получил освещения со стороны тувиноведов. Исследование опирается на документы (доклады, донесения, характеристики, переписка и т. д.), в том числе неопубликованные, которые хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории, в фонде 495 «Исполнительный комитет Коминтерна (ИККИ)».

Оппозиция «монголофилы — русофилы» в период протектората

В период протектората, когда российские управленцы стали внимательнее присматриваться к краю, который попал под их покровительство, эпитет монголофилов применялся в первую очередь к тем представителям тувинской знати, которых подозревали в контактах с властями Монголии. А их было немало.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию с правителем Оюннарского хошуна, амбын-нойоном Комбо-Доржу (Гомбодоржи), инициатором российского протектората над Урянхайским краем. Он в свое время рассчитывал с российской помощью восстановить свои права на Тоджинский, Салчакский, Хазутский хошуны и перейти постепенно к единому управлению краем. Не встретив поддержки в своем вопросе и чувствуя все большее давление и вмешательство, амбын-нойон теряет веру в Россию и постепенно начинает разделять взгляды своего сына, О. Соднам-Бальчыра, который тяготел к Монголии³ (Shurkhuu, 2014: 138). В конце концов, новый комиссар по делам Урянхайского края В. Ю. Григорьев решил сместить Комбо-Доржу за то, что тот резко изменил свое отношение к русским и не удержал подвластных территорий. Произошло это в августе 1915 г. Избранный населением 18-летний сын амбын-нойона Соднам-Бальчыр сначала отказался от выполнения возложенных на него обязанностей, ссылаясь на свою молодость и неопытность. Затем в сопровождении нескольких человек он уехал в Ургу, чтобы выяснить там вопросы управления хошунов и подданства тувинцев. В результате Комбо-Доржу и его сына обвинили в монголофильстве. На должность правителя Оюннарского хошуна был назначен лояльный России Агвандемчиг (Агван Шарып), что привело к резкому обострению обстановки в крае. В. Ю. Григорьев характеризовал Агвандемчига как «искреннего русофила, умного, просвещенного и влиятельного человека» (цит. по: История Тувы, 2007: 34).

Через 20 лет, рассказывая об Урянхае времен протектората, Р. Кабо, советский экономист и географ, преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока, в частности, иронически описывал ситуацию с нойоном Салчакского хошуна: «...предстояло покорить два восточных хошуна: Сажакский и Тожинский, нойоны которых до тех пор отказывались признать русскую власть. В первую очередь была проведена операция над салжакским нойоном по превращению его из “монголофила” в

¹ В таком же значении термин «монголофилы» используется и некоторыми современными российскими исследователями, специализирующимся на истории Тувы (см.: Моллеров, 2005, 2015; Хертек, 2016 и др.), и иногда встречается в тематических словарях (Словник ..., 2019: 38).

² 1911–1924 — Внешняя Монголия, с 1924 г. (до 1992 г.) — Монгольская Народная Республика (МНР).

³ При объявлении о принятии Урянхайского края под российское покровительство тувинцев обязали воздерживаться от самостоятельных контактов с Монголией и другими государствами (см.: Тувагийн туухэнд ..., 2014: 89).

«руссофила». Продержав его под арестом целый месяц, Григорьев добился своего, после чего нойон был отпущен домой с наказом, как ему следует себя впредь вести» (Кабо, 1934: 182).

Российские чиновники сокрушались о том, что, несмотря на все выгоды русского управления, тувинцы массово благодаря своей инертности, в вопросах политического подчинения слепо следуют за отдельными нойонами и чиновниками, «руководимыми в данном случае побуждениями личного честолюбия и материальными выгодами» (Сводка сведений ... , 1917: 57). Отмечалось, что эти руководители находили к тому же благодарную почву в недоверии к русским и опасении за участь своих земель, вызванных неосторожными действиями некоторых чинов. Иркутский генерал-губернатор Л. М. Князев полагал, что «для... окончательного закрепления нашего влияния потребуются в дальнейшем лишь воздействие на упорствующих в своем монголофильстве урянхайских чиновников, а также установление фактического контроля над путями сообщения в Монголию, дабы воспрепятствовать неразрешенным отлучкам туда урянхайских чиновников и нойонов, и пресечь появление в крае монгольских агитаторов» (там же: 57–58).

20 июня 1919 г., когда разгоралось первое Хемчикское восстание (История Тувы, 2007: 95–99), начальник Штаба Иркутского военного округа в своем рапорте писал: «Положение дел в Урянхае постоянно осложняется Монголо-Китайскими интригами. В настоящее время продолжается восстание на реке Кемчик и в районе границы с Монголией. Восстание само по себе незначительно, но все же требует принятия энергичных мер к подавлению. В дальнейшем вследствие постоянных интриг монголофилов-нойонов и пропаганды русских большевиков возможность восстаний ни в коем случае не может быть исключена» (Государственный архив Российской Федерации — далее ГА РФ, ф. р-200, оп. 1, д. 496, л. 9–9 об).

В монголофильстве также обвинялось и тувинское ламство. Подчиненность тувинского буддийского духовенства иерархам, стоящим во главе соседней державы и считающим Туву частью Монголии, тесные связи между двумя народами на почве общей религии, образования и медицины, в данном случае также связанных с буддийской монастырской культурой, становились политическим фактором. Так, комиссар В. Григорьев в своем письме иркутскому генерал-губернатору (26 ноября 1916 г.) указывал, что большинство тувинских лам обучалось в столице Монголии — Урге и получало там дальнейшее продвижение по церковной иерархии. И поэтому буддийское духовенство, имеющее на массы тувинцев огромное влияние, «является чрезвычайно деятельным и распыленным проводником монголофильства» (Собрание архивных ... , 2014: 241). В. Ю. Григорьев отмечал, что для наиболее успешного и прочного освоения Урянхия и прекращения постоянного и малополезного для «русского дела» в крае общения тувинских лам с Ургою, представляется необходимым создание в Урянхае автономного относительно Монголии духовенства — подобно тому, как это имеет место в Забайкалье или в калмыцкой степи. В этом (и не только) вопросе антагонистом автору видится фигура «руссофила почтенного Гебши Хамбо Гельн Ламы Чжамсо» (ГА РФ, ф. р-200, оп. 1, д. 494, л. 54 об). Настоятеля Верхне-Чаданского хурэ Лопсана Чамзы (Лубсана Чжамцо) комиссар Григорьев предлагал как человека искренне преданного российскому делу, человека выдающейся энергии, очень умного и достаточно авторитетного, чтобы надлежащим образом организовать под руководством российских властей дело управления буддийским духовенством Урянхия (Собрание архивных ... , 2014: 241–242). В то время как большинство тувинской элиты склонялось к присоединению к Монголии, Лопсан Чамзы на протяжении всех 1910-х гг. оставался убежденным сторонником сближения с Россией. Как видно, из довольно схожих характеристик Агван-Шырапа и Лопсана Чамзы, данных В. Григорьевым и приведенных выше, видим, что первым пунктом указывается преданность и симпатия к России претендентов. Это являлось, по-видимому, решающим фактором, определяющим выбор этих кандидатур.

Оппозиция «руссофилы — монголофилы» (где-то восходящая к концептуальной оппозиции «свой — чужой»), заложенная во времена протектората в политическом дискурсе Российской империи, в несколько измененном виде сохранилась и в раннем советском политическом дискурсе, касающемся политических событий в ТНР¹. Слово «руссофилы» звучало реже, хотя и встречалось (см.: РГАСПИ, ф. 495,

¹ Одним из примеров может служить характеристика нойона Тоджинского хошуна Тонмита (1922 г.) «Туммут к русскому населению особой симпатии не питает, но, считая русских сильным народом, интересуется ими и вообще событиями в России. Большой монголофил, часто совершает поездки в глубь Монголии на поклон святым и т. д. Весьма уважает, относится с большим пиететом к Джалхандзе-хутухте. Революционности в Туммуте мало; горячий сторонник монгольской ориентации» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, ед. хр. 16, л. 71).

оп. 153, ед. хр. 26, л. 5). Согласно веяниям времени, его заменили другие определения: например, «крепкий кадр сознательно, идейно ориентирующихся на СССР людей», левые и т. д. Добавилось и новое определение — «националист», чаще всего относящееся к тувинским правым и носившее на первых порах в глазах советской стороны положительный оттенок (по-видимому, потому, что «националисты» считались сторонниками существования независимой Тувы). Одним из определяющих факторов, позволяющих отнести тувинского политика в ту или иную группу, оставалась его лояльность — теперь уже к Советскому Союзу либо к Монголии.

Советский политический и Коминтерновский дискурсы о развитии монголофильства

Советские и Коминтерновские представители, работавшие или посещавшие Туву в 1920-е гг., фиксировали в своих отчетах тогдашние «монголофильские настроения» в тувинском обществе, сводя их, как правило, к проискам классовых врагов. Основные события, носившие монголофильскую окраску, приходились, по их мнению, на первую половину 1920-х гг. Речь шла о Хемчикском восстании и последовавших за ним петициях тувинских хошунов о присоединении к Монголии.

В. Мачавариани, представитель КИМа¹ на IV съезде тувинского ревсомола², отмечал, что с 1921 по 1924–1925 гг. в Туве господствовали «монголофильские настроения», определяя, в частности, и политику СССР. По его мнению, Хемчикское восстание 1924 г. было заключительным аккордом в борьбе монголофильских группировок за присоединение Тувы к Монголии: «После кемчугского восстания и нашей довольно значительной работы в Туве, монголофильские настроения пошли на убыль, а сейчас мы наблюдаем даже обратное явление» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 35, л. 1). В чем состояла «значительная работа», можно узнать из другого документа — справки «Тува», датированной 2 февраля 1929 г.³: «Наша реальная поддержка культурно-экономических начинаний Тувпра⁴, ликвидация монгольской агрессии и, наконец, быстрый рост экономического благосостояния Тувы за последние годы — все это парализовало деятельность монголофильских элементов страны и консолидировало силы ее около популярного и осознанного уже широкими массами лозунга независимости» (РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 41).

М. Сафьянов, который в первой половине 1920-х гг. работал в советском торгпредстве в Туве, со своей стороны, считал, что после 1925 г. (имеется в виду договор между Тувой и СССР⁵) «все монголофильские настроения испарились даже у тех, кто за несколько месяцев до этого подавал петиции о присоединении к Монголии» (Кайский⁶, 2007: 563).

Более пространно эта же позиция излагается представителем Коминтерна в Туве С. А. Нацовым (1926–1927). В 1921–1925 гг. «в Танну-Туве имели место так называемые “монголофильские настроения”»; тувинские феодалы, ламство и кулацкие слои аратского населения активно противодействовали политике партии на выделение Танну-Тувы в самостоятельное государство и стремились превратить ее в один из северных аймаков Монголии, всячески дискредитировать в глазах аратского населения идею национальной независимости (Нацов, 1930: 101–102). Некоторые из них, будучи в руководстве партии и правительства, умышленно доводили до абсурда налоговое обложение, ложащееся на бедняцко-средняцкие аратские хозяйства. Исходя из привычного нарратива классовой борьбы, С. Нацов рассказывал, как тувинские феодалы и чиновники стремились объединиться с феодально-теократическими кругами Монголии, чтобы общими силами затормозить победоносную аратскую революцию. Эти попытки «вылились в монголофильских петициях, посылаемых со всех мест феодально-чиновничьи элементами, сидевшими в аппаратах партийных организаций и местных самоуправлений» (там же: 102). Первенство авторства всех этих петиций принадлежало феодально-чиновничьи кругам Хемчика.

¹КИМ — Коммунистический интернационал молодежи.

²IV съезд ТРСМ открылся 24 декабря 1928 г.

³Авторство неизвестно (см.: РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 35–42).

⁴Тувпра — тувинское правительство.

⁵22 июля 1925 г., во время пребывания в Москве первой тувинской правительственной делегации, было заключено соглашение между СССР и Народной Республикой Танну-Тува. Оно оформило дружеские отношения между двумя странами; было решено обменяться официальными дипломатическими представительствами.

⁶Кайский — псевдоним М. Г. Сафьянова.

Когда стало очевидным, что аратские массы, вопреки грубейшим искривлениям линии партии (по налоговому и другим вопросам), не пошли за феодалами и чиновниками, стремящимися взорвать национально-революционную власть, те, которые до этого времени ратовали за упразднение правительства и присоединение к Монголии, несколько умолкли и стали менять тактику своих действий. «Некоторые из монголофильских элементов на словах согласились с фактом самостоятельного существования народно-революционного правительства и даже изъявили готовность работать в аппаратах центральных и местных органов власти» (там же: 103). Но сделали это с целью изнутри ослабить движение аратских масс, притупить революционный характер политики партии и правительства, исказить основную линию партии, рассчитанную на некапиталистическое развитие страны.

Как покажет дальнейшее изложение, «монголофильские настроения» в тувинском обществе не исчезли после завершения Хемчикского восстания и сопровождавшей его волны петиций о присоединении тех или иных тувинских хошунов к МНР. Последняя такая петиция (по крайней мере, известная автору) была в 1930-м г. (*Собрание архивных ...*, 2014: 319). Далее последовали целенаправленные переселения тувинцев на монгольскую территорию, которые продолжались десятки лет. По мнению автора, такое развитие событий, в частности, стало следствием осознания тувинцев, что петиции и обращения к властям о желательности объединения с монголами ни к чему не приведут. В начале 1930-х гг. в ТНР снова произошли антиправительственные выступления, где звучали и промонгольские лозунги, ликвидировать которые тувинской власти удалось только при прямом содействии СССР (больше см.: *Отроценко, 2012*).

Хемчикское восстание 1924 г. и его последствия

В исследуемых дискурсах темой, при освещении которой наиболее часто задействовался термин «монголофильство», стало Хемчикское восстание 1924 г., которое в советской документации иногда прямо называли «монголофильским восстанием»¹ (см.: РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 40). В одном из документов, датированных 1929 г., утверждалось, что революционные изменения в Туве встретили огромное сопротивление со стороны «феодалных, старо-чиновничьих, ламских и зажиточных кругов населения» (РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 39). В противовес лозунгу независимости страны эти элементы выбросили лозунг присоединения Тувы к Монголии, аргументируя его тем, что Монголия близка тувинцам по религии, быту, социальному устройству и что маленькому тувинскому народу не под силу содержать самостоятельный государственный аппарат и что «декларированный Совпра² отказ от Урянхая есть лишь замаскированный способ прибрать его снова к русским рукам. Эта монголофильская агитация феодалов, кулаков и лам нашла себе активную поддержку в кругах Монгольской Народной Партии» (МНП) и монгольского правительства, которые «открыто обвиняли нас в империализме и требовали ликвидации Тувинского правительства и присоединения Тувы к Монголии» (РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 39). Далее в документе пишется, что положение в Туве обострилось до того, что в 1924 г. «монголофильские элементы», использовав ошибки налоговой работы молодого тувинского правительства, его экономические затруднения, ошибки советской торговой работы и недостаточно выдержанные взаимоотношения исполкома РСТК с тувинским правительством, начали

¹ В «Истории Тувы» для описания этих событий употребляется термин «мятеж», само восстание характеризуется как «антигосударственное выступление на Хемчике» (*История Тувы, 2007*: 152). Российские исследователи среди причин восстания справедливо называют государственно-налоговую эксплуатацию, модернизацию традиционного тувинского общества, движение за объединение с Монголией (*Саая, Сат, 2006*: 149). По мнению некоторых западных исследователей, публично высказанное желание (без предварительного разрешения из Москвы) объединить всех монголов и связанные с ними народы в едином государстве вместе с социальным недовольством, кажется, стали главными причинами этого восстания (см.: *Bebler, 1987*: 33; *Mänchen-Helfen, 1931*: 169; *Friters, 1937*: 328; *Tang, 1959*: 416 и др.). В частности, О. Менхен-Хельфен писал: «Когда они поднимались в 1924 году в Хемчикском районе, они действовали не только ради спасения женских кос. Они снова прогоняли торговцев, на этот раз российских государственных торговцев. Они провозглашали присоединение к Монголии. Вероятно, они знали, что Монголия находилась под господством русских, однако не под таким непосредственным, отягчающим как Тува. Они хотели в Монголию, и монголы хотели принять их с радостью» (*Mänchen-Helfen, 1931*: 167).

² Совпра — советское правительство.

³ В феврале 1922 г. в Кобдо (Монголия) были созданы две новые административные должности представителей ургинского правительства, в частности, сайда (сановника), который занимался внутренними вопросами, связанными с Кобдоским округом.

при активной поддержке монгольских властей (в лице кобдоского сайда³) вооруженное восстание против правительства Тувы под лозунгом присоединения к Монголии. «Благодаря военным и дипломатическим усилиям СССР это восстание было ликвидировано¹»; советская сторона приняла ряд мер по упорядочению своей тувинской работы (см.: РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 40).

В СССР полагали, что монгольская агитация, несомненно, сыграла большую роль в Хемчикском «антиправительственном восстании», «организованном монголофильским чиновничеством и ламством» (РГАСПИ. Ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 125). Также утверждалось, что идеологи монголофильства и Хемчикского восстания состояли исключительно из имущей знати Тувы (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 30, л. 198). При этом советский советник тувинского правительства П. Медведев, свидетель тех событий, утверждал, что во время Хемчикского восстания один М. Буян-Бадыргы, премьер ТНР, сдерживал напор «монголофильского потока» и требовал решительной расправы с повстанцами (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 72). В более поздних документах, где упоминалось это восстание, термин «монголофильство» уступил место «панмонголизму». К примеру, в 1934 г. писали, что «эти контрреволюционные, феодально-теократические элементы под лозунгом “панмонголизма” в 1924 году подняли контрреволюционное восстание против национальной революции» (см.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 67).

На II Великом Хурале ТНР (в сентябре 1924 г.) впервые делегаты осудили «монголофильское влияние» в правительстве и руководстве ТНРП. Считается, что тогда из состава правительства были выведены наиболее активные монголофилы. На решение делегатов о смещении с должности главы правительства М. Буян-Бадыргы повлияло письмо бывшего министра юстиции Тувы, вышеупомянутого О. Соднам-Бальчыра, в котором Буян-Бадыргы бездоказательно назывался организатором восстания (История Тувы, 2007: 332). Премьер-министром и министром иностранных дел на II Великом Хурале был избран С. Оруйгу. По мнению монгольского исследователя Д. Шурхуу, после прекращения Хемчикского восстания влияние Монголии в Туве не уменьшилось, а, наоборот, укрепились позиции таких монголофилов как Дондук², Нимажап³, Шагдыр⁴, которые считались лидерами правых (Шурхуу, 2001: 114).

Такой вывод подтверждается словами П. Медведева, который считал, что монголофильские группировки взяли верх в 1924 году, и именно поэтому Буян-Бадыргы оставил государственную службу. Это заставило его изменить отношение к монголам (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 72). Во время Хемчикского восстания «Буян-Бадыргы один сдерживал напор монголофильских тенденций, поддерживаемый Тондуком⁵ и они сдали свои позиции, потому что мы разошлись с ними в вопросе методов подавления восстания. Буян-Бадыргы настаивал на вооруженном разгроме банд, а мы избрали мирный путь ликвидации и впоследствии стали гладить по головке их противников. С тех пор они стали на сторону монголофильского течения, в этом была наша ошибка», — писал П. Медведев в одной из своих характеристик⁶ (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 69). Тут нужно подчеркнуть, что ха-

¹ Хемчикское восстание продолжалось около полугода. Его завершению способствовало прибытие полномочных представителей СССР и МНР в июле 1924 г. в Кызыл, проведение ряда консультаций и переговоров, совещания в августе с представителями тувинских хошунов. Во время совещаний с представителями населения обсуждалась проблема налогов (которые наконец-то решили снизить), утеснения в религиозной сфере, принудительная отправка девушек в школы, заявление Тес-Хемского и Салчакского хошунов с просьбой о присоединении Тувы к Монголии. На этих совещаниях был принят ряд решений и сделаны разъяснения и заявления. Организаторы восстания были арестованы, но впоследствии тувинские власти отпустили их на свободу. Уголовные дела против них были приостановлены (больше об этих событиях см.: [Отрощенко, 2011: 136–158](#)).

² К. Дондук в 1925–1927 гг. возглавлял правительство ТНР.

³ М. Нимажап — глава Президиума Малого Хурала ТНР (1925–1929). В «Справке о Тувинской Народной Республике», составленной по материалам 3-го Дальневосточного отдела НКВД и датированной 11 апреля 1943 г., Нимажапа даже называют премьером ТНР и руководителем Хемчикского восстания 1924 г. (Архив внешней политики Российской Федерации — далее АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 31, д. 364, л. 18).

⁴ М. Шагдыр в октябре 1924 г. избран главой ЦК ТНРП, занимал эту должность в течение года.

⁵ Имеется в виду К. Дондук — первый председатель Президиума Малого Хурала ТНР (1923–1925), затем премьер. По словам одной из характеристик, во время Хемчикского восстания 1924 г. подвергался аресту со стороны повстанцев, но впоследствии ими же был освобожден (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66).

⁶ Характеристики чаще всего не были датированы, архивное дело, в котором содержатся выше процитированные характеристики: «Доклад в Восточный отдел ИККИ об итогах 4 съезда Танну-Тувинской НРП (1-й экз.)», датируется 18 ноября 1925 г. (см.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3).

рактические характеристики на тувинских политиков, составленные советскими представителями в Туве в 1920-е гг., имеют большое значение для данного исследования и ниже будут много цитироваться. Практически в каждой из них внимание заострялось на отношении характеризуемого лица к Хемчикскому восстанию 1924 г.; последнее, таким образом, выступает, своего рода точкой отсчета и ключевым критерием для оценки политического деятеля.

Одним из критериев монголофильства в глазах советской стороны были контакты тувинских политиков с монгольскими инструкторами и монгольским полпредством в Туве. Тут необходимо сделать небольшое отступление. В 1924 г., признавая, что невозможно при отсутствии осведомленных лиц поставить партийную работу на надлежащий уровень, ЦК ТНРП обратился в Коминтерн и ЦК МНРП с просьбой прислать инструкторов. Улан-Батор отправил в Туву двоих инструкторов — Найдансурэна и Доржпалама, которые некоторое время помогали ЦК ТНРП в его работе (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 9).

Заподозренными в монголофильстве, в частности, из-за непродолжительных контактов с монгольскими инструкторами были премьер ТНР С. Оруйгу, глава ЦК ТНРП Шагдыр, секретарь ЦК Наримандах. Так, в характеристике на Шагдыра советский советник ЦК ТНРП П. Медведев писал:

«В начале Шагдыр был мнения необходимости своей самостоятельности, очевидно поскольку это возглавлял Буян-Бадьргы, впоследствии же когда... одержала верх точка зрения Нимоджапа за присоединения Танну-Туву к Монголии, Шагдыр изменил свой взгляд и стал сторонником монголофильского течения. Причем проводил это дипломатично, скрывая от нас и льстя нам. За время пребывания здесь инструкторов всецело подпал под их влияние вплоть до враждебности к нашему парторгану во главе с тов. Чугуновым. Перед монголами льстил, заискивал и ухаживал за ними. Испугавшись выступления в ЦК партии т. Чугунова¹ изменил свои действия в вопросе монголофильства и в остальных вопросах в лучшую для нас сторону. В настоящее время открыто не проявляет монголофильства, а также внешне легко поддается нашему влиянию» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 76).

Еще одну показательную характеристику П. Медведев составил на секретаря ЦК ТНРП Наримандаха (Нармандагы). В ней сообщалось, что Наримандах в 1924 г. занимал должность секретаря министерства финансов и был одним из хорошо образованных представителей Тувы. Во время Хемчикского восстания ему поручили пробраться в тыл повстанцев и разложить их, тем самым способствуя ликвидации мятежа.

«Но вместо этого Наримандых, попав в тыл повстанцев, стал одним из руководителей повстанцев и взял на себя задание поехать во главе делегации в Ургу с целью присоединить Урянхай к Монголии и распустить Правительство. Этот поступок выявил Наримандыха как предателя, страдающего монголофильством в самой острой форме. Вернувшись обратно и увидя, что из его затеи ничего не вышло, он занял примирительную позицию к нам, но ничуть не сдал своей Монголофильской² политики. Во время пребывания Монгольских инструкторов здесь находился в самой тесной связи с ними, все что слышал от консула передавал срочно им. В настоящее время занимает должность секретаря ЦК... в отношении монголофильства в душе остается таким же» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 77).

Советские представители, как могли, боролись с таким «прискорбным» явлением как монголофильство. Еще в первом квартале 1925 г. С. Оруйгу был снят с должности премьера. Преемником Оруйгу на посту премьера стал К. Дондук. За время своей стремительной политической карьеры он неоднократно выступал за присоединение Тувы к Монголии (больше см.: [Отрощенко, 2015](#)).

На IV съезде ТНРП (14–19 октября 1925 г.) в новый состав ЦК не попали ни бывший глава ЦК ТНРП Шагдыр, ни секретарь ЦК Наримандах. «Как определенные монголофилы, они были нами провалены», — сообщал коминтерновец А. М. Амур-Санан, курировавший подготовку этого съезда

¹ Секретарь Районного бюро РКП(б) Я. Чугунов заявил, что действия тувинского правительства все время идут неверным и реакционным путем и это является следствием постоянных тайных контактов с монгольскими инструкторами. Мол, премьер С. Оруйгу постоянно с ними общается и бывает у них на дому. Напрасно последние оправдывались, что не руководили действиями тувинских властей, не направляли их против РСТК, а также не склоняли тувинское правительство присоединиться к Монголии (РГАСПИ, ф. 144, оп. 1, ед. хр. 175, л. 7; больше об этой ситуации см.: [Отрощенко, 2011](#): 153–156). Несмотря на все приведенные аргументы, весной 1925 г. монголы вынуждены были уехать домой. Уполномоченный Коминтерна в МНР Т. Рыскулов убедил монгольское руководство отказаться отсылки нового инструктора в Туву и вообще — не вмешиваться в дела последней до общего разрешения вопроса (РГАСПИ, ф. 495, оп. 152, ед. хр. 34, л. 15).

² С большой буквы написано в документе.

(РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 87). При этом, характеризуя новый состав ЦК, П. Медведев писал: «Что же касается монголофильства, то это течение существует или по своей доброй воле, или же в силу необходимости, т. к. монголофильские группировки одержали верх в 1924 г. Но этот состав является наиболее объективным, это все лучшее, что мы можем найти в данном случае» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 69). Шли поиски соответствующих кадров. Так, П. Медведев указывал, что под левыми группировками нужно подразумевать действительно революционно настроенную часть беднейшего населения с ориентацией на СССР, настроенную решительно против монголов. Советник добавлял, что, к сожалению, среди них нет ни одного грамотного человека. Эту группу можно использовать в интересах дела, но стать самостоятельным руководящим центром она не сможет (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 110). По мнению А. М. Амур-Санана, чтобы иметь в дальнейшем крепкую базу для влияния на Танну-Тувинскую Республику, необходимо бы из среды самих тувинцев создать крепкий кадр сознательно, идейно ориентирующихся на СССР людей. Как показывает дальнейшее развитие событий, со временем это советской стороне удалось.

Монголофильские настроения в Туве во второй половине 1920-х гг.

Однако и после IV съезда ТНРП вопрос монголофильства тувинской элиты продолжал беспокоить коминтерновских функционеров. Так, 18 ноября 1925 г. в своем докладе Восточному отделу Коминтерна А. Амур-Санан писал:

«Монголофильство еще очень сильно. Реакционное чиновничество (Нимаджап, Ширап¹ и др.), которое еще играет политическую роль, всю свою политическую, идеологическую симпатию отдает Монголии. Ко всему русскому относятся с плохо скрываемой враждебностью. Мучительно ищут пути, каким бы образом разрешить проблему полной эмансипации Танну-Тувы от СССР, хотя их никто теперь не угнетает и не притесняет. Так Ширап (Минфин) в беседе со мной неоднократно трактовал вопрос о праве наций на самоопределение, вытекающем, как говорил он, из самого существа Октябрьской Революции. Однажды он сказал: “Ведь Польша воспользовалась этим правом и окончательно отделилась от России. Нельзя ли то же самое нам?”» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 86 б.).

А потом, вздохнув, продолжал:

«А было когда-то и у нас хорошо, когда не было русских колонистов, но это было 58 лет тому назад» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 86 б.).

По словам А. Амур-Санана, М. Нимажап (Мининдел) и его группа свое отрицательное отношение к СССР строили на спекуляции на якобы русификаторской политике последнего, — доказательством этому служила РСТК. Упразднение же последней² и создание вместо нее хошуна выбило из-под ног благодарную для агитации против СССР и за Монголию почву. Амур-Санан подчеркивал, что прошлое насилие и теперешнее поведение части колонистов дают почву резко отрицательному отношению ко всему русскому (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 3, л. 86б–87; см. также: л. 105). В справке под названием «Русская колония в Туве»³, написанной несколько позже, дается любопытное объяснение привилегированного положения РСТК в Туве:

«После образования ТНР в силу того, что фактически свободу для Тувы завоевали красные партизаны Русской Колонии⁴, мы должны были согласиться удовлетворить решительное их требование полной правовой и экономически-культурной самостоятельности. К этому нас побуждала и неустойчивость политического положения молодой Тувинской Республики в первые годы ее существования, слабость Тувправительства, проявление агрессивности Монголправительства и вызванное с этим монголофильское движение среди состоятельной феодальной верхушки тувинцев» (РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 45).

Подчеркивалось, что особое положение советских граждан в Туве породило множество всяческих столкновений с тувинцами и тувинской администрацией, вызывало подчас недоброжелательство в отношении СССР и монголофильские настроения (см.: РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 37. л. 5).

¹ С. Нацов называл М. Нимажапа и Ширапа в своих донесениях «двумя столпами монголофильского чиновничества» (13 ноября 1926 г.) (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 5, л. 114).

² Только в мае 1932 г. РСТК была преобразована в комитеты советских граждан.

³ «Русская колония в Туве. (Справка)» (см.: РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 43–46). Этот документ идет в деле сразу за справкой «Тува», датированной 2 февраля 1929 г. Справка об РСТК тоже относится к концу 1920-х, возможно, — к началу 1930-х гг. и, скорее всего, принадлежит представителю Коминтерна В. А. Богданову.

⁴ Разумеется, такое утверждение упрощенное и субъективное.

Аналогичные соображения в свое время (20 августа 1926 г.) высказывал и представитель Коминтерна при ЦК ТНРП С. А. Нацов, заключая:

«По моему глубокому убеждению мы недостаточно учли того обстоятельства, что самовыпячивание роли русской колонии со стороны РСТК, не только не улучшило, но и наоборот ухудшило постановку всей нашей работы в Танну-Туве. Отношение тувинцев к нам было не особенно дружелюбное, они от времени до времени посматривали на своего южного соседа — Монголию» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 5. л. 105).

По мнению С. Нацова, перелом в настроениях тувинцев произошел только с приездом нового советского полпреда — А. Г. Старкова, который сумел наладить отношения с правительством ТНР.

Кто принадлежал к националистам в этот период (по мнению советской стороны), мы узнаем из характеристик, составленных полпредом СССР А. Старковым в 1928 г. Как националиста полпред характеризовал премьера К. Дондука (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 66). Заметим, что несколько позже, в объяснительной записке относительно собственной «антипартийной деятельности», К. Дондук отмечал: «Мысль о том, что я в 3 году, будучи главой Малого хурала, разделял мнение министров Оруйгу и Нимажап про присоединение Тувы к Монголии, что свое мнение письменно оформил — это правильно. Свое мнение о присоединении Тувы к Монголии я ни от кого не скрывал» (цит. по: Саая, Сат, 2006: 154). Относительно заместителя Дондука — Т. Талха-Сюрюна указывалось, что ранее, будучи представителем хошуна, он осаждал правительство грамотами о том, что народ его хошуна выражает желание присоединиться к Монголии. Оговаривалось, что в силу торговых отношений Т. Талха-Сюрюн имеет связь с Монголией, но «за последнее время придерживается национального толка» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 67). Из характеристики на Буян-Бадырғы мы узнаем, что он принимал участие в ликвидации Хемчикского восстания, «но в то же время имел связь с повстанцами», а также «придерживался монголофильского толка» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 67). Буян-Бадырғы характеризовали как человека, способного «быстро ориентироваться и применяться к местности и положению, времени», и который в последнее время примыкает к национальному течению (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 28, л. 67).

Как указывалось выше, определение «националист», в это время, применительно к тувинской ситуации, в глазах советской стороны носило положительный оттенок, в противовес монголофилам и идее присоединения Тувы к МНР. Однако и Дондук, и Талха-Сюрюн ранее были рьяными сторонниками присоединения к Монголии. Сложно сказать, насколько были справедливы упреки в монголофильстве Буян-Бадырғы. Тувинские нойоны, к которым принадлежал Буян-Бадырғы, в 1910-е гг., бывало, меняли свои политические предпочтения. Не всегда был последователен в своих симпатиях к российской стороне и сам Буян-Бадырғы¹, внимательно следивший за изменениями политической обстановки. Горячий сторонник независимой Тувы на первых порах, в дальнейшем мог и поменять свое мнение, в частности под влиянием Хемчикского восстания 1924 г., которое продемонстрировало явное недовольство его бывших подданных новыми реалиями. Напомним, что Хемчикские хошуны, на территории которых развернулось восстание, представляли большинство жителей Тувы, и в 1921 г. именно позиция их правителей стала определяющей для провозглашения независимости.

Представители Коминтерна продолжали внимательно наблюдать за контактами тувинских политиков с монгольским полпредством. Характеризуя осложнившуюся на рубеже 1920–1930-х гг. ситуацию на монгольско-тувинской границе, 17 декабря 1931 г. в Восточный секретариат, в частности, доносили следующее:

«После пограничного инцидента и представленного Мининделом проекта резолюции... я прихожу к выводу, что некоторые руководящие товарищи считали необходимым производить нажим на Монголию путем инспирирования пограничных инцидентов, на словах ведя политику сугубой лояльности и взывая к поддержке СССР. В то время как т. Данжай² вносит довольно ультимативные проекты резолюции, он сам поддерживает исключительно интимные взаимоотношения с монгольским полпредом, в ряде случаев

¹ Больше см.: ГАРФ, ф. р-200, оп. 1, д. 498, л. 84–84об.; д. 499, л. 72, 93 и т. д. В частности, в 1919 г. временно исполняющий обязанности начальника штаба Иркутского округа, полковник Главацкий телеграммой сообщал следующее: «Нойон Кемчикского Та-Хошуна Гунбуян-Батарху и Ойнарский нойон Сотном-Балчзир открыто встали сторону Монголии Китая и бежали Монголию, пример этот может оказаться заразительным для других князей нойонов Урянхая (ГА РФ, ф. р-200, оп. 1, д. 499, л. 93).

² Данжай — министр иностранных дел (1929–1931), далее — председатель Госплана ТНР.

³ Тувполпредство — Полномочное представительство ТНР в МНР (1928–1944).

⁴ ГВО Монголии — Государственная внутренняя охрана МНР.

даже конспирируя от членов Политбюро. Больше того, в секретари прав-ва и секретарем по переписке Мининдела т. Данжай выдвинул б. секретаря Тувполпредства³ в Монголии, которого уличают в том, что он имеет очень тесную связь с ГВО⁴ Монголии и является агентом последнего, каковое обстоятельство им тщательно скрывается. Получается, с одной стороны, очень развитый местный национализм, с другой, явное монголофильство» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 44, л. 103).

О. Менхен-Хельфен, посетивший в те годы Туву, саркастично замечал: «Я упреждаю следующее: никакого упрека тувинский политик не должен опасаться так, как укора дружбы с монголами. Это сразу неприятно поражает» (*Mänchen-Helfen, 1931*: 18).

Еще в начале 1929 г. в результате прихода к власти в ТНР левых были выведены из состава Политбюро ЦК ТНРП и лишены власти вышеупомянутые Т. Талха-Сюрюн, М. Буян-Бадырғы, Наримандах (который на тот момент возглавлял Тувинценкоп), Шагдыр, Нимажап и др. Советская сторона не скрывала, что именно «усилиями нашего обновленного советнического аппарата» удалось сделать первый шаг к объединению тувинской левой оппозиции, выработке ее программы (РГАСПИ, ф. 508, оп. 3, ед. хр. 5, л. 41). В одном из документов 1930 г. «активные деятели... монголофильского движения» упоминаются среди «непреданных революции элементов». В этом же ряду стояли нойоны, эксплуататоры, спекулянты, скупщики, ламы-шаманы, взяточники, растратчики, активные деятели Хемчикского восстания (по-видимому, 1924 г.) и «другие им подобные элементы» («Инструкция по проведению проверки и чистки рядов ТНРП») (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, ед. хр. 41, л. 27–32).

Восстания начала 1930-х гг. в ТНР ускорили трагическую развязку. Так, заседание Политбюро ЦК ТНРП 22 марта 1932 г. обсудило вопрос «о контрреволюционных бандитско-грабительских участниках группы и злоупотреблении своим служебным положением, умышленно принимавших участие в Хемчикском восстании черно-желтых феодалов Буян-Бадырғы, Дондука, Шагдыра, Бойду» (цит. по: *Ховалыг, 2007*: 63–64). Фигуранты огульно обвинялись «в частых мятежах против существующего социального порядка вкупе с “правыми” оппортунистами» (цит. по: *История Тувы, 2007*: 199). Заседание решило утвердить проект постановления УГВПО¹, где предлагалось приговорить обвиняемых к расстрелу. В числе этих 19 опальных политиков были расстреляны также М. Нимажап, Т. Талха-Сюрюн и Наримандах (*Иргит, 2019*: 88–90).

Заключение

Анализ документов показывает, что в советском политическом дискурсе и дискурсе Коминтерна, касающемся Тувы, термины «монголофильство», «монголофилы», «монголофильские настроения» активно использовались в 1920-е гг., изредка встречаясь в первой половине 1930-х гг. Из исторических событий того времени, темой, при освещении которой наиболее часто задействовался термин «монголофильство», стало Хемчикское восстание 1924 г. После его завершения одним из критериев монголофильства в глазах советской стороны были контакты тувинских политиков с монгольскими инструкторами или с монгольским консульством в Туве. Одной из главных аксиом было утверждение, что монголофильские настроения тувинских политиков основывались на желании объединиться со знатью, ламством, феодалами и всеми имущими слоями МНР для уменьшения размаха революции Тувы, а идеологи монголофильства состояли исключительно из состоятельной тувинской знати.

Советская сторона была вынуждена временно мириться с такими «нежелательными» настроениями ряда представителей тувинской политической элиты, потому что на первых порах их нечем было заменить. С другой стороны, поначалу не исключалась вероятность присоединения Тувы к Монголии в перспективе. Появление в ТНР «левых» — молодых людей, получивших образование в СССР, носителей нового мировоззрения, позволило распрощаться с временными попутчиками, которые быстро перешли в разряд «классовых врагов», а затем стали страницей истории, о которой на десятилетия постарались забыть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Иргит, О. Ю. (2019) Политические репрессии в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг.: дисс. ... к-та ист. наук. Кызыл. 213 с.

История Тувы (2007) / под ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

¹ УГВПО — Управление Государственной Внутренней Политической Охраны.

- Кабо, Р. (1934) Очерки истории и экономики Тувы. М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во. Ч. 1. 203 с.
- Кайский, М. (2007) Урянхайский вопрос // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 т. / составитель: С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX — первая половина XX в.). 736 с. С. 552–563.
- Моллеров, Н. М. (2005) Советско-тувинские отношения: 1917–1944 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. М. 465 с.
- Моллеров, Н. М. (2015) Позиции СССР и Внешней Монголии по «урянхайскому вопросу» в первой четверти XX века // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука) : сборник статей. Улан-Батор; Иркутск : Изд-во БГУ. Кн. 5. 416 с. С. 221-230.
- Нацов, С. (1930) Правая опасность в Тувинской народно-революционной партии // Жизнь Бурятии. № 1. С. 101-108.
- Отрошенко, И. В. (2011) На шляху до Великої Монголії (панмонгольський рух у 1920–1930-ті роки). Київ : Інститут сходознавства ім. А. Ю. Кримського. 456 с. (На укр. яз.).
- Отрошенко, И. В. (2012) Из истории протестного движения в ТНР первой половины 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/315> (дата обращения: 28.04.2020).
- Отрошенко, И. В. (2015) Из истории взаимоотношений ТНР и МНР: проблема возвращения “части тувинского народа” [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 27–40. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/4/4> (дата обращения: 28.04.2020).
- Саая, С. В., Сат, С. Ч. (2006) Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы). Абакан : Хакаское книжное издательство. 293 с.
- Савицкий, П. Н. (2003) Степь и оседлость // Классика геополитики. XX век : сб. ст. / сост. М. М. Королев. М. : ООО «Издательство АСТ». 736 с. С. 688–699.
- Сводка сведений военно-статистического отделения Штаба Омского военного округа о Западном Китае и Монголии (Улясутайский округ, Кобдоский округ, Синьцзян и Алтайский округ). За первую половину 1917 года (1917). Омск : Тип. Штаба Омск. в. о. 73 с.
- Словник «Урянхайско-тувинской энциклопедии» (2019) / ТРОО «Мир тувинцев». Кызыл : б. и. 388 с.
- Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем — Тувой: к 100-летию исторического события (2014) / сост.: Т. А. Бондаренко. Кызыл : ТИГИ. 479 с.
- Схиммельпенник ван дер Ойе, Д. (2002/2003) Азиатский соблазн России // Космополис. № 2. С. 19–32.
- Тувагийн туухэнд холбогдох архивын баримдын эмхэтгэл. Боть III (1921–1944) = Собрание архивных документов по истории Тувы. Том III (1921–1944) = Тыванын тоогузунге хамааржыр шыгжамырлар бижимелдеринин чыындызы. Том III (1921–1944) (2014) / гл. ред. С. Чулуун, А. К. Бичелдей. Уланбаатар ; Кызыл : б. и. 418 с. (На монг., рус. и тув. яз.).
- Хертек, Л. К. (2016) Тувинско-монгольские связи и отношения в период Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–81. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/464> (дата обращения: 28.04.2020).
- Ховалыг, С. (2007) Личность в истории: Монгуш Буян-Бадырғы (1892–1932) // Вестник Евразии. № 2 (36). С. 42-71.
- Хоружий, С. (2008) Русский философ в Литве: а case study // Русский Миръ. № 1. С. 186–199.
- Шурхуу, Д. (2001) Урянхайский вопрос в монголо-российских отношениях в первой четверти XX века // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке / редкол.: Алтанцэцэг Н. и др. М. : ИВ РАН. 276 с. С. 97–117.
- Bebler, A. (1987) Conflicts between Socialist States // Journal of Peace Research. Vol. 24, No. 1. Pp. 31–46. DOI: <https://doi.org/10.1177/002234338702400104>
- Friters, G. M. (1937) The Development of Outer Mongolian Independence // Pacific Affairs. Vol. 10. No. 3. P. 315–336. DOI: <https://www.doi.org/10.2307/2751345>
- Mänchen-Helfen, O. (1931) Reise ins Asiatische Tuwa. Berlin : Der Bücherkreis g.m.b.h. 172 p.
- Shurkhuu, D. (2014) Similarities and Differences between Mongolia and Tuva in the Evolution of Bilateral Ties // Oirat People: Cultural Uniformity and Diversification / Edited by I. Lkhagvasuren and Yuki Konagaya. Osaka : Senri Ethnological Studies (SES). Pp. 127–144. DOI: <http://doi.org/10.15021/00002408>

Tang, P. S. H. (1959) *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911–1931*. Durham, N. C. : Duke University Press. xx, 494 p.

Дата поступления: 5.06.2020 г.

REFERENCES

Irgit, O. Yu. (2019) *Politicheskie repressii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike v 1921–1944 gg. [Political repressions in the Tuvan People's Republic in 1921–1944]*: Diss. ... Candidate of Politic Sciences. Kyzyl. 213 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kabo, R. (1934) *Ocherki istorii i ekonomiki Tuvy [Essays on the history and economy of Tuva]*. Moscow, Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo. 203 p.

Kaiskii, M. (2007) *Uriankhaiskii vopros [The Uriankhai issue]*. In: *Uriankhai. Tyva depter: antologija nauchnoi i prosvetitel'skoi mysli o drevnei tuvinskoj zemle i ee nasel'nikakh, ob Uriankhae — Tannu-Tuve, uriankhaiskikh — tuvintsakh, o drevnostiakh Tuvy [Uriankhai: The Tuva Notebook: An anthology of research and educational thought on the ancient land of Tuva and its population, on Uriankhai — Tannu-Tuva, Uriankhaisians — Tuvan people, and on the antiquities of Tuva]*, in 7 vols. Comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 5: *Uriankhaiskii kraj: ot Uriankhaia k Tannu-Tuve [Uriankhai territory: from Uriankhai to Tannu-Tuva (late XIX — first half of XX century)]*. 736 p. Pp. 552–563. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2005) *Sovetsko-tuvinskie otnosheniia: 1917–1944 gg. [Soviet-Tuvan relations: 1917–1944]*. Diss. ... Doctor of History. Moscow. 465 p. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2015) *Pozitsii SSSR i Vneshnei Mongolii po "uriankhaiskomu voprosu" v pervoi chetverti XX veka [The positions of the USSR and Outer Mongolia on the "Urikhay issue" in the first quarter of the 20th century]*. In: *Rossiiia i Mongoliiia v pervoi polovine XX veka: kontseptual'nye voprosy rossiisko-mongol'skikh otnoshenii (diplomatiia, ekonomika, nauka) [Russia and Mongolia in the first half of the 20th century: conceptual issues of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economics, science)]*. Ulan-Bator, Irkutsk, Izd-vo BGU. Book 5. 416 p. Pp. 221–230. (In Russ.).

Natsov, S. (1930) *Pravaia opasnost' v Tuvinskoj narodno-revoliutsionnoi partii [Right-wing threat in the Tuvan People's Revolutionary Party]*. *Zhizn' Buriatii*, no. 1, pp. 101–108. (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2011) *Na shlyakhu do Velykoyi Monholiiyi (panmonhol's'kyy rukh u 1920–1930-ti roky) [On the way to great Mongolia (pan-Mongolian movement in 1920s–1930s)]*. Kyiv, Institut skhodoznavstva im. A. Yu. Krim'skogo. 456 p. (In Ukr.).

Otroshchenko, I. V. (2012) *Iz istorii protestnogo dvizheniia v TNR pervoi poloviny 1930-kh gg. [About the history of protest movement in People's Republic of Tuva in the first half of 1930s]*. *New Research of Tuva*, no. 3 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/315> (access date: 28.04.2020). (In Russ.).

Otroshchenko I. V. (2015) *Iz istorii vzaimootnoshenii TNR i MNR: problema vozvrashcheniia "chasti tuvinskogo naroda" [From the history of People's Republic of Tuva and People's Republic of Mongolia mutual relations: the issue of returning "the part of Tuvan people"]*. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 27–40 [on-line] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/4> (access date: 28.04.2020). (In Russ.).

Saaia, S. V. and Sat, S. Ch. (2006) *Geopoliticheskii status Tuvy v pervoi polovine XX veka (1911–1944 gody) [Geopolitical status of Tuva in the first half of the twentieth century (1911–1944)]*. Abakan, Khakass book publishing house. 293 p. (In Russ.).

Savitskii, P. N. (2003) *Step' i osedlost' [Steppe and Settlement]*. In: *Klassika geopolitiki, XX vek [Classics of Geopolitics, XX Century]*. Moscow, OOO "Izdatel'stvo AST". 736 p. Pp. 688–699. (In Russ.).

Svodka svedenii voenno-statisticheskogo otdeleniia Shtaba Omskogo voennogo okruga o Zapadnom Kitae i Mongolii (Uliasutaiskii okrug, Kobdoskii okrug, Sin'tszian i Altaiskii okrug). Za pervuiu polovinu 1917 goda [A summary of the information of the military-statistical department of the Headquarters of the Omsk Military District on Western China and Mongolia (Ulyasutai District, Kobdo District, Xinjiang and Altai District). For the first half of 1917] (1917). Omsk, Tip. Shtaba Omsk. v. o. 73 p. (In Russ.).

Slovník "Uriankhaisko-tuvinskoj entsiklopedii" [Vocabulary of the Uryankhay-Tuva Encyclopedia] (2019). TROO "Mir tuvintsev". Kyzyl, s. n. 388 p. (In Russ.).

Sobranie arkhivnykh dokumentov o protektorate Rossii nad Uriankhaiskim kraem — Tuvoi: k 100-letiiu istoricheskogo sobytiia [A collection of archival documents on Russian protectorate over Uriankhai Krai — Tuva: the 100th anniversary of the historical event] (2014). Compl.: T. A. Bondarenko and al. Kyzyl, s. n. 479 p. (In Russ.).

Schimmelpenninck van der Oye, D. (2002/2003) *Aziatskii soblazn Rossii [Russia's Asian temptation]*. *Kosmopolis*, no. 2, pp. 19–32. (In Russ.).

Tuvagiin tuukhend kholbogdokh arkhiyyn barimdyn emkhetgel. Bot' III (1921–1944) = Sobranie arkhivnykh dokumentov po istorii Tuvy. Tom III (1921–1944) = Tyvanyn tooguzunge khamaarzhyr shygzhamyrlar bizhimelderinin chyyndyzy. Tom III (1921–1944) [A collection of archival documents on the history of Tuva. Vol. 3 (1921–1944)] (2014) / ed. by S. Chuluun and A. K. Bicheldei. Ulanbaatar; Kyzyl, s. n. 418 p. (In Mong., Russ. and Tuv.).

Khertek, L. K. (2016) Tuvinsko-mongol'skie svyazi i otnosheniia v period Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [Tuvan-Mongolian relations and links under the People's Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–81 [on-line] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/464> (access date: 28.04.2020). (In Russ.).

Khovalyg, S. (2007) Lichnost' v istorii: Mongush Buian-Badyrgy (1892–1932) [A person in history: Mongush Buyan-Badyrgy (1892–1932)]. *Vestnik Evrazii*, no. 2 (36), pp. 42–71. (In Russ.).

Khoruzhii, S. (2008) Russkii filosof v Litve: a case study [Russian philosopher in Lithuania: a case study]. *Russkii Mir*, no. 1, pp. 186–199. (In Russ.).

Shurkhoo, D. (2001) Uriankhaiskii vopros v mongolo-rossiiskikh otnosheniakh v pervoi chetverti XX veka [Uryanhay issue in Mongolian-Russian relations in the first quarter of the twentieth century]. In: *Rossii i Mongolii: novyi vzgliad na istoriiu vzaimootnoshenii v XX veke [Russia and Mongolia: a new look at the history of relations in the XX century]*. Editor: Altantsetseg N. et al. Moscow, IV RAN. 276 p. Pp. 97–117. (In Russ.).

Bebler, A. (1987) Conflicts between Socialist States. *Journal of Peace Research*, vol. 24, no. 1, pp. 31–46. DOI: <https://doi.org/10.1177/002234338702400104>

Friters, Gerard M. (1937) The Development of Outer Mongolian Independence. *Pacific Affairs*, vol. 10, no. 3, pp. 315–336. DOI: <https://www.doi.org/10.2307/2751345>

Mänchen-Helfen, O. (1931) *Reise ins Asiatische Tuwa*. Berlin, Der Bücherkreis g.m.b.h. 172 p. (In Germ).

Shurkhoo, D. (2014) Similarities and Differences between Mongolia and Tuva in the Evolution of Bilateral Ties. In: *Oirat People: Cultural Uniformity and Diversification* / Ed. by I. Lkhagvasuren and Yuki Konagaya. Osaka, Senri Ethnological Studies (SES). Pp. 127–144. DOI: <http://doi.org/10.15021/00002408>

Tang, P. S. H. (1959) *Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia. 1911–1931*. Durham, N. C., Duke University Press. xx, 494 p.

Submission date: 05.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.4

Деятельность Управления Государственной Внутренней Политической Охраны по защите безопасности и суверенитета Тувинской Народной Республики (1925–1934 гг.)

Николай М. Моллеров

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируются конкретно-исторические условия и причины создания и деятельности службы безопасности в Тувинской Народной Республике — Управления Государственной Внутренней Политической охраны (УГВПО) в 1925–1934 гг. Источниками выступили материалы фондов Национального архива Республики Тыва, Государственного архива Красноярского края и др., которые вводятся в научный оборот впервые.

Непосредственным толчком для создания УГВПО послужило вооруженное выступление на Хемчике 1924 г. В его ходе была предпринята вооруженная попытка группы тувинцев, недовольных властью, ликвидировать государство и присоединить его к Монголии. На первых порах вопросами внутренней охраны молодого тувинского государства до создания специального органа занимался малочисленный правительственный отряд численностью в 40 солдат (цириков). Он был оформлен постановлением I Великого Хурала в 1923 г.

Служба безопасности ТНР строилась по образцу аналогичных служб в СССР и Монгольской Народной Республике. Как и там, основной задачей тувинских «чекистов» была борьба с контрреволюцией: предупреждение и ликвидация внутренних заговоров и вооруженных восстаний, предотвращение посягательств на безопасность и суверенитет ТНР.

В конце 1920-х гг. в деятельность УГВПО из СССР были привнесены преступные методы расследования и фабрикация дел. В 1934 г. УГВПО сменило Управление военной охраны страны УВОС, но изучение ее деятельности выходит за хронологические рамки настоящей статьи.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; Тува; история Тувы; Управление государственной внутренней политической охраны; внутренние органы; государственная безопасность; суверенитет; политические репрессии

Для цитирования:

Моллеров Н. М. Деятельность Управления Государственной Внутренней Политической Охраны по защите безопасности и суверенитета Тувинской Народной Республики (1925–1934 гг.) // Новые исследования Тувы. 2020. № 3. С. 49–65. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.4

Моллеров Николай Михайлович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательской группы по истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: + 7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: igi@tigpi.ru

MOLLEROV, Nikolai Mikhailovich, Doctor of History, Chief Research Fellow, Research Group on History, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: + 7 (394-22) 2-39-36. Email: igi@tigpi.ru

ORCID ID: 0000-0002-7127-184X

The Department of State Internal Political Security and its work to protect the security and sovereignty of the Tuvan People's Republic (1925–1934)

Nikolai M. Mollerov

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article analyses specific historical conditions and reasons for creating a security service in the Tuvan People's Republic. Named the Department of State Internal Political Security, it was active in 1925–1934. Our study is based on documents from the National Archives of the Republic of Tuva, State archive of Krasnoyarsk krai and other archival collections. Some of the materials are presented here for the first time.

The direct reason for creating DSIPS was an armed revolt in Khemchik in 1924 — an attempt of Tuvans dissatisfied with the status quo to dismantle the state and join its territory to Mongolia. At first the internal security of a young Tuvan state was provided by a small troop of 40 soldiers (tsiriks). It was formed by the order of the Great Khural in 1923.

The security service of TPR functioned as its counterparts in the USSR and Mongolian People's Republic did. The primary task for Tuvan 'chekists' was to fight the counterrevolution, foil or quell internal plots and armed rebellions, and to prevent attacks on the security and sovereignty of the TPR.

At the end of 1920s, the DSIPS took a leaf from the GPU's book, introducing illegal investigation methods and fabrication of cases into its practice. In 1934 the Department of Military Security of the Country (DMSC) replaced DSIPS, but its work goes beyond the chronological framework of this article.

Keywords: Tuvan People's Republic; Tuva; Tuvan history; Department of State Internal Political Security; domestic authorities; national security; sovereignty; political repression

For citation:

Mollerov N. M. Deiatel'nost' Upravleniia Gosudarstvennoi Vnutrennei Politicheskoi Okhrany po zashchite bezopasnosti i suvereniteta Tuvinskoj Narodnoj Respubliki (1925–1934 gg.) [The Department of State Internal Political Security and its work to protect the security and sovereignty of the Tuvan People's Republic (1925–1934)]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 49–65. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.4

Введение

14 августа 1921 г. на Всетувинском учредительном хурале было провозглашено создание первого в истории тувинского государства, в октябре 1944 г. вошедшего в состав Советского Союза. Исторический опыт его самостоятельного существования всегда вызывал закономерный научный интерес. Вместе с тем, следует признать, что до настоящего времени многие аспекты исторического развития этого государства исследованы еще недостаточно.

Предметом изучения в настоящей статье является малоизученная история создания и становления в Тувинской Народной Республике (ныне Республика Тува) службы государственной безопасности. В научных работах по новейшей истории Тувы имеются лишь редкие упоминания о службе безопасности тувинского государства в связи с раскрытием различных вопросов. Более подробно в связи с освещением разных аспектов истории о службе безопасности рассказано во втором томе «Истории Тувы» (История Тувы, 2007). Пять лет назад Управление федеральной службы безопасности (УФСБ) России по Республике Тыва опубликовало юбилейное издание «На защите национальных интересов. 90 лет органам безопасности в Туве. 1925–2015 гг.» (На защите ..., 2015). В разделе «Из истории органов безопасности в Туве» этой книги приведены архивные документы, указывающие на время создания в Туве службы безопасности, раскрывающие ее цели и задачи, опубликованы редкие фотографии работников Управления Государственной Внутренней Политической охраны (УГВПО) (там же: 21, 23, 30–31). Однако скудость исторических материалов, использованных при написании раздела, предопределила его предельную лаконичность и породила много закономерных вопросов, оставшихся без ответов. Вместе с тем, характеризуя настоящее юбилейное издание, следует учитывать, что оно не преследовало научных целей и не проходило научное редактирование.

Целью настоящей статьи стал анализ конкретно-исторических условий и причин создания и деятельности службы безопасности в Туве, первых тувинских и советских «чекистов»¹, стоявших у истоков УГВПО в 1925–1934 гг. существования Тувинской Народной Республики. Как и в соседних СССР и МНР, основной задачей тувинских «чекистов» были: предупреждение и ликвидация внутренних заговоров и вооруженных восстаний, предотвращение посягательств на безопасность и суверенитет государства. Они принимали активное участие в отстранении от власти «правых», проведении классовых «чисток» и выселении из Тувы нелояльных к власти советских граждан, локализации и прекращении восстаний весны 1924 г. и начала 1930-х годов, антирелигиозной кампании, «раскулачивании», конфискации собственности и имущества феодалов и т. п.

Для раскрытия места и роли УГВПО в политической системе ТНР потребовались поиск и анализ новых архивных источников из фондов Национального архива Республики Тыва (НА РТ), Центра архивных документов партий и общественных организаций Национального архива Республики Тыва (ЦАДПОО НА РТ, бывшего партийного архива Тувы), Государственного архива Красноярского края (ГА КК) и двух центральных архивов: Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) и Российского государственного архива социально-политической информации (РГАСПИ), а также Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва (НА ТИГПИ). Все упомянутые в статье материалы документов вводятся в научный оборот впервые.

Слабым местом в изучении проблемы было и остается отсутствие по объективным причинам материалов из архива ФСБ России по Республике Тыва. Из документальных источников НА РТ известно, что секретный архив при УГВПО был организован в соответствии с постановлением Совета Министров Тувинской Аратской Республики (ТАР, название тувинского государства в 1930–1941 гг.²) только от 7 апреля 1932 г., во время первой «волны» политических репрессий в Туве (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 213, л. 5). Но и отложившиеся за последние три года деятельности УГВПО архивные материалы позднее были во многом утрачены. С высокой степенью вероятности можно предположить, что какая-то часть их после вхождения Тувы в состав советского государства в октябре 1944 г. могла перейти в ведомственные архивы службы безопасности российского или союзного уровней. Доступа к этим архивам ученые-тувиноведы пока не имеют. Порой невозможно восстановить даже инициалы первых «чекистов» Тувы, не говоря уже о биографиях.

Все же введение в научный оборот материалов вышеперечисленных доступных архивов, позволяет значительно расширить наше представление об УГВПО ТНР, стоявшем на защите государственности и суверенных прав тувинского народа.

Вопросы государственной безопасности ТНР в 1921 – начале 1925 гг.

Создание службы государственной безопасности в ТНР произошло позднее, чем в соседних странах — ВЧК в СССР (Булулуков, 2005; Из истории Всероссийской ..., 1958; Из истории спецслужб ..., 1997; Канчинский, 2005; Макаревич, 2002; Мозохин, 2004, 2005; Нежинский, 2004; Плеханов, 2006; Рыбалкин, 2002) и Государственной Внутренней Охраны (ГВО) в МНР (История Монгольской ..., 1954: 269), хотя внешние и внутренние угрозы существованию молодого и еще непризнанного государства были. В первую очередь это военная попытка установления контроля над Тувой белого генерала А. С. Бакича в начале декабря 1921 г. (Ганин, 2014) и вооруженный мятеж тувинцев на Хемчике весной 1924 г. с лозунгом присоединения к Монголии (История Тувы, 2007: 152–155). Промедление с созданием службы государственной безопасности было связано, прежде всего, с недостатком у тувинской правящей элиты опыта государственного строительства. Непризнание ТНР в качестве полноправного государства советским и монгольским правительствами в первой половине 1920-х гг. (Моллеров, 2010) не располагало к открытости и обмену с ними опытом по вопросам государственной безопасности. На первых порах вопросами внутренней охраны молодого тувинского государства до создания специального органа занимался малочисленный правительственный отряд численностью в 40 солдат (цириков)¹, оформленный постановлением I Великого Хурала в 1923 г. (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 23). Часть функций службы государственной безопасности возлагалась на МВД ТНР.

¹ Слово «чекисты» взято в кавычки по причине спорности его прямого применения в отношении тувинских сотрудников УГВПО, а также в связи с тем, что ЧК (1918–1922) в рассматриваемое время уже не было.

Названия государства были закреплены в его конституциях: Танну-Тува улус — с 1921 г.; Танну-Тувинская Народная Республика — с 1924 г.; Тувинская Народная Республика — с 1926 г.; Тувинская Аратская Республика — с 1930 г.; Тувинская Народная Республика — с 1941 г. (Конституции Тувы, 1999: 24–93).

До создания УГВПО в Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК) в Туве был наработан определенный опыт в сфере обеспечения безопасности. Продолжающаяся в РСТК в новых формах политическая борьба между сторонниками и противниками советской власти побудила руководство РСТК наделить юридический отдел исполкома колонии функциями службы безопасности. На первых порах отдел возглавил Галак, который на 1 партийной конференции райбюро РКП(б) в Урянхае 4 августа 1922 г. доложил, что за пять месяцев с момента создания РСТК², «благодаря принятым решительным мерам» (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 16, л. 23), в колонии произошло сокращение преступности, особенно политической. Предметом особого внимания отдела юстиции с самого начала его деятельности становятся пленные из разбитого под Атамановкой (Суг-Бажи) отряда Бакича. Часть пленных райбюро РКП(б) с разрешения Реввоенсовета 5-ой Красной Армии оставило в Туве в качестве «спецов», из них многие были приняты на службу в отделы исполкома РСТК (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, л. 2). Эта категория населения РСТК в документах того времени именовалась «бакичане» (Моллеров, 2018).

В марте 1922 г. по просьбе райбюро РКП(б), адресованной начальнику особого отдела ВЧК А. Я. Берзину, в Туву прибывает Г. Скворцов, командированный Государственным политическим управлением (ГПУ) РСФСР для организации и ведения разведывательной деятельности. Предполагалось, что Г. Скворцов вскоре возглавит отдел юстиции и судебный подотдел исполкома РСТК (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, лл. 50–54). Дальнейшая деятельность отдела юстиции до образования УГВПО связана с его именем.

Одним из практических результатов работы Г. Скворцова стало изучение обстановки в Туве и на ее южной границе, необходимое для принятия решения о выводе с тувинской территории советской воинской части. Он считал, что «ничего серьезного, что может угрожать колонии и политике РСФСР, нет» (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 18, л. 102). Основываясь на данных и выводах Скворцова, советская воинская часть в начале 1923 г. была из Тувы выведена.

Но вскоре обострилась политическая обстановка в Советской колонии (как иначе называлась РСТК) в Туве. 18 апреля 1923 г. на заседании райбюро РКП(б) председатель исполкома РСТК Г. Я. Стрелков сделал доклад о политическом положении колонии, в котором отметил, что исполком РСТК на местах усилил осведомительный аппарат. Это позволило обнаружить в Верховье несколько беглых контрреволюционеров, которых поддерживали антисоветские элементы из местных колонистов. Он также сообщил: «Нащупаны нити контрреволюционной организации, разбросанной по колонии, не только среди русских, но частично замешаны и тувинцы. Силы, насколько удалось выяснить, незначительны, но есть опасность отдельных нападений. Меры предосторожности и слежки исполкомом приняты. Фракция (т. е. коммунисты в исполкоме. — Н. М.) считает, что этой организации необходимо дать созреть и только тогда ее ликвидировать» (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 24, лл. 42–43). Доклад приняли к сведению. Военному отделу исполкома РСТК предложили в случае тревоги привести в боевую готовность гарнизон г. Красного (ныне — г. Кызыл).

Активизация деятельности «элегестинской группы» Центрального комитета Тувинской Народно-Революционной Армии (ЦК ТНРП) во главе с Оюном Курседи сопровождалась обострением политической борьбы в тувинском обществе и Туве в целом. Хорошо известно, что многие члены тувинского правительства в то время активно добивались упразднения ТНРП и роспуска ее ЦК, поскольку не усматривали пользы в существовании партий вообще. Временный роспуск ЦК встревожил руководство большевистской организации в Туве — райбюро РКП(б) по идейным соображениям. Кроме того, он означал бы упразднение партийной системы в Туве как таковой. Тем более что анархистская группа «Чудурук нам» («Сжатый кулак»), которую возглавлял Данзын-оол, была разогнана тувинским правительственным отрядом и вскоре перестала существовать. Как известно из истории Тувы, антипартийное решение правительства ТНР до конца выполнено не было (История Тувы, 2007: 138-139, 153). Райбюро РКП(б) в Туве через представительство НКВД РСФСР добилось восстановления ЦК ТНРП. Из информационного отчета райбюро РКП(б) за март-июнь 1923 г. мы узнаем, что отдел юстиции исполкома РСТК помимо внутриколонистских дел занимался расследованием убийства одного из представителей «элегестинской группы» Чуржапая. В отчете отмечалось: «Судя по материалам следствия, нити убийства, по-видимому, идут сверху» (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 28, л. 16).

¹ Цирик (монг.) — военный, солдат.

² РСТК было юридически и политически оформлено в феврале 1922 г. См. об этом: Моллеров, 1989.

Отдел юстиции исполкома РСТК во главе с Г. Скворцовым активно участвовал в локализации и «замирении»¹ антигосударственного мятежа на Хемчике весной 1924 г. (в конфликте столкнулись интересы ТНР, МНР и СССР). В ходе этого восстания решался вопрос: быть или не быть самостоятельному тувинскому государству или Тува войдет в состав Монголии (История Тувы, 2007: 328–329). Именно знание ситуации изнутри позволило тувинским «государственникам» и советским работникам в Туве избрать правильную тактику в ликвидации вооруженного очага мирным путем. Прибывшая из Советского Союза делегация ЦИК СССР во главе с Я. Х. Давтяном имела в своем составе и работников ОГПУ. Да и сам Я. Х. Давтян, как известно, совмещал дипломатическую деятельность с разведывательной². В свое время он под псевдонимом «Давыдов» являлся первым руководителем Иностранного отдела ВЧК, созданного по известному приказу Ф. Я. Дзержинского № 169 от 20 декабря 1920 г. Отдел стал первым органом внешней разведки советского государства (Млечин, 2008: 6–7). Полученное от советского руководства «тувинское задание» Давтян успешно выполнил: вооруженный мятеж на Хемчике был прекращен без применения военной силы. Удалось не только отстоять государственную самостоятельность ТНР, но и заложить предпосылки для государственного признания ТНР со стороны СССР и МНР.

К недоработкам отдела юстиции следует отнести то, что заблаговременно предупредить вооруженное выступление на Хемчике не удалось. Серьезным недостатком работников отдела являлось слабое знание тувинского языка. Тот же Г. Скворцов за нежелание его изучать даже получил по партийной линии строгий выговор (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 37, лл. 136, 156).

В 1920-е гг. высшая мера наказания в колонии и Туве не применялась в связи «с местными условиями» (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 37, л. 92). 18 августа 1924 г. райбюро поручило советскому консулу в Туве Ф. Г. Фальскому, в связи с раскрытием июльского контрреволюционного заговора в РСТК, запросить у ОГПУ Сибири и НКВД СССР разрешения применять в отношении колонистов высшую меру наказания. Но на закрытом заседании райбюро РКП (б) 13 октября 1924 г. Г. Скворцов доложил только о выселении из колонии политически неблагонадежных и участников июльского заговора, даже не упомянув о применении этой меры. Участников июльского заговора, во главе которого стоял бывший ординарец командира красных партизан в Туве С. К. Кочетова Николай Осинцев, он предложил отправить в ОГПУ СССР. Из «Доклада Чрезвычайному Полномочному Представителю СССР т. Давтяну для ЦК РКП (б) и Сибирского Крайкома РКП о работе райбюро РКП в Урянхасе с 1921 г. по 1 августа 1924 г.», мы узнаем, что большинство участников этого заговора составляли «бакичане» (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 37, л. 26). По докладу Г. Скворцова райбюро постановило: создать комиссию по выявлению политического лица подозреваемых, участников заговора с материалами и характеристиками отправить в ОГПУ СССР.

Таким образом, с 1921 г. и до начала 1925 г. — до создания в ТНР государственной службы безопасности — ее функции, как в РСТК, так и в Туве, выполнял юридический отдел исполкома РСТК. Он проводил расследование по делу об убийстве члена ТНРП Чуржапая, участвовал в мирном урегулировании вооруженного мятежа на Хемчике. Ликвидация мятежа, проходившего под лозунгом присоединения к Монголии, позволила сохранить национальное государство, отстоять его суверенитет. Это не было вмешательством во внутренние дела Тувы, поскольку конфликт носил международный характер, а юридический отдел РСТК действовал по просьбе тувинского руководства. Вместе с тем, данное положение свидетельствовало о том, что суверенитет ТНР еще не получил достаточного развития.

УГВПО: создание и начало деятельности

15 мая 1925 г. на заседании ЦК ТНРП было принято постановление о создании учреждения, которое первоначально назвали Управлением внутренней охраны страны (УВОС). Его возглавил заместитель председателя ЦК ТНРП Докпан. Райбюро РКП (б) в Туве адресовалась просьба о выделении для работы в УВОС инструктора. Начальнику нового учреждения и инструктору поручалось подготовить и представить в ЦК ТНРП проект секретного положения УВОС, а также подготовить предложения по другим аспектам его деятельности. В обсуждении вопроса участвовали председатель ЦК ТНРП Шагдыр, секретарь ЦК ТНРП Тумен-Баир и члены ЦК ТНРП: Балчин, Чамбал, Эренчин, Кечил-оол,

¹ Замирение означало урегулирование военного конфликта мирным путем без применения военной силы, путем ведения переговоров с повстанцами.

² Этот вопрос освещался автором в газетной статье: Моллеров, Н. М. Советский разведчик и дипломат Яков Давтян: тувинское задание // Слово-плюс (газета). 2009. № 3. 29 декабря. С. 4.

Дондук, Сундуй, Дембирел, Самдан, Онгар-оол, Ензук, Седен-Соднам. От райбюро РКП (б) на заседании присутствовали: секретарь Я. С. Чугунов и члены — Д. С. Казначеев и П. С. Медведев (*На защите ...*, 2015: 20; ЦАДПОО НА РТ, ф.1, оп. 1, д. 158, лл. 22–25). 17 июня 1925 г. райбюро РКП (б) приняло решение о направлении в качестве советника в орган политической охраны ТНР Макара Барахтаева¹, ранее работавшего в Министерстве юстиции ТНР. Все эти решения свидетельствовали о начале создания в ТНР службы безопасности.

На заседании ЦК ТНРП 1 июля 1925 г. вновь обсуждался этот вопрос. На нем было принято решение о создании Управления Государственной Внутренней Политической Охраны (УГВПО) и утверждены его положение и должностные оклады работников. Начальником управления остался Докпан, оперативным работником стал Дембирель, делопроизводителем — Тумен-Баир. В случае необходимости начальника замещал и подписывал за него документы Тумен-Баир (*На перекрестке ...*, 2014: 275; НА РТ, ф. 113, оп. 1, д. 7, лл. 19–20). Тогда же на заседании ЦК ТНРП была утверждена временная инструкция о работе УГВПО. Штатная численность сотрудников новой структуры, призванной защищать ТНР, первоначально составила всего 5 человек, на затем, судя по фотографии из юбилейной книги УФСБ России по Республике Тува, коллектив УГВПО заметно возрос (см. *фото 1*) Вскоре ОГПУ СССР направило в УГВПО ТНР в качестве инструктора Куприяна Ивановича Максимова² На III Великом Хурале ТНР, проходившем 27 октября по 12 ноября 1925 г., УГВПО была оформлена законодательно. После Докпана ее возглавляли Адыг-Тюлюш Хемчик-оол, Сат Чурмит-Тажы, Улуг-Тюлюш Бульчун, Оюн Падагандай и Оюн Сенгиижик.

Фото 1. Коллектив УГВПО в 1925 г. (*На защите ...*, 2015: 21).

Photo 1. Personnel of the UGVPO (Department of State Internal Political Security) in 1925
(*Na Zashchite*, 2015: 21).

В фондах НА РТ хранится написанное от руки «Положение об Управлении Государственной Внутренней Политической Охраны Танну-Тувинской Народной Республики», которое не содержит ни даты, ни подписи. Возможно, это только проект позднее доработанного документа, а может быть и единственный экземпляр действующего положения УГВПО (*фото 2*). То, что он написан от руки, что на нем отсутствуют дата написания и имя автора (соавторов), можно вполне объяснить соображениями секретности. Но время и авторство документа можно установить, руководствуясь логикой, знанием истории и путем сопоставления с другими источниками.

¹ М. Барахтаев по национальности хакас, по социальному происхождению крестьянин (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп.1, д. 64. л. 77).

² Максимов Куприян Иванович — служащий из рабочих, 1899 г. р., член, ВКП (б) с 11 января 1928 г. (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп.1, д. 52, л. 31).

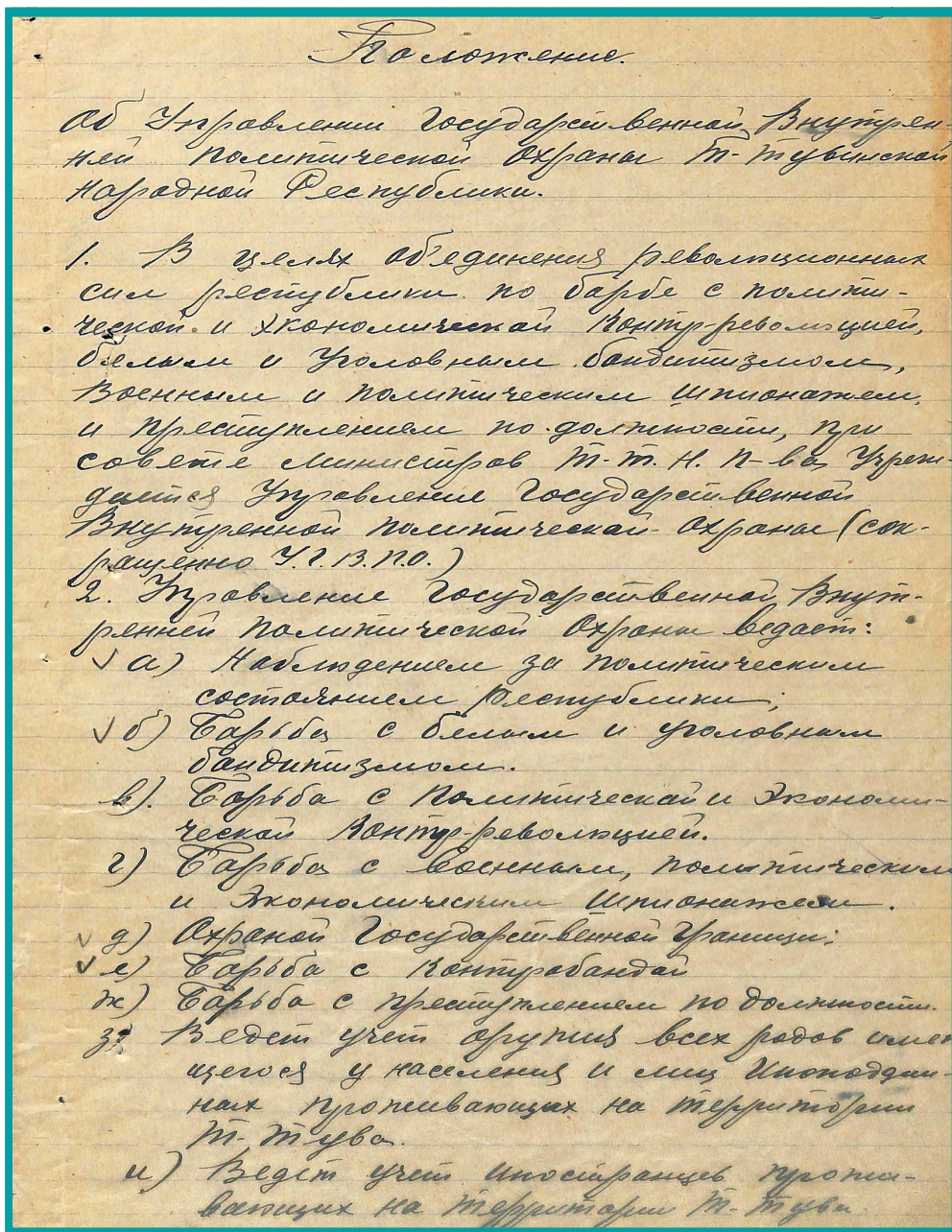

Фото 2. Первая страница рукописного Положения об УТВПО, предположительно 1925–1926 гг. (НА РТ, ф. 104, оп. 1, д. 1, л. 5).

Photo 2. Front page of the Statute of the UGVPO, manuscript, c. 1925–1926 (National Archives of the Republic of Tuva, f. 104, op. 1, d. 1, l. 5).

Так, в упомянутом документе республика названа «Танну-Тувинской», а такое название было закреплено в конституции 1924 г. и существовало до принятия конституции 1926 г. Значит, рукописное положение появилось в период с осени 1924 г. по осень 1926 г. Подготовительный этап создания УТВПО как раз попадает в эти хронологические рамки. Кроме того, процитированные выше документы о заседаниях ЦК ТНРП свидетельствуют, что подготовка положения возлагалась на начальника УТВПО и инструктора, которым в то время был прибывший из Москвы К. И. Максимов. Видимо, рукой последнего этот документ и был переписан после разработки и согласования, а образцами при его составлении вполне могли послужить положения ОГПУ СССР и Государственной политической охраны (ГПО) МНР. Утвердили же положение об УТВПО, как отмечалось, 1 июля 1925 г. То, что рукописный вариант мог быть действующим или был положен в основу действующего документа, свидетельствуют бесспорные признаки его практического применения, например, отсылки к нему в последующих

документах. Так, пункт 9 рукописного положения гласит: «Надзор за законностью действий УГВПО осуществляется Советом Министров, и по уполномочию последнего председателем Совета Министров, пред которым УГВПО отчитывается путем ежемесячных письменных докладов» (НА РТ, ф. 104, оп. 1, д. 1, л. 7). Такие доклады (сводки) действительно в правительство периодически направлялись. Из анализа их содержания можно заключить, что практическая деятельность УГВПО вполне отвечала целям и задачам, изложенным в его рукописном положении. Так, в пп. 1–2 документа говорилось:

«1. ... при Совете Министров Танну-Тувинского Народного Правительства создается Управление Государственной Внутренней Политической Охраны (сокращенно УГВПО). 2. Управление Государственной Внутренней Политической Охраны ведаёт: а) наблюдением за политическим состоянием республики; б) борьбой с белым и уголовным бандитизмом; в) борьбой с политической и экономической контрреволюцией; г) борьбой с военным, политическим и экономическим шпионажем; д) охраной Государственной границы; е) борьбой с контрабандой; ж) борьбой с преступлениями по должности; з) учетом оружия всех родов, имеющегося у населения и лиц иноподданных, проживающих на территории Танну-Тувы; и) учетом иностранцев, проживающих на территории Танну-Тувы; к) выполняет специальные задания правительства и ЦК Народной партии» (НА РТ, ф. 104, оп. 1, д. 1, лл. 5–5об.).

В соответствии с пунктом 4 «Положения» УГВПО наделялось судебными функциями; судебная коллегия получала право «определять наказание вплоть до высшей меры» (там же). При этом в примечании к данному пункту указывалось: «Постановления коллегии о высшей мере наказания приводятся в исполнение после санкции Совета Министров». Кассационные жалобы по высшей мере наказания также рассматривал Совет Министров и «решения последнего для УГВПО являлись окончательными» (там же: л. 6). Начальник УГВПО и его заместитель назначались Советом Министров, «с последующим утверждением Политбюро ЦК партии» (там же). Начальник УГВПО входил «в состав министров с правом решающего голоса» (там же).

Согласно пунктам рукописного «Положения» при УГВПО создавались две коллегии: судебная и административная. В состав судебной коллегии входили: начальник УГВПО, его помощник (он же секретарь коллегии), инструктор и представитель от ЦК ТНРП с правом решающего голоса. Кроме того, коллегия могла приглашать по необходимости и других представителей с правом решающего или совещательного голоса. В состав административной коллегии входили: начальник УГВПО, его заместитель и инструктор; она рассматривала и утверждала внутренний распорядок работы УГВПО и пограничный охраны на период свыше месяца.

Пунктом 10 этого документа устанавливалось, что УГВПО «в случае необходимости по делам оперативного характера вооруженной силой могло пользоваться в потребном ему количестве людей из кавэскадрона регулярной части тувинского правительства» (НА РТ, ф. 104, оп. 1, д. 1, л. 7об.). Кроме того, при УГВПО имелся отдел милиции. По данным за 1927 г., его сначала возглавлял Мунге, затем Падаган-оол, инструктором отдела был Черменев. Отдел также (п. 11) имел собственную смету, утверждаемую Советом Министров. Расходование средств на содержание своих работников, отмечалось в «Положении», УГВПО производит по смете; если же требуются дополнительные расходы, то «они производятся с разрешения Совета Министров» (НА РТ, ф. 104, оп. 1, д. 1, л. 7об.).

Одним из первых мероприятий УГВПО стала постановка на контроль всех иностранных фирм, торговых учреждений и предприятий в Туве, «входящих в состав государств, кои не имеют своих уполномоченных представителей в Туве» (НАРТ, ф. 113, оп. 1, д. 7, лл. 19–20). Так, по запросу УГВПО Таможенный отдел Минфина ТНР представил ему 14 августа 1925 г. список китайских фирм, находящихся на территории ТНР с указанием их названий, владельцев, расположения резиденций и отделений (На перекрестке ..., 2014: 275–276).

В 1926 г. начался перевод советских граждан в Туве под юрисдикцию тувинского государства, к тому времени признанного Советским Союзом (соглашение между ТНР и СССР от 22 июля 1925 г., см.: История Тувы, 2007: 334–335). Одним из важных шагов на этом пути стала передача в ведение ТНР вопросов обеспечения безопасности постоянно проживавших в Туве советских граждан. Перевод их под юрисдикцию ТНР сопровождался ликвидацией властных структур и организаций РСТК, массовым недовольством колонистов и требовал постоянного внимания со стороны служб безопасности РСТК и ТНР.

В период слияния РСТК с ТНР по источникам просматривается одновременное участие в заседаниях райбюро РКП(б) последнего заведующего юридического отдела исполкома РСТК Александра Лужбина и инструктора УГВПО ТНР Куприяна Максимова. После отбытия из Тувы Лужбина в обсуждении вопросов безопасности участвовал только инструктор УГВПО Максимов (ГАКК, р-49, оп.1, д. 525, л. 113).

Постановлением тувинской правительства от 27 февраля 1927 г. новым начальником УГВПО «вместо отозванного для работы в Президиуме Малого Хурулдана Республики» Адыг-Тюлюша Хемчик-оола был назначен Сат Чурмит-Тажи (он же Председатель ЦКК ТНРП, член ЦК ТНРП) (РГАСПИ, ф. 495, оп. 1, д. 1, л. 95). Обнаруженные автором в РГАСПИ «Государственные информационные сводки» УГВПО за март и апрель 1927 г. наглядно демонстрируют, что принцип отчетности службы безопасности перед правительством в начальный период работы Чурмит-Тажи на этом посту исправно соблюдался.

С момента своего создания в середине мая 1925 г. и до конца 1920-х гг. УГВПО прошло стадию становления. Правовой основой его деятельности стало специальное положение, которым предусматривались: борьба с бандитизмом и контрреволюцией, отчетность перед правительством, контроль за иностранными гражданами в Туве, создание судебной коллегии. Высшая мера наказания в ТНР в 1920-е гг. не применялась, хотя вопрос о ее применении неоднократно поднимался во властных структурах Советской колонии и тувинского государства. С 1926 г. в ведение УГВПО перешла безопасность советских граждан в ТНР. Роль и значение УГВПО в государственной и общественной сферах жизни Тувы постепенно росли. 5 Великий Хурал ТНР (17 сентября 1927 г.) передал в ведение УГВПО армию (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 80, лл. 213, 216).

1 буддийский съезд под контролем УГВПО

В 1928 г. в Туве в качестве сотрудника УГВПО работал Генин-Дарма Нацов, 1901 г. р., бурят по национальности, кандидат в члены ВКП (б) с 1923 г. (ЦАДПОО НА РТ, ф. 32, оп. 1, д. 80, лл. 191–192). Это о нем так подробно рассказал в своей книге «Путешествие в азиатскую Туву» Отто Менхен-Хельфен (Менхен-Хельфен, 2014). От Генин-Дармы Нацова (не путать с представителем Коминтерна в Туве Сереном Нацовым) он узнал многое о тибетской медицине, от него услышал, что учения Будды и Ленина будто бы вполне согласуются между собой. Г.-Д. Нацов был одним из участников 1 буддийского съезда в Туве (1928 г.), на котором присутствовал не только как приверженец буддизма, но и по долгу службы в качестве сотрудника УГВПО.

1 Буддийский съезд, проходивший в марте 1928 г. в г. Кызыле, стал важным событием в жизни Тувы (История Тувы, 2007: 256–259). Следует подчеркнуть, что тема контроля УГВПО за работой съезда ранее в научных исследованиях не изучалась.

Информация о ходе съезда изложена в агентурной части доклада «О прошедшем 1 буддийском съезде в Тувинской Народной Республике», который был составлен под грифом «Совершенно секретно». Там, в частности, отмечалось, что делегаты съезда — ламы «интересовались, кто такие Маркс и Ленин, спрашивали о сути их учения, коммунистическом манифесте. В заключение ламы сказали, что учение Будды и учение Маркса и Ленина между собой тождественны, но разница только в том, что последнее видоизменено» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 28, л. 52). Как отмечено выше, эту точку зрения разделял и сотрудник УГВПО Г.-Д. Нацов.

Из материалов доклада мы также узнаем, что правительство ТНР готовило секретную операцию по возвращении отданного в 1921 г. Внешней Монголии Хазутского хошуна¹. В нем говорилось:

«...В конце 1927 г. Правительство вполне серьезно стало говорить о возврате в свое подчинение дархат, т. е. проживавших в Хазутском хошуне тувинцев. ...Весной 1928 г. не позднее мая месяца предполагается командировать к дархатам 2–3 человек, которые едут под видом собирающих пожертвования лам с задачей узнать настроение дархат, ознакомиться с внутренним положением, управлением и рядом других вопросов. Командированные с этой целью должны всю свою миссию выполнить в 2-месячный срок. Во главе разведки намечается начальник УГВПО Чурмит-Тажи» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 28, лл. 64–65).

Общее руководство операцией возлагалось на главу правительства Дондука и его заместителя Талха-Сюрюна.

В докладе также сообщалось, что по ходу съезда делегаты раскололись на группы. Первая из них, возглавляемая Сульдум-Пунцуком, Сивеном, Араптаном и Шойданом, численностью до 10–13 человек выступала за удаление из монастырей женатых лам. Вторая из 10–12 человек (Баир, Баодын, Агван-Ширап и другие) с ними категорически не соглашалась. Оставшаяся часть делегатов в составе 7–9 человек соблюдала нейтралитет. Как у первой, так и у второй группы были покровители из членов Правительства. Первой группе покровительствовал председатель Совета Министров Куулар Дондук,

¹ Данная тема затрагивалась автором в СМИ в статье: Моллеров, Н. М. Этот странный «хазутский вопрос» в поисках ясности// Тувинская правда (газета). 15 сентября 2007 г. С. 5.

второй — его заместитель Талха-Сюрюн (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 28, л. 54). Далее говорилось, что «на съезде большинство высказывалось за удаление женатого ламства с хурэ, но когда разрабатывали резолюцию, то вопрос ...в самой резолюции нужной окраски не получил» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 28, лл. 66–68). На съезде был создан Президиум центрального органа духовного управления (ЦОДУ). Предполагалось, что он будет работать на постоянной основе. Местом его нахождения стал Кызыл. Предполагалось, что он «приступит к работе через 2 месяца после съезда, т. е. в конце мая месяца сего года» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 28, л. 54).

В агентурной части доклада давались характеристики главным участникам съезда. О Дондуке было сказано, что он «старается занять диктаторское положение», о Талха-Сюрюне, что «народ его хошуна выражает желание присоединиться к Монголии», о Буяне-Бадырғы, что он «во время восстания на Хемчике... принимал участие в его ликвидации, но в то же время имел связь с повстанцами», о Содноме, что «большим авторитетом среди населения пока не пользуется» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 28, л. 56).

Итак, I Буддийский съезд в Туве, созданный по инициативе бывшего ламы, главы правительства ТНР Куулара Дондука проходил с разрешения и под контролем УГВПО. И нельзя сказать, что опека «чекистов» над участниками съезда была жесткой. Если он проводился с целью вовлечения лам в созидательную государственную деятельность, то и участвовавший в его работе сотрудник УГВПО Г.-Д. Нацов был согласен с обновленцами в том, что учения Будды и Ленина близки. Однако убедительной победы над реакционной частью ламства, выступавшего за старые порядки, на съезде добиться не удалось.

УГВПО в переломное время конца 1920-х — начала 1930 гг.

В 1928 г. в Туву прибывает резидент ОГПУ Петр Ипполитович Пышкалло, сменивший в должности инструктора УГВПО К. И. Максимова. С именем П. И. Пышкалло связано такое важное историческое событие в Туве, как отстранение от власти «правого» руководства (*История Тувы, 2007: 344, 345–349*). В его деятельности наглядно проявились многие негативные черты советских работников НКВД, фабриковавших политические дела, применявших недозволенные методы следствия ради наград и быстрого продвижения по службе. Нельзя сказать, что все его предшественники в Туве были воплощением законности. Но нарушения закона в их работе случались редко, а в действиях Пышкалло прослеживается последовательно выстроенная система.

Из протоколов бесед полпреда СССР в ТНР А. Г. Старкова и представителя Коминтерна молодежи (КИМ) В. Мачавариани в декабре 1928 г. видно, что активное участие в смещении «правых» принимали бывший начальник УГВПО, председатель Малого Хурала Хемчик-оол и действующий начальник УГВПО, член Политбюро ЦК ТНРП Чурмит-Тажи. Сотрудник УГВПО П. И. Пышкалло, вместе с представителем Коминтерна С. А. Нацовым помогал «левым» в выработке политической платформы (РГАСПИ, ф. 533, оп. 8, д. 120, лл. 1–27) (*фото 3*).

Фото 3. Работники УГВПО в 1927 г. Сидят (слева направо): Г. Д. Нацов, П. И. Пышкалло, Сат Чурмит-Тажи и Оюн Бадагандай. Фото из личного архива автора.

Photo 3. UGVPO personnel in 1927.

Seated, left to right: G. D. Natsov, P. I. Pyshkalo, Sat Churmit-Tazhy and Oyun Badagandai. Photo from the author's personal archives.

Отмеченные выше способности Пышкалло нашли свое применение и в период свертывания деятельности отделения Госторга РСФСР в Туве

в 1931 г. Политически вопрос об уходе Госторга с тувинского рынка назрел и был между тувинским и советским руководством согласован. Однако, П. И. Пышкалло развернул целую компанию по дискредитации руководителя отделения Госторга РСФСР в Туве в лице О. О. Марка и других работников. Согласно отчета Пышкалло, в июле 1929 г. УГВПО проводило обыски на заимках Туранского района. «При обыске у Азютских кулаков, — писал Пышкалло, — были обнаружены огромные запасы дефицитных товаров (далемба, чай, сахар). В своих показаниях кулаки заверяли, что все эти товары они приобрели в Госторге» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 60, л. 4). Кроме того, создавалось ложное представление о конкуренции между Госторгом и Тувинценкоопом (Тувинским центральным кооперативом), в которой Госторг выглядел политически враждебным. В конце концов, О. О. Марку удалось избежать политических репрессий, но это стоило ему лечения расшатанных нервов (АВП РФ, ф. 153, оп. 6, д. 7, п. 2, лл. 9–10 об.).

К. И. Максимов, который не сработался с Пышкалло и называл его оболтусом, писал советскому полпреду в Туве А. Г. Старкову:

«Еще в бытность мою (в ТНР. — Н. М.) он крайне неосторожно обращался с шифром. ...Имею вполне авторитетные сведения, что Пышкалло не сработался с тувинцами и не пользовался ни авторитетом, ни доверием с их стороны. Терпят его постольку, поскольку это необходимо и иного выхода нет. ...Безобразная перлюстрация корреспонденции, некоторые заявляют, что по три месяца не получали писем, тогда как раньше получали аккуратно. В числе жертв перлюстрации и я. Письма мои вскрываются самым безобразным образом, мало этого — конфискуются» (АВП РФ, ф. 153, оп. 6, д. 7, п. 2, л. 87).

По-видимому, новым работником УГВПО, сменившим Пышкалло, стал Болбар Дармаин, которого в архивных источниках называют «инструктором ГПУ» (АВП РФ, ф. 153, оп. 8, д. 8, д. 4, л. 4) и который имел отношение к переломным событиям начала 1930-х гг. в Туве: проведению антифеодальной революции, антирелигиозной кампании, коллективизации и расстрела представителей старой политической элиты ТНР. Имеется, в частности, упоминание в источниках об изъятии им у советника Тувинценкоопа Н. Х. Молчанова документа о доверии, выданного ему штабом партизанской армии Щетинкина-Кравченко в годы Гражданской войны. Позднее в годы пика политических репрессий в СССР и Туве Н. Х. Молчанов был репрессирован. На обложке подготовленной им второй части «Хрестоматии» по дореволюционной истории Тувы, фамилия и инициалы автора специально вымараны чернилами. В выходных данных опубликованного издания тираж не указан (Молчанов, 1935; фото 4).

Если в предшествующий период времени социально-классовая политика в ТНР жестко не проводилась, то в конце 1920 — начале 1930 г. произошло ее ужесточение. Более активно, без оглядки на закон начали действовать и работники УГВПО. Показательной в этом отношении является деятельность П. И. Пышкалло. Объектами внимания и преследования со стороны службы безопасности ТНР становятся советские дипломатические и хозяйственные работники в Туве, тувинские руководители.

Межнациональные отношения, кадровый вопрос и служба безопасности

В ноябре 1929 г. в Москву в отдел Дальнего Востока НКВД СССР на имя Л. М. Карахана из Тувы ушло письмо под грифом «Секретно» инструктора Тувинценкоопа Н. В. Дрелинга. Как свидетельствует пометка на письме, его копии были направлены во фракцию Правления Центросоюза, в Наркомат

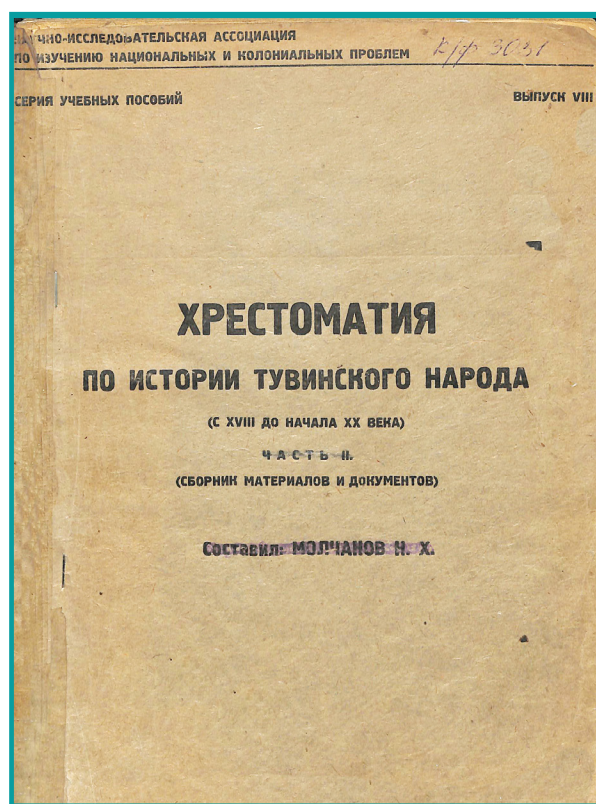

Фото 4. Обложка 2-й части «Хрестоматии», подготовленной Н. Х. Молчановым и изданной в 1935 г. (НА ТИГПИ, к/ф 3031).

Photo 4. Cover of the "Xrestomatia", Pt. 2, compiled by N. Kh. Molchanov and published in 1935 (NA TIGPI, k/f 3031).

рабоче-крестьянской инспекции (НКРКИ) СССР т. Ройзману, Центральную контрольную комиссию ВКП (б) т. Викману, Бюро заграничных ячеек (БЗЯ) ЦК ВКП (б) т. Магидову, контрразведывательный отдел ОГПУ СССР т. Тубола, иностранный отдел ОГПУ СССР т. Мессингу, исполком Коминтерна (ИККИ) т. Мифу (Пятницкому). По этим адресам можно понять, что за должностью инструктора Тувинценко-опа скрывалось лицо, пользующееся широким доверием советского руководства. Н. Л. Дрелинг в своем первом письме из Тувы охарактеризовал взаимоотношения между тувинцами и русскими, как очень проблемные, и привел в подтверждение своей оценки ряд примеров. Обобщив свои наблюдения, он сделал выводы, что «русские работники... допускают выпады против тувинских работников, которые ничем оправданы быть не могут» и что «работа по тувинизации аппарата почти не ведется...» (АВП РФ, ф. 153, оп. 8, д. 8, п. 4, л. 154).

В РГАСПИ также хранится выписка из письма Дрелинга во фракцию правления Центросоюза СССР (копии данного письма были также направлены в НКВД Карахану, в ИККИ Пятницкому) от 4 февраля 1930 г. под грифом «Секретно». Дрелинг сообщал, что:

«решения последнего Тувинского партийного съезда (речь идет о VIII съезде ТНРП. — Н. М.) об анти-религиозной пропаганде, борьбе с ламами, конфискации монастырского имущества на местах проводится довольно-таки коряво: на Джадане (в Чадане. — Н. М.), например, арестовали всех лам и шаманов, потом пришлось их отпустить... начались разговоры о пересмотре границ с СССР, о появлении в Монголии Николая II и т. д. Все эти нездоровые настроения не подвергаются должному анализу и изучению. В некоторых пунктах к русским явно враждебное отношение (Шагонар). Никакой опасности для сегодняшнего дня все эти разговоры, конечно, не имеют, но все же всем этим настроениям надо уделять должное внимание. Тут же должен сообщить вам о какой-то «семейственности» на монгольской границе. Монголы путешествуют без всяких разрешений в Туву за хлебом, а тувинцы в Монголию за табаком. Где-то у черта на куличках на Терехуле (в сумоне Тере-Холь. — Н. М.) еще до сих пор живут какие-то китайцы, собирающие с населения старые долги пушниной, последняя уже, по некоторым сведениям появилась на монгольском рынке. О Терехуле я сообщил в соответствующие организации. ...В ряде староверческих селений есть много злостных и опасных агитаторов, с которыми не ведется никакой борьбы» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 36, л. 1 об.).

Из вышесказанного в данном разделе следует, что русско-тувинские отношения и решение кадрового вопроса в Туве после прихода к власти «левых» находились под контролем советских «чекистов» и оценивались как проблемные. Обострялся вопрос о тувинизации органов власти и организаций ТНР. Однако первоочередным при осуществлении партийно-государственной политики все еще продолжал оставаться вопрос антифеодальной революции.

Подавление волнений в период коллективизации и первая «волна» политических репрессий

5 мая 1930 г. газета «Красный пахарь» писала: «В конце апреля месяца сего года органами УГВПО в колонии была обнаружена контрреволюционная кулацкая организация. Главари этой организации 26 апреля сего года были арестованы, часть организаторов, оставшихся на свободе, сгруппировав вокруг себя кулаков и недовольных классово-политической властью, организовали в Шагонарском районе организацию, которая начала свою преступную деятельность».

О вооруженном выступлении в советской колонии в Туве полпред СССР в ТНР А. Г. Старков сообщил советскому руководству и лично Сталину. Одна из копий его письма была адресована и главе ОГПУ СССР т. Менжинскому. Полпред просил направить в Туву советскую воинскую часть. Однако ни в тот раз, ни позднее, когда произошли вооруженные выступления тувинцев, советские войска в Туву не вводились. ТНРА, ЧОН и УГВПО справились своими силами. Восстания, во многом спровоцированные перегибами при коллективизации, были подавлены. Наиболее активные участники этих восстаний были осуждены и расстреляны (История Тувы, 2007: 165–166, 191–194; НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 14, л. 1).

В начале 1930-х гг. в Туве проводилась конфискация скота и имущества феодалов. В постановлении объединенного заседания Президиума Малого Хурала и Совета Министров Тувинской Аратской Республики определялось: «имущество бывших феодалов и нойонов конфисковать» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 36, л. 13).

Всеи работой по конфискации руководила комиссия под руководством бывшего начальника УГВПО, председателя Совета Министров ТАР Сата Чурмит-Тажи. В нее также входили представители ЦК ТНРП (Тока) и ЦК ТРСМ (Лопсан), руководитель ЦКК ТНРП Сандык, председатель Малого Хурала Хемчик-оол, председатель Колхозцентра Таня Камова (Сат) и представители от батраков, середняков и колхозников (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 36, л. 13). Понятное дело, что комиссия в своей работе опиралась и на

сведения УГВПО. В смету расходов УГВПО на 1929–1930 гг. было заложена немалая по тем временам сумма 44580 рублей, что также косвенно свидетельствует о заметном росте активности в деятельности этой организации в «переломное время» (АВП РФ, ф. 153, оп. 6, д. 7, п. 2, л. 24).

В начале 1930-х гг. по Туве прошла первая «волна» репрессий, жертвами которой стали «правые» руководители государства: Буян-Бадыргы, Дондук, Соднам и др. (*История Тувы, 2007*: 198–199). С приходом к власти «левых» влияние ТНРП возросло. В начале 1930-х гг. УГВПО помимо Совета Министров, отчитывалось и перед ЦК ТНРП, куда начальник УГВПО Сенгиижик направлял докладные записки. 15 августа 1932 г. он писал что «политическое и экономическое положение за последние два года значительно изменилось» в положительную сторону, но проведение мероприятий новой власти «сопровождалось упорным сопротивлением» феодалов и баев, вставших на путь скрытой, а местами (Тере-Холь сумон) открытой борьбы...» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, п. 55, л. 31). Констатировался факт, что в 1930 г. в ТНР произошли крупные вооруженные выступления: хемчикское (март) и подхребтинское (апрель), в 1931 г. были раскрыты контрреволюционные повстанческие организации: тес-хемская (120 чел.) и подхребтинская (8 чел.). Также сообщалось, что в мае 1932 г. только в ходе операции в приграничной (южной) полосе было «вскрыто и ликвидировано» шесть контрреволюционных группировок и организаций против двух в 1930–1931 гг., из которых три были «явно повстанческого характера» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 31).

В докладной записке подчеркивалось:

«Наиболее опасным элементом на данном отрезке времени является ламство, которое, формально будучи разгромлено, но не разбито идейно и **не уничтожено физически** (выделено мною. — Н. М.), составляющее не менее 7–8% к общему составу населения, с хурэ¹ ушло в улусы и продолжают повседневно в скрытой форме вести свою контрреволюционную работу среди аратов. Вскрытие контрреволюционной организации и группировки в майскую (1932 г.) операцию показало, что основную организующую роль, идейным вдохновителем и застрельщиком этих организаций и группировок являлось ламство... которое продолжает жить чаяниями скорого возвращения в ТАР реакционера Дагдан-комбу, бежавшего из Тувы в 1924 г. и находящегося сейчас при Панчен-Богдо» (там же: л. 32).

Что касается светских феодалов, то они, согласно выводам УГВПО, «будучи подвергнуты внутривоенному переселению, но, оставаясь неизоллированными от основной аратской массы, продолжают иметь с последней связь и оказывать свое влияние» (там же: лл. 32–33).

«Вскрытая в августе месяце с. г. (по счету седьмая за 1932 г.) контрреволюционная группировка в Тусдаг сумоне (Улуг-Хемского хошуна), — говорилось в документе, — ориентацию контрреволюционных и правых элементов на контрреволюционеров и правых Монголии подтверждает. В приграничных районах всей южной полосы (Тере-Хольский, Ужарский, Качикский, Тусдагский, Каргы сумоны) ведется агитация за укочевку в Монголию. Некоторые из участников ликвидированной контрреволюционной группировки в Тусдаг сумоне уже начали переправлять свое имущество в Монголию, развертывая агитацию за это же среди основной аратской массы» (там же: л. 33).

В связи с «левым» курсом на ускоренное развитие ТНР по пути к социализму, предусматривавшим непопулярные меры по ликвидации феодалов как класса, гонениям на буддистов и шаманистов, сплошной коллективизации, началу политических репрессий роль УГВПО в ТНР возрастала. Были увеличены финансовые средства на ее содержание. УГВПО играло активную роль в конфискации феодальной собственности, обеспечивая агентурными ведениями Комиссию по конфискации, возглавляемую Сатом Чурмит-Тажи. УГВПО стало подотчетной не только перед правительством, но и перед ЦК ТНРП. Тувинские «чекисты» добывали разведданные в ходе подавления вооруженных восстаний в Советской колонии и тувинских хошунах, в том числе в пограничной тувинско-монгольской полосе. При их попустительстве, а возможно и участии, по Туве прокатилась первая «волна» политических репрессий. Расстрелы проводились без суда и следствия. В это время была задействована высшая мера наказания – расстрел, и были расстреляны тувинские государственные и партийные деятели.

УГВПО: ужесточение контроля в сфере экономики

На «экономическом фронте», по оценке УГВПО, также чувствовалась напряженность. В связи с этим отмечалась необходимость в «правильном руководстве» и «своевременных оперативно-профилактических мер на участках, где будут отмечаться расхлябанность, вредительство, происки классового врага...» (там же: л. 34).

¹ Хурэ (тув. хурээ) — буддийский монастырь, храм.

В связи с пересмотром старого и введением нового политико-хозяйственного курса (тувинский вариант нэпа; *История Тувы, 2007*: 195–198) в 1933 г. в докладной записке УГВПО было отмечено: «Наличие в стране частного рынка, как следствие частно-капиталистических элементов, развивает последним до некоторой степени свободу действий, а отсюда на органы УГВПО накладывается необходимо сугубая революционная бдительность по охране некапиталистических элементов» (там же: лл. 34–35).

«**Меч аратской диктатуры** (выделено автором статьи. — *Н. М.*) над контрреволюционным элементом, — говорилось далее, — глаза и уши ЦК АРП и Правительства и часовой, охраняющий мирный труд и революционные завоевания аратов — УГВПО, до сих пор в основном успешно справлялась с возложенными на него специальными задачами. ... Однако этап борьбы с открытой контрреволюцией пройден. Феодално-теократические контрреволюционные элементы, потерпев поражение в открытом бою, ушли в подполье, а это во многом осложняет борьбу. Отмечалось, что наличие средств и сил, имеющихся в распоряжении УГВПО в данное время, не обеспечивают полностью оперативно-профилактических мероприятий» (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 55, л. 34).

В связи с усложнением условий работы УГВПО обратилось к ЦК ТНРП и правительству ТНР с просьбой:

1. Дать конкретные политические установки, исходя из решений IX съезда АРП, ориентируя в основных задачах данного съезда.
2. Предоставить возможность укомплектовать аппарат УГВПО как качественно, так и количественно.
3. В обеспечение выполнения возлагаемых на УГВПО задач, УГВПО просит расходную смету довести до 113 тыс. руб., вместо 69 тыс. руб., одновременно приходную увеличить до 100 тыс. руб. вместо 45 тыс. рублей» (там же: л. 35).

Отсюда видно, что масштаб деятельности УГВПО и средства на ее обеспечение из года в год росли. В материалах 3-й сессии Малого Хурала ТАР, проходившей осенью 1933 г., в выступлениях ее делегатов, в частности, то и дело рефреном звучит мысль, что «отделы УГВПО в хошунах считают себя выше всех» (там же: л. 38). Так, делегат Пиринлей в связи с этим заметил, что местная власть имеет слабый авторитет, что его больше у УГВПО (там же: л. 36).

Еще большее влияние на судьбы граждан служба безопасности ТНР получила после реорганизации УГВПО в Военное управление охраны страны (ВУОС) летом 1934 г. В ее ведение перешли все силовые структуры: армия, милиция и даже добровольные Общества содействия обороне страны (ОСОС). В «Истории Монголии. XX век» упоминается, что в том же году подобное преобразование Сталин предложил МНР, порекомендовав обновленную структуру службы безопасности усилить (*История Монголии, 2007*: 100). Это делалось с целью сохранить за государством командные высоты в условиях легализации частной собственности. Возможно, что и Тува получила подобные рекомендации из Москвы. Дальнейшая история службы государственной безопасности ТНР лежит за хронологическими рамками настоящей статьи.

Заключение

Таким образом, служба безопасности ТНР, в начальный период своей деятельности известная как УГВПО, была создана после силовой попытки упразднения тувинского государства путем включения его в состав Внешней Монголии (затем МНР) и накануне дипломатического признания ТНР Советским Союзом. Ее структура и деятельность строились по образцу служб безопасности СССР и МНР. Как и там, основной задачей тувинских «чекистов» была борьба с контрреволюцией: предупреждение и ликвидация внутренних заговоров и вооруженных восстаний. Из СССР в МНР и ТНР порой направлялись похожие рекомендации. В начальный период деятельности УГВПО использовался опыт, наработанный юридическим отделом исполкома РСТК. К тому времени сотрудники отдела приняли активное участие в «замирении» вооруженного мятежа на Хемчике, в переводе советских граждан в Туве под юрисдикцию ТНР, включая и вопросы обеспечения их безопасности. Все 1920-е гг. в РСТК и ТНР высшая мера наказания (расстрел) не применялась.

С конца 1920-х гг. в деятельность УГВПО ТНР из СССР были привнесены преступные методы расследования и фабрикация дел. При этом на доказательность предполагаемых преступлений должного внимания не обращалось: следователи были заняты не восстановлением законности, а проведением политической кампании против «врагов народа». В начале 1930-х годов по Туве прошла первая «волна» политических репрессий. В спорах о главных виновниках трагических событий не следует забывать, что расстрелы производились с санкции Совета Министров ТНР, он же рассматривал кассационные

жалобы по расстрельным делам. В исследованиях историков-тувиноведов внимание на это не обращается. УТВПО подчинялось поначалу только правительству, затем подчинение стало двойным — и Совет Министров, и ЦК ТНРП.

Роль и значение УТВПО в государственной и общественной сферах жизни Тувы постепенно росли. Историк Ю. Л. Аранчын в своей научно-публицистической статье «Долгий путь к правде»¹ отмечал, что в 1930-е гг. в Туве прослеживается неуклонный рост влияния службы безопасности. Его наблюдение подтверждается и данными, приведенными в этой статье. Усиление УТВПО было тем более возможно, что оно функционировало в условиях неустоявшейся демократии, при сильном внешнем влиянии СССР.

Благодарности

Благодарю к. и. н. Аяну Анай-ооловну Самдан за оказанную мне научно-методическую и научно-организационную помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будулуков, Н. Ю. (2005) Правовое регулирование организации и деятельности органов государственной безопасности (1922–1934). М.: Академия федеральной службы безопасности. 194 с.
- Ганин, А. (2014) Урянхайский поход Бакича // Родина. № 7, июль. С. 52–58.
- Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. (1958) : сб. документов / сост. А. К. Гончаров и др. М. : Политиздат. 511 с.
- Из истории спецслужб Бурятии (1997): Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию ВЧК — ФСБ / общ. ред. В. И. Халанов, Б. В. Базаров. Улан-Удэ : ВСГАКИ. 102 с.
- История Тувы (2007) / под общей ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 430 с.
- История Монгольской Народной Республики (1954) / гл. ред. Б. Д. Греков, С. А. Козин, А. А. Губер и др. М. : Издательство Академии Наук СССР. 422 с.
- История Монголии. XX век (2007) / отв. ред. Г. С. Яскина. М. : ИВ РАН. 488 с.
- Канчинский, О. (2005) Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М. : Эксмо. 383 с.
- Конституции Тувы (1999) : сборник к 55-летию принятия Тувы в состав СССР и РСФСР / сост. В. А. Дубровский. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 216 с.
- Макаревич, Э. (2002) Политический сыск. М.: Алгоритм. 430 с.
- Менхен-Хельфен, О. (2014) Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 6. Танну-Тувинская Народная Республика (1921–1944 гг.). 584 с. С. 220–261.
- Млечин, Л. (2008) История внешней разведки. Карьеры и судьбы. М.: Центрполиграф. 510 с.
- Мозохин, О. Б. (2004) ВЧК — ОГПУ на защите экономической безопасности государства и в борьбе с терроризмом. М. : Яуза ; Эксмо. 445 с.
- Мозохин, О. Б. (2005) ВЧК — ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М. : Яуза ; Эксмо. 448 с.
- Моллеров, Н. М. (1989) Истоки братства. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 143 с.
- Моллеров, Н. М. (2010) Обращение НКВД РСФСР к тувинскому народу 9 сентября 1921 г. (новое прочтение) // Ученые записки ТИГИ. Кызыл. Вып. XXII. С. 136–144.
- Моллеров, Н. М. (2018) После боя под Атамановкой: бакичане в Туве (1921–1932 гг.) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и разнообразия. Сборник материалов научно-практической конференции 20–23 сентября 2018 г. / отв. ред. З. Ю. Доржу. Кызыл : Изд-во ТувГУ. 350 с. С. 237–241.
- Молчанов, Н. Х. (1935) Хрестоматия по истории тувинского народа (с XVIII до начала XX века): в 2 ч. М. : Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. Ч. 2. Сборник материалов и документов. 114 с.
- На защите национальных интересов (2015) / предс. ред. совета О. Ф. Болomoжнов. Абакан : ООО «Кооператив «Журналист». 144 с.
- На перекрестке времени (2014) / гл. ред. А. М. Дугар-Сюрюн. Новосибирск: Сибирское книжное издательство. 780 с.
- Нежинский, Л. Н. (2004) В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917-1933 годах. М. : Наука. 324 с.

¹ Аранчын, Ю. Л. Долгий путь к правде // Тувинская правда (газета). 1990, №№ 28, 29, 30, 35, 36, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51.

Плеханов, А. М. (2006) ВЧК — ОГПУ в годы новой экономической политики 1921–1928. М. : Кучково поле. 702 с.
 Рыбалкин, Н. Н. (2002) Философия безопасности. М. : Олма-пресс. 253 с.

Дата поступления: 01.06.2020 г.

REFERENCES

Bululukov, N. Iu. (2005) *Pravovoe regulirovanie organizatsii i deiatel'nosti organov gosudarstvennoi bezopasnosti (1922–1934)* [Legal regulation of the organization and activities of state security agencies (1922–1934)]. Moscow, Akademiia federal'noi sluzhby bezopasnosti. 194 p. (In Russ.).

Ganin, A. (2014) Uriankhaiskii pokhod Bakicha [Bakich's Uriankhai campaign]. *Rodina*, no. 7, July, pp. 52–58. (In Russ.).

Iz istorii Vserossiiskoi Chrezvychainoi komissii. 1917–1921 gg. (1958) [From the history of the All-Russian Extraordinary Commission. 1917–1921]: collection of documents / comp. by A. K. Goncharov et al. Moscow, Politizdat. 511 p. (In Russ.).

Iz istorii spetssluzhb Buriatii [From the history of the special services of Buryatia] (1997): Materials of a scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the Cheka-FSB / ed. by V. I. Khalanov and B. V. Bazarov. Ulan-Ude, VSGAKI. 102 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Istoriia Mongol'skoi Narodnoi Respubliki [History Of The Mongolian People's Republic] (1954) / ed. by B. D. Grekov, S. A. Kozin, A. A. Guber et al. Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 422 p. (In Russ.).

Istoriia Mongolii. XX vek [History Of Mongolia. The twentieth century] (2007) / ed. by G. S. Yaskin. Moscow, IV RAN. 488 p. (In Russ.).

Kanchinskii, O. (2005) *Gosbezopasnost' iznutri. Natsional'nyi i sotsial'nyi sostav* [The state security from the inside. Ethnic and social composition]. Moscow, Eksmo. 383 p. (In Russ.).

Konstitutsii Tuvy [Constitutions of Tuva] (1999): a collection for the 55th anniversary of Tuva's accession to the USSR and RSFSR. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 216 p. (In Russ.).

Makarevich, E. (2002) *Politicheskii sysk* [Political intelligence]. Moscow, Algoritm. 430 p. (In Russ.).

Menkhen-Khel'fen, O. (2014) Puteshestvie v aziatskuiu Tuvu [A journey to Asian Tuva]. In: *Uriankhai. Tyva depter* [Uriankhai. Tuva notebooks]: in: 7 vol. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 6. Tannu-Tuvinskaia Narodnaia Respublika (1921–1944 gg.) [Tannu-Tuva People's Republic (1921–1944)]. 584 p. Pp. 220–261. (In Russ.).

Mlechin, L. (2008) *Istoriia vneshnei razvedki. Kar'ery i sud'by* [History of foreign intelligence. Careers and destinies]. Moscow, Tsentrpoligraf. 510 p. (In Russ.).

Mozokhin, O. B. (2004) *VChK — OGPU na zashchite ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstva i v bor'be s terrorizmom* [Cheka — OGPU on the protection of the economic security of the state and in the fight against terrorism]. Moscow, Yauza, Eksmo. 445 p. (In Russ.).

Mozokhin, O. B. (2005) *VChK — OGPU. Karaiushchii mech diktatury proletariata* [Cheka — OGPU. The sword of vengeance of the dictatorship of the proletariat]. Moscow, Yauza, Eksmo. 448 p. (In Russ.).

Mollerov, H. M. (1989) *Istoki bratstva. Russkaia samoupravliaiushchiasia trudovaia koloniia v Tuvinskoii Narodnoi Respublike* [The origins of the brotherhood. Russian self-governing labor colony in the Tuvan People's Republic]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 144 p. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2010) Obrashchenie NKID RSFSR k tuvinskomu narodu 9 sentiabria 1921 g. (novoie prochtenie) [The Address of the NKID of the RSFSR to the Tuvan people, September 9, 1921: a new interpretation]. In: *Uchenye zapiski TIGI*. Kyzyl. Vol. XXII. Pp. 136–144. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2018) Posle boia pod Atamanovkoi: bakichane v Tuve (1921–1932 gg.) [After the battle of Atamanovka: Bakichans in Tuva (1921–1932 gg.)]. In: *IV Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniia. Prostranstvo kul'tur: cherez prizmu edinstva i raznoobraziia* [4th Central Asian readings in history. Space of cultures: through the prism of unity and diversity]. Proceedings of the conference on September 20–23, 2018 / ed. by Z. Yu. Dorzhu. Kyzyl, Izd-vo TuvGU. 350 p. Pp. 237–241. (In Russ.).

Molchanov, N. Kh. (1935) *Khrestomatiia po istorii tuvinskogo naroda (s XVIII do nachala XX veka)* [Anthology on the history of the Tuvan people from the XVIII to the beginning of the XX century]: in 2 parts. Moscow, Nauchno-issledovatel'skaia assotsiatsiia po izucheniiu natsional'nykh i kolonial'nykh problem. Part 2. Sbornik materialov i dokumentov [Collection of materials and documents]. 114 p. (In Russ.).

Na zashchite natsional'nykh interesov [Protecting the national interests] (2015) / ed. O. F. Bolomozhnov et al. Abakan, OOO «Kooperativ «Zhurnalist». 144 p. (In Russ.).

Na perekrestke vremeni [At the crossroads of time] (2014): a collection of archival documents and photo documents / eds.: A. M. Dugar-Surun et al. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 480 p. (In Russ.).

Nezhinskii, L. N. (2004) *V interesakh naroda ili vopreki im? Sovetskaia mezhdunarodnaia politika v 1917–1933 godakh [In the interests of the people or in spite of them? Soviet international politics in 1917–1933]*. Moscow, Nauka. 324 p. (In Russ.).

Plekhanov, A. M. (2006) *VChK — OGPU v gody novoi ekonomicheskoi politiki 1921–1928 [Cheka — OGPU in the years of the new economic policy 1921–1928]*. Moscow, Kuchkovo pole. 702 p. (In Russ.).

Rybalkin, H. N. (2002) *Filosofia bezopasnosti [Safety philosophy]*. Moscow, Olma-press. 253 p. (In Russ.).

Submission date: 01.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.5

Вооруженное восстание в Туве в 1930 г.

Аяна А. Самдан

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация*

В статье осуществлена реконструкция вооруженного выступления 1930 г. в Тувинской Народной Республике на основе ранее неопубликованных архивных документов: нормативных документов органов законодательной и исполнительной власти, партийных организаций, воспоминаний участников.

В качестве предпосылок восстания названо изменение внутренней политики ТНР, которое произошло начиная с VIII съезда Тувинской Народно-Революционной партии (осень 1929 г.). Он провозгласил руководящую роль партии в управлении страной, развитие по некапиталистическому пути, отстранение от участия в государственном и общественном управлении страной бывших феодалов и чиновников. Преобразования коснулись широкого круга населения, бывшие нойоны, чиновники и ламы в большей части были ущемлены в политических и гражданских правах. Все это дало толчок к протестному движению, который принял довольно широкие масштабы. Восстание в Туве не было уникальным, смежный процесс проходил в Монголии (восстание 1930–1932 гг.), поэтому лозунги были схожи. Мятежники выступали против правительственных мер, за реставрацию прежней политической власти и буддийской религии, но конкретной

программы они не разработали.

Мятежи в ТНР вспыхнули в марте 1930 г. в западных районах Тувы. Общая география восстания включила: Дзун-Хемчикий, нынешний Овюрский, Барун-Хемчикский, Монгун-Тайгинский, Тандынский, Пий-Хемский и Улуг-Хемский кожууны (районы) ТНР. Общее количество восставших установить не удастся, есть лишь сведения по отдельным районам (примерно 400 чел.). По данным документам выясняется, что руководителями восстания выступили бывшие чиновники и состоятельные люди, но большинство составляла беднота.

Основной причиной поражения восставших стала их разрозненность. Очаги сопротивления периодически фиксировались в отдельных районах Тувы в 1931, 1932 и 1933 гг.

Ключевые слова: Тува; вооруженное восстание; история Тувы; история Монголии; Тувинская Народная Республика; тувинцы; Панчен-лама IX

Для цитирования:

Самдан А. А. Вооруженное восстание в Туве в 1930 г. // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 66–80.
DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.5

Самдан Аяна Анай-ооловна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник группы истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (39422) 2-39-36. Эл. адрес: samayana@mail.ru

SAMDAN, Ayana Anai-oolovna, Candidate of History, Leading Research Fellow, Group of History, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (39422) 2-39-36. Email: samayana@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-7785-7497**

Tuvan armed rebellion in 1930

Ayana A. Samdan

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva,
Russian Federation*

The article presents a reconstruction of an armed rebellion in 1930 in Tuvan People's Republic based on previously unpublished archival documents, including regulations issued by legislative and executive authorities, party offices and participants' memoirs.

One of the reasons for the rebellion was a change in the domestic policy of the TPR, starting from the 8th Congress of Tuvan People's Revolutionary Party (Autumn 1929). It granted the leading role in running the country to the party, proclaimed adherence to a non-capitalist way of development, and removed former feudal lords and officials from any role in the state and public administration of the country. These transformations were felt by a broad circle of public, including former noyons, officials and lamas, who were mostly deprived of their political and civil rights. This led to the protest movement on a broad scale. The Tuvan revolt was not unique: a similar process was happening at the same time in Mongolia (culminating in the 1930-1932 rebellion), so the slogans in both countries were quite similar. The rebels rose against the government actions, supported a restoration of the former political authority and the Buddhist religion, but they failed to develop a specific program.

The riots in TPR broke out in March 1930 in the Western regions of Tuva, including Dzun-Khemchiksky, Ovyursky, Barun-Khemchiksky, Mongun-Tayginsky, Tandinsky, Piy-Khemsy and Ulug-Khemsy kozhuuns (districts). The total number of rebels is difficult to specify, but it can be approximated as c. 400 people. According to the documents, they were led by former officials and the wealthy, but the rebels themselves mostly came from the poor.

The main reason for the rebels' defeat was their inability to unite. Pockets of rebellion were periodically recorded in some areas of Tuva in 1931, 1932, and 1933.

Keywords: *Tuva; armed rebellion; Tuvan history; Mongolian history; Tuvan People's Republic; Tuvans; Panchen-lama IX*

For citation:

Samdan A. A. Vooruzhennoe vosstanie v Tuve v 1930 g. [Tuvan armed rebellion in 1930]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 66–80. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.5

Введение

В самом начале 1930 г., в связи с изменением политического курса Тувинской Народной Республики (ТНР) при поддержке и прямом участии Коминтерна, в республике произошло крупное вооруженное восстание. В исторической литературе данный вопрос освящен в недостаточной мере, не изучен ход событий, очаги выступлений, меры, предпринятые для его подавления, а некоторые моменты в связи с переоценкой отдельных методологических установок нуждаются в переосмыслении. Кроме того, исследователи никаким образом не рассматривали связь с вооруженным восстанием в Монголии в 1930–1932 гг. Но исследования последних лет доказали, что и в Монголии и в Туве происходили смежные процессы, которые привели к вооруженному сопротивлению, а тувинское восстание не было одиноким и уникальным (см.: Кузьмин, Оюунчимэг, 2015: 132).

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые осуществлена реконструкция вооруженного выступления в Туве 1930 г. на основе ранее неопубликованных документов. Перед автором поставлены следующие задачи, которые предстоит решить в процессе исследования: определить районы, где вспыхнули восстания; выявить социальный и имущественный состав участников восстания; установить меры, предпринятые для его подавления; изучить последствия вооруженного восстания.

Источниковую базу, доступную в настоящее время, можно разделить на следующие группы:

— нормативные документы органов законодательной и исполнительной власти ТНР. Сюда же можно отнести приказы и постановления военных штабов и судебных органов. Они позволяют проследить деятельность государственных органов по ликвидации очагов мятежа;

— документы партийных организаций дают возможность, в частности, выявить основные проблемы, тенденции, стоявшие перед ними;

— воспоминания участников из имеющихся архивных документов. Хотя они немногочисленны, но от них можно подчеркнуть детали о ходе подавления мятежа в разных районах Тувы.

Нами привлечены документы следующих фондов Национального архива Республики Тыва (НА РТ): ф. 92 «Совет Министров ТНР», ф. 93 «Президиум Малого Хурала ТНР», ф. п. 1 «Центральный комитет Тувинской народно-революционной партии». В Научном архиве ТИГПИ (НА ТИГПИ) также хранятся важные документы по данному вопросу: записи воспоминаний участников, современников и очевидцев событий (НА ТИГПИ, д. 372 «Намчак Сат Комбуевич. Три коротких воспоминания. 1939 январь — 1941 сентябрь», на 88 л.), переводы архивных документов с монгольского языка (НА ТИГПИ, д. 1132 «1930 чылдың үймээниниң киржикчилери болгаш аңаа хамаарышкан материалдар. К. Т. Аракчаа моол дылдан очулдурган (Участники мятежа 1930 г. и материалы, относящиеся к нему. Перевел с монгольского языка К. Т. Аракчаа)), на 66 л.

Историография вопроса

В историографии исследуемой проблемы можно выделить два периода: советский и постсоветский.

Советский период характеризуется тем, что данный вопрос почти умалчивался, была обозначена лишь проблема. М. Х. Сейфулин в первом издании коллективной монографии «История Тувы» 1964 г. перечислил основные районы, где вспыхнули вооруженные мятежи и обобщил события в них. Он подчеркнул, что пропаганда мятежников о конфискации имущества всех аратов и уничтожение свободы вероисповедания в Туве «буквально совпала с демагогической клеветой монгольских контрреволюционеров» (*История Тувы*, 1964: 139). Н. А. Сердобов в поддержку последнего тезиса процитировал архивный документ, где говорилось, что «группа монгольских и тувинских лам организовала штаб повстанцев в целях борьбы против правительств, в защиту религии, за уничтожение партий, за равноправие классов, против запрета отдачи детей в монастыри» (*Сердобов*, 1985: 98). Он подчеркнул, что переходный период от феодализма к социализму в Туве был насыщен острой классовой борьбой и тому ярким свидетельством являются вооруженные выступления 1930 г. (там же).

Авторы коллективного труда «Очерки истории Тувинской организации КПСС» (*Очерки истории ...*, 1975) писали, что ЦК ТНРП, руководствуясь рекомендациями Коминтерна и решениями VIII съезда, основное внимание сосредоточил на ликвидации класса феодалов. В коллективном труде описаны успехи в конфискации феодальной собственности, создании кооперативных и колхозных хозяйств. О вооруженных выступлениях 1930–1932 гг. авторы «Очерков» ни разу не упомянули, а лишь подчеркнули «ожесточенное сопротивление классово чуждых слоев населения» (там же: 86).

Таким образом, в данный период превалировала точка зрения о классовой борьбе. Соответственно, история вооруженного восстания трактовалась как пример сопротивления врагов народно-демократическому строю.

Во второй, постсоветский, период тема вооруженного восстания перестает быть табуированной. Во втором издании «Истории Тувы» (*История Тувы*, 2007) теме уделен специальный раздел «Вооруженные мятежи на Хемчике (1930) и в Тере-Холе (1932 г.)». В нем рассмотрены причины восстаний, лозунги мятежников, указаны представители каких сумонов принимали участие. Авторы пришли к выводу о том, что причинами вооруженных выступлений являлись «беззакония и произвол власти ТНР в отношении представителей прежней политической элиты, чиновничества, духовенства, зажиточных аратов и крестьян...» (там же: 194).

Наиболее развернуто эта тема была раскрыта в статье И. В. Отрощенко «Из истории протестного движения в ТНР первой половины 1930-х гг.» (*Отрощенко*, 2012), которая в большей степени опиралась на архивные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Автор заметила, что восстания 1930 и 1932 гг. в Туве происходили одновременно с восстаниями в МНР, лозунги были идентичными, связанными именем Панчен-ламы IX (там же: 83).

В совместной монографии С. Л. Кузьмина и Ж. Оюунчимэг утверждается, что в ответ на меры «левого курса» МНРП (1929–1932 гг.), направленные на чистку аппарата от бывших феодалов, белогвардейцев, старых чиновников, экспроприации их имущества, антирелигиозной пропаганды, возникло народное восстание в защиту буддизма и теократического строя (Кузьмин, Оюунчимэг, 2015: 15, 21). Как пишут авторы: «Одновременно с восстаниями в МНР в 1930 и 1932 гг. происходили восстания в соседней Туве, где тоже имел место “левый уклон”. Там восстания имели похожие лозунги, иногда тоже сопровождались рассказами, связанными с Панчен-ламой IX. Несмотря на контроль границы властями, были попытки взаимодействия повстанцев двух стран» (там же: 132).

Предпосылки к вооруженному восстанию

В декабре 1928 г. Коммунистический интернационал (Коминтерн) подготовил «Платформу левых», в которой критиковалась политика правых, «указывалось на неотложность чистки рядов партии и государственного аппарата, ...укрепления центральных и местных органов партии и государственной власти работниками, способными проводить классовую линию» (Сердобов, 1985: 89). Представители Коминтерна считали, что усиление правого уклона и искажение генеральной линии партии вызывают протест широких низовых масс партии и ревсомола против политики правого государства (там же). Таким образом, Коминтерн принял непосредственное участие в выправлении линии партии. В следующем, 1929 г., Восточный секретариат Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ) направил послание на VIII съезд Тувинской Народно-Революционной партии (ТНРП), в котором подчеркивалась необходимость укрепления партии и повышения ее руководящей роли, проведения социально-экономических реформ, борьбы против феодалов, теократов, ослабления влияния духовенства, широкое привлечение к укреплению государством бедняцко-батрацкие слои аратства. Данное обращение стало идейно-программным лозунгом, который следовало претворять в жизнь. Съезд, который состоялся осенью 1929 г., провозгласил генеральной линией партии развитие страны по некапиталистическому пути, и в связи с этим ставилась важнейшая задача — отстранение от участия в государственном и общественном управлении страной бывших феодалов и чиновников. Как писал в 1985 г. Н. А. Сердобов: «Дальнейшее сосуществование двух антагонистических классов в рамках одного общества ... объективно невозможно» (там же: 93).

На этом съезде был избран новый состав Центрального комитета ТНРП, куда вошли И. Шагдыржап и С. Тока. Таким образом, переворот власти в Туве произошел при поддержке и прямом участии Коминтерна, т. е. из-за вмешательства извне. Обновленный состав ЦК ТНРП принялся активно реализовывать решения съезда. В частности, был введен новый сельскохозяйственный налог, построенный на прогрессивном принципе, в результате чего 64% аратов освободились полностью от налога, а на монастырские хозяйства устанавливалось налогообложение.

В 1928 г. был издан закон «Об отделении религии от государства», утвержденный Малым Хуралом ТНР. Согласно данному закону, народу предоставлялось право свободного вероисповедания. Статья 1 гласила: «Тувинский народ, желающий верить и молиться могут свободно верить и молиться, но религия отделяется от государства» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 29, л. 14). Создавалось особое управление духовными учреждениями, которое было надзорным органом. В правление монастырей внедрялся особое лицо, в обязанность которого входил надзор за действиями лам.

В 1930 г. постановлением Президиума Малого Хурала и Совета Министров ТНР была утверждена инструкция о порядке проведения в жизнь закона об отделении церкви от государства и школ от церкви. Согласно ему, ламские общины лишались прав юридического лица и права собственности, но члены религиозной общины могли иметь свои индивидуальные хозяйства. Буддийские монастыри и их имущество были объявлены достоянием народа и поступали в ведение хошунных управлений (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 352, л. 3). Власти поставили задачу национализации имущества монастырей закончить в двухмесячный срок.

Также постановлением № 4 Президиума Малого Хурала ТНР от 19.02.1930 г. запрещалось посвящение в хувраки (хуураки, т. е. учеников), присвоение духовных званий лицам и посещение молебней лицам, не достигшим 18-тилетнего возраста. Нарушение влекло за собою уголовную ответственность. Контроль возлагался на органы местного самоуправления и милицию (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 352, л. 18).

Согласно статье 47 главы IV Конституции 1930 г., избирательных прав лишались:

1. лица, добывающие средства путем эксплуатации другого с целью наживы;
2. частные торговцы и ростовщики;

3. ламы, шаманы и прочие служители религиозных культов;
4. бывшие феодалы, нойоны и чиновники;
5. бывшие руководители и организаторы контрреволюционных выступлений;
6. недееспособные лица;
7. лица, осужденные судом и пораженные в правах на определенный срок законом или судебным приговором (Основной закон ... , 1932: 13–14).

Предпринимались меры по вытеснению иностранного и частного капитала из экономики страны. Но Тувинценоккоп и филиал Госторга СССР, в чьих руках сосредоточена государственная торговля, не всегда успешно справлялись со своей функцией.

Таким образом, все вышеперечисленные преобразования коснулись широкого круга населения, но, конечно, бывшие нойоны, чиновники и ламы в большей части были ущемлены в политических и гражданских правах. Все это дало толчок к протестному движению, который принял довольно широкие масштабы. Вопреки широко распространенному мнению о внешнем инспирировании восстания во главе с Панчен-ламой, как пишут С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг, причины имели все же внутренний характер (Кузьмин, Оюунчимэг, 2015: 127).

Очаги вооруженных выступлений

Имеющиеся сведения из опубликованных работ историков и найденная, уточненная информация из архивных документов — позволили нам восстановить географию появления очагов вооруженных мятежей с марта 1930 г. в западных районах Тувы.

География распространения их была следующая: Дзун-Хемчикский, нынешний Овюрский, Барун-Хемчикский, Монгун-Тайгинский, Тандынский, Пий-Хемский и Улуг-Хемский кожууны ТНР (см. рис. 1).

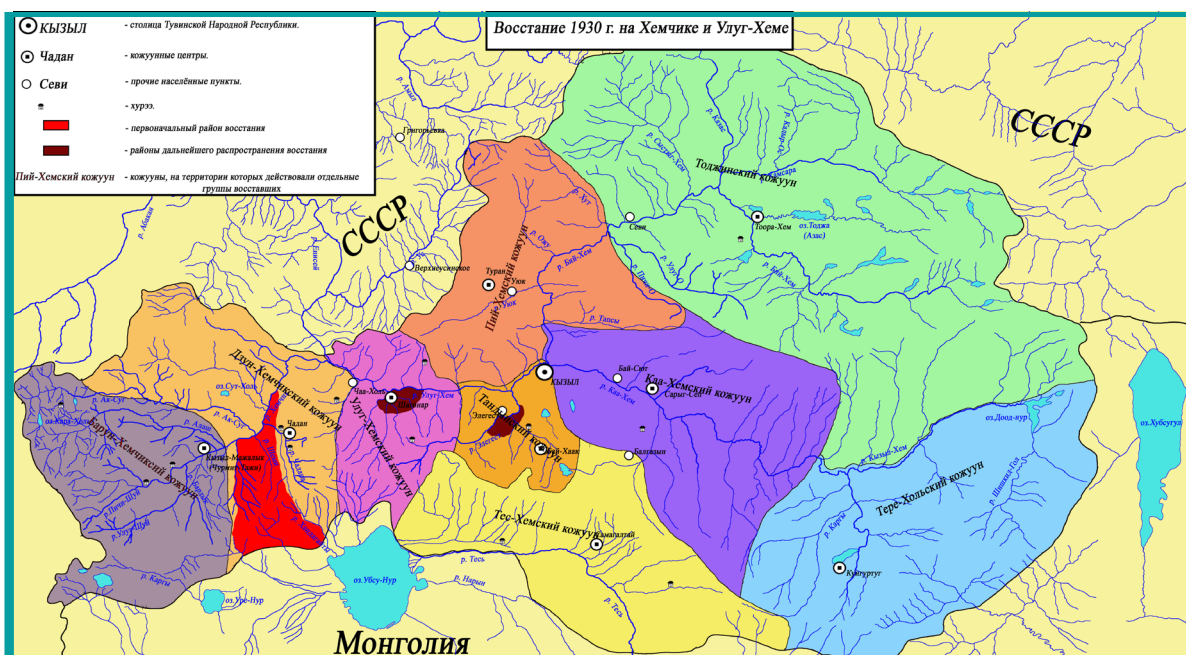

Рис. 1. Районы вооруженного восстания в Туве 1930 г.
 Figure 1. Areas covered by the 1930 armed uprising in Tuva.

В западной части Тувы в протестное движение были вовлечены жители сумонов Хондергей, Шеми, Ак-Бедик, Баян-Бады, Баян-Дугай, Олзейти-Хем, Ийме, Чыргакы Дзун-Хемчикского кожууна. В последнем восставших насчитывалось 40 человек. Первым делом они освободили арестованных по политическим мотивам из тюрьмы, сняли пост на границе с целью захвата оружия и патронов. Также население нынешнего Овюрского кожууна — сумоны Хандагайты, Бора-Шай, Суме (?¹), Саглы и Эртине-Солчур. Кроме того, действовала группа до 30 человек в Барун-Хемчике и еще меньше людей — в Монгун-Тайге.

¹ Идентифицировать это поселение нам не удалось.

Чуть позже к вооруженному сопротивлению присоединилась центральная часть Тувы: Тандынский (сумы Чал-Кежиг, Суг-Бажы, Кара-Булун), Улуг-Хемский (сумы Шагаан-Арыг, Белдир-Кежиг, Арыскан, Баян-Кол, Хендерге, Торгалыг) и Пий-Хемский кожууны. В последних двух кожуунах в основном в мятеже приняли участие русское население. Они выступили с лозунгом: «Долой коммунизм — социализм, коллективизацию и непосильные налоги, да здравствует свободная торговля, свободное передвижение за границу, да здравствует буржуазное правительство» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1205, л. 4). Они уничтожили 80 сажен телеграфного провода.

Поскольку ТНРА была занята ликвидацией восстания в западных районах Тувы, а «русским повстанцам ...фактически противопоставлены только маленькие отрядики из членов ВКП, пополненные некоторым количеством бывших партизан» (цит. по: [Отрощенко, 2012: 76](#)), то полномочный представитель СССР в ТНР А. Г. Старков, опасаясь более широкого участия русских, ходатайствовал о срочном вводе кавалерийского отряда из Минусинского округа ([Саая, Сат, 2006: 243](#)). Скудность архивных материалов о военном снабжении при подавлении восстания, введении советских военных сил со стороны СССР не позволяет подробно изучить данный аспект рассматриваемого нами вопроса.

Всего в восстании Пий-Хемского и Улуг-Хемского кожуунов приняли участие 138 человек, из них 72 были осуждены Верховным Судом ТНР по статье 41 Уголовного кодекса¹ (УК), а 9 — по 45 статье УК ТНР². Но по апелляции осужденных Е. Колесникова, К. Толпышева, К. Блинова, И. Охотникова, В. Топоева, Е. Манина и М. Макарова, которые были приговорены к высшей мере наказания с конфискацией имущества, Президиум Малого Хурала ТНР своим постановлением, принимая во внимание боевые заслуги в партизанском движении Е. Колесникова и К. Блинова, заменил смертную казнь на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества, лишением избирательных прав на 5 лет после отбытия наказания и высылкой их за пределы республики. Остальным ходатайство о помиловании оставили без удовлетворения (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 14, л. 1).

Таким образом, по доступным нам на сегодняшний день материалам, известно, что в протестном движении на Хемчике приняли участие 261 (270³) человек, а из Пий-Хема и Улуг-Хема — 138. Нет никаких сведений о количестве мятежников в Танды, поэтому общее количество невозможно установить.

В конце марта 1930 г. в приграничных с Тувой аймаках Монголии Чадмань уул (современный Увс аймак) и Хан-Гайшир (современный Завханский аймак) началось восстание (Кузьмин, Оюунчимэг, 2015: 28). Как свидетельствуют документы, один из тувинских главарей Демуртен Тулуш имел связь с одним из руководителей монгольской стороны, дорбетом Тарлу, и каждый из них должен был выступить против своего правительства (НА ТИППИ, д. 1132, л. 32). Примерно об этом пишут С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг: «Контрреволюционеры хотели не только уничтожить монгольскую революцию, но и ставили целью дальше уничтожить революцию в государстве Танну-Тува. Это можно увидеть по показаниям преступников Бор гэгээна, Самдана, Тугжа, Буриада, Шагдара» ([Кузьмин, Оюунчимэг, 2015: 91](#)).

Лозунги мятежников

Сведения об основных призывах мятежников содержатся в документах НА РТ, в фонде ф.п. 1, оп. 1, в делах № 885 «Документы о контрреволюционном восстании 1930 г. (на тувинском языке)», на 8 л. и № 1206 «Сведения о повстанческом движении в Туве, его характер и цели, составе участников и их семьи (по материалам обследования ЦКК ТНРП). Инструкция о переселении феодалов между хошунами и сумонами (на русском и тув. латин. языках) за 1931 г.», на 6 л.

¹ Ст. 41 УК ТНР: «организация вооруженных восстаний в целях нисповреждения установленного основными законами образа правления, захват власти, государственной территории, а также участие в захвате власти в центре и на местах, влекут за собой высшую меру... — расстрел, с конфискацией имущества...» (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 13, л. 6).

² Ст. 45 УК ТНР: «бандитизм, т. е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на государственные и общественные учреждения или отдельных граждан, остановка транспорта, разрушение путей или иных средств сообщения и связи влечет за собой: лишение свободы на срок не ниже 3-х лет с конфискацией всего или части имущества с повышением при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры ... с конфискацией имущества» (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 13, л. 7).

³ В другом документе указывается 270 человек (НА РТ, ф. 144, оп. 14, д. 122 л. 4).

Повстанцы проводили агитацию среди населения о том, что Панчен-Богдо (Панчын-Богда)¹ с миллионным войском прибыл в Улан-Батор, а Дагданмай-камбы (Дагдан)² с войском численностью 500 чел. — в Улясутай. Монгольская революционная партия якобы разбита. Говорили о том, что города Улан-Батор, Москва и Ленинград заняты их сторонниками, а железная дорога и морские порты находятся в руках эксплуататорского класса. «Революционная партия существует только в Кызыле. ... Монгольские и тувинские богачи везде и повсюду сплотились и сгруппировались. Не одни мы сейчас подняли восстание» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1206, л. 3).

Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) ТНРП, после подавления восстания проанализировав лозунги, показания участников, всю ответственность возложила на Панчен-ламу IX³, который был объявлен агентом японских и китайских империалистов. Как будто бы мятежники осуществляли свои планы, держа связь с ним через Китайское бюро по монгольским и тибетским делам. Предположила, что в Туву возможно проникли лазутчики Панчен-Богдо, так же как в Монголии они были выявлены не только в восточных и западных, пограничных с Тувой аймаках, но и даже среди монгольских армейских частей (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 885, л. 6).

Согласно выводам ЦКК, мятежники утверждали о том, что конфискации будут подвергнуты все хозяйства — бедняков и богачей; что основная цель конфискации — разорение тувинского населения; экспроприированный скот будет отдан для обеспечения голодных русских в Кызыле; власти хотят ликвидировать религию и насадить животную мораль; лишенных избирательных прав ждет смерть и ссылка за пределы страны; участники Хемчикского восстания 1924 г.⁴ будут убиты.

Мятежники заявляли, что у них достаточно сил, поскольку объединены с Монголией и Тибетом, а ламы совершают молебны за их победу (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1206, л. 4). Они агитировали, что восстановят старые порядки: вернут прежнюю административную систему и религию (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 885, л. 4).

Таким образом, повстанцы выступали против конфискации имущества, неправильной налоговой политики, основанной на подоходно-поимущественном принципе, антирелигиозной пропаганды, в частности, отделения церкви от государства, а также проведения коллективизации аратских хозяйств, поскольку она разрушает частную собственность. Иными словами, они выступали против правительственных мер, но конкретной программы они не разработали. Но ясно лишь одно — они выступали за реставрацию прежней политической власти и буддийской религии.

Многие из этих положений совпадали с лозунгами протестовавших в Монголии: «...против подоходного налога; против конфискации имущества феодалов; за неприкосновенность монастырей, за желтую власть; против русского вмешательства в дела Монголии; против колхозов; за Панчен-ламу; за свободную китайскую торговлю. Причина была в отчаянно тяжелом экономическом положении приграничных районов, плохом снабжении товарами» (Кузьмин, Оюунчимэг, 2015: 29).

¹ *Панчен-Богдо (Панчын-Богда)* — монгольское именование *Панчен-ламы*, второго по рангу ламы после Далай-ламы в школе Гелуг тибетского буддизма. Представители этой линии перерождения (с начала XVII в.) считаются эманациями будды Амитабхи. *Богдо* — на монгольском языке означает «святой». Слухи о приходе Панчен-ламы распространялись не только в Туве, Бурятии и Монголии, но даже «при постройке дацана в Санкт-Петербурге (1909–1915 гг.) среди лам были слухи, что цель строительства — ...когда-нибудь придет Панчен-лама (Панчен-Богдо), который возьмет под свое покровительство 5 стран» (Кузьмин, Оюунчимэг, 2015: 127). С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг опровергают причастность Панчен-ламы: «Предпосылки появления в МНР Панчен-ламы рассматривались повстанцами как такая же реальность, как начало Шамбалинской войны или как указанные выше магические средства. Говорить о том, что восстание было инспирировано Панчен-ламой или японцами столь же неверно, как говорить о том, что оно инспирировано, например, Шамбалой» (там же: 171).

² *Дагданмай-камбы (Дагдан)* — тувинский буддийский служитель, сторонник присоединения Тувы к Монголии, близкий соратник М. Буян-Бадырғы, в самом начале 1930 г. эмигрировал в Монголию (Монгуш, 2001: 110–111).

³ *Панчен-лама IX Тубтен Чокы Нима* (1883–1937) — тибетский религиозный деятель, был вынужден покинуть Тибет из-за новой системы налогообложения в 1923 г. Повстанцы крупнейшего восстания в Хубсугульском аймаке 1932 г. называли себя «желтыми воинами», то есть воинами буддизма школы Гэлуг, а «некоторые отряды назывались «солдаты Панчен-Богдо»» (Кузьмин, 2016: 228).

⁴ Хемчикское восстание началось 11 марта 1924 г. Возглавил Куулар Сумунак, который объявил себя ханом Хемчика. Основная цель — реставрация старого строя и присоединение Тувы к Монголии (История Тувы, 2007: 153).

Меры Правительства ТНР

17 марта 1930 г. состоялось заседание Политбюро, где в повестке дня стоял один вопрос: «Об оценке восстания в Дзун-Хемчике». На заседании присутствовали И. Шагдыржап, С. Чурмит-Дажы, Т. Ш. Сат, О. Танчай, С. Лопсан, С. Бульчун, Хемчик-оол, Т. Седип-оол и Аюшин. С основным докладом выступил С. Бульчун (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 17).

Постановили немедленно ликвидировать этот бунт, для этого необходимо не только усилить боеготовность армии, но и работу Управления Государственной Внутренней Политической Охраны (УГВПО), провести мобилизацию среди членов партии и ревсомола и разъяснительную работу среди населения, а также организовать Штаб внутренней обороны страны, в состав которого вошли первые лица государства: И. Шагдыржап (председатель), С. Чурмит-Дажы, С. Лопсан и главный военный инструктор В. И. Конюшевский. Данному штабу подчинялись штаб Тувинской народно-революционной армии (ТНРА), дислоцировавшийся в Чадане, и полевые военные штабы на местах.

На следующий день, 18 марта, состоялось уже заседание Штаба обороны страны, в котором постановили увеличить число лошадей уртонов¹, с целью улучшения сообщения между ними; караулы военных складов, тюрьмы и города укрепить армейцами. Также было решено для усиления отделения УГВПО в Тесингольском кожууне отправить 5 народоармейцев (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 15). Затем Штаб передислоцировался в Чадан.

Приказом И. Шагдыржапа, ответственным командиром всех отрядов был назначен инструктор Н. И. Свиридов. «...т. Свиридов — говорилось в приказе № 4 от 28 марта 1930 г., — приступает к исполнению обязанностей ответственного командира всех отрядов и информирует о ходе военных операций армии против бандитов» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 19). Но данное решение было ошибочным, поскольку, на деле оказалось, что языковой барьер между командиром и подчиненными не позволял точно и своевременно выполнять команды. Это же признавал и он сам: «Назначение меня командующим группой — писал Н. И. Свиридов, — ...не вполне желательно. ...Встречаются затруднения в управлении, т. к. не знаю тувинского языка и команд, а переводы вызывают только излишние разговоры» (там же: л. 21). Н. И. Свиридов, как инструктор, должен был анализировать оперативную ситуацию и давать указания, а не стремиться непосредственно принимать участие в боевых действиях.

Чтобы предотвратить перемещение мятежников из одного населенного пункта в другой, тем самым, не давая им объединяться, были установлены посты на границах кожуунов и на перевалах. Так, на границе Монгун-Тайги и Овюра в м. Чигитей патрулировали 10 человек, в Каргы — 14, Моген-Бурене — 12 (НА ТИГПИ, д. 1132, л. 48).

В конце марта 1930 г. в Барун-Хемчике из-за усиления повстанческого движения в Овюре, установили посты на границе с кожууном на трех перевалах: Хургумнуг (Хугурум, Хугерем, Хургум, Хургем) на Саглы, Арзайты на Барлыке по 17 человек, а на перевал Харый (Халый) были отправлены 20 человек из сумона Аянгаты. Согласно приказа № 7 от 30 марта 1930 г. начальника полевого штаба Шыырапа, посты должны были стоять с 31 марта по 10 апреля 1930 г. А в самом центре Барун-Хемчика дислоцировался отряд из 36 цириков² (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 882, л. 1–2).

В середине апреля из Барун-Хемчика были отправлены 30 цириков, вооруженных берданками, для установления поста около р. Каргы.

В столице был введен комендантский час, который отменили с 15 апреля 1930 г., а спецпропуска выписывал Штаб (НА ТИГПИ, д. 1132, л. 26).

Социальный и имущественный состав восставших на Хемчике

Согласно данным ЦКК ТНРП, которые есть в фонде ф.п. 1, оп. 1, дд. 885 и 1206 НА РТ, в отдельной части восстания — на Хемчике — принял участие 261 человек, из них, как указано в документе, более 30% составили молодые люди³.

Из числа руководителей восстания членом партии был Оолакай чалан, бывшими чиновниками — Тамдыкай чалан, Лопсан Куулар демчи, Алдын-Херел Кара-Монгуш хунду и лама — Шыырап Монгуш хелин.

¹ Уртон — почтовая станция.

² Цирик (от монг. *çerig*) — рядовой боец, солдат армии Тувинской Народной Республики, народоармеец.

³ В документе не был указан возраст этих людей.

Имеющиеся сведения на восставших позволили нам сгруппировать участников и составить диаграмму (см. диагр. 1). Она показывает, что более половины участников — 54,4% составляют беспартийные; 30,6% — бывшие феодалы, чиновники, ламы и шаманы; 14,9% — члены партии и ревсомола.

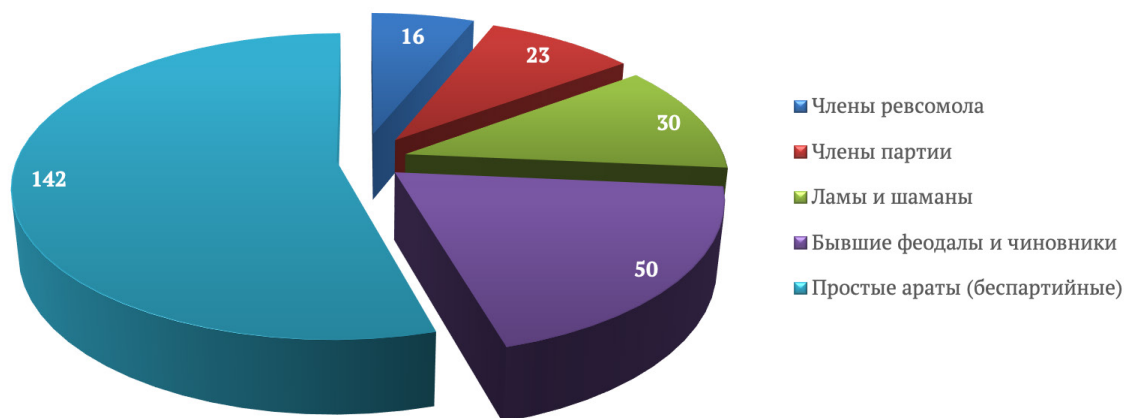

Диаграмма 1. Социальный состав мятежников восстания в Туве 1930 г.
Diagram 1. Social composition of rebels in the 1930 Tuva uprising.

Участие простых аратов оправдывалось тем, что их заставляли, им угрожали пытками и истязаниями, или же тем, что присоединились по несознательности. Часть из них являлись выходцами из «чуждой» среды, были деклассированы.

Члены ревсомола и партии — это «примазавшие» элементы из числа бывших чиновников, лам и шаманов, которые «присосались к партии» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1206, л. 6).

В ТНР до введения собственной денежной системы основным платежным инструментом, как в дореволюционной Туве, служил скот, и соответственно, налог взимался в бодо¹ (История Тувы, 2007: 178).

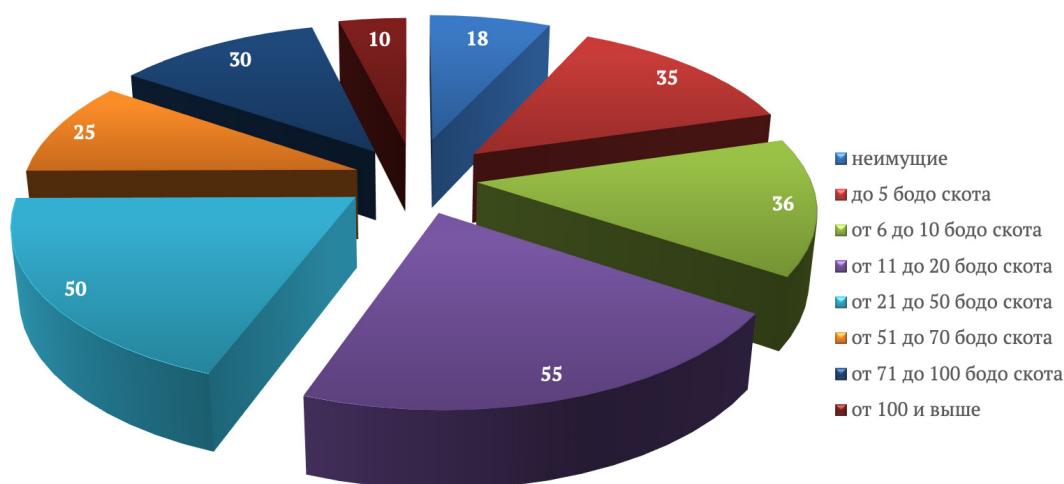

Диаграмма 2. Состав восставших в Туве 1930 г. по имущественному положению.
Diagram 2. Rebels in the 1930 uprising by family wealth.

В. Мачавариани, который побывал в Туве в конце 1928 г. — начале 1929 г. по линии Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ), дал следующий расклад имущественного положения:

¹ Бодо — условная единица для исчисления скота. 1 бодо равен 1 голове крупного рогатого скота или лошади, или 10 овцам, или 20 козам.

- до 20 бодо имел бедняк, он вынужден был батрачить;
- от 20 до 80 бодо — маломощный середняк, еле-еле сводящий концы с концами;
- от 80 до 120 — зажиточный середняк;
- от 150 до 300 — кулак (Мачавариани, Третьяков, 1930: 54–55).

Руководителями восстания на Хемчике выступили бывшие чиновники и состоятельные люди. Так, Шыырап Монгуш хелин имел 65 бодо, Тамдыкай-чалан — до 60 бодо, Тавакай — 30 бодо, Алдын-Херел Кара-Монгуш — 119 бодо, Алдын-Херел Куулар — 62 бодо, Лопсан Куулар демчи — 129 бодо, Демуртен Тулуш¹ — 171 бодо, Оолакай-чалан — до 100 бодо. Состоятельная часть восставших раздавала населению скот и вещи бедным. Население сочувственно относились к ним и информировало о продвижении отряда.

Из составленной нами диаграммы № 2 видно, что менее 25% участников имеют от 71 и выше бодо скота, а большинство относится к бедному и среднему сословию населения.

Боеспособность вооруженного объединенного отряда народоармейцев

Из рапортов, донесений, сводок командиров штабов, хранящихся НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843 «Постановления Политбюро ЦК ТНРП и Штаба обороны страны по ликвидации восстания на Хемчике, рапорты, донесения и другие материалы Штаба обороны страны (на русском языке) за 1930 г.», на 26 л., можно узнать о материальной обеспеченности правительственного отряда.

17 марта 1930 г. для подавления восстания был отправлен отряд Тувинской народно-революционной армии (ТНРА), который состоял из 100 цириков вместе с командно-политическим составом. Но отряд совершенно не был обучен командно-тактической работе, не имел опыта ведения военных действий, в связи с этим возникали большие затруднения во время боя управления народоармейцами. Даже в отдельных случаях среди них возникала паника. С первыми выстрелами цирики просто разбегались, были зафиксированы случаи оставления мест боевых действий, как например, в Овюре после операции почти половину цириков не досчитались (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 11).

К отряду присоединились добровольцы в количестве 80 чел., которые не имели никакой военной подготовки. Объединенный отряд, в основном, был расквартирован по юртам местного населения, но все же многим из них приходилось холодные весенние ночи проводить под открытым небом. Также случались перебои с питанием и сезонной одеждой. Половина винтовок цириков находилась в неудовлетворительном состоянии. Все это влияло на моральное состояние цириков (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 11).

Кроме того, в условиях многодневного перехода по горным местностям лошади отряда истощались, а заменить их не было возможности, поскольку у аратов местностей, которые проходил отряд, не имелось большого количества табуна. Конское снаряжение правительственного отряда казенного образца также не подходило для местной породы лошадей. Большие трудности были и с их кормлением. Из-за большого покрова снега подножный корм местами отсутствовал, и приходилось делать остановки длительностью до шести часов, чтобы дать им время на пастьбу, что влияло на маневренность отряда. В результате после восьми дней экспедиции отряд мог передвигаться только по 10 км/час (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 10).

Со своей стороны народоармейцы допускали бесчинства по отношению к родственникам мятежников, при разъяснении генеральной линии партии, повышении сознательности масс применяли пытки, избияния, а также насильно переселяли их в другие места. Так, в Бора-Шае, Хондергее, Шеми и Чыргагы члены отряда разграбили юрты, забирая имущество, арестовали, не принимая во внимание виновность и невиновность аратов, допрашивали их с применением физической силы. Даже был зафиксирован случай отрезания ушей Алдын-Херелу и демонстративного показа их с целью устрашения (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 14).

В Аянгаты члены партии, по сообщению восставших, учиняли несоответствующие уставу партии действия, — силой снимали кольца с пальцев с женщин и девушек и даже насиловали их. «На такие безобразные вещи, — указывали в своем послании мятежники, — соответствующие организации со-

¹ Демуртен Тулуш и Лопсан Куулар были арестованы правительственным отрядом на верховьях г. Баян-Чурек за р. Саглы 17 апреля 1930 г. (НА ТИГПИ, д. 1132, л. 40).

вершенно не обращают внимания. Мы очень удивляемся» (Отрощенко, 2012: 78). Они утверждали, что именно действия, когда пугали, заставляли страдать незамужних женщин, а также отрезание ушей Алдын-Херелу стали отправной точкой для поднятия восстания (НА ТИГПИ, д. 1132, л. 28).

Эти факты стали известны Штабу и 28 марта 1930 г. И. Шагдыржап издал приказ на имя комиссара армии и командиров отрядов об их ответственности за допущение бесчинств, избиения со стороны народоармейцев. «Необходимо... следить, — говорилось в приказе, — за действиями и поведением красноармейцев и сохранением дисциплины среди них» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 19).

Военные действия в западных кожунах Тувы

Ход военных действий можно восстановить по документам из НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843 «Постановления Политбюро ЦК ТНРП и Штаба обороны страны по ликвидации восстания на Хемчике, рапорты, донесения и другие материалы Штаба обороны страны (на русском языке) за 1930 г.», на 26 л. и НА ТИГПИ, д. 1132 «Участники мятежа 1930 г. и материалы, относящиеся к нему. Перевел с монгольского языка К. Т. Аракчаа», на 66 л.

В середине марта 1930 г. группа восставших в количестве 50 человек из Чыргакы, Шеми и Овюра выехали в Чадан, намереваясь арестовать партийных работников и добыть оружие, но, никого не застав, освободили из тюрьмы 50 арестованных. После часть людей разошлась по своим аалам, но основной костяк ушел в м. Бора-Шай. По дороге они нередко под угрозой вынуждали население присоединиться к ним и оказывать им помощь. В Бора-Шае мятежники вступили в бой с правительственным отрядом. После непродолжительной перестрелки мятежникам удалось уйти, и они засели в тайге за р. Саглы (НА ТИГПИ, д. 1132, л. 31).

27 марта 1930 г. около 11 часов в 10 км от пограничного поста в Овьуре правительственный отряд внезапно был обстрелян восставшими, что вызвало панику среди них. Первыми выстрелами был убит ревсомолец Н. Малинин. Командиру понадобился час, чтобы остановить панику и отправить разведку. Затем отряду удалось занять высоту, потеряв при этом 1 человека и один раненный впоследствии умер. Таким образом, были убиты всего 3 человека. Бой продолжился до наступления темноты. Оставив ночной караул, отряд ушел на ночлег. Ночью патруль вел редкую перестрелку. Ему удалось поймать одного перебежчика. Во время допроса удалось узнать о количестве повстанцев — 25 человек, а число главных руководителей — 3. Вооружены трехлинейными винтовками (11 шт.) и кремневыми ружьями (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 13). Они напали на пограничный пост, где добычей стали 3 винтовки и патроны к ним.

28 марта 1930 г. в 4 часа утра около 20 восставших, вооруженных трехлинейной винтовкой Мосина и кремневыми ружьями, угнав свой скот, пересекли границу и ушли в Монголию. Всего в Монголию ушли 512 тувинцев, вместе с юртами и скотом, 80 из них были вооружены (Отрощенко, 2012: 75). За ними отправлены два разезда по 25 человек, но они вынуждены были остановиться около границы (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 20). В Штаб доложили, чтобы тувинские власти договорились с соответствующими органами Монголии о совместном проведении операции по поимке «бандитов» (там же: л. 24).

Оценив ситуацию, когда люди и лошади находились в физическом и моральном истощении, было принято решение временно отступить в Чадан, чтобы привести их в боевое состояние, а на месте оставить 50 цириков и 10 человек из добровольцев, хорошо знающих данный район (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 21).

6 апреля 1930 г. в м. Кашпал и с. Бора-Шай была отправлена группа разведки в количестве 21 цирик. Но она ничего не обнаружила, лишь смогла поймать одного из числа восставших, которого перенаправили в Чадан. Отсюда были посланы 2 человека в с. Бора-Шай, но они также никого не обнаружили (там же).

Для того, чтобы узнать положение в соседней Монголии, на границу был отправлен посыльный, который сообщил, что служители монастыря Тогс-Буянт устроили бунт. Ламы имели связь с тувинскими мятежниками. Монгольские власти для его подавления прислали военные силы. Также он сообщил, что тувинские мятежники, которые перешли монгольскую границу направляются в м. Зеленый Хорагай (НА ТИГПИ, д. 1132, л. 36).

По дороге домой группа, заезжая в аалы аратов, заставляла оставлять свои исконные места кочевания и переселяться в с. Хандагайты (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 21).

Для подавления мятежа в Барун-Хемчике были мобилизованы 100 человек из числа партийно-ревсомольского состава, которых отправили в район Шеми (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 19).

3 апреля 1930 г. полевой штаб в Барун-Хемчике принял решение уменьшить количество цириков на постах из-за расходов по содержанию. Так, на посту Харый оставлены 15 цириков, на перевалах Хургумнуг (Хугерем) и Арзайты — по 10, а в центре — 10. Этим быстро воспользовались повстанцы (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 882, л. 5). 7 апреля 1930 г. они напали на пост на верховьях Барлыка. Народоармейцы использовали весь имеющийся запас патронов и вынуждены были отступить и остановиться в м. Шын. Повстанцам удалось не только занять пост, но и взять в плен двух цириков. После туда была направлена разведка из правительственного отряда из четырех человек. Она доложила о скоплениях людей в м. Харый, Сарат, Огагаг Харый (там же: л. 9).

После этого случая, снова численность людей на постах в перевале Хургем и м. Шын была увеличена до 30 цириков (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 882, л. 14).

12 человек из Монгун-Тайги отправились, чтобы объединиться с овюрцами. Навстречу им были направлены народоармейцы из Барлыка. Мятежникам пришлось ретироваться, но их догнали и всех арестовали, затем доставили в штаб в Чадане (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 882, л. 4, 9).

Попытки переговоров

В фондах НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843 «Постановления Политбюро ЦК ТНРП и Штаба обороны страны по ликвидации восстания на Хемчике, рапорты, донесения и другие материалы Штаба обороны страны (на русском языке) за 1930 г.», на 26 л. и НА ТИГПИ, д. 1132 «Участники мятежа 1930 г. и материалы, относящиеся к нему. Перевел с монгольского языка К. Т. Аракчаа», на 66 л. хранятся переводы писем мятежников со старописьменного монгольского языка.

Восставшие делали попытки вступления в переговоры путем отправки посыльных с письмами с основной целью — избежать вооруженного столкновения и кровопролития. В них они каждый раз давали понять, что они не хотят насилия и их действия не направлены против правительства. Так, в одном из посланий было написано:

«Упорно ходят разговоры из уст самих членов партии, что будут убиты или высланы за пределы границы люди. Мы не стоим на защите богатых и не против народно-революционной партии... Поскольку уничтожены религия и монастыри, а также будут лишены (избирательных. — А. С.) прав оставшиеся невинные несколько зажиточных людей и ламы, аннулируется право собственности и самое горькое — они будут высланы за пределы страны или убиты, то наша цель — вступить с вами в переговоры с надеждой хоть каким-то образом смягчить им условия» (НА ТИГПИ, д. 1132, л. 29).

В другом письме они сообщали, что они целились не в народоармейцев, а в лошадей, «ибо среди вас есть цирики, которые имеют среди нас своих родителей» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 14).

Араты Овюра два раза передавали послания. В первом послании указали, что «...новые мероприятия партии и правительства имеют большие недостатки, не соответствуют Основному закону» республики. Реально оценивая свои силы, они обратились к правительственному отряду не вступать с ними в вооруженный конфликт (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 9).

В ответ был выставлен ультиматум собрать и сдать свое оружие 23 марта 1930 г. в 16 часов у юрты Алдын-Херела Кара-Монгуш, который проживал на границе Чаданы и Шеми, а также явиться самим, чтобы «договориться о быстрой ликвидации возникшего недоразумения» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 9). «Если с вашей стороны появятся новые попытки противиться, — писали в ответном обращении, — то мы будем жестоко карать вас, как бандитов» (там же). Но когда мятежники по их требованию отправились к указанному месту, то они разминувшись с правительственным отрядом.

На второе послание ответ был дан заместителем председателя Правительства О. Танчаем, в котором он потребовал прекратить свои противоправные действия, которые мешают аратам мирно строить свое хозяйство. «Вы уже своими действиями доказали, что являетесь защитниками интересов феодалов и богатеев, ставите своей задачей борьбу с революцией, что должно повлечь за собой жесточайшее наказание по характеру содеянных преступлений» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 843, л. 16). Далее предлагалось не позднее 1 апреля 1930 г. сдать оружия в с. Чыргака. В случае невыполнения их ожидает конфискация всего имущества, арест членов семьи, а их самих «переловят и уничтожат» (там же).

Таким образом, мятежники пытались избежать прямого столкновения и, соответственно, кровопролития, хотели договориться, но все действия мятежников оценивались правительственными кругами как выступления против трудового народа ТНР и намеченных преобразований в области экономики и культуры.

Выступление в Танды

В рукописной фонде НА ТИГПИ за № 372 хранится воспоминание Сата Комбуевича Намчака, полномочного представителя ТНР в СССР в 1938–1941 гг., непосредственного участника событий 1930 года. В том году он служил старшиной ТНРА.

Согласно этому документу, в апреле месяце стало известно о появлении небольших вооруженных групп в Танды. 29 апреля был убит директор и крестьянин госхоза «Элегест».

В сумоны Суг-Бажы и Кара-Булун были отправлены 17 человек. В основном, по воспоминаниям С. К. Намчака, группа состояла из русских. На месте они разделились на две части. Командирами были назначены Семен Коровин и Турков.

30 апреля рано утром в Суг-Бажы они смогли остановить группу из 9 вооруженных всадников. А другому отряду, направленный в Кара-Булун, менее повезло. Сначала он смог поймать 6 вооруженных мятежников. Их закрыли в здании школы, оставив сторожить Павла Дармаина. А остальные пошли обедать. В помощь мятежникам пришли их сообщники, обезвредив сторожа, взяв его винтовку, открыли дверь школы и вместе убежали в лес.

В начале мая из Кызыла и Бай-Хаака была прислана подмога. 10 мая 1930 г. С. Коровин, взяв только 20 человек, двинулся в сторону оз. Чагытай в поисках сбежавших. Они обошли все населенные пункты Танды.

За весь период состоялись две коротких перестрелки: около с. Марачевка и в верховьях р. Шуурмака. В последнем случае ночью 28 мая в верховьях р. Шуурмака отряд был внезапно обстрелян мятежниками. Последние также внезапно исчезли, как появились. Затем они, в основном в ночное время, направились в сторону Овюра, чтобы объединиться с ними. Но после перевала на Торгалыге встретились с правительственным отрядом, в результате чего один был ранен, а все остальные были арестованы (НА ТИГПИ, д. 372, л. 60–74).

Как видно из документов, русское население Пий-Хема и Улуг-Хема действовали объединено. В основном они совместно действовали в центральной части Тувы, т. е. Улуг-Хеме и Танды.

Работа над ошибками

В НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1070 «Постановления и резолюции Президиума ЦК ТНРП и ГК ТНРП о демагогических выступлениях чести делегатов Великого Хурала против политики правительства ТНР и его руководителей, о работе учреждений и предприятий ТНР и по персональным докладом членов ТНРП, практические предложения об обследовании хошунных парторганизаций, протокол № 1 заседания комиссии по организации Тувгоскино и протоколы ТЦК (на русском языке) за 1930–1931» на 60 л. имеется сведения о результатах ревизий парторганизаций и об основных выводах контрольных органов ТНР.

После подавления восстания, в каждом кожууне, где вспыхивали мятежи, по линии ТНРП была проверена работа парторганизаций. Во время проверки работы Барун-Хемчикской хошунной парторганизации выяснилось, что при проведении антирелигиозной работы секретарь хошкома ревсомола тов. Домда «грубо искривлял партийную линию (отбирал предметы культа, допрашивал лам и шаманов, применяя угрозы к ним, открыто оскорблял чувство верующих и т. д.), что вызвало недовольство беспартийных масс работой парторганизации и ревсомола» (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1070, л. 14–15). По результатам проверки, Домда был исключен из рядов партии, а председателю хошунной парторганизации Лопсану объявлен выговор.

В целом, проверяющие подчеркнули необходимость усиления работы в социальной и культурно-просветительской сферах, но основное внимание местных партийных и ревсомольских организаций должно быть направлено на развитие земледелия и скотоводства.

Во время избирательной компании, в нарушение закона, были лишены прав люди престарелого возраста, с криминальным прошлым, пьяницы или же по таким мотивам, как «неисполнение порученных работ, утайка скота» и др. (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1070, л. 13).

Подобные замечания были высказаны по Улуг-Хемской, Каа-Хемской и Дзун-Хемчикской парторганизациям.

ЦКК ТНРП проанализировала причины, ход восстания, лозунги, социальный и имущественный состав мятежников и сделала соответствующие выводы, которые были озвучены в июне месяце на

Пленуме ЦК ТНРП и Пленуме ЦКК ТНРП. В своих выводах они подчеркнули тот факт, что подготовка к вооруженному восстанию прошла незаметной, что свидетельствует о слабой работе партийных и административных органов, а члены ревсомола и партии не могут в короткий срок мобилизоваться из-за отсутствия военной подготовки.

Также отметили, что «искривления» линии партии в практической работе (при проведении выборов, конфискации имущества, антирелигиозной работы и др.) дали возможность активизироваться и использовать в своих интересах бедняков феодально-теократическим элементам (НА РТ, ф.п. 1, оп. 1, д. 1206, л. 6).

В резолюции Пленума ЦК и ЦКК ТНРП, состоявшегося в июле 1930 г., говорилось о недопустимости «администрирования нарушений принципа добровольности вступления аратов в коллективные хозяйства» (цит. по: *Очерки истории ...*, 1975: 86). Решено было внедрять простейшие формы хозяйственной кооперации в виде товариществ по закупке машин, племенных производителей, обработке земли, разведению скота и др. Многие не были готовы вступать в колхозы, просто самоуничтожались, дробили и отдавали близким родственникам свой скот. Также это было связано с высокими налогами. Житель сумона Хондергей Дзун-Хемчикского кожууна Бальчин в 1929 г. имел более 70 голов скота, а по переписи 1930 г. он указал только 40 (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 1070, л. 35).

Как уже выше говорилось, ЦКК ТНРП внешним организатором и идейным вдохновителем назвала Панчен-ламу IX, а планы последнего в Монголии и Туве реализовали феодальные элементы. С. Л. Кузьмин и Ж. Оюунчимэг в своей монографии «Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г.» убедительно доказали, что Панчен-лама в это время был больше занят реставрацией своего права в Тибете (см.: *Кузьмин, Оюунчимэг*, 2015: 127–161).

Заключение

Вооруженное восстание в Туве в 1930 г. захватило большую часть территории страны и является одним из крупных в XX в. VII Великий Хурал (1930 г.) одобрил «левый курс» линии партии. Предполагалось активное наступление власти на религию. Поэтому проведение конфискации имущества бывших феодалов и чиновников, лам и шаманов, которое на местах приобретало несколько изощренный вид, когда применялись физическая сила и моральное запугивание и др. — все эти факторы привели к росту протестного настроения.

Движущими силами вооруженного восстания 1930 г., как показывают собранные материалы ЦКК, в отличие от их утверждения, явилась беднота, имеющая менее 50 голов скота.

Основной причиной поражения восставших стала их разрозненность. Каждая группа действовала под свой лад, а также была не опытна в военном деле. Они нападали на местные органы власти, пограничные посты, старались не задерживаться на одном месте, совершали набеги и уходили в горы. У них не была разработана программа и не выдвигались никаких требований правительству. Среди руководителей восстания не нашлось яркой личности, которая объединила бы всех их.

Правительственный отряд действовал с переменным успехом в подавлении восстания, но в отдельных случаях буквально превращался в карателей, бесцеремонно разбиравшийся с членами семей, родственниками, односельчанами мятежников. Это подкрепляло мятежные настроения и прибавляло восставшим сторонников.

В результате вооруженного восстания во многом было отсрочено форсирование сплошной коллективизации.

В законодательство республики были введены новеллы. Так, в частности, в Уголовном законе появилась статья о государственных преступлениях. Согласно статье 41, за организацию вооруженного восстания с целью «нисповреждения установленного основными законами образа правления, захват власти...» наказывалось расстрелом с конфискацией имущества (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 13, л. 6). Партия усилила работу по отделению церкви от государства. Помимо экономических (налогообложения, секуляризации) и политических (лишение избирательных прав) мер, большое внимание было уделено атеистической пропаганде.

Вооруженное восстание в Туве также, как и в Монголии, продолжилось вплоть до 1933 г. В Туве очаги сопротивления периодически фиксировались в отдельных районах Тувы (1931 г. — Ужар-Даге, 1932 г. — Тере-Холе, 1933 г. — Дус-Даге).

Благодарности

Выражаю благодарность научному сотруднику группы истории ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва А. А. Асонычеву за помощь в подготовке карты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- История Тувы (1964) : в 2 т. / отв. ред С. К. Тока. Новосибирск : Наука. Т. II. 455 с.
- История Тувы (2007) / гл. ред В. А. Ламин. Новосибирск : Наука. Т. II. 428 с.
- Кузьмин, С. Л., Оюунчимэг, Ж. (2015) Вооруженное восстание в Монголии в 1932 г. М. : МБА. 212 с.
- Кузьмин, С. Л. (2016) О роли иностранных влияний на восстания против строительства социализма в Монголии // Научный диалог. № 1 (49). С. 225–233.
- Мачавариани, В., Третьяков, С. (1930) В Танну-Туву. М. ; Л. : Молодая гвардия. 98 с.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве. Новосибирск : Наука. 200 с.
- Основной закон (Конституция) Тувинской Аратской Республики (1932) : перев. с тув. яз. Кызыл : Тыва кугуненин ном согаадыг сери. 16 с.
- Отрошенко, И. В. (2012) Из истории протестного движения в ТНР первой половины 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 74–85. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/315> (дата обращения 03.05.2020).
- Очерки истории Тувинской организации КПСС (1975) / В. Ч. Очур, О. А. Толгар-оол, Ю. Л. Аранчын и др.; ред. коллегия: Г. Ч. Ширшин (отв. ред.) и др. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 405 с.
- Саая, С. В., Сат, С. Ч. (2006) Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы). Абакан : Хакасское книжное издательство. 293 с.
- Сердобов, Н. А. (1985) Коминтерн и революционная Тува. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 238 с.

Дата поступления: 02.06.2020 г.

REFERENCES

- Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (1964): in 2 vols. Moscow, Nauka. Vol. II / ed. by S. K. Toka. 455 p. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).
- Kuz'min, S. L. and Oiuunchimeg, Zh. (2015) *Vooruzhennoe vosstanie v Mongolii v 1932 g. [Armed revolt in Mongolia in 1932]*. Moscow, MBA. 212 p. (In Russ.).
- Kuz'min, S. L. (2016) O roli inostrannykh vliianii na vosstaniia protiv stroitel'stva sotsializma v Mongolii [On the role of foreign influences on rebellions against socialism building in Mongolia]. *Nauchnyi dialog*, no. 1 (49), pp. 225–233. (In Russ.).
- Machavariani, V., Tret'iakov, S. (1930) *V Tannu-Tuvu [To Tannu-Tuva]*. Moscow, Leningrad, Molodaia gvardiia. 98 p. (In Russ.).
- Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th – late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).
- Osnovnoi zakon (Konstitutsiia) Tuvinskoi Aratskoi Respubliki [Basic law (Constitution) of the Tuva Arat Republic]* (1932). Transl. from Tuv. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 16 p. (In Russ.).
- Otroshchenko, I. V. (2012) Iz istorii protestnogo dvizheniia v TNR pervoi poloviny 1930-kh gg. [About the history of protest movement in People's Republic of Tuva in the first half of 1930's]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp 74–85 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/315> (access date 03.05.2020). (In Russ.).
- Ocherki istorii Tuvinskoi organizatsii KPSS [Essays on the history of Tuvan branch of the CPSU]* (1975) / [V. Ch. Ochur, O. A. Tolgar-ool, Yu. L. Aranchyn et al., editorial board: G. Ch. Shirshin (ed.) et al.]. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 405 p. (In Russ.).
- Saia, S. V. and Sat, S. Ch. (2006) *Geopoliticheskii status Tuvy v pervoi polovine XX veka (1911–1944 gody) [Geopolitical status of Tuva in the first half of the twentieth century (1911–1944)]*. Abakan, Khakass book publishing house. 293 p. (In Russ.).
- Serdobov, N. A. (1985) *Komintern i revoliutsionnaia Tuva [The Comintern and the revolutionary Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 238 p. (In Russ.).

Submission date: 02.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.6

Становление и развитие кинофикации в Тувинской Народной Республике

Белекмаа В. Мунге

Национальный архив Республики Тыва, Российская Федерация,

Арана М. Монгуш

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова; Тувинский научный центр,
Российская Федерация

В статье анализируется история кинофикации в Тувинской Народной Республике, в том числе во время Великой Отечественной войны. Источниковой базой исследования стали изданные труды, архивные документы периода ТНР, в том числе впервые вводимые в научный оборот; привлекаются воспоминания очевидцев событий.

Первая стационарная киноустановка в Туве появилась в 1925 г. в клубе советских граждан. Она показывала документальные фильмы, переданные от СССР. В 1930 г. был создан Тувгоскино, составлен план кинофикации, решались всевозможные организационные проблемы: оснащенность, бюджет, перебои снабжения, качество кинокартин, переводы на тувинский язык. В 1931 г. в г. Кызыле был открыт первый кинотеатр, стали функционировать две передвижные установки. В середине 1930-х гг. разворачивается сеть киноустановок, усиливается материально-техническая база. В 1936 г. на празднование XV годовщины ТНР делегация СССР привезла новые аппараты в дар, а также советские операторы сняли ряд фильмов о Туве. Количество передвижных киноустановок с 1932 по 1937 гг. увеличилось в 2 раза. С расширением кинофикации в республике назревает острая проблема обеспечения кадрами.

В годы Великой Отечественной войны отрасль кино также решала задачи военного времени. Изменения коснулись всей системы киносети, репертуарной политики и кинопроката республики. Репертуарная политика военного периода стала важным средством в патриотическом воспитании общества. Киносеть Тувы продолжила свое развитие уже в составе СССР, влившись в единую систему советского кинопроката.

Ключевые слова: культурное строительство; киноустановка; кинотеатр; кино-репертуар; кинофикация; история кино; Тува; история Тувы; Тувинская Народная Республика; тувинцы; Великая Отечественная война

Для цитирования:

Мунге Б. В., Монгуш А. М. Становление и развитие кинофикации в Тувинской Народной Республике // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 81–100. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.6

Мунге Белекмаа Владимировна — директор Национального архива Республики Тыва. Адрес: 667010, Россия, г. Кызыл, ул. Кечил-оола, д. 91. Тел.: +7 (394-22) 5-63-15. Эл. адрес: mungeb@me.com

Монгуш Арана Михайловна — магистрант кафедры истории России Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова; методист отдела научного сопровождения регионального образования Тувинского научного центра. Адрес: 667003, Россия, г. Кызыл, ул. Вокзальная, д. 13. Тел.: +7 (962) 064-40-65. Эл. адрес: oyun.arana@mail.ru

MUNGE, Belekmaa Vladimirovna, Director of the National Archives of the Republic of Tuva. Postal address: 91 Kechil-oola Str., Kyzyl, Russian Federation 667010. Tel. +7 (394-22) 5-63-15. E-mail: mungeb@me.com **ORCID ID: 0000-0002-4432-4395**

MONGUSH, Arana Mihaylovna, master's student OF the Khakass state University named after N. F. Katanov, methodist of the Department of scientific support of regional education of the Tuva research center. Postal address: 13 Vokzalnaya str., Kyzyl, Russian Federation 667003. Tel.: +7 (962) 064-4065. E-mail: oyun.arana@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-3950-069X**

Formation and development of the cinema network in the Tuvan People's Republic

Belekmaa V. Munge

National Archives of the Republic of Tuva, Russian Federation

Arana M. Mongush

N. F. Katanov Khakassia State University, Tuvan Research Center, Russian Federation

This article examines the history of the cinema network in the Tuvan People's Republic, including the years of the Great Patriotic War. The article is based on the analysis of printed materials and archival sources, with some of the latter never been studied before. Another important source are eyewitnesses' memories.

The earliest stationary cinema installation appeared in Tuva in 1925, at the Soviet citizens' club. The documentaries run there were supplied by the USSR. In 1930, TuvGosKino (Tuvan Cinematographic Office) was set up, the plan of cinema development was drawn up, and a number of organizational issues resolved, such as the Office's equipment, budget, supply lines, film quality and Tuvan translation. The first cinema was opened in Kyzyl in 1931, and two mobile installations went operational the same year. A whole network of installations had been in place by mid-1930s, with material basis a lot improved. At the celebration of TPR's 15th anniversary in 1936, the Soviet delegation presented new equipment. Soviet camera crews made a number of films on Tuva. Between 1932 and 1937, the number of mobile cinema installations in Tuva increased twofold. With the spread of cinema across the republic, the problem of cadres got increasingly urgent.

During the war years, cinema had to deal with war-related issues. The whole cinema network experienced a drastic change, just as it happened to the repertoire selection and film distribution. The wartime repertoire was a crucial factor in the patriotic education. After the war, Tuva's cinema network joined its larger counterpart of the USSR and continued as part of the single Soviet film distribution system.

Keywords: culture-building; film installations; cinema; film repertoire; movie circuit; history of the cinema; Tuva; history of Tuva; Tuvan People's Republic; Tuvans; Great Patriotic war

For citation:

Munge B. V. and Mongush A. M. Stanovlenie i razvitie kinofikatsii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike [Formation and development of the cinema network in the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 81–100. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.6

Введение

Программа социокультурных преобразований, т. н. культурная революция, начатая в 1930 г. в Тувинской Народной Республике (ТНР) предполагала активную борьбу с неграмотностью населения, организацию системы образования и просвещения, создание нового облика и морали трудящегося населения с использованием новых методов пропаганды и агитации. Кино также было отведено особое место в этом деле.

История культурной политики периода ТНР анализировалась во многих работах, начиная с «Истории Тувы» (История Тувы, 2007: 243–314), а также: Л. П. Потапова (Потапов, 1953), Н. А. Сердобова (Сердобов, 1971), С. К. Тока (Тока, 1970), М. Х. Маннай-оола (Маннай-оол, 2001), но проблема становления системы кинофикации в данных работах не раскрывается. В то же время в исследованиях по истории культуры Тувы встречаются отдельные данные по становлению киносети, первых кинопередвижек. В книге О. Менхен-Хельфена (Менхен-Хельфен, 2007), в монографиях Ю. Л. Аранчына (Аранчин, 1982), А. К. Кужугет (Кужугет, 2006), в шестом томе антологии «Урянхай. Тыва дептер» (Введение, 2007: 106), в книге «Кызыл — столица Советской Тувы» (Кызыл — столица ..., 1964), в статьях Н. М. Моллерова (Моллеров, 1988) — приводятся сведения о появлении первых кинопередвижек в ТНР, демонстрации первых фильмов. Отдельные аспекты темы поднимались также одним из соавторов данной статьи в предыдущей работе (Бадыргы, Мунге, 2020).

Целью данной работы является анализ истории кинофикации в ТНР, в том числе во время Великой Отечественной войны. Кинофикацию мы рассматриваем как «систему мероприятий, обеспечивающих

развитие киносети и кинообслуживание населения» (Кино: ... , 1986: 197). Сюда входит вся система киносети и кинообслуживания населения, с организованной структурой управления киносети, включающий в себя создание материально-технической базы, обеспечение кадрами, контроль в области репертуарной политики и работу со зрителем. Киносеть включает в себя «совокупность культурно-зрелищных предприятий, осуществляющих показ фильмов населению, — кинотеатры, клубы и др.» (Киносеть, 1973: 138).

Источниковой базой исследования стали изданные труды по истории ТНР, архивные документы периода ТНР, содержащие нормативно-правовые документы законодательной и исполнительной органов власти, переписка Министерства иностранных дел ТНР с организациями и учреждениями в СССР, газетная периодика. Все эти документы хранятся в Национальном архиве Республики Тыва (НА РТ). При этом в работе впервые в научный оборот вводятся материалы фонда 145 «Управление Тувинского государственного кино при Совете Министров ТНР» (НА РТ, ф. 145, 3 ед. хр., 1940–1944 гг.), а также документы по становлению киносети из фонда «Центрального Комитета тувинской народно-революционной партии» (НА РТ, фп–1, 3349 ед. хр., 1882–1944 гг.). Также привлекаются воспоминания очевидцев событий, опубликованные в газетах и полученные в ходе интервью авторов в 2020 г.

Становление киносети в Тувинской Народной Республике

Образование государственности в 1921 г. положило начало развитию народного хозяйства и культуры, социальным преобразованиям в ТНР. В условиях отсутствия в Туве в начале XX в. национальной письменности, начальных школ, культурных и медицинских учреждений, большую помощь в становлении всех этих отраслей, которые в целом назывались культурным строительством, молодой республике Танну-Тува оказывал Советский Союз.

При этом, если сравнивать развитие киносети ТНР с советскими регионами Сибири, то можно сказать, что в Туву кино пришло гораздо позже. Так, первые кинопередвижки в Томске появились в 1898 г. (Косых, Фадеев, 2005), в Бурятии — в 1924 г. (Бураева, Батулин, 2017), в Горном Алтае также — в 1924 г. (История Горного ... , 2014), в Хакасии в 1920-х гг. (Энциклопедия Республики ... , 2007: 275).

В архивном фонде «Совета Министров ТНР» НА РТ хранится документ под заголовком «Вопросы делегации СССР» от 1930 г., где зафиксированы основные виды помощи со стороны СССР, которые были сформулированы и подписаны министром культуры Тока и заведующим Тувздрава Руденко. Так, в разделе V. Помощь по кинофикации республике обозначено: «Значение киноработы общеизвестно. Конкретно помощь со стороны СССР может быть осуществлена: 1. Льготное снабжение кинопрокатом. 2. Льготное снабжение киноаппаратурой. 3. Посылка экспедиции для киносъемок. 4. Непосредственное участие киноорганизаций СССР в развертывании киноработы в Республике» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 54, л. 32–33).

В «Истории Тувы» указывается, что первая стационарная киноустановка в Туве появилась в 1925 г. в клубе советских граждан. Аппаратура была передана полномочным представительством СССР в безвозмездное пользование правительству ТНР (История Тувы, 2007: 305). Новость об этом событии тут же вышла в местных газетах, в частности «Красный пахарь» от 21 января 1926 г. № 3 (57), текст которой был впоследствии перепечатан уже в 1982 г.: «в городе Красном начал работать кинематограф... В дальнейшем, кинопередвижка будет регулярно посещать все поселки»¹. В другом номере этой же газеты (от 6 февраля 1926 г. № 5) писалось, что показ первого кино для тувинцев стал историческим событием. Этот текст также был перепечатан позже в 1971 г.

Показ «привлек к себе сильный интерес тувинцев. Ведь до настоящего времени они о нем и понятия не имели... На днях прибыли из далекого Хемчикского хошуна представители партийных организаций. Посетили кино, и оно произвело на них неизгладимое впечатление. Целую ночь после этого они просидели и проговорили о том, какие чудеса творит наука, и как далеко они, тувинцы, еще отстали в своем культурном развитии»².

Данная кинопередвижка, установленная в клубе советских граждан, как пишет Н. М. Моллеров, прибывает в г. Чадан и показывает арастам документальные фильмы (Моллеров, 1988: 103). В 1928 г. полномочное представительство СССР передает эту киноустановку правительству ТНР (Аранчин, 1982: 232).

¹ Сантьева Т. Живые картины // Тувинская правда (газета). 1982. 27 августа. С. 4.

² Титенков А. Первое кино в Туве // Тувинская правда (газета). 1971. 4 апреля. С. 4.

Австрийский исследователь О. Менхен-Хельфен в 1929 г. посетил Туву в составе экспедиции Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) и по итогам написал книгу «Путешествие в азиатскую Туву» (Менхен-Хельфен, 2007). Здесь он описал свой поход в кино и реакцию зрителей:

«Электростанция работает допоздна только в “киношные” дни. Я смотрел там замечательный фильм “Мать” по книге Горького. Кино крутят не каждый день, максимум — два раза в неделю, а иногда ждать очередного киносеанса приходится довольно долго. Чтобы взглянуть на это чудо тувинцы приезжают издалека. Двадцать, тридцать километров — разве для этих всадников расстояние имеет значение?!

Они сидели на узких деревянных скамейках, в жуткой тесноте и напряженном ожидании. Моим соседом оказался шаман, которому накануне пришлось отправить свою душу в царство к Эрлик-орану — в страну мёртвых... а теперь он сидит в кино, рядом с ним солдат, чуть подальше монгольский посланник, затем лама, дети, старые женщины, юные девушки, мужчины, перебирающие в руках четки со 108 жемчужинами.

В этот вечер пленка обрывалась, по крайней мере, раз двадцать. Но это только прибавляло зрителям радости. Тем лучше! Тем дольше продлится сказка!.. Титры были на русском, но они не могли их прочесть, тем не менее, радость их была бесконечной. Как только показались лошади, весь зал пришел в полный восторг. Они соскочили с мест, закричали, подгоняя лошадей дикими возгласами: “Че! Че!”. Кино доставляло всем истинное удовольствие...» (там же: 249–250) (фото 1).

Фото 1. Одна из первых киноустановок в Кызыле, 1926 г. (НМ РТ, КП-11286-233).

Photo 1. One of the first cinema installations in Kyzyl, 1926. (NM RT, KP-11286-233).

В архивных документах упоминание о кинопередвижках имеется в докладе С. К. Тока в «Тезисах о задачах культурного строительства в Туву» 1930 г., что «Министерство по культурным делам приняло некоторые меры: организованы 3 юрты-передвижки и 1 кинопередвижка в г. Кызыле» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 54, л. 20).

Руководство республики, понимая важное место кино в пропаганде и агитации нового общественного строя и учитывая большой интерес населения к проекционному искусству, принимает меры по созданию руководящего органа и дальнейшего развития киносети.

В фонде НА РТ, фп-1 «Центральный Комитет Тувинской Народно-Революционной партии (ЦК ТНРП)», оп. 1, д. 950 «Постановления политбюро и АПО ЦК ТНРП о госбюджете ТНР и создании Тувгоскино (проекты)...» хранится доклад механика кинопередвижки г. Кызыла, товарища Бердова. В нем описывается общее состояние имеющихся кинопередвижек в ТНР (были также закуплены еще две русским населением в Подхребтинском и Туранском хошунах, за счет самообложения), предложение о создании руководящего органа кинофикации, отвечающего за развитие киносети, материально-технического состояния передвижек, регулярное снабжение фильмами.

Из доклада Бердова видно, что передвижная установка г. Кызыла в экспериментальном плане выезжала в близлежащие населенные пункты с целью определения расходов и посещаемости кино. Для полноценного охвата территорий кинообслуживанием он предлагает закупить кинопередвижки в следующие хошунные центры:

1. Самагалтай и Подхребтинский хошуун,
2. Харал-Малоенисейский хошун,
3. Туранский хошун,
4. Шагонарский хошун-Эйлихем,
5. Чадан.

Далее механик кинопередвижки Бердов указывает на необходимость установления связей с Совкино для закупа запасных частей и приобретения фильмов на прокат (НА РТ, ф. 1, оп.1, д. 950, л. 5).

Очевидно, вышеуказанный доклад стал основой для проведения заседания коллегии АПО ЦК АРП, где протоколом № 5 от 13 июля 1930 г. принимается решение «О создании Тувгоскино» (далее — Госкино). В нем основным вопросом становится создание «хозяйственного объединения» в кинофикации ТНР, с рассмотрением вопроса по пайщикам Госкино с общим паевым взносом в 11500,0 руб.:

- Тувпрофсовету (Шагдыр),
- Тувинценоккопу (Люддуп),
- Минкультуре (Найданов и Санджай),
- Миннархозу (Пунцук) (там же: л. 4).

В этом же документе предусматривалась дальнейшая работа Госкино по кинофикации республики.

Решением протокола заседания коллегии техническое руководство работой Госкино временно возлагалось на т. Бердова (там же: л. 4).

Госкино относилось к ведению Министерства культуры ТНР и основной функцией его было руководство системой мероприятий, обеспечивающих развитие киносети и обслуживания населения. В «Положении о Министерстве Культуры Тувинской Аратской Республики» за 1931 г., в разделе III «Структура Министерства Культуры», в пункте 3 говорится: «Кроме этого в состав Министерства Культуры, на правах обособленных его отделов входят: 1) Тувгиз, Тувздрав, и 3) Государственное фотокино-предприятие /Тувгоскино/ действующее на основе особого положения, утвержденного Советом Министров» (НА РТ, ф. 120, оп.1, д. 1, л. 2 об.).

В первое время при показе фильмов возникала трудность в описании содержания фильма, т. к. небольшая часть тувинцев понимала русский язык. Так в газете «Новый путь» в 1931 г. вышла заметка под названием «Сделать кино доступным аратам», где указывалось о необходимости выделения переводчика для организации публичного перевода фильма перед показом¹. Позже, приняв это во внимание, работники культурного отдела разъясняли аратам содержание фильмов, стали готовить переводы на тувинский язык (Моллеров, 1988: 103).

Знаменательным в истории киносети ТНР становится 1931 г., когда начинается создаваться материально-техническая база Госкино, открылся первый деревянный кинотеатр на 150 мест в г. Кызыле и начали функционировать две передвижные установки для выездного обслуживания (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 54, л. 26) (фото 2).

После объявления скорого приезда кинопередвижки на афишах в сельских поселениях, араты заранее готовились и массово выезжали на место просмотра фильмов. Тувинцы называли кино *дириг чурук* (живая картина). Вот как об этом вспоминал в газете «Шын» 1985 г. один из жителей Бай-Тайгинского района:

«В конце 20-х годов в нашем районе пошли слухи о сказочных живых картинах. Об этом рассказывали люди, побывавшие в городе Красном... Тогда наш Барыын-Хемчикский район был одним из самых больших районов в Туве (тогда Бай-Тайгинский и Монгун-Тайгинский районы относились к Барыын-Хемчикскому району). Народ нашего района смог увидеть живую картину только в начале марта 1933 г., и тогда кино было без сопровождения звука. К нам приехал один из первых киномехаников из села Аянгаты — Куулар Сенгилдиг... Народу было очень много и негде было показать кино. Тогда Сенгилдиг решил показать кино в кошаре овец... Свет аппаратуры включился и такая была тишина...Сенгилдиг, показывая нам живую картину, время от времени объяснял своими словами. Как восторженно все смотрели живую картину, не

¹ Кордова. Сделать кино доступным аратам // Новый путь. 1931. 13 октября, № 70 (317). С. 1.

объяснить словами! Когда кино закончилось, никто даже не пошевелился, чтобы выйти, а сразу начали просить Сенгилдига еще раз показать живую картину... Даже если кино было без звука, этот вечер в кошаре стал незабываемым праздником для всех... Куулар Сенгилдиг в то время был единственным киномехаником во всем Барыын-Хемчикском районе...»¹.

Фото 2. Здание кинотеатра по улице Кочетова. 1937 г. (НМ РТ, КП-11286-1875.
Photo 2. The building of the cinema on Kochetov street, 1937 (NM RT, KP-11286-1875).

Основной проблемой кинофикации того времени становится слабая материально-техническая база, перебои в снабжении и качество кинокартин. Дальнейшее развитие кинофикации в ТНР зависело от расширения киносети и кинопоказов. Учитывая исключительное место кино в идейно-воспитательной работе, вопрос кинофикации был представлен в «Пятилетнем плане культурного строительства ТАР (Тувинской Аратской республики) на 1933–1937 гг.» в разделе «Развертывание сети политпросветучреждений» фонда «Министерства культуры ТНР». Даны следующие цифры по развитию сети на ближайшие годы:

- в 1932 г. 1 стационарная киноустановка и 7 передвижных,
- в 1933 г. 2 стационарных и 12 передвижных,
- в 1934 г. 3 стационарных и 16 передвижных,
- в 1935 г. 4 стационарных и 18 передвижных,
- в 1936 г. 5 стационарных и 20 передвижных,
- в 1937 г. 6 стационарных и 22 передвижных (НА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 7, л. 19).

Планы республики по кинофикации понемногу начинают воплощаться в жизнь: в Кызыле открывается второй кинотеатр на 320 мест и кинобудка в городском парке культуры, действовавшая в летний период (*Кызыл — столица ...*, 1964: 48). С открытием летнего сезона работники культпросветучреждений в городском саду им. Гастелло, открытом 5 апреля 1928 г., устраивали массовые гуляния, игры, танцы, концерты. Самым популярным занятием населения на досуге стал просмотр фильмов в кинобудке городского парка.

Таким образом, с середины 1930 г. в Туве начинает развертываться сеть киноустановок, усиливается материально-техническая база. Показ фильмов населению в основном осуществлялся в сельских клубах, но выездные кинопоказы в сельские поселения были очень востребованы.

¹ Шойгу С. Дириг чурук [Живая картина] // Шын (газета). 1985. 29 июня. С. 3. (На тув. яз.). Перевод А. М. Монгуш.

Особое место в истории развития кинофикации занимает дар делегации Советского Союза, прибывшей в 1936 г. на празднование XV годовщины ТНР: две звуковые кинопередвижки на автомашинах, и одна стационарная киноустановка. Кроме этого, делегация привозит фильм «Чапаев», который сначала показали в г. Кызыле, а потом он демонстрировался во всех кожуунах Тувы (там же: 48) (фото 3).

Фото 3. Киносъемка на празднике 15-летия ТНР, 1936 г.¹ (НМ РТ, КП-11286-1862).
Photo 3. Filming at the celebration of the 15th anniversary of TPR, 1936 (NM RT, KP-11286-1862).

В июльском номере газеты «Вперед» 1936 г. имеется статья о приехавших с делегацией двух кинооператорах, которые «заснимут некоторые наиболее характерные моменты хозяйственной и культурной жизни страны»². Советские кинооператоры создали звуковой документальный киноочерк «Праздник Тувы» (автор-оператор Б. Небылицкий, 1936), созданный на московской студии «Союзкинохроника», также переданный в дар правительству ТНР³. В настоящее время в Российском государственном архиве кинофотодокументов (далее — РГАКФД) хранятся 4 кинохроники 1936 г., снятые в ТНР: «За Саянским хребтом», «Праздник Тувы», «Молодая Тувинская республика» и «Сердце Азии — Тува». У первых 3 фильмов режиссером является Н. Б. Небылицкий.

В представленной ниже таблице, из материалов архивного документа, отражено общее количество киноустановок и сельских клубов (таблица 1).

¹ Вполне возможно, что на фотографии изображен сам Б. Р. Небылицкий (1909–1972) — советский оператор и режиссёр документального кино, заслуженный деятель искусств РСФСР (1965), лауреат двух Сталинских (1942, 1951) и Государственной премии СССР (1969).

² Прибыло 2 кинооператора // Вперед. 1936. 21 июля. С. 3.

³ В НА РТ хранится под названием «15 лет ТНР» (учет кинохроник на сегодня не завершен); см. также Ховалыг, 2020). Копия фильма хранится в Российском государственном архиве кинофотодокументов.

Таблица 1. Количество киноустановок и клубов в Тувинской Народной Республике (НА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 7. л. 19).

Table 1. The number of film installations and clubs in the Tuvan People's Republic (NA RT, f. 120, op. 1, d. 7, l. 19).

№	Наименование учреждения	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
1	Клубы	-	3	5	6	7	8
2	Стационарные киноустановки	1	2	3	4	5	6
3	Передвижные киноустановки	7	12	16	18	20	22
Всего киноустановок		8	14	19	22	25	28

Из таблицы видно, что количество передвижных киноустановок по сравнению со стационарными, с 1932 по 1937 гг. увеличилось в 2 раза. Это объяснялось тем, что коренное население Тувы в основном занималось животноводством и вело кочевой образ жизни и в условиях кочевого образа жизни кино для «подавляющего большинства аратов, план по культурному строительству ТНР предусматривает широкое развитие политпросветучреждений передвижного типа (юрты-передвижки, кинопередвижки, библиотеки передвижки, передвижные ликпункты) ...» (НА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 7. л. 18). Как отмечает А. К. Кужугет, передвижная форма работы была наиболее удобной для населения, разбросанного по небольшим аалам (Кужугет, 2006: 195). Мобильные передвижные киноустановки позволяли охватить большое количество населения, учитывая отсутствие во многих районах сельских клубов.

В документе на старотувинской письменности (латинизированной на новотюркской основе — яналифе) по культурному строительству министра культуры ТНР С. Т. Танова на 1 января 1938 г. отражены сведения по наличию киноустановок: стационарная звуковая — 1, передвижная звуковая — 2, немая стационарная — 1, немая передвижная — 8. Всего в 1937 г. в хошуны республики с 37 новыми звуковыми фильмами было произведено 14 выездов с общим кинообслуживанием в 4440 чел. (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 49, л. 2).

Укрепление системы киносети ТНР продолжилось и в 1940 г, когда республикой было приобретено 5 передвижных и 5 стационарных звуковых киноустановок (Аранчын, 1982: 232), которые были задействованы в кинотеатрах Кызыла, Турана и Шагонара (Моллеров, 1988: 119). Данные меры существенно повлияли на рост кинопоказов, и в этом году уже состоялось 2 416 киносеансов, на которых присутствовало 269 тысяч человек (История Тувы, 2007: 305).

В НА РТ в фонде «Управления Тувинского государственного кино при Совете Министров ТНР» (НА РТ, ф.145; 3 ед. хр., 1940–1944 гг.) хранятся годовые отчеты Госкино с 1940 по 1944 гг., составленные директором Тувгоскино Таржаа, в которых отражается хозяйственная и финансовая деятельность отрасли кино. В инвентаризационном списке имущественных и материальных ценностей, принадлежащих Тувгоскино, на 20 декабря 1940 г. на учете состояло:

- здание кинотеатра по ул. Кочетова, д. 54,
- здание кинобудки (в городском парке),
- здание гаража по ул. Дружбы, д. 94,
- здание под фотографию¹,
- каменный склад,
- дома и квартиры (всего 7 адресов).

Кроме того, на балансе Госкино также числилось 7 автомашин марки ГАЗ-АА, киноаппаратура и оборудование, различный хозяйственный инвентарь, материалы и топливо (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 2, л. 64).

В объяснительной записке к годовому отчету за 1940 г. бухгалтер Тувгоскино т. Федотов дает сведения о финансово-хозяйственной деятельности, где доход от центрального кино составляет — 108 337,16 акша, от кинопередвижек — 56 447,95 акша, от подсобных предприятий (фотография,

¹ Имеется в виду фотоателье.

буфет) — 7 243,21 акша. Также из представленных данных видно, что Тувгоскино погашало ссуды, полученные у Тувинценкопа и выделенные на капитальные вложения (строительство склада, приобретение жилого дома, закуп 34 кинокартин). К расходным статьям Тувгоскино относились заработная плата — 35 131,22 акша, расходы по приобретению кинофильмов и киножурналов — 49 916,79 акша и транспортные расходы на содержание автопарка и кинопередвижек. Всего баланс Тувгоскино на 1 января 1940 г. составлял 283 037 акша (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 2, л. 60–62). Отдельным приложением дается список из 128 фильмов, с наименованием, метражом и стоимостью кинокартин.

Рост киносети республики, укрепление ее материально-технической базы становится большим достижением на начальном этапе кинофикации Тувы. Вместе с тем, с расширением кинофикации в республике назревает острая проблема обеспечения кадрами, решение которой осуществлялось в двух направлениях: путем организации краткосрочных курсов и привлечения квалифицированных специалистов из Советского Союза. В середине 1930-х гг. первые тувинцы прошли обучение работе на кинопередвижках и были направлены в родные кочевья. Тувинцы-киномеханики со своими передвижками с немymi фильмами проделывали большую просветительскую работу среди аратов, живущих в отдаленных труднодоступных местностях (Аранчын, 1982: 232).

Правительство ТНР оказывало большое внимание подготовке кадров и повышению квалификации, о чем свидетельствуют следующие архивные документы: в постановлении XVIII сессии Малого Хурала ТНР «О задачах ТНР на 1937 г. по хозяйственному и культурному строительству», в п. 7 указывается на необходимость обучения киномехаников (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 7, л. 5) и в пятилетнем плане культурного строительства ТНР на 1932–1937 гг. ставился вопрос о потребности в киноработниках и организации краткосрочных курсов для киномехаников (НА РТ, ф. 109, оп. 1, д. 5, л. 13).

Так, в архивных документах, в «Тезисах о культурном строительстве ТАР» от 1935 года, в докладе министра культуры Тастай-оола отмечается нехватка специалистов кино: «кинопередвижки не обеспечены работниками. В настоящее время при кинофотообъединении проводятся курсы-аратов для подготовки их в качестве таких работников. Имеются недостатки в снабжении киноустановок фильмами (поступают одни и те же по несколько раз в году, низкая техническая годность)» (НА РТ, ф. 1, п. 1, д. 1581, л. 16об.). В этом же деле в документе под заголовком «Сведения по культурным вопросам» в разделе «Политпросвет сеть» в пункте 4 указано, что «подготовлено аратов для кино-передвижек — 8 человек (из них уже три выехало в хошуны)» (НА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 1581, л. 76).

Стоит отметить, что работа киномехаников требовала не только знаний по киноделу, но и умение вести агитационную работу. Зачастую работникам партийных организаций поручалось привлекать грамотную, активную молодежь в ряды киномехаников, поскольку одной из основных функций кинофикации является контроль в области репертуарной политики и работа со зрителем. Учитывая то, что основной упор культурной политики руководство ТНР связывало с развитием тесных отношений с Советской Россией, влияние новой революционной культуры касалось и сферы кино. В СССР кино имело четко ориентированную идеологическую направленность, создание его регулировалось со стороны партии, руководства Советов. Поэтому репертуар большинства функционировавших киноустановок в ТНР этого периода отвечал задачам руководящей партии — через киноискусство убедить тувинцев в правильности выбора социалистического пути развития.

Так, в клубе советских граждан Кызыла одними из первых фильмов были «Юные пионеры», «Празднование 1 мая в Минусинске», «Приезд тувинской делегации в СССР», «Место ссылки Ленина» (Моллеров, 1988: 103), «Мать» (Менхен-Хельфен, 2007: 249), «В тылу у белых» и «Красные партизаны»¹.

Тувинцы, особенно молодое поколение, очень полюбили советское киноискусство. «С неослабевающим интересом и большим душевным волнением араты смотрели фильмы “Броненосец “Потемкин””, “Чапаев”, “Ленин в Октябре”, “Мы из Кронштадта”, “Зангезур”, “Айгюль”, “Дума про казака Голоту”, “Потомок Чингисхана”, “На границе”, “Тринадцать”, “Герой Гонгор”, “Граница на замке”. Только в 1940 г. на 2416 киносеансах побывало 269 тыс. человек, т. е. каждый взрослый человек Тувы посетил кино 13 раз. Советские фильмы оказывали сильное воздействие на тувинцев, воспитывали их в духе верности идеям Великого Октября, искренней привязанности и горячей любви к СССР», — писал Ю. Л. Аранчын (Аранчын, 1982: 232).

¹ Титенков А. Первое кино в Туве // Тувинская правда. 1979. 24 июля. С. 3.

К примеру, в 1941 г. был снят документальный фильм «Страна голубой реки» (автор-режиссер Ф. Киселёв, операторы В. Соловьев и В. Фроленко, текст читал Ю. Левитан), раскрывающий о первых успехах социалистического развития в Туве, переход традиционной культуры на новый. Оригинал фильма хранится в РГАКФД (учетный номер № 4917, производственный № 1-5535), копия фильма — в фондах НА РТ. Все фильмы, поступавшие в прокат в 1930 гг. в ТНР создавались на крупных советских киностудиях: «Мосфильм», Киностудия им. А. М. Горького, «Ленфильм» и др.

По архивным документам из фонда «Министерства иностранных дел ТНР» (НА РТ, ф. 100, 315 ед. хр., 1922–1944 гг.) видно, что основным связующим звеном ТНР с советскими организациями, осуществлявшими торговый и культурный обмен с иностранными государствами, были Всесоюзное объединение по торговле с Монгольской и Тувинской народными Республиками (далее — Совмонгтвоторг) и Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (далее — ВОКС). Совмонгтвоторг и ВОКС снабжали ТНР немymi и звуковыми кинофильмами, занимались вопросами проката советских фильмов в ТНР, культурным обменом между государствами.

В этом фонде в деле «Договор между «Совмонгтвоторгом и “Тувгоскино” о поставке для “Тувгоскино” звуковых и немых кинофильмов для проката их на территории ТАР» хранится договор между Совмонгтвоторгом и ТНР о поставке в течение 1938 г. 35-ти полнометражных кинофильмов (выпуска 1936–1938 гг.) и не менее 30 тысяч метров документальных и хроникальных фильмов производства кинопромышленности СССР общей стоимостью 26 000 рублей (НА РТ, ф. 100, оп. 1, д. 177, л. 1–4).

В другом деле, озаглавленном «Переписка с полномочными представителями ТНР в СССР и МНР, советскими учреждениями и организациями о культурной связи с заграницей» хранится письмо Председателя Совета Министров и Министра иностранных дел ТНР Байыра председателю ВОКС О. Д. Каменевой от 17 сентября 1940 г., в котором сообщается:

«За время своего пребывания в Великом Советском Союзе в июле месяце этого года, при горячей помощи и братской заботе соответствующих организаций Советского Союза, я имел счастье заложить начало непосредственной связи нашей страны с ВОКСом... В целях наиболее полного практического осуществления нашей связи я хотел бы просить ВОКС о следующем: ... 2. На основе нашей договоренности в порядке подарка прислать нам следующие советские кинофильмы: “Великий гражданин” (2-ая серия), “Сорочинская ярмарка”, “ВСХВ” (хроника), “Встречный”, “На Дунае”, “Большой вальс” и ряд хроникальных короткометражных фильмов героического содержания (“Праздник Сталинской авиации в Советской Эстонии, Латвии и Литве” и другие) и дать к ним наряду с русским и тувинский текст» (НА РТ, ф. 100, оп. 1, д. 215, л. 18).

В архивных документах НА РТ имеется договор на пяти листах между Тувгоскино и Всесоюзной государственной конторой по киноэкспорту и киноимпорту («Союзинторгкино»), заключенный в январе 1941 г., о прокате 35 художественных, 5-документально-художественных, 25000 метров-хроникально-документальных и киножурналов на общую сумму 71 000 рублей (НА РТ, ф. 100, оп. 1, д. 258, л. 1–6). По данному документу можно говорить об объеме, востребованности и окупаемости кинопродукции, поставляемой в Туву.

В начале 1940 гг. органы власти республики обращали большое внимание на работу Тувгоскино, на его условия работы, исполнение утвержденных планов. Из архивных документов 1941 г. мы узнаем, что после доклада директора Тувгоскино Таржаа о деятельности учреждения, Совет Министров принимает специальное постановление. В документе, написанном на яналифе «Кур kinonun aзыльньп tugaǵında TAR saǵyttar совулеlinin токтаал» («О работе Госкино»), отмечаются недостатки в работе учреждения, а также указываются конкретные меры по улучшению финансово-хозяйственной деятельности (фото 4–6).

К концу 1930-х — начале 1940 гг. кино становится любимым культурным и познавательным времяпровождением тувинцев. Для молодой республики это был не только досуг населения, но и действенный метод формирования нового сознания и поведения аратов. Архивные документы подтверждают, что кинофикации ТНР предшествовала трудная работа по созданию материально-технической базы, постепенной замене киноустановок на звуковые, более модернизированные. Так как территории государства были большие и население проживало разрозненно, для обеспечения всех труднодоступных хошунов, кочевий аратов приходилось обучать новые кадры, искать доступные способы передвижения киноустановок. Профессия киномеханика, совершенно новая для Тувы, стала очень уважаемой в народе, а кинофильмы прочно вошли в жизнь кочевников.

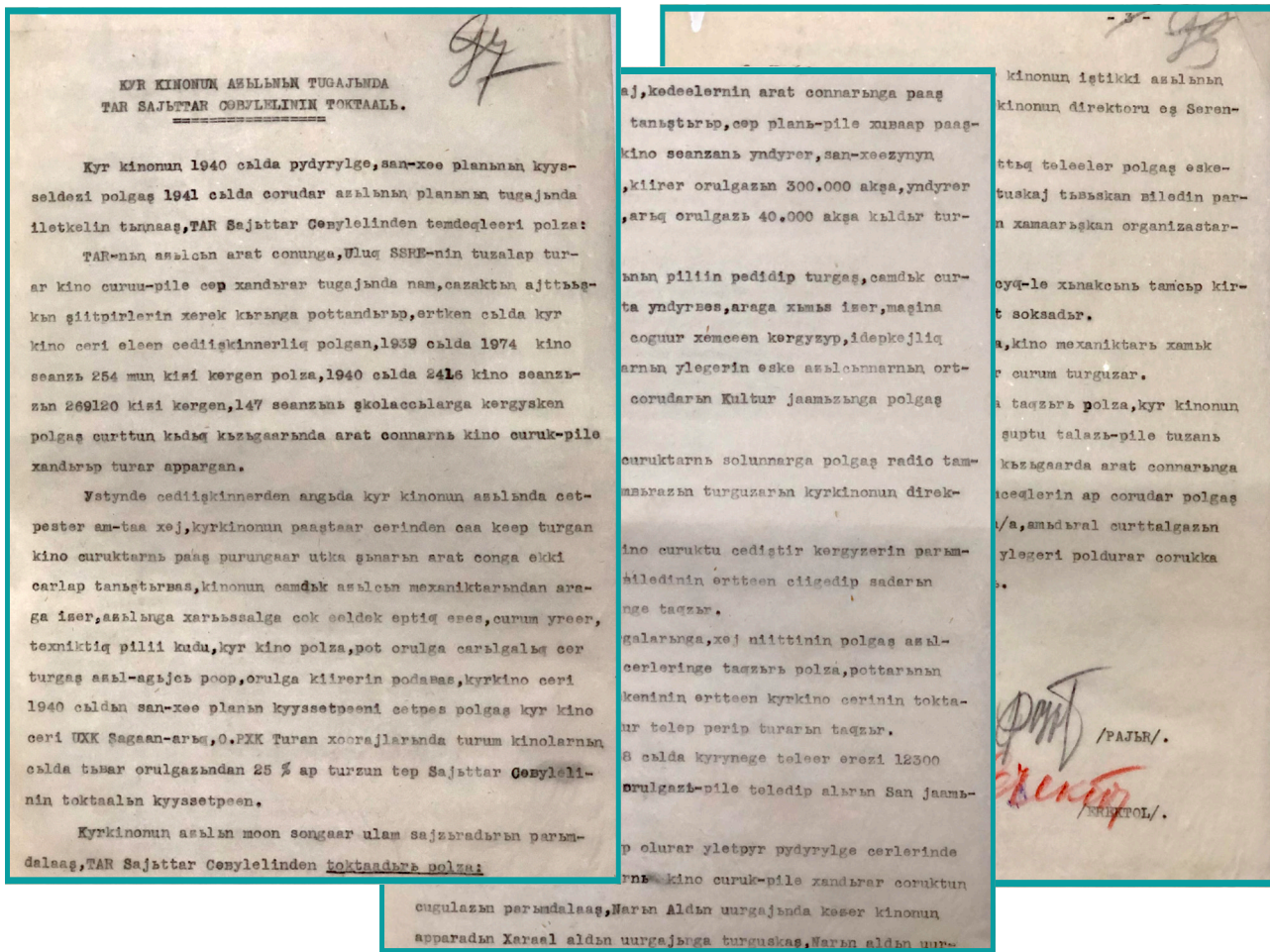

Фото 4–6. Постановление Совета Министров ТНР «О работе Госкино» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 916, лл. 111–113).
 Photos 4–6. Resolution of the Council of Ministers of the TPR “On the State Cinema Office” (in Latin script), 1941
 (National Archives of the Republic of Tuva, f. 92, op. 1, d. 916, ll. 111–113).

Киносеть ТНР в военное время

Развитие киносети Тувы в военное время также нашли отражение в архивных документах и газетных подшивках Национального архива Тувы. Ценные сведения по системе кинофикации содержатся в фондах «Совета министров ТНР» (НА РТ, ф. 92, 1298 ед. хр., 1921–1944 гг.), «Президиума Малого хурала ТНР» (НА РТ, ф. 93, 561 ед. хр., 1921–1944 гг.), «Управления Тувинского государственного кино при Совете Министров ТНР» (НА РТ, ф. 145, 3 ед. хр., 1940–1944 гг.).

Тува, как одно из первых государств, предложивших свою помощь Советскому Союзу, всецело перестроилась на военный лад. С первых же дней Великой Отечественной войны отрасль кино, как и все учреждения культуры ТНР, нацелилась для решения военных задач. Изменения коснулись всей системы киносети, репертуарной политики и кинопроката республики. Свой вклад в культурную трансформацию тувинского народа внесли и культпросветучреждения: к 1944 году в Туве работали 26 клубов, 30 красных уголков и 47 библиотек (Анчима, 1970: 59). Работники Госкино, после показа фильмов проводили беседы, кинолектории для зрителей, читали доклады и сообщения о последних новостях с войны. Основное место в репертуаре кино стали занимать ленты хроникально-документального жанра, отражающие героические события военного времени.

В Туве в это время при содействии советских кинооператоров сняты документальные фильмы о вкладе тувинского народа в борьбе с фашизмом, о тувинских добровольцах, о подарках Красной Армии: «Хроника об участии тувинских добровольцев в Великой Отечественной войне, о помощи Тувы фронту» (1941 г.), «Хроника о поездке на фронт делегации Тувинской Народной Республики третьим эшеломом подарков» и др.

Приезд тувинской делегации в апреле 1942 г. во главе с генеральным секретарем ЦК ТНРП С. К. Тока стал основой документального фильма «Приезд тувинской делегации», снятой операторами Т. Бунимовичем и М. Беровым. Уникальным является то, что в НА РТ сохранился архивный документ — Указ Президиума Малого Хурала ТНР от 31 марта 1942 г. — о награждении Орденом Республики ТНР командующего Западным фронтом, Героя Советского Союза, генерала армии Г. К. Жукова и руководящего командного состава Красной армии СССР (НА РТ, ф. 93, оп. 1, д. 348, л. 4). В данном кинодокументе запечатлена встреча делегации в штабе командования с Г. К. Жуковым, посещение освобождённых воинских частей, г.г. Истра и Волоколамск (сам кинодокумент хранится в РГАКФД, учетный № 5264). В газете «Тувинская правда» вышла заметка о делегации ТНР в Москву в 1942 г.¹

Кинохроника 1943 г. под названием «Тува», снятая кинооператором А. Г. Щекутьевым Центральной студией кинохроники, имеет продолжительность 12 минут и сопровождается закадровым голосом. Действие хроники начинается с железнодорожного вокзала в Москве, где тувинскую делегацию встречают представители советского командования во главе с генерал-полковником О. И. Городовиковым и чрезвычайным послом ТНР в СССР О. Мандараа. В ходе поездки делегация передает эскадрилью боевых самолётов, построенных на средства собранных тувинским народом, затем С. К. Тока вручает высшие награды ТНР генерал-полковнику М. А. Рейтеру и др.

Данный кинодокумент на электронном носителе хранится в фондах НА РТ (фото 7–9).

Фото 7–9. Кадры из кинохроники 1943 г.
(из фонда кинодокументов НА РТ).
Photos 7–9. Newsreel footage of 1943 г.
(film collection, National Archives, RT).

Несмотря на трудности военных лет, Советский Союз продолжал отправлять в ТНР новые кинокартины. Но количество киносеансов и количество кинозрителей с началом Великой Отечественной войны стало значительно меньше заранее принятых и не сокращенных планов. В некоторых районах республики месяцами не показывали кинофильмы. К примеру, из-за отсутствия горючего топлива и простоя

электростанций в 1942 г. не выполнили план Дзун-Хемчикский, Пий-Хемский и Барун-Хемчикский районы (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1170, л. 2). Это подтверждается словами Сиин-оола Лакпаевича Оюна, первого профессионального тувинского режиссера Тувы: «В годы войны кино мы смотрели не часто, примерно один раз в месяц или даже месяцами не смотрели. Помню, как мы смотрели один и тот же фильм “Чапаев” несколько раз...»².

¹ Прибытие делегации ТНР с подарками для Красной Армии в Москву // Тувинская правда. 1942, 1 мая. С. 2.

² Информант — Сиин-оол Лакпаевич Оюн, 1934 г. р.; место рождения — г. Москва; место и дата проведения интервью — г. Кызыл, 21.07.2020 г.

Другой проблемой была слабая материально-техническая база Управления «Тувгоскино». Так, в годы Великой Отечественной войны на территории ТНР насчитывалось всего 5 стационарных звуковых установок (ТОМП-4, К-Б-1, УСУ-9, УСУ-3 1936–1938 гг. выпуска), 9 звуковых кинопередвижек (К-25, 1936–1938 гг. выпуска) и две немые кинопередвижки (ГОЗ 1929 г. выпуска). Стационарные киноустановки имелись в административных центрах крупных районов: Шагонар, Туран, Чадан, Байгак и Кызыл-Мажалык (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1170, л. 9). Их техническое состояние было неудовлетворительным, и многие из них нуждались в капитальном ремонте. Кино-ремонтной мастерской в республике не было, и это приводило к частым простоям киноустановок. Технический износ большинства запасных частей и деталей стационарной и передвижной киноаппаратуры и передвижных электростанций колебался от 40 до 70% из-за отсутствия с 1941 г. ряда запасных деталей (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1170, лл. 9, 10).

Безусловно, все это сказывалось на выполнении финансового плана киносети. Часто получалось, что кинопередвижная сеть не выполняла задание и не удовлетворяла потребность населения в просмотре фильмов. Например, в 1942 г. работниками передвижной сети по всей республике было показано в среднем 152 сеанса в месяц при наличии 127 населенных пунктов (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1170, л. 10). Кинопередвижная сеть не выполняла финансовый план, плановых показателей не достигали стационарные установки в Шагонаре, Туране, Чадане и Барун-Хемчикском районе (там же: лл. 1, 2).

По отчетным данным Тувгоскино на 1 января 1944 г. видно, что количество гужепередвижек преобладает над автопередвижками. В автопарке числилось всего 3 автомашины марки ГАЗ-АА и 4 лошади для перевозки оборудования (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 35). Правительство республики специальными распоряжениями всячески старалось поддерживать киносеть и обязывало всем предприятиям предоставлять попутный и гуже-транспорт для кинопередвижек. Зачастую работникам одной кинопередвижки приходилось выезжать на долгое время для кинообслуживания от трех до пяти сумонов за одну поездку. Иногда приходилось нести киноаппаратуру на себе.

Работа на передвижках с гужевым транспортом требовала от киномехаников не только мастерства с оборудованием и физической выносливости, но и умения обращения с животными. Так, в документах по личному составу Тувгоскино имеются приказы об увольнении работников, которые не справлялись или отказывались от работы с лошадьми, а также об объявлении выговора за плохой уход за лошадьми (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, лл. 81, 82).

Одной из проблем Тувгоскино, как и других учреждений ТНР, была нехватка площадей. Отсутствие фильмохранилища сказывалось на хранении бобин и качестве фильмов, о чем свидетельствуют архивные документы 1942–1943 гг., когда 211 полнометражных фильмокопий хранились в абсолютно непригодном помещении (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1170, л. 10). Несмотря на все материально-технические

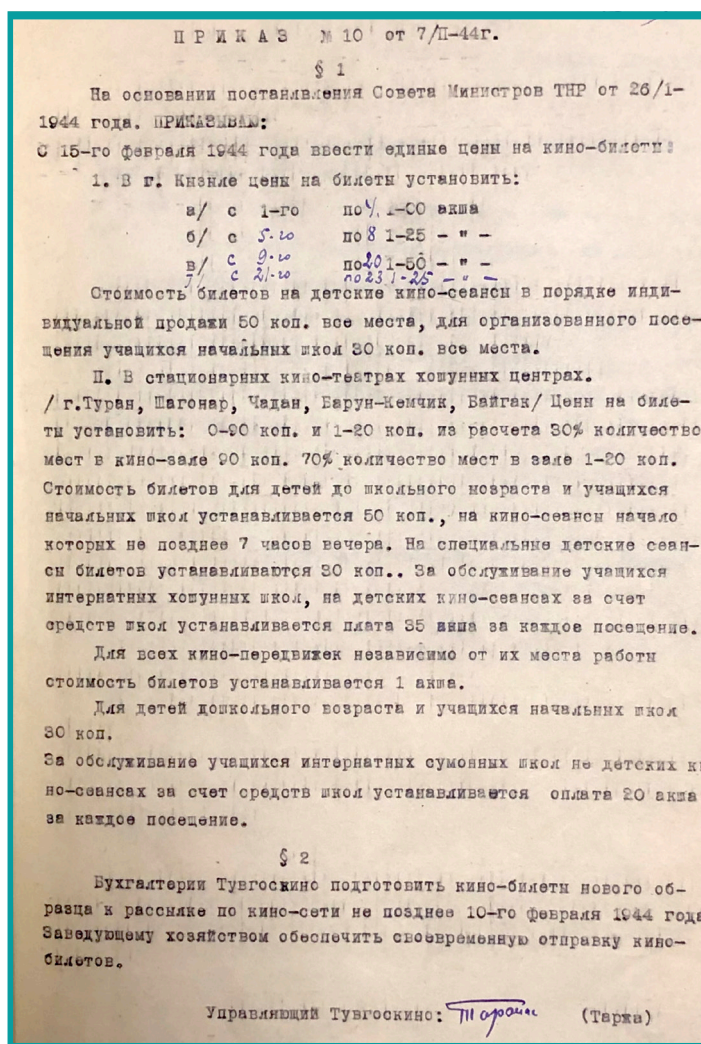

Фото 10. Приказ Управления Госкино о единой ценовой политике, 1944 г. (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 88).

Photo 10. Goskino Office Order on a unified pricing policy, 1944 (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 88).

издержки, в 1943 г. система кинофикации республики продолжала обслуживать население, и даже перевыполнила план на 15% (там же: л. 4). С течением времени решение организационных и технических проблем киносети позволило работникам четко выполнять поставленные перед ними задачи. На киносеть Управления «Тувгоскино», состоящую из 17 человек, было возложено обслуживание 95 000 населения ТНР проживающего в 16 хошунах со 127 населенными пунктами (там же: л. 9).

С развитием киносети стало больше внимания уделяться работе со зрителем. Для решения этой задачи был рассмотрен вопрос по урегулированию цен в интересах кинозрителя, принят приказ Управления Госкино № 10 от 7 февраля 1944 г., которым вводится единая ценовая политика на кинобилеты в г. Кызыле, стационарных кинотеатрах и кинопередвижках. Так, сеансы для взрослых в г. Кызыле стоили от 1 до 1,25 акша в зависимости от времени показа, детские сеансы — по 50 коп., организованные посещения учащихся — по 30 коп. за билет. В кинопередвижках цена сеансов устанавливалась в 1 акша, для детей — 30 коп., за обслуживание учащихся интернатных сумонных школ за счет средств школ — 20 коп. Данная мера способствовала увеличению роста посещений кино (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 88) (фото 10).

В фонде «Управление Тувинского государственного кино при Совете Министров ТНР» хранится план за 1944 г., в котором видно поквартальное распределение кинопередвижек между точками кинопроката (таблица 2).

Таблица 2. План на 1944 г. для Центрального кино и хошунных киноустановок, 1944 г. (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 3, л. 3).

Table 2. Planned number of cinema installations, for CentralKino and the khoshuuns (National Archives RT, f. 145, op. 1, d. 3, l. 3).

Наименование киноточек	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Общая сумма
г. Кызыл	205	205	205	205	820
г. Туран	45	45	45	45	180
г. Шагонар	45	45	45	45	180
г. Кызыл-Мажалык	41	42	41	41	165
г. Чадан	41	42	41	41	165
Всего	377	379	377	377	1510

Необходимо отметить, что помимо строительства культурных учреждений в республике повсеместно решались вопросы с профессиональными кадрами. Вызванная войной острая потребность в квалифицированных специалистах наблюдалась во всех культурно-просветительных учреждениях Советского Союза, в том числе в ТНР.

Наибольшая потребность в киноработниках ощущалась в отдаленных районах, где разъездной характер работы и низкая заработная плата приводили к текучести кадров. Руководством ТНР проводилась большая работа по приглашению квалифицированных специалистов из СССР в республику, которые даже в годы войны помогали молодому государству. Об этом свидетельствует письмо министра культуры ТНР уполномоченному послу ТНР об отправке в Туву врачей и других специалистов Министерства культуры, а также выделении киноаппаратуры и т. д. (НА РТ, ф. 120, оп. 1, д. 19, лл. 2–6). Проблема с кадрами решалась в основном отправкой студентов на учебу в СССР, а также в Монгольскую Народную Республику. Чаще всего в целях ликвидации кадрового дефицита в ТНР работников отправляли на краткосрочные курсы. В начале 1944 г. на курсах обучались 10 киномехаников (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1170, л. 5) (фото 11).

В Советском Союзе система ученичества функционировала достаточно эффективно и набирала обороты. Как отмечают Н. П. Храмкова и В. В. Заводчиков, система ученичества (наставничества) позволяла с наименьшими затратами и достаточно быстро обучить новые кадры (Храмкова, Заводчиков, 2017). Управление «Тувгоскино» также применяло в работе систему ученичества. Одними из первых тувинских киномехаников были Сенди Кыргыз, Чимит-оол Ондар, Сенгилдиг Куулар (Анчима, 1970: 67), которые прошли через такую систему обучения. Из воспоминаний д-ра геогр. н. С. С. Курбатской:

«В Эрзинском районе киномехаником работал Сенди Кыргыз. У него было прозвище среди народа “Кино Сенди”. Помню, он приезжал к нам не часто, примерно 1 раз в месяц. Когда он приезжал в наше село, это был целый праздник для нас! Весь народ от мала до велика все бежали к нему смотреть кино»¹.

Значительно возросла роль киномеханика в условиях военного времени. Естественно, помимо своего основного предназначения, он также становился агитатором и пропагандистом патриотических идей. Работники Тувгоскино всячески старались поддерживать киноработников в их профессиональном росте. Следуя примеру Советского Союза ЦК Профсоюза и Управление «Тувгоскино» с 1943 г. начали проводить социалистические соревнования работников кино. Так, победителями в республиканских соревнованиях по всем показателям работы кино в 1943 г. были признаны: Тере-Хольская кинопередвижка (заведующая Байгара Дыклаа), которой было присуждено переходящее Красное Знамя Совета Министров ТНР и ЦК ТНРП с выдачей премии I степени, кинопередвижкам Дзун-Хемчикского, Овюрского, Сут-Хольского хошунов (т. Ондар Чимит-оол) были выданы денежные премии II степени². В последующие годы соревнования продолжались, становясь своеобразным стимулом в работе, о чем свидетельствует приказ Тувгоскино от 8 апреля 1944 г., где за первое место была награждена Эрзинская передвижка, с денежной премией в 600 р., за второе место — передвижки Дзун-Хемчикского, Овюрского, Сут-Хольского хошунов в размере 300 р. (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 73).

Благодаря слаженной работе коллектива Тувгоскино и введенной системе материального поощрения, производственно-финансовый план первого полугодия 1944 г. был перевыполнен и даже намечился рост при сравнении с предыдущими годами (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1170, л. 10).

Отдельное место кино отводилось во время весенне-полевых работ, окотных, сельхозкомпаний. Так, в документах Тувгоскино 1944 г. есть сведения, когда по строгому указанию Правительства ТНР в районные центры хошуунов направлялись 10 кинопередвижек:

1. Бай-Тайга — кинопередвижка Семис-оола,
2. Монгун-Тайга — немая кинопередвижка Семис-оола,
3. Чадаан — кинопередвижка Абрамкина,
4. Овюр — кинопередвижка Седен-оола,

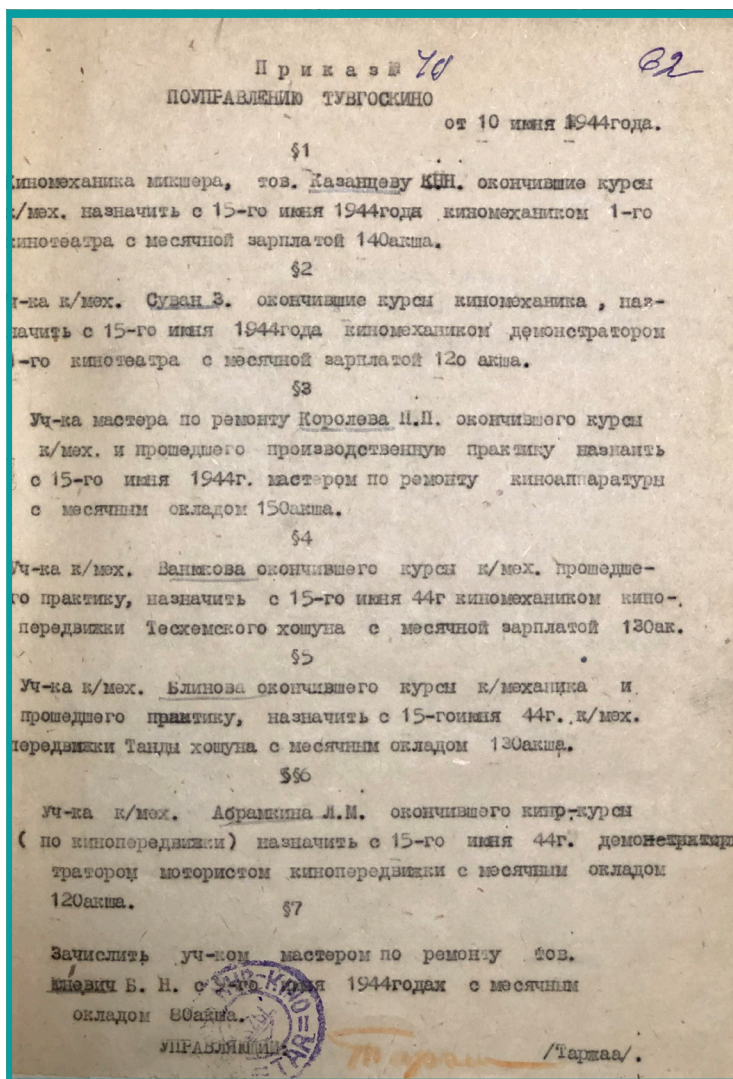

Фото 11. Приказ Управления Госкино по личному составу, 1944 г. (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 62).

Photo 11. Order of the Goskino Office for Personnel, 1944 (National Archives RT, f. 145, op. 1, d. 1, l. 62).

¹ Информант — Курбатская Светлана Суруновна, 1937 г. р.; место рождения — с. Эрзин Эрзинского хошууна Тувинской АССР, место и дата проведения интервью — г. Кызыл, 15.07.2020 г.

² В ЦК Профсоюза и Управления Тувгоскино // Тувинская правда (газета). 1944, № 31, 12 апреля. С. 5.

5. Улуг-Хем — кинопередвижка Байыр-оола,
6. Танды — кинопередвижка Путинцева,
7. Тес-Хем — кинопередвижка Тыкылаа,
8. Каа-Хем — кинопередвижка Антреева,
9. Сут-Холь — кинопередвижка Нукиса,
10. Колхозы — кинопередвижка Торонина (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 71).

Следует добавить, что на первом этапе становления киносети в ТНР закладывалась основа по подготовке профессиональных кадров в области кино. Впоследствии, когда ТНР вошла в состав СССР (11 октября 1944 г.), отрасль кинопроката пополнялась профессиональными специалистами. Помимо кинопроката и показа фильмов, в республике стали снимать фильмы с участием тувинских актеров.

На развитие системы кинофикации в ТНР по-прежнему оказывал влияние СССР, где военная тема в репертуарной политике стала ведущей и централизованно определялся Управлением кинофикации и кинопроката. В основе его деятельности лежали установки, озвученные И. В. Сталиным: «кино обладает исключительными возможностями воздействия на массы, оно мобилизует советских людей, рабочих, крестьян, интеллигенцию на еще более эффективную помощь фронту в борьбе с фашистскими варварами. Полностью и до конца использовать эту огромную силу — кино, в интересах нашего дела — завоевания победы над врагом — вот задача ..., которую должны разрешить работники кинофикации и кинопроката» (Сталин, 1953: 63).

На киностудиях Советского Союза шла напряженная работа по созданию полнометражных лент, картин. Съемкой фильмов на фронтах, в местах боевых действий занимались более 200 кинооператоров страны. В целом за годы войны было снято 103 художественных фильма, из них более 60 — непосредственно о Великой Отечественной войне (Галкин, 2009: 23). В условиях войны это был небывалый труд кинооператоров, режиссеров, сценаристов.

По всей территории Советского Союза, а также в ТНР, фильмы оказывали большое влияние на патриотическое воспитание народа. В газетном фонде НА РТ за 1942 г. имеются сведения о показе на киноэкранах республики, следующих фильмов: «Дочь моряка» (1941 г.)¹, «Ленинград в борьбе» (1942 г.)², «Черноморцы» (1942 г.)³, «Концерт фронту» (1942 г.)⁴ и др. С мая месяца на киноэкранах

Сведения:

о продвижении кино-фильмов по кино-сети Т Н Р.

с 1го января по 31ое декабря 1943 года.

Место демонстрации.	колич. демонстраций		колич. - всего		аренд. данные.	
	на местн. пунктах.	во всех кино-фильмов.	сеансов	процесс. зритель.	Тувин. франс.	русских франс.
г. Тыва.	1.	71	924	120229	77.100	116129
Кочун. Центр. сумовы и арбайы.	} 120	71	2.206	123078	49174	20432.
Всего:		121	142.	3130	313307	123274

Управление Тувинского Бухгалтер: *Игу*

Фото 12. Сведения о продвижении кинофильмов по киносети ТНР за 1943 г. (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 1).
 Photo 12. Information on the promotion of films on the TPR movie network, 1943 (NA RT, f. 145, op. 1, d. 1, l. 1).

¹ Тувинская правда. 1942. № 87. 2 сентября. С. 4.
² Тувинская правда. 1942. № 80. 13 августа. С. 8.
³ Тувинская правда. 1942. № 104. 11 октября. С. 6.
⁴ Тувинская правда. 1942. № 135. 25 декабря. С. 4.

республики была продемонстрирована кинокартина «Оборона Царицына» (1942 г.)¹, созданная в условиях войны лауреатами Сталинской премии I степени братьями Васильевыми. В декабре этого года в Туве был широко показан документальный фильм «День войны» (1942 г.)², раскрывающий героическую борьбу советского народа против захватчиков. За 2 дня показа в столице, фильм, с большим восторгом и волнением посмотрели 2800 человек³. Вышеуказанные 2 фильма собрали наибольшее количество кинозрителей в 1942 г.

В 1943–1944 гг. на киноэкранах республики основным репертуаром в кинотеатрах и передвижках составляли фильмы на военную тематику: «Парень из нашего города» (1942 г.)⁴, «Она защищает Родину» (1943 г.)⁵, «Непобедимые» (1942 г.)⁶, «Во имя Родины» (1943 г.)⁷, «Два бойца» (1943 г.)⁸, «Урал кует Победу» (1943 г.)⁹, «Фронт» (1943 г.)¹⁰.

В ТНР также повторно показывались специальные выпуски «Союзкинохроники» и другие художественные фильмы: «Ленин в октябре» (1939 г.)¹¹, «Мечта» (1941 г.)¹², «Лермонтов» (1943 г.)¹³, «Радуга» (1943 г.)¹⁴ и документальный фильм о Туве «Страна голубой реки»¹⁵ (1941 г.).

В целом за 1943 г. показатели по кинообслуживанию населения по всей республике был выполнен и составил 3130 киносеансов с охватом 313 307 человек. Интересные наблюдения выходят из сведений, составленных управляющим Госкино Таржаа за 1943 г., где ориентировочный учет кинопосещений велся и по национальной принадлежности граждан (НА РТ, ф. 145, оп. 1, д. 1, л. 1) (*фото 12*).

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны система кинофикации и киносети испытывала сложности материально-технического характера, связанных прежде всего с проблемой доставки фильмов и топлива из Советского Союза. Программа пятилетки, предусматривающая увеличение роста киносети в республике не была достигнута, за годы войны не было приобретено ни одной киноустановки. Многие из имевшихся передвижек пришли в негодность, что привело к сокращению количества до 20 единиц (в 1937 г. — было 28). Репертуарная политика военного периода стала важным средством в патриотическом воспитании общества. В целом, несмотря на сложившиеся обстоятельства того времени, работники Госкино старались выполнять свои задачи, делая кино общедоступным для простого народа.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно отметить, что кино в Туве, претерпев трудности на начальном этапе развития в конце 1920–1930-е гг. (слабость материально-технической базы, трудность обеспечения кадрами, существенный контроль за репертуарной политикой и постоянная работа со зрителем), успело сформироваться в функционирующую систему, которая работала и выполняла свои задачи в 1940-е гг. Система кинофикации стала одним из основных методов агитации и пропаганды новой культурной революции, затем, во время войны — средством патриотического воспитания, любви к родине и ненависти к захватчикам.

Первые немые киноустановки, появившиеся в ТНР в 1926 г., за почти два десятилетия стали выполнять развлекательные, информационно-коммуникативные, идеологические, политические и интеграционные функции кинематографа. Первые работники кино, получившие новую профессию в ТНР, стали очень востребованными, уважаемыми и известными людьми во всей республике.

¹ Тувинская правда. 1942. № 47. 27 мая. С. 3.

² Тувинская правда. 1942. № 135. 9 декабря. С. 4.

³ Тувинская правда. 1942. № 128. 9 декабря. С. 1.

⁴ Тувинская правда. 1943. № 36. 2 апреля. С. 4.

⁵ Тувинская правда. 1943. № 82. 4 августа. С. 3.

⁶ Тувинская правда. 1943. № 86. 13 августа. С. 6.

⁷ Тувинская правда. 1943. № 104. 29 сентября. С. 4.

⁸ Тувинская правда. 1943. № 127. 3 декабря. С. 4.

⁹ Тувинская правда. 1944. № 7. 21 января. С. 6.

¹⁰ Тувинская правда. 1944. № 8. 26 января. С. 4.

¹¹ Тувинская правда. 1944. № 5. 15 января. С. 4.

¹² Тувинская правда. 1943. № 143. 20 ноября. С. 6.

¹³ Тувинская правда. 1943. № 132. 18 декабря. С. 5.

¹⁴ Тувинская правда. 1944. № 46. 3 июня. С. 4.

¹⁵ Тувинская правда. 1943. № 86. 13 августа. С. 6.

В первые месяцы вхождения Тувы в состав СССР, а если точнее — по данным на 1 января 1945 г. — киносеть Тувы представляла собой организованную систему из 6 кинотеатров (в Кызыле — 2, по одному в Туране, Шагонаре, Чадане, Баруун-Хемчике), 2 стационарных кинопередвижки (в городском парке Кызыле), 11 передвижных установок. Всего в Госкино работало 48 рабочих и служащих. Киносеть Тувы продолжила свое развитие уже в составе СССР, влившись в единую систему советского кинопроката.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анчима, Х. А. (1970) Культурное строительство в Советской Туве // В братской семье народов / сост. С. С. Сонам. Кызыл : Типография управления по печати при Совете Министров Тувинской АССР. 216 с. С. 55–69.

Аранчын, Ю. Л. (1982) Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск : Наука. 337 с.

Бадыргы, М. М., Мунге, Б. В. (2020) Документы Национального архива Республики Тыва по культурному строительству Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 2. С. 145–164. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.10

Бураева, С. В., Батулин, С. А. (2017) Бурятия в пространстве документального советского кино (1923–1941 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. № 4. С. 62–71.

Введение (2007) // Урянхай. Тыва дептер : в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово/Slovo. Т. 6. Танну-Тувинская Народная Республика (1921–1944 гг.). 584 с. С. 29–127.

Галкин, А. В. (2009) О работе киносети Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. № 3. С. 35–39.

История Горного Алтая (2014) / А. П. Адлыкова, Т. В. Анкудинова, А. Г. Гонохов и др. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет. 480 с.

История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука. Т. 2. 430 с.

Кино: Энциклопедический словарь (1986) / гл. ред. С. И. Юткевич; редкол.: Ю. С. Афанасьев, В. Е. Баскаков, И. В. Вайсфельд и др. М. : Советская энциклопедия. 838 с.

Киносеть (1973) // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / под ред. А. М. Прохорова. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. Т. 12. 624 с. С. 138.

Косых, Е. Н., Фадеев, К. В. (2005) Сибирский кинематограф: 1896–1917 гг. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сборник статей / под ред. В. А. Скубневского. Барнаул : Изд-во Алтайского университета. 319 с. С. 305–318.

Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово : КемГУКИ. 319 с.

Кызыл — столица Советской Тувы (1964) / Очур В. Ч., Ровнов В. И., Сердобов Н. А. и др. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 129 с.

Маннай-оол, М. Х. (2001) Ученый комитет ТНР и его роль в социально-экономическом и культурном развитии Тувы // Гуманитарные исследования в Туве : сборник научных статей / отв. ред. К. А. Бичелдей, Б. И. Татаринцев, С. М. Биче-оол. М. : РУДН. 336 с. С. 99–106.

Менхен-Хельфен, О. (2007) Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер / составитель С. К. Шойгу : в 7 т. М. : Слово/Slovo. Т. 6. 584 с. С. 222–351.

Моллеров, Н. М. (1988) Очаги социалистической культуры РСТК в ТНР (1922–1932) // Культура тувинцев: традиция и современность / отв. ред. Ю. Л. Аранчын. Кызыл : Типография Госкомиздата Тувинской АССР. 152 с. С. 100–109.

Потапов, Л. П. (1953) Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев // Советская этнография. № 2. С. 72–102.

Сердобов, Н. А. (1971) История формирования тувинской нации. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 482 с.

Сталин, И. В. (1953) О Великой Отечественной войне Советского Союза (доклады, речи, выступление и приказы). М. : Госполитиздат. 209 с.

Тока, С. К. (1970) Торжество ленинской национальной политики КПСС // В братской семье народов / отв. ред. С. К. Тока. Кызыл : Типография управления по печати при Совете Министров Тувинской АССР. 213 с. С. 7–15.

Ховалыг, С. С. (2020) Проблемы хранения технотронных документов в архивах Тувы // Новые исследования Тувы. № 2. С. 63–74. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.4

Храмкова, Н. П., Заводчиков, В. В. (2017) Кадровое обеспечение системы кинообслуживания населения среднего Поволжья в годы Великой Отечественной войны // *Общество: философия, история, культура*. № 4. С. 98–103. DOI: www.doi.org/10.24158/fik.2017.4.24

Энциклопедия Республики Хакасия (2007) : в 2 т. / гл. ред. В. А. Кузьмин. Красноярск : Поликор. Т. 1. 432 с.

Дата поступления: 01.06.2020 г.

REFERENCES

Anchima, Kh. A. (1970) Kul'turnoe stroitel'stvo v Sovetskoj Tuve [Cultural construction in Soviet Tuva]. In: *V bratskoj sem'e narodov [In the brotherly family of peoples]*. Ed. by S. K. Toka. Kyzyl, Printing office of the press Department of the Council of Ministers of the Tuvan ASSR. 213 p. Pp. 55–69. (In Russ.).

Aranchyn, Yu. L. (1982) *Istoricheskii put' tuvinskogo naroda k sotsializmu [The historical path of the Tuvan people to socialism]*. Novosibirsk, Nauka. 337 p. (In Russ.).

Badyrgy, M. M. and Munge, B. V. (2020) Dokumenty Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tyva po kul'turnomu stroitel'stvu Tuvinskoj Narodnoj Respubliki ["Cultural Upbuilding" in People's Republic of Tuva in documents preserved at National Archives of Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 145–164. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.10

Buraeva, C. V. and Baturin, S. A. (2017) Buriatiia v prostranstve dokumental'nogo sovetskogo kino (1923–1941 gg.) [Buryatia in the space of documentary Soviet films (1923–1941)]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 4, pp. 62–71. (In Russ.).

Vvedenie [Introduction] (2007). In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai: The Tuvan Notebook]*: in 7 vols. / comp. S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 6. Tannu-Tuvinskaia Narodnaia Respublika (1921–1944 gg.) [Tannu-Tuva People's Republic (1921–1944)]. 584 p. Pp. 29–127. (In Russ.).

Galkin, A. V. (2009) O rabote kinoseti Chuvashii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [On the work of the film network of Chuvashiya within Great Patriotic War]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 3, pp. 35–39. (In Russ.).

Istoriia Gornogo Altaia [History of the Altai Mountains] (2014) / A. P. Adlykova, T. V. Ankudinova, A. G. Gonokhov et al. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altaiisk state University. 480 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kino: Entsiklopedicheskii slovar' [Cinema: An Encyclopedic dictionary] (1986) / editor-in-chief S. I. Yutkevich; editorial board: Yu. S. Afanas'ev, V. E. Baskakov, I. V. Vaisfel'd et al. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. 838 p. (In Russ.).

Kinoset' [Cinema] (1973). In: *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia [Great Soviet encyclopedia]*: in 30 vols. / ed. by A. M. Prokhorov. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1969–1978. Vol. 12. 624 p. Pp. 138. (In Russ.).

Kosykh, E. N. and Fadeev, K. V. (2005) Sibirskii kinematograf: 1896–1917 gg. [Siberian cinema: 1896–1917]. In: *Protsesy urbanizatsii v Tsentral'noi Rossii i Sibiri: sbornik statei [Processes of urbanization in Central Russia and Siberia: a collection of articles]* / ed. by V. A. Skubnevskii. Barnaul, Publishing house of the Altai University. 319 p. Pp. 305–318. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. Kemerovo, KemGUKI. 319 p. (In Russ.).

Kyzyl — stolitsa Sovetskoj Tuvy [Kyzyl, the capital of Soviet Tuva] (1964) / Ochur V. Ch., Rovnov V. I., Serdobov N. A. et al. Kyzyl, Tuva book publishing house. 129 p. (In Russ.).

Mannai-ool, M. Kh. (2001) Uchenyi komitet TNR i ego rol' v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Tuvy [The TPR Academic Committee and its role in socioeconomic and cultural development of Tuva]. In: *Gumanitarnye issledovaniia v Tuve: sbornik nauchnykh statei [Humanities Research in Tuva: collected scholarly articles]*. Ed. by K. A. Bicheldei, B. I. Tatarintsev and S. M. Biche-ool. Moscow, RUDN. 336 p. Pp. 102–104. (In Russ.).

Menkhen-Khel'fen, O. (2007) Puteshestvie v aziatskuiu Tuvu [A Journey to Asian Tuva]. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uryankhai: A Tuvan Notebook]*: in 7 vols. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 6. 584 p. Pp. 222–351. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (1988) Ochagi sotsialisticheskoi kul'tury RSTK v TNR (1922–1932) [Centers of socialist culture of the RSTC in TPR (1922–1932)]. In: *Kul'tura tuvintsev: traditsiia i sovremennost' [Culture of Tuvans: tradition and modernity]* / ed. by Yu. L. Aranchyn. Kyzyl, Printing house of the state Committee of The Tuvan ASSR. 152 p. Pp. 100–109. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1953) Sotsialisticheskoe pereustroistvo kul'tury i byta tuvintsev [The socialist reconstruction of the culture and life of Tuvan people]. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, pp. 72–102. (In Russ.).

Serdobov, N. A. (1971) *Istoriia formirovaniia tuvinskoj natsii [The history of the formation of the Tuvan nation]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 482 p. (In Russ.).

Stalin, I. V. (1953) *O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soiuz (doklady, rechi, vystuplenie i prikazy)* [About the Great Patriotic War of the Soviet Union (reports, speeches, speeches and orders)]. Moscow, Gospolitizdat. 209 p. (In Russ.).

Toka, S. K. (1970) Torzhestvo leninskoj natsional'noi politiki KPSS [The triumph of Leninist national politics of the CPSU]. In: *V bratskoi sem'e narodov* [In the brotherly family of peoples]. Ed. by S. K. Toka. Kyzyl, Printing office of the press Department of the Council of Ministers of the Tuvan ASSR. 213 p. Pp. 7–17. (In Russ.).

Khovalyg, S. S. (2020) Problemy khraneniia tekhnotronnykh dokumentov v arkhivakh Tuvy [Preserving technotronic documents in the archives of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 63–74. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.1.4

Khramkova, N. P. and Zavodchikov, V. V. (2017) Kadrovoe obespechenie sistemy kinoobsluzhivaniia naseleniia srednego Povolzh'ia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Staffing the cinema entertainment system of the population of the middle Volga region during the Great Patriotic War]. *Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul'tura*, no. 4, pp. 98–103. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.24158/fik.2017.4.24

Entsiklopediia Respubliki Khakassii [Encyclopedia of the Republic of Khakassia] (2007) : in 2 vol. / editor-in-chief V. A. Kuz'min. Krasnoiar'sk, Polikor. Vol. 1. 432 p. (In Russ.).

Submission date: 01.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.7

Культурная политика Тувинской Народной Республики по организации празднеств

Айлана К. Кужугет

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация*

В статье анализируются особенности государственной политики Тувинской Народной Республики в 1920–1930-е годы в области организации массовых праздников в форме демонстраций и митингов, и вытеснению народных вплоть до запретов. Новые праздники были призваны показывать изменения в общественно-политической, экономической жизни народа. Анализируются факты из опубликованных трудов, а также привлекаются новые сведения из документов Национального архива Республики Тыва.

Отмечается, что культурная политика ТНР в области организации празднеств представляет собой комплекс разнородных, порой антагонистических явлений и подразделяется на два периода с внутренней политикой разной направленности. В первый период — в 1920-е годы, допускались традиционные праздники, в том числе и религиозные. Во второй — с 1930-х годов — под руководством Тувинской народной революционной партии реализуется новая социокультурная политика кардинальных изменений и отказа от прошлого. Все составляющие традиционной культуры: обряды и праздники, пища и одежда, юрта, даже горловое пение и искусство резьбы по камню и дереву соотносились с понятием «отсталая культура». Праздники были не столько культурными, сколько политическими мероприятиями, поэтому их подготовкой занимались члены правительства, создавались специальные комиссии по их проведению.

За короткий исторический отрезок времени праздничная культура тувинцев подверглась значительным изменениям.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; история Тувы; Тува; тувинцы; культурная политика; народный праздник; государственный праздник; социалистическая идеология

Для цитирования:

Кужугет А. К. Культурная политика Тувинской Народной Республики по организации празднеств // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 101–110. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.7>

Кужугет Айлана Калиновна — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, главный научный сотрудник Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (952) 752-41-00. Эл. адрес: akumin@mail.ru

KUZHUGET, Ailana Kalinovna, Doctor of Cultural Studies, Chief Research Fellow, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., Kyzyl, 667000, Russia. Tel.: +7 (952) 752-41-00. E-mail: akumin@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-6092-661X**

Cultural policy of the Tuvan People's Republic and public festivities

Ailana K. Kuzhuget

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article discusses the main directions of the Tuvan People's Republic state policy on holiday culture in the 1920s–30s, including the introduction of new types of festivities, such as rallies or demonstrations, and suppression and ultimate prohibition of traditional rituals and holiday. The new festivities aimed to reflect the changes in the social, political and economic life of the people of Tuva. For our sources, we rely on printed materials and previously unknown documents from the National Archives of the Republic of Tuva.

As far as celebrations are concerned, the cultural policy of the PRT appeared a combination of various, often contradictory or even mutually exclusive, trends. It can be divided into two periods differing in the main orientation of the region's internal policy. In the earlier period, 1920s, traditional holidays, including religious ones, were still allowed. Later, in the 1930s, Tuvan People's Revolutionary Party pursued a new sociocultural policy which proclaimed drastic change and radical break with the past. Everything pertaining to the traditional culture: rituals and holidays, food and apparel, the yurt, even throat singing and the arts of woodcut and stone carving was labelled "backward". Festivals were political, rather than cultural, events, and thus organizing them was the government's responsibility, entrusted to ad hoc committees.

Over a short period of time, Tuvan's festival culture underwent drastic change.

Keywords: *Tuvan People's Republic; history of Tuva; Tuva; Tuvans; cultural policy; festival; public holiday; Socialist ideology*

For citation:

Kuzhuget A. K. Kul'turnaia politika Tuvinskoï Narodnoï Respubliki po organizatsii prazdnestv [Cultural policy of the Tuvan People's Republic and public festivities]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 101–110. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.7>

Введение

В 1920-е и 1930-е годы в Тувинской Народной Республике (ТНР) наиболее показательными явлениями перехода от старой традиционной культуры к новой стали праздники в форме демонстраций и митингов. Они были призваны показывать изменения в общественно-политической, экономической жизни народа. Как считали лидеры коммунистического движения во главе с В. И. Лениным, маёвки, митинги, демонстрации являются лучшими формами проявления демократии угнетённых: «митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, их выпрямление, их пробуждение к новой жизни, их первые шаги на том поприще, которое они сами очистили от гадов (эксплуататоров, империалистов, помещиков, капиталистов) и которое они сами хотят научиться налаживать по-своему, для себя, на началах своей, Советской, а не чужой, не барской, не буржуазной власти» (Ленин, 1969: 202; курсив источника. — А. К.). Власть в Туве, как и в Советском Союзе, уделяло большое внимание проведению государственных праздников, поскольку «массы» (как называлось население) большей частью были безграмотными или малограмотными.

Изучение государственной праздничной культуры Тувы 1920–1930-х годов на основе архивных документов, прежде всего — Национального архива Республики Тыва (далее — НАРТ), позволяет получить достоверные сведения о конкретном периоде в истории страны, понять важные составляющие внутренней политики и духовной культуры Тувы прошлого и в целом основные тенденции ее развития.

Если о бытовании народных праздников тувинцев и порядке их проведения опубликовано уже много научных работ, в том числе автора данной статьи (Курбатский, 1973; Кенин-Лопсан, 1987, 2004, 2006; Вайнштейн, 1961, 1972; Дьяконова, 1971, 1976; Потапов, 1969; Кужугет, 2006), то тема государственных праздников периода ТНР практически не изучена, что обуславливает актуальность выбранной темы. В статье рассмотрены особенности процесса становления, развития новых праздников ТНР и вытеснения народных тувинских. Данный период составляет небольшой отрезок времени — двадцать три года, тем не менее для детального восстановления всех событий применяется историко-хронологический

метод. Кроме этого, принцип социокультурного подхода дает возможность представить события тех лет в тесной взаимосвязи с другими явлениями становления тувинского общества, ставшего на путь построения социалистического строя.

Теоретической базой изучения политики государства в области культурного строительства, в частности, празднеств явились работы исследователей советского периода (Климов, 1964; Конович, 1990; Кузьмина, Маслов, 1975; Ширяева, 1975). Широкий круг вопросов относительно роли культуры в развитии современного общества раскрывается в трудах сибирских, в частности, тувинских исследователей (Юша, 2005; Цыренова, 2007; Майны, 2014; Бадыргы, Мунге, 2020).

Источниковой базой исследования стали опубликованные труды по тувинским традиционным праздникам, а также документы Национального архива РТ (партийного фонда 7, фондов рукописей 92–1 и 93–1), ряд сведений из которых в научный оборот вводится впервые.

Традиционные праздники тувинцев

Традиционные праздники тувинцев, как мы уже отметили, довольно подробно описаны в работах тувиноведов, поэтому, опираясь на собранные материалы, мы перечислим их, чтобы представить общую картину дореволюционной обрядовой культуры.

Календарные обряды и праздники составляли самую большую группу народных торжеств. К ним относятся обряды освящения объектов природы с жертвоприношением духам, хозяевам местности с общим названием дагыыры (освящение): *оваа дагыыры, даг дагыыры, арт дагыыры, Дээр дагыыры, Оран танды дагыыры, суг бажы дагыыры, хөл дагыыры, буга бажы дагыыры, аржаан дагыыры, хам ыяш дагыыры, тел ыяш дагыыры, Тайга дагыыры*. Освящали: жертвенник, родовую гору, перевал, Небо, Вселенную, исток реки, озеро, начало оросительного канала, источник минеральной воды, шаман-дерево, деревоблизнец, тайгу. Большинство из обрядов и праздников проводилось ежегодно, приблизительно в одно и то же время — весной или летом. Однако есть среди них и обряды, которые проводились и по мере надобности: при достижении перевала (*арт дагыыры*), для лечения больного (*хам ыяш* или *тел ыяш дагыыры*) (Яковлев, 1900; Кенин-Лопсан, 2006; Курбатский, 1973; Кужугет, 2006).

Семейными праздниками являются *от дагыыры* — освящение домашнего очага, *куда* — свадьба, *уруг дою* — праздник обрезания волос в трехлетнем возрасте, *ойтулааш* — молодежный праздник, на котором молодые люди из разных родов знакомились со своими будущими супругами (Кенин-Лопсан, 2004; Кужугет, 2006).

К религиозным обрядам и праздникам относятся шаманские камлания и буддийское богослужение *Цам* (тув. — *Сам*) (Дьяконова, 1971; Кенин-Лопсан, 1987; Кужугет, 2006).

Отдельно надо отметить самый большой праздник встречи Нового года — *Шагаа* (у монголов *Цагаан сар* — Белый месяц), в прошлом, вероятно, называвшийся *Чыл бажы* (начало года), как у соседних тюркских народов.

Мы разделяем традиционные праздники на календарные, семейные и религиозные, но, понятно, что в повседневной жизни были тесно взаимосвязаны и могли быть как семейными, так и религиозными. Эта созданная в течение многих веков система обрядов и праздников охватывала все стороны жизни тувинцев и полностью удовлетворяла их психологическим, эмоциональным, эстетическим вкусам и потребностям (Курбатский, 1973; Кенин-Лопсан, 2006).

Начало формирования новых празднеств

В первое десятилетие ТНР ещё сохранялись частично некоторые обряды и праздники, но место ведущих начали занимать празднества, организованные государством, а не народом, поэтому они уже назывались не народными, а государственными. Поскольку Тува встала на путь строительства социализма, праздники копировались у Советского Союза. Это были не только праздники 1 Мая, 7 ноября, но и различные празднования юбилеев и памятных дат жизни великих писателей, к примеру, в 1937 г. — 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина, олимпиады и смотры художественной самодеятельности. Однако, главными среди этих крупных культурных событий являлись все же политизированные празднества в форме парадов и демонстраций.

Как известно, первый состав правительства ТНР (1921–1929) состоял из бывших нойонов и представителей буддийского духовенства, поэтому принципы и порядок построения структуры государственной власти в Туве историки характеризуют «как переходные с элементами демократии, вы-

соким общественным статусом института церкви и первыми отчетливыми признаками будущего партократического устройства» (*История Тувы, 2007*: 136).

В протоколе заседания Центрального комитета Танну-Тувинской Народной Партии (ЦК ТНРП) от 6 дня 11 луны 3 года (приблизительно 16 декабря 1923 г.), на котором присутствовали Дондук — заместитель председателя ЦК, Лодан-Шыырап — член ЦК, Буян-Бадорху — премьер-министр, Данзын — в. и. о. министра внутренних дел, Павел Медведев — советник, в пункте 2 «Об установлении праздничных дней» записано:

«Для чествования образования самостоятельной республики Танну-Тува установить следующие праздничные дни:

1. День создания угудар ямы (оргбюро) и объединения Танну-Тува — 8 дня 10 луны 1 года (1921 г.);
2. День образования Танну-Тувинского правительства и создания Танну-Тувинской народной республики — 13 дня 12 луны 1 года (28 февраля — 1 марта 1922 г.);
3. День установления партии и распространение партийного влияния в стране — 25 дня 5 луны 3 года (6 июня 1923 г.);
4. Оставить празднование нового года (Шагаа) как традиционный старинный праздник.

Кроме того, чествовать с празднованием 7 ноября — праздник Великой Октябрьской социалистической революции, давшей свободу и мирную жизнь трудящимся всех наций мира» (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 69, л. 31-32).

В одном из первых материалов — в протоколе заседаний ЦК ТНРП №1-22, от 6 дня 11 луны 3 года (16 декабря 1923 года) первого состава заседания ЦК ТНРП был выработан список государственных праздников: образование государства, правительства, партии, Шагаа. Причём, в том же документе записано, что в ознаменование двух праздников — установления партии и Шагаа произвести амнистию осужденных. «Обсудив вопрос, об облегчении меры наказания и амнистии осужденным, решили, что в праздничные дни в день установления партии — 25 дня 5 луны и новогодний праздник (Шагаа) считает возможным произвести амнистию и облегчение срока наказания из числа осужденных по разным преступлениям, если это считается возможным (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 69, л. 32)». Это говорит о том, что государство хотело подчеркнуть важность праздников и донести это до общества.

На заседании 5 апреля 1924 г. было принято также решение о разрешении совершения буддийских богослужений. При этом «сбор средств для проведения и нужд молитвенной службы в монастырях (хурэ) считать только добровольным делом верующих граждан» (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 124, л. 9). 13 ноября 1924 г. на совместном заседании членов ЦК ТНРП с представителями от хурээ республики обсуждались вопросы об оказании помощи монастырям и бедным ламам, о дополнительном наборе хуураков (учеников лам), о распространении религиозной пропаганды и освоении религиозных знаний (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 124, л. 65–68).

В начале 1920-х годов ещё проводились календарные праздники, религиозные богослужения, шаманские камлания, а со второй половины 1920-х гг. и установленные государственные праздники. В Протоколах ЦК ТНРП в 1925 г. уже важное значение отводилось празднованию 1 Мая: «провести праздник 1-го мая повсеместно (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 158, л. 16)». Также в Протоколе № 11 от 22 дня 5 луны 5 года (13 июля 1925 г.), в разделе «Дополнительные вопросы», рассматривалась необходимость празднования дня образования Танну-Тувинской Народно-Революционной Партии: «тувинский народ, сбросив старый строй и эксплуататоров, получил самостоятельность и свободу, страна развивается по новому пути. Поэтому ранее установленный праздник — день образования Танну-Тувинской народно-революционной партии провести 25–30 дня 5 луны с. г. (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 158, л. 39).

С 1929 г. политика партии начала меняться: это подтверждается документами. Так, в Резолюции VIII съезда ТНРП (10 ноября 1929 г.) по докладу о задачах культурного строительства в ТНР отмечалось, что:

«...современное состояние культурного уровня населения Тувинской республики очень низко. Родной письменности не имеется, своя национальная культура не развита. Грамотность населения на монгольском языке равна 1,5 %. Грамотных женщин почти нет. Грамотного мужского населения значительную долю составляют феодальные слои населения и ламство. Культурные кадры работников исчисляются единицами... Религия имеет большое влияние. Количество хурэ в республике равно 22 и количество лам приблизительно 2000 (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 583, л. 28)»;

«...Ламство являясь категорией паразитической, эксплуататорской, околпачивающей темные аратские массы, по природе своей реакционно, и наши новые начинания в области культурного строительства,

несомненно, встретят соответствующий отпор со стороны лам и прочих реакционных элементов, которые до сих пор имеют значительное влияние на население. Задача партийной организации сейчас состоит в том, чтобы вести более усиленную борьбу с ламством и всякими религиями и в соответствии с этим развернуть широкую агитационно-разъяснительную работу в аратских массах. Для того, чтобы успешно проводить эту работу, необходимо максимально усилить антирелигиозное воспитание членов НРП и РСМ и решительно искоренять явления, связанные с выполнением религиозных обрядов и других предрассудков членами НРП (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 583, л. 32)»;

«...Наряду с этим необходимо в партийно-просветительской работе обратить серьезное внимание на борьбу с националистическими, с монголофильскими и панмонголистскими, с родовыми и местническими настроениями и взглядами (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 583, л. 34)».

Таким образом, в 1929 г. врагами тувинского общества объявлялись «ламство и всякие религии». Однако немецкий путешественник О. Менхен-Хелфен, побывавший в Туве именно в 1929 г., стал свидетелем одного из последних буддийских праздников перед окончательным запретом на их проведение:

«почти тысяча тувинцев со всего Хемчика: мужчины и женщины в праздничных одеждах, украшенных вышивкой шелковых нарядах, которые, кстати, как и хороший нюхательный табак, постепенно исчезают, — собрались на праздник. Подобно тому, как это бывает во время католического праздника Тела Христова, процессия обошла все четыре алтаря вокруг монастыря. У алтарей шествие приостанавливалось, большие фигуры богов опускали на землю, а те, кто нес роскошные храмовые знамена, выстраивались рядом с ними» (Менхен-Хелфен, 2007: 294).

Рассказ очевидца свидетельствует о том, что народ продолжал следовать традиционным религиозным празднествам — вплоть до запрета.

Итак, 1920-е годы были особым десятилетием в истории ТНР, когда государство проводило осторожную политику на введение новых государственных праздников, тем не менее не запрещая, и даже поощряя и традиционные праздники.

Становление системы государственных празднеств

Новая политика ТНР в области культуры началась в 1930-м году, с началом деятельности С. К. Токи. Конституция Тувы 1930 г. ввела положение о диктатуре трудящихся аратов и новое название государства «Тувинская Аратская Республика (ТАР)». Ее 2-я статья гласила: «Настоящая Конституция (основной закон) Тувинской Аратской Республики имеет своей целью гарантировать диктатуру трудящихся аратских масс в целях подавления баев, феодалов, теократов и уничтожения всякой эксплуатации человека человеком» (*Конституции Тувы, 1999*: 49–50). Также, согласно этой конституции запрещалось «проводить религиозные мероприятия без специального письменного разрешения местных органов..., а также проведение традиционных обрядов, связанных с культом природы, в которых обычно принимали участие ламы и шаманы и празднование традиционного Нового года по лунному календарю — Шагаа» (*История Тувы, 2007*: 261–262).

Свидетели событий начала 1930-х годов рассказывали, что некоторые председатели первых колхозов разрешали проводить обряды, к примеру, после проведения посевов зерновых, как было принято раньше, однако получали за это строгие взыскания по партийной линии. Больше всех пострадал молодежный праздник *ойтулааш*. Участник кампании по его запрещению М. С. Бегзи вспоминал:

«...мы свято выполняли указания Центрального Комитета ТНРП и древняя тувинская народная игра ойтулааш стала вредной, отсталой и заразной для строительства новой жизни в Туве (цит. по: *Кенин-Лопсан, 2004*: 35)».

Закончил свой рассказ М. Бегзи фразой:

«Мы, активисты сумона, ездили по сумону и ловили молодежь. Затем собирали всех участников игры и их родителей, чьи имена заносили в список. В центре сумона Ак-Туруг мы строго допрашивали каждого, а активистов передавали в суд сумона. Насилие дало свой результат: тихо стало в Чаа-Холе, перестали звучать ночные песни влюблённых. Однако тревога продолжала жить в людях» (там же: 38).

Решительность второго состава правительства ТНР по отношению к религиозным деятелям и обрядам, ими совершаемым, достаточно четко выразилась уже в 1930 г. Так в «Резолюции коллегии Восточного секретариата ИККИ по тувинскому вопросу от 25 марта 1930 по докладу Райтера», отмечалось что:

«...отличительной чертой последнего периода развития Тувы является неправильная политика старого руководства партии, отражавшая интересы феодальных и эксплуататорских элементов страны, в ос-

новном сводившиеся к торможению социального перестройства и поставившее под угрозу дальнейший некапиталистический путь развития ТНР (с 1921–1930) (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 856, л. 1)»;

«...Значительным тормозом в революционном преобразовании страны является ламство, продолжающее играть большую роль в хозяйственной и политической жизни (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 856, л. 3)»;

«...Если в текущий период партия провела ряд политических и хозяйственно-культурных мероприятий по ослаблению влияния ламства на аратские массы, то подобные мероприятия в отношении шаманства отсутствуют. Шаманство пользуется в аратских массах значительно большим влиянием и в последнее время (в связи с уменьшением роли ламства) относительно укрепило свое положение. Отсюда следует, что необходимо развернуть широкую культурно-просветительскую (а среди членов партии антирелигиозную) пропаганду, направляя ее не только против ламства, но также против шаманства (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 856, л. 10)».

С 1930-го года все устремления нового правительства теперь были обращены исключительно к СССР, культура которого стала и для тувинцев образцом для подражания. В документе, который хранится в НА РТ, под названием «Доклады о культурном строительстве и материалы по партпросвещению, школам и другим отраслям. 1933–1934 гг.», написано: «Можно привести ряд примеров, показывающих, насколько далеко в отдельных случаях шагнул вперед быт арата по пути культурности. Например, квартира тов. Тамдыкжапа — председателя Улуг-Хемского хошуна состоит из двух комнат (или точнее из кухни и комнаты). У него и жены стоят европейские кровати с чистыми накидками, на стене — географическая карта; вдоль стен — столы, на одном лежит литература, в комнате чисто, достаточно табуреток; тов. Тамдынжап пользуется для чая самоваром (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 1034, л. 22)».

Однако ревсомольцы не только боролись со старыми традициями, но и устанавливали новые. В частности, своими силами проводили торжества. П. П. Маслов, руководивший переписью населения в ТНР в 1930–1931 гг., описал революционный юбилей — десятилетие тувинской национальной армии:

«по случаю же десятилетия народно-революционной армии в городе были шумные торжества. Но там не было никаких спектаклей, в хошунных же центрах составлялись труппы из ревсомольцев. Представлены были пьесы, которых, разумеется, никто не писал; всё целиком требовалось импровизировать... Представление кончилось. Молодой ревсомолец произносит горячую речь о революционных событиях истекших лет. Он призывает к укреплению завоеваний и к дальнейшей борьбе за социализм» (Маслов, 2007: 670).

Так директивно, достаточно жёстко правительство С. К. Токи пыталось в сжатые сроки изменить тувинское общество. Задачи ввести новые праздники, изменить образ жизни, внешний облик тувинцев периода ТНР были выполнены.

В 1930-е гг. новые празднества должны были быстро и безвозвратно изменить сознание населения ТНР. Огромное значение правительством уделялось наглядной агитации — символам нового социалистического строя: флагам на всех государственных зданиях, украшениям трибун, лозунгам, а также тщательной подготовке торжественных собраний во всех коллективах и учебных заведениях и театрализованных инсценировок. Так в документе заседания Правительства ТНР в 1930 г. о «Проведении годовщины Октябрьской революции» записано:

«...накануне годовщины Октябрьской революции на всех правительственных, кооперативных, а также частных учреждениях вывешиваются флаги. Арку Миннархоза и Здания правительства и Партии украшают месткомы Миннархоза и Рабпроса. Украшение ворот и зданий Т.Ц.К. и Тувинбанка поручается коллективам Т.Ц.К. и Тувинбанка... Трибуну поручается украсить коллективу горного отдела и заграничного... Лозунги для вышеупомянутых Арок, зданий, трибуны и Братской могилы поручается написать вышеупомянутым коллективам... Поручить комсомолу и ревсомолу провести карнавал после торжественного собрания на тему «за новый быт, за культурную революцию и на тему антирелигиозную организовать летучие инсценировки» (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 962, л. 1–2).

В архивном документе 1933 г. под названием «Материалы по проведению праздников, доклады о 1 мая, 9 годовщины смерти В. И. Ленина за 1933 г.» записано распоряжение по всем хошунам:

«30 апреля проводятся торжественные заседания с докладом о значении праздника 1 мая. 1 мая утром устраивают демонстрацию и проводят митинги, после которых организуются спортивные выступления и игры. Вечером устраиваются бесплатные постановки и художественные вечера» (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 1602, л. 28);

«...готовятся пьесы “Не разойдемся”, “Новый путь” на тувинском языке. 30 апреля будет проведен детский утренник. Оборудуется в городе спортплощадка. Будут показаны фигурные размещения “1 мая”, бег, борьба. 2 мая — велогонки и бег с препятствиями, и другие военизированные упражнения» (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 1602, л. 57).

Лозунги, подготовленные к 1 мая 1933 г., отражают все политические задачи партии и правительства. Это своеобразная политинформация, озвученная в праздник из радиодинамиков:

«Да здравствует 1 мая — день боевого строя революционных сил международного пролетариата! Да здравствует единый фронт трудящихся и угнетённых всего мира против мирового империализма! Долой японских интервентов, поработавших Китай и грозящих независимости Монгольской Народной республики и Тувы! Да здравствуют Китайские Советы, борющиеся за освобождение многомиллионных трудящихся масс Китая из-под ига иностранных захватчиков и отечественных феодалов, и капиталистов! Долой фашистских убийц и провокаторов! Да здравствует революционный пролетариат Германии! Братский привет трудящимся СССР, успешно закончившим под руководством ВКП(б) во главе с тов. Сталиным первую пятилетку и строящим бесклассовое социалистическое общество! Беспощадный огонь по проявлениям великорусского шовинизма и местного национализма. Да здравствует дружественная взаимопомощь аратов и граждан СССР, живущих в Туве, в разрешении задач строительства независимой Тувинской Народной Республики» (НА РТ, фп. 1, оп. 1, д. 1602, л. 25–26).

По образцу проведения праздников 1 Мая и 7 ноября, заимствованных у братского Советского Союза, стали проводиться и празднества местного значения. Согласно плану проведения праздника, посвященного XXII годовщине ТНР, 13 августа проводился:

«Общий парад и митинг, Построение бюста Сталина, Построение цифры XXII, Инсценировка “ТНР в дни войны”.

1. Гимнастические упражнения женской группы — трудовые движения
2. Пляска детской группы
3. “Тревога” — исполнение духового оркестра, световые эффекты
4. «Рота в наступлении» — перебежки, переползания
5. Упражнения с винтовками
6. Упражнения с клинками
7. Живой танк
8. “Фанфары играют отбой”: танк рассыпается на построение пятиконечной звезды
9. Мирный отдых — веселье: упражнения детской группы, танец артистов Гостеатра, хор ансамбля ЦК Профсовета, упражнения с медееццибалами, Танец балетной группы Гостеатра, Жонглеры Гостеатра, акробаты Гостеатра, пирамидка из упражнения Гостеатра.

Заключительная пирамида — пятиконечная трехъярусная звезда с аншлагом “Победа Советского народа есть также победа тувинского народа” Красный обоз подарков от ТНР — Красной Армии.

Преодоление препятствий на лошадях. Национальная борьба — одновременно 32 пары, борьба 16 пар, рубка лозы на лошадях, борьба 8 пар, джигитовка; (1) борьба 4 пар; трудовая эстафета — построение юрты; борьба 2 пар, перетягивание каната; финал борьбы» (НА РТ, фр. 93, оп. 1, д. 449, л. 2).

Таким образом, государственные праздники утверждали в сознании людей новые ценности и идеалы, пропагандировали политические идеи.

Слово «революция» чуть позднее стало использоваться в словосочетании «культурная революция» (термин впервые введён В. И. Лениным в 1923 г. в работе «О кооперации»). Её задачей было формирование общества с новой социалистической культурой, это касалось и образования (кружки по ликвидации безграмотности, так называемые ликбезы), а также создание новых, ранее неизвестных тувинскому народу видов искусства: литературы, театра, хореографии, изобразительного искусства: живописи, графики, в том числе книжной и плакатной. И среди всех этих новых явлений, безусловно, государственные праздники играли наиважнейшую роль. Они были массовыми, достаточно разнообразными, часто участие в них было принудительным. По сути, это были праздники, состоявшие из митингов, демонстраций, военных парадов, спортивных показательных упражнений, концертных номеров, лозунгов, призывавших к строительству социализма.

В Национальном архиве РТ хранятся материалы по организации празднеств, к примеру: «Планы проведения празднования X–XIII годовщины ТНР и других праздников». Так, к 10-летию ТАР записано:

«Смотр достижений тувинской письменности, премирование и заключение новых соцдоговоров на быстрое распространение письменности в худоне. Широкое распространение изданий ТУВГИЗа и проведение кампаний по вербовке новых подписчиков “Шын”. Усиление пропаганды санитарии и гигиены и борьба за новый и здоровый быт арата...

Накануне праздника, т. е. 6-го июля провести в хошунах торжественные собрания с докладом и приветствиями ТАР по прилагаемым тезисам и приветствиям.

7-го июля провести митинги и демонстрации. После демонстрации организовать массовые праздничные выступления (игры, состязания, инсценировки и пр.). Подвести после окончания празднования политические итоги и материалы направить в центральную комиссию.

Основные задачи и лозунги празднования. 1. Укрепление связи с СССР – оплотом мировой революции и социалистического строительства в Туве. 2. Решительное выкорчевывание остатков феодальных отношений в стране, развертывание социалистического строительства (НА РТ, фр. 93, оп. 1, д. 31, л. 3, 3 об., 4)».

В 1930-е годы процесс формирования новых социалистических празднеств приобрёл более логический целенаправленный характер по сравнению с 1920-ми годами. Праздники готовились по заранее утвержденному Центральным комитетом партии и правительством сценариям, которые подразделялись на торжественную часть и культурный досуг. Заранее намечались ответственные организации за украшение зданий, подготовку транспарантов с лозунгами, предварительно обсужденными и предложенными комиссией.

Заключение

Празднествам в период ТНР уделялось большое внимание. При их проведении, по мнению партийных деятелей, у народа формировались новые установки.

Культурная политика ТНР в области организации празднеств представляет собой комплекс разнородных, порой антагонистических явлений и подразделяется на два периода с внутренней политической разницей направленности. Если в первый — 1920-е годы, допускались традиционные праздники, в том числе и религиозные, то, начиная с 1930-х годов — это уже социокультурная политика кардинального изменения тувинского общества, имеющая характер довольно жёсткой его трансформации.

С. К. Тока, поставивший для себя задачу привести Туву в состав СССР, считал, что надо любыми средствами подготовить к этому население республики. В своих выступлениях он повторял ключевую фразу: «С прошлым покончено навсегда!» (Тока, 1987: 41), исключая не только тяжелое прошлое маньчжурского ига, но и всю традиционную культуру тувинцев. Начиная с 1930-х гг. все составляющие традиционной культуры: обряды и праздники, пища и одежда, юрта, даже горловое пение и искусство резьбы по камню и дереву соотносились с понятием «отсталая культура».

Праздники были не столько культурными, сколько политическими мероприятиями, поэтому их подготовкой занимались члены правительства, создавались специальные комиссии по их проведению.

За короткий исторический отрезок времени Тувинская народная революционная партия практически изменила праздничную культуру тувинцев, отменив в 1930-е годы народные обряды и праздники, введя новые торжества с социалистическими символами, торжественными собраниями, лозунгами, демонстрациями, культурной программой, спортивными соревнованиями. В дальнейшем мы планируем исследовать эту тему в отдельном издании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадырғы, М. М., Мунге, Б. В. (2020) Документы Национального архива Республики Тыва по культурному строительству Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. № 2. С. 145–164. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.10

Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 216 с.

Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев. М. : Наука. 312 с.

Дьяконова, В. П. (1971) Цам у тувинцев // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. / отв. ред. С. В. Иванов. Л. : Наука. 301 с. С. 113–128.

Дьяконова, В. П. (1976) Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера / отв. ред. И. С. Вдовин. Л. : Наука. 336 с. С. 268–292.

История Тувы (2007) / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX века. Новосибирск : Наука. 164 с.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2004) Ойтулааш. Классические образцы любовной лирики тувинского народа. Кызыл : Новости Тувы. 383 с.

- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство им. Ю. Ш. Кюнзегеша. 232 с.
- Климов, Е. Н. (1964) Новые обычаи и праздники. М. : Профиздат. 172 с.
- Конович, А. А. (1990) Театрализованные праздники и обряды в СССР. М. : Высшая школа. 208 с.
- Конституции Тувы. 1921–1993 гг. (1999) / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 315 с.
- Кужугет, А. К. (2006) Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. Кемерово: КемГУКИ. 320 с.
- Кузьмина, Т., Маслов Е. (1975) Праздникам и обычаям — новое социалистическое содержание. М. : Профиздат. 268 с.
- Курбатский, Г. Н. (1973) Тувинские праздники. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 90 с.
- Ленин, В. И. (1969) Полное собрание сочинений: в 55-ти т. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы. Т. 36. 741 с.
- Майны, Ш. Б. (2014) Народные игры в традиционной культуре тувинцев: историко-культурологический анализ: автореф. дис. ... канд. культ. Кемерово. 23 с.
- Маслов, П. П. (2007) Конец Урянхай. Путевые очерки // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово. Т. 5. Урянхайский край: от Урянхай к Танну-Тыве (конец XIX — первая половина XX в.). 735 с. С. 618–729.
- Менхен-Хелфен, О. (2007) Путешествие в азиатскую Тыву // Урянхай. Тыва дептер: в 7 т. / сост. С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 6. Танну-Тувинская Народная Республика (1921–1944 гг.) 583 с. С. 220–351.
- Моллеров, Н. М. (2005) История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М. : Издательство Московского гуманитарного университета. 325 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 402 с.
- Тока, С. К. (1987) Навеки вместе // Слава Октябрю! / отв. ред А. К. Канзай. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 219 с. С. 15–49.
- Ширяева, П. Г. (1975) Из истории развития некоторых революционных традиций // Советская этнография. № 6. С. 63–70.
- Цыренова, З. Е. (2007) Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири (1920 — конец 1980-х гг.): опыт сохранения развития: автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Улан-Удэ. 51 с.
- Юша, Ж. М. (2005) Традиционная народная обрядовая поэзия тувинцев: структура и семантика : дисс. ... к. ф. н. Новосибирск. 194 с.
- Яковлев, Е. К. (1900) Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического музея. Минусинск : Типография В. И. Корнакова. 220 с.

Дата поступления: 15.06.2020 г.

REFERENCES

- Badyrgy, M. M. and Munge, B. V. (2020) Dokumenty Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tyva po kul'turnomu stroitel'stvu Tuvinskoj Narodnoj Respubliki ["Cultural Upbuilding" in People's Republic of Tuva in documents preserved at National Archives of Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 145–164. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.10
- Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvinty-todzhinty. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu Tuvans: historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).
- Vainshtein, S. I. (1972) *Istoricheskaja etnografiia tuvintsev. Problemy kochevogo khoziaistva [Historical Ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).
- D'iakonova, V. P. (1971) Tsam u tuvintsev [Tsam among Tuvans]. In: *Religioznye predstavleniia i obriady narodov Sibiri v XIX — nachale XX v. [Religious representations and rites of the peoples of Siberia in the XIX-early XX century]* / ed. by S. V. Ivanov. Leningrad, Nauka. 301 p. Pp. 113–128. (In Russ.).
- D'iakonova, V. P. (1976) Religioznye predstavleniia altaitsev i tuvintsev o prirode i cheloveke [Religious beliefs of Altaians and Tuvans about nature and man]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniakh narodov Sibiri i Severa [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North]* / ed. by I. S. Vdovin. Leningrad, Nauka. 336 p. Pp. 268–292. (In Russ.).
- Istoriia Tuvy [The History Of Tuva]* (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvinian shamanism. Late XIX — early XX century]*. Novosibirsk, Nauka. 165 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2004) *Oitulaash. Klassicheskie obratzsy liubovnoi liriki tuvinskogo naroda [Oitulaash. Classic examples of love lyrics of the Tuvan people]*. Kyzyl, Novosti Tuvy. 383 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of Tuvans]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 232 p. (In Russ.).

Klimov, E. N. (1964) *Novye obychai i prazdniki [New customs and holidays]*. Moscow, Profizdat. 172 p. (In Russ.).

Konovich, A. A. (1990) *Teatralizovannye prazdniki i obriady v SSSR [Theatrical holidays and ceremonies in the USSR]*. Moscow, Vysshiaia shkola. 208 p. (In Russ.).

Konstitutsii Tuvy [Constitutions of Tuva] (1999): a collection for the 55th anniversary of Tuva's accession to the USSR and RSFSR. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 216 p. (In Russ.).

Kuzhuget, A. K. (2006) *Dukhovnaia kul'tura tuvintsev. Struktura i transformatsiia [The immaterial culture of Tuvans. Structure and transformation]*. Kemerovo, KemGUKI. 319 p. (In Russ.).

Kuz'mina, T. and Maslov E. (1975) *Prazdnikam i obychaiam — novoe sotsialisticheskoe sodержanie [Holidays and customs — a new socialist content]*. Moscow, Profizdat. 268 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (1973) *Tuvinskie prazdniki [Tuvan holidays]*. Kyzyl, Tuvan book publishing house. 90 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1969) *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]*: in 55 vols. 5nd ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 36. 741 p. (In Russ.).

Mainy, Sh. B. (2014) *Narodnye igry v traditsionnoi kul'ture tuvintsev: istoriko-kul'turologicheskii analiz [Folk games in the traditional culture of Tuvans: historical and cultural analysis]*: Abstract of Diss. ... Candidate of Cultural Studies. Kemerovo. 23 p. (In Russ.).

Maslov, P. P. (2007) *Konets Uriankhaia. Putevye ocherki [The End Of Uriankhai. Travel essays]*. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai: A Tuvan Notebook]*: in 7 vols. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo. Vol. 5. *Uriankhaiskii kraj: ot Uriankhaia k Tannu-Tuve (konets XIX — pervaiia polovina XX v.) [Uriankhai Territory: from Uriankhai to Tannu-Tuva (late XIX — first half of XX century)]*. 735 p. Pp. 618–729. (In Russ.).

Menkhen-Khel'fen, O. (2007) *Puteshestvie v aziatskuiu Tuvu [A Journey to Asian Tuva]*. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai: A Tuvan Notebook]*: in 7 vols. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 6. 584 p. Pp. 222–351. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2005) *Istoriia sovetsko-tuvinskikh otnoshenii (1917–1944 gg.) [History of Soviet-Tuvan relations: 1917-1944]*. Moscow, Moscow University for Humanities Publ. 326 p. (In Russ.).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Toka, S. K. (1987) *Naveki vmeste [Forever together]*. In: *Slava Oktiabriu! [Glory to the October!]*, ed by A. K. Kanzai. Kyzyl, Tuvan book publisher. 219 p. Pp. 15–49. (In Russ.).

Shiriaeva, P. G. (1975) *Iz istorii razvitiia nekotorykh revoliutsionnykh traditsii [From the history of the development of some revolutionary traditions]*. *Sovetskaia etnografiia*, no. 6, pp. 63–70. (In Russ.).

Tsyrenova, Z. E. (2007) *Traditsionnaia kul'tura korennykh narodov Vostochnoi Sibiri (1920 — konets 1980–kh gg.): opyt sokhraneniia razvitiia [Traditional culture of the indigenous peoples of Eastern Siberia (1920 — late 1980s): conservation and development]*: Abstract of Diss. ... Doctor of History. Ulan-Ude. 51 p. (In Russ.).

Yusha, Zh. M. (2005) *Traditsionnaia narodnaia obriadovaia poeziia tuvintsev: struktura i semantika [Traditional folk ritual poetry of Tuvans: structure and semantics]*: Diss. ... Candidate of Philology. Novosibirsk. 194 p. (In Russ.).

Yakovlev, E. K. (1900) *Etnograficheski obzor inorodcheskogo naseleniia doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitel'nyi katalog Etnograficheskogo otdela Muzeia [An ethnographic review of the South Yenisei Valley and the explanatory catalogue of the Museum's Ethnography Research Department]*. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ. 357 p. (In Russ.).

Submission date: 15.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.8

Этапы радиофикации в Тувинской Народной Республике (1925–1944 гг.)

Валерия С. Кан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье впервые предпринята попытка выделить и охарактеризовать этапы радиофикации в Тувинской Народной Республике с 1925 по 1944 гг. Анализ документов федеральных российских архивов и Национального архива Республики Тыва, в том числе впервые вводимые в научный оборот, позволил выявить достижения и сложности на каждом этапе.

На первом этапе (1925–1936) были подготовлены условия для радиофикации ТНР. Намерение установить радиотелеграфный обмен для установки бесперебойной связи с ТНР прописано в Соглашении об установлении дружественных отношений с СССР. В 1925 г. в Кызыле заработала электростанция, с 1929 г. велась подготовка кадров связи в СССР. В 1930 г. на почте Кызыла принимали советские передачи, в 1932 г. — сводки погоды. В 1932 г. Главное управление связи начало подготовку с целью радиофикации. В 1934 г. СССР предоставил Тыве коротковолновую радиостанцию мощностью 1 кВт, в 1935 г. доставил и в 1936 г. установил ее. Предоставление радиостанции слабой мощности из-за дефицита финансовых средств и радиоматериалов в СССР ограничит возможности радиофикации республики.

На втором этапе (1936–1941) система радиовещания функционировала, но нестабильно. 6 и 7 июля 1936 г. были проведены радиоконцерты, а первый раз в эфир официально вышли в августе 1936 г. В 1939 г. Управление связи, получив статус министерства, укомплектовало штат радиоспециалистами и ускорило радиофикацию районных центров. К концу 1930-х гг. с завершением строительства станции в Кызыле радио регулярно слушали в столице и близлежащих районах.

На третьем этапе (1941–1944 гг.) система радиовещания была укреплена. 8 июля 1941 г. при Совете Министров ТНР был учрежден Радиокomitee, в 1944 г. — Радио-Телеграфное агентство ТНР. Сформирована республиканская радиосеть из 5 радиостанций и 11 радиоузлов

Радиосеть ТНР послужила основой для формирования системы радиовещания Тувинской автономной области, получившей динамичное развитие в 1944–1961 гг.

Ключевые слова: радио; радиофикация; Тувинская Народная Республика; история Тувы; средство массовой информации; история радио

Для цитирования:

Кан В. С. Этапы радиофикации в Тувинской Народной Республике (1925–1944 гг.) // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 111–127. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.8

Кан Валерия Сергеевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник группы истории Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова д. 4. Тел.: +7 (923) 267-76-55. Эл. адрес: kan-tuva@mail.ru

KAN, Valeria Sergeevna, Candidate of History, Leading researcher, Group of History, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (923) 267-76-55. E-mail: kan-tuva@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-7278-1251](https://orcid.org/0000-0002-7278-1251)

The stages of radio installation in Tuvan People's Republic (1925–1944)

Valeria S. Kan

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article attempts to describe the stages of radio installation in Tuvan People's Republic in the period between 1925 and 1944. The analysis of the documents from the federal archives and Tuvan National archive, including some never before examined, shows the achievements and difficulties of each stage.

The first stage (1925–1936) marks the preparations for the radio installation in the TPR. The intention to establish a radio and telegraph exchange for constant communication with the TPR had been included into the Agreement on the establishment of friendly relations with the USSR. The power plant started operating in Kyzyl in 1925, the communications staff had been training in the USSR since 1929. The Kyzyl post office started receiving Soviet broadcasts in 1930 and the weather reports in 1932. In 1932 the General Communications Agency began preparations for the radio installation. In 1934 the USSR provided Tuva with a short-wave radio station with a power of 1 kW, in 1935 it was delivered and installed in 1936. Providing a radio station with low power due to the lack of financial resources and radio materials in the USSR limited the potential of radio installation in the republic.

At the second stage (1936–1941), the broadcasting system was still unstable. First radio concerts were held on the 6th and 7th of July 1936, and the first official broadcast was in August 1936. In 1939 the Communications Agency received the status of a Ministry. Now fully staffed, it expedited radio installation in the rayon centres. By the end of the 1930s, when the radio station in Kyzyl had been completed, radio was regularly listened to in the capital and surrounding areas.

At the third stage (1941–1944), the radio broadcast system was further improved. On July 8, 1941, the Radio Committee under the Council of Minister of the People's Republic of Tuva was established, and the Radio and Telegraph Agency of TPR followed suit in 1944. The radio network, consisting of 5 radio stations and 11 broadcasting centers, was now fully formed.

The TPR radio network served as the basis for the radio broadcasting system of the Tuva Autonomous Oblast, which took the development further in 1944–1961.

Keywords: radio; radio installation; Tuvan People's Republic: Tuvan history; mass medium; radio history

For citation:

Kan V. S. Etapy radiofikatsii v Tuvinskoj Narodnoj Respublike (1925–1944 gg.) [The stages of radio installation in Tuvan People's Republic (1925–1944)]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 111–127. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.8

Введение

Государственное строительство в Тувинской Народной Республике (далее — ТНР) предусматривало создание целой системы социальных институтов и средств массовой информации, среди которых особая роль отводилась прессе и радио. В 1924–1925 гг. начался выпуск газет, но запуск в местный эфир радио, более сложной технической системы, затянулся до 1936 г. В силу неграмотности коренных жителей¹, устойчивости традиций устной передачи информации и коллективного ее восприятия, радио вызвало в Туве огромный интерес. Радио использовали как средство связи (радиотелеграф) и могли слушать все — независимо от уровня грамотности, что усиливало его привлекательность в глазах руководителей СССР и ТНР.

На территории СССР радиофикация шла централизованно, и, соответственно, ускоренными темпами. Регионы перенимали готовый опыт, заимствовали достижения и новшества, что определяло общие черты исторического развития. В ТНР, в становлении государственности которой СССР сыграл важную роль, этот процесс протекал иначе.

Анализ литературы показывает, что в отличие от периодической печати, история которой освещена в коллективных трудах (*История Тувы*, 2007, 2016), специальных трудах, в т. ч. автора данной статьи (*Танова*, 1979; *Кан*, 2011), изучение истории тувинского радиовещания только начинается. В

¹ Тувинская национальная письменность была введена в 1930 г., до этого времени газеты и журналы выходили на старомонгольском языке и были доступны незначительной части коренного населения.

публикации советского времени — в коллективном труде «История Тувы» кратко упоминается о начале радиофикации ТНР с 1932 г. и увеличении числа радиоточек: 1932 г. — 35, 1936 г. — 220, 1943 г. — 1416 (История Тувы, 1964: 192). В небольшом историческом очерке тувинской журналистки Е. Т. Тановой сообщается о постройке в 1932 г. г. Кызыле приёмной радиостанции, благодаря которой жители Кызыла слушали передачи СССР (Танова, 2006: 83). Ряд новых фактов по истории тувинского радиовещания введен в оборот в кандидатской диссертации Ю. Б. Костяковой, посвященной становлению радиовещания в регионах Южной Сибири в 1928–1961 гг. (Костякова, 2007).

К началу 2000-х гг. слабо был изучен даже начальный период: становление радио в ТНР (1925–1944 гг.), его влияние на социальное и культурное развитие Тувы. В 2011 г. к автору данной статьи обратилось руководство государственной телерадиовещательной компании «Тыва». Ежегодную дату проведения дня тувинского радио и его юбилея в республике необходимо было подтвердить документом, достоверно указывающим дату выхода первой радиопередачи на тувинском языке.

По итогам работы автора в российских архивах были опубликованы статьи, описывающие мероприятия по организации радио в 1932–1939 гг. (Кан, 2013) и радиофикации Тувинской автономной области во второй половине 1940-х гг. (Кан, 2016b).

К 80-летию тувинского радио собранные факты были изложены в научно-популярной книге «Говорит и показывает Кызыл: история тувинского радио и телевидения» (Кан, 2016a). В ней были выделены два периода в истории радио: ТНР (1936–1944 гг.) и советский (1944–1991 гг.). Поскольку отдельные факты по первому периоду противоречили друг другу, а источники, способные подтвердить или опровергнуть их, на тот момент не были найдены, в издании детально был освещен второй период.

Продолжая поиск источников, мы выявили недостающие сведения. Это позволяет перейти к следующему этапу в изучении темы — воссозданию первого периода истории радиофикации в ТНР. Так, цель данной статьи состоит в реконструкции особенностей радиофикации в ТНР на основе новых найденных источников, с 1925 г. — принятия первых мер, и до 1944 г. — начала реорганизации системы радиовещания после вхождения ТНР в состав СССР. В отличие от предыдущих публикаций уточнена периодизация первого периода за счет выделения и характеристики подготовительного этапа с 1925 по 1936 гг., более детально и целостно описаны основные события и участники двух следующих этапов: 1936–1941 гг. и 1941–1944 гг., а также интерпретированы отдельные спорные факты.

При анализе радио был применен системный подход, так радио является подсистемой средств связи и массовой информации, и при этом отдельным социальным объектом — социальной системой, имеющей и особую структуру, и выполняющую политико-идеологические и социокультурные функции. В системе радиовещания можно анализировать составные элементы и связи между ними: 1) орган управления; 2) материально-техническое оснащение — радиостанции, специальное оборудование и др.; 3) кадры — специалисты, отвечавшие за техническую работу и подготовку передач. С 1936 г. и до 1944 г. наряду с этими элементами рассматривались тематика вещания и аудитория (численность слушателей, их восприятие, формы слушания).

В исследовании использованы, прежде всего, материалы Национального архива Республики Тыва (далее — НА РТ). По отчетам и докладным запискам Радиокomiteта в Совет Министров ТНР (НА РТ, ф. 92, оп. 1), документам Тувинской народно-революционной партии (НА РТ, ф. п-1, оп. 1), приказам Министерства связи ТНР (НА РТ, ф. 111, оп. 1) и Министерства финансов ТНР (НА РТ, ф. 113, оп. 1), Министерства иностранных дел ТНР (НА РТ, ф. 100, оп. 1) были реконструированы основные мероприятия, предпринятые партией и правительством по организации радиовещания в ТНР. В местных газетах «Красный пахарь» и «Вперед» были выявлены критические заметки селькоров, освещающие особенности первоначального восприятия населением радио и проблемы в работе радио.

Особый интерес представляют документы федеральных российских архивов. Материалы переписки представителей Коминтерна, полномочного представительства СССР в Туве с руководством, отложившиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (далее — РГАСПИ) и Архиве внешней политики РФ (далее — АВП РФ), говорят о колоссальной подготовительной работе по запуску радио в тувинском государстве под руководством СССР с 1925 г. по 1936 г. В Государственном архиве РФ (далее — ГА РФ) обнаружены подлинники документов высшего политического руководства СССР (СНК СССР, Госплана СССР, Наркомата связи СССР) о предоставлении в 1934 г. Туве радиостанции. Документы говорят о том, что позиция тувинской стороны в этом вопросе не была пассивной, но попытки добиться пересмотра решения привели к затягиванию запуска радиовещания.

Ранее мы опирались на воспоминания непосредственных участников событий С. Т. Танова, В. Ш. Кок-оола (Кан, 2016а: 5, 18). Однако в устном выступлении М. М. Мунзука в литературной радиопередаче «Улуг-Хемниц чалгыглары» («Волны Улуг-Хема») 28 августа 1966 г. отсутствуют упоминавшиеся ими факты, в частности, выхода первой радиопередачи в августе 1936 г. и регулярного вещания во второй половине 1936 г. (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, лл. 146–149).

Официальные документы по истории радио сохранились плохо, в период ТНР трансляции выходили вживую, записей, конечно же, не делалось. Поэтому общее представление о тематике первых передач воссоздано по воспоминаниям свидетелей, хранящимся в архивах.

Подготовка условий для радиофикации (1925–1936 гг.)

Намерение установить между СССР и ТНР «в возможно скором времени непосредственный регулярный почтовый, телеграфный и радиотелеграфный обмен на условиях, изложенных в имеющихся быть заключенными особых соглашениях» (История Тувинской ..., 2011: 54), вошло в Соглашение об установлении дружественных отношений, подписанное 22 июля 1925 г. (там же).

В том же году при помощи Советского союза в Кызыле было завершено строительство специального здания для почтового отделения (Блехман, 1976: 24). 1 октября 1925 г. Советский Союз передал имущество данного отделения в дар Правительству ТНР (там же: 200).

Аналогичным образом республика получила небольшую электростанцию, запущенную в г. Кызыле осенью 1925 г. По свидетельству О. Менхен-Хелфена: «электростанция работала исправно... Генераторы обычно стихают уже к десяти вечера из-за дефицита горючего» (нефти); «электростанция работает допоздна только в “киношные” дни» (Менхен-Хелфен, 2007: 249).

Руководители ТНР проявляли интерес к инициативам Советского Союза о строительстве радиостанции и телеграфной линии «Красный-Хемчик». Необходим был канал внутреннего информирования населения, которое проживало разрозненно и вело кочевой образ жизни аратов. В условиях

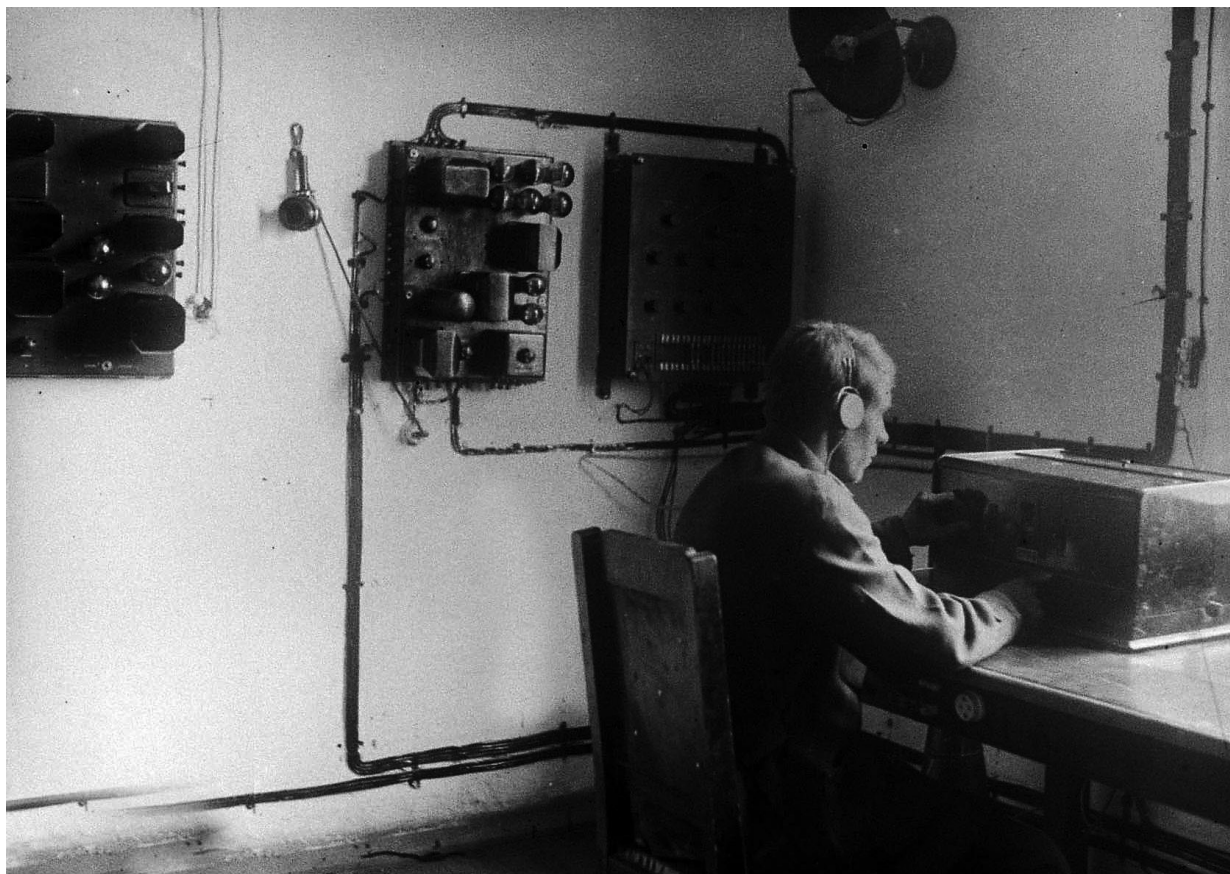

Фото 1. Первый радиоузел в Кызыле. 1929 г. Хранится в НМ РТ КП 11286 232.
Photo 1. Kyzyl's first radio station, 1929. Preserved at National Museum, Republic of Tuva, KP 11286 232.

плохого состояния путей сообщения, поголовной неграмотности населения роль агитатора и пропагандиста возлагалась на радио, а не на газету (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 54, л. 32).

Составив при участии консула смету на строительство станции на 50 000 руб., Правительство ТНР взяло на себя посильную часть расходов и работ. Однако из-за высокой стоимости этих проектов, отсутствия опыта, специалистов и с учетом постоянного дефицита бюджета правительство республики всецело полагалось на помощь Советского Союза.

В 1929 г. Народный комиссариат почт и телеграфов СССР сообщил, что пытается закупить и отправить все нужное для радиоустановки в Туве до зимы 1929 г. Однако «дело задерживается из-за отсутствия на рынке некоторых существенных принадлежностей радиоаппаратуры» (АВП РФ, ф. 08, оп. 12, п. 88, д. 265, л. 5) и нехватки средств в размере 2–2,5 тыс. руб. (АВП РФ, ф. 08, оп. 12, п. 88, д. 265, л. 12). Полномочному представителю СССР в ТНР А. Г. Старкову было предложено получить эти деньги с хозяйственных организаций на месте (там же).

Необходимо отметить, что по данным О. Менхен-Хелфена, побывавшего в ТНР летом 1929 г., на окраине Кызыла была установлена радиостанция, которая, как он указал «давно не работает» (Менхен-Хельфен, 2007: 248). Косвенным доказательством этого факта служит фотография из фондов Национального музея РТ им. Алдан-Маадыр (НМ РТ, КП 11286 232; см. *фото 1*)¹.

Однако официальные источники говорят о том, что во второй половине 1920-х гг. форсировать организацию радио не удавалось, прежде всего, из-за дефицита финансовых средств и радиооборудования в СССР, а также постоянной нехватки средств в государственном бюджете ТНР. В 1924 г. в СССР были приняты постановления, разрешившие радиолюбителям конструировать приемные радиоустройства, частным пользователям их иметь, а также пользоваться частными приемными радиостанциями, которые усилили инициативу «снизу» (О партийной ..., 1972: 507). Создаваемые общества друзей радио помогали строить радиостанции, устанавливать приемные устройства, улучшать качество их слышимости и популяризировали радио. Это ускорило запуск радиовещания в регионах Сибири. По данным Ю. Б. Костяковой Центральное (московское) радио в соседней Хакасии и Ойротии (Горный Алтай) начали слушать в 1927 г. (Костякова, 2017: 109).

В Туве это произошло чуть позже — в 1930 г., о чем известно из критической заметки анонимного селькора в местной газете «Красный пахарь». Он сообщил, что 13 ноября 1930 г. почта провела радио в тувинский клуб с тем, чтобы дать возможность широким массам, а также собравшемуся Хуралдану (Малому Хуралу ТАР. — В. К.) послушать о жизни за пределами республики, но публика предпочла ему гармошку².

В 1932 г. в Кызыле работал радиопередающий центр. В конторе связи на приёмник марки «Р.с» принимали сводку о погоде. Жители города покупали билеты: за 50 коп., чтобы слушать сидя на стульях, 25 коп. — стоя (Кан, 2013: 54).

В 1932 г. все отрасли народного хозяйства, в том числе связь, наметили переход к плановому и централизованному управлению. На базе Главной конторы связи, организованной в г. Кызыле с 1931 г. (История Тувинской ..., 2011: 200)³, в республике было создано Главное управление связи. Новому органу была подчинена вся производственно-оперативная работа в ТНР. Самостоятельный оперативный отдел радио был организован в общей структуре управления, а также в районах. Отделы предприятий связи в районах, помимо почты и телефона, теперь должны были обслуживать радио. Планировалось построить в г. Кызыле радиотелеграфную станцию мощностью 500 Вт и ширококвещательную станцию мощностью 4 кВт со зданием, 8 кошунных радиостанций и достроить трансляционный узел в Кызыле, доведя его мощность до 1000 точек (На перекрестке ..., 2014: 313, 318).

Была рассчитана потребность в кадрах — радиомонтерах, радиотелеграфистах и радиотехниках (НА РТ, ф. 94, оп. 1, д. 1, л. 20об). Ожидалось, что советские специалисты оборудуют радиоузел в г. Кызыле

¹ На фотографии запечатлен мужчина в наушниках, сидящий за столом. Перед ним на столе стоит радиоприемник. Слева от стола на стене установлена радиоаппаратура, в том числе тарелка-громкоговоритель. На обратной стороне фотографии подписано «Первый радиоузел в Кызыле. 1929 г.».

² Лучше гармошка, чем радио // Красный пахарь (газета). 1930, № 32 (240), 13 ноября. С. 4.

³ В архивных документах органов связи ТНР встречаются разные названия одного органа связи. Мы полагаем, что Главная контора связи в Кызыле (варианты: «Центральная», «специальная») было учреждением связи, которое существовало с 1931 г., на ее базе было создано Главное управление связи ТНР в 1932 г., которое в 1934 г. вошло в структуру Правительства ТНР. Далее мы упоминаем в статье те названия и его варианты, которые встречались в документах.

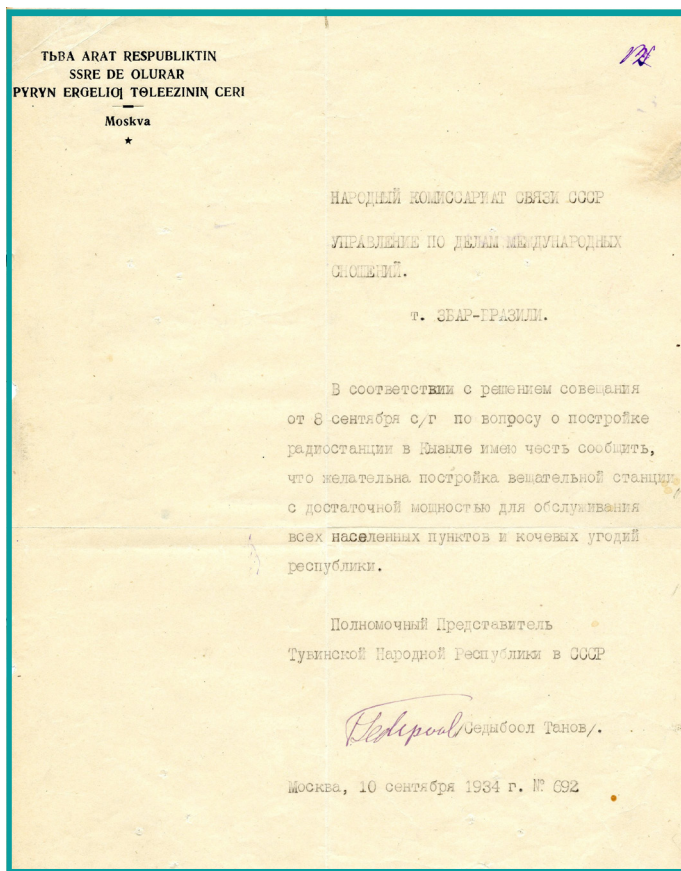

Фото 2. Письмо полномочного представителя ТНР в СССР С. Т. Танова в Наркомат связи СССР.

Хранится в ГА РФ, ф. 5446, оп. 15а, д. 771, л. 12.

Photo 2. A letter by S. T. Tanov, envoy plenipotentiary of the PRT in USSR, to the USSR's People's Commissariat of Communications.

SA RF, f. 5446, op. 15a, d. 771, l. 12.

и организуют на месте краткосрочное обучение тувинцев (НА РТ, ф. 94, оп. 1, д. 1, л. 15), а также в учебных заведениях СССР обучат — радиомонтерами (5 чел.), радиотелеграфистами (2 чел.) (НА РТ, ф. 94, оп. 1, д. 1, л. 16).

Решение по постройке в г. Кызыле коротковолновой приемно-передающей радиостанции мощностью 1 кВт было вынесено Политбюро ЦК ВКП(б) 3 сентября 1933 г. Мощность была значительно меньше запланированного (4–5 кВт), поэтому тувинская сторона не согласилась с ним. В письме в СНК СССР от 25 августа 1934 г. нарком связи А. И. Рыков пояснил, что правительство Тувы считает целесообразным установить длинноволновой датчик, ссылаясь на преимущество длинных волн и возможность приема на детекторный приемник, не требующий питающих устройств. Датчик, изготовленный и укомплектованный в 1934 г., покрывал бы на коротких волнах вещанием всю республику, но прием производился бы на приемники типа КУБ-4, для питания которых требовались аккумуляторы и установка базы для их зарядки (ГА РФ, ф. 5446, оп. 15а, д. 771, л. 13).

На совещании 8 сентября 1934 г. в Москве заместитель начальника Радиоуправления Брансбург пояснил полномочному представителю ТНР в СССР С. Т. Танову и советнику полпредства В. А. Богданову, что установка длинноволнового датчика ограничивает возможность радиотелеграфной связи с СССР и потребует дополнительное время на изготовление

— 1935 год с окончанием монтажа в конце 1935 г. По итогам этого совещания 10 сентября С. Т. Танов сообщил в Наркомат связи СССР о желательности постройки «вещательной станции с достаточной мощностью для обслуживания всех населенных пунктов и кочевых угодий республики» (ГА РФ, ф. 5446, оп. 15а, д. 771, л. 12; см. фото 2).

С учетом настойчивости тувинской стороны А. И. Рыков направил в СНК СССР письмо с просьбой о пересмотре решения с проектом постановления (ГА РФ, ф. 5446, оп. 15а, д. 771, л. 9). Однако письмо ему вернули с резолюцией «обратиться по этому вопросу непосредственно в ЦК ВКП(б)» (ГА РФ, ф. 5446, оп. 15а, д. 771, л. 3).

Точку в этой полемике поставил Госплан СССР. Заключение от 19 октября 1934 г. гласило: «длинноволнового передатчика в готовом виде в настоящий момент не имеется. Поэтому вещательная станция сможет быть установлена лишь к концу 1935 г., в силу чего весь 1935-й год ТНР будет лишена вещания и связи с СССР. Коротковолновый передатчик скомплектован и готов к отправке. Радиовещание может быть осуществлено также с помощью этого передатчика, хотя не в таком широком масштабе, как это могло бы быть при установке длинноволнового передатчика» (ГА РФ, ф. 5446, оп. 15а, д. 771, л. 2).

22 октября 1934 г. СНК СССР обязал Наркомат связи не позднее 1 квартала 1935 г. установить в г. Кызыле Танну-Тувинской Республики коротковолновый телеграфно-телефонный передатчик мощностью 1 кВт. (ГА РФ, ф. 5446, оп. 15а, д. 771, л. 1; см. фото 3).

16 февраля 1935 г. валютная комиссия при СНК СССР выделила на эти цели дополнительно 16326 руб. за счет неторговой части валютного плана по Востоку (ГА РФ, ф. 5446, оп. 16а, д. 1161, л. 1).

Для исполнения этого решения между Управлением связи ТНР и Наркоматом связи СССР было заключено Соглашение, которое регламентировало взаимные обязательства по установке радиостанции: 1): со стороны Наркомата связи СССР — не позднее 1 апреля 1935 г. направить на один год техников (не менее трех человек), обеспечить подготовку в г. Кызыле требуемых техников из числа граждан ТНР; утвердить методику и способы подготовки студентов и учебных бригад, а также не позднее 1 июля 1935 г. выделить оборудование и установить его; со стороны Правительства ТНР — до 1 марта 1935 г. обеспечить подготовку земельного участка и фундамента для строительства здания станции, установку оборудования и дома для проживания работников из СССР. Контроль реализации соглашения возлагался на специально созданную комиссию из представителей двух сторон (НА РТ, ф. 100, оп. 1, д. 110, лл. 1–4).

В начале 1935 г. в Туву прибыла бригада специалистов и приступила к строительству здания. Передача радиостанции ТНР с оборудованием и установка состоялись позже запланированного — в первой половине 1936 г.¹

Таким образом, этап подготовки условий для запуска радиовещания в Туве был длительным — с 1925 по 1936 гг. Инициативу организации радиотелеграфа для установки бесперебойной связи с ТНР проявил Советский Союз в 1925 г. Правительство ТНР, больше заинтересованное в канале внутренней связи, настаивало на установке длинноволнового радиопередатчика. Однако из-за дефицита финансовых средств и радиоматериалов республике была изготовлена коротковолновая радиостанция слабой мощности. Это ограничит радиус действия местного вещания, скажется на качестве ее работы. Необходимые внутренние работы по радиофикации территории Тувы с 1932 г. проводило Главное управление связи ТНР.

Функционирование радиовещания в 1936–1941 гг.

До сих пор не найдены материалы комиссии по подготовке открытия радио при Министерстве культуры ТНР, созданной в 1936 г., поэтому сведения по запуску первых радиопередатчиков остаются противоречивыми. По словам сотрудников Национального архива РТ, часть документов второй половины 1930-х гг. была уничтожена в период политических репрессий. Также необходимо понимать, что не все события фиксировались документально, а часть документов случайно попала в другие фонды, и их еще предстоит найти. Только продолжая поисковую работу, можно устранить все «белые» пятна по теме исследования рассматриваемого этапа.

Известно, что в 1936 г. система радиовещания была запущена, и до 1938 гг. она функционировала нестабильно. Советские специалисты обеспечивали техническую работу радио, а сами передачи, несмотря на отсутствие подготовки и опыта, готовили местные работники.

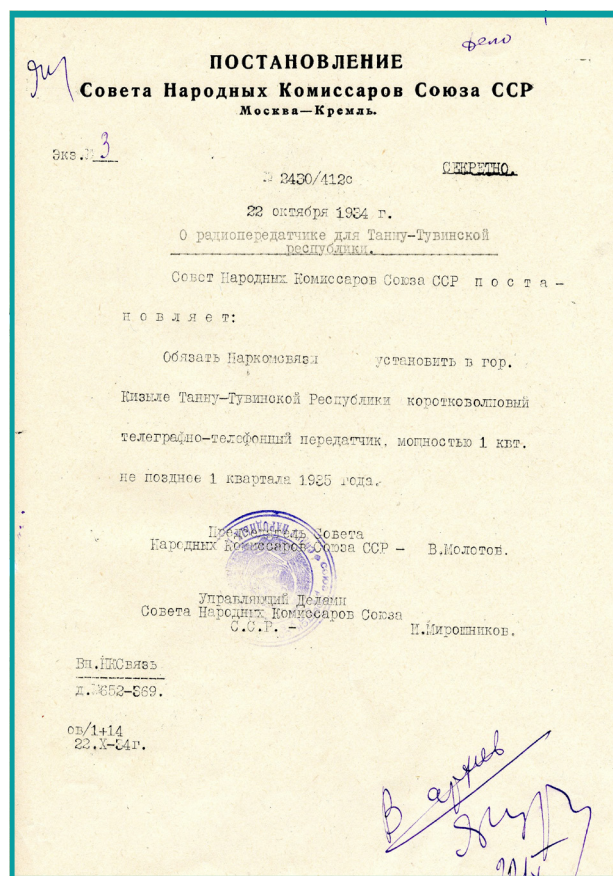

Фото 3. Постановление СНК СССР об установке коротковолнового телеграфно-телефонного передатчика в ТНР. Хранится в ГА РФ, ф. 5446, оп. 15а, д. 771, л. 1. Photo 3. Order of the Council of People's Commissars, USSR, to install a short-wave telephone and telegraph transmitter in the TPR. SA RF, f. 5446, op. 15a, d. 771, l. 1.

¹ В докладах о культурном строительстве в ТНР в 1934 г. обнаружены упоминания о выступлениях по радио участников смотра художественной самодеятельности летом 1934 г. и тувинцев, учащихся в Ойрот-Тура с пением тувинских песен — было принято радиослушателями г. Кызыла (НА РТ, ф. п-1, оп. 1, д. 1581, лл. 16-16об), однако эти данные не подтверждаются другими источниками.

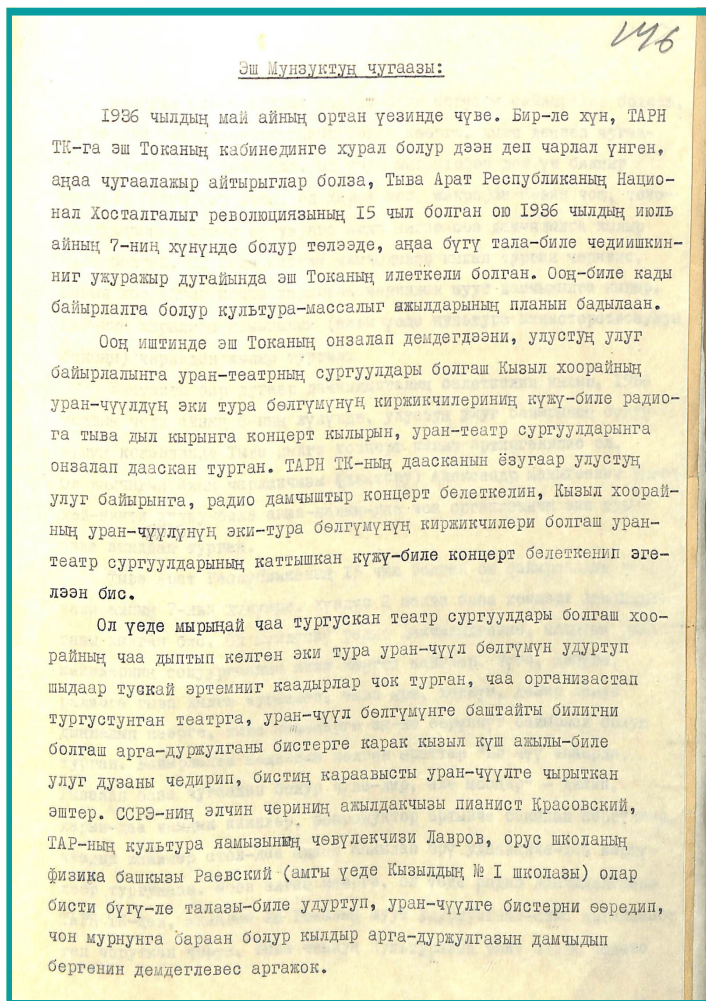

Фото 4. Первая страница расшифровки устного выступления М. М. Мунзука о первых радиоконцертах в литературной радиопередаче «Улуг-Хемниң чалгыглары» («Волны Улуг-Хема») 28 августа 1966 г.¹ Сценарий передачи хранится в НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, лл. 146–149.

Photo 4. First page of the manuscript of M. M. Munzuk's talk about the first radio concerts at the radio show on literature «Ulug-Hemniң chalgylary», 28 August 1966. The script is preserved at the National Archives RT, f. 122, op. 1, d. 25, ll. 146–149.

По свидетельству М. М. Мунзука, на собрании в ЦК ТНРП в середине мая 1936 г., одним из вопросов повестки значилось обсуждение плана празднования 7 июля 1936 г. 15-летия национально-освободительной революции (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, лл. 146-149; см. фото 4).

На собрании секретарь партии С. К. Тока поручил организовать силами студентов Государственного драматического театра и участников творческих самодеятельных коллективов Кызыла радиоконцерт (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, л. 146). Ускорение запуска нововведений к юбилейным историческим датам было характерным для того времени.

Трансляция первого концерта на тувинском языке состоялась вечером 6 июля из здания Министерства связи ТНР. Несмотря на отсутствие микрофона, звукозаписывающей аппаратуры и технические сложности, передача велась «через трубку телефона, висящего посреди комнаты» (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, л. 147). Диктором добровольно поработал председатель комитета по печати Министерства культуры ТНР Александр Маныгевич Чымба (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, л. 149).

7 июля в 14 часов провели второй концерт силами артистов драматического театра (Александр Лаптан, Кара-оол, Кара-Кыс Мунзук, Владимир Монгалбии) и участников кружков художественной самодеятельности г. Кызыла (Чолдай Масбаа Докпак, Оюн Лагба, Белеккей, Кускелдей, Мактар, Сендажы, Серен-Чимит, Дартан-оол и др.) (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, л. 148).

Для аратов, собравшихся на праздник, было «наибольшей радостью услышать по радио тувинскую речь, песни, поздравления и звуки хомуса» (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, л. 147).

Некоторые сельские жители, приехавшие на праздник, приговаривая «это что же такое, оказывается

¹ Перевод текста документа: «Выступление товарища М. М. Мунзука.

Это было в середине мая 1936 г. В один из дней вышло объявление о проведении в кабинете товарища Тока в ЦК ТНРП собрания, одним из вопросов которого значилось празднование 7 июля 1936 г. 15-летия национально-освободительной революции ТНР, всесторонней встрече которой было посвящено сообщение товарища Тока. Вместе с этим был утвержден план культурно-массовых мероприятий на период празднования.

В том числе товарищ Тока дал поручение студентам драматического театра организовать силами студентов театра и участников творческих самодеятельных коллективов Кызыла концерт на тувинском языке на радио. В соответствии с поручением ЦК ТНРП об организации радиоконцерта к большому празднику, мы начали готовить концерт силами участников творческих самодеятельных коллективов Кызыла и студентов театра.

В то время не было квалифицированных кадров, которые могли бы руководить едва сформировавшимися коллективами театра и кружков творческой самодеятельности. В организации кружков творческой самодеятельности баз отдыха и самоотверженно помогал товарищи [из СССР]. Нельзя не отметить работника постпредства СССР пианиста Красовского, представителя министерства культуры ТНР Лаврова, учителя физики русской школы (ныне – школа №1 г. Кызыла) Раевского, которые поддерживали нас по всем направлениям, обучали основам творчества, передали нам способы работы со зрителями...» (перевод Д. К. Тулуша).

эта штука и по-тувински говорит» (там же), пытались рассмотреть репродуктор с обратной стороны, заглядывали под стол, осматривали провод, поднимающийся вверх (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, л. 147).

Радиоконцерт, проведенный 7 июля, М. М. Мунзук назвал первой радиопередачей (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, л. 148), а Е. Т. Танова, цитируя воспоминания С. Т. Танова и В. Ш. Кок-оола, утверждала, что первый раз вышли в эфир 19 августа 1936 г.¹ Подготовительную комиссию возглавил А. М. Чымба (Танова, 2006: 79). С приветственной речью выступил министр культуры С. Т. Танов, затем А. М. Чымба рассказал о работе кружков по заготовке корма скоту и развитии художественной самодеятельности, и в конце поставили тувинские песни и мелодии (там же: 80).

На наш взгляд, радиоконцерты можно отнести к пробным передачам, а передачу с новостным и идеологическим блоком, которую целенаправленно подготовили и выпустили с участием руководства ТНР — первой официальной радиопередачей.

Мы согласны с высокой оценкой значения выхода передач на родном языке. По словам М. М. Мунзука, они подняли тувинскую культуру на еще одну ступень развития (НА РТ, ф. 122, оп.1, д. 25, лл. 147-148). Е. Т. Танова отметила, что выход тувинского слова в эфир вызвал гордость у аратов. Они, не понимая механизма передачи голоса на далекое расстояние, называли радио чудом, «говорящей тарелкой» (Танова, 2006: 83–84).

С выходом тувинских передач у населения расширился доступ к информации на родном языке, что способствовало росту информированности и кругозора коренного населения. Радио стало очередным техническим новшеством после киноустановки (История Тувы, 2007: 305).

Число радиослушателей увеличивалось небольшими темпами за счет жителей г. Кызыла: 1936 — 150 человек, в 1937 г. — 300 чел. (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, лл. 276–281).

Медленное увеличение числа радиослушателей может быть обусловлено несколькими причинами, в том числе перебоями в выходе передач и работе станции. Из очерка Е. Т. Тановой следует, что после выхода первой, передачи выходили в эфир еженедельно (Танова, 2006: 81), из воспоминаний М. М. Мунзука — в конце 1936 г. начали передавать важные сообщения революционной партии, правительства, свежие новости о событиях в ТНР и Советском Союзе (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 25, лл. 146–149).

Архивные документы рисуют совершенно иную картину. 30 марта 1938 г., заслушав доклад Лопсан-Кендена о развитии радиофикации в ТНР, Президиум ЦК ТНРП вынес постановление. В нем говорилось: «...в результате крайне халатной и недостаточной работы Управления связи и Министерства культуры уже 2 года бездействует радиостанция, построенная нам Советским Союзом, по просьбе партии и правительства ТНР... Управление связи до сих пор не обеспечило как г. Кызыл, так и хошунные центры хорошими простейшими радиоприемниками...» (НА РТ, ф. п-1, оп. 1, д. 2047, лл. 32–33).

Длительный перерыв в работе станции говорит о некоторой преждевременности ее запуска. Местные кадры не имели достаточной подготовки и опыта, не полным и маломощным было техническое оборудование, не хватало радиоприемников. Поэтому они не сумели обеспечить функционирование радиостанции после торжественного запуска и отъезда установивших ее специалистов из Союза.

Для улучшения ситуации были приняты решения: об обеспечении через Кызылский радиозел радиовещанием всех станций республики; об установке в кожуунах 151 радиоприемника (Барун-Хемчикский — 25 шт., Дзун-Хемчикский — 25, Улуг-Хемский — 40, Тес-Хемский — 25, Пий-Хемский — 36) до прибытия новых репродукторов из СССР; строительстве приемно-передаточных станций в отдаленных Тоджинском и Тере-Хольском районах; доставке из СССР 1000 репродукторов и других материалов; приглашении специалиста для постановки художественных и музыкальных передач; организации кружков радиолюбителей при радиостанциях районов и в г. Кызыле и др. (НА РТ, ф. п-1, оп. 1, д. 2047, лл. 32–32об).

Финансовое положение Управления связи ТНР было тяжелым, и оно не направляло достаточно средств на развитие радио. Радио в большей степени было самокупаемым за счет взимания платы за установку радиоточек и их перенос, а также ежемесячной платы с абонентов и их перерегистрации, передачи объявлений по радио, продажи материалов (НА РТ, ф. 113, оп. 1, д. 73, лл. 2об, 3). Однако горный рельеф, труднодоступность и разбросанность сел и чабанских стоянок в республике, плохое состояние путей сообщения делали сложными и затратными подготовительные радиоработы.

¹ Возможно, здесь вкралась опечатка: в эфир вышли не 19 августа, а 29 августа 1936 г. В этой же публикации Е. Т. Танова указала, что «подготовка открытия радио шла «в один из последних жарких дней августа» (Танова, 2006: 78). Т. Ч. Салчак написал о рождении тувинского радио в конце августа 1936 г. (Салчак, 1986: 4).

Тувинский центральный кооператив регулярно заказывал в СССР приемники, где их массово производили. Однако в связи с огромным внутренним спросом в Советском Союзе, нередко в Туву оборудование поставлялось по «остаточному принципу»: слабой мощности, в меньшем количестве, либо с опозданием. Тувинская сторона от маломощной техники не отказывалась, так как долго ожидала ее и получала чаще всего по льготной стоимости, но впоследствии это не позволяло расширять радиосеть в районах, и работала она не всегда исправно.

Отсутствие и перебои с электричеством оставались серьезным тормозом развития радиовещания на протяжении всего периода ТНР. Правительство обязывало администрации кожуунов снабжать радиостанции и узлы электроэнергией, но такие приказы не давали нужного результата (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, л. 281). На некоторые радиоузлы подавали электричество высокой мощности, что приводило к потере звука или передаче со звуком шумов и помех (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, л. 304). При отсутствии электричества техника могла работать на аккумуляторах, но их тоже катастрофически везде не хватало. Министерство связи ежегодно, с 1939 по 1941 гг., подавало заявки на аккумуляторы, но тщетно (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, л. 49).

Управление связи часто винило в халатности сотрудников районных радиоузлов, обладавших низким уровнем технических знаний, не соблюдавших трудовую дисциплину. Жалобы русских жителей в газету подтверждают это. 14 декабря 1940 г. в газете «Тувинская правда» вышла критическая заметка, в которой сообщилось, что в пос. Балгазын не работает радиоузел по причине того, что: «механик П. Тарышкин давал обещание, что к празднику Великого Октября все будут слушать радио, но он ничего не сделал. Халатно относится к своей обязанности и радист А. Иванова»¹.

9 ноября 1939 г. постановлением Президиума Малого Хурала ТНР Управление связи ТНР преобразовано в Министерство связи ТНР (История Тувинской..., 2011: 201; НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, лл. 321-322). После реорганизации его деятельность была обновлена. Новому органу поручалось заключить договор с Монгольской Народной Республикой об установлении отношений по радиосвязи и подписке на газеты и журналы. Это создавало возможность оперативного обмена сообщениями не только с Советским Союзом, но и с соседней Монголией.

Был укреплен кадровый состав Министерства связи: в 1940 г. штат был укомплектован опытными радиоспециалистами и с их помощью планировалось обучать местных жителей на радиооператоров, монтеров, радистов, организовать техминимум и социалистические соревнования (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, л. 285), а также издать небольшим тиражом учебное пособие (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, л. 322).

Кызылский радиоузел, построенный в 1938 г.² работал относительно регулярно. Но судя по факту неполного освоения назначенных сметой расходов бюджета Управления связи — по расходу горюче-смазочных материалов (4232 акша из 5130), пользованию электроэнергией от городской электростанции (691 акша из 2000) в 1938 г. сбои в его работе случались (НА РТ, ф. 113, оп. 1, д. 73, л. 5).

В городе строились радиотрансляционные линии, обновлялись и ремонтировались существующие (Кан, 2016: 23; НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, лл. 279, 284)

После получения необходимых материалов в 1938 г. начали доставку оборудования для радиостанций и устройство 4 радиоузлов в кожуунах, (НА РТ, ф. 113, оп. 1, д. 73, л. 3), устанавливая аппараты на 20 радиоточек в Барун-Хемчикском, Дзун-Хемчикском, Улуг-Хемском, Пий-Хемском районах, радио-приемники — в Каа-Хемском и Тандинском районах. При районных отделениях почты открыли пять отделений радио, которые к началу 1939 г. действительно работали (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, л. 281). Расходы по содержанию открытых отделений радиосвязи в кожуунах тоже легли на Управление связи, которое несло значительные убытки (6000 акша), поэтому их предлагалось передать во введение кожуунов, кроме технического обслуживания и ремонта неисправностей аппаратуры (там же).

С помощью коротковолновой станции передачи тувинского радио передавали в г. Красноярск, а оттуда через ретрансляторы, расположенные на территории края, — на эфирные радиоприемники узлов в Кызыле и районах (Костякова, 2007: 73). Остальные радиоузлы транслировали передачи из Москвы, Новосибирска и Иркутска.

Число радиослушателей росло, но, учитывая общую численность населения республики, медленно: в 1938 г. — 780 чел. в Туве, из них 122 в кожуунах (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, л. 279), в 1939 г. — 1434 и

¹ Радио бездействует // Вперед (газета). 1940. № 97 (787). 14 декабря. С. 2.

² Предположительно, Кызылская радиостанция получила название им. VIII Великого Хурала ТНР и с ее помощью обеспечивали местное вещание в столице и райцентрах вплоть до начала 1960-х гг. Однако документальных данных, подтверждающих этот факт, мы пока не нашли.

205 чел., соответственно (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 786, л. 1). Охват радиовещанием все же был больше и с каждым годом рос, так как передачи часто слушали коллективно: «узнав часы вещания, араты спешили к этому времени в кожунные центры из своих кочевий на конях, волах, даже пешком, чтобы слушать радио» (Танова, 2006: 81).

Репертуар передач был однообразным, что объяснялось отсутствием у людей, готовивших их, подготовки и опыта. По примеру других регионов, передачи готовили, используя, например, газетные материалы. В эфире также часто звучали концерты, к примеру, в 1939 г. их передали 130 раз, лекции с объяснением — 7 раз, разъяснения особых постановлений, опубликованных в газетах — 112 раз, игры и спектакли — 2 раза (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 786, л. 1). Об идеологической функции радио красноречиво говорят названия передач: «Ликвидация безграмотности», «Усилим борьбу с кулаками», «Лентяи не нужны в новой жизни», «Женщина — наш равноправный товарищ» (Салчак, 1986: 6).

Передачи в основном готовили на общественных началах молодые тувинские писатели (С. А. Сарыг-оол, О. К. Саган-оол, С. К. Самба-Люддуп, С. Б. Пюрбю, М. Момбужай и др.) и творческие деятели (А. М. Чымба, В. Ш. Кок-оол, С. Т. Танов, Б. Д. Ховенмей, М. М. Мунзук и др.) (НА РТ, ф. 122, оп.1, д. 25, л. 149). Первые знакомили слушателей со своими первыми произведениями, иногда выступая в роли дикторов, а вторых привлекала возможность самовыражения и импровизации.

Ветераны вспоминали забавные истории, приключавшиеся с одним из первых дикторов, талантливым тувинским артистом В. Ш. Кок-оолом. Однажды, прочитав в эфир известия, он сделал передышку и спел песню об одинокой березе, стоящей среди желтой степи, о путнике, отдыхавшем в ее тени. Закончив петь, сказал:

«Товарищи, знаете, сегодня выходной день. В городском саду народ гуляет, проходят спортивные соревнования. Я сейчас пойду играть в волейбол. Так что ухожу. До свидания... Эй, вы там, как вас... Техник! Техник! Закрывай эту свою штуковину! Я свою работу закончил» (Танова, 2006: 81, 82).

Такое поведение В. Ш. Кок-оола не раз было предметом разбирательства на бюро ЦК ТНРП и, в конце концов, диктором взяли Салзынму Оюн. Она стала первой тувинской женщиной-диктором, а Виктору Кок-оолу поручили вести художественную передачу (там же: 83).

Судя по смете Управления связи ТНР, в 1938 г. был организован небольшой Радиокomiteт (радиостудия)¹. Работа трех его сотрудников оплачивалась: заведующий, он же диктор получал 2160 акша, диктор — женщина-тувинка — 1620 акша, уборщица — 720 акша (НА РТ, ф. 113, оп. 1, д. 73, л. 3).

Итак, в 1936 г. система вещания была запущена, но в первые годы работала нестабильно. Слабая мощность головной радиостанции, повышенная сложность и стоимость подготовительных радиоработ наряду с нехваткой кадров и оборудования, проблемами электричества не позволяли расширять радиосеть в районах. К концу 1930–1940-х гг. в той или иной степени были радиофицированы Барун-Хемчикский, Дзун-Хемчикский, Улуг-Хемский, Тес-Хемский, Пий-Хемский, Тоджинский и Терехольский районы. Радиопередачи, которые на общественных началах готовили активисты из числа молодых тувинских писателей и творческих деятелей, выпускались не на профессиональном уровне, и в основном, с дублированием информации из других источников.

Укрепление радиовещания в 1941–1944 гг.

С началом Великой Отечественной войны и в связи с введенным режимом экономии бумаги в ТНР был сокращен выпуск периодических изданий. Задачам и условиям военного времени больше отвечало радио, развитию которого партия и правительство стали уделять повышенное внимание.

Укрепление радиовещания начали с создания 8 июля 1941 г. Радиокomiteта при Совете Министров ТНР (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 76, л. 27) для руководства радиовещанием. Это было верным решением — высокий статус органа позволил оперативно поднимать проблемные вопросы, тормозившие развитие радио (кадровые, подготовка радиопередач, распространение радио в кожуунах и др.) и эффективнее их решать. При этом комитет обязан был регулярно отчетываться партии и Правительству ТНР о своей деятельности, а также совместно с Министерством связи ТНР обеспечить техническую сторону — бесперебойную связь в районах и расширить радиосеть. Для решения этой задачи министр связи С. Кызыл-оол предложил поручить Минстройпрому ТНР совместно с Минсвязи обеспечить техническим оборудованием электростанции и радиоузлы в районах (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 76,

¹ Однако, сведений о создании Радиокomiteта в других источниках мы пока не нашли.

л. 7). Аппараты для приема радиосигнала были установлены во многих районах. Судя по росту доходов радио, которые складывались из радиоабонементной платы, установки и переноса радиоточек, план которых в 1942 г. был перевыполнен на 39,1%, спрос населения рос.

На деятельность комитета были выделены бюджетные средства — в 1942 г. — 28900 акша, что позволило набрать небольшой (5 чел.), но постоянный штат сотрудников. Председателем недолго работал О. Шыырап, в 1942–1943 гг. — О. Сундуй, с 1943 г. — О. Саган-оол. На работу в комитет были приглашены советские специалисты: известный композитор Л. И. Израйлевич, М. В. Черницина, М. Попкова, Н. М. Богатырев. Членами комитета также были Чадамба, Тажи, Шыырап, Лаптан, Гуркова, Миронова, Салзынмаа Оюн (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1180, л. 3).

Анализ регулярных отчетов Радиокomiteта Совету Министров ТНР позволяет зафиксировать линию на усиление плановости и системности в его работе. В 1942 г. было проведено два собрания, на которых обсудили план работы и сетку радиовещания. В четвертом квартале 1942 г. была установлена новая постоянная сетка вещания с двухразовым выходом местного вещания: утром с 7.00 до 8.00 часов и вечером с 19.15 до 20.29 часов (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1048, лл. 13–15).

С января 1943 г. вещание в будние дни шло с 6 часов утра и до полуночи. Кызыл вещал 1 час 59 минут: утром с 7.15 до 8.00 часов и вечером с 19.15 до 20.29 часов. В воскресенье объем местного вещания был 1 час 14 минут: с 19.15 до 20.29 часов (НА РТ, ф. 122, оп. 1, д. 1180, л. 4). В остальное время транслировали передачи из Москвы и Новосибирска. Радиоузлы принимали и передавали передачи СССР и ТНР в соответствии с расписанием, утвержденным Министерством связи ТНР и Радиокomiteтом ТНР.

Структуру комитета сформировали по аналогии с советской: редакция «последних известий», секторы — общеполитических и литературно-художественных передач, молодежного и детского вещания (*Сборник законов ...*, 1944: 67–68), а впоследствии, с учетом задач партии и потребностей слушателей, переструктурировали: секторы различных новостей, агитационно-пропагандистский, литературных передач, поздравлений (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1180, л. 18). Каждый член комитета отвечал за подготовку передач целого направления на русском или тувинском языке, один сотрудник — за усиление работы радио в районах.

В 1942 г. было образовано Тувинское Телеграфное Агентство (ТувТА). Его деятельность помогла улучшить информационное обеспечение радио и способствовала укреплению системы радиовещания в целом. Но в первые годы Радиокomiteт жаловался на работу ТувТА: «некоторые материалы запаздывают сроками, внутренние новости дают в небольшом количестве и низкого качества» (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1180, л. 16).

Содержание передач изменилось не сразу, передавали, как и в прошлые годы в основном новости, решения партии и органов власти, материалы из газет и журналов СССР и ТНР, а также литературные произведения и концерты, записанные на старые пластинки (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1047, лл. 1–5). В докладе в ЦК ТНРП и Совет министров ТНР 1 октября 1942 г. начальник Радиокomiteта О. Сундуй и художественный руководитель Л. И. Израйлевич признавали, что такие передачи не удовлетворяют возросших интересов радиослушателей (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1048, л. 10), но изменить ситуацию кардинально не могли. Большинство сотрудников комитета совмещала работу в разных организациях или должностях, не имела специальной подготовки и опыта работы на радио. К примеру, переводчик Бурбужал помимо комитета работал также в ЦК профсоюзов (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1180, л. 17), С. Оюн была диктором и машинисткой, А. С. Орлова — диктором студии и пианисткой-концертмейстером.

Практика совместительства была распространена в связи с малочисленностью грамотных людей в ТНР. Они часто переходили из одной организации в другую, что создавало текучесть кадров. Были вакантными должности и, соответственно, средств расходовали меньше, чем выделяли Радиокomiteту. Отрицательно на качестве его работы сказывалось также отсутствие элементарных условий для труда в первые годы. Комитет располагался сначала в двухэтажном служебном здании, к марту 1942 г. — один первый этаж этого здания, сотрудники нуждались в столах с ящиками и для радиомикрофона (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1048, лл. 10–12; д. 1047, л. 5; д. 1180, л. 16).

Для улучшения работы комитет изучил опыт работы Красноярского краевого радиокomiteта. По итогам поездки в Красноярск художественного руководителя комитета Л. И. Израйлевича было предложено ввести периодический выпуск сельскохозяйственных, пропагандистских, музыкально-художественных, литературных, молодежных, детских передач; приобрести приемник для приема советских радиопередач, поручить одному работнику комитета доставлять в радиоузлы кожуунов

программу радиопередач, организовывать работу корреспондентов на местах и др. (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1048, лл. 10–12), а также предпринимались попытки создать кружок художественной самодеятельности при Радиокомитете (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1047, лл. 1–5).

Постепенно при поддержке партии и Совета министров ТНР удалось расширить штат комитета, привлечь на работу аратских корреспондентов¹. Из 35 человек, принятых на общественных началах в комитет, 27 обеспечивали материалами удовлетворительно. Лучшими считались Дилгижек, Дамдын-оол и Монге из Пий-Хема, Дыртык-оол и Дагбажык из Улуг-Хема, Минчеймаа из Эрзинского кожууна, Ёндан, Найдун и Канчыыр-оол из Барун-Хемчика (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1047, л. 3).

В Кызыле активное участие в работе комитета принимали 20 человек, среди них: С. А. Сарыг-оол, В. Ш. Кок-оол, А. Очурбаанак, С. Б. Пюрбю, О. Сагаан-оол, О. Т. Шыырап, Б. Д. Ховенмей, М. К. Момбужай, М. Кызыл-оол, М. Попкова, Орлова, Латынова, Козлов, Кисленко, полковник М. Ч. Сувак и др.

Стимулом для активной работы авторов стало введение гонорара, единицей расчета которого служил стандартный лист (1740 печатных символов). Выше всего была оплата за выразительное чтение литературных передач (6–8 акша), подготовку агитационно-пропагандистских материалов — различных политических и научных докладов, лекций, бесед (5–8 акша), вступительную часть к песням, развлекательным концертам (5–8 акша) (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1180, л. 18).

В эфире стали звучать оригинальные общественно-политические и сельскохозяйственные передачи, передачи для пионеров и школьников. К примеру, в 1943 г. состоялась передача «Шаагай», подготовленная Радиокомитетом совместно с Домом культуры (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1180, л. 15).

Главным в годы войны была передача по радио на тувинском языке сообщений Совинформбюро, приказов ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии, материалов о жизни и трудовой деятельности советского и тувинского народов. Регулярно выходили «Последние известия», передачи «С фронта Отечества», «О работе сельского хозяйства», «Военный эпизод», «Трудовой фронт» на русском языке, в помощь обучающимся военной подготовке.

Три раза в неделю выходили материалы из передовых статей газет «Шын» и «Тувинская правда», один раз в неделю — газет СССР и «Аревэ шыны» («Правда Тувинского революционного союза молодежи»), в том числе зачитывались тексты писем на фронт и с фронта, заявления тувинских добровольцев, пожелавших отправиться на Великую Отечественную войну. Передавали в эфир военные стихи тувинских писателей, зовущих на разгром немецко-фашистских захватчиков, материалы о жизни, трудовой деятельности и патриотизме народа.

Регулярно в эфире выходили концерты и спектакли, популярные у слушателей (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1047, лл. 1–2). К примеру, в первом квартале 1943 г. три раза в неделю прозвучали концерты с грампластинок, концерты Государственного театра, ансамбля Дома культуры им. Сталина и тувинской школы (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1180, л. 15). Это стало возможным благодаря формированию в комитете собственного граммофонда (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1048, лл. 1–9), организации записи в Москве на пленку популярных советских и тувинских песен. Поэтому можно сделать вывод о том, что, радио стало не только фактором популяризации, но и сохранения и развития песенного творчества советских и тувинских авторов (Сузукей, 2016: 108).

Под призывами «Все для фронта», «Всё для общей победы» освещались примеры бескорыстной помощи фронту. Не остались в стороне сотрудники комитета: сдавали посильную помощь, а в 1942 г. комитет сдал в фонд обороны ТНР 500 акша (НА РТ, ф. 102, оп. 1, д. 567, л. 19).

В 1942 г. работала 1351 радиоточка, большая часть которых (804) приходилась на столицу. Точки в городе работали хорошо и непрерывно (НА РТ, ф. 111, оп. 1, д. 3, л. 44). 126 абонентов пользовались радиоточками за счет коммунальных услуг своих учреждений, в их числе — партия, органы власти, редакции газет, организации и учреждения г. Кызыла. Крупные улицы города были радиофицированы (всего — 688 шт.). Радиоточками пользовались преимущественно русские граждане, которые работали в организациях и предприятиях ТНР, из числа тувинцев — единицы (НА РТ, ф. 94, оп. 1, д. 205, лл. 114–135). Коренное население в массе проживало в сельской местности, так как основным занятием тувинцев в конце 1930 — начале 1940-х гг. по-прежнему оставалось кочевое скотоводство (История Тувы, 2007: 234–235).

¹ Араткорами (аратскими корреспондентами) называли авторов из сельской среды, сотрудничавших с редакциями газет и радио на общественных началах.

Фактически аудитория радиопередач была шире, о чем говорят кинодокументы. На кадрах кинофильма «Страна голубой реки», снятого Центральной студией кинохроники СССР в 1941 г.¹, изображен уличный радиорепродуктор в столице. Трансляция открывалась громким призывом на тувинском языке «*Дыңнаар, дыңнаар! Кызылда VIII дугаар Улуг Хурал аттыг 69 бүдүн 4 ончук метр чалгыгда радиостанция дамчыштыр*» («Слушайте, слушайте! В Кызыле на волне 69,4 КВ передает радиостанция имени VIII Великого Хурала»). Передачи в основном слушали коллективно в Кызыле и райцентрах, а полученную информацию передавали из уст в уста.

В годы войны сформировалась республиканская радиосеть, состоявшая из 5 радиостанций и 11 радиоузлов. В штатах почтовых отделений Барун-Хемчикского, Дзун-Хемчикского, Улуг-Хемского, Тес-Хемского, Пий-Хемского и Каа-Хемского кожуунов числились радисты для обслуживания радиоаппаратуры. В Тоджинском и Тере-Хольском кожуунах радиосигнал обеспечивали приемо-передающие радиостанции мощностью 0,80 кВт.

В отличие от городской сети, радио в кожуунах вещало с перебоями. Отмечались те же, что и раньше проблемы — с приемом радиосигнала, плохая слышимость и причины их появления — слабая мощность центральной радиостанции и радиоприемников, отсутствие электричества или слабое напряжение (вместо необходимых 220 было 160–180 Вт), отсутствие аккумуляторов и кислоты. Все это доставляло огромное огорчение слушателям. Например, из-за того, что в 1942 г. не работали приемники в Тес-Хемском, Барун-Хемчикском и Дзун-Хемчикском кожуунах, последние известия передавались туда по телефону (НА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 1047, л. 4). Радиокомитет и Министерство связи ТНР предлагали различные меры для их искоренения, но в условиях военного времени их реализация была затруднительной.

В 1944 г. с целью ускорения передачи информации радиокомитет был объединен с ТувТА в Радио-Телеграфное агентство ТНР (НА РТ, п-1, ф. 1, оп. 1, д. 2928, л. 22). После вхождения ТНР в состав СССР в октябре 1944 г. радиовещание Тувы было включено в систему всесоюзного радиовещания и управлением им стало централизованным. 5 января 1945 г. на базе Тувинского радиотелеграфного агентства был организован Тувинский областной радиокомитет (История города в центре Азии, 2012: 14). Была установлена сетка вещания, структура и штатное расписание, правила работы, такие как в комитетах национальных областей.

Заключение

Таким образом, процесс радиофикации в ТНР (1925–1944 гг.) развивался поэтапно.

На первом этапе — в 1925–1936 гг. формировались компоненты системы радиовещания. Основные мероприятия тех лет: ввод электростанции в г. Кызыле (1925 г.), начало обучения кадров связи в СССР (1929 г.), создание Главного управления связи (1932 г.), строительство здания радиостанции в г. Кызыле (1935–1936 гг.), монтаж оборудования (1936 г.).

На втором этапе — в 1936–1941 гг. система функционировала, но с перебоями. Главные события: выпуск радиоконcertов (июль 1936 г.) и передач (август 1936 г.), строительство и ввод в эксплуатацию новой радиостанции, реорганизация Управления связи ТНР в Министерство связи ТНР (1939 г.). Приоритетное внимание уделялось радиофикации столицы и районных центров.

Для третьего этапа (1941–1944 гг.) было характерно развитие и относительно устойчивое функционирование системы в отличие от СССР, где уход на фронт радиоспециалистов, запрет использования эфирных радиоприемников и сокращение финансирования ослабили работу радиокомитетов. Главные события — создание Радиокомитета при Совете Министров ТНР (1941 г.) и ТувТА (1942 г.), установка постоянной сетки вещания (4 квартал 1942 г.), создание Радио-Телеграфного агентства ТНР (1944 г.). Радио помогло объединить усилия людей на помощь фронту. Установка радиосвязи со многими кожуунами к 1944 г. явилась большим достижением в работе партии и правительства Тувы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что главный импульс в тувинской модели организации радиовещания с самого начала шел «сверху».

¹ Пленка с кинофильмом «Страна голубой реки» о ТНР хранится в Российском государственном архиве кинофотодокументов (учетный № 4917), а копия — в НА РТ. Фильм снят Центральной студией кинохроники в 1941 г. Режиссер — Ф. Киселев, операторы — В. Соловьев, В. Фроленко, другие создатели — И. Каплунский, Д. Овсянников.

Комплекс внешних и внутренних причин (отсутствие материально-технической базы и подготовленных кадров; дефицит бюджета; сильная зависимость от СССР, где не хватало средств, радио-материалов и специалистов; слабое планирование и контроль над принятыми решениями; запоздалое создание республиканского органа связи, Радиокomiteта и др.) объективно обусловил длительность создания базовых условий для запуска радиовещания на первом этапе (1925–1936 гг.), перебои в работе системы на втором этапе (1936–1941 гг.) и ограниченный характер развития на третьем этапе (1941–1944 гг.)

Несколько факторов сдерживали радиофикацию территории Тувы в 1925–1944 гг.: отсутствие широкоэмитерной радиостанции, дефицит приемников и аккумуляторов в СССР, проблемы с электричеством, нехватка и низкая квалификация специалистов, высокая стоимость радиоработ в условиях горного ландшафта, разрозненности населенных пунктов и плохого состояния путей сообщения.

Несмотря на ограниченный характер действия, радиосеть ТНР послужила основой для формирования системы радиовещания Тувинской автономной области, получившей динамичное развитие в 1944–1961 гг.

Благодарности

Автор благодарит коллег – сотрудников ТИГПИ: д. и. н., г. н. с. Н. М. Моллерова — за методическую поддержку, н. с. Л. К. Хертек, к. и. н. Д. К. Тулуша, а также начальника отдела использования и публикации документов Национального архива Республики Тыва М. Ш. Куулара — за перевод документов с тувинского языка латинским шрифтом на русский язык.

Сбор источников в архивах был осуществлен при поддержке Государственной телевизионной и радиовещательной компании «Тыва».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блехман, С. (1976) История почты и знаки почтовой оплаты Тувы. М. : Связь. 112 с.
- История города в Центре Азии (2012) : научно-документальный сборник документов (на русском языке) : в 2 т. / гл. ред. А. М. Дугар-Сюрюн, науч. ред. Н. М. Моллеров. Новосибирск : Сибирское книжное издательство. Т. 2. 1944–1961 гг. 240 с.
- История Тувинской Народной Республики в архивных документах 1921–1944 гг. (2011) / науч. ред. Н. М. Моллеров. Новосибирск : Сибирское книжное издательство. 310 с.
- История Тувы (1964) : в 2 т. / отв. ред. С. К. Тока. М. : Наука. Т. II. 455 с.
- История Тувы (2007) : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. II. 430 с.
- История Тувы (2016) : в 3 т. / под общей ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. III. 455 с.
- Кан, В. С. (2011) Газетная периодика Тувы: особенности становления и развития. LAMBERT Academic Publishing. 128 с.
- Кан, В. С. (2013) Организация радио в Тувинской Народной Республике в 1930-е гг. // Омский научный вестник. № 3. С. 52–56.
- Кан, В. С. (2016a) Говорит и показывает Кызыл: история тувинского радио и телевидения. Абакан : ООО «Кооператив «Журналист». 216 с.
- Кан, В. С. (2016b) Радиофикация Тувинской автономной области во второй половине 1940-х гг. // Вестник Томского государственного университета. № 404. С. 96–100.
- Костякова, Ю. Б. (2007) Становление и развитие системы массового радиовещания в национальных районах Южной Сибири (1928–1961 гг.) : дисс. ... канд. ист. наук. Абакан. 197 с.
- Костякова, Ю. Б. (2017) Массово-информационные пространства южносибирских национальных регионов: исторические условия и опыт формирования (1922–1953 гг.) / науч. ред. Н. Я. Артамонова. Абакан : Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова». 252 с.
- Менхен-Хелфен, О. (2007) Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы / составитель: С. К. Шойгу. М. : Слово. Т. 6. 582 с. С. 243–252.

На перекрестке времени. Урянхайский край. Тувинская Народная Республика. Тувинская Автономная Область. Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика (2014) : сборник архивных документов и фотодокументов. Научно-документальный сборник (на русском языке). Государственный архив Республики Тыва / гл. ред. А. М. Дугар-Сюрюн, науч. ред. Н. М. Моллеров. Новосибирск : Сибирское книжное издательство. 480 с.

О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении (1972) : сборник документов и материалов / сост. Л. С. Климанова. М. : Мысль. 635 с.

Салчак, Т. (1986) Тыва радионун хөгжүлдезиниң оруу [Путь развития тувинского радио] // Кызыл чугаалап тур [Говорит Кызыл] / сост. А. И. Чараш-оол. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 124 с. С. 4–13. (На тув. яз.)

Сборник законов и основных постановлений Правительства ТНР (1944) / ред. Х. Анчимаа, С. Т. Чимба. Кызыл : Тувинское государственное издательство. 416 с.

Сузукей, В. Ю. (2016) Становление и развитие авторской песни в Туве (1921–1944 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 105–113. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/467> (дата обращения 10.06.2020).

Танова, Е. Т. (1979) Периодическая печать Тувы (1924–1944 гг.). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 112 с.

Танова, Е. Т. (2006) История возникновения и развития периодической печати Тувы. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 96 с.

Дата поступления: 01.06.2020 г.

REFERENCES

Blekhman, S. (1976) *Istoriia pochty i znaki pochtovoi oplaty Tuvy [The history of mail and postage stamps of Tuva]*. Moscow, Sviaz'. 112 p. (In Russ.).

Istoriia goroda v Tsentre Azii [History of a city in the center of Asia] (2012) / ed. by N. M. Mollerov, R. M. Archimaeva and A. M. Dugar-Surun. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stv. Vol. 2. 1944–1961 gg. 240 p. (In Russ.).

Istoriya Tuvinskoj Narodnoj Respubliki v arhivnykh dokumentakh 1921-1944gg (2011) [The History of the Tuvan People's Republic in archival documents 1921 - 1944]. Ed. by N. M. Mollerov and A. M. Dugar-Surun. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 312 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (1964): in 2 vols. Moscow, Nauka. Vol. II / ed. by S. K. Toka. 455 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2016): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).

Kan, V. S. (2011) *Gazetnaia periodika Tuvy: osobennosti stanovleniia i razvitiia [Tuva newspaper periodicals: rise and development]*. LAMBERT Academic Publishing. 128 p. (In Russ.).

Kan, V. S. (2013) Organizatsiia radio v Tuvinskoj Narodnoj Respublike v 1930-e gg. [Organization of radio in People's Republic of Tuva in 1930s]. *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 3, pp. 52–56. (In Russ.).

Kan, V. S. (2016a) *Govorit i pokazyvaet Kyzyl: istoriia tuvinskogo radio i televideniia [This is Kyzyl speaking: the history of Tuva radio and television]*. Abakan, OOO «Kooperativ «Zhurnalist». 216 p. (In Russ.).

Kan, V. S. (2016b) Radiofikatsiia Tuvinskoj avtonomnoi oblasti vo vtoroi polovine 1940-kh gg. [Radio expansion in Tuva Autonomous region during the second half of the 1940s.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univertiteta*, no. 404, pp. 96–100. (In Russ.).

Kostiakova, Yu. B. (2007) *Stanovlenie i razvitie sistemy massovogo radioveshchaniia v natsional'nykh raionakh Iuzhnoi Sibiri (1928–1961 gg.) [Rise and development of the mass radio broadcasting system in the national regions of southern Siberia (1928–1961)]* : Diss. ... Candidate of History. Abakan. 197 p. (In Russ.).

Kostiakova, Yu. B. (2017) *Massovo-informatsionnye prostranstva iuzhnosibirskikh natsional'nykh regionov: istoricheskie usloviia i opyt formirovaniia (1922–1953 gg.) [Mass information spaces of the South Siberian ethnic regions: historical conditions and experience of formation (1922–1953)]* / ed. by N. Ya. Artamonova. Abakan, Izdatel'stvo FGBOU VO «Khakasskii gosudarstvennyi universitet im. N. F. Katanova». 252 p. (In Russ.).

Menkhen-Khel'fen, O. (2007) Puteshestvie v aziatskuiu Tuvu [A Journey to Asian Tuva]. In: *Uriankhai. Tyva depter [Uriankhai: A Tuvan Notebook]*: in 7 vols. / comp. by S. K. Shoigu. Moscow, Slovo/Slovo. Vol. 6. 584 p. Pp. 222–351. (In Russ.).

Na perekrestke vremeni [At the crossroads of time] (2014): a collection of archival documents and photo documents / eds.: A. M. Dugar-Surun et al. Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 480 p. (In Russ.).

O partiinoi i sovetskoj pechati, radioveshchanii i televidenii [About the party and Soviet press, radio broadcasting and television] (1972) / comp. by L. S. Klimanov. Moscow, Mysl'. 640 p. (In Russ.).

Salchak, T. (1986) Tyva radionung khögzhüldezining oruu [The path of development of the Tuvan radio]. In: *Kyzyl chugaalap tur [Says Kyzyl]* / comp. byy A. I. Charash-ool. Kyzyl, Tuvan book publisher. 124 p. Pp. 4–13. (In Tuv.).

Sbornik zakonov i osnovnykh postanovlenii Pravitel'stva Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [A collection of laws and fundamental orders of the government of Tuvan People's Republic] (1944). Kh. Anchima and S. T. Chimba (Eds.). Kyzyl, Tuvinskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 456 p. (In Russ.).

Suzukei, V. Yu. (2016) Stanovlenie i razvitie avtorskoi pesni v Tuve (1921–1944 gg.) [The rise of author-performed song in Tuva (1921–1944)]. *New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/467> (access date 10.06.2020).

Tanova E. T. (1979) *Periodicheskaiia pechat' Tuvy (1921–1944 gg.) [Periodical press in Tuva, 1921–1944]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 112 p. (In Russ.).

Tanova, E. T. (2006) *Istoriia vozniknoveniia i razvitiia periodicheskoi pechati Tuvy [The history of the rise and development of periodicals of Tuva]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 96 p. (In Russ.).

Submission date: 01.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.9

«В Танну-Туву». Об одной полузабытой книге**Маргарита П. Татаринцева***Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация*

В статье анализируется книга В. Мачавариани и С. Третьякова «В Танну-Туву», выходящая в 1930 и 1931 гг. в жанре трэвел — по следам поездки В. Мачавариани, деятеля Коммунистического Интернационала Молодежи, в Туву. Учитывая то, что книг о Туве времен Тувинской Народной Республики крайне мало, особенно рассчитанных на широкого читателя, в статье обосновывается ее ценность и для науки, и для обычного читателя.

Дается краткая история издания, в том числе почему у автора книги В. Мачавариани появился соавтор — писатель С. Третьяков. Сам В. Мачавариани выполнял в Туве серьезнейшую миссию — укреплял роль комсомола, встречался с руководящим составом партии и госаппарата молодой республики. Тем не менее основным содержанием книги стали не общественно-политические события и начавшиеся перемены в быту тувинцев, а необычные впечатления от окружающего мира с определенной долей юмора. Здесь и природа, и поселения, и люди, встречи и общения, разговоры и деловые заседания — все дано сквозь призму субъективного, личностного отношения автора. Книга получилась не общественно-политической, пропагандистской, а книгой-путешествием. Несмотря

на свою занимательность, она была раскритикована и предана забвению.

Автор статьи рекомендует ее к переизданию с комментариями историков.

Ключевые слова: Тыва; история Тувы; «В Танну-Туву»; В. Мачавариани; С. Третьяков; Усинский тракт; Кызыл; тувинцы

Для цитирования:

Татаринцева М. П. «В Танну-Туву». Об одной полузабытой книге // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 128-137. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.9>

Татаринцева Маргарита Петровна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора культуры Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru

TATARINTSEVA, Margarita Petrovna, Candidate of Philology, Leading Research Fellow, Sector of Culture, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: margotatar@mail.ru **ORCID ID: 0000-0002-2118-1926**

“To Tannu Tuva”: On a half-forgotten book

Margarita P. Tatarintseva

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article analyses the book by V. Machavariani and S. Tretyakov titled ‘To the Tannu Tuva’, published in 1930–1931 in the genre of a travelogue, following the Tuvan trip of V. Machavariani, an official at the Communist Youth International. The book is important both for researchers and general readers, considering the lack of books about Tuva during the period of Tuvan People’s Republic, especially written for the wide audience.

The article provides a brief history of the edition, including the fact why V. Machavariani had a co-author, writer S. Tretyakov. Machavariani carried out a serious mission in Tuva, strengthening the role of the Komsomol, meeting with the leadership of the party and the government of the young Republic. However, the book contained mostly his impressions of the world he saw in Tuva rather than sociopolitical events and grand changes in the life of Tuvans. The author describes nature, settlements, people, meetings and communications, conversations, and business meetings through the prism of his personal attitude. The book turned out to be a travel journal, and not a piece of socio-political propaganda as it might have been intended. Despite its entertaining content, it faced scathing criticism and was soon forgotten.

The author believes this book must be republished with historians’ comments.

Keywords: Tuva; Tuvan history; “To Tannu Tuva”; V. Machavariani; S. Tretyakov; Usinsky trakt; Kyzyl; Tuvans

For citation:

Tatarintseva M. P. "V Tannu-Tuvu". Ob odnoi poluzabytoi knige ["To Tannu Tuva": On a half-forgotten book]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 128–137. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.9>

Введение

Книга В. Мачавариани и С. Третьякова «В Танну-Туву» выходила девяносто лет назад в серии «Библиотека экспедиций и путешествий» дважды (Мачавариани, Третьяков, 1930, 1931) и нельзя сказать, что она совсем забылась, исчезла бесследно в глубине прошедшего времени, хотя стала малодоступной, редкой. У современного читателя она до сих пор может вызывать интерес и даже некоторое удивление живостью и непосредственностью изложения. Однако она не попадает в ряд широко цитируемых источников, хотя в библиографических списках ученых-исследователей обычно присутствует.

При тщательном изучении небольшой по объему книги В. Мачавариани и С. Третьякова (1-го издания 1930-го года, вышедшего тиражом 5100 экз.) выявляется одна ее особенность: ее не следует относить к строго научному историческому, общественно-политическому или публицистическому жанру, хотя в ней есть и эти составляющие — создана она была на документальной основе. Это рассказ о реальной поездке в Туву в конкретное время — в конце 1920-х гг. и вымышленных действующих лиц в ней нет.

В год 100-летнего юбилея Тувинской Народной Республики (ТНР) автору статьи хотелось обратиться к книге, относящейся именно к этому времени, изданной по горячим следам пребывания в ней ее автора — В. Мачавариани. Назрела необходимость в свете сегодняшнего дня раскрыть ее содержание, охарактеризовать автора и его соавтора, их цель создания книги, охарактеризовать особенности ее жанра, а также причины «забвения», замалчивания на долгие годы. По мнению автора статьи, книгу, которая стала библиографической редкостью, следует вернуть и в научный оборот, и широкому читателю.

Владимир Мачавариани

Разобраться с особенностями жанра поможет не совсем обычная история создания книги.

У книги два автора — Владимир Мачавариани и Сергей Третьяков. Но зимой 1928–1929 гг. в Туве побывал только В. Мачавариани (годы жизни не известны), посланник Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ), комсомольский работник, а для несведующих — просто молодой грузин, который был командирован из Москвы в далекую Туву на IV съезд тувинской революционной молодежи — Ревсомола (Моллеров, 2016).

В трудах историков, изучающих этот период ТНР, в частности в «Истории Тувы» (История Тувы, 2007: 126–183) да и в самой небольшой по объему книжке хорошо отражены внутривластные, экономические, международные трудности и сложности, которые переживало молодое тувинское государство, ставшее на путь некапиталистического развития, до этого находившегося на стадии феодализма. Отсутствие опыта руководящей работы у государственных начальников, почти полная неграмотность, внутренняя борьба за власть разных группировок, засилье прежних административных порядков, прежней элиты и авторитетов во всех сферах жизни, в том числе лам, шаманов, необходимость выстраивания новых взаимоотношений между простыми аратами и бывшими властителями, бедным населением и торговцами, тувинцами и русскими, несправедливое налогообложение — с таким обилием проблем столкнулся комсомольский посланец. Он хорошо отдавал себе отчет, сколько времени и сил потребуется обществу для разрешения хотя бы важнейших из проблем, чтобы могли начаться реальные преобразования. Это четко просматривается в его отчетах в Москву (например, отчет «Положение в Тувинской республике»: РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 35). Но не только это произвело впечатление на автора и отразилось в его книге.

Преодолев за двадцать дней зимний путь по железной дороге от Москвы до Абакана, а затем девятидневный путь от Минусинска по еще недостроенному Усинскому тракту до Кызыла, молодой грузин приобрел бесценный для него опыт по освоению бескрайнего пространства Сибири и знакомству с совершенно разными типами людей — извозчиками, золотодобытчиками, строителями, охотниками, мараловодами, ламами, цириками и т. д. Здесь все другое. Еще недавно Москва уроженцу Тифлиса казалась холодным городом, а когда он написал в письме отцу, что едет в Сибирь, тот со страхом спросил его: «За что тебя ссылают?» По мнению грузин, в Сибири жить нельзя, можно лишь отбывать наказание.

Описание пути-дороги в Туву довольно занимательно и по объему составляет более трети книги.

Итак, главный герой по служебной надобности должен был зимой пересечь почти всю страну, чтобы оказаться в мало кому известной, новой на карте мира республике Танну-Туве. Да и сам-то он узнал о ней совсем недавно, прочитав перед отъездом несколько случайно попавшихся на эту тему статей.

К сожалению, никаких конкретных данных о личности В. Мачавариани, кроме как из самой книги, найти не удалось, как и о его дальнейшей судьбе, в литературном творчестве он себя больше никак не проявил. Видимо, такими данными он и не обладал, но вот рассказать о своей необычной поездке в устной форме ему удалось так, что этот рассказ весьма впечатлил известного литератора, востоковеда, поэта, писателя и сценариста Сергея Михайловича Третьякова.

От эмоционального рассказа — к познавательной книге

Сергей Третьяков (1892–1939), известный литератор, сотрудничал с В. Маяковским и С. Мейерхольдом. У него уже было имя в литературных кругах, было напечатано несколько произведений на восточную тему, поскольку он бывал в Монголии, несколько лет преподавал русский язык и литературу в Китае, т. е. темой Востока интересовался живо и постоянно. (К сожалению, в 1939 г. С. Третьяков был репрессирован, в 1956 г. посмертно реабилитирован (Чертков, 1972: 614)).

Увлеченный эмоциональным рассказом В. Мачавариани о поездке в Туву С. Третьяков сразу же предложил издать его в виде книги-брошюры, однако тот сначала отказался от этой идеи наотрез, ссылаясь на отсутствие опыта и способностей к литературному творчеству. Хотя во время пребывания в командировке он вел дневник и посылал регулярные, подробные отчеты о своих действиях и наблюдениях в Москву, так что документальная основа его рассказа была в полном порядке и сомнению не подвергалась.

Пришлось опытному С. Третьякову самому структурировать рассказ В. Мачавариани. Причем, акцент был сделан не на политическое и экономическое положение в республике, которые требовали очень серьезного анализа, а на удивительные, ни на что не похожие особенности этого дальнего края, дикой первозданной природы, образа жизни, обычаев небольшого, но жизнестойкого народа, который начинает новую жизнь и т. д. То есть, с самого начала книгу предполагалось сделать доступной рядовому читателю и интересной за счет неизвестных ему ранее фактов и подробностей — географических, исторических, этнографических и др.

Сам С. Третьяков в начале книги, вместо предисловия, под заголовком «Для ясности» написал:

«Рассказ тов. Мачавариани, ездившего на съезд ревсомола в Танну-Тувинскую республику, был настолько интересен, в этом повествовании было так много людей, выглядевших по-живому... что я немедленно предложил тов. Мачавариани записать свое путешествие и выпустить книжкою. Мачавариани испугался, отказался и выяснилось, что сделать книжку не так-то просто. Тогда эту книгу мы стали делать вдвоем.

Делали ее так: я расспрашивал тов. Мачавариани о поездке, а стенографистка этот рассказ нам записывала. Когда рассказчик впадал в разнообразие или схематизм, я начинал докапываться у него интересных и существенных деталей. Так, переключаясь, сделали мы стенограмму книги. Сначала предполагали ее просто обработать и издать стенограммой же. Но это оказалось трудно, бессвязно..., поэтому над стенограммой была проделана следующая работа. Во-первых, все материалы были смонтированы, т. е. расчленены, а затем вновь расположены в определенном повествовательном порядке. Во-вторых, был выправлен язык изложения. В-третьих, был внесен целый ряд пояснительных и цифровых данных, взятых частью из отчетов того же тов. Мачавариани, затем тов. Нацова, добытых из бесед с некоторыми тувинцами и, наконец, основанных на моих личных впечатлениях о Монголии» (Мачавариани, Третьяков, 1930: 3–4).

Маститому литератору С. Третьякову удалось выстроить разностильный и разнохарактерный материал о поездке по бескрайней Сибири в Туву так, чтобы интерес читателя не ослабевал, а нарастал, фотографии же, правда, по сегодняшним меркам довольно тусклые, этот интерес подогревали. Все события, наблюдения, происшествия, впечатления о них были разбиты на небольшие главки: «Двадцать дней пути», «Через Саяны», «Откуда Тува», «Кызылские улицы», «Ламы», «Люди», «Съезд ревсомола» и др.

Как уже говорилось, целью поездки в Туву В. Мачавариани, посланца КИМа, были организация и участие в работе IV съезда тувинского ревсомола. Современные историки, хорошо знакомые с архивными материалами, указывают, что одной из задач его поездки была «сбросить правых», что, в общем, и удалось (Моллеров, 2013: 33–34).

Судя по интенсивной деятельности, встречам, заседаниям и совещаниям, на которых он участвовал и которыми руководил, его знакомство с общеполитической обстановкой и разными сторонами обновляющейся жизни было отнюдь не поверхностными, и поездка дала свои политические результаты. А ведь в самом начале Тува для него была в прямом смысле *terra incognita*.

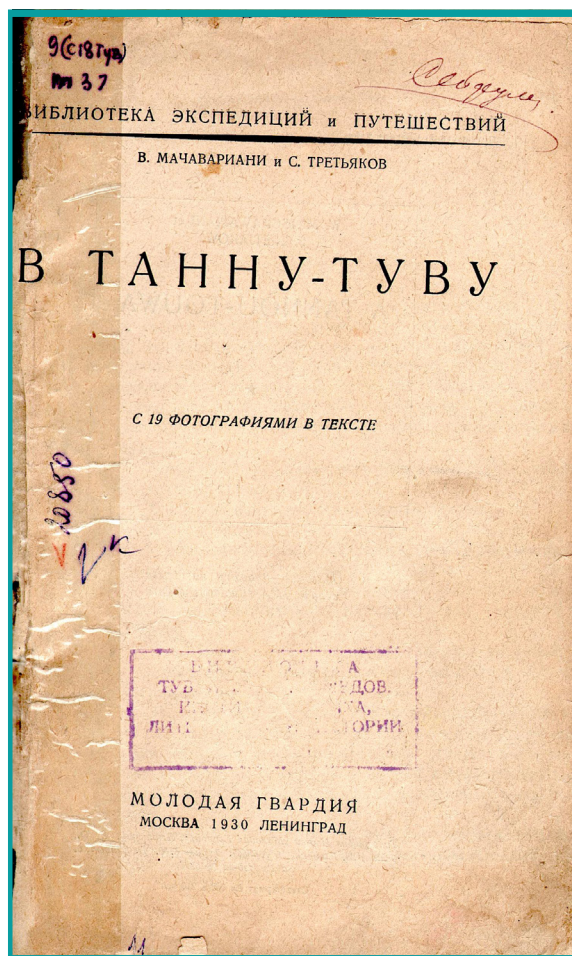

Фото 1. Титульный лист издания 1930 г.
Photo 1. Title page of the 1930 edition.

На первых страницах книги мы читаем:

«В первый раз я увидел тувинца на V Конгрессе КИМа. Шли прения по монгольскому вопросу. Человек, видимо, никогда не говорил в такой большой аудитории. Он был растерян и часто сморкался. Ему легче было ездить верхом, чем говорить в Колонном зале Дома Союзов. Он был в зимнем обмундировании военного образца. Дело было в августе. Но у неуклюжего человека была стремительная речь. Поддерживая КИМ, он атаковал делегата Монгольского национально-революционного союза молодежи» (Мачавариани, Третьяков, 1930: 5).

Отметим для себя объективность описания и добрую иронию автора. Такое сочетание в книге будет встречаться постоянно.

Выбор жанра — трэвел

В Российском государственном архиве социально-политической истории сохранились подробные отчеты о собственной работе В. Мачавариани в Туве и его наблюдения над политической жизнью молодого государства, провозглашенного в 1921 г. (РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 35, лл. 1–5.)

В них имеются характеристики многих общественных деятелей республики, имена которых остались в истории Тувы, но есть и те, что надолго были из нее вычеркнуты в результате чисток и репрессий, которые происходили в Туве по образцу СССР. По заметкам В. Мачавариани можно судить, какое огромное влияние оказывал опыт СССР на молодое государство, особенно в кадровой политике, что ценно для историка и политолога. Например, на них опирается Н. М. Моллеров в анализе политических событий в Туве конца 1920-х гг. (Моллеров, 2013). И. В. Отрощенко ссылается на наблюдения автора в анализе культурной политики периода ТНР (Отрощенко, 2015: 20–21). З. Ю. Доржу и Р. О. Шыырап приводят его описания при анализе социально-бытовых условий жизни кызылчан 1920-е гг. (Доржу, Шыырап, 2019: 649). М. С. Байыр-оол цитирует впечатления В. Мачавариани в 1928 г. от встречи с Буяном-Бадыргы, который был его оппонентом и сегодня признан одним из основателей тувинской государственности (Байыр-оол, 2011: 43). Заметки автора оказались даже любопытными для анализа истории похоронной обрядности тувинцев (Кисель, 2009: 17).

Но для массового читателя того времени, на которого ориентировались авторы «В Танну-Туву», такие исторические подробности осложнили бы чтение, сделали бы книгу труднодоступной. Да и дальнейшая судьба многих руководящих деятелей того времени прояснилась значительно позже, многие имена просто были вымараны из истории Тувы. Поэтому авторы пошли по другому пути — они попытались сделать книгу-путешествие в неведомую для многих страну в жанре, приближающемуся к жанру «трэвел» (от англ. *trevel* — путешествие) в современном литературоведении означаемому журналистское путешествие¹. Напомню, что она и вышла в серии «Библиотека экспедиций и путешествий».

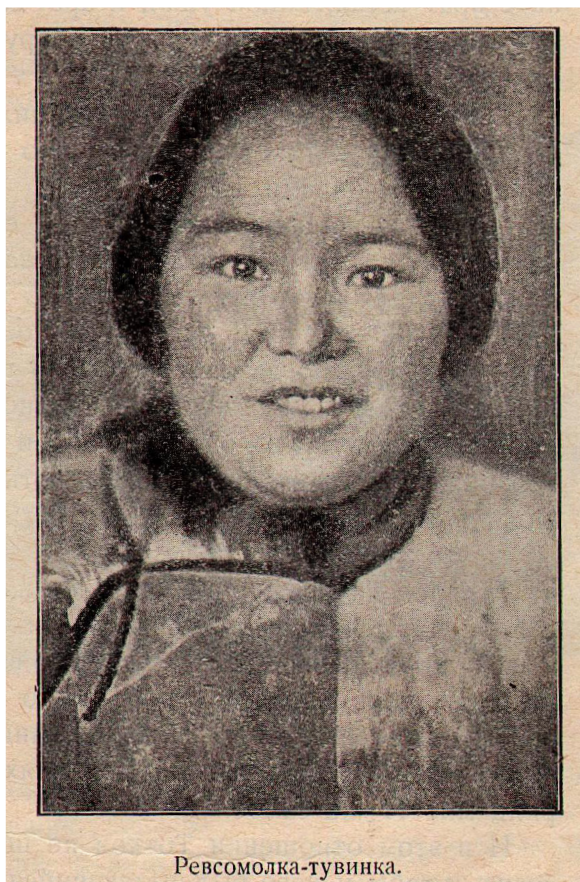
Повествование в подобном жанре обычно опирается на документальную основу, конкретные исторические реалии, но окрашено личностью автора-рассказчика. Это его взгляд на все происходящее, поэтому используются и эмоциональные краски, могут быть такие вкрапления, как пейзажи, размышления, письма, попутные замечания, описания неожиданных происшествий и своя реакция на них и т. д.

Все это мы видим в нашей книге.

Какие разные люди, какая удивительная страна

В повествовании В. Мачавариани много места уделено его общению и с руководящей верхушкой ТНР, и с обычными гражданами этого края, местными работниками советских учреждений, и с дорожными попутчиками во время долгого пути. Поэтому здесь много картинок повседневной жизни этих людей, молодых и старых, разговоров с ними, рассказов об особенностях обычаев, поведения местного населения, привычках этих людей, их словечках, а также интересных этнографических деталей, портретных характеристик, описаний традиционной одежды, предметов быта, обычаев, каких больше нигде не встретишь. Таких занимательных и познавательных эпизодов, встреч, зарисовок немало в этой небольшой книжке.

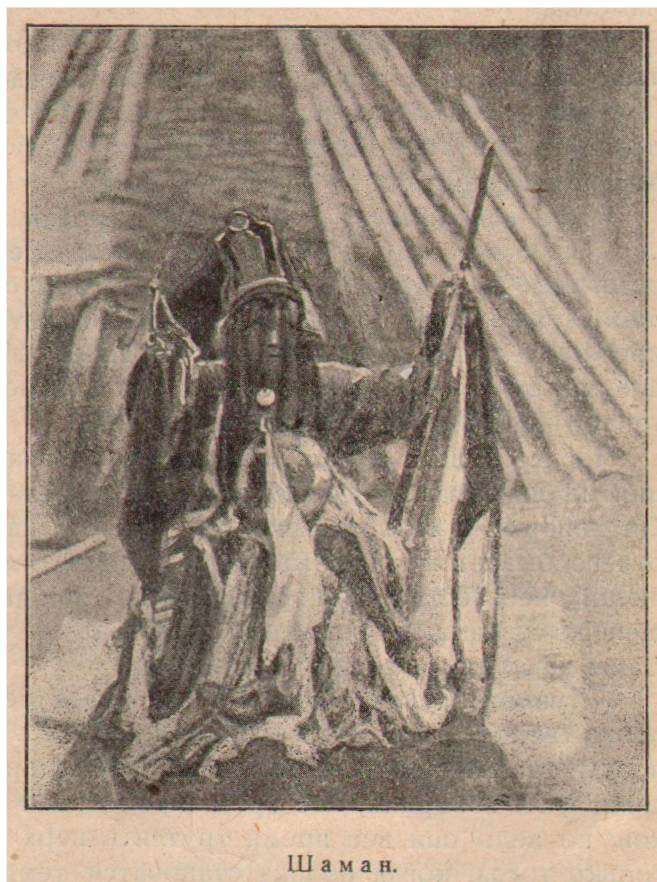
¹ В современном литературоведении он стал обсуждаться в написании «травелог», см.: Аксенова, 2018; Пищаев, 2018.

Ревсомолка-тувинка.

Фото 2. Фотография ревсомолки-тувинки со стр. 79 издания 1930 г.

Photo 2. Photo of a young Tuvan girl, member of the Revolutionary Youth Union, p.79, 1930 edition.

Ш а м а н.

Фото 3. Фотография шамана со стр. 89 издания 1930 г.

Photo 3. Photo of a shaman, p. 89, 1930 edition.

Так, запоминается колоритный образ извозчика татарина Исламова, у которого профессионализму и ответственности за свое дело неплохо бы поучиться многим нашим современникам. Не только на собраниях, но и в непринужденной, а иногда и в бытовой обстановке В. Мачавариани общается с Буяном Бадыргы, Нацовым, Соднамом, Шыгдыржапом, Сатом Чурмит-Тажи, образованным ламой Севеном, Хемчиг-оолом, Мунией, Дондуком и другими деятелями, имена которых остались в истории ТНР. Он принимает их у себя, обедает с ними, бывает у них дома.

Интересно читать, как выглядела тогда столица Тувы Кызыл, основанная в 1914 г., которая показалась Мачавариани «бедной деревушкой», в которой проживало всего-то полторы тысячи жителей, как были устроены в ней жилища — избы и юрты, во что были одеты-обуты начальники и простой народ, как люди вели себя в общественных местах и учились выступать на собраниях, как смотрели кино — диковинку того времени и т. д. Автору любопытно, какими методами лечат местных жителей ламы и шаманы, как в Туве хоронят покойников, как традиционно рожают тувинские женщины и многое другое, необычное, чего больше не увидишь нигде. Ни один автор-путешественник не пройдет мимо таких фактов. Да и бытовые сценки, например, рассказы о своенравном козле, который стал достоянием и грозой всего города, тоже занимательны (Мачавариани, Третьяков, 1930: 96).

Так, на одних страницах автор резко высказывается о несправедливом налогообложении, при котором бедные беднеют, а богатые богатеют — это буквальные слова Чурмит-Тажи, сказанные в беседе с В. Мачавариани 28 декабря 1928 г. (см.: РГАСПИ, ф. 533, оп. 8, д. 120, л. 4; Мачавариани, Третьяков, 1930: 55), о распространенных среди населения опасных болезнях, с которыми бороться еще не хватает врачей (туберкулез, сифилис). А через несколько страничек мы читаем про уморительные похождения ничейного козла (там же: 95–96).

Касается автор и вопросов гигиены, не только наблюдая жизнь местных жителей Тувы — как русских, так и тувинцев, но и обращая внимание на отношение к этим вопросам и другим своим знакомых-попутчиков по долгой дороге из Москвы в Туву. Вызывает улыбку, например, эпизод, рассказывающий о принципиальной разнице во взглядах у некоторых людей на приоритеты в профессиональных обязанностях. Так, В. Мачавариани настойчиво просил проводника вагона, в котором он ехал, навести в нем порядок, хотя бы вывести клопов, ведь в вагоне едут и иностранцы. Но проводник отмахивался от его просьб, заявляя, что первым делом ему нужно в вагоне оформить ленинский уголок. Знакомая картинка!

Жанровая свобода трэвел приводит к синкретичности повествования — сплетению пейзажно-лирических отступлений с публицистичностью, воспоминаниями, этнографическими зарисовками с портретными характеристиками. Причем в повествовании на всем протяжении четко просматривается субъективизм автора: этот мир мы видим его глазами, через его личностное восприятие. В. Мачавариани, рассказчика, мы воспринимаем как общительного, толерантного, терпеливого человека, не лишённого чувства юмора и способности удивляться. Исследователь жанра Н. М. Маслова подчеркивает, что трэвел — «это описание мира через фильтр личного восприятия автора, мир, каким я его вижу» (Маслова, 1980: 6). Все эти особенности повествования могут создать ощущение непоследовательности, клочковатости, сумбурности в некоторых частях изложения, а также вызвать упрек в отсутствии четко выверенного взгляда на жизнь народа, никогда раньше не имевшего своей государственности.

В книге заметно отсутствие политического, идейного пафоса у профессионального работника идеологического фронта, хотя и совсем молодого, который обычно присутствовал в книгах такого рода других сочинителей. Может быть, не стоило автору обращать внимания на грязь и бытовую неустроенность, сифилис, слишком экзотические, даже диковатые обычаи и т. д., а обратить внимание в основном на передовые тенденции, воодушевление и подъем, с которым люди обсуждают на собраниях будущую справедливую и счастливую жизнь, их надежды и т. д.?

В. Мачавариани, как уже говорилось, в своих отчетах в Москву трезво и без иллюзий оценивал политическое и экономическое положение в Туве, верно понимал суть вещей, далекую от оптимизма¹, но в книге все-таки выразил позитивную надежду: «Уже на второй день (пребывания в Кызыле. — М. Т.) я убедился, что Кызыл хотя и деревушка, но политическая жизнь там кипит. Ни с каким Минусинском и Ачинском Кызыл нельзя сравнивать. Это действительно центр республики. Политический клубок сложен. Работают министерства, идет обсуждение различных вопросов, и это захватывает всех жителей Кызыла. Так рухнуло мое первое представление, что в Кызыле жить скучно» (Мачавариани, Третьяков, 1930: 53).

Судьба книги «В Танну-Туву»

Книга, как уже говорилось, была издана и в 1930 г. и переиздана сразу же в 1931 г., то есть интерес вызвала немалый.

Но, однако, сохранились и другие оценки, которые, возможно, повлияли на ее дальнейшую судьбу. Я имею в виду высказывание глубоко уважаемого и почитаемого всем тувинским народом ученого А. А. Пальмбаха, который в своем очерке «Века и годы» 1931 г., переизданного в сборнике 1967 г., довольно резко и нелестно высказался так:

«Последний раз написали книгу о старой Туве Мачавариани и Третьяков. Она называется “В Туву”. Хотели увидеть новую Туву и ее не увидели. От снисходительных балагуров мир узнает о маленьком народе где-то на пупе Азии — в горном котле между Саянами и пустыней Гоби. Узнает о жестоком холоде, от которого губы музыкантов 1 тувинского оркестра примерзают к трубам, и о том, что единственный чистоплотный в стране человек — сын Хамбо-ламы.

Досужие люди пишут с птичьего полета о прогулках в Туву. Пусть пишут и пусть смеются над своей Тувой в ламском клубке. Её нет!» (Пальмбах, 1967: 37).

Чувства А. А. Пальмбаха, которого задел насмешливый тон некоторых высказываний книги и субъективная интерпретация отдельных эпизодов, хорошо понятны. Сам он чуть позже, в начале 1930-х гг.

¹ Например, И. В. Отрошенко в исследовании вопросов вхождения Тувы в состав СССР ссылается на доклад В. Мачавариани заместителю заведующего Восточным секретариатов Исполкома КИМ П. Мифа о геополитических вопросах того времени (Отрошенко, 2017: 58–59).

активно внедрял в культуру Тувы только что разработанную с помощью советских тюркологов под руководством Н. Н. Поппе национальную письменность, был увлечен и воодушевлен успехами в этой области, выступал перед жителями самых разных уголков Тувы. Он знал тувинский язык, радовался появлению первых печатных изданий, букварей на нем, а также приветствовал первые попытки будущих тувинских писателей сочинить что-либо свое на актуальные темы дня и т. д. Этой деятельностью он отдавал столько сил и времени, что тувинские писатели несколько позже называли его «беспощадный к себе человек» (выражение О. Саган-оола) (Татаринцева, 2017: 63). Начало этой работы и первые шаги важнейших культурных преобразований в стране отразились в его очерках 1931 г. «Века и годы». По сути, в этих очерках изображена та же страна, те же люди и то же время, что и у В. Мачавариани и С. Третьякова, но только через призму начавшихся перемен, столь дорогих для Пальмбаха, в какой-то степени являвшихся делом его собственных рук. Отсюда понятна реакция на книгу о Туве, написанную совсем с другими целями и с других позиций, в другой тональности, книгу о путешествии в неведомую страну, в которой авторам важно было показать ее удивительную непохожесть, самобытность, своеобразие, пусть даже некую экзотику. Конечно, из книги Мачавариани и Третьякова видно, как старые порядки, старый быт медленно сдают свои позиции, но ни о каком особом снисходительном балагурстве, высмеивании, как считал Пальмбах, а тем более глумлении над маленьким народом, долгое время жившим почти в изоляции от большого мира, речи быть не может.

В книге, как мы считаем, этого нет. Напротив, авторы стараются показать не только удивительное и непривычное в жизни тувинцев с «европейской» точки зрения, но и лучшее, что присуще им по сравнению, скажем, с соседними народами. Например, отношение к женщине:

«В отличие от Китая, — пишут авторы, — где женщина считалась существом низшим и презренным, в Туве женщина в почете.... Чурмит Таш утверждал, что женщин в Туве никогда не били. Он говорил это очень искренно, и возможно, что он прав» (Мачавариани, Третьяков, 1930: 60).

Или пример непосредственного контакта с совершенно незнакомым тувинцем, который пришел на помощь в тот момент, когда В. Мачавариани неожиданно упал с лошади: «...меня поразила эта доброта, отзывчивость, ласковая и совсем детская» (там же: 93). Примеры можно продолжить.

Живое общение автора с новыми людьми, простодушное удивление необычному, иногда добрая ирония, доброжелательность в целом и множество ярких впечатлений — все это привело к тому, что впечатления были подхвачены писателем С. Третьяковым, который и сам «загорелся» от этого рассказа. Да, в книге можно встретить насмешливый тон и нет пропагандистского пафоса, но это скорее можно отнести к ее достоинствам, чем к недостаткам. Прямолинейным и неумеренным пафосом, идеологическим нажимом традиционно злоупотребляли советские литераторы, сильно идеализируя жизнь отсталых национальных окраин, и такие сочинения, скажем прямо, морально устаревали очень быстро и большого интереса у читателя не вызывали.

Заключение

В книге В. Мачавариани и С. Третьякова «В Танну-Туву» упомянуто немало подлинных исторических деятелей ТНР, которые были репрессированы. Именно поэтому долгое время переиздавать книгу с их именами не представлялось возможным. Да и один из авторов ее — С. Третьяков — также был репрессирован и надолго был вычеркнут из списков писателей. Вместе с нелестным отзывом А. А. Пальмбаха эти три фактора, пожалуй, и повлияли на судьбу книги — она оказалась полузабытой.

Сейчас все это осталось позади, справедливость восстановлена, а Тува конца 1920-х годов, описанная в книге В. Мачавариани и С. Третьякова легко, увлекательно, конкретно, встаёт как живая. Авторы не претендовали на строгую научную фиксацию фактов и долгую жизнь своей скромной книжки. Они хотели привлечь к Туве, почти неведомой читателю, внимание, вызвать интерес. И это им удалось.

На наш взгляд, эта книга не заслуживает забвения, ведь это своего рода документ эпохи, она интересна и познавательна. С некоторыми историческими комментариями ее полезно переиздать для нового поколения массового читателя.

Благодарности

Выражаю огромную благодарность доктору исторических наук Н. М. Моллерову за предоставленные архивные материалы о деятельности в Туве В. Мачавариани и исторические консультации по эпохе Тувинской Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенова, М. В. (2018) Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 3. С. 170–176. DOI: [https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3\(31\)-170-176](https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3(31)-170-176)

Байыр-оол, М. С. (2011) Три столпа тувинской государственности [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2–3. С. 37–61. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/404> (дата обращения: 12.03.2020).

Доржу, З. Ю., Ширап, Р. О. (2019) Социально-бытовые условия жизни населения г. Кызыла — столицы Тувинской автономной области (1944–1961) // Oriental Studies. № 4. С. 645–660. DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-645-660>

История Тувы (2007) / под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск : Наука. Т. 2. 428 с.

Кисель, В. А. (2010) Поездка за красной солью. Погребальные обряды Тувы. XVIII — начало XXI в. СПб. : Кунсткамера. 142 с.

Мачавариани, В., Третьяков, С. (1930) В Танну-Туву. М. ; Л. : Молодая гвардия. 116 с.

Мачавариани, В., Третьяков, С. (1931) В Танну-Туву : очерк с 18 фотографиями. 2-е изд. М. : Огиз Молодая гвардия. 108 с.

Маслова, Н. М. (1980) Путевой очерк. Проблемы жанра. М. : Знание. 64 с.

Моллеров, Н. М. (2013) О смене властной элиты и политического курса в конце 1920-х годов в связи с китайскими и монгольскими событиями // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. Вып. 1. С. 24–36.

Моллеров, Н. М. (2016) Советские дипломаты и представители Коминтерна в Тувинской Народной Республике в 1920-е гг. // Новые исследования Тувы. № 3. С. 5–18. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/460> (дата обращения: 12.03.2020).

Отрошенко, И. В. (2015) Языковая политика и культурное строительство в Тувинской Народной Республике [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. С. 16–31. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/22> (дата обращения: 12.03.2020).

Отрошенко, И. В. (2017) Вхождение Тувы в состав СССР: альтернативные мнения // Новые исследования Тувы. № 4. С. 36–76. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.4.3>

Пальмбаха, А. А. (1967) Века и годы // А. А. Пальмбаха — писатель и человек / сост. М. А. Хадаханэ. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 179 с. С. 36–55.

Пищаев, А. Г. (2018) Травелог: к вопросу о жанре // Материалы И методы инновационных исследований и разработок : сборник статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. А. Сукиасян. Уфа : ООО «Аэтерна». 219 с. С. 65–70.

Татаринцева, М. П. (2017) Литературное творчество А. А. Пальмбаха // Русский язык в Туве. № 2. С. 62–64.

Чертков, Л. Н. (1972) Третьяков Сергей Михайлович // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. М. : Советская энциклопедия. Т. 7. «Советская Украина» — Флиаки / гл. ред. А. А. Сурков. 1008 ст. С. 614.

Дата поступления: 22.04.2020 г.

REFERENCES

Aksenova, M. V. (2018) Travelog: puteshestvie zhanra i zhanr puteshestvii [Travelogue: travelling of the genre and the genre of travelling]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, no. 3, pp. 170–176. (In Russ.). DOI: [https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3\(31\)-170-176](https://www.doi.org/10.29025/2079-6021-2018-3(31)-170-176)

Baiyr-ool, M. S. (2011) Tri stolpa tuvinskoï gosudarstvennosti [The three pillars of Tuvan statehood]. *New Research of Tuva*, no. 2–3, pp. 37–61 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/404> (access date: 12.03.2020). (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. and Shirap, R. O. (2019) Sotsial'no-bytovye usloviia zhizni naseleniia g. Kyzyla — stolitsy Tuvinskoï avtonomnoi oblasti (1944–1961) [Kyzyl — the Capital of Tuvan Autonomous Oblast (1944–1961): Social and Living Conditions of the Population]. *Oriental Studies*, no. 4, pp. 645–660. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.22162/2619-0990-2019-44-4-645-660>

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2007): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 2. 430 p. (In Russ.).

Kisel', V. A. (2010) *Poezdka za krasnoi sol'iu. Pogrebal'nye obriady Tuvy. XVIII — nachalo XXI v. [A Journey for the red salt. Funeral rites of Tuva. XVIII — early XXI century]*. St. Petersburg, Kunstkamera. 142 p. (In Russ.).

Machavariani, V. and Tret'iakov, S. (1930) *V Tannu-Tuvu [To Tannu-Tuva]*. Moscow, Leningrad, Molodaia gvardiia. 116 p. (In Russ.).

Machavariani, V. and Tret'iakov, S. (1931) *V Tannu-Tuvu [To Tannu-Tuva]: an essay with 18 photos*. 2nd ed. Moscow, Ogiz Molodaia gvardiia. 108 p. (In Russ.).

Maslova, N. M. (1980) *Putevoi ocherk. Problemy zhanra [The travel essay. The problems of the genre]*. Moscow, Znanie. 64 p. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2013) O smene vlastnoi elity i politicheskogo kursa v kontse 1920-kh godov v sviazi s kitaiskimi i mongol'skimi sobytiiami [On the change of the power elite and political course in the late 1920s in connection with the events in China and Mongolia]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, vol. 1, pp. 24–36. (In Russ.).

Mollerov, N. M. (2016) Sovetskie diplomaty i predstaviteli Komintern v Tuvinskoj Narodnoj Respublike v 1920-e gg. [Soviet diplomats and Comintern representatives in People's Republic of Tuva in the 1920s]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 5–18 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/460> (access date: 12.03.2020). (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2015) Iazykovaia politika i kul'turnoe stroitel'stvo v Tuvinskoj Narodnoj Respublike [The language policy and culture building in the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 16–31 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/22> (access date: 12.03.2020). (In Russ.).

Otroshchenko, I. V. (2017) Vkhozhdenie Tuvy v sostav SSSR: al'ternativnye mneniia [Tuva's Accession to the USSR: Alternative opinions]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 36–76. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.4.3>

Pal'mbakh, A. A. (1967) Veka i gody [Centuries and years]. In: A. A. Pal'mbakh — *uchenyi, pisatel', prosvetitel' : k 100-letiiu so dnia rozhdeniia [A. A. Palmbakh: scientist, writer, educator: for the 100th anniversary of his birth]*. Kyzyl, IPK «Ene sozu». 179 p. Pp. 36–55. (In Russ.).

Pishchaev, A. G. (2018) Travelog: k voprosu o zhanre [Travelogue: the question of genre]. In: *Materialy I metody innovatsionnykh issledovaniia i razrabotok [Materials and methodologies of innovative research and development]* : collection of articles of the International scientific and practical conference / ed. by A. A. Sukiasian. Ufa, OOO «Aeterna». 219 p. Pp. 65–70. (In Russ.).

Tatarintseva, M. P. (2017) Literaturnoe tvorchestvo A. A. Pal'mbakha [Literary works of A. A. Pal'mbakh]. *Russkii iazyk v Tuve*, no. 2, pp. 62–64. (In Russ.).

Chertkov, L. N. (1972) Tret'iakov Sergei Mikhailovich. In: *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia [Concise literary encyclopedia]* : in 9 vol. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. T. 7. «Sovetskaia Ukraina» — Fliaki / editor-in-chief A. A. Surkov. 1008 p. P. 614. (In Russ.).

Submission date: 22.04.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.10

Тувинская орфография в период Тувинской Народной Республики

Оюмаа М. Саая, Баярсайхан Бадарч

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В истории развития тувинского языка и письменности период Тувинской Народной Республики является одним из самых значимых. Именно в это время начала формироваться тувинская орфография, которая тесно связана с возникновением национальной письменности тувинского народа. В статье исследованы нормы тувинского правописания, опубликованные на латинском и кириллическом алфавитах, представлен обзор орфографических правил. Основными источниками материала являлись «Правила тувинской орфографии», изданные в 1931 г., 1932 г., 1933 г., 1941 г. и 1943 г.

Анализ правил пяти изданий показал особенности тувинской орфографии и процессы их совершенствования. Основными принципами орфографии того периода были: фонетический и этимологический, учитывался и морфологический принцип. Они остаются приоритетными и для правил правописания современного тувинского языка. Прослеживается введение унифицирующих правил, предусматривающих единое морфологическое написание окончаний и других форм с различными диалектными вариантами. Они оказали положительное влияние на формирование литературного тувинского языка.

Правила правописания фарингализованных гласных, сильных и слабых *m-d*, *n-b* в начале тувинских слов с самого возникновения тувинской орфографии были сложными для разработки. Но основное понимание специфики этих звуков было достигнуто в период ТНР.

Ключевые слова: тувинский язык; Тувинская Народная Республика; Тува; история Тувы; латинская графика; кириллица; тувинская орфография; тувинская письменность; фарингализация; яналиф

Для цитирования:

Саая О. М., Бадарч Б. Тувинская орфография в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 138–150. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.10

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: yu5bi@mail.ru

Бадарч Баярсайхан — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Российская Федерация, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: bayiraa@mail.ru

SAAYA, Oyuuma Maadir-oolovna, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of dictionary research group, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: yu5bi@mail.ru [ORCID ID: 0000-0002-3775-2391](https://orcid.org/0000-0002-3775-2391)

BADARCH, Bayarsaikhan, Candidate of Philology, Leading Researcher, Department of dictionary research group, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. E-mail: bayiraa@mail.ru [ORCID ID: 0000-0003-3962-1042](https://orcid.org/0000-0003-3962-1042)

Tuvan orthography during the period of the Tuvan People's Republic

Oyumaа M. Saaya, Bayarsaikhan Badarch

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

In the history of the Tuvan language and writing, the period of the Tuvan People's Republic is probably the most significant. This article discusses the formation of Tuvan spelling, which is closely related to the emergence of the writing system used by the Tuvan people. The article studies the spelling rules of Tuvan language published in the Latin and Cyrillic scripts, as well as presents an overview of spelling rules. The sources of the article are "The Rules of Tuvan orthography", published in 1931, 1932, 1933, 1941 and 1943 in various scripts.

Analysis of the rules codified in the five editions helped trace the specific features of Tuvan orthography and its improvement over time. While the main principles of spelling were phonetic and etymological, the morphological principle also mattered. They still remain definitive. The article also traces the introduction of unifying rules that provide for a unified morphological spelling of word endings and other forms that have different dialect variants. This process had a positive impact on the formation of the Tuvan literary language.

The spelling rules for pharyngealized vowels, strong and weak t-d, p-b at the beginning of Tuvan words had been difficult to develop since the beginning of Tuvan spelling. But a basic understanding of the peculiarities of these sounds was achieved during the TPR period.

Keywords: Tuvan language; Tuvan People's Republic; Tuva; History of Tuva; Latin script; Cyrillic script; Tuvan spelling; Tuvan writing system; pharyngealization; yanalif

For citation:

Saaya O. M. and Badarch B. Tuvinskaia orfografiia v period Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [Tuvan orthography during the period of the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3.; pp. 138–150. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.10

Введение

Для свободного функционирования и развития любого языка необходимо, чтобы он имел устойчивые орфографические и орфоэпические нормы. В связи с этим вопросы совершенствования тувинской орфографии — правил правописания — регулярно поднимаются учеными и преподавателями (Монгуш, 1972; Бичелдей, 1997, 2005; Серээдар, 2010: 127–129; Сувандии, Куулар, 2018).

Орфография тесно связана с письменностью. Хотя история развития письменности на территории Тувы начинается с древнетюркских рунических памятников, в настоящей статье уделено внимание орфографии, принятой вместе с тувинской национальной письменностью в 1930 г. Вопросам создания тувинской национальной письменности в период Тувинской Народной Республики (ТНР), посвящено достаточно большое количество работ (Сат, 1955; Татаринцев, 1997, 2005ab; Монгуш, 2000, 2009¹). Острота проблем даже выливалась в полемику — о том, кто же конкретно создал тувинскую национальную письменность на латинизированной основе (Татаринцев, 1990, 2005ab; Монгуш, 1999: 83; Монгуш, 2000²). Но в то же время вопросам орфографии того периода уделено недостаточно внимания: в 1941 г. была опубликована статья «Тыва узуктуң тургунуң саа төлевилелинүң тугажь» (О новом проекте тувинской орфографии) М. Лундупа (Lyndyp, 1941: 19-21). Эта же тема затрагивалась Д. А. Монгушом в статье «40 лет тувинской письменности» уже в советское время (Монгуш, 2009).

¹ Также: Татаринцев, Б. И. (1989) Тыва бижикти тургускан төөгүзүнүң айтырыглары // Шын, октябрь 12. Ар. 3, октябрь 13. Ар. 3. (На тув. яз.).

² Также: Татаринцев, Б. И. (2000) Как создавалась тувинская письменность // Тувинская правда. 29 июня. С. 3.

В период ТНР были утверждены и изданы четыре «Правила тувинской орфографии», которые отражали нормы правописания тувинской речи на письме (Тывааң саа ..., 1931; Тыва узыктың ..., 1932; Тыва узыктың ..., 1933; Үжүк дүрүмү ..., 1943). М. Лундуп описывает структуру трех первых изданий, кроме того, автор определяет их недостатки, которые были устранены в последующих выпусках. В качестве замечания к первому изданию он указывает, что там предписывается написание *polvassʒral* вместо *polvaazsʒral* — ‘развитие’, *ajylga* вместо *ajalga* — ‘мелодия’, что связано с интенсивным процессом перехода с монгольской письменности на тувинскую в то время. В числе других причин несовершенства тувинских норм правописания он называет недостаточную изученность интонации тувинского предложения, особенностей звукового состава тувинского языка (Lyndyp, 1941: 19).

Недочеты третьего издания (Тыва узыктың ..., 1933), как отмечает М. Лундуп, заключаются в том, что нет отдельного пункта о правописании афф. *-zʒk*, *-sʒk*, поэтому в печатных изданиях наблюдаются разные варианты написания; раздел о пунктуации разработан не достаточно; в «Правила...» включено много географических наименований; в правописание заимствованных слов и географических названий введены кардинальные правила, предписывающие усечение конечных букв: *Финлан*, *Голан*, *Франс*, *машин* (Lyndyp, 1941: 19–20).

В статье Д. А. Монгуша уделено внимание проекту тувинской орфографии, разработанной в 1941 г. Исследователь отмечает, что к 1940-м годам, благодаря исследованиям, проводившимся в Туве, в тувинском языке был обнаружен новый фонематический ряд гласных — фарингализованных — называвшихся тогда гортанными полудолгими (*боостаа-биле адаар чартык узун үннер*) или полудолгими с оттенком горлового пения *каргыраа* (*каргыраа аялгалыг чартык узун үннер*). К этому же времени среди шумных согласных тувинского языка выявилось еще наличие начальных придыхательных (сильных) [п^h] и [т^h]. В соответствии с этим Ученый комитет ТНР подготовил и опубликовал в 1941 г. проект новой орфографии (Монгуш, 2009: 60).

Однако в данных работах отсутствует анализ тех норм правописания, которые устанавливались для специфических особенностей звуковой системы тувинского языка. Поэтому целью данной работы является рассмотрение норм тувинской орфографии в период ТНР, определение принципов, на которые опирались эти нормы, что будет способствовать более глубокому пониманию существующих в настоящее время проблем в этой области.

Источниками для исследования явились, утвержденные и опубликованные издания правил тувинской орфографии: «Тывааң саа узуунуң тугуму» 1931 г.; «Тыва узыктың тугуму» 1932 г.; «Тыва узыктың тугуму» 1933 г.; «Үжүк дүрүмү» 1943 г., а также два проекта этих правил, которые также вышли в свет в период ТНР: «Тыва узыктың *polgaş pizik temdekteriniң* тугуму (*tölevilel*)» 1941 г., «Тыва бижиктиң үжүүнүң дүрүмү» 1941 г. (Тывааң саа ..., 1931; Тыва узыктың ..., 1932; Тыва узыктың ..., 1933; Үжүк дүрүмү, 1943; Тыва узыктың *polgaş* ..., 1941; Тыва бижиктиң ..., 1941). Все эти публикации, кроме одной, были напечатаны отдельными изданиями. Проект правил 1941 г. «Тыва узыктың *polgaş pizik temdekteriniң* тугуму (*tölevilel*)» был опубликован в первом номере журнала *Ertem oruu* (Тыва узыктың *polgaş* ..., 1941: 9–18). Эти издания хранятся в Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (далее — ТИГПИ).

«Правила тувинской орфографии» в период ТНР

Тувинский алфавит, созданный советскими учеными на основе новотюркского алфавита, принятый в 1930 г. (Монгуш, 1967: 98), имел 30 букв и, считалось, что они достаточны и в то же время обязательны для отражения на письме звуков, служащих для различения смысла слов в тувинском языке (фото 1).

В период с 1931 года по 1944 вышли четыре «Правила тувинской орфографии»: «Тывааң саа узуунуң тугуму» 1931 г. (фото 2); «Тыва узыктың тугуму» 1932 г.; «Тыва узыктың тугуму» 1933 г.; «Үжүк дүрүмү» 1943 г., в 1932 г., в 1933 г., в 1943 г. (Тывааң саа ..., 1931; Тыва узыктың ..., 1932; Тыва узыктың ..., 1933; Үжүк дүрүмү, 1943). Последние правила были напечатаны в одной книге вместе с орфографическим словарем (Үжүк дүрүмү, 1943). Кроме того, в 1941 г. были выпущены два проекта «Правил тувинской орфографии» — один на латинской графике в журнале «Эртем оруу» («Путь науки») (Тыва узыктың *polgaş* ..., 1941), второй — на кириллице отдельным изданием (Тыва бижиктиң ..., 1941). Часть правил проекта, напечатанного на латинице, была разработана в 1937 г. и обнародована в газетах (см. об этом: Lyndyp, 1941: 20).

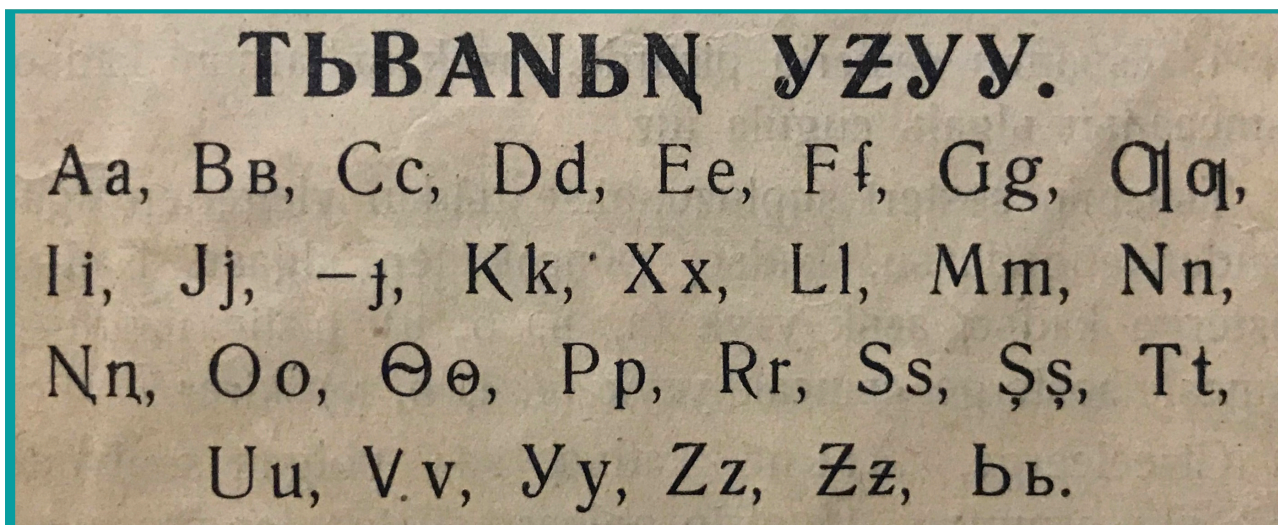

Фото 1. Тувинский алфавит 1930 г. из первого издания правил «Тъваньн саа узуунун туруму», стр. 7.
Photo 1. 1930 Tuvan alphabet from the first edition of the grammar book “Тъваньн саа узуунун туруму”, p. 7.

В первых правилах тувинской орфографии было 5 разделов:

1. Звуки тувинского языка и буквы, которые их отражают на письме;
2. Правописание долгих гласных;
3. Правописание конца слова;
4. Правила пунктуации;
5. Правила правописания прописных букв (Тъваньн саа узуунун туруму, 1931).

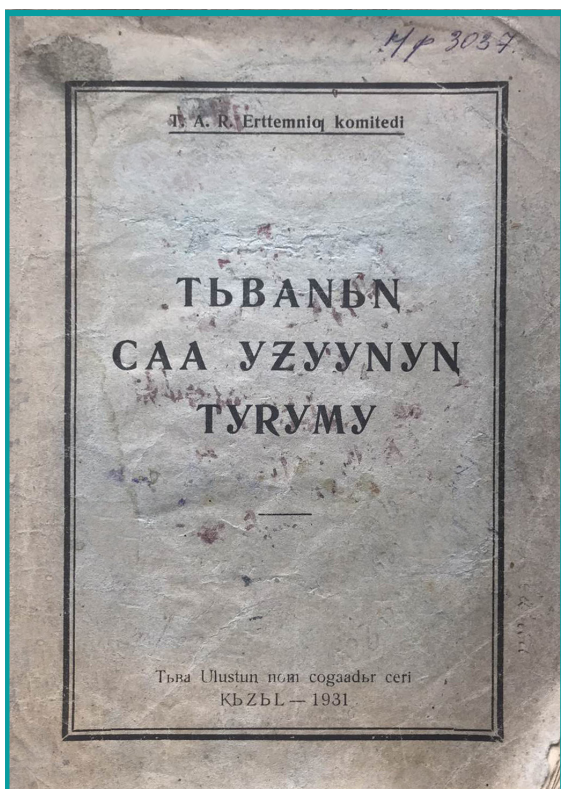

Фото 2. Обложка «Правил тувинской орфографии» 1931 г. Хранится в книжном фонде НА ТИГПИ, инв. № 3037.

Photo 2. Cover of the “Rules of Tuvan orthography”, 1931. Book collection, NA TIGPI, No. 3037.

В третьем издании «Правил тувинской орфографии» (фото 3) было 7 разделов: к предыдущим пяти добавили два раздела «Правописание интернациональных слов» и «Правила правописания сокращений» (Тъва узыктуун туруму, 1933).

Дальнейшая работа по усовершенствованию орфографии была проведена в начале 1937 г. Комиссией по языку и письменности при Министерстве культуры ТНР. Эта работа велась при участии журналистов и учителей, тогда были внесены изменения и дополнения к правилам 1933 г. Но эти изменения не вышли в виде отдельного издания, а были напечатаны в газете (Lyndyp, 1941: 20).

В 1941 г. Комиссией по языку и письменности и Комитетом по науке был разработан новый проект «Правил орфографии», в которых был учтен опыт учителей, изучены ошибки при разработке печатных изданий.

Проект 1941 г. включал 11 разделов:

1. Буквы тувинского алфавита;
2. Правила правописания согласных звуков;
3. Правила правописания гласных звуков;
4. Правила правописания интернациональных слов;
5. Правописание аффиксов;
6. Правописание основных форм отдельных групп слов;
7. Прописные буквы;
8. Слитное, дефисное, раздельное написание слов;

9. Правописание сокращенных слов;
10. Правила переноса;
11. Правила пунктуации.

Этот проект был опубликован в первом номере журнала «Эртем оруу» (Тыва узуктун полгаş ..., 1941; фото 4). Он не был официально утвержден, вероятно, из-за того, что в 1941 г. на XII съезде ТНРП было принято решение о переводе тувинской письменности на кириллицу (Монгуш, 2009: 61).

Дальнейшее развитие орфография тувинского языка получила на основе другого алфавита. В связи с решением XII съезда ТНРП в 1941 г. были выпущен еще один проект «Правил тувинской орфографии», основанной на русской графике (Тыва бижиктиц ..., 1941; фото 5).

В нем было 11 разделов. Первый раздел назывался «Звуки тувинского языка и буквы тувинского алфавита». В нем появились 1 и 4 пункты, предписывающие использование букв б и д в начале тувинских слов, ъ и ь для отражения на письме фарингализованных гласных (там же: 2, 3). В остальном проект на кириллице соответствовал предыдущему проекту правил на латинской графике.

Этот же проект уже в виде утвержденных правил вышел в свет в 1943 г. вместе с «Орфографическим словарем» (Ужук дүрүмү, 1943; фото 6).

В отличие от проекта 1941 г. в нем появился раздел «Правила использования соответствующих букв», который определяет, какие буквы кириллического алфавита должны писаться вместо соответствующих букв латинизированного алфавита (там же: 10–14). Так были введены буквы я, е, ё, ю, буква в, которая должна была отображать губно-губной щелевой согласный звук между гласными, ранее отражавшийся на письме латинской в (там же: 10–12).

В связи с этим следует отметить, что под интерферирующим влиянием русской

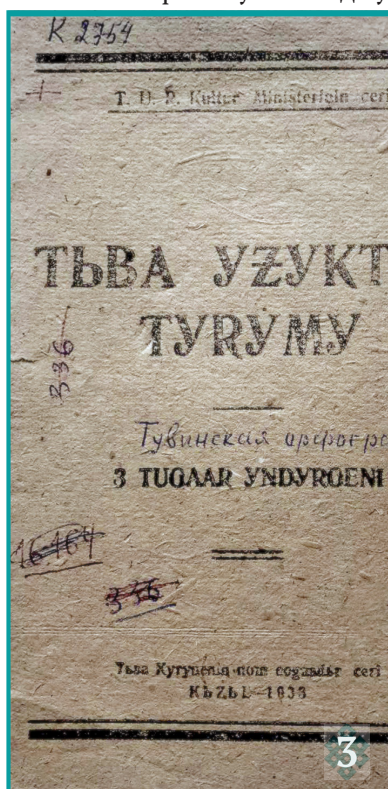

Фото 3. Обложка «Правил тувинской орфографии» 1933 г. Хранится в книжном фонде НА ТИГПИ, инв. № 2754.
Photo 3. Cover of the “Rules of Tuvan orthography”, 1933. Book collection, NA TIGPI, No. 2754.

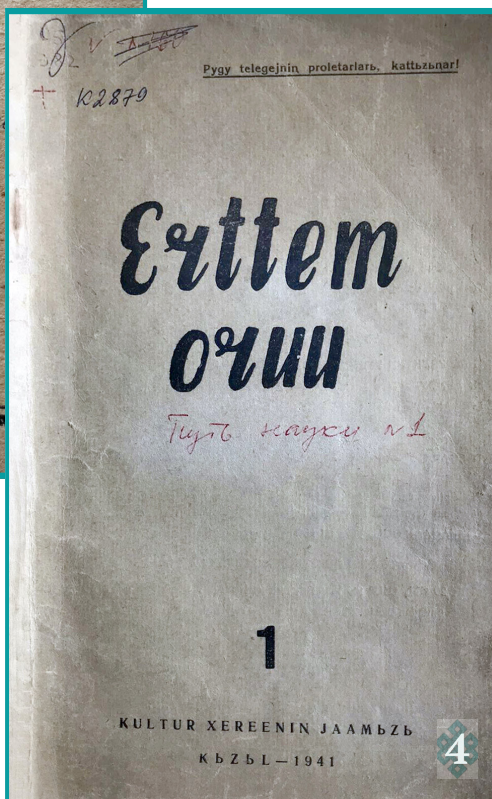

Фото 4. Обложка журнала «Эртем оруу» («Путь науки»), в 1 номере 1941 г. которого опубликован проект «Правил тувинской орфографии» на латинице. Хранится в книжном фонде НА ТИГПИ, инв. № 2879.

Photo 4. Cover of the “Ertem oruu” journal, No.1, 1941. A draft of the “Rules of Tuvan orthography” in Latin script was published in this issue. Book collection, NA TIGPI, No. 2879.

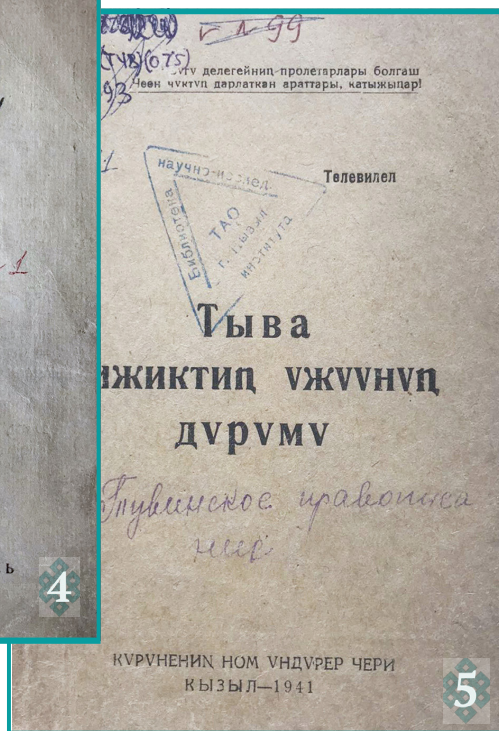

Фото 5. Обложка проекта «Правил тувинской орфографии» 1941 г. на кириллице. Хранится в книжном фонде НА ТИГПИ, инв. № 2681.

Photo 5. Cover of the draft “Rules of Tuvan orthography” in Cyrillic script, 1941. Book collection, NA TIGPI, No. 2681.

произносительной нормы губно-зубного щелевого звука [v], отражающемся на письме также буквой **в**, в современном тувинском языке этот губно-губной щелевой [β] постепенно утрачивается. Это можно заметить по результатам экспериментальных фонетических исследований: в инвентаре согласных фонем тувинского языка, который приводится А. Ч. Кунаа нет губно-зубного щелевого звука [v] (Кунаа, 1957: 51). Такого звука также нет в работе К. А. Бичелдея (Бичелдей, 2001: 93). Но в речи тувинцев в настоящее время нередко можно услышать губно-зубной [v] вместо губно-губного [β].

Таким образом, в период ТНР было опубликовано пять изданий «Правил тувинской орфографии». Каждое последующее улучшалось после устранения недочетов, которые были допущены в предыдущих, одновременно совершенствовалась и орфография в неразрывной связи с развитием образования, культуры в стране.

Основные принципы орфографии в период ТНР

Правила тувинской орфографии в период использования латинской письменности в основном опирались на фонетический принцип орфографии, предполагающий такое написание слов, при котором их буквенный состав максимально приближается к звуковому. Это ярко прослеживается в следующих правилах 1931, 1933, 1941 гг.:

— Буква **ј**, отражающая на письме назализованный йот, пишется в нескольких словах: *iji* — ‘два’, *ьjaş* — ‘дерево’, *ije* — ‘мать’, *turja* — ‘журавль’ (Тываың саа ..., 1931: 14);

— Длительные глухие в положении между двумя гласными или гласным и сонорным пишутся через удвоенную букву: *tuttum* — ‘я схватил; я построил’, *aattьq* — ‘конный’, *arattar* — ‘араты’, *ekki* — ‘хороший’, *тыкка* — ‘сильно’, *kesse* — ‘если резать, если косить’, *polvassьrat* — ‘усовершенствуй’, *aşşak* — ‘пожилой мужчина’, *Tаррът* — ‘мужское имя’ (Тываың саа..., 1931: 11; Тыва узыктың тырму ..., 1933: 7; Тыва узыктың ..., 1941: 9).

Очевидно, это правило предписывало отражение на письме сильных непридыхательных согласных в интервокальной и постконсонанто-медиальной позиции, имеющих в литературном тувинском языке, которые были экспериментально подтверждены позднее (Селютина, 2004: 63).

Двойной **с** пишется в середине слова между гласными в том случае, если слышится сильный глухой звук: *сессеk* — ‘цветок’, *ассат* — ‘мой папа’, *киссеel* — ‘урок’ (Тываың саа ..., 1931: 13; Тыва узыктың тырму..., 1933: 8; Тыва узыктың ..., 1941: 10).

В конце тувинских и заимствованных слов следует писать буквы не звонких, а лишь глухих согласных: *тыр* — ‘найди’, *хар* — ‘мешок’, *Leningrat*, *pis* — ‘мы’, ‘острие’, *kooperatif*, *Petrof* (Тываың саа ..., 1931: 10; Тыва узыктың тырму ..., 1933: 7; Тыва узыктың ..., 1941: 9).

Буква **п** пишется в следующем случае: в аффиксах, оканчивающихся на **п**, если за ним следует другой аффикс, начинающийся с **g**: *ооң уруоqlарыңга* (<*уруоq-lar-ып-га*) — ‘его детям’ (в этом случае он становится омографом слову *уруоqlарыңга* (<*уруоq-lar-ып-га*) — ‘твоим детям’), *кырыңга* (<*кырып-га*) — ‘сверху’ (в этом он становится омографом словам *кырыңга* (<*кырып-га*) — ‘на тебе’ или *кырыңга* (<*кырып-га*) — ‘на твоей лучевой кости’) (Тываың саа ..., 1931: 13–14; Тыва узыктың тырму ..., 1933: 9; Тыва узыктың ..., 1941: 10).

Другие правила, основанные на этимологическом принципе, были предусмотрены для правописания основ, оканчивающихся на **п**. Если к основе слова, оканчивающемся на буква **п**, присоединяется аффикс, начинающийся с **g**, следует писать, как и прежде, букву **п**: *хавааңга* — ‘его лбу’, *soluңга* — ‘в газете’, *хуңге* — ‘солнцу’ (Тываың саа ..., 1931: 13–14, Тыва узыктың тырму ..., 1933: 9, Тыва узыктың ..., 1941: 10).

Правило, предусматривающее отражение на письме специфической тувинской носовой согласной **ј**, было упразднено в третьем издании 1933 г. (Тыва узыктың тырму ..., 1933: 5).

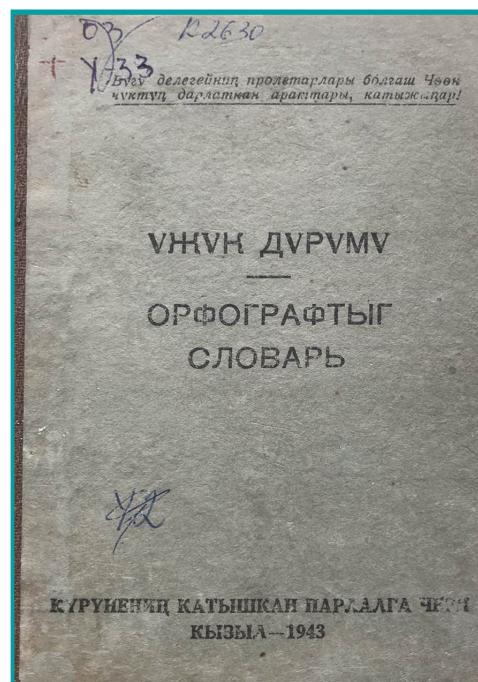

Фото 6. Обложка «Правил тувинской орфографии. Орфографического словаря» 1943 г. Хранится в книжном фонде НА ТИГПИ, инв. № 2630.

Photo 6. Cover of the “Rules of Tuvan orthography” from the Orthographic dictionary, 1943. Book collection, NA TIGPI, No.2630.

Правила, предусматривающие написание в середине слова удвоенных букв, отражающих глухие согласные; написание букв только глухих согласных в конце заимствований, замена **n** на **ñ** в конце аффиксов были исключены в 1943 г., когда тувинская письменность перешла на кириллицу (Үжүк дүрүмү, 1943: 5, 15, 16, 17).

В связи с этим нужно заметить, что на I Всесоюзном Тюркологическом съезде профессор Л. В. Щерба назвал фонетический принцип самым демократическим. Но в то же время профессор сделал вывод: «практически для турецких народов правильнее комбинация фонетического и этимологического принципов, комбинация в каждом отдельном случае своеобразная и разная. Общих правил дать нельзя. Вопрос практический, вопрос жизни, и жизнь должна подсказать правильное решение в каждом отдельном случае» (цит. по: Хусаинова, 2016: 55–56).

Колебания в выборе принципов орфографии на морфемных швах отражается и в другой норме, относящейся к правописанию **ɟ**: в правилах 1931 г. говорится, что **ɟ** пишется только конце слов: *ʒaɟ* — ‘время’, *suɟ* — ‘вода’, *taɟ* — ‘гора’, *revolustuɟ* — ‘революционный’. Та же буква сохраняется, если к основе присоединяется аффикс: *suɟda* — ‘в воде’, *taɟlar* — ‘горы’, *kaɟgan* — ‘оставил’ (Тываһың саа ..., 1931: 12). А в 1933 г. это же правило сохраняется, но появляется дополнение, касающееся изменения окончания основ на **k**, при присоединении аффиксов на гласный или сонорный: если к основе, не оканчивающейся на **ɟ**, присоединяется аффикс и слышится звук соответствующий букве **ɟ**, **ɟ** не пишется: *xeregleer* — ‘нуждаться’ (основа слова *xerek* — ‘нужный’), *azɟlaar* — ‘пользоваться’ (основа слова *azɟk* — ‘польза’) (Тыва узыктың тырму..., 1933: 8).

Это дополнение было основано на этимологическом принципе, учитывающем происхождение слова. В дальнейшем, в 1941 г. это правило отменяется: **ɟ** пишется в конце основы слова, а также в конце аффиксов: *azɟlaar* — ‘пользоваться’, *xereɟleer* — ‘нуждаться’, *temdeɟleer* — ‘отмечать’ (Тыва ..., 1941: 9).

Подобное колебание было разрешено с принятием норм правописания на кириллице в 1941 г., в котором было сказано, что буква **г** заменяет две латинские буквы **g** и **ɟ** (Тыва ..., 1941: 3).

В конце периода существования тувинской латинизированной письменности в правилах начали появляться нормы, опирающиеся на морфологический принцип. Так, в «Правилах...» 1941 г. появляется пункт, касающийся правописания удвоенных согласных на стыке морфем: если к основе существительного на **n**, присоединяется аффикс, начинающийся с **n**, то пишется двойной **n**: *sap* (‘число’) — *sannɟ* (‘числа’), *sannaɟ* — ‘числа’ (Тыва ..., 1941: 13).

Параллельно с такими тенденциями с 1931 г. прослеживается введение унифицирующих правил, вводящих единое морфологическое написание окончаний и других форм, имеющих различные диалектные варианты. Еще в первом издании есть правила, касающиеся правописания аффикса множественного числа, аффиксов родительного и винительного падежей, аффикса принадлежности, некоторых глагольных аффиксов:

Если основа слова оканчивается на **l**, то падежный и числовой аффикс должен начинаться не с **n** и **l**, а с **d**: *mal* (‘скот’) — *maldɟ* (‘скотá’), *maldar* (‘скот’); *kyɟkyl* (‘рябчик’) — *kyɟkyldɟ* (‘рябчика’), *kyɟkylder* (‘рябчики’) (Тываһың саа ..., 1931: 19; Тыва узыктың тырму ..., 1933: 17; Тыва узыктың ..., 1941: 12).

Если слово в конечном слоге имеет губной гласный **o**, **u**, **ö** или **y**, то аффикс должен писаться не с **ь** или **i**, а с **u** или **y**: *xol* (‘рука’) — *xoldunɟ* (‘руки’), *put* (‘нога’) — *puttu* (‘ногу’), *nomcu* (‘читай’) — *nomcuzun* (‘пусть читает’) (Тываһың саа ..., 1931: 19; Тыва узыктың тырму ..., 1933: 17; Тыва узыктың ..., 1941: 12).

Данные правила, предусматривающие губную гармонию гласных, диссимиляцию на стыке морфем, действуют и в современном тувинском языке.

В отношении аффикса 2-го лица множественного числа существительных и аффиксов повелительного наклонения 1-го, 2-го лица, которые имеют диалектные варианты, в 1931, 1932, 1933 гг. специального правила не вводилось, но предусматривалось написание в форме **-ɟar** в пункте, касающемся употребления буквы **ɟ**: *malɟar* — ‘ваш скот’, *xureziɟer* — ‘боритесь’, *sajɟbradɟbɟɟar* — ‘давайте развивать’ (Тываһың саа ..., 1931: 13; Тыва узыктың тырму ..., 1933: 9). Отдельная норма появляется в 1941 г.: аффикс принадлежности 2-го лица множественного числа следует писать **-ɟar**, **-ɟer**, а не **-gar**, **-ger**: *aalɟar* — ‘ваш аал’ (не писать *aalɟar*), *өөɟer* — ‘ваша юрта’ (не писать *өөger*) (Тыва узыктың ..., 1941: 13).

Здесь можно увидеть, что работа по унификации различных произносительных вариантов велась с момента создания тувинской национальной письменности.

Основными принципами орфографии, которые определяли нормы правописания, были фонетический и этимологический, учитывался и морфологический принцип. Но в то же время, наблюдаются

колебания в выборе принципов орфографии на морфемных швах. Также прослеживается введение унифицирующих правил, предусматривающих единое морфологическое написание окончаний и других форм, имеющих различные диалектные варианты, что, вероятно, способствовало развитию литературного тувинского языка.

Нормы орфографии, определяющие правописание специфических особенностей звуковой системы тувинского языка

Тувинский язык в системах консонантизма и вокализма имеет особенные черты. Система согласных фонем тувинского языка характеризуется противопоставлением по степени напряженности на три группы: сильные, слабые и сверхслабые (Кунаа, 1957: 41). Оппозиция сильных и слабых в начале тувинских слов играет фонематическую (смыслоразличительную) роль.

В период использования латинской графики согласные звуки в начале тувинских слов на письме отражались следующим образом. В начале тувинских слов следует писать лишь буквы глухих звуков, а не звонких: *pilir* — 'знать', *тыва* — 'тувинский', *tbl* — 'язык', *tos* — 'девять', *surguul* — 'школа, учеба', *san* — 'счет', *şbn* — 'правда', *şil* — 'стекло', *kudumci* — 'улица', *kөvej* — 'много', *xem* — 'река', *хови* — 'степь', *cer* — 'земля', *сыл* — 'год' (Тываань саа ..., 1931: 9; Тыва узыктын тырумы ..., 1933: 6; Тыва узыктын ..., 1941: 10).

В правилах 1941 г. данная норма остается, но к ней появляется пояснение, которое указывает, что звуки **p** и **t** в тувинском языке имеют особенности: есть глухие звуки с придыханием в словах типа **par** — 'большого размера хищник, похожий на льва'; есть полувзвонкие звуки без придыхания в словах типа **par** — 'есть', **par cor** — 'уходит'. В данных словах буквы одни и те же, но звуки и значения разные. Значения омонимов устанавливаются из предложения.

Далее дополняется, что есть и другой способ различения непридыхательных согласных от придыхательных в начале слова, обозначая последние на письме с помощью апострофа: *par* ('есть') — *p'ar* ('тигр'), *tal* ('падать в обморок') — *t'al* ('ива') (Тыва узыктын ..., 1941: 10).

В связи с этим нужно отметить статью М. Лундупа, где он пишет, что, что в отношении правописания согласных [p] и [t] высказываются различные мнения (подчеркнем, что это было в конце 1930-х — начале 1940-х гг.). Для того, чтобы на письме обозначать различие сильные придыхательные [p] и [t], например в таких словах как *par* — 'тигр', от слабых [p] и [t], например в слове *par* — 'есть', нужно к буквам, обозначающим сильные [p] и [t] добавлять диакритические знаки или приписывать букву. Лундуп соглашается с тем, что такие мнения соответствуют научному знанию (Lyndyp, 1941: 21), но проект 1941 г. их не особо учитывает.

Наложение классификации, применяемой к консонантным системам с противопоставлением «глухой — звонкий», на консонантную систему, имеющую другую систему с оппозицией «сильный — слабый — сверхслабый», на наш взгляд, было не совсем удачно. Однако, в тот исторический период, в силу ряда причин был принят именно этот проект латинизированной письменности и вместе с ним и эти нормы правописания.

С другой стороны, разработчики правила, предписывающего в начале тувинских слов писать лишь буквы глухих звуков, правильно понимали структуру консонантной системы тувинского языка. Если сравнить согласные парные звуки русского языка, например **п-б**, которые в этом языке противопоставляются как «глухие — звонкие», и тувинские **п-б**, которые также используются для написания тувинских слов, но противопоставляются как «сильные — слабые» то, это разные по качеству звуки: тув. *par* ('тигр') — звук [p^h], который обозначен буквой **п** сильный, придыхательный губно-губной, смычный в русском языке нет такого звука; тув. *bar* ('есть') — звук [p], который обозначен буквой **б** слабый непридыхательный, губно-губной, смычный, похож на звук, который в отражается буквой **п** в русском слове *papa*, и этот звук действительно глухой. А похожий на (полу)звонкий русский [b] звук в тувинском языке произносится только в медиально-постконсонантной позиции внутри слова или на стыке морфем, например тув. *арбай* — 'ячмень', *элбек* — 'обильный'. В результате экспериментальных исследований по фонетике, исследователи называют их (полу)звонкие (Кунаа, 1957: 50; Бичелдей, 2001: 79–128; Кечил-оол, 2004: 26). Исследование А. Ч. Кунаа показало, что даже и это проявляется факультативно, он пишет, что в указанной позиции «слабые фонемы факультативно проявляются в глухих, звонких, частично глухих и частично звонких» (Кунаа, 1957: 50).

Норма, предписывающая в начале тувинских слов писать только буквы глухих согласных, отменена с ведением кириллического алфавита. Вначале она прописывается в проекте на кириллице 1941 г.

(*Тыва узыктың ...*, 1941: 2, 3, 5), а в 1943 г. утверждается в очередном издании «Правил ...»: в начале слова пишутся **п** и **т**, если произносятся придыхательные глухие звуки, а **б** или **д** пишутся, если произносятся непридыхательные полувзвонкие звуки: *нар* ('тигр') — *бар* ('есть'), *тус* ('отдельный') — *дус* ('соль') (*Үжүк дүрүмү*, 1943: 12, 14).

Разработанная в 1941 г. эта норма действует и по настоящее время (*Тыва орфографияның ...*, 2001: 9). В «Основах тувинской орфографии» указывается, что такое решение было обосновано тем, что этот способ написания ведет к наименьшему расхождению между тувинской и русской письменностью, что особенно важно для написания собственных имен (*Пальмбах, Арагачи*, 1963: 131). Наложение и не различение русских и тувинских орфографических и орфоэпических норм в настоящее время порождает новые проблемы в культуре речи тувинского языка: часто можно услышать звонкий сильный [b], как в русском слове *бублик*, вместо слабого непридыхательного смычного губно-губного [p] в начале тувинского имени *Буян*, которое должно произноситься как [p] в слове *пушка*. И таких примеров можно привести очень много.

Правила правописания **т-д**, **п-б** в начале тувинских слов и в настоящее время остаются одними из самых сложных в обучении тувинской орфографии (*Сувандии*, 2018: 142–145).

Своеобразием отличается также вокальная система тувинского языка, характеризующаяся наличием кратких, долгих и фарингализованных фонем. Фарингализованные гласные в современном тувинском языке на письме в основном не отображаются, так как существуют значительные расхождения между территориальными диалектами в отношении фарингализованных гласных (*Пальмбах, Арагачи*, 1963: 121). Есть только 9 слов, в которых принято условно обозначать фарингализованность гласных сочетанием гласной буквы и твердого знака (там же: 119; *Тыва орфографияның ...*, 2001: 11, 12).

В период ТНР гласные звуки тувинского языка на письме отражались по-разному. В правилах 1931 по 1933 гг. для трех разных фонематических групп гласных, кратких-долгих-фарингализованных, применялось следующее правило: краткие гласные пишутся одной буквой, а долгие — двумя: *al* 'возьми' — *aal* ('аал', 'стоянка'); *arʁɨ* 'чистый' — *aarʁɨ* 'болезнь', *cas* 'весна' — *caas* 'дождь'; *kat* 'ягода' — *kaat* 'слой'; *ol* 'тот' — *ool* 'мальчик'; *ot* 'огонь' — *oot* 'трава'; *yt* 'пусти' — *yyt* 'собака'; *et* 'вещь' — *eet* 'мясо' (*Тываң саа ...*, 1931: 15, 16; *Тыва узыктың тыгуму ...*, 1933: 14, 15).

Фарингализованные гласные в то время отражались также как долгие — двумя буквами. Вопросам отображения на письме фарингализованных гласных посвящено исследование К. А. Бичелдея. Он пишет, что наличие в тувинском языке фарингализованных гласных как особой фонематической группы впервые отметил известный тувинский писатель О. К. Саган-оол в 1937 г. и начал их отражать в своих публикациях (*Бичелдей*, 2001: 56).

В 1941 г. правила правописания гласных изменились — в них появился пункт, относящийся к правописанию фарингализованных гласных, где они указаны как гортанные:

— Краткие гласные пишутся одной буквой, долгие гласные — двумя: *al* ('возьми') — *aal* ('аал', 'стоянка'); *arʁɨ* ('чистый') — *aarʁɨ* ('болезнь'), *ol* ('тот') — *ool* ('мальчик'); *sok* ('нет') — *sook* ('близкий');

— Гортанные полудолгие гласные в односложных словах пишутся двумя буквами, а в случае прибавления к этим словам аффиксов — одной буквой: *keɟ* ('кожа') — *keɟter* ('шкура'), *kuuɟ* ('птица') — *sug kizu* ('водяная птица'); *kʰɟɟ* ('зима') — *kʰɟɟn* ('зимой');

— Исключение: в 4 словах во всех случаях гортанные полудолгие гласные следует отражать двумя буквами: *paas* ('голова') — *ooŋ paasɟ* ('его голова'), *aat* ('лошадь') — *teeŋ aadɟm* ('моя лошадь'), *eet* ('мясо') — *hoj eedi* ('баранина'), *oot* ('трава') — *хови oodu* ('степная трава');

Также имеется следующее дополнение: в словах *kadɟk* — 'каша', *ceder* — 'достигать', *kadar* — 'присоединять', *algɟ* — 'кожа' в некоторых случаях гортанные гласные для различения следует писать с апострофом: *ka'dɟk*, *ce'der*, *ka'dar*, *a'lgɟ* (*Тыва узыктың ...*, 1941: 10, 11).

Примечательно то, что эти правила обнародованы в одном издании с результатами исследования Лопсана «Тыва тыдһа азык уннериниң тугајында җинчиле!» («Исследование о гласных звуках тувинского языка») (*Lopsan*, 1941: 22–26).

Нормы, касающиеся отображения фарингализованных гласных, были изменены в 1941 г. в «Правилах...» на кириллице, а в 1943 г. приняты:

— Гортанные гласные в односложных словах выражаются одной буквой и с **ъ** или **ь** после нее. Твердые гласные пишутся с **ъ**: *аът*, *оът*. Мягкие гласные пишутся с **ь**: *эът*, *чүьк*;

— В словах *аът* — ‘лошадь’, *оът* — ‘трава’, *эът* — ‘мясо’, *каът* — ‘слой’ **ъ** и **ь** пишутся во всех непроеводных формах и проиеводных от них словах;

— В словах *чаъс* — ‘дождь’, *чуък* — ‘груз’, *чөъп* — ‘гуща’, *дуъш* — ‘полдень’, *быът* — ‘вошь’ в непроеводных формах **ъ** и **ь** пишутся, а в проиеводных от них словах — нет;

— В других словах, где слышатся гортанные гласные звуки, **ъ** и **ь** не пишутся.

Эти правила имеют дополнения: значения слов типа *кадык* — ‘каша’ и *кадык* — ‘здоровый’ нужно узнать из контекста. Но в некоторых случаях, если из контекста невозможно понять значение, то нужно воспользоваться знаками **ъ** и **ь**: *каъдык* — ‘пища’, *кадык* — ‘здоровый’ и т. п. (Тыва узыктуң ..., 1941: 7, 8; Ужук дүрүмү, 1943: 18–19).

Правила 1943 г. о правописании фарингализованных гласных были изменены на действующие в 1961 г. решением Тувинского облисполкома в 1961 г. (Пальмбах, Арагачи, 1963: 106, примечания). Эти правила до сих пор остаются одними из самых сложных в обучении тувинской орфографии (Сувандии, 2018: 142–145).

Заклучение

Таким образом, в период ТНР было опубликовано пять изданий «Правил тувинской орфографии», каждое последующее улучшалось, учитывая недочеты, которые были допущены в предыдущих; одновременно совершенствовалась и орфография в неразрывной связи с развитием образования, культуры в стране. Основными принципами орфографии, которые определяли нормы правописания, были фонетический и этимологический принципы, учитывался и морфологический принцип. Но в то же время, наблюдаются колебания в выборе принципов орфографии на морфемных швах. Также прослеживается введение унифицирующих правил, предусматривающих единое морфологическое написание окончаний и других форм, имеющих различные диалектные варианты. Эти правила оказали положительное влияние на формирование литературного тувинского языка.

Правила правописания фарингализованных гласных, сильных и слабых **т-д**, **п-б** в начале тувинских слов с самого возникновения тувинской орфографии были сложными для разработки. Но основное понимание специфики этих звуков было достигнуто еще в период ТНР. Положенные в основу тувинской орфографии принципы, такие как фонетический, морфологический, этимологический, являются приоритетными и для правил правописания современного тувинского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бичелдей, К. А. (1997) Латинизированный и русифицированный алфавиты тувинского языка к проблеме совершенствования тувинской графики и орфографии // А. А. Пальмбах — ученый, писатель, просветитель: тез. докл. науч.-практич. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения (1 окт. 1997 г.) / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл : ИПК «Эне созу». 24 с. С. 4–12.

Бичелдей, К. А. (2001) Звуковой строй диалектов тувинского языка. М. : Изд-во РУДН. 156 с.

Бичелдей, К. А. (2005) Проблемы совершенствования графики и орфографии современного тувинского языка // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы / отв. ред. А. А. Чернова. Кызыл : КЦО «Аньяк». 134 с. С. 20–28.

Кечил-оол, С. В. (2004) Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в система говоров и диалектов тувинского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск. 30 с.

Кунаа, А. Ч. (1957) Звуковая система современного тувинского языка. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 56 с.

Монгуш, Б. Д. (1999) Тыва араттың үндезин сөзүнүң үжүү // Башкы. № 4. Ар. 83. (На тув. яз.)

Монгуш, Б. Д. (2000) Решения партии и правительства Тувинской Народной Республики (ТНР) по народному образованию и о создании тувинской письменности в 1921–1930 годы // Письменность: становление и развитие науки в Туве (Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности) / редкол.: Д. И. Чыдым, Т. С. Саая, Т. А. Бондаренко, Т. Д. Монгуш. Кызыл : ГУП «Тываполиграф». 124 с. С. 55–58.

Монгуш, Д. А. (1967) Развитие тувинского языка в советскую эпоху // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XII. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 276 с. С. 96–107.

Монгуш, Д. А. (1972) Тувинский алфавит и его совершенствование // Вопросы совершенствования алфавитов тюркских языков СССР / отв. ред. Н. А. Баскаков. М. : Наука. 239 с. С. 140–148.

Монгуш, Д. А. (2009) Сорок лет тувинской письменности // Тувинский язык и письменность / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл : Тываполиграф. 248 с. С. 57–67.

Монгуш, М. В. (2000) «Белые пятна» в истории тувинской письменности // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 70-летию тувинской письменности / редколл.: Б. И. Татаринцев, М. Б. Мартан-оол. Кызыл : Изд-во ТывГУ. 72 с. С. 18–19.

Пальмбаха, А. А., Арагачи, З. Б. (1963) Основы тувинской орфографии. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 186 с.

Сат, Ш. Ч. (1955) Двадцать пять лет тувинской национальной письменности // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. III. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 151 с. С. 3–11.

Селютина, И. Я. (2004) Фонологические системы языков народов Сибири. Новосибирск : НГУ. 100 с.

Серээдар, Н. Ч. (2010) Научная и общественная деятельность К. А. Бичелдея (К шестидесятилетию со дня рождения) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. С. 120–131. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/567> (дата обращения: 05.06.2020).

Сувандии, Н. Д., Куулар, Е. М. (2018) Некоторые сложные вопросы методики обучения тувинскому языку как неродному // Новые исследования Тувы. № 1. С. 20–31. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.1.2>

Сувандии, Н. Д. (2018) Трудные вопросы обучения орфографии в средних классах образовательных учреждений (из опыта работы Аграрного лицея Республики Тыва) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 26. С. 142–145.

Татаринцев, Б. И. (1990) К вопросу о так называемом «заимствовании» // Улуг-Хем. № 26. С. 160–166.

Татаринцев, Б. И. (1997) Н. Н. Поппе и его роль в создании тувинской национальной письменности // А. А. Пальмбаха — ученый, писатель, просветитель: к 100-летию со дня рождения / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл : ИПК «Эне созу». 24 с. С. 3–4.

Татаринцев, Б. И. (2005а) 75-летие создания тувинской национальной письменности // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы / отв. ред. А. А. Чернова. Кызыл: Тип. КЦО «Аныяк». 134 с. С. 17–20.

Татаринцев, Б. И. (2005b) Еще раз о «белых пятнах» в истории создания тувинской письменности // Ученые записки ТИГИ. Вып. XX. / отв. ред. В. Д. Март-оол. Кызыл : Типография Госкомитета РТ по печати и информации. 420 с. С. 288–301.

Хусаинова, Л. М. (2016) Из истории становления и развития башкирской орфографии // Вестник Оренбургского государственного университета. № 3. С. 54–58.

Lopsan, (1941) Тыва тывды азык уннеринин тугајында җинчиле [Исследование о гласных звуках тувинского языка] // Ertem oruu № 1. Ar. 22–26. (На тув. яз.)

Lyndyr, M. (1941) Тыва узыктың тырумунун саа төлевилелин тугаји [О новом проекте тувинской орфографии] // Ertem oruu. № 1, Кзыл. 36 ар. Ar.19–21. (На тув. яз.)

Тыва узыктың полгаҗ пизик темдектеринин тыруму (төлевиле) (1941) // Ertem oruu. № 1. Ar. 9–18. (На тув. яз.)

Тыва узыктың тыруму (1932). Кызыл: Тыва кыр. ном согаадыр чери. 16 ар. (На тув. яз.)

Тыва узыктың тыруму (1933). Кызыл: Тыва кыр. ном согаадыр чери. 22 ар. (На тув. яз.)

Тываның саа узуунун тыруму (1931). Кызыл: Тыва улустун ном согаадыр чери. 22 ар. (На тув. яз.)

Тыва бижиктиң үжүүнүн дүрүмү (1941). Кызыл: Күрүнениң ном үндүрер чери. 24 ар. (На тув. яз.)

Тыва орфографияның болгаш пунктуацияның дүрүмнери (2001) / отв. ред. Д. А. Монгуш. Кызыл: Республика типографиязы. 63 ар. (На тув. яз.)

Үжүк дүрүмү (1943) // Үжүк дүрүмү. Орфографтыг словарь / сост. К. Белек-Байыр, П. Калиничева, С. Шыырап. Кызыл: Күрүнениң каттышкан парлалга чери. 142 с. Ар. 9–41. (На тув. яз.)

Дата поступления: 13.06.2020 г.

REFERENCES

Bicheldei, K. A. (1997) Latinizirovannyi i rusifitsirovannyi alfavituvinskogo iazyka: k probleme sovershenstvovaniia tuvinskoi grafiki i orfografii [Latinized and Russified Alphabets of Tuvan Language: on the problem of improving Tuvan graphics and spelling]. In: A. A. Pal'mbakh – uchenyi, pisatel', prosvetitel' [A. A. Pal'mbakh is a scientist, writer, and educator]: abstracts of the conference dedicated to the 100th anniversary of his birth (01.10. 1997) / ed. by Ch. M. Dorzhu. Kyzyl, IPK «Jene sozu». 24 p. Pp. 4–12. (In Russ.)

Bicheldei, K. A. (2001) *Zvukovoi stroi dialektov tuvinskogo iazyka* [The sound system of Tuvan dialects]. Moscow, RUDN Publ. 156 p. (In Russ.)

Bicheldei, K. A. (2005) Problemy sovershenstvovaniia grafiki i orfografii sovremennogo tuvinskogo iazyka [Problems of improving the graphics and spelling of the modern Tuvan language]. In: *Gumanitarnaia nauka Tuvy na styke vekov: istoriia, problemy i perspektivy* [Humanities of Tuva at the turn of the century: history, problems and prospects] / ed. by. A. A. Chernova. Kyzyl, SCB "Aniak". 134 p. Pp. 20–28. (In Russ.)

Kechil-ool, S. V. (2004) *Tipologicheskaiia spetsifika konsonantizma sut-khol'skogo govora v sistema govorov i dialektov tuvinskogo iazyka* [Typological specificity of consonantism of the Sut-Khol dialect in the system of Tuvan dialects]: Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Novosibirsk. 30 p. (In Russ.)

Kunaa, A. Ch. (1957) *Zvukovaia sistema sovremennogo tuvinskogo iazyka* [The sound system of the modern Tuvan language]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 53 p. (In Russ.)

Mongush, B. D. (1999) Tyva arattyng ündeziin sözüning üzhüü [Writing of the Tuvan language]. *Bashky*, no. 4, p. 83. (In Tuv.)

Mongush, B. D. (2000) Resheniia partii i pravitel'stva Tuvinskoii Narodnoi Respubliki (TNR) po narodnomu obrazovaniiu i o sozdaniii tuvinskoii pis'mennosti v 1921–1930 gody [Resolutions of the party and government of the Tuvan People's Republic (TPR) on public education and on the creation of the Tuvan writing in 1921–1930]. In: *Pis'mennost': stanovlenie i razvitie nauki v Tuve* [Writing: Rise and development of science in Tuva]. Proceedings of the International conference] / editorial board: D. I. Chydym, T. S. Saaya, T. A. Bondarenko and T. D. Mongush. Kyzyl, TsGA. 124 p. Pp. 55–58. In Russ.)

Mongush, D. A. (1967) Razvitie tuvinskogo iazyka v sovetskuiu epokhu [The development of the Tuvan language in the Soviet era]. In: *UZ TNIIIaLI*, vol. XII. Kyzyl, Tuvan book publisher. 276 p. Pp. 96–107. (In Russ.)

Mongush, D. A. (1972) Tuvinskii alfavit i ego sovershenstvovanie [Tuvan alphabet and its improvement]. In: *Voprosy sovershenstvovaniia alfavitov tiurkskikh iazykov SSSR* [Issues of improving the alphabets of the Turkic languages of the USSR] / ed. by. N. A. Baskakov. Moscow, Nauka. 239 p. Pp. 140–148. (In Russ.)

Mongush, D. A. (2009) Sorok let tuvinskoii pis'mennosti [Forty years of Tuvan writing]. In: *Tuvinskii iazyk i pis'mennost'* [Tuvan language and writing system] / ed. by. K. A. Bicheldej. Kyzyl, Tyvapoligraf Publ. 248 p. Pp. 57–67. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2000) «Belye piatna» v istorii tuvinskoii pis'mennosti [«White Spots» in the History of Tuvan Writing]. In: *Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu tuvinskoii pis'mennosti* [Abstracts of papers presented at the conference dedicated to the 70th anniversary of Tuvan writing] / editorial board: B. I. Tatarincev and M. B. Martan-ool. Kyzyl, TuvSU Publ. 72 p. Pp. 18–19. (In Russ.)

Pal'mbakh, A. A. and Aragachi, Z. B. (1963) *Osnovy tuvinskoii orfografii* [Basics of Tuvan orthography]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 186 p. (In Russ.)

Sat, Sh. Ch. (1955) Dvadtsat' piat' let tuvinskoii natsional'noi pis'mennosti [Twenty-Five Years of Tuvan National Writing]. In: *UZ TNIIIaLI*, vol. III. Kyzyl, Tuvan book publisher. 151 p. Pp. 3–11. (In Russ.)

Seliutina, I. Ya. (2004) *Fonologicheskie sistemy iazykov narodov Sibiri* [Phonological systems of languages of the peoples of Siberia]. Novosibirsk, NGU. 100 p. (In Russ.)

Sereedar, N. Ch. (2010) Nauchnaia i obshchestvennaia deiatel'nost' K.A. Bicheldeia [Research and public work of K. A. Bicheldej: in celebration of his sixtieth anniversary]. *New Research of Tuva*, no. 1 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/567> (access date: 05.06.2020). (In Russ.)

Suvandii, N. D. and Kuular, E. M. (2018) Nekotorye slozhnye voprosy metodiki obucheniia tuvinskomu iazyku kak nerodnomu [Some complex issues of teaching the Tuvan language as non-native]. *The New Research of Tuva*, no. 1, pp. 20–31. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.1.2>

Suvandii, N. D. (2018) Trudnye voprosy obucheniia orfografii v srednikh klassakh obrazovatel'nykh uchrezhdenii iz opyta raboty Agrarnogo litseia Respubliki Tyva [Complex issues of teaching spelling in middle classes of educational institutions: the case of the Agrarian Lyceum of the Republic of Tyva]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, no 26. pp. 142–145. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (1990) K voprosu o tak nazyvaemom «zaimstvovanii» [On the so-called «borrowing»]. *Ulug-Khem*, no. 26. pp. 160–166. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (1997) N. N. Poppe i ego rol' v sozdaniii tuvinskoii natsional'noi pis'mennosti [N. N. Poppe and his role in creating Tuvan national writing]. In: *A. A. Pal'mbakh — uchenyi, pisatel', prosvetitel': k 100-letiiu so dnia rozhdeniia* [A. A. Palmbach is a scientist, writer, and educator] / ed. by. Ch. M. Dorzhu. Kyzyl, IPK «Jene sozu». 24 p. Pp. 3–4. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2005) 75-letie sozdaniia tuvinskoii natsional'noi pis'mennosti [75th anniversary of the creation of Tuvan national writing]. In: *Gumanitarnaia nauka Tuvy na styke vekov: istoriia, problemy i perspektivy* [Humanities of Tuva at the turn of the century: history, problems and prospects] / ed. by. A. A. Chernova. Kyzyl, Tip. KCO «Anyjak». 134 p. Pp. 17–20. (In Russ.)

Tatarintsev, B. I. (2005) Eshche raz o «belykh piatnakh» v istorii sozdaniia tuvinskoi pis'mennosti [Once again on the «white spots» in the history of the creation of the Tuvan script]. In: *UZ TIGI*, vol. XX. Kyzyl, Tipografia Goskomiteta RT po pechati i informacii. 420 p. Pp. 288–301. (In Russ.)

Khusainova, L. M. (2016) Iz istorii stanovleniia i razvitiia bashkirskoi orfografii [Of the history and development of Bashkir spelling]. *Vestnik of the Orenburg state University*, no 3. pp. 54–58. (In Russ.)

Lopsan, (1941) Tyva tyldyng azhyk ünnerining tugaiynda shinchilel [Study on the vowels of the Tuvan language]. *Ertem oruu*, no. 1, pp. 22–26. (In Tuv.)

Lyndyp, M. (1941) Tyva üzhüktüng türümünüing chaa tölevilelining tugai' [On the new Tuvan spelling project]. *Ertem oruu*, no. 1, pp. 19–21. (In Tuv.)

Tyva üzhüktüng polgash pizhik temdekterining türümü (tölevilel) [The rules of the Tuvan orthography and punctuation] (1941). *Ertem oruu*, no. 1, pp. 9–18. (In Tuv.)

Tyva üzhüktüng türümü [Tuvan orthography] (1932). Kyzyl, Tyva kür. nom chogaadyr cheri. 16 p. (In Tuv.)

Tyva üzhüktüng türümü [Tuvan orthography] (1933). Kyzyl, Tyva kür. nom chogaadyr cheri. 22 p. (In Tuv.)

Tyvanyñ chaa üzhüünüing tyrymy [The rules of the new alphabet of Tuva] (1931). Kyzyl, Tyva ulustung nom chogaadyr cheri. 22 p. (In Tuv.)

Tyva pizhikting üzhüünüing dürümü [Tuvan orthography] (1941). Kyzyl, Tyva kür. nom chogaadyr cheri. 24 p. (In Tuv.)

Tyva orfografiyaning bolgash punktuatsiianyng dürümneri [Tuvan orthography and punctuation rules] (2001) / ed. by D. A. Mongush. Kyzyl, Respublika tipografijazy. 63 p. (In Tuv.)

Üzhük dürümü [Orthography] (1943). In *Üzhük dürümü. Orfografyag slovar' [Orthography. Orthographic dictionary]* / comp. by K. Belek-Bajyr, P. Kalinicheva and S. Shyyrap. Kyzyl, State United printing house. 141 p. Pp. 9–41. (In Tuv.)

Submission date: 13.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.11

Тувинская литература периода Тувинской Народной Республики: рождение поэтики художественной модальности

Уран А. Донгак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируется история зарождения тувинской национальной литературы в период Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.). Новизна работы заключается в обнаружении процесса перехода от традиционализма (фольклорного сознания) к индивидуально-авторскому творчеству в основных категориях исторической поэтики — Жанр, Автор, Стиль. В контексте «большого» исторического времени выделяется поэтика художественной модальности на начальном этапе становления литературного сознания.

В одном из первых литературных изданий тувинской литературы «Сьѣндь согаалдар» («Избранные произведения») 1939 г. выделяются тексты разного структурного характера: произведения в канонической форме народной песни, коллективно сочиненные новые песни революционного содержания (аратские песни) и произведения собственно авторские, а также лозунговые стихотворения-призывы. Показано, что тувинская литература в 1930-е гг. еще использует традиционалистскую поэтику, но поэтика художественной модальности уже актуализируется.

Ключевые слова: Тыва; Тувинская Народная Республика; история Тувы; тувинская литература; тувинский язык; тувинская поэзия; историческая поэтика; традиционалистская поэтика; поэтика художественной модальности; аратская песня; лозунговое стихотворение; шүлүк

Для цитирования:

Донгак У. А. Тувинская литература периода Тувинской Народной Республики: рождение поэтики художественной модальности // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 151–165. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.11

Донгак Уран Алдын-ооловна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник группы литературоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 3-39-36, +7 (913) 348-16-12. Эл. адрес: uranda@yandex.ru

DONGAK, Uran Aldyn-oolovna, Candidate of Philology, Leading Researcher, Group of literary criticism, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 3-39-36, +7 (913) 348-16-12. E-mail: uranda@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-6480-2158

Tuvan literature under the Tuvan People's Republic: The birth of the poetics of artistic modality

Uran A. Dongak

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article analyses the history of the origin of Tuvan national literature during the period of the Tuvan People's Republic (1921–1944). We have traced the process of transition from traditionalism (folklore consciousness) to individual author's creativity in the main categories of historical poetics, which are that of genre, author and style. The article also identifies the poetics of artistic modality as the initial stage of the literary consciousness in the context of historical time.

One of the first Tuvan literary publications "Съёндъ чогаалдар" ("Selected works") contains diversely constructed texts, such as pieces of folk songs in canonical form, collective songs of revolutionary content (arats' songs) and works which had specific individual authors, as well as slogan poems. Tuvan literature of the 1930s still uses traditional poetics, but the poetics of artistic modality is already being actualized.

Keywords: Tuva; Tuvan People's Republic; Tuvan history; Tuvan literature; Tuvan language; Tuvan poetry; historical poetics; traditional poetics; poetics of artistic modality; arats' song; slogan poem; shuluk

For citation:

Dongak U. A. Tuvinskaia literatura perioda Tuvinskoj Narodnoj Respubliki: rozhdenie poetiki khudozhestvennoi modal'nosti [Tuvan literature under the Tuvan People's Republic: The birth of the poetics of artistic modality]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 151–165. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.11

Введение

Рождение феномена литературного творчества в 1920–1940-е годы в Туве — одно из ярчайших свидетельств эпохальных изменений, произошедших в тувинском обществе в годы Тувинской Народной Республики (далее — ТНР). Проблема нашего исследования — процесс зарождения тувинской национальной литературы в период ТНР (1921–1944 гг.).

Актуальность исследования тувинской литературы на начальном этапе ее становления с позиций исторической поэтики, согласно которой в начале XX века в литературах Востока выделяется переходный период от традиционалистской (эйдетической)¹ эпохи к новой эпохе художественной модальности (индивидуально-творческой), заключается в анализе поэтики тувинской литературы, в изучении эволюции ее поэтических средств, в определении места тувинской литературы в контексте литературного развития.

Цель статьи — на примере одного из первых литературных изданий тувинской литературы «Съёндъ чогаалдар» («Чыынды чогаалдар» — «Избранные произведения») 1939 г., объединившего стихотворные произведения первых тувинских писателей (Научный архив Тувинского института гуманитар-

¹ В исторической поэтике в настоящее время не выработана единая терминология относительно названий литературных эпох. Исследователи предлагают ряд названий литературных эпох и соответственно их поэтик, согласно того понимания, какое вкладывает каждый ученый в их дефиницию: 1) поэтика синкретизма (А. Н. Веселовский, С. С. Бройтман и др.), эстетика тождества (Ю. М. Лотман), фольклор, архаическая, мифопоэтическая, дорефлективного традиционализма; 2) также эстетика тождества (Ю. М. Лотман), поэтика синкретизма (А. Н. Веселовский), поэтика рефлексивного традиционализма, традиционалистская, нормативная, риторическая, эйдетическая (С. С. Бройтман), эпоха поэзии; 3) эстетика противопоставления (Ю. М. Лотман), поэтика личного творчества (А. Н. Веселовский), рефлексивная поэтика, индивидуально-творческая, неканоническая, нетрадиционалистская, эпоха прозы, поэтика автора (С. С. Аверинцев и др.), поэтика художественной модальности (С. С. Бройтман и др.) (Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004: 12–13).

ных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва — далее НА ТИГПИ, кф2457, 158а), показать условия зарождения тувинской литературы в период ТНР, отражающие процесс перехода тувинской художественной культуры от традиционалистской поэтики — к новой, в силу основных ее характеристик определяемой некоторыми исследователями как индивидуально-творческая или поэтика художественной модальности.

В достижении поставленной цели актуально решение следующих задач: показать, какими характеристиками обладали первые художественные произведения на тувинском языке и чем они качественно отличались от фольклорных произведений; проследить процесс перехода от традиционализма (фольклорного сознания) к индивидуально-авторскому творчеству в основных категориях исторической поэтики: Жанр, Автор, Стиль.

Теоретико-методологической базой в изучении данного вопроса являются исследования по истории русской литературы XX века Л. П. Кременцова, С. И. Кормилова, М. О. Чудаковой и др. (Кременцов, 2016; История русской ... , 1998; Чудакова, 2002), по художественным особенностям метода социалистического реализма в русской и советской многонациональной литературе Е. А. Добренко, М. А. Литовская и др. (Добренко, 2007; Литовская, 2008), а также исследования по истории тувинской литературы Д. С. Куулар, А. К. Калзан, З. Б. Самдан и других (Куулар, 1970; Калзан, 1958; Самдан, 1987) и труды известных отечественных литературоведов С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, С. Н. Бройтмана и других по исторической поэтике (Аверинцев и др., 1994; Бахтин, 1986; Бройтман, 2004).

В тувиноведении начальный период тувинской литературы изучался А. К. Калзаном — вопросы драматургии (Калзан, 1958), Д. С. Кууларом — становление поэзии (Куулар, 1970). Выходили коллективные монографии по истории тувинской литературы 1975 г. и 2013 г. (Тыва ... , 1975; История ... , 2013). Исследователи собрали богатые фактографические данные и анализировали поэтику первых литературных произведений тувинских авторов (НА ТИГПИ, рф, д. 327, л. 40–59).

Несмотря на имеющиеся исследования, в тувинском литературоведении не решалась проблема становления тувинской литературы с позиций исторической поэтики, в частности смены традиционалистской поэтики на поэтику художественной модальности. Это определяет новизну данного исследования. Мы выделим в контексте «большого» исторического времени поэтику художественной модальности на начальном этапе становления литературного сознания в тувинской культуре. Не различение фольклорного и литературного художественного сознания при анализе литературы в период ее зарождения и становления приводило многих исследователей к весьма размытым выводам о характеристиках, слабо различающим поэтику произведений начального периода и, следовательно, личный авторский почин первых тувинских литераторов в создании художественных произведений.

Источниковой базой исследования выступили произведения тувинских авторов указанного периода: С. А. Сарыг-оола, С. Б. Пюрбю, А. Ч. Тамба-Сюрюна, М. Ы. Идам-Сюрюна, С. К. Самба-Люддупа и др.

Изучение особенностей поэтики тувинской литературы 1930-х гг.

Изучение условий создания тувинской национальной литературы, как результата длительного процесса эволюции изобразительно-выразительных средств, как части культуры, духовной жизни народа, является важным в определении поэтических средств, какие были задействованы в создании художественных произведений данного периода.

Особенности поэтики художественных произведений 1930-х гг. выделяют исследователи истории тувинской литературы: Д. С. Куулар, А. К. Калзан, З. Б. Самдан, Л. С. Мижит.

Так, при анализе первых произведений тувинских авторов Д. С. Куулар обращает внимание на такие, на наш взгляд, разноструктурные характеристики художественного творчества, как: с одной стороны, простое перечисление, каноны народной песни, повествование в замедленном сказочном ритме, ораторские приемы; с другой — публицистичность, выразительность языка, двустрочные строфы в форме призыва-лозунга, нарушение песенного стихотворного размера, декламационная интонация, новые ритмы, метафоризация, нотки чистой лирики, новые жанры и другие (Куулар, 1970: 19–44).

А. К. Калзан, обращаясь к вопросу о роли тувинской художественной литературы в формировании и развитии национального литературного языка, отмечает, что в 1920–1930-е гг. рождение новых литературных жанров происходило под сильным влиянием фольклора, писатели «непосредственно копируют формы» устного народного творчества, и, первую очередь, это касалось, конечно, поэтики народных песен (НА ТИГПИ, рф., д. 2106, л. 3).

В монографическом исследовании З. Б. Самдан «От фольклора к литературе: на материале тувинской прозы 40–70-х годов» (Самдан, 1987) для нас важно понимание двух моментов в изучении истории тувинской литературы: 1) понимание изменения поэтики художественной литературы как эволюционного процесса; 2) возможность сосуществования фольклорного и литературного типов сознания в переходную эпоху (там же: 4–5).

О сильном фольклорном влиянии, риторике и нововведениях в поэтике первых стихотворных произведений тувинских поэтов также пишет Л. С. Мижит (Мижит, 2013: 152–171). Выделяя фольклорное начало как доминирующее в поэзии анализируемого периода, исследователи, тем не менее, констатируют факт зарождения новых поэтических жанров в тувинской поэзии: поэзия для детей, сатирические стихи, стихи-отклики, баллада, поэма, лирические стихи (Куулар, 1970: 35, 37; Мижит, 2013: 162, 184).

Литературные тексты тувинских авторов названного исторического периода с позиций исторической поэтики еще не были предметом исследования. Данный подход, предполагающий изучение эволюции художественно-изобразительных средств в контексте смены литературных эпох, был использован нами ранее при анализе произведений архаической поэтики (мифопоэтической); современного периода истории тувинской литературы: советского и постсоветского, а также переходного периода от фольклора к литературе. В частности, характеризуя поэтику переходного периода, сообщается о феномене коллективного авторства, как проявления архаического и традиционалистского художественного сознания; о регламентированности тувинской поэзии на начальном этапе ее становления; ее жанровой приуроченности, а также о том, что в переходный период от фольклора к литературе категория авторства уверенно закрепляется в художественном сознании эпохи, а жанровые разграничения неопределенны и изменяемы (от беллетризованных воспоминаний и автобиографических рассказов к новеллам, повести и роману) (Донгак, 2012ab, 2010). Эти публикации требуют развития в разработке данной проблематики, уточнения некоторых формулировок и конкретного анализа текстов с целью выявления собственно литературной парадигмы этого культурного феномена.

Зарождение тувинской литературы

История тувинской литературы начинается с 1920-х гг., и начало это непосредственно связано с таким судьбоносным историческим событием в жизни народа, как создание в 1921 г. в Центре Азии государства — Тувинской Народной Республики. Одним из первых шагов культурного развития в годы ТНР явился выпуск газет и журналов на русском (газета «Красный пахарь», 1924 г.), старомонгольском письменном (с 1925 г.) и тувинском языках (газета «Шын», 1930 г.) (Танова, 1979; Маадыр, Седип-оол, 2020). Создание национальной письменности в 1930 г. было непосредственно связано, в свою очередь, с массовым сочинительством, коллективным творчеством в разных видах литературы, активной переводческой деятельностью; изданием газет, журналов, книг (Маадыр, 2011).

В 1926–1927 гг. были напечатаны первые авторские сочинения тувинцев. Они были созданы на монгольском языке тувинской молодежью, владеющей монгольской грамотой и входившей в члены Тувинской Народно-Революционной Партии (ТНРП) и Тувинского Революционного Союза молодежи (Тувревсомол). В периодических изданиях партийно-правительственных органов, печатавшихся на старомонгольском письменном языке, были опубликованы первые стихотворения тех лет. Истории тувинской литературы известны два имени авторов первых оригинальных сочинений тувинской литературы, опубликованных на старописьменном монгольском языке в 1927–1929 гг. Это: партийный работник — генеральный секретарь ЦК ТНРП Монгуш Содунам, владевший старомонгольским письмом, и активистка женского движения Донгак Барыкаан, научившаяся монгольской грамоте в семейном кругу (Куулар, 1970: 15–17; Кенин-Лопсан, 1995; Донгак, 2012c).

Создание тувинской национальной письменности стало также той отправной точкой, когда владеющая грамотой тувинская молодежь получает возможность художественно выражать свои мысли и чувства, рожденные небывалыми изменениями в тувинском обществе, на родном языке. Газеты «Шын» («Шын» — «Правда»), «Хостуҕ арат» («Хостуг арат» — «Свободный арат»), «Ареве ынь» («Аревэ шыны» — «Ревсомольская правда») начинают публиковать их сочинения. Это были произведения, как отмеченные авторством, так и без указания авторства. «Начинающие тувинские авторы увлеченно пишут стихи, очерки, фельетоны, рассказы, пьесы. Тридцатые годы в Туве отчасти примечательны тем, что тогда наблюдалось массовое увлечение молодежи литературой. Каждому хотелось выразить свои чувства,

рожденные революционным духом времени, в поэтических строках. Вместе с тем новизна письменной литературы вызвала у тувинской молодежи большой интерес, даже газетные корреспонденции подчас завершались стихотворными призывами», — пишет первый историк тувинской литературы А. К. Калзан (НА ТИГПИ, рф., д. 327, лл. 34–35).

Массовое творчество тувинцев выражалось в таких художественных формах, как: 1) авторские произведения, подписанные именем сочинителя, 2) произведения без указания авторства, 3) а также рожденный в эти годы феномен коллективного, точнее корпоративного авторства, отличный от безымянного фольклорного. Из числа активистов-ревсомольцев, государственных служащих, работников газет и журналов, сельских активистов-корреспондентов, первых учителей, получивших первоначальное обучение в семьях или буддийских монастырях-хурээ у монгольских лам, в немногочисленных русских школах и первых светских школах для тувинцев с обучением на монгольском языке; в летних школах по обучению сначала монгольской и русской грамоте, а с 1930 г. — тувинской грамоте, в передвижных «красных» юртах (*кызыл өг*), начавших работать с 1923 г., постепенно выделились талантливые литераторы: С. Пюрбю, С. Тока, С. Сарыг-оол, Б. Ховенмей, О. Саган-оол, В. Кок-оол, А. Тамба-Сюрюн и другие.

Тувинское правительство, вводя вышеозначенные формы, стало отправлять молодежь на учебу в Монголию (г. Улан-Батор), СССР (г. Москва, КУТВ — С. Тока, С. Сарыг-оол, Б. Ховенмей, В. Кок-оол, С. Самба-Людуп; г. Ленинград, Курсы нацменьшинств Советского Востока при Ленинградском Восточном институте им. Еникудзе — С. Пюрбю; г. Ойрот-Тура (г. Горный Алтай) — О. Сегленмей; Улан-Удэ, рабфак — О. Саган-оол и др.). Оттуда возвращались специалисты сельского хозяйства, финансового дела, партийные работники, учителя, почти все они пробовали себя как корреспонденты, сочинители песен, стихотворений, фельетонов, но лишь единицы впоследствии стали знаменитыми писателями, авторами любимых народом произведений.

В 1930-е годы в ТНР публикуются сначала в периодической печати, а позже отдельными книжками первые авторские произведения на тувинском языке. В тувинской поэзии, как пишет Д. С. Куулар, заявили о себе первые талантливые поэты: С. Сарыг-оол, С. Пюрбю, Б. Ховенмей (*Куулар, 1970: 23*). «Свобода» С. Сарыг-оола, «Солнце, взошедшее с запада» С. Пюрбю, «Знамя Октября» Б. Ховенмея — эти стихи вышли в печать в 1934 г. и они, как отмечает Д. С. Куулар, «отвечали основным требованиям современной поэзии», «теперь в них начинает превалировать образное воспевание действительности» (там же). Они создаются по законам поэтического слова, все меньше в них рифмованных призывов, все больше художественного изображения действительности, ее образного воспевания. Поэты 1930-х гг., овладевая искусством создания стихотворных произведений, постепенно расширяют тематический кругозор, в поэзии выделяются разные жанровые образования: Д. С. Куулар отмечает, что в эти годы возникают поэзия для детей, сатирическое в поэзии, первый опыт лиро-эпического жанра — поэма «Чечек» С. Б. Пюрбю, созданная в 1938–1939 гг. (там же: 23, 36–43). Вслед за поэтическими антологиями выходят в свет первые авторские книги С. Пюрбю — баллада «Кызыл коьш» («Красный обоз», 1943) и поэтический сборник «Эртенгиниң ыры» («Песня утра», 1944).

Издания «Съындь согаалдар» 1937 и 1939 гг. — первые антологии тувинских авторов

Два сборника произведений «Съындь согаалдар» («Чыынды чогаалдар» — «Избранные произведения») 1937-го и 1939-го гг. (*фото 1 и 2*) с одинаковым названием вышли в свет на тувинском языке с использованием тувинской письменности на основе латиницы (яналиф), тиражом соответственно — 4000 и 3000 экземпляров. Несколько экземпляров этих двух изданий, выпущенных Государственным книжным издательством ТНР, сегодня также хранятся в научном архиве ТИГПИ и отделе редкой книги Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва. В них напечатаны первые произведения тувинских авторов и произведения устного народного творчества. В предисловии сборника 1939 г., как и в первой книге 1937 г., посвященной 6-му хуралу (съезду) Ревсомола сообщается, что здесь собраны лучшие образцы литературных произведений того времени¹.

¹ Название этих изданий, учитывая факт первого опыта антологии художественных произведений на тувинском языке, в предыдущих статьях нами переводилось не как «Избранные произведения», а ошибочно — как «Собрание произведений».

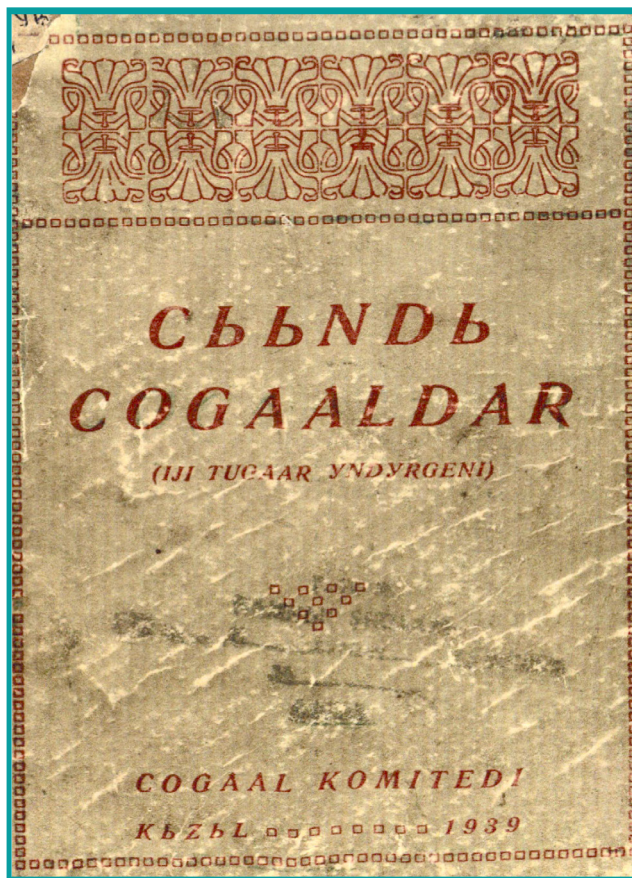
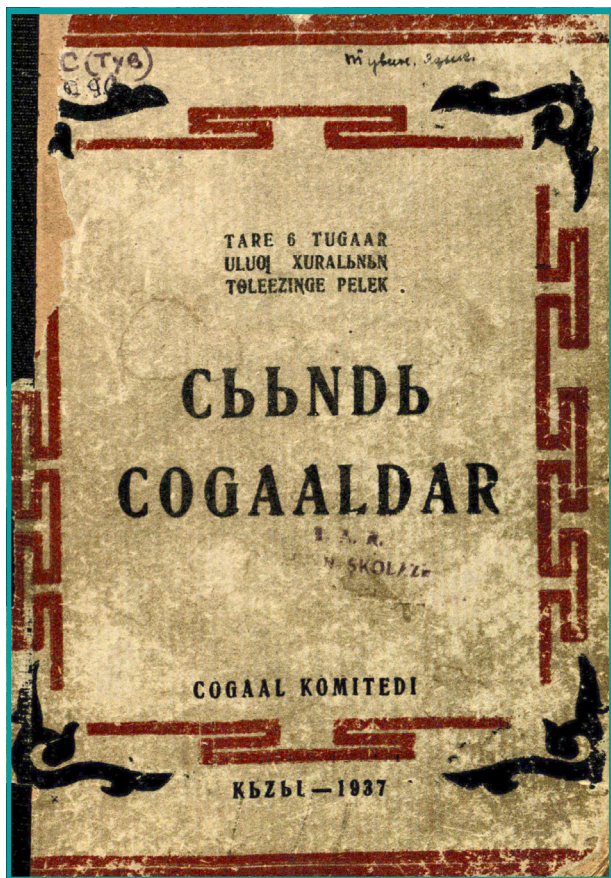

Фото 1 и 2. Обложки сборников «Съндъ согаалдар» 1937 и 1939 гг.
Photos 1 and 2. Covers of the “Съндъ согаалдар” collections, 1937 and 1939.

О составителях этих двух сборников нам практически ничего не известно, есть лишь записи, помещенные на титульном листе: в сборнике 1937 г. составитель и ответственный редактор — Очурбаанак, в сборнике 1939 г. — Ойдул.

Д. С. Куулар оценивает издание этих книг как факт приобретения молодой тувинской поэзией профессионального характера (Куулар, 1970: 45). В 1-м томе «Истории тувинской литературы» 2013 г. автор раздела о тувинской поэзии в период ТНР Л. С. Мижит несколько подробнее останавливается на этом литературном факте (Мижит, 2013: 152–154). Она представила авторский состав поэтического сборника «Съндъ согаалдар» 1937 г., отметив, ссылаясь на А. К. Калзана, что молодые «стихотворцы, стремясь создать стиль письменной поэзии, вносили в народный язык свежую струю» (там же: 154)¹. Оба поэтических сборника 1937 и 1939 гг. открываются международным пролетарским гимном «Интернационал» на тувинском языке без указания переводчика. В книге 1939 г. далее опубликована аратская песня «Кайгамчыктыг Интернационал» («Дивный Интернационал»)². Эти два произведения начинают первую часть сборника, обозначенную как «Ырлар» («Песни»).

¹ К сожалению, автор недостаточно точно передает некоторые факты. Во-первых, в сборнике 1937 г. были изданы все вышедшие в периодической печати стихи и песни. Однако вспомним упоминание составителей книги о том, что в данном сборнике печатаются лучшие образцы стихотворных произведений этих лет. Вместе с тем в предисловии сборника 1939 г. сообщается, что в книгах, журналах, на страницах газет сотнями печатаются песни, стихи первых сочинителей (НА ТИГПИ, кф2457, л. 7). Во-вторых, песня «Интернационал» представлена как результат коллективного сочинения. Для нас же относительно песни «Интернационал» важно то, что это был тувинский перевод международного пролетарского гимна Э. Потье, осуществленный с русского текста А. Коца. Таким образом, в данном литературном факте мы отмечаем начало приобщения тувинских литераторов к мировой сокровищнице поэтического творчества через посредство русского языка. В-третьих, в сборник 1939 г., как пишет Л. С. Мижит, вошли загадки и сказки (Мижит, 2013: 152–154), а верно: пословицы и одно сказание. Уточнения по перечисленным фактам важны для характеристики начального периода становления тувинской литературы: для установления массового характера сочинительства аратских песен.

² Здесь и далее цитаты из произведений и их названия приводятся кириллицей без латинского письма (яналифа).

Всего в эти два сборника включены произведения более чем восьмидесяти авторов, что, безусловно, указывает на массовый характер сочинительства в эти годы. Самыми известными, впоследствии ставшими именитыми писателями Тувы, авторами названных двух сборников, являются: Сарыг-оол (Saryg-ool), Ховенмей (Хөвөнмей), Пюрбю (Purbu), Тока (Тока), Кок-оол (Kok-ool), Тамбы-сюрюн (Тамвь-сүгүн), Кара-кыс (Kara-kys), Самба-люндуп (Samba-lyndup), М. Идам-сюрюн (M. Idam-syrgun). Как видно, в подавляющем большинстве авторами первых сочинений на родном языке стала молодежь. Многие из них впоследствии стали известными партийными, государственными деятелями, или писателями, журналистами, артистами тувинского театра, например, народные писатели С. А. Сарыг-оол, С. Б. Пюрбю; народная артистка Тувы, заслуженная артистка РСФСР К. Н. Мунзук; заместитель Председателя Совета Министров Тувинской АССР Х. А. Анчымаа-Тока и др.

В обоих изданиях опубликовано более ста стихотворных текстов, более десятка собственно народных песен, несколько стихотворных переводов с русского на тувинский (произведений А. С. Пушкина, «Песни о Родине» («Төрээн чуртум») В. И. Лебедева-Кумача, безымянной песни «Амы-тының бергенне сен» («Жизнь свою отдала [за правое дело]», в переводе с русского Лопсана); одно прозаическое произведение С. Сарыг-оола «Агар-сандан ыаш» («Чудесное дерево»), обозначенное как *чаа тоол-чугаш* — «новая сказка», сказание-тоол «Даш-Хурен аъттыг Танаа-Херел» («Танаа-Херел с конем Даш-Хурен») и пословицы.

Содержание книги «Съндь согаалдар» 1939 г., как отмечено на титульном листе как «Ийи дугаар үндүргени» («Второе издание, [продолженное]»), почти полностью отличается от первого сборника. Если в первой антологии части книги разделены на тематические блоки: «Произведения о свободе и равенстве», «Произведения, воспевающие родные места», «Стихотворные переводы, посвященные 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина», а также и стихотворные сочинения агитационного характера «Произведения о скотоводстве и земледелии», «Произведения о науке и культуре» и т. д., то вторая антология 1939 г. структурирована по следующим разделам: «Песни» (29 текстов), «Пословицы» (64 образца), «Стихотворения» (19 произведений), «Тоол» («Сказание»)¹.

Рождение поэтики художественной модальности

Начало XX в. в Туве характеризуется большими социальными и политическими изменениями, интенсивными идеологическими сдвигами, культурным переломом, и все это требовало от субъектов художественного процесса новых форм самовыражения. Процесс создания национальной литературы, возникшей из потребностей самого общества, подготовленной развитием тувинского языка и состоянием устного поэтического творчества народа (Куулар, 1970: 22; НА ТИГПИ, рф., д. 2106, лл. 3–4) был обусловлен тем, что традиционалистская эпоха художественного развития закономерно стала сменяться новой эпохой, определяемой исследователями как индивидуально-творческая (поэтика художественной модальности) (Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004: 13; Аверинцев и др., 1994: 3).

Основным содержанием индивидуально-творческой эпохи является концепция не готового, создающегося в настоящий момент мира; концепция человека как личности, причем уникальность, неповторимость ее, «единственная единственность» (по М. М. Бахтину) непосредственно связана с миссией создавать мир и создавать себя как личность и неповторимое «я» (цит. по: Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004: 222). Такое миропонимание, как художественное сознание новой эпохи, закономерно реализуется в принципах поэтического творчества, ее эстетике. Характеризуемая таким образом новая эпоха и соответственно ее поэтика получают название «поэтика художественной модальности» в силу уточнения следующих важных характеристик: переориентация литературного творчества с общественно-публицистической проблематики на индивидуальные пласты сознания, внутреннюю интенцию. В отличие от предыдущей эпохи, где созданный божественным актом мир выступает как канон, образец, а автор — лишь посредник, передатчик слова, в новой поэтике актуализируются подвижное, модальное взаимоотношение «я» и «другого», а также автор как автономный творец, участвующий в создании мира. Модальность, понимаемая как изменчивость, принципиальная бесконечность и неопределенность, содержащая «внутреннюю меру» и безграничные возможности в открытии мира и открытие своего «я», является важнейшей характеристикой новой поэтики. Если у человека традиционалистского мира многое было подчинено известному миропорядку, канону,

¹ Тоол в данном случае переводится не как «сказка», а как «сказание». Здесь видно, что терминология еще неточная.

правилам, то новая личность эпохи художественной модальности активна, она меняет мир и, что не менее важно, меняет себя. Как пишут исследователи: «... на понимание личности был распространен принцип дополнительности, и она предстала как изменяющаяся внутренняя мера “я” и “другого”, как подвижное, модальное, двухполюсное их взаимоотношение» (там же: 222–223).

Книга «Съндь согаалдар» 1939 г. стала отражением момента кипения и рождения эстетических принципов новой поэтики в то время, когда традиционалистская поэтика еще не сдавала своих позиций. В анализируемом сборнике мы обнаруживаем художественные тексты разной художественной структуры. Уже содержание, включающее названия «Песни», «Пословицы», «Стихотворения», «Сказание», показывает эту слитность фольклора и собственно литературного творчества в одной книге, призванной представить лучшие произведения нового времени. Внутри одного раздела, кроме частей с народными пословичными выражениями и текстом героического сказания, произведения различаются по форме выражения, идейно-содержательному плану.

Первую группу произведений, вошедших в части «Песни», мы обозначаем как канонические, традиционалистские. Жанровая форма народной песни проявляется здесь по-разному. В поэтическом произведении это, в первую очередь, собственно народные песни, обозначаемые составителями сборника как *араттың ыры* — «аратская песня». Историками тувинской литературы эти песни называются еще как «новые песни», что следовало из самого названия новых песен революционного содержания. Как пишет А. К. Калзан, они были самым распространенным видом послереволюционного фольклора (Калзан, 1961: 253–254).

Анализируемый сборник содержит аратские песни «Kajgamськтьоq Internasional» («Дивный Интернационал»), «Төгө раагъ» («Дөгө баары» — «На передней части горы Дөгө»), «Төр-ле сургуул тургузарда» («Центральная школа») «Saluuccuttar» («Молодежь»), «Occalāndan kedilerin» («Избавление от гнета»). Вместе с тем в этом ряду мы отмечаем одну народную песню, выражающую социальный протест «Ала караан дешкен болза» («Выколоть бы оба глаза»), вскоре всего более раннего периода. Здесь же выделяются собственно народные лирические песни, воспевающие родные места «Кадарчы ыры» («Песня пастуха»), «Тандым турда таңдаш-ла мен» («Я горд и непреклонен, когда [рядом] моя тайга»), «Межегей», «Самагалдай», «Хандагайты». Все вышеназванные песни обозначены составителями книги как «аратские песни», как видно, понимаемые как «народные песни».

Кроме аратских песен, раздел «Песни» содержит песни авторские, также различаемые в жанровом отношении. Все эти песенные тексты, отмеченные авторством, структурируемы в трех разных формах. В первую очередь, здесь выделяются тексты в канонической форме народной песни. Ее формальными и содержательными признаками являются:

1) тема родины, воспевание родных мест и народных предводителей, многочисленных родственников и ровесников (например, «Шеми бажы сериин чайлаг» Тамбы-сюрюна («В верховьях Шеми прохлада летников»), «Хостуг шөлээн Тыва чуртум» («Свободная родная моя Тува») Делгер-оола, «Ынак өөрүм» («Дорогие мои друзья-ровесники») Мижит-оола);

2) четырехстишная строфа строфической или парной рифмовки. Например:

*Тараа малдың сууру болган
Таанда ынак төрээн чуртум,
Тайылбырлап өөреткен
Таанда ынак Тока дарга.*

Стала местом хлебородных полей и пастбищ
Любимая всеми моя родная сторона,
Разъясняющий, обучающий
Любимый всеми мой Тока дарга¹.
(Здесь и далее подстрочный перевод наш. — У. Д.)

3) образный параллелизм;

4) повторы в конце строки и др.

В этой группе произведений совершенно наглядно, что Жанр традиционалистской поэтики активен, авторские тексты заключены в канон народной песни. Стиль традиционалистской поэтики выдержан повторами, параллелизмом, кумуляцией² образов. Интересно, что образ-идея (эйдос) покровителя-предводителя рода наполнен здесь новым содержанием: Тока дарга, Сталин и т. д.; эйдос родной земли — начиная с социально востребованного, например, «Депшилгелиг Тыва чур-

¹ Дарга — начальник.

² Кумуляция — в фольклористике: прием, участвующий в построении цепевидных структур, нанизывание.

ту («Развивающаяся страна Тува») расширяется понятие «родина» до выражений «Солун чаагай Совет чурту» (Разносторонняя прекрасная страна Советов), «Ачылыг-ла ССРЭ-де» («Милостивый покровительствующий СССР»).

«Песни» включают также авторские сочинения другого плана. В канонической форме народной песни они несут новое содержание. Именно содержательный план позволяет отделить их от предыдущих песен. Здесь мы обозначаем их как *новые песни революционного содержания*.

Это: «Эвилелдиг революста» («Благодаря сплывающей революции») К. Санчай-оола, «Уран мерген чолаачылар» («Умелые мудрые водители») Шактара, «Ал-ла бодум чоргаар-ла мен» («Тогда я горд и независим»), «Баар оруу кегээрелдиг» («Путь их озарен просвещением») Борбак-оола, «Ачылыг-ла нам-на чазак» («Милостивое наше правительство большевиков») Дажы-самбуу. Не чужд этим песням также образный параллелизм, повторы, ритмика народных песен — именно они составляют остов песенной структуры этих произведений. Здесь эйдос, как слитность образно-понятийных начал, выказывает признаки разделения, раскола: система образов машин, водителей, школы и т. д. — начинает создавать эстетику новой жизни.

В третьей группе произведений, вошедших в часть «Песни», мы выделяем *произведения собственно авторские*: в них Жанр, как канон народной формы, ослабляется новым содержанием, образы более независимы от понятийного начала и самостоятельны.

Это произведения: «Аныяктар» («Молодежь») и «Уран чогаал» («Литература») Кара-кыс, «Эрге шөлэ бисте турда» («Когда свобода и воля в наших руках») Т. А. Сарыг-оола, «Пионер чараш» («Как прекрасен пионер») Биче-уруг, «Уран чечен аныяктар» («Талантливая молодежь») Тамбы-сюрюна.

В названных выше песнях индивидуально-творческое, авторское начало проявляется зримее, несмотря на жанровую форму народной песни и новое революционное содержание. Авторство как выражение личной сопричастности миру («Оран чурттуң ажыл херээн // Онза кылдыр хөгжүдээли» — «Дела, хозяйство родной земли // Давайте по-особому развивать» Тамбы-сюрюна), активной деятельности («Аныяктар белен-не бис, чорудаалы, узуткаалы» — «Мы, молодые, готовы, давайте проведем, давайте истребим»), творческого переосмысления традиционного.

Культурный перелом начинает проявляться в этих произведениях все отчетливее. Образ, отделяясь от идеи, обретает собственную содержательность, например, в произведениях «Молодежь», «Как прекрасен пионер», а также в следующем примере:

*Сайзыралды харап көөрге,
Саян даг дег бедик болган,
Саазынга чуруп көөрге,
Сайгылгаан дег чырык болган*

(Т. А. Сарыг-оол)

Когда всматривались издали в сторону развивающихся (стран),
Они казались такими (недосягаемыми) высокими, словно Саяны,
Когда изобразили на листе бумаги,
Оказалось таким светлым, словно свет электрических лампочек.

Концепция созидания нового мира активна в поэтике этих произведений.

Третья часть книги «Сънды согаалдар» 1939 г., озаглавленная как «Шүлүктөр» («Стихотворения»), в первую очередь, указывает на то, что вошедшие сюда художественные тексты во многом отличны от песенных произведений.

Неканоническая новая жанровая форма *шүлүк* — «стихотворение» — свидетельствует о рождении нового поэтического жанра. В отличие от традиционалистской поэтики в ней Жанр теряет свою самостоятельность, подавляющую самость, через него проявляются Стиль и категория Автор.

В новой поэтике, где важнейшим и довлеющим над всем остальным является категория авторства, мы отмечаем в сборниках 1937-го и 1939 гг. авторские произведения и произведения коллективного авторства, обозначенные или не обозначенные должным образом. В разделе «Стихотворения» все произведения авторские. Тем не менее, некоторые тексты все же отмечены тягой к традиционалистской поэтике, имеют черты народного творчества.

Риторическое слово как поэтика готового слова, оперирующая готовым репертуаром смыслов, является основным изобразительным средством лозунговых стихотворений — призывов. Они призваны, главным образом, при помощи воспроизведенного готового слова сообщить в художественной форме о достижениях настоящего и горестях прошлого; призывами к действиям — упорядочить изображаемую действительность, гармонизировать воображаемый мир. Такова одна из главных особенностей эстетики соцреалистического искусства (Донгак, 2013: 123).

Поэтика *традиционалистская*, с одной стороны, и *соцреалистическая* — с другой, наиболее ярко отражена в структуре первых стихотворных произведений тувинских авторов сборника 1939 г. Это произведения Хойлакаа «Башкы Ленин мөчүзе-даа, // Баыштап берген херээ дириг» — «Учитель Ленин умер, // Но дело его живо», С. Байыра «Чаа чурт делгерезин» — «Да здравствует новая страна», М. Идам-сюрюна «Херээжен деп атты шаңнаан» — «Удостоили званием женщины», Самба-люндупа «Делегейнин чогуу ээлери — арат чон» — «Настоящие хозяева мира — простой народ».

В этих стихотворениях доминируют сообщения-повествования о новом и старом мире, о достижениях Страны Советов и Советской Тувы. Обязательной составляющей этих текстов является опора на готовые риторические украшения о новой жизни: «(Ленинниң) Алдын чүрээ» — «Золотое ленинское сердце», «Улус хөйүнүң чырык хүнү, // Изиг чүрээвис Сталинга» — «Светлое солнце народное, // Наше пламенное сердце Сталин» Хойлакаа, «Октябрь революзу үнгенинден // Оттуг чаңнык дүшкенинден» — «Словно Молния осветила землю // Когда вспыхнула Октябрьская революция» М. Идам-сюрюна и т. д.

Эти стихи непременно заканчиваются лозунговыми призывами:

<i>Революстуг изиг байыр! Ленинизм делгерезин!</i> (Хойлакаа)	Пламенный революционный привет! Да здравствует ленинизм!
<i>Чайынныг херел чаптылзын! Чаа чурт делгерезин!</i> (С. Байыр)	Пусть сверкающий луч осветит всю землю! Да здравствует новая страна!

Такие тексты в силу своей слабой художественной содержательности быстро выходят из круга читательского интереса, забываются и остаются лишь письменными свидетельствами ушедшей эпохи. Тем не менее, поэтические средства, задействованные в них, в дальнейшем творчески переосмысливаются художниками слова и входят в арсенал других авторов. Таким наглядным для нынешних читателей становится путь становления изобразительных средств публицистического стиха, поэтики восхваления и повествования, гражданской лирики советского периода.

В разделе «Стихотворения» сборника 1939 г. литературные произведения других авторов демонстрируют момент рождения поэтики художественной модальности в тувинской литературе. Образцом стихотворного произведения в начальный период становления новой поэтики тувинской литературы, бесспорно, считается стихотворение Пюрбю «Ленин».

Авторская индивидуальность, раскованность, эмоциональная насыщенность проявились в таких поэтических средствах как новая четкая ритмика, отход от канона народной песни и канона эпического повествования, выбор неканонической формы выражения, начальное и конечное грамматическое звучание стихотворных строк, метафоризация, неосинкретизм кумуляции. Образ содержателен и независим от понятийного, идейного начала. Конкретный художественный образ Ленина захватывает чувства и разум читателя, являясь выражением внутреннего состояния автора и отражением внешнего мира — выражением общего пафоса эпохи. Модальность, изменчивость поэтики, колеблющаяся между риторическим словом традиционалистской поэтики и т. н. «простым словом», прозаизмом новой поэтики, в поэтике этих лет часто это может быть и газетная лексика агитационной литературы, что несколько не ослабляет эмоционального накала авторского слова, его активной индивидуальности.

Риторическое слово:

<i>Чырык хүннүң херели дег дээп турар Чыргалалаңның чурту ССРЭ бооп...</i>	[Ленинские дела] словно лучи ясного солнца касаются Родины райского существования [на земле] — СССР...

Прозаизм:

*Дириг кижиниң ханын сускун кылган,
Дириг кижиниң эьдин чемиш кылган..*

Кровью живого человека жажду свою утоляют,
Мясом живого человека голод свой утоляют...

В стихотворении «Майның бири» («Первомай») начинающего поэта Степана Сарыг-оола¹ ощущается изменение внешнего ракурса на события окружающего мира на внутренний пласт сознания, что также является свидетельством актуализации категории Автор:

*Эртен эрте туруп келгеш,
Эргий көрүп кээриңге,*

Ранним утром встаешь,
Оглядишься вокруг,

*Карак четпес төрээн чуртту
Каш өңнүг чечек бүргээн*

Безоглядные дали родной стороны
Наполняются разноцветьем чудесным (...)

*Майның бири таан чараш!
Майның бири таан чырык!*

Как прекрасен Первомай!
Как светел Первомай!

*Даңгаар эртен туруп келгеш,
Таптап дыңнап кээриңге,*

На заре поднимаешься,
Прислушаешься к окружающим звукам,

*Хөглүг ырның аянынга
Хөрөк сагыш өөрүп келир...*

Мелодии радостной песни
Душу и сердце веселят

Активные проявления категории Автор в поэтике новых стихотворных произведений вышеприведенных авторов свидетельствуют об интенсивности внедрения поэтики художественной модальности уже на начальном этапе истории тувинской литературы. Вместе с тем риторическое слово эстетики соцреализма присутствует непременно:

*Айдың чырык оруувустуң
Ашпас хүнү Сталинга...*

Лунным светом озаренного нашего пути
Вечное солнце Сталин...

Здесь же лозунговые призывы вполне гармонично завершают произведение:

*Маадырлыг өөрүвүске
Майның бирниң байыр сөзү!*

Нашим друзьям-героям
Торжественный клич Первомай!

*Майның бирниң кызыл тугу
Делегейни хөме шывар!*

Красное знамя Первомай
Накроет целиком весь мир!

*Майның бирниң күштүг холу
Демир бекти үзе шавар!*

Могучие руки Первомай
Разорвут железные оковы!

*Ажыг хинчек сөнээттинер!
Амыр чыргал мөңгөжирээр!*

Горькая доля страданий исчезнет [навсегда]!
Вечное счастье-блаженство воцарится [во все времена]!

Жанр в поэтике художественной модальности уступает свои позиции категории Автор. Тем не менее, здесь мы наблюдаем рождение нового жанра *шүлүк* — «стихотворение», и эта жанровая форма, как пишет Д. С. Куулар, уже показывает свои разновидности (поэзия для детей, стихи-отклики, сатирические стихи) (Куулар, 1970: 35–37). Модальность в жанровом отношении отмечается в стихотворениях, содержащих в одном произведении строфы различных жанров: стихотворения, фольклорных форм благопожеланий, сказаний, пословиц, народной песни.

¹ В книге его имя указано как «Т. А. Сарыг-оол» — «Тюлюш Агбаан оглу Сарыг-оол».

Например, произведение Тамбы-сюрюна «Көвей чоннуң хүндүлели // Күрүнениң Сүлде демдээ» — «Награда народных масс // Государственный Герб» начинается:

- 1) с повествовательных интонаций эпического плана;
- 2) продолжается строфами в форме народных загадок;
- 3) завершается двустрочными строфами восхвалений-благопожеланий.

Например:

1) <i>Октябрьның оттуг чалбыыжы Орайындан чырыткан,</i> <i>Ай, хүннүң херели дег Ада чурт ССРЭ-ниң</i> <i>Бады быжыг күжү-биле Бар бооп тывылган...</i>	Пламенным огнем Октября Сверху осветивший, Словно лучи луны и солнца Отечества СССР Надежной могучей силою Рожденный [Герб]...
2) <i>Алдын сарыг сөдүргелиг, Алдын сарыг уруктуг,</i> <i>Ногаан торгу тоннуг, Ногаан сарыг курлуг,</i> <i>Кызыл былгаар идиктиг, Кызыл торгу туктуг,</i> <i>Эът боду хүлер болган, Эки атты ээлеп алган —</i> <i>Көвей чоннуң хүндүлели Күрүнениң Сүлде демдээ.</i>	С желто-золотистым арканом, С желто-золотистым уруком¹ В зеленом шелковом тоне², Подпоясанный желтым шелковым поясом, В красных юфтевых сапогах, С красным шелковым флагом Телом сам из меди, Снискавший доброе имя — Гордость народных масс Государственный Герб.
3) <i>Хүрешкештиң шүглүп үнген Күрүнениң оглу болган,</i> <i>Депшилгелиг маңнап орар Демиселдиң күжү болган</i> <i>Калбак чоннуң эди болган Каң бистиг кадыыр туткан</i> <i>Беш диптиң түңүн түңнээн Беш адыр сылдыс болган —</i> <i>Көвей чоннуң хүндүлели Күрүнениң Сүлде демдээ.</i>	В схватке борцовской вышел победителем, Провозглашен сыном государства [нашего], Распространившейся быстро, Борьбы силой [могучею] стал, Народных масс вещью-имуществом стал, Держащий в руках серп со стальным лезвием, Одержавший победу на пяти континентах, Оказавшийся пятиугольной звездой — Гордость народных масс Государственный Герб

Так, на примере текстов одного сборника мы проследили смену от традиционалистской эпохи до новой, индивидуально-творческой. Авторские песни, заключенные в канон народной песни; несамостоятельность Жанра как категории литературного творчества; активность категорий Автор и Стиль, новый неканонический жанр *шүлүк*, новая ритмика, новая образность, метафоризация; модальность поэтики и изменение внешнего ракурса на события окружающего мира на внутренний пласт

¹ Урук — шест для поимки лошадей с арканом.

² Тон — национальная одежда, халат.

сознания — все эти эстетические преобразования являются свидетельствами актуализации поэтики художественной модальности в тувинской литературе.

Заключение

Тувинской литературой, начавшей свою историю в начале XX века, пройдены ранее в недрах словесности и народного творчества эпохи архаической и традиционалистской поэтики. Фольклоризм, как важнейший из эстетических принципов национальных литератур Сибири, показывает, что традиционалистская поэтика еще полностью не изжита современной тувинской национальной литературой. Таким образом, анализ поэтики художественных произведений 1930-х гг. показывает, что в тувинской литературе этого времени возможно выделение поэтических категорий, относящихся к разным литературным эпохам. Процесс зарождения тувинской национальной литературы в 1920-1930-е гг. связан с переходом тувинской словесности к новой стадии в истории поэтики. На примере произведений книги «Сьындь согаалдар» («Избранные произведения») 1937 и 1939 гг., изданных в годы ТНР, видно, что новая поэтика в тувинской литературе 1930-х гг. вступает в свои права.

В то же время следует констатировать, что тувинская литература еще не вышла из лоно традиционалистской поэтики. Жанровая размытость, явившаяся следствием активности канонических форм народной песни, риторичность, слитность идеи-образа (эйдос) — эти и другие характеристики отражают процесс становления поэтики художественной модальности. Эстетика новой поэтики сопряжена с художественными изменениями, способствующими становлению литературного сознания. Активизация категории Автор (повышенная активность авторского плана; переориентация с внешних, публичных пластов художественного сознания на самоличную, индивидуальную точку зрения); изменения в Стиле художественных произведений (эмоциональность конкретно-чувственного образа, новая ритмика, метафоризация); трансформация категории Жанр (неканонические жанры, рождение новых жанровых форм, жанровая модальность) — все отмеченные изменения системы художественно-выразительных средств тувинской литературы являются приметам поэтики художественной модальности, что свидетельствует о коренных исторических изменениях в культуре Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С., Андреев, М. Л., Гаспаров, М. Л., Гринцер, П. А., Михайлов, А. В. (1994) Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П. А. Гринцер. М. : Наследие. 512 с. С. 3–38.

Бахтин, М. М. (1986) Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература. 543 с.

Бройтман, С. Н. (2004) Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Издательский центр «Академия». Т. 2. Историческая поэтика. 368 с.

Добренко, Е. А. (2007) Социалистический реализм и реальный социализм (советская эстетика и критика и производство реальности) [Электронный ресурс] // Colloquia. P. 57–92. URL: http://www.ilti.lt/failai/Nr18_04_Dobrenko.pdf (дата обращения: 22.06.2020).

Донгак, У. А. (2010) Отражение особенностей переходного периода от фольклора к литературе в творчестве С. Сарыг-оола // О творческом наследии С. А. Сарыг-оола. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию народного писателя Тувы С. А. Сарыг-оола / отв. ред. К.А. Бичелдей. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 232 с. С. 54–58.

Донгак, У. А. (2012а) Коллективное авторство как одно из проявлений переходного периода от фольклора к литературе // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 10. С. 152–155.

Донгак, У. А. (2012б) Особенности переходного периода от фольклора к литературе: от мифопоэтики к индивидуальному авторскому творчеству // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 2(4). С. 70–74.

Донгак, У. А. (2012с) Первые оригинальные сочинения тувинской литературы 1920–1930-х годов на старомонгольском письменном языке // Монгол хэл, соёлын тулгамдсан асуудлууд. II салбар. Улаанбаатар : IAMS Secretariat. С. 310–312.

Донгак, У. А. (2013) Особенности литературного творчества 1920-х — начала 1940-х годов в Туве: [глава Л] // История тувинской литературы (2013) / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск : Изд-во СО РАН. Т. I. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). 266 с. С. 109–126.

История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена (1998) / под ред. С. И. Кормилова. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова. 480 с.

История тувинской литературы (2013) / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск : Изд-во СО РАН. Т. I. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). 266 с.

Калзан, А. К. (1958) Тувинская драматургия периода ТНР // Ученые записки. Вып. IV. Кызыл : Тувинское книжное издательство. С. 120–136.

Калзан, А. К. (1961) О послереволюционном фольклоре // Ученые записки. Вып. IX. Кызыл : Тувинское книжное издательство. С. 253–259.

Кенин-Лопсан, М. Б. (1995) Барыкаан Донгак // Улуг-Хем. № 2. Ар. 94–101. (На тув. яз.)

Кременцов, Л. П. (2016) Русская литература в XX веке. Обретения и утраты: учебное пособие. 4-е изд., стер. М. : Флинта. 224 с.

Куулар, Д. С. (1970) Тувинская поэзия: очерк истории. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 140 с.

Литовская, М. А. (2008) Социалистический реализм как «образцовый» творческий метод // Филологический класс. № 1 (19). С. 14–21.

Маадыр, М. С. (2011) Книжная культура Тувинской народной республики: позитивные и негативные тенденции [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2–3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/406> (дата обращения: 12.05.2020).

Маадыр, М. С., Седип-оол, М. М. (2020) Газетный фонд Национального архива Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 2. С. 87–102. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.6

Мижит, Л. С. (2013) Формирование тувинской поэзии в период Тувинской Народной Республики // История тувинской литературы / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 266 с. Т. I. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). 266 с. С. 151–184.

Самдан, З. Б. (1987) От фольклора к литературе: на материале тувинской прозы 40–70-х годов. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 80 с.

Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. (2004) Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М. : Издательский центр «Академия». Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 512 с.

Танова, Е. Т. (1979) Периодическая печать Тувы (1921–1944 гг.). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 112 с.

Тыва литератураның төөгүзүңүң очерктери [Очерки истории тувинской советской литературы] (1975) / Калзан А. К., Куулар Д. С., Хадаханэ М. А. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери. 331 ар. (На тув. яз.)

Чудакова, М. О. (2002) «Военное» стихотворение Симонова «Жди меня...» (июль 1941 г.) в литературном процессе советского времени [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение (НЛО), № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/voennoe-stihotvorenie-simonova-zhdi-menya-iyul-1941-g-v-literaturnom-procессе-sovetskogo-vremeni.html> (дата обращения: 01.05.2020).

Дата поступления: 01.06.2020 г.

REFERENCES

Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A. and Mikhailov, A. V. (1994) Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Categories of poetics in the change of literary eras]. In: *Istoricheskaja poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia* [Historical poetics. Literary eras and types of artistic consciousness] / ed. by P. A. Grintser. Moscow, Nasledie. 512 p. Pp. 3–38. (In Russ.) (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 543 p. (In Russ.).

Broitman, S. N. (2004) *Teoriia literatury* [Theory of literature]: textbook for students: in 2 vols. / ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiia". Vol. 2. Istoricheskaja poetika. 368 p. (In Russ.).

Dobrenko, E. A. (2007) Sotsialisticheskii realizm i real'nyi sotsializm (sovetskaja estetika i kritika i proizvodstvo real'nosti) [Socialist realism and real socialism (Soviet aesthetics and criticism and the production of reality)]. *Colloquia*, pp. 57–92 [online] Available at: http://www.liti.lt/failai/Nr18_04_Dobrenko.pdf (access date: 22.06.2020). (In Russ.).

Dongak, U. A. (2010) Otrazhenie osobennostei perekhodnogo perioda ot fol'klora k literature v tvorchestve S. Saryg-oolo [Reflections of the features of the transitional period from folklore to literature in the works of S. Saryg-ool]. In: *O tvorchestvom nasledii S. A. Saryg-oolo* [On the creative heritage of S. A. Saryg-ool]. Proceedings of the conference dedicated to the 100th anniversary of the people's writer of Tuva S. A. Saryg-ool / ed. by K. A. Bicheldei. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 232 p. Pp. 54–58. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2012a) Kollektivnoe avtorstvo kak odno iz proiavlenii perekhodnogo perioda ot fol'klora k literature [Collective authorship as one of the manifestations of the transition period from folklore to literature]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 10, pp. 152–155. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2012b) Osobennosti perekhodnogo perioda ot fol'klora k literature: ot mifopoetiki k individual'nomu avtorskomu tvorchestvu [Features of the transition period from folklore to literature: from mythopoetics to individual author's creativity]. *Nauchnoe obozrenie Saiano-Altai*, no. 2(4), pp. 70–74. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2012c) Pervye original'nye sochineniia tuvinskoii literatury 1920–1930-kh godov na staromongol'skom pis'mennom iazyke [The earliest original works of Tuvan literature in Old Mongol language, 1920–1930s]. *Mongol khel, soelyn tulgamdsan asuudluud*. II salbar. Ulaanbaatar, IAMS Secretariat. Pp. 310–312. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2013) Osobennosti literaturnogo tvorchestva 1920-kh — nachala 1940-kh godov v Tuve: glava I [Features of literary creativity of the 1920s — early 1940s in Tuva: [Chapter I]]. In: *Istoriia tuvinskoii literatury [A History of Tuvan Literature]* (2013). Ed. by K. A. Bicheldey. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 264 p. Pp. 109–126. (In Russ.).

Istoriia russkoii literatury XX veka (20–90-e gody). Osnovnye imena [History of Russian literature of the XX century (1920s–1990-s). Principal name] (1998) / ed. by S. I. Kormilov. Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova. 480 p. (In Russ.).

Istoriia tuvinskoii literatury [A History of Tuvan Literature] (2013). Ed. by K. A. Bicheldey. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 264 p. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (1958) Tuvinskaia dramaturgiia perioda TNR: o p'esakh S. K. Toka «Tönggür-ool», «Zhenshchina», «Uzun-Kara i Semis-Kara» [Tuvan dramaturgy of the TPR period: On S.K. Toka's plays "Tengur-ool", "Woman", "Uzun-Kara and Semis-Kara"]. *Uchenye zapiski TNIIIaLI*. Kyzyl, s. n. Vol. 6. Pp. 115–136. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (1961) O poslerevoliutsionnom fol'klоре [On post-revolutionary folklore]. *Uchenye zapiski*. Vol. IX. Kyzyl, Tuvan book publisher. Pp. 253–259. (In Russ.).

Krementsov, L. P. (2016) *Russkaia literatura v XX veke. Obreteniia i utraty [Russian literature in the twentieth century. Gains and losses]*: textbook. 4th ed. Moscow, Flinta. 224 p. (In Russ.).

Kuular, D. S. (1970) *Tuvinskaia poeziia: ocherk istorii [Tuvan poetry: an essay on its history]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 140 p. (In Russ.).

Litovskaia, M. A. (2008) Sotsialisticheskii realizm kak «obraztsovyi» tvorcheskii metod [Socialist realism as an “exemplary” creative method]. *Filologicheskii klass*, no. 1 (19), pp. 14–21. (In Russ.).

Maadyr, M. S. (2011) Knizhnaia kul'tura Tuvinskoii narodnoi respublikii: pozitivnye i negativnye tendentsii [Book culture of the Peoples' Republic of Tuva: positive and negative tendencies]. *New Research of Tuva*, n. 2–3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/406> (access date: 12.05.2020).

Maadyr, M. S. and Sedip-ool, M. M. (2020) Gazetnyi fond Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tyva [Newspaper collections at the National Archives of the Republic of Tuva]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 87–102. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.2.6

Mizhit, L. S. (2013) Formirovanie tuvinskoii poezii v period Tuvinskoii Narodnoi respublikii [The rise of Tuvan poetry under the Tuvan People's Republic]. In: *Istoriia tuvinskoii literatury [A History of Tuvan Literature]* (2013). Ed. by K. A. Bicheldey. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 264 p. Pp. 151–184. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (1987) *Ot fol'klora k literature: na materiale tuvinskoii prozy 40–70-kh godov [From folklore to literature: the case of Tuvan prose of the 1940s–1970s]*. Kyzyl, Tuvan book publisher. 80 p. (In Russ.).

Tamarchenko N. D., Tiupa V. I. and Broitman S. N. (2004) *Teoriia literatury [Theory of literature]: textbook in 2 vols.* / ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiiia». Vol. 1. *Teoriia khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaia poetika [Theory of literary discourse. Theoretical poetics]*. 512 p. (In Russ.).

Tanova E. T. (1979) *Periodicheskaia pechat' Tuvy (1921–1944 gg.) [Periodical press in Tuva, 1921–1944]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 112 p. (In Russ.).

Chudakova, M. O. (2002) «Voennoe» stikhotvorenie Simonova «Zhdi menia...» (iiul' 1941 g.) v literaturnom protsesse sovet'skogo vremeni [Simonov's wartime poem Wait for me... (July 1941) in the literary process of the Soviet time]. *Novoe literaturnoe obozrenie (NLO)*, no. 6 [online] Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2002/6/voennoe-stikhotvorenie-simonova-zhdi-meniya-iyul-1941-g-v-literaturnom-protsesse-sovet'skogo-vremeni.html> (access date: 01.05.2020). (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1995) Barykaan Dongak. *Ulug-Khem*, no. 2, pp. 94–101. (In Tuv.)

Tuva literaturanyng töögüzünüing ocherkteri [Essays on the history of Tuvan Soviet literature] (1975) / Kalzan A. K., Kuular D. S. and Khadakhane M. A. Kyzyl, Tuvan book publisher. 331 p. (In Tuv.)

Submission date: 01.06.2020.

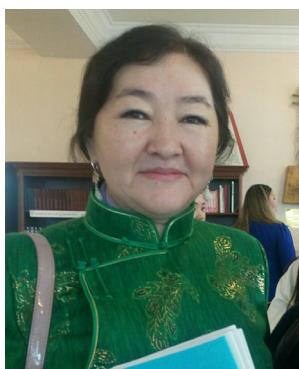

DOI: 10.25178/nit.2020.2.12

Тувинская национальная поэзия 30–40-х годов XX века

Людмила С. Мижит

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируются первые два десятилетия становления тувинской поэзии (1930–1940-х гг.). Разбираются тексты сборников произведений поэзии тех лет, привлекаются архивные материалы Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований.

В первую очередь поэзия опиралась на традиции народного устно-поэтического творчества, а также формировалась под влиянием русской, советской поэзии (приемы стихосложения, способы построения художественных образов, развития и углубления поэтической мысли, идейное содержание и т. д.). Наряду с Сергеем Пюрбю и Степаном Сарыг-оолом, фундамент письменной тувинской поэзии закладывали: Монгуш Идам-Сюрюн, Байкара Ховенмей, Леонид Чадамба, Салчак Самба-Люддун, Салчак Тамба, Александр Тамба-Сюрюн, Василий Эренчин.

В 1940-е годы тувинская поэзия обрела свой неповторимый облик, заключающийся в национальной самобытности, гуманистическом пафосе борьбы за справедливость, светлое будущее и возвышение человека новой эпохи. Появились первые зрелые, знаковые произведения, ставшие классикой тувинской литературы: поэмы «Чечек» С. Пюрбю и «Саны-Мөгө» С. Сарыг-оола. Так, были созданы крепкие основы гражданской, лирической и эпической поэзии Тувы.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; история Тувы; история литературы; Тува; тувинская поэзия; тувинская литература; тувинский язык; яналиф

Для цитирования:

Мижит Л. С. Тувинская национальная поэзия 30–40-х годов XX века // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 166–177. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.12

Мижит Людмила Салчаковна — кандидат филологических наук, ученый секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: + 7 (963) 252-34-09. Эл. адрес: lmizhit@mail.ru

MIZHIT, Lyudmila Salchakovna, Candidate of Philology, Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: + 7 (963) 252-34-09. E-mail: lmizhit@mail.ru

ORCID ID: [0000-0003-1991-0517](https://orcid.org/0000-0003-1991-0517)

Tuvan national poetry in the 1930s and 1940s

Lyudmila S. Mizhit

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article examines the first two generations of Tuvan poetry — 1930s and 1940s, with a focus on the texts of collections of poetry published over that time and archival materials preserved at the Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research.

Tuvan poetry was born in the 1930s after the creation of the national writing system and was based on the folk and ethno-cultural traditions of the people, mainly on folk songs. It was also seriously influenced by the Russian and Soviet poetry of that period, especially in composition, creating poetic imagery, complicating poetic thought and providing ideological background. Along with Sergey Pyurbyu and Stepan Saryg-ool, other pioneers who laid the foundation of written Tuvan poetry were Mongush Idam-Syuryun, Baykara Hovenmey, Leonid Chadamba, Salchak Samba-Lyundup, Salchak Tamba, Alexander Tamba-Syuryun, and Vasily Erenchin.

In the 1940s Tuvan poetry developed a unique voice of its own, which combined a distinctive ethnic character, a humanist drive towards justice, bright future for all and a new man of a new epoch. The first works of Tuvan literature to reach the status of a classic were S. Pyurbyu's poem "Chechek" and S. Saryg-Ool's poem "Sany-Møge". They formed the basis of the future lyrical, epic and civil poetics of Tuvan literature.

Keywords: *Tuvan People's Republic; history of Tuva; history of literature; Tuva; Tuvan poetry; Tuvan literature; Tuvan language; yanalif*

For citation:

Mizhit L. S. Tuvinskaia natsional'naia poeziiia 30–40-kh godov XX veka [Tuvan national poetry in the 1930s and 1940s]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 166–177. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.12

Введение

1930–1940-е годы в Тувинской Народной Республике (далее — ТНР) — это время радикальных, коренных перемен в обществе, ломки традиций и переоценки ценностей. Этническая духовная культура стала считаться пережитком прошлого. Первые революционные песни, стихотворения и одноактные спектакли пробуждали непоколебимую веру народа в социалистические идеи и в то, что строится настоящее, правдивое и справедливое общество.

В связи с этим поэтические произведения периода ТНР нами рассматриваются в контексте с теми социально-культурными явлениями, на фоне которых они создавались. Как отмечает В. Е. Хализев, при контекстуальном изучении произведения «...литературовед (подобно любому другому читателю) обречен воспринимать создания прошлых эпох прежде всего глазами *своей* современности, которая, как уже говорилось, переакцентирует, видоизменяет и достраивает давние художественные творения. В то же время интерпретатор произведения призван осмыслить сотворенное ранее как феномен *того* времени» (Хализев, 2009: 292; курсив источника. — Л. М.). А по заключению А. В. Михайлова, заача исследователя состоит в том, чтобы осуществлять «обратный перевод» рассматриваемых произведений на культурный язык того времени (Михайлов, 2000: 16).

Самым первым произведением тувинской литературы принято считать стихотворение «Lenin-u tukhai shiluglel»¹ («Стихотворение о Ленине», 1926 г.), написанное партийным работником М. Содна-

¹ Sodnam. Lenin-u tukhai shiluglel // Khuviskaalt ard (журнал). 1926, № 2. Стр. 45. (На монг. яз.).

мом на монгольском языке (Куулар, 1970: 15). 30 марта 1929 г. в газете «Erkhe cholootei bukhu Tuva» («Свободная Тува») опубликовано стихотворение Д. Барыкаан «Martyн naim»¹ («Восьмое марта») на монгольском языке.

Ключевым событием периода ТНР стало создание национальной письменности на основе латинского алфавита (единого тюркского алфавита яналиф) в 1930 г. (Татаринцев, 2005: 17–20)². Вслед за этим, на страницах местных газет, выходивших с 1920-х годов на монгольском языке (на старомонгольской письменности), стали появляться стихотворения на родном языке первых певцов нового строя: Сарыг-оола «Эрге-шөлээ бисте турда» («Когда у нас права и свобода») — о братской помощи СССР тувинскому народу, «Херээжен» («Женщина») — о женской доле в дореволюционной Туве, «Бис тиилээн бис» («Мы победили») — о страданиях тувинских аратов до Октябрьской революции и «взошедшем новом солнце»; Ховенмея: «Хостуг арат билип тур, оо» («Свободный арат внимает»), «Октябрьның тугу» («Знамя Октября») — о событиях не только в Туве, но и в СССР (см.: Тыва совет ..., 1975: 16). С 1934 г. авторами поэтических строк стали также Пюрбю: «Барыын чүктен үнген хүн» («Солнце, взошедшее с Запада»), «Эш херээжен» («Товарищ женщина»); Самба-Людуп: «Тайбың» («Мир»), «Колхоз оруун шилип алдым» («Я выбрал путь колхоза») и др., которые публиковались в газетах тех лет (Танова, 2013: 26, 38). В указанное время преобладала публицистическая поэзия, имеющая ярко выраженную идеологическую направленность. Вышеуказанные авторы стали первыми *шүлүкчү*³ (стихотворцами) зародившейся тувинской поэзии.

В данной статье ставится цель проследить первые шаги тувинской поэзии, воспевавшей новый этап в жизни народа по требованиям идейно-политических и морально-этических установок власти той эпохи. Соответственно решается ряд задач. Рассмотрены два этапа развития поэзии — в 1930-е и 1940-е годы, имеющие свои особенности, и отдельно проанализировано раннее творчество основоположников тувинской поэзии. Используются историко-культурологический и аналитический методы исследования.

Источниковую базу статьи составляют сборники произведений поэзии 1930–1940-х годов, а также литературоведческие труды сотрудников Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ), ныне — Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (ТИГПИ) (Тыва литератураның ..., 1953; Тыва литература: ..., 1964; Куулар, 1970; Тыва совет ..., 1975; Калзан, 1980; История тувинской ..., 2013), также привлекаются архивные материалы данного института.

Тувинская поэзия 1930-х годов

Все выходившие в периодической печати стихи и песни того периода были изданы в первом литературном сборнике «Съндь согаалдар»⁴ («Сборник произведений») на тогдашней тувинской письменности, основанной на латинице (яналиф), в 1937 г. Это был первый результат творческой деятельности тувинских авторов в 1930-х годах. Составителем и ответственным секретарем выпуска является Оччурбанак⁵. В своем предисловии он написал, что некоторые авторы выдают народные песни за свои стихи и привел следующий пример:

<i>Elezinnig Temir-le-suq Estep hadыр сьдыг-la-pe, Ezir kuuş-teq суqlyg polza, Ergij көргеş kelgen polza.</i> (Agbaan)	Лежит ли песчаный Демир-Суг без изменений, Пески свои взметая ввысь на ветру, Вот если б имел орлиное я оперение, Облетел бы и оглядел все вокруг. (Пер. Э. Мижита)⁶

¹ Parykaan. Martyн naim // Erkhe cholootei bukhu Tuva (газета). 1929. 30 марта. Ар. 4. (На монг. яз.).

² На кириллицу тувинская письменность перешла в 1943 г.

³ Шүлүкчү — стихотворец, от слова шүлүк — стихотворение. Является заимствованием из монгольского языка (ср. монг. шүлэг), принятым в Туве в 1934 г. «по решению литературного кружка и с одобрения Ученого комитета» (Куулар, 1970: 21).

⁴ Съндь согаалдар [Сборник произведений] (1937). Pir tugaar undyrgeni. Кызыл : Cogaal komitedi. 194 ar. (На тув. яз.).

⁵ В современной орфографии — Очурбаанак.

⁶ Подстрочный перевод стихотворений на русский язык здесь и далее — Э. Мижита.

Действительно, по структуре и стилю угадывается народная песня. Как утверждает Очурбаанак, это была песня аратов села Темир-Суг Улуг-Хемского кожууна¹.

Сборник открывается текстом песни «Internasional» («Интернационал»), видимо, коллективного сочинения. Далее следуют стихотворения следующих авторов: Сарыг-оол (Saryq-ool)² «Ekki curttuvus xoluvusta, erge şeleevis rodubusta» («Хорошая страна — в руках наших, свобода наша — у нас самих»); Хөвөнмей (Хөвөнмей) «On aldь сьлдьң іştinde» («В течение 16 лет»), «Хостуоҕ арат pilip tur, оо» («Свободный арат внимает»), «Октаврньң оду kapitalistарнь оја сidi» («Огонь Октября разьедает капиталистов»); Пүрбү (Пүрбү) «AREVЭ³ telgerezin!» («Да здравствует Ревсомол!»), «Октавр» («Октябрь»), «Am-taa tiileeli» («Еще будем побеждать»), О. Торжу (O. Torzu) «Тагьн kattap tarlatpas-pis» («Больше не дадим себя поработать»). Последнее стихотворение стало одной из самых распространенных революционных песен того времени. В те годы все сочиненные стихи пелись под народные мелодии.

Следующий раздел книги «Puşkinniң ölge-le 100 сьл polgan ojun tavağşтыr orus тыдан оссuldurган şylykter» («Стихотворения Пушкина, переведенные с русского языка, к 100-летию со дня его смерти») состоит из прозвучавших на тувинском языке творений А. С. Пушкина: «Turaskaal» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», пер. Пюрбю), «Cadaefke» («К Чаадаеву», пер. Токи), «Sivir-se» (пер. Сарыг-оола), «Хажаалыг хун telgerezin!» (пер. Лопсана). А завершается раздел стихотворным приложением от имени тувинского общества в связи с годовщиной трагической гибели Пушкина «Aldьн хун роор сьгьр тур» («Светится золотым солнцем»).

Рассматриваемый нами сборник первых стихотворений и переводов тувинской литературы представляет собой книгу довольно внушительного объема (194 стр.), объединяющую большое количество лиц, интересовавшихся стихотворчеством. Но из 45 человек, опубликовавших свои первые опыты в этом сборнике, лишь четверть осталась на nive тувинской литературы: Сарыг-оол (впоследствии — Степан Сарыг-оол), Пүрбү (Сергей Пюрбю), Көк-оол (Виктор Көк-оол), Идам-Сүрүн (Монгуш Идам-Сүрүн), Самба-Лүндуп (Салчак Самба-Лүндуп), Хөвөнмей (Байкара Хөвөнмей), Эренчин (Василий Эренчин), Тамба (Салчак Тамба) и другие.

В 1939 г. вышел в свет второй выпуск этого сборника, включавший не только стихотворения начинающих авторов, но и популярные в те годы песни и записанные у носителей народной мудрости пословицы, загадки и сказки⁴. Как писал А. К. Калзан, в 1930-х годах характерным для поэтической речи было использование народного языка в несколько модифицированной, литературной манере (Калзан, 2005: 132).

На формирование поэзии особое влияние оказали художественные особенности устно-поэтической речи: гармония гласных, аллитерация, анафорическое созвучие слов, тавтология и т. д. Зачинатели тувинской поэзии, творчески перерабатывая и совершенствуя художественно-поэтический строй народных песен и припевок, их ритмико-синтаксическую структуру, заложили фундамент новой письменной поэзии. Только нужно было внести новое содержание, новый революционный дух.

Народные романтически-лирические песни в годы перестройки сознания переделывались в декларативно-лозунговые. В песнях появились, хоть и резали слух и ритмически плохо ложились в строку, иностранные слова — «интернационал», «пролетарий», «октябрь», «революция», «культура».

Одним из первых учителей для начинающих авторов был известный исследователь тувинского языка, переводчик А. А. Пальмбах. Его авторское стихотворение «Tarlatkan ulustарнь revolus хostaan» («Революция освободила угнетенных») написано в 1932 г. как поиск новых средств для зарождающейся тувинской поэзии — по рифмовке русского стиха. Нехарактерный для тувинской поэтической традиции прием принят как опыт творческих исканий.

Интересен тот факт, что первые опыты написания стихотворений были коллективными — их сочиняли ученики пунктов по ликвидации безграмотности. По образцу народной песни слагались новые, переделанные строки, отражающие идеи новой эпохи (Куулар, 1970: 17–18). Первые книги и хрестоматии «Pici тurguzukcular» 1931 г., «Pistin азы» 1934 г., «Өөreniili» 1936 г., «Саа oruk» 1938 г. изобиловали стихотворениями и песнями коллективного сочинения.

¹ Сьндь согаалдар [Сборник произведений] (1937) Pir tugaar undyrgeñi. ... Ар. 7. (На тув. яз.).

² Традиционно тувинцы имели только имена (без фамилий и отчество), а для уточнения или если имена совпадали, добавляли название рода.

³ Аныяктарньң революстуг эвилели — Революционный союз молодежи (Ревсомол).

⁴ Сьндь согаалдар [Сборник произведений] (1939). Iji tugaar undyrgeñi. Кызыл: Cogaal komitedi. 158 ар. (На тув. яз.).

Подобное явление было характерно почти для всех национальных литератур Сибири того времени. О таких «песнях-переделках» пишут известные исследователи бурятской литературы В. Ц. Найдаков и Г. О. Туденов: «Иногда замена только отдельных слов и стихов давала разительные результаты — такова природа устной импровизации (в 1920-х годах. — Л. М.). Например, в ёхорных песнях и частушках обновление одних припевок поднимало идейно-политический уровень всего цикла» (*История бурятской ...*, 1995: 132). Так же обстояло дело с первыми поэтическими опытами хакасских авторов, которые «сохраняли внешнюю структуру тахпаха и его традиционные художественные приемы: параллелизм, образ-сравнение, аллегорию» (*Очерки истории ...*, 1985: 16–17).

Следует подчеркнуть, что в 1930-х годах основу тувинской поэзии составляли преимущественно революционные песни с пафосом утверждения нового строя. Как верно отметила относительно якутской литературы 1920–1930-х годов Л. Н. Романова, «существующая власть в целом выбрала верную, беспроязвительную тактику по отношению к литературе, сделав ее своим орудием, проводником, глашатаем лозунгов, являвшихся, по сути, политической программой, безоговорочно подчиняющей себе сознание масс» (*Литература Якутии ...*, 2005: 104). В конце 1930-х годов появились сатирические песни и стихи на злободневную тематику, как и в импровизированных пьесах, высмеивающих феодалов, лам и шаманов, которые имели немаловажное значение для культурной революции тех лет (*Куулар*, 1970: 37).

В становлении тувинской поэзии огромную роль сыграло творчество русских поэтов, особенно А. С. Пушкина и В. В. Маяковского. 11 февраля 1937 г. в газете «Аревэ шыны» («Правда ревсомола») вышла литературная страница, посвященная 100-летию со дня гибели А. Пушкина, и переводы его стихотворений¹. 13 февраля 1937 г. в клубе им. Шагдыр-Сюрюна состоялось собрание общественности г. Кызыла, где тувинский народ впервые услышал о Пушкине из доклада А. Пальмбаха. Собрание приняло обращение к читателям республики: «изучать и пропагандировать творчество Пушкина и сделать произведения великого поэта оружием борьбы с пережитками прошлого в жизни тувинского народа»². «Пушкинские дни», проводимые с целью ознакомления с творчеством великого русского поэта, сыграли значительную роль в развитии и совершенствовании тувинской поэзии.

Переводя произведения Пушкина на тувинский язык, первые тувинские писатели узнавали новые методы, размеры, изобразительные средства поэзии, что позволило им использовать в своих стихотворениях элементы жанрового и формального своеобразия русской поэзии. В частности, успешно заимствовали знаменитую «лесенку» Маяковского, усиливая художественную значимость интонации, что обогатило идейный пафос и экспрессию произведений. Число строк в строфе увеличилось до шести, восьми. «Опыт В. Маяковского впервые внес в тувинскую поэзию С. Пюрбю — в стихотворении «Чалыы назынның кылажы» («Шествие юности»)» (*Тыва литература*, 1964: 98).

Таким образом, зарождающаяся в 1930-х годах тувинская поэзия, во-первых, опиралась на традиции народного устно-поэтического творчества, во-вторых, благодаря наставнической деятельности А. А. Пальмбаха и переводам произведений русских и советских поэтов, старалась вобрать в себя все то новое, что впоследствии сыграло огромную роль в ее становлении. Это не только формальные приемы стихосложения, но и способы построения художественных образов, развития и углубления поэтической мысли, идейного содержания и т. д. И эти две опоры предопределили ход и направление развития молодой тувинской поэзии на многие годы вперед.

Основоположники тувинской поэзии

Одним из зачинателей тувинской поэзии, теоретиком и практиком литературы своего времени является Сергей Пюрбю (1913–1975). В те годы все его публикации выходили под его исконным именем — Рурбу (с 1943 г. — Түлүш Пүрбү; после всеобщей паспортизации граждан Тувы в 1947 г., связанной с вхождением Тувы в состав СССР в 1944 г., ввиду того что в русском алфавите нет буквы «ү», в паспорте написали «Пюрбю». Имя стало фамилией, а новое имя — Сергей). Первый сборник стихов Пюрбю вышел в свет в 1944 г. под названием «Эртенгиниң ыры» («Песни утра»). В 1939 г. он написал брошюру «Аныяк чогаалчыларга дуза» («В помощь молодым писателям»). Это был первый опыт литературно-критического труда — теоретическая разработка вопросов тувинской литературы

¹ Aldьн хун роор сьгър tur [Светится золотым солнцем] // Аревэ зьнь (газета). 1937. Февраль 11. Ар. 2. (На тув. яз.)

² Шьн (газета). 1937. Февраль 13. Ар. 2. (На тув. яз.)

на основе трех родов литературы, введение терминологического аппарата, жанровых понятий и т. д., призванная обучать начинающих авторов азам литературного творчества.

Лирико-эпическая, реалистическая поэма С. Пюрбю «Сессек» (имя героини Чечек, букв. — ‘цветок’), вышедшая в свет в 1941 г.¹, «стала вершиной тувинской поэзии того времени и ознаменовала ее переход на новый уровень развития» (Куулар, 1970: 38). Автор воссоздает панораму драматической истории тувинского народа в дореволюционной Туве, радикальных изменений в обществе с установлением советской власти и формирования нового типа личности на примере судьбы главной героини поэмы Чечек. Данное произведение С. Пюрбю прочно занимает свое достойное место в «золотом фонде» тувинской литературы.

Одним из основоположников тувинской литературы является также Степан Сарыг-оол (1908–1983). Первые стихотворения С. Сарыг-оола, как и у всех первопроходцев, печатались на основе латинской графики. Из стихотворения «Aas-kezii» («Счастье»):

*Arat namny salgakсыз —
AREVEge kirip algaş,
Азыр, pagaj sovulaңdan
Adaаnyт ар, хьыт хангап².*

Вступив в АРЕВЭ,
В ряды наследника народной партии,
Горькому и тяжкому страданию
Отомстив, я удовлетворен.

Одним из ярких достижений тувинской поэзии периода ТНР является поэма Степана Сарыг-оола «Саны-Мөге» (имя лирического героя), опубликованная в 1943 г. Произведение представляет собой лирико-публицистический монолог старика-тувинца о своей жизни — о тяжелом детстве, страданиях его родителей, борьбе за достойное существование, о сложной, противоречивой картине революционной эпохи. Проявлением новаторства поэта для своего времени, на наш взгляд, является глубина проникновения в психологическое состояние героя. Данное произведение старейшины тувинской поэзии С. Сарыг-оола основательно исследовано в очерках по истории тувинской литературы Ю. Ш. Кюнзегешем и А. К. Калзаном (*Тыва литература, 1964*: 91–95; *Тыва совет литератураның ... , 1975*: 69–70, 240–243) и вошло в сокровищницу тувинской литературы.

Наряду с С. Пюрбю и С. Сарыг-оолом, создавали основу письменной тувинской поэзии немало первопроходцев: Байкара Ховенмей (1915–1972), Леонид Чадамба (1918–1987), Салчак Самба-Людуп (1916–1981), Салчак Тамба (1918–1983), Александр Тамба-Сюрюн (1914–1971), Василий Эренчин (1912–1961). Эти писатели были первыми членами Союза писателей ТНР, созданного в 1942 г., авторами первых стихотворений тувинской литературы. Они были одними из самых известных, прогрессивно мыслящих людей своего времени, которые первыми обучились тувинской письменности, стали учителями в кружках по ликвидации безграмотности, а также одними из первых выучивших русский язык и осуществлявших переводы. Они издавали первые учебники, хрестоматии, сборники, работая в книжном издательстве, типографии или редакциях газет. Примерно такой же путь прошли и первые писатели других регионов Сибири, например, Алтай: М. В. Мундус-Эдоков, П. А. Чагат-Строев (*История алтайской ... , 2004*: 161).

Следующим поэтом, оставившим яркий след в истории зарождения тувинской поэзии, является Монгуш Идам-Сюрюн (1920–1970). Он начал печататься с 1939 г. Был репрессирован по ложному обвинению вместе с Сергеем Пюрбю в 1948 г.

М. Идам-Сюрюн одним из первых стал посвящать стихи тяжелому историческому прошлому тувинцев. Например, написанные в 1940 г. следующие выстраданные строки М. Идам-Сюрюна заставляют читателя представить, насколько страшным и безвыходным было положение тувинского народа в XIX — начале XX в.:

¹ Пурбу. Сессек (şylyglel) // Revolustun xereli. 1941, № 1. Ар. 28–24. (На тув. яз.)

² Далее стихи переложены на кириллицу.

Эзээргектиң дужу турда, арат		Разве право имел и разве счастье	
Эрге-медел, амыр-чыргал турган	кижээ	Когда было время тиранов-	видел арат,
Эргим чурттуң ужу-кыдыын каяа	эвес.	Ведь во всех пределах родимой	самодуров.
Эриш-шаагай чаңгыланып эдип	чедир	Звуки пыток и казней вовсю	страны
Төөгүден чурук ышкаш көрүп чор	чорду.	Мы историю, словно картину, всю	звучали.
Төгүлген хан Тере-Хөл дег хөл-даа	бис,	Вся пролитая кровь может стать	видим,
Баък холдан өлген чонну чыыр	болур.	озером, как озеро Тере-Холь.	
Бай-Даг ышкаш хорумналган даг-	болза,	Если собрать народ, погибший от	проклятых рук,
Дорамчылал, кинчи-бектер даг дег-	даа болур.	Может образоваться гора,	величиною с гору Бай-Даг.
Довук дег ак доозазын ширбин	даа бол,	Пусть велики, как гора, униженья и	цепи,
Тываларның өскен чуртун чыргал	каапкан.	Белизна с коленную чашечку их	победила и вымела вон.
Тынып чорда таан таптыг, шөлээн	хүннээн,	Блаженство солнцем осветило	родную землю тувинцев,
	болган.	И стало свободно, и дышится здесь	так легко.

Свое видение и оценку данного события автор выразил в метафорической строке «Аккан ханы тугум болган» — «Пролившаяся их кровь стала знаменем моим», ставшей его размышлением и душевными переживаниями о прошлом и радостью о «настоящем счастье» народа.

Можно отметить как художественное достижение тувинской поэзии 1930–1940-х годов следующие стихотворения М. Идам-Сюрюна: «Фронтучуларга» («Фронтовикам»), из любовной лирики: «Оолдуң чагаазы» («Письмо парня»), «Сагыжымдан дүне, хүндүс ыравадың...» («И днем, и ночью ты в мыслях моих...»), а также «Аныяк дииңчиге» («Молодому охотнику»), «Улуг-Хем дугайында ыры» («Песня о Енисее»), «Кара-Сугга» («Речке Кара-Суг»)¹. Эти стихи выделяются особым, несомненным лирическим чувством и эстетическим мастерством среди произведений большинства авторов того периода. В его стихах меньше повторений идеологических лозунгов, а такие строки, как «Пусть велики, как гора, униженья и цепи, / Белизна с коленную чашечку их победила и вымела вон», трогают читателя эмоционально заряженной образностью, что является признаком подлинной поэтической речи.

Начало поэтического творчества основоположников — будущих классиков тувинской литературы С. Пюрбю и С. Сарыг-оола, а также незаслуженно забытого в связи с его репрессией вместе с С. Пюрбю в 1940-х годах, одного из талантливых поэтов своего времени М. Идам-Сюрюна — характеризуется выработкой новой эстетики, реалистического стиля, активным поиском и освоением новых для мировоззрения тувинцев-кочевников тем, форм, образов и мотивов для освещения новой, невиданной для тувинца общественной формации. В произведениях этих писателей, а именно в поэмах «Чечек» С. Пюрбю, «Саны-Мөге» С. Сарыг-оола, «Уделге» М. Идам-Сюрюна, налицо достижение нового уровня поэтического мастерства: больше ярких эпитетов, эмоционально насыщенных сравнений и метафор, позволяющих создать образы, отвечающие идейно-художественному замыслу автора.

Тувинская поэзия 1940-х годов

22 июня 1941 г. на заседании 10-го Великого Хурала ТНР с гневным осуждением войны, начатой фашистской Германией, выступили С. Тока и С. Пюрбю (Салчак, 2000: 52). А 1 июля в газете «Шын»

¹ Идам-Сюрюн М. Шүлүктер [Стихотворения]. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1944. 62 с. С. 27–36. (На тув. яз.).

был напечатан текст выступления С. Пюрбю о задачах тувинской литературы в обстановке военного времени. Он утверждал, что:

«Поэзия должна поднимать патриотический дух народа и звучать как боевой клич. Призывать народ единым фронтом помогать Советской Армии в борьбе с врагом, отстаивать свободу и независимость. Выражать непоколебимую веру в победу советского народа над проклятым фашизмом!» (НА ТИГПИ, д. 320, л. 21).

В годы Великой Отечественной войны советского народа против фашизма тувинские писатели своим призывом вдохновляли народ и отправлявшихся на фронт тувинских добровольцев. Их стихотворения, проникнутые патриотическим пафосом и нестигаемой верой в грядущую победу, тут же становились известны всему народу, их заучивали наизусть, читали вслух на собраниях и митингах.

Написанное в начале войны стихотворение С. Пюрбю «Тулчуушкунче!» («На битву!») 1941 г., выражая патриотические и интернациональные чувства бойцов, стало гимном тувинских добровольцев. Слова этой песни были созвучны сердцам сотен молодых людей, добровольно просивших отправить их на фронт. Песню пел весь народ — и стар, и млад:

<i>Тулчуушкунче! Тулчуушкунче!</i>	На битву! На битву!
<i>Тура дүшпейн, бурунгаар!</i>	Вперед, без оглядки вперед!

Эта песня имела такое же значение в Туве, как песня «Священная война» в СССР. А проникновенная баллада «Кызыл коьш» («Красный обоз») С. Пюрбю передавала чувство гордости людей за трудовой подъем, за то, что у них есть возможность помогать СССР в ее борьбе с фашизмом.

Гневным обвинением фашизма прозвучало стихотворение С. Сарыг-оола «Чылан сени» («Тебя — гадюку») 1943 г., переложеного в музыку:

<i>Чылан ышкаш хоран дылдыг</i>	Ядовитого, как змея,
<i>Чылбыганы Гитлерни</i>	Коварного Гитлера
<i>Чырык хүн дег совет чуртум</i>	Насмерть растопчет
<i>Чыжырт кылдыр чылча шавар.</i>	Советская солнечная страна.

Поэзия выражала неразрывную связь тувинского народа с фронтом, на который в 1943 г. отправились добровольцы ТНР. Одно за другим звучали стихи, написанные как поэтические письма тувинским добровольцам. Это стихи «Дайынчыга» («Бойцу») С. Пюрбю, «Танкиске чагыг» («Наказ танкисту»), «Кызыл Шеригде барган өңнүүмге» («Другу в Красной Армии») С. Сарыг-оола, «Майның белээ» («Майский подарок») Л. Чадамба, «Төрээн чурттуң патриотчуларынга» («Патриотам Родины») С. Самба-Люддупа, «Хайыра чок сок-ла, эжим!» («Бей, друг, беспощадно!») И. Эргил-оола и т. д. Прекрасным художественным обобщением массового патриотического движения по сбору материальной помощи тувинцев фронту стала баллада С. Пюрбю «Красный обоз».

В эти годы поэтические произведения стали более дифференцированными. По сравнению с поэзией 1930-х годов уровень поэтического мастерства зачинателей литературы повысился, стали разнообразнее художественные средства. Например, стихотворение С. Пюрбю «Чалыы назынның кылажы» («Шествие юности») 1943 г. построено как призыв молодежи к борьбе, призыв закаляться, быть готовыми к любым напастям на пути строительства «светлого будущего».

Ярким явлением тувинской поэзии 1940-х годов стало издание Революционным Союзом молодежи сборника стихов «Саьь пазьппың кылажы»¹ («Шествие юности», 1943), посвященного 25-летию юбилею ленинско-сталинского комсомола. Книга маленького формата состоит из 29 стихотворений восьми авторов: Монгуша Идам-Сүрүна, Түлүша Пүрбү (Сергея Пюрбю), Агбаана Сарыг-оола (Степана Сарыг-оола), Ондара Саган-оола (Олега Саган-оола), Чадамба, Эренчина, Нордупа, Биче-оола.

Книга открывается стихотворениями М. Идам-Сүрүна «Komsomol telgerezin!» («Да здравствует комсомол!») и Т. Пүрбү «Саьь пазьппың кылажы» («Шествие юности»), в которых мы отмечаем особый лиризм.

¹ Саьь пазьппың кылажы [Шествие юности]. Кызыл: Cogaal komitedi, 1943. 80 ар. (На тув. яз.). После перевода тувинской письменности в 1943 г. издания на яналифе продолжали выходить, переход издательских проектов на кириллицу был постепенным.

Например, строки Идам-Сюрюна о комсомоле:

Өткүт ырда салгын куш дег ужуп тур сен. *** Талалихин, Таня, Фрунзе, Гастелло дег, Талантылар өзүп алып кавай болдуң.	В звонкой песне паришь, как крылатая птица. *** Ты колыбель, вращивающая таланты, Как Талалихин, Таня, Фрунзе, Гастелло.

Рассмотрим два стихотворения Сергея Пюрбю с ярко выраженной метафорической образностью, выразительными сравнениями и идейно-эмоциональным пафосом:

В первом — «Чалыы назын делегерезин!» («Да здравствует юность!») (1943) — мотив грусти, возникающий в начале стихотворения, проходит через исторический экскурс поэта. В нем живыми красками обрисована жизнь молодого поколения в прошлом:

Кадарып-кадарып кээр, Каткан кара моюн бээр. Ишти-хырны куруг, Идик-хеви самдар, Чечек ышкаш чалыы назын Черге калып, чидип чораан. «Ийи экти кыстынган, Ийи караа кылайган, Билир чүвези чок, Мирит ышкаш!» — диртип, Хайыраан салым, чалыы назын Хайыра чок хайлып чораан.	За тяжкий труд пастуха Получая жесткое шейное мясо, С пустым желудком, В рваных обносках В землю ложась, умирала Цветущая юность. Слушая, как обзывают Ничего не знающим идиотом, С вечно съезжившимися плечами И сверкающими (голодно) глазами, Таяла безжалостно Драгоценная юность.

В данных строках С. Пюрбю поэзия «предельно сближается с непосредственным и конкретным бытием человека, проникается его заботами, мыслями, чувствами, создается по его мерке...» (Аверинцев и др., 1994: 33).

А в следующем стихотворении «Эртенгиниң ыры» («Утренняя песня») — появление надежды на светлое будущее и вера в то, что молодежь не растеряет данную возможность, звучит призыв к позитивно значимым действиям в реальной жизни:

Эргим сарыым, чыргалаңга базым немээр Эки хүнүң, чырык хүнүң үнүп олур.	Моя дорогая, к блаженству приближая на шаг, Добрый твой день, светлый твой день уже настает.

Заканчивается стихотворение жизнеутверждающе. Поэт оказался прав в своем предвидении. И это предвидение коснулось не только социально-политических преобразований республики, но и того, что люди обрели веру в светлое будущее и что зародившаяся в 1930-е годы тувинская поэзия, движимая молодыми творческими силами, уверенно пойдет по пути дальнейшего развития.

Таким образом, тувинская поэзия 1940-х годов, опираясь на народную поэзию и лучшие образцы русской поэзии, обрела свой неповторимый облик, заключающийся в национальной самобытности и гуманистическом пафосе в историческом контексте — пафосе борьбы за справедливость, светлое будущее и возвышение человека новой эпохи. В эти годы созданы крепкие основы гражданской, лирической и эпической поэзии.

Заключение

Создание в 1930 г. национальной письменности в ТНР способствовало зарождению тувинской художественной литературы и формированию литературного языка. В 1930-х годах печатались в основном стихотворения с отчетливо выраженной идеологической тенденциозностью. А с 1940-х годов тувинские поэты начали создавать патриотические и первые лирические стихотворения, воспевающие родной край, природу, любовь, вечные человеческие чувства и ценности.

Особое место в истории тувинской литературы занимает подвижнический труд основоположников тувинской поэзии: С. А. Сарыг-оола, С. Б. Пюрбю, М. Ы. Идам-Сюрюна, Б. Д. Ховенмея, Л. Б. Чадамба и других. Писатели ТНР стремились художественно обобщить глубинные изменения как в социальном, культурном развитии, так и нравственном облике строителей нового общества в связи с кардинальной переоценкой национально-культурных ценностей тувинского народа.

Тувинские авторы даже в условиях идеологических задач строительства нового социалистического общества стремились осмыслить и воспеть историческое прошлое, национальную самобытность и культурное наследие своего народа, обращая внимание на тонкие индивидуальные чувства и мысли тувинца. Особенно это характерно для раннего творчества Пюрбю и Идам-Сюрюна.

В зарождении тувинской поэзии сыграли огромную роль переводы стихотворений русских и советских поэтов. Тувинские авторы, изучая их творчество, учились поэтическому мастерству, пониманию того, что творение поэзии есть умение искать и находить новые идеи и свежие оригинальные образы.

Несмотря на лозунговость и декларативность, первоначальные шаги тувинской поэзии в 1930-х годах послужили тем основанием, на котором впоследствии, в 1940-х годах, появились первые зрелые, знаковые произведения, ставшие классикой тувинской литературы: поэмы «Чечек» С. Пюрбю и «Саны-Мөгө» С. Сарыг-оола. Это были поэтические произведения с философским осмыслением действительности, обобщением общественных явлений и процессов, а также проникнутые ярко выраженным лирическим чувством.

Таким образом, в период ТНР зачинатели литературного процесса за очень короткий отрезок времени заложили крепкий фундамент национальной литературы и определили подлинно гуманистическое направление для своих последователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аверинцев, С. С., Андреев, М. Л., Гаспаров, М. Л., Гринцер, П. А., Михайлов, А. В. (1994) Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания : сборник статей / отв. ред. П. А. Гринцер. М. : Наследие. 512 с. С. 3–38.

История алтайской литературы (2004) : в 2-х кн. / рук. авт. колл. Р. А. Палкина. Горно-Алтайск : Юч-Сумер-Белуха. Кн. 1. 552 с.

История бурятской литературы: 1917–1955 гг. (1995) : в 2-х ч. / под общ. ред. В. Ц. Найдакова. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН. Ч. 1. Становление бурятской советской литературы (1917–1940). 256 с.

История тувинской литературы (2013) / отв. ред. К. А. Бичелдей. редкол.: Л. С. Мижит (рук. проекта) и др. Новосибирск : Изд-во СО РАН. Т. I. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). 266 с.

Калзан, А. К. (1980) Амыдырал болгаш литература: Тыва чогаал дугайында бодалдар [Жизнь и литература: Размышления о тувинской литературе]. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 176 с.

Калзан, А. К. (2005) Общие тенденции развития языка тувинской литературы // Улуг-Хем. № 2. С. 128–136.

Куулар, Д. С. (1970) Тувинская поэзия: Очерк истории. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 140 с.

Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки (2005) / редкол.: В. Н. Иванов (отв. ред.), П. В. Максимова, М. Н. Дьячковская, Л. Н. Романова. Якутск : Ин-т гуманитар. исслед. АН РС(Я). 728 с.

Михайлов, А. В. (2000) Обратный перевод. Русская и западно-европейская культура: проблемы взаимосвязей. М. : Языки русской культуры. 856 с.

Очерки истории хакасской советской литературы (1985) / отв. ред. К. Ф. Антошин. Абакан : Красноярское книжное издательство, Хакасское отделение. 288 с.

Салчак, В. С. (2000) Тыва чогаалчылар дугайында демдеглелдер [Заметки о писателях]. Кызыл : КЦО «Аныяк». 66 с. (На тув. яз.)

Танова, Е. Т. (2013) Тываның чогаалчылары: намдар төөгүзү, ажыл-чорудулгазы [Писатели Тувы: биографии и творческая деятельность] / ред. Л. С. Мижит. Кызыл : ОАО «Тываполиграф». 192 с. (На тув. яз.)

Татаринцев, Б. И. (2005) 75-летие создания тувинской национальной письменности // Гуманитарная наука Тувы на стыке веков: история, проблемы и перспективы: доклады научно-практической конференции, посвященной 75-летию тувинской письменности и 60-летию ТНИИЯЛИ–ТИГИ, 13–14 октября 2005 года / ред. А. А. Чернова. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 135 с. С. 17–20.

Тыва литература: допчу төөгүзү [Тувинская литература: краткий очерк] (1964) / редкол. А. А. Пальмбах, Ю. Л. Аранчын, А. К. Калзан; ред. А. Чылбак-оол, А. Делгер-оол. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 240 с. (На тув. яз.)

Тыва литератураның допчу очерги [Краткий очерк тувинской литературы] (1953) / авт. колл.: О. Саган-оол, Ю. Кюнзегеш, А. Мазуревская, Л. Гребнев. Ред. С. Сонам. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 48 с. (На тув. яз.)

Тыва совет литератураның допчу төөгүзү [Очерки истории тувинской советской литературы] (1975) / А. К. Калзан, М. А. Хадаханэ, Д. С. Куулар. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 332 с. (На тув. яз.)

Хализев, В. Е. (2009) Теория литературы. 5-е изд., испр. и доп. М. : Издательский центр «Академия». 432 с.

Дата поступления: 05.06.2020 г.

REFERENCES

Averintsev, S. S., Andreev, M. L., Gasparov, M. L., Grintser, P. A. and Mikhailov, A. V. (1994) Kategorii poetiki v smene literaturnykh epokh [Categories of poetics in the change of literary eras]. In: *Istoricheskaia poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia* [Historical poetics. Literary eras and types of artistic consciousness]: a collection of articles / ed. by P. A. Grintser. Moscow, Nasledie. 512 p. Pp. 3–38. (In Russ.).

Istoriia altaiskoi literatury [History of Altai literature] (2004) : in 2 books / ed. by R. A. Palkina. Gorno-Altaysk, Iuch-Sumer-Belukha. Book 1. 552 p. (In Russ.).

Istoriia buriatskoi literatury: 1917–1955 gg. [The history of Buryat literature: 1917–1955] (1995) : in 2 parts / ed. by V. Ts. Naidakov. Ulan-Ude, BNTs SO RAN. Part 1. Stanovlenie buriatskoi sovetskoi literatury (1917–1940) [The formation of the Buryat Soviet literature (1917–1940)]. 256 p. (In Russ.).

Istoriia tuvinskoi literatury [A History of Tuvan Literature] (2013). Novosibirsk, Nauka. Vol. I. *Istoki. Literatura Tuvinskoi Narodnoi Respubliki (1921–1944)* [Literature of The People's Republic of Tuva (1921–1944)] / ed. by K. A. Bicheldei. Novosibirsk, SB RAS Publ. 266 p. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (1980) *Amydyral bolgash literatura: Tyva chogaal dugaiynda bodaldar* [Life and literature: Reflections on Tuvan literature]. Kyzyl, Tuvan book publ. 176 p. (In Russ.).

Kalzan, A. K. (2005) Obshchie tendentsii razvitiia iazyka tuvinskoi literatury [General trends in the development of the language of Tuvan literature]. *Ulug-Khem*, no. 2, pp. 128–136. (In Russ.).

Kuular, D. S. (1970) *Tuvinskaia poeziia: Ocherk istorii* [Tuvan poetry: An essay on its history]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 140 p. (In Russ.).

Literatura Yakutii XX veka: Istoriko-literaturnye ocherki [Literature of Yakutia of the XX century: Historical and literary essays] (2005) / editorial board V. N. Ivanov (ed.), P. V. Maksimova, M. N. D'iachkovskaia and L. N. Romanova. Yakutsk, In-t gumanit. issled. AN RS(Ia). 728 p. (In Russ.).

Mikhailov, A. V. (2000) *Obratnyi perevod. Russkaia i zapadno-evropeiskaia kul'tura: problemy vzaimosviazei* [Reverse translation. Russian and Western European cultures: problems of interrelation]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. 856 p. (In Russ.).

Ocherki istorii khakasskoi sovetskoi literatury [Essays on the history of Khakass Soviet literature] (1985) / ed. by K. F. Antoshin. Abakan, Krasnoyarsk book publishing house, Khakass branch. 288 p. (In Russ.).

Salchak, V. S. (2000) *Tyva chogaalchylar dugaiynda demdeglelder* [Notes on the writers]. Kyzyl, KTso "Anyiak". 66 p. (In Tuv.)

Tanova, E. T. (2013) *Tyvanyng chogaalchylary: namdar töögüzü, azhyl-chorudulgazy* [Writers of Tuva: biographies and creative activities] / ed. by L. S. Mizhit. Kyzyl, OAO «Tyvapoligraf». 192 p. (In Tuv.)

Tatarintsev, B. I. (2005) 75-letie sozdaniia tuvinskoi natsional'noi pis'mennosti [75th anniversary of the creation of the Tuva national writing system]. In: *Gumanitarnaia nauka Tuvy na styke vekov: istoriia, problemy i perspektivy* [The Humanities in Tuva at the Turn of the Century: History, Problems and Prospects]; Proceedings of the conference dedicated to the 75th anniversary of Tuvan writing and the 60th anniversary of TNIIYALI-TIGI, October 13–14, 2005 / ed. by A. A. Chernova. Kyzyl, Tipografiia KTsO «Anyiak». 135 p. Pp. 17–20. (In Russ.).

Tuva literatura: dopchu töögüzü [Tuva literature: a brief essay] (1964) / editorial board A. A. Pal'mbakh, Yu. L. Aranchyn and A. K. Kalzan; ed. by A. Chylbak-ool and A. Delger-ool. Kyzyl, Tuvan book publisher. 240 p. (In Tuv.)

Tuva literaturanyng dopchu ochergi [A brief essay of Tuva literature] (1953) / O. Sagan-ool, Yu. Kunzegesh, A. Mazurevskaia and L. Grebnev, ed. by S. Sonam. Kyzyl, Tuvan book publisher. 48 p. (In Tuv.)

Tuva sovet literaturanyng dopchu töögüzü [Essays on the history of Tuva Soviet literature] (1975) / A. K. Kalzan, M. A. Khakhane and D. S. Kuular. Kyzyl, Tuvan book publisher. 332 p. (In Tuv.)

Khalizev, V. E. (2009) *Teoriia literatury* [Theory of literature]. 5th edn. Moscow, Akademiia. 432 p. (In Russ.).

Submission date: 05.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.13

Взаимодействие традиционного и нового музыкального языка в народных и авторских песнях периода Тувинской Народной Республики

Аясмаа Д.-Б. Баранмаа

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье анализируются тувинские народные и первые авторские песни периода Тувинской Народной Республики с точки зрения внедрения европейской мажоро-минорной системы в традиционный музыкальный язык тувинцев, который относится к ангемитонно-пентатонической ладовой системе. Именно в авторском композиторском творчестве начала XX века семиступенные лады мажора и минора впервые нашли свое применение. Методологической базой для исследования послужили принятые в российском музыкознании принципы комплексного анализа, учитывающего разные параметры музыкальной выразительности.

Новые тексты легко сочинялись на характерные мелодии кожамык (припевов) и кыска ыр (коротких песен), для которых присущи ритмическая четкость и равномерность. Особенностью музыкального языка песен рассматриваемого периода является заметное расширение музыкального диапазона мелодий, использование широких мелодических ходов, наличие не типовых мелодических оборотов. Особо привлекает внимание песня «Кайгамчыктыг Интернационал» («Дивный Интернационал») — один из ярких образцов традиционного музыкального фольклора.

Рассматривается композиторский опыт М. Мунзука, В. Кок-оола, А. Лаптана. В их творчестве можно обнаружить следование традиционным народным песням и первые попытки освоения новых жанров (марша, гимнической песни, вальса), характерных для них ритмов, мажорных и минорных ладов.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика; тувинская музыка; история Тувы; песенный фольклор; тувинский фольклор; народная песня; авторская песня; традиционная музыка; композиторское творчество; монодия; ангемитоника

Для цитирования:

Баранмаа А. Д.-Б. Взаимодействие традиционного и нового музыкального языка в народных и авторских песнях периода Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 178–188. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.13

Баранмаа Аясмаа Данзы-Белековна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник группы культуры Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (39422) 2-39-36. Эл. адрес: mayasmaa@mail.ru

BARANMAA, Ayasmaa Danzy-Belekovna, Candidate of Art Studies, Leading Research Fellow cultural studies groups, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Studies. Postal address: 4 Kochetova St., Kyzyl 667000 Republic of Tuva, Russian Federation). Tel.: +7 (39422) 2-39-36. E-mail: mayasmaa@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7076-8416

The interaction between the traditional and new musical language in folk and author's songs under the Tuvan People's Republic

Ayasmaa D.-B. Baranmaa

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article examines folk and author's songs which appeared during the years of the Tuvan People's Republic, in the perspective of introducing the European major/minor scale into the traditional Tuvan music, which can be classified as belonging to anhemitonic/pentatonic scale system. It were the early 20th century composers (rather than creators of folk music) who first made use of the heptatonic scales of major and minor in Tuvan music. Methodologically, our research is based on the principles of comprehensive analysis in Russian music studies, which takes into account a whole range of factors in musical expression.

New song lyrics were created for the well-known melodies of the kozhamyk (ditties) and kyska yr (short songs), both of which are known for rhythmical clarity and constancy. During the period we focus on, the range of melodies in use expanded dramatically, with new melodic turns gaining traction and non-standard ones coming into use. A special focus is made on the "Kaygamchyktyg Internatsional" (Marvellous International) – a striking example of traditional musical folklore.

The article examines the heritage of M. Munzuk, V. Kok-ool and A. Laptan – composers who combined the use of traditional songs with elements of new genres (the march, anthem and waltz), with the whole range of rhythms, and major and minor keys typical; for them.

Keywords: *Tuvan People's Republic; Tuvan music; history of Tuva; song folklore; Tuvan folklore; folk song; author's songs; traditional music; composers' art; monody; anhemitonics*

For citation:

Baranmaa A. D.-B. Vzaimodeistvie traditsionnogo i novogo muzykal'nogo iazyka v narodnykh i avtorskikh pesniakh perioda Tuvinskoï Narodnoi Respubliki [The interaction between the traditional and new musical language in folk and author's songs under the Tuvan People's Republic]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 178–188. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.13

Введение

В период Тувинской Народной Республики (ТНР) (1921–1944) произошли важные перемены в жизни простых людей, они нашли яркое отражение в том числе в песенном творчестве. Песни стали выразителем внутреннего состояния народа, поскольку проникнуты надеждой на счастливое будущее, именно в них пропагандировались новые ценности. Так, А. К. Калзан пишет: «Самым распространенным видом послереволюционного тувинского фольклора являются песни и частушки, в которых народ выразил свое отношение к тем или иным общественно важным событиям в жизни родного края. Они проникнуты революционным духом, пафосом новой жизни тувинского народа» (Калзан, 1961: 253).

И в советское время, и в постсоветском пространстве песенный фольклор тувинцев периода ТНР рассматривались в работах известных исследователей фольклористов, литературоведов, культурологов, этномузыкологов, музыковедов: С. М. Орус-оол, А. К. Калзана, Ю. Ш. Кюнзегеша, У. А. Донгак, В. Ю. Сузукей, А. Н. Аксенова, Г. А. Осипенко и др. (Орус-оол, 2016; Калзан, 1961; Кюнзегеш, 2005; Донгак, 2013а; Сузукей, 2016; Аксенов, 1964; Осипенко, 1997).

На 1920–1930-е гг., как отмечает Г. А. Осипенко, приходится начальный этап становления профессиональной музыкальной культуры республики и возникновение новых форм музыкальной жизни (Осипенко, 1997: 392). Сначала создавались новые тексты к известным народным песням, затем стали появляться новые мелодии. В этот период берет начало авторское композиторское творчество. «Тувинское песнетворчество 1930-х гг. стали важным этапом формирования нового типа песенной культуры в Туве», — отмечает Е. К. Карелина (Карелина, 2009: 219). Именно в авторских песнях заметно

влияние популярных революционных песен русских советских композиторов, проявляющееся через характерные признаки жанра марша, песни-гимна, освоение элементов семиступенных ладов мажора и минора.

Самые ранние сведения о песнях этого периода имеются в исследовании Д. С. Куулара (Куулар, 1970), в котором сообщается о публикации в 1930 г. в газете «Шын» (первоначальное название «Тувагийн унэн») «Песен тувинской революционной молодежи» на старомонгольской письменности тувинскими словами, «Октябрьской песни» на тувинском языке в 1931 г., «Новой песни Красной Армии» в 1932 г. и песни «Вперед по ленинскому пути», опубликованной в 1932 г.» (там же: 16–18). У. А. Донгак пишет, что «... в книге “Сьндь согаалдар” (“Сборник художественных произведений”) 1939 г. изданы пять песен: “Дивный интернационал”, “Догэ-Баары”, “Төп-ле сургуул тургузарда” (“Центральная школа”), “Салуучуттар” (“Молодежь”), “Как избавится от страданий”» (Донгак, 2013b: 106). Тексты песен имели характерную особенность, а именно: «... новое содержание, идейно-содержательная сторона “аратских песен” очень близки содержанию агитационной литературы 1920-х годов» (там же). Тексты песен печатали и в других изданиях¹.

В целом, У. А. Донгак указывает, что «... особенностью литературного движения 1920–30-х годов в Туве является массовое увлечение сочинительством, а также коллективное творчество в разных видах литературы: поэзии, драме и прозе. Результатом коллективного авторства стали многочисленные стихотворные произведения, часть из которых распространились как песни ...» (Донгак, 2013a: 123).

Однако, все опубликованные материалы были представлены только текстами песен без нотной записи. Такой же сборник песен «Төрээн чурттуң ырлары» («Песни Родины») был издан Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории в 1952 г.²

В настоящее время мы располагаем нотными записями образцов песенного фольклора, которые были сделаны военным капельмейстером С. Г. Коровиным в конце 1920-х — в начале 1930-х годов. Нотные расшифровки народных песен продолжил его ученик М. Мунзук совместно с поэтом Ю. Кюнзегешом и выступил составителем сборника народных песен «Ырлар»³. Этот сборник был дополнен и переиздан в 1973 г. (сост. М. Мунзук, К. Мунзук)⁴. В 1940-е годы записями музыкального фольклора занимался известный ученый А. Н. Аксенов (Аксенов, 1964).

Целью настоящей статьи является рассмотрение тувинских народных и первых авторских песен периода ТНР с точки зрения влияния мажорных и минорных ладов на ангемитонную (бесполутонную) сущность напевов. Кроме этого, рассматриваются и другие параметры традиционного музыкального языка, претерпевшие изменения в ходе освоения новых жанров советской массовой песни. Новизна работы состоит в том, что автор обращается к вопросу внедрения европейской мажоро-минорной системы в музыкальный язык песен тувинцев, относящийся к ангемитонно-пентатонической ладовой системе. Именно в авторском композиторском творчестве начала XX века семиступенные лады мажора и минора впервые нашли свое применение.

Материалом для исследования послужили песни в известных сборниках: «Ырлар» (сост. М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш)⁵, «Ырлажылы» (сост. С. Пюрбю)⁶, «Тыва улустуң ырлары» (сост. М. Мунзук, К. Мунзук, Ю. Кюнзегеш)⁷, «Байлак чуртум» В. Көк-оола⁸, «Ырлаал чүрээм» А. Лаптана⁹, а также в научных монографиях: «Тувинская народная музыка» А. Н. Аксенова (Аксенов, 1964), «Максим Мунзук» Э. Б. Мижита (Мижит, 2014).

¹ «В букваре 1940 г. (Uluq ulus көөр узык)», Кызыл, 1940) опубликованы песни послереволюционного времени (ьгь) «Өскен төreen curtumajнь» («Родная земля моя»), «Тока targa» («Председатель Тока»), «Рајыр targa» («Председатель Байыр»), также не отмеченные авторством. ... В журнале «Revolustuң xereli» («Луч революции») 1941 г. (№ 3, 4) также публиковались авторские стихотворения, песни, переводы с русского...» (Донгак, 2013a: 118).

² Төрээн чурттуң ырлары. Тываның дыл, литература болгаш төөгүнүң эртем-шинчилел институту. Кызыл : Тыва областың ном үндүрер чери, 1952. 83 ар. (На тув. яз.)

³ Ырлар / М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1956. 208 ар. (На тув. яз.)

⁴ Тыва улустуң ырлары / чыындыны тургасканнар: М. Мунзук, К. Мунзук; музыка ред. А. Чыргал-оол, сөзүнүң ред. Ю. Кюнзегеш. 2-ги үндүрүлгө. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1973. 216 ар. (На тув. яз.)

⁵ Ырлар / М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1956. 208 ар. (На тув. яз.)

⁶ Ырлажылы (ырлар чыындызы) / С. Пюрбю чыып тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1959. 247 ар.

⁷ Тыва улустуң ырлары / чыындыны тургасканнар: М. Мунзук, К. Мунзук; музыка ред. А. Чыргал-оол, сөзүнүң ред. Ю. Кюнзегеш. 2-ги үндүрүлгө. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1973. 216 ар. (На тув. яз.)

⁸ Көк-оол В. Байлак чуртум : Ырлар чыындызы. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1988. 36 ар. (На тув.яз.)

⁹ Лаптаң А. Ырлаал, чүрээм : ырлар чыындызы, сактыышкыннар. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 2003. 128 ар. (На тув. яз.)

Методологической базой для исследования послужили принятые в российском музыковедении принципы комплексного анализа, учитывающего разные параметры музыкальной выразительности (Мазель, Цуккерман, 1967; Цуккерман, 1975). Кроме этого, основой послужили также некоторые положения теории монодийных ладов, изложенные в работах С. П. Галицкой и А. Ю. Плаховой (Галицкая, Плахова, 2013) и теории ангемитонной пентатоники (Гиршман, 1960; Кондратьев, 1995).

Музыкальные особенности народных песен

Сами названия песен свидетельствуют о новом времени: «Эрге шөлээ» («Когда у нас есть свобода»), «Кайгамчыктыг Интернационал» («Дивный Интернационал»), «Очалаңдан кедилерин» («Освобождение от мук»), «Онза хурал» («Чрезвычайный хурал»), «Тракторист», «Агитатор» и другие.

Известно, что первоначально новые тексты пелись на мелодии известных народных песен. Например, в песнях «Улуг-Хемниң шапкынында»¹ («Быстрому течению Улуг-Хема»)², «Залуучуттар» («Молодежь»)³ использованы варианты одной и той же традиционной народной мелодии. В монографии А. Н. Аксенова песня имеет название «Улуг-Хем». В примечании автор указал, что название относится не к самой реке Енисею, а к району ее бытования вблизи селения Хандагайты (Аксенов, 1964: 134). Данная мелодия характерна для песенной традиции Овюрского кожууна (Тиرون, 2018; Кан-оол, 2018). Песня известна под названием «Өвүр хадып чыдыр-ла боор» («В Овьуре ветры дуют наверное») (Тувинские народные ..., 2015: 309).

Другой пример. Мелодия песни «Камгаланыр күжү-даа бар» («Оборонная сила») представляет собой вариант напева песни «Артыгы-Сайны»⁴. Мелодия «Озал-ондак болур боор бе?» («Разве могут быть препятствия?») является вариантом песни «Тракторист Чавыдакты» (в честь первого тракториста Тувы)⁶. В сборнике А. Н. Аксенова она названа «Тракторист» (Аксенов, 1964: 146).

Большинство народных песен этого периода традиционны по музыкальному языку. Содержание песен требовало больше жизнерадостных и бодрых мелодий. Возможно, поэтому преобладают песни в жанрах *кожамык* и *кыска ыр* (короткие), по классификации З. К. Кыргыз (Кыргыз, 1992: 63–64). Новые тексты легко сочинялись на характерные мелодии *кожамык* с четким ритмическим рисунком. Для *кыска ыр* также присущи ритмическая четкость и равномерность. Новые элементы музыкального языка заметны в расширении музыкального диапазона мелодий, в использовании широких ходов, а также в некоторых мелодических оборотах.

Есть необычные мелодические элементы, которые мало характерны для народных песен. Например, движение по звукам мажорного трезвучия вверх либо вниз. Например, в песне «Көктүг, шыктыг Хемчиивисти» («В зеленых лугах — наш Хемчик») все мелодическое развитие завершается мажорным трезвучием⁸. В песне «Ырлажылы» («Споемте») при всей традиционности в мелодическом развитии есть широкий ход на септиму⁹ вверх в конце первой мелостройки¹⁰, затем в третьей мелостройке имеется восходящее движение по звукам мажорного трезвучия¹¹.

Отметим октавные ходы в песнях «Уруг эжим чараш караа» («Красивые глаза моей девушки») и «Уран чогаал» («Художественное слово») и т.д.^{12, 13}

¹ В сборнике 1973 г. «Тыва улустун ырлары» песня «Улуг-Хемниң шапкынында» дана в трех вариантах записи (Тыва улустун ырлары / чыындыны тургасканнар: М. Мунзук, К. Мунзук; музыка ред. А. Чыргал-оол, сөзүнүн ред. Ю. Кюнзегеш. 2-ги үндүрүлгө. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1973. 216 ар. С. 104, 105, 106).

² Ырлар / М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1956. 208 ар. Ар. 82.

³ Тыва улустун ырлары / чыындыны тургасканнар: М. Мунзук, К. Мунзук; музыка ред. А. Чыргал-оол, сөзүнүн ред. Ю. Кюнзегеш. 2-ги үндүрүлгө. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1973. 216 ар. Ар. 102. (На тув. яз.)

⁴ Там же. Ар. 159.

⁵ Ырлар / М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1956. 208 ар. Ар. 81.

⁶ Тыва улустун ырлары / чыындыны тургасканнар: М. Мунзук, К. Мунзук; музыка ред. А. Чыргал-оол, сөзүнүн ред. Ю. Кюнзегеш. 2-ги үндүрүлгө. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1973. 216 ар. Ар. 195.

⁷ Ырлар / М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1956. 208 ар. Ар. 86.

⁸ Под таким же названием в сборнике А. Н. Аксенова представлена другая песня (Аксенов, 1964: 101).

⁹ Септима — музыкальный интервал шириной в семь ступеней.

¹⁰ Мелостройка — одна строка поэтического текста.

¹¹ Ырлар / М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1956. 208 ар. Ар. 92.

¹² Там же. Ар. 94.

¹³ Там же. Ар. 105.

В традиционных народных песнях тувинцев, если шире, то в монодической в своей основе музыке и многих других народов, фундаментальными являются интервалы большой секунды, чистой кварты и чистой квинты¹ (Монгуш, 2013: 119). Тоны октавного² соотношения, как правило, функционально различны и входят в структуры разных пентатонических образований (там же: 163). В данных примерах есть попытка функционального отождествления октавного интервала.

Ярким примером может быть песня «Хостуг шөлээн Төрээн чуртум» («Свободная и просторная родная земля»)³, в котором один тон октавой выше входит в состав двух одинаковых по структуре ангемитонных тетраордов в квинте (верхний g-b-c²-d²) (нижний c-es-f-g). Связаны они между собой *слитным* способом через один общий тон (там же: 81)⁴, который менее характерен для традиционных песен. Как правило, составные ладовые структуры соединяются через 2–3 общих звука *цепным* способом⁵, за счет этого, мелодия получается более цельной и неразрывной (там же). Такой же *слитный* способ соединения в другой песне «Тракторист кыс дугайында ыры» («Песня о девушке трактористке»)⁶. В этих песнях ладозвукоряд больше октавы. Преобладание широких ходов, без дальнейшего заполнения не способствует связности и текучести мелодического процесса. Такие примеры представлены в единичных образцах. С течением времени эти мелодии практически забыты.

Из песен периода ТНР особо привлекает внимание песня «Кайгамчыктыг Интернационал» («Дивный Интернационал») (Аксенов, 1964: 130) (фото 1), который является одним из совершенных и ярких образцов музыкального фольклора, широко известных и в настоящее время. Она по содержанию целиком соответствует своему времени, воспеваает Интернационал, невиданным образом изменивший жизнь аратов. Как пишет У. А. Донгак, «"Кайгамчыктыг Интернационал" — одна из известнейших песен 1920-х годов, песен нового времени, или как они обозначены в сборниках, — "аратских песен" ("араттың ыры")». Песня, основанная на переводе с монгольского языка, построена на противопоставлении темного прошлого и светлого нового, которое привнес в жизнь Интернационал» (Донгак, 2013b: 106).

Несомненно, песня является характерным образцом традиционного музыкального фольклора тувинцев. По основным признакам ее можно отнести к протяжным песням *узун ыр* (долгие песни)

Умеренно

Ка - да - - гаа - ты кар - гы - зын - га

ка - чыг - да - дып чо - раан а - рат

ка - чыг - дал - дан ча - рып ал - ган

кай - гам - чык - тыг Ин - тер - на - цю - нал.

Фото 1. Музыкальный пример № 1. Песня «Кайгамчыктыг Интернационал» в расшифровке А. Н. Аксенова (по: Аксенов, 1964: 130).

Photo 1. Musical sample 1. Song "Kaigamchykytgy Internatsional" as notated by A. N. Aksyonov (see Aksyonov 1964: 130)

¹ Секунда — интервал в две ступени, кварта — интервал в четыре ступени, квинта — интервал в пять ступеней.

² Октава — музыкальный интервал шириной в восемь ступеней.

³ Ырлар / М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1956. 208 ар. Ар. 108.

⁴ Под *слитным* способом автор подразумевает соединение небольших ладовых звеньев или ячеек (из 2-х, 3-х, 4-х ступеней) через один общий звук.

⁵ *Цепной* тип соединения подразумевает наличие 2-х, 3-х общих звуков.

⁶ Ырлар / М. Мунзук, Ю. Кюнзегеш тургускан. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1956. 208 ар. Ар. 116.

(Кыргыз, 1992: 63–64). Песня имеет повторную структуру $A B A_1 B_1$ с вариантными изменениями. Первая и третья мелостроки построены по звукам ангемитонной пентатоники ($g-b-c^2-d^2-e^2$), вторая и четвертая — ангемитонного 6-тонового ладозвукоряда ($d-f-g-b-c^2-d^2$). Центральным элементом является ангемитонный тетрахорд ($g-b-c^2-d^2$), который является общим и способствует неразрывности и цельности мелодии. Если первая пентатоника представлена едино, а именно есть широкий ход вверх на чистую квинту, который затем постепенно заполняется нисходящим движением, то вторая ангемитонная структура имеет явный составной характер (составность — термин С. П. Галицкой, см.: Галицкая, Плахова, 2013: 130). Она состоит из двух ладовых звеньев: тетрахорда в объеме сексты ($f-b-c^2-d^2$), и нижнего трихорда ($d-g-b$). Заметим, что квартовый интервал играет важную роль в интонационном процессе¹.

Таким образом, в ладозвукорядной структуре песни мы видим строгую ангемитонику, имеющую составной характер, *цепной* тип связи между ладовыми звеньями с общими звуками, противопоставление интервала квинты в первой мелостроке и кварты во второй. Кроме этого, опевания опорных ступеней (секундовое, малотерцовое, квартовое), которые очень характерны для народной музыки в целом, свидетельствуют о традиционности мелодического рисунка.

Ангемитонную пентатонику со структурой (3-2-2-2) А. Н. Аксенов назвал характерным для тувинской народной музыки ладом дорийской пентатоники (Аксенов, 1964: 46). Наличие в этой песне типичного ладового звукоряда придает ей особое этническое своеобразие, специфичность, индивидуальность. Поэтому песня воспринимается носителями культуры особенно тепло и душевно.

Полиопорность для образцов народной музыки является характерным признаком². Не является исключением и данный пример. Конечный тон (d), тоны завершающие мелостроку (b), долгие по длительности тоны (f, g, c^2, d^2) относятся к опорным тонам разной степени. В итоге, практически все звуки претендуют на роль опорных тонов. Исключением является только самый верхний тон e^2 .

В ритмическом отношении в песне преобладают крупные длительности, все мелостроки равномерны. Хотелось бы обратить внимание на соотношение текста и музыки в слове «Интернационал», который нарушает восьмисложный стиховой размер. А. Н. Аксенов отметил, что исполнители произносят слово как «Интернасиал» (бытовое произношение слова «Интернационал») (там же: 220). Практически два слога выпадают из произношения при пении, и за счет этого выравнивается музыкальный ритм.

Для жанра *ыр* обычно текст и музыка неразрывно связаны между собой. В книге А. Н. Аксенова с этим же текстом «Интернационала» записан напев *кожамык* (там же). Видимо несмотря на то, что песня довольно индивидуализированная по своей мелодике, исполнители могли варьировать и петь этот текст с другими напевами.

Таким образом, удивительная по красоте мелодия народной песни «Кайгамчыктыг Интернационал» содержит традиционные для тувинской музыки характерные обороты. Узкообъемные ладовые структуры в объеме кварты и квинты, становятся основой для более развернутых структур. Секундовые и кварто-квинтовые интервалы играют ведущую роль. Ангемитонная пентатоника с так называемой дорийской ступенью, одна из ярких узнаваемых ладовых структур тувинской музыки, придает своеобразие и специфичность всей песне. Полиопорность, когда каждый тон претендует на роль опорной ступени, приводит к тому, что все звуки оказываются важными, логически связанными друг с другом. Отсюда возникает внутренняя цельность и неразрывность всех элементов. Парность и повторность, характерные для текстов народных песен, играют такую же важную роль в мелодии песни. Благодаря совершенству всех внутренних элементов, песня «Кайгамчыктыг Интернационал» популярна и в наше время.

Музыкальные особенности первых авторских песен

Обратимся к первым авторским композиторским опытам рассматриваемого периода с точки зрения внедрения новых жанров, элементов семиступенных ладов, новых мелодических оборотов, которые возникали под воздействием песенного творчества русских советских композиторов.

¹ Более подробный ладозвукорядный анализ песни «Интернационал» имеется в другой нашей статье (Монгуш, 2012: 57).

² Термин «полиопорность» использован в значении «многопорность», когда каждый тон может быть главным.

Как было отмечено выше, первым профессиональным музыкантом, который работал в Туве 1920-1930-е годы, был С. Г. Коровин. Именно он впервые стал записать мелодии народных песен и делать обработки для военного оркестра. Он стал учителем и наставником по музыке для М. Мунзука. Не удивительно, что со временем М. Мунзук стал сочинять и записывать свои мелодии. Е. К. Карелина отметила, что М. Мунзук, будучи очень талантливым человеком и большим знатоком народной музыки, сыграл свою важную роль и в композиторском деле. Она относит М. Мунзука к первым авторам тувинских песен *гимнического* типа (Карелина, 2014: 222). Автор пишет: «Особой разновидностью маршевых песен в условиях советской музыкальной культуры стали песни-гимны. Такой тип постепенно начал осваиваться тувинскими авторами к концу 1930-х годов, и среди первых образцов песня — “Тока дугайында ыр” (“Песня о Токе”), сочиненная Мунзуком» (там же: 221–222).

К сожалению, песня существует только в рукописном варианте. Е. К. Карелина характеризует мелодию так: «“Песня о Токе” отличается напряженной высокой тесситурой и скандированным ритмом припева, что придает музыке большую императивность и торжественность, свойственную гимнам» (там же)¹.

Мы проанализировали три песни, которые относятся к первым его композиторским опытам. Они напечатаны в книге о М. Мунзуке: «Партия ачызында» («Благодаря партии») (сл. Т. Бегзи), «Кундага ыры» («Застольная песня») (сл. С. Пюрбю), «Малчын арат» («Арат животновод») (сл. К. Мунзук) (Мижит, 2014: 234–238).

Песни совмещают в себе и традиционный и новый музыкальный язык. Они достаточно просты и неприхотливы. Опора на жанр *кожамык* содержится в песнях «Малчын арат», «Кундага ыры», жанр марша характерен для песни «Партия ачызында». Если «Кундага ыры» решена в народном стиле, то в песне «Малчын арат» есть некоторые нововведения: движение по звукам мажорного трезвучия, мажорного тетрахорда с прямым полутоновым интервалом, нарушающим общий ангемитонный лад, широкие ходы (фото 2).

Эр - тен эр - те мал - чын Э - зир о - юн мун - гаш,

5
О - дар - лар - же хо - юн Сур - геш айт - та - ныш - ты.

Фото 2. Музыкальный пример № 2 песни «Малчын арат» М. Мунзука².
Photo 2. Musical sample 2, song “Malchyn arat” by M. Munzuk.

В песне «Партия ачызында» присутствует характерный ритм марша, в мелодии можно отметить стремительное движение вверх за счет широкого интервала септими в первой же мелостроке. В кульминации песни высокие ноты на крупных длительностях нарушают квадратность структуры.

В целом, в своих песнях М. Мунзук опирается на традиционные ладовые модели, однако в них содержатся и первые пробы в освоении мажорного лада, тетрахорда с полутоновой интонацией. Как было отмечено выше, он впервые обратился к жанру марша и гимнической песни.

Рождение первых национальных авторских сочинений связано также с именем Виктора Кок-оола. Как указывает В. Ю. Сузукей, Виктор Кок-оол начал сочинять песни только в начале 1940-х годов под руководством советских специалистов (Сузукей, 2016: 109). Среди первых песен автора, которые

¹ Скандированный ритм имеется в виду утрированный, чрезмерно подчеркнутый четкий ритм. Высокая тесситура по отношению к диапазону голоса предполагает высокие ноты.

² Нотный набор сделан автором на основе текста песни М. Мунзука «Малчын арат» (Мижит, 2014: 237).

пользовались широкой популярностью, можно выделить следующие: «Аныяктар» («Молодежь»), «Чуртум бо-дур» («Эта моя родина»), «Тыва чуртум» («Страна моя Тува»), «Пионер чараш» («Пионер красив»), «Мөгө-ле бис» («Мы все сильнее») и другие¹.

В первых авторских песнях В. Кок-оола есть образцы, в которых композитор точно следует народным песенным традициям (например, «Тыва чуртум»), а также новые песни с заимствованными интонациями из советских песен. Это движение по звукам мажорной гаммы (нисходящее движение по нижнему тетрахорду) имеется в песнях «Чуртум бо-дур» и «Аныяктар»; целый мелодический оборот с отклонением использован также в «Аныяктар», прямое восходящее движение квинтами в песне «Мөгө-ле бис» (фото 3), широкие ходы на квинту, септиму, октаву, используемые достаточно часто.

В песнях В. Кок-оола новое содержание композитор выражает через характерные признаки жанра марша. В ладовой организации тоны группируются по привычным ангемитонным трихордам и тетрахордам. Именно ангемитонная ладовая структура песен приближает их к народным образцам.

Фото 3. Музыкальный пример № 3 песни В. Кок-оола «Мөгө-ле бис»².
Photo 3. Musical sample 3. Song by V. Kok-ool "Möge-le bis".

А базовый квартовый интервал, преобладающий в народных песнях, автор использует для передачи патриотического содержания новых песен.

Отдельно необходимо отметить изобилие переменного метра в песнях В. Кок-оола. Возможно, он чувствовал внутреннее сопротивление четкой квадратности в жанре марша.

Здесь отметим общую тенденцию преобладания нерегулярности для монодийной музыки в целом. Как отмечает С. П. Галицкая, «она проявляется, в частности в разнообразии и неоднородности ритмических рисунков, ... в обилии неквадратных построений различных масштабов, в частой смене размеров ...» (Галицкая, Плахова, 2013: 101). Эта особенность проявляется и в песнях В. Кок-оола, в которых он стремился сохранить элементы народной музыки.

Еще одним автором песен начала 1940-х годов был Александр Лаптан. Известно, что он являлся учеником первого профессионального баяниста Тувы В. Безъязыкова. Под влиянием советских музыкантов в театре-студии в Кызыле А. Лаптан начал сочинять свои первые песни (Ондар, 2012: 60). К его песням раннего периода относятся: «Алдын дашка» («Золотая чаша») и «Авай» («Мама») (сл. С. Серена).

Имя А. Лаптана вошло в историю тувинской музыки как автора первых песен в жанре вальса (Сузукей, 2007: 170). Песня «Алдын дашка» написана в стиле народных песен, которые проанализированы выше. Другая, широко популярная и в наше время, песня «Авай» изложена в жанре вальса, в размере $\frac{3}{4}$. Она имеет двухчастную структуру, соответствующей песенной форме с залевом и припевом. Кульминация

¹ Көк-оол Виктор. Байлак чуртум : Ырлар чыындызы. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1988. 36 ар.

² Нотный набор песни «Мөгө-ле бис» сделан из сборника песен В. Көк-оола «Байлак чуртум». Көк-оол Виктор Байлак чуртум : Ырлар чыындызы. Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1988. 36 ар. Ар. 13.

песни «Авай» приходится на вторую часть. В ней отчетливо выделяются 1, 3, 5 ступени минорной тональности, а в самом заключении есть нисходящий ход с третьей ступени к основному звуку с полутоном. В этой песне особенно ярко ощущается минорный лад. Возможно, то обстоятельство, что А. Лаптан был одним из первых национальных баянистов, сыграло важную роль. Он раньше всех приобщился к мажорным и минорным ладам, поэтому достаточно смело обращался к ним.

Заключение

Итак, рассмотрев авторские песни первых национальных композиторов М. Мунзука, В. Кок-оола, А. Лаптана можно обнаружить, с одной стороны, следование традиционным народным песням, а с другой — первые попытки освоения новых жанров (марша, гимнической песни, вальса), характерных для них ритмов, мажорных и минорных ладов. Несмотря на скромность выразительных средств, использованных в песнях, первые авторы прокладывали путь для последующих будущих профессиональных композиторов Тувы А. Б. Чыргал-оолу, Р. Д. Кенденбилю, которые в дальнейшем достигли в песенном жанре совершенства.

В целом, в период ТНР было создано немало прекрасных образцов песенного творчества, продолжающих свою жизнь и сегодня. Они полны положительной жизнеутверждающей энергии, так как народ Тувы ждал лучших перемен. Под воздействием советской массовой песни произошли некоторые изменения в музыкальном языке традиционных народных песен, ярче всего нашедшие отражение в первых авторских сочинениях. Однако это было только начало приобщения к советской музыкальной культуре. Лады мажора и минора нашли широкое применение в музыке советского периода истории Тувы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов, А. Н. (1964) Тувинская народная музыка / под ред. и с предисловием Е. В. Гиппиуса. М. : Музыка. 238 с.
- Галицкая, С. П., Плахова, А. Ю. (2013) Монодия: проблемы теории. М. : Academia. 320 с.
- Гиршман, Я. М. (1960) Пентатоника и ее развитие в татарской музыке. М. : Советский композитор. 179 с.
- Донгак, У. А. (2013а) Особенности литературного творчества 1920-х — начала 1940-х годов в Туве // История тувинской литературы / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск : Наука. Т. I. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). 266 с. С. 109–126.
- Донгак, У. А. (2013b) Предпосылки зарождения тувинской литературы // История тувинской литературы / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск : Наука. Т. I. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921–1944). 266 с. С. 101–108.
- Калзан, А. К. (1961) О послереволюционном тувинском фольклоре // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. IX. Кызыл : Типография управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Тувинской АССР. С. 253–259.
- Кан-оол, А. Х. (2018) Песенная традиция населения Эрзина: интонационная культура, жанрово-культурологическая типология и вопросы исполнительства // Локальные особенности традиционной культуры жителей Эрзина (исследования и полевые материалы) / сост. Б. Баярсайхан, А. С. Донгак. Красноярск : ООО «Знак». 392 с. С. 159–187.
- Карелина, Е. К. (2009) История тувинской музыки от падения династии Цин и до наших дней: исследование. М. : Композитор. 552 с.
- Карелина, Е. К. (2014) Музыка в жизни Максима Мунзука // Мижит Э. Максим Мунзук. М. : Слово/Slovo. 320 с. С. 212–227.
- Кондратьев, М. Г. (1995) Основные свойства чувашской пентатоники // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры: Материалы межресп. научной конференции, Казань, 1–2 нояб. 1993 г. / редкол.: Л. В. Бражник и др. Казань : Казанская государственная консерватория. 195 с. С. 86–91.
- Куулар, Д. С. (1970) Тувинская поэзия: очерк истории. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 140 с.
- Кыргыз, З. К. (1992) Песенная культура тувинского народа. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 144 с.
- Кюнзегеш, Ю. Ш. (2005) Тувинские песни и частушки (Составление, предисловие и комментарии). 2-е, испр. и доп. изд. Кызыл : Республиканская типография. 192 с.
- Мазель, Л. А., Цуккерман, В. А. (1967) Анализ музыкальных произведений. Элементы музыки и методика анализа малых форм. М. : Музыка. 752 с.

- Мижит, Э. (2014) Максим Мунзук. М. : Слово/Slovo. 320 с.
- Монгуш, А. Д.-Б. (2012) Песни эпохи ТНР в аспекте ладозвукорядного анализа // Культура Тувы: прошлое и настоящее: сб. материалов науч.-практ. конф. (2008–2012 гг., г. Кызыл) / отв. ред. Е. К. Карелина. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». 236 с. Вып. 3. С. 54–58.
- Монгуш, А. Д.-Б. (2013) Тувинский песенный фольклор: ладозвукорядный аспект. Абакан : Кооператив Журналист. 200 с.
- Ондар, С. Б. (2012) Александр Лаптан: творческий портрет // Культура Тувы: прошлое и настоящее: сб. материалов науч.-практ. конф. (2008–2012 гг., г. Кызыл) / отв. ред. Е. К. Карелина. Кызыл : Типография КЦО «Аныяк». Вып. 3. 236 с. С. 59–62.
- Орус-оол, С. М. (2016) Тувинский фольклор периода Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 91–104. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/466> (дата обращения: 10.03.2020).
- Осипенко, Г. А. (1997) Музыкальная культура Республики Тува // Музыкальная культура Сибири : в 3 т. / гл. ред. Б. А. Шиндин. Новосибирск : Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки. Т. 3. Музыкальная культура Сибири XX века. Кн. 2. Музыкальная культура Сибири середины 50-х — конца 80-х годов XX века. 496 с. С. 392–435.
- Сузукей, В. Ю. (2007) Музыкальная культура Тувы в XX столетии. М. : Издательский Дом «Композитор». 408 с.
- Сузукей, В. Ю. (2016) Становление и развитие авторской песни в Туве (1921–1944 гг.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. С. 105–113. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/467> (дата обращения: 01.05.2020).
- Тирон, Е. Л. (2018) Песни тувинцев-тоджинцев: жанры ыр и кожамык в конце XX столетия / отв. ред. Г. Б. Сыченко. Новосибирск : Наука. 248 с.
- Тувинские народные песни и обрядовая поэзия (2015) / сост. З. К. Кыргыс. Новосибирск : Издательский Дом «Сибирская горница». 432 с.
- Цуккерман, В. А. (1975) Музыкально-теоретические очерки и этюды. М. : Советский композитор. Вып. 2. 464 с.

Дата поступления: 15.06.2020 г.

REFERENCES

- Aksenov, A. N. (1964) *Tuvinskaiia narodnaia muzyka [Tuvan folk music]*. Moscow, Muzyka. 255 p. (In Russ.).
- Galitskaya, S. P. and Plakhova, A. Yu. (2013) *Monodiya: problemy teorii [Monody: problems of theory]*. Moscow, Academia. 320 p. (In Russ.).
- Girshman, Ya. M. (1960) *Pentatonika i ee razvitie v tatarskoi muzyke [The pentatonic scale and its development in Tatar music]*. Moscow, Sovetskii kompozitor. 179 p. (In Russ.).
- Dongak, U. A. (2013a) Osobennosti literaturnogo tvorchestva 1920-kh — nachala 1940-kh godov v Tuve [Features of literary creativity of the 1920s — early 1940s in Tuva]. In: *Istoriya tuvinskoi literatury [The history of Tuvan literature]*. Ed. by K. A. Bicheldey. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. *Istoki. Literatura Tuvinskoi Narodnoi Respubliki (1921–1944) [Waterhead. Literature of the People's Republic of Tuva (1921–1944)]*. 266 p. Pp. 109–126. (In Russ.).
- Dongak, U. A. (2013b) Predposylki zarozhdeniya tuvinskoi literatury [Prerequisites for the origin of Tuvan literature]. In: *Istoriya tuvinskoi literatury [The history of Tuvan literature]*. Ed. by K. A. Bicheldey. Novosibirsk, Nauka. Vol. I. *Istoki. Literatura Tuvinskoi Narodnoi Respubliki (1921–1944) [Cradle. Literature Of The People's Republic of Tuva (1921–1944)]*. 266 p. Pp. 101–108. (In Russ.).
- Kalzan, A. K. (1961) O poslerevolucionnom tuvinskom fol'klore [About post-revolutionary Tuvan folklore]. In: *Uchenye zapiski TNIIYALI*, vol. IX, Kyzyl, Printing office of the Department for publishing, printing and book trade of the Council of Ministers of the Tuva ASSR. Pp. 253–259. (In Russ.).
- Kan-ool, A. H. (2018) Pesennaya traditsiya naseleniya Erzina: intonatsionnaya kul'tura, zhanrovo-kul'turologicheskaya tipologiya i voprosy ispolnitel'stva [Song tradition of the population of Erzin: intonation culture, genre-cultural typology and performance issues]. In: *Lokal'nye osobennosti tradicionnoi kul'tury zhitelej Erzina (issledovaniya i polevye materialy) [Local features of the traditional culture of the residents of Erzin (research and field materials)]* / comp. by B. Bayarsajhan and A. S. Dongak. Kyzyl, OOO «Znak». 392 p. Pp. 159–187. (In Russ.).
- Karelina, E. K. (2009) *Istoriia tuvinskoi muzyki ot padeniia dinastii Tsin do nashikh dnei [The history of Tuvan music from the fall of the Qing dynasty to the present day]*. Moscow, Kompozitor. 552 p. (In Russ.).
- Karelina, E. K. (2014) Muzyka v zhizni Maksima Munzuka [Music in the life of Maxim Munzuk]. In: Mizhit E. *Maksim Munzuk*. Moscow, Slovo. 320 p. Pp. 212–227. (In Russ.).

Kondrat'ev M. G. (1995) Osnovnye svoistva chuvashskoi pentatoniki [The basic properties of the Chuvash pentatonic scale]. In: *Pentatonika v kontekste mirovoi muzykal'noi kul'tury* [Pentatonics in the context of world musical culture]: Proceedings of the inter-academic conference, Kazan, 1–2 November 1993 / ed. board L. V. Brazhnik et al. Kazan', Kazan state conservatory. 195 p. Pp. 86–91. (In Russ.).

Kuular, D. S. (1970) *Tuvinskaia poeziia: Ocherk istorii* [Tuvan poetry: Essay on its history]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 140 p. (In Russ.).

Kyrgys, Z. K. (1992) *Pesennaia kul'tura tuvinskogo naroda* [Song culture of the Tuvan people]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 128 p. (In Russ.).

Kiunzegesh, Iu. Sh. (2005) *Tuvinskie pesni i chastushki (Sostavlenie, predislovie i kommentarii)* [Tuvan songs and ditties (Compilation, preface and comments)]. 2nd ed. Kyzyl, Republican printing house. 192 p. (In Russ.).

Mazel', L. A. and Tsukkerman, V. A. (1967) *Analiz muzykal'nykh proizvedenii. Elementy muzyki i metodika analiza malykh form* [Analysis of musical works. Elements of music and methods of analysis of small forms]. Moscow, Muzyka. 752 p. (In Russ.).

Mizhit, E. (2014) *Maksim Munzuk*. Moscow, Slovo. 320 p. (In Russ.).

Mongush, A. D.-B. (2012) Pesni epokhi TNR v aspekte ladozvukoryadnogo analiza [Songs from the era of TPR: the analysis of harmony, tone and scale]. In: *Kul'tura Tuvy: proshloe i nastoyashchee* [The culture of Tuva: past and present]: conference proceedings, 2008–2012, Kyzyl / ed. by E. K. Karelina. Kyzyl, Tipografiya KCO «Anyyak». Vol. 3. Pp. 54–58. (In Russ.).

Mongush, A. D.-B. (2013) *Tuvinskii pesennyi fol'klor: ladozvukoriadnyi aspekt* [Tuvan folk songs: aspects of gamut and harmony]. Abakan, Kooperativ Zhurnalists. 200 p. (In Russ.).

Ondar, S. B. (2012) Aleksandr Laptan: tvorcheskii portret [Alexander Laptan: a portrait of a creator]. In: *Kul'tura Tuvy: proshloe i nastoyashchee* [The culture of Tuva: past and present]: conference proceedings, 2008–2012, Kyzyl / ed. by E. K. Karelina. Kyzyl, Tipografiya KCO «Anyyak». Vol. 3. Pp. 59–62. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2016) Tuvinskii fol'klor perioda Tuvinskoi Narodnoi Respubliki [Tuvan folklore in the years of People's Republic of Tuva]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/466> (accessed: 8.08.2020). (In Russ.).

Osipenko, G. A. (1997) Muzykal'naya kul'tura respubliki Tuva [Musical culture of the Republic of Tuva]. In: *Muzykal'naya kul'tura Sibiri* [Musical culture of Siberia of the XX century] : in 3 vols. Ed. by B. A. Shindin. Novosibirsk, Novosibirsk state Conservatory named after M. I. Glinka. Vol. 2. Muzykal'naya kul'tura Sibiri serediny 50-kh — konca 80-h godov XX veka [Musical culture of Siberia in the mid-50s — late 80's of the XX century]. 496 p. Pp. 392–435. (In Russ.).

Suzukey, V. Yu. (2007) *Muzykal'naiia kul'tura Tuvy v XX stoletii* [The musical culture of Tuva in 20th century]. Moscow, Kompozitor Publ. Haus. 408 p. (In Russ.).

Suzukey, V. Yu. Stanovlenie i razvitie avtorskoii pesni v Tuve (1921–1944 gg.) [The rise of author-performed song in Tuva (1921–1944)]. *The New Research of Tuva*, no 3 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/467> (access date: 01.05.2020). (In Russ.).

Tiron, E. L. (2018) *Pesni tuvintsev-todzhintsev: zhanry yr i kozhamyk v kontse XX stoletiiia* [Songs of the Todzhi Tuvans: the genres of yr and kozhamyk at the end of the 20th century] / ed. by G. B. Sychenko. Novosibirsk, Nauka. 248 p. (In Russ.).

Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya [Tuvan folk songs and ritual poetry] (2015) / Comp. by Z. K. Kyrgys. Novosibirsk, Sibirskaia gornica Publ. 432 p. (In Russ.).

Tsukkerman V. A. (1975) *Muzykal'no-teoreticheskie ocherki i etiudy* [Musical-theoretical essays and etudes]. Moscow, Sovetsky kompozitor. Vol. 2. 464 p. (In Russ.).

Submission date: 15.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.14

ФИЛОЛОГИЯ

Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок)

Алексей А. Бурыкин

Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Статья содержит опыт рассмотрения художественного пространства и топонимов, характерных для буддийских сочинений, поскольку буддийское вероучение распространено как среди тувинцев, так и среди монголов, бурят, ойратов и калмыков. Объектом исследования также являются фольклорные тексты, представляющие образцы героического эпоса и сказок, преимущественно богатырских.

Автор анализирует исследования, посвященные отражению компонентов буддийского вероучения и культа в калмыцком, тувинском и бурятском фольклоре. Устанавливается, что к буддийским компонентам фольклора относится упоминание горы Сумеру, названия божеств, отдельных реалий, в том числе книжных сочинений и молитв, описания ритуалов как элемент повседневной практики. Некоторые современные топонимы Тувы имеют прямые соответствия в одной из версий калмыцкого эпоса «Джангар», что расширяет объем реальных местностей как компонентов пространства калмыцкого героического эпоса.

В целом буддийские элементы в устных фольклорных традициях народов, исповедующих буддизм, представляют упоминания сакральных объектов, имен божеств, названий буддийских сочинений и тексты молитв, описания ритуалов в контексте практики повседневной деятельности.

Ключевые слова: буддизм; топоним; богатырская сказка; эпический текст; калмыки; тувинцы; буряты; калмыцкий фольклор; тувинский фольклор; бурятский фольклор

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Фольклор монголоязычных народов: тексты и исследования» (регистрационный номер АААА-А17-117030910099-8).

Для цитирования:

Бурыкин А. А. Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 189–209. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.14

Бурыкин Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы Калмыцкого научного центра РАН. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. И. К. Илишкина, д. 8. Тел.: +7 (911) 709-14-76. Эл. адрес: albury@mail.ru

BURYKIN, Aleksey Alekseevich, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Research Associate, Department of Folklore and Literature, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation. Tel.: +7 (911) 709-14-76. E-mail: albury@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0398-4792

Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales

Alexey A. Burykin

Kalmyk Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article examines the textual space and toponyms that are typical for Buddhist works, since Buddhist faith is widespread among Tuvans, as well as the Mongols, Buryats, Oirats and Kalmyks. Our study also focuses on folklore texts in the genres of heroic epics and fairy tales, primarily also dealing with heroes' deeds.

The author analyses works wherein the Buddhist faith and cult found a reflection in Kalmyk, Tuvan and Buryat folklore. The components of these Buddhist reflections have been found to include mount Sumeru, the names of deities, specific realities, including books and prayers, and descriptions of rituals as an element of everyday practice. Some modern Tuvan toponyms have direct correspondences in one of the versions of the Kalmyk epic 'Dzhangar', which expands the geography of the Kalmyck heroic epics to cover more real locations.

Overall, Buddhist elements in the oral folklore of peoples professing Buddhism include references to sacred objects, names of deities, names of Buddhist writings and prayer texts, and descriptions of rituals in the context of daily practice.

Keywords: Buddhism; toponym; heroic fairy tale; epic text; Kalmyks; Tuvans; Buryats; Kalmyk folklore; Tuvan folklore; Buryat folklore

Financing

This work was carried out within the framework of the state subsidy — the project "Folklore of Mongolian-speaking peoples: texts and studies" (registration no. AAAA-A17-117030910099-8).

For citation:

Burykin A. A. Buddiiskie motivy v fol'klore (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i buriatskikh epicheskikh proizvedenii i bogatyrskikh skazok) [Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 189–209. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.14

Введение

Буддизм, ставший одной из традиционных конфессий народов России (бурят, калмыков, тувинцев, некоторых групп алтайцев), оказал заметное влияние на их духовную культуру, на сложение религиозно-мифологических представлений, получил отражение в героическом эпосе этих народов. В связи с этим представляет интерес выявление общих элементов в фольклорных традициях калмыков, тувинцев и бурят, появившихся после принятия ими буддизма, а также выявление сходств между монгольскими и тюркоязычными образцами фольклора в условиях особенно интенсивных тюрко-монгольских языковых и этнокультурных контактов.

Каким образом проникали знания о буддийской вере к этим народам? Помимо того, что существовала практика миссионерских визитов буддийских учителей из признанных центров, а значит прямая передача всех сакральных знаний от учителя к ученикам и последователям, сложилась традиция совершения священнослужителями и мирянами паломничеств в святые места. История распространения буддизма среди народов России подробно рассмотрена в целом ряде работ (История буддизма ..., 2010; Бакаева, 2008b; Монгуш, 2001; Монгуш, 2008; Хомушку, 2006; Ванчикова, Чимитдоржин, 2006). Не раз отмечалось, что распространение буддийского знания, буддийского видения мира пришло к этим народам из Тибета, через Монголию.

Исследователей, в том числе и автора настоящей статьи, давно привлекала проблема отражения разнообразных компонентов буддизма в эпических текстах (Дарбакова, 1997; Бакаева, 2004; Борджа-

нова, 2000; Бурыкин, 2003; Лиджиев, 2010; Бадгаев, 2014 и др.), причем это касается не только эпоса калмыков, тувинцев и бурят (Шойнжонов, 2008), но и эпического фольклора алтайцев (Торбоков, 2017). Эта многоаспектная тема рассматривалась с самых разных позиций: выяснялся вопрос, какова степень отображения буддизма в ойратском и калмыцком героическом эпосе (Борджанова, 2000; Поляев, 1978; Чингэлтэй, 2004; Бакаева, 2004), какие элементы буддийской религиозной практики и культуры находят отражение в фольклорных нарративах (Музраева, 2016; Донгак 2018) и т. п.

Упоминания о книгах и конкретных буддийских текстах, проникшие в фольклор, представляют особый междисциплинарный интерес, поскольку свидетельствуют о распространенности тех или иных буддийских сочинений в среде, близкой к хранителям фольклора. Этот вопрос только недавно стал привлекать внимание специалистов по книжному эпосу и взаимодействию эпоса и книжной словесности (Дугаров, 2017), при этом, как показывают наши материалы, читающий эпический герой встречается не только в «Гесериаде» и алтайском эпосе (там же: 82–83), но у всех народов Центральной Азии, у которых распространен буддизм — у калмыков, тувинцев и бурят. В традиции тувинской словесности изучено воздействие литературных сборников с «обрамленными повестями» на устную фольклорную традицию (Донгак, 2004).

Нас в настоящей работе интересует следующий вопрос: какое влияние оказала буддийская картина мира на географический ландшафт эпических сказаний, богатырских сказок и несказочной прозы те рефлексии буддийской космографии и топографии, которые сохранялись, продолжались и продолжают существовать в топонимике территорий, где традиционно проживают тувинцы, буряты и где проживали калмыки, а также на буддийский антропонимикон фольклорных образов?

Для выяснения вопроса о том, претерпел ли влияние буддизма топонимикон эпического фольклора калмыков, тувинцев и бурят, необходимо привлечение данных буддийской литературы, а также исследований, посвященных ей. Среди этих работ следует остановиться на классическом труде известного монголоведа О. М. Ковалевского «Буддийская космология» (Ковалевский, 1837). Так, О. М. Ковалевский подчеркивал, что «<...> почти вся религиозная Литература Буддистов (так у автора. — А. Б.) должна почитаться источником космологических сведений в пространном значении» (там же: 13). Он указывает на основные положения, составляющие основу буддийской космологии, согласно им «<...> вместо Всемогущего Бога принимают две первоначальные силы, т. е. *дух* и *материю*, от действия которых мир происходит, совершенствуется, разрушается и по истечении времени опять возрождается» (там же: 19). Ковалевский также описывает три мира, первый из которых «верхний есть обиталище духовного начала», лишенного всего материального, «второй, средний мир <...>, населенный существами духовными, но наслаждающимися жизнью», и «третий, низший мир органический или мир явления духа в материи, к которому принадлежат не только все видимые одушевленные творения, но и духи земные, водяные и эфирные. Последний из них по-санскритски называется *Сансара*» (там же: 22; курсив автора. — А. Б.). Весьма существенно, что О. М. Ковалевский дал описание основ мироздания в буддийском понимании так же, как оно выступает в добуддийских религиозных воззрениях народов Центральной Азии.

Источниковой базой выступили как наиболее авторитетные научные издания, так и популярные сборники калмыцкого, тувинского и бурятского фольклора: издания разных версий эпоса «Джангар» (Джангар, 1988; Джангар, 1990; Джангар, 1999), том Свода калмыцкого фольклора (Калмыцкие богатырские сказки, 2017), три тома образов фольклора тувинцев из серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего востока» (Тувинские народные ..., 1994; Тувинские героические ..., 1997; Мифы, легенды, предания ..., 2010), издание сказок и преданий тувинцев Монголии (Сказки и предания, 1994), издание бурятского эпоса (Аламжи мэргэн, 1991) и издания бурятских сказок (Флоренсов, 1927; Бурятские народные ..., 1990; Бурятские волшебные ..., 1993; Бурятские народные ..., 2008).

Обращение к эпическим сказаниям калмыков, тувинцев и бурят не случайно. Помимо того, что эпосоведами за последние десятилетия проделана большая работа по изданию большого объема фольклорных эпических произведений из репертуара разных сказителей (Джангар, 1988, 1990, 1999; Тувинские героические ..., 1997; Аламжи мэргэн, 1991), исследователями было отмечено существование у тувинцев сюжета о Джангаре (Богда Чаңгар хан, 1973; Куулар, 2004). Н. Ц. Биткеев писал об этом факте: «В сентябре 1957 г. тувинский ученый Куулар Дорж в местечке Эн-Суг записал у сказителя Б.У. Балбыра следующий сюжет о Джангаре. Он посвящен подвигам сына Джангара Шил-оол. Всё, что относится к подвигам Шил-оола, характерно и для других национальных версий. <...> В целом тувинская версия сказки „О Джангаре“ — самостоятельный сюжет...» (Биткеев, 2011: 19; см. еще:

Селеева, 2019: 135; Хабунова и др., 2019). В 2017 г. опубликованы две калмыцкие сказки на сюжеты эпоса «Джангар» и две сказочные версии фрагментов «Гэсэра» (Калмыцкие богатырские сказки, 2017).

Эпические тексты тувинцев выступали объектом историко-этнографического (Гребнев, 1960), лингвистического (Хертек, 2015), литературоведческого и текстологического анализа (Орус-оол, 2001). На материале героического эпоса разрабатывались вопросы традиционной космологии тувинцев (Мижит, 2010). Особый интерес вызывает проблема выявления истоков тенгрианства в эпическом тексте и фольклоре тувинцев в целом (Орус-оол, 2018), не остались без внимания и проблемы перевода эпического текста (Орус-оол, 2011). На новый уровень выходят эпосоведческие изыскания в связи с начавшейся работой по созданию электронной базы данных текстов героического эпоса (Ондар, 2016) и издания Свода калмыцкого фольклора (Манджиева, 2016).

Бурятский эпос и героические сказки были предметом постоянного внимания фольклористов-бурятоведов и представителей бурятской фольклористики-носителей традиции с конца XIX – начала XX в., прежде всего с именем М. Н. Хангалова (1858–1918) (Хангалов, 2004: 81–215). Этими формами фольклора ученые занимались и в середине XX в. (Поппе, 1941). В настоящее время эпические формы бурятского фольклора рассмотрены в монографиях А. И. Уланова (Уланов, 1957, 1963), Н. О. Шаракшиновой (Шаракшинова, 1987), Б. С. Дугарова и Н. Н. Николаевой (Дугаров, Николаева, 2015), в последней работе прослеживается многомерная связь бурятского эпоса и этнической культуры бурят, вместе с тем вслед за классиками монголоведения эти авторы отмечают связь фольклорных текстов «Гесера» с его книжной версией (там же: 273–274). Есть работа по сравнению «Гэсэра» и «Джангара» (Цыбенкова, 2000).

Буддийская космология в хронотопе калмыцкого фольклора

Несмотря на то, что традиционный взгляд на героический эпос побуждает по традиции считать его содержание, а также место и время действия вымыслом, тем не менее его топономастикон, то есть топонимы и личные имена неэпических персонажей, побуждает проанализировать него и соотнести с географической реальностью в истории калмыков и буддийской теонимией. Здесь следует упомянуть исследования, посвященные эпосу «Джангар» в интересующих нас аспектах (Очир-Горяев, 1978; Бакаева, 2008а; Лиджиев, 2010; Бадгаев, 2014). В этих работах рассматривается топографическая картина эпического повествования, в которой сочетаются собственно эпические топонимы — вероятно, некогда реальные, но уже неизвестные последнему поколению традиционных исполнителей песен «Джангара», и те топонимы, которые поддаются идентификации с современными географическими именами и локализации на местности.

Изучение топографии и топонимии мира фольклора, в частности эпоса — того, что можно назвать эпическим хронотопом, составляет весьма сложную проблему для фольклористов и специалистов по исторической этнографии, изучающих географический кругозор этноса. Во-первых, далеко не все фольклорные жанры содержат топонимический материал: например, русская волшебная сказка никак не характеризует локус начала действия, а для именованых отдаленных мест обходится «Тридцатым царством. Тридцатым государством», в целом та же картина отражена в «Сказках» А. С. Пушкина, тонко подметившего эту особенность фольклорного нарративного жанра.

Описание хронотопа, то есть системы пространственных и временных ориентиров повествования, для калмыцкого эпоса «Джангар», признается одной из важных и приоритетных задач исследования эпического текста (Бурыкин, Басангова, 2014: 11). Опыт инвентаризации топонимов «Джангара» по малодербетской версии (Джангар, 1999), дает нам 18 эпических топонимов (Бурыкин, Басангова, 2014: 13–15). Похоже, что эти эпические географические названия — они все относятся к двум разрядам: гидронимы — названия рек и морей, и оронимы — названия гор — не будут иметь перспектив конкретной локализации на местности и привязки к реально существующим географическим объектам, хотя и здесь могут встретиться сюрпризы. Надо признать, что другие разряды имен собственных калмыцкого эпоса, например, имена богатырских коней, хорошо соотносятся с известными традициями именованых животных у калмыков, а личные имена эпических персонажей, прежде всего мужские имена — Джангар, Хонгор, Мингиян, Санал, Савар — вошли в современный калмыцкий антропонимикон в 1960-е гг. (Монраев, 2012: 90; Справочник..., 1979: 226–257). Тем не менее некоторые гидронимы, встречающиеся в эпосе «Джангар» и выступающие в качестве маркеров эпического пространства, не только привлекают к себе внимание исследователей, но и связываются с конкретными географическими объектами — так, река Эрцес идентифицируется с рекой Иртыш, название которой

часто встречается в средневековых исторических источниках и оно объясняется из кетского языка как Эр-сесь «Соболиная река» (Бурыкин, 2013: 123–129): предельно близкая к этому форма и отражена в калмыцком фольклорном тексте.

Важнейший пространствообразующий топоним калмыцкого эпоса «Джангар» — это страна Бумба, где в словоупотреблении «страна» подразумевается и географическая область, и политическая ответственность, поскольку данная область является областью владений, соответственно государством ее правителя Джангара.

Страна Бумба в песнях «Джангара» характеризуется как «Священно-прекрасная страна»; после того, как богатыри совершают свои подвиги, «Бумбайская страна, как и прежде, / В мире и благоденствии пребывает» (Джангар, 1988: 14, см. также 153). Эта богатырская страна Бумба имеет свой клич-уран и знамя желто-пестрого цвета, в нее доставляют пленников и добычу; пленника метят тамгой бумбайской страны (Джангар, 1990: 262, 270, 317). Сам Джангар представляется идеальным правителем и устройтелем государства:

«Вера в их Бумбайской стране
Подобно солнцу, сияет,
Мирское правление
Стало крепким, как скала.
Под покровительством хана Джангара
В счастье, блаженстве все пребывают» (там же: 288–289),
«<...> люди его ханства делают родовитыми сирот, бедных — богатыми» (Джангар, 1988: 44).

Мы уже отмечали, что образ страны Бумбы в калмыцком героическом эпосе «Джангар» оказывается довольно сложным. Наиболее архаические мотивы: связанные с этим образом, побуждают видеть в стране Бумбе средний мир — мир людей, противопоставляющийся по крайней мере двум иным мирам, населенным демонами (верхнему и нижнему), и только в некоторых контекстах это понятие суживается до определенной местности, которая имеет своего духа-хозяина, духа-покровителя (Бурыкин, Басангова, 2014: 38).

Самое интересное, на наш взгляд, заключено в том, что страна Бумба в «Джангаре» является не названием местности, а эпическим политономом, названием государства — названием владений «Джангара». Место, где она расположена, имеет в эпосе топографическое обозначение в соответствии с буддийскими представлениями об устройстве — это Замбатиб, область мира, где живут люди. Толкование значения и объяснение происхождения названия эпической страны Бумбы связывается, с одной стороны, с религиозно-мифологической топонимией, с другой — со знакомыми реалиями буддийского культа. Традиционно считается, что это название возникло как контаминация из названия мифического океана Бум-дала и названия сосуда для священного нектара-аршана, изображение которого венчает буддийский храм. Это могло привести к закреплению за названием Бумба обозначения некоей пространственной сферы, все содержимое которой мыслится как сакрализованное, идеальное, возвышенное (там же: 33–34), хотя иногда наименование Замбатиб выступает как синоним страны Бумбы (там же: 14). Наше мнение, согласно которому государство Джангара является эпической утопией, своеобразной социальной мечтой народа, вписанной в религиозный контекст, подвергается критике (Овшинов, 2020).

Калмыцкий героический эпос «Джангар», прошедший длительную, не менее чем 580-летнюю историю, аккумулировал в себе разные фрагменты образов этнической культуры калмыков. В нем сохраняются, хотя не всегда идентифицируются добуддийские элементы (талисман-охранитель страны Бумбы в виде конской головы, почитание духа-хозяина местности Мингьяном: в поздних сказочных текстах дух-хозяин сменяется Белым Старцем (Музраева, 2016). Топография «Джангара» осложняется хурулами, к которым едут богатыри перед совершением подвигов и после возвращения, тот же Мингьян щедро одаривает ламу (Бурыкин, Басангова, 2014: 24). Упоминание Замбатиба и иных топонимов, локализация которых осложнена или невозможна, в эпосе получает особую смысловую роль — она сближает два мира, мир людей, носителей фольклорной традиции, и иные миры, унаследованные или принятые посредством религиозного вероучения. У калмыков на территории их проживания сложился пласт топонимии, отражающий их приверженность буддизму (Гедеева, 2013). В топонимической картине мира калмыков сохраняются идеи о горе Сумеру (Хабунова, Гедеева, Убушиева, 2018: 248), примерно в той же форме, которая прослеживается по материалам тувинского фольклора (см. далее).

Хотя сказка как жанр не предполагает ни этнической, ни этнокультурной идентификации своих героев и изображаемого в ней мира, в калмыцких богатырских сказках встречаются, причем в заметном количестве, культуроидентифицирующие детали, относящиеся к традиционной религии калмыков — буддизму. Что характерно для текстов — реалии, чуждые традиционному по жанровой природе сказки миру, в текстах никак не комментируются и по умолчанию предполагаются знакомыми слушателям. Приведем примеры:

«В предыдущей жизни старуха и старик это были, оказывается, — сказал. — Старик “Дорджи дждово” читал, — сказал» (Калмыцкие богатырские сказки, 2017: 251);

«Ехали-ехали, землю (где слышалось) “мингн зеевя”¹ миновали и прибыли в некое место. На одном из островов трава, (словно) говоря: “Ом мани падме хум”, — шелестит. “Наш отец именно этого ещё не видел”, — подумал он» (там же: 33);

«<...> Ту землю, (где слышалось) “мингн зеевя”, миновав, приехали на какой-то остров. А на том острове трава и камыш (словно говоря): “Ом мани падме хум”, — беспрестанно шумели. Решив, что наш отец именно этого не видел, вернулся он домой. Пришёл и рассказал (обо всем) отцу, (тот): “Моего дневного (пути та) земля”, — сказал» (там же: 35).

В этих фрагментах упоминается буддийская сутра, имеющая широчайшее распространение среди калмыков со времен принятия ими буддизма «Дорджи Джодва» (или «Алмазная сутра»), и самая известная из буддийских молитвенных формул «Ом мани падме хум» — мантра бодхисаттвы Авалокитешвары. Полагаем, что за счет таких приемов слушатели получают возможность отождествлять себя с участниками сказочного действия, или приближать себя к ним.

Детали повествования, связывающие сюжет с буддизмом и его культурным миром, встречаются в разнообразных сказочных текстах калмыков. ср: «Когда шёл он, слева послышались трогательно прекрасные звуки молитвенных песнопений. Пошёл он и пришёл к тому дереву. То было дерево бодхи» (там же: 235). Когда листья его соприкасались, то издавали такие прекрасные звуки. Как справедливо отмечено в комментарии к этому тексту, «<...> дерево бодхи, священное дерево, под которым, сидя в медитации, Будда достиг просветления на благо всех живых существ» (там же: 520). Мотив, имеющий отношение к жизнеописанию Будды, свидетельствует о фундаментальных знаниях буддийских повествований исполнителями сказок вплоть до момента записи цитируемого текста.

В ряде сказок встречаются элементы буддийской космографии, органично вписывающиеся в повествование: (там же: 171; 509, комментарий).

В трех сказочных текстах встречается наименование земли, находящейся, по представлениям буддистов, в центре мира, где живут люди и где полагается жить сказочным героям:

«— Я — дочь Луны, — сказала.

— Как же вы здесь оказались? — спросил (он). Три девушки ответили:

— Мы втроём раз в год на запад Замбатива², к животворному белому океану, прилетали в облике лебедей и плавали. Эти трое братьев-мусов нас подстерегли и схватили» (там же: 65).

В этой сказке девушки, принимающие облик лебедей, прилетают на самый край своей страны, где они меняют свой облик и где живут враждебные им герои.

Во втором примере проясняется тот факт, что обитаемый центр мира Замбатив имеется в каждом из трех мифических и сказочных миров — не только в Среднем, где происходит действие во многих эпизодах, но и в Верхнем мире:

«— Откуда ты, девушка? — спросил Джангар.

— Я — девушка из верхнего Замбатива» (там же: 233).

Такое же устройство мира мы наблюдаем в «Джангаре», где у каждого хана есть своя страна Бумба и богатыри, имеющие имена, одинаковые с именами богатырей Джангара.

«“<...> Прозывают его так: криком своим Замбатив сотрясающий, неустанно бегущего молодого солового коня имеющий, из горных мест (происходящий) Уту Улан богатырь”, — так сказал» (там же: 469).

¹ «Мингн зеевя» — начало молитвы, обращенной к Цзонхаве (Цонкапе) (1375–1419) — тибетскому религиозному деятелю, основателю школы гелук, являющейся историческим направлением буддизма, воспринятым народами России.

² Замбатив — в буддийской космологии один из четырех материков мироздания, расположенный с южной стороны священной горы Сумеру (Калмыцкие богатырские сказки, 2017: 550).

Третий пример, относящийся к Среднему миру, показывает, как в сказочном пространстве за счет силы голоса богатыря центр пространства связывается с его краями — периферией.

В двух калмыцких текстах упоминается сакральный предмет — камень-чиндамани¹. В одном случае он фигурирует в формуле «Три сожаления», которую произносит богатырь: «Третье, о чём сожалею, в пяти шагах к югу от этого колодца (похожий на) голову коня драгоценный (камень) чиндамани зарытый лежит, о том, что как хозяин пользоваться им не смогу, сожалею. Вот три моих сожаления» (там же: 61). В другом случае он упоминается как предмет особой заботы сказочного героя: «Аг-Сахал Богдитин решил спать на улице, он улегся в телегу, драгоценный камень, похожий на голову коня, подложил под голову и уснул» (там же: 75). То, что священный камень чиндамани похож на голову коня, отнюдь не случайно: точно такой же камень, находящийся на середине реки, является талисманом, от которого зависит благополучие страны Джангара — страны Бумбы (Бурыкин, Басангова, 2014: 41). Любопытно, что в Туве есть топоним Аьт-Баштыг-Хем ('с лошадиной головой река'). Считается, что река названа по месту в истоках, где совершался ритуал жертвоприношения в форме вывешивания лошадиной шкуры с головой (Ондар, 2007: 131), однако это название на редкость удачно сходится с характеристикой топографии эпоса «Джангар» (талисман в виде конской головы) и общим для народов Евразии почитанием антропоморфных и зооморфных природных объектов.

Для топонимии эпоса «Джангар» характерно противопоставление наименования земного мира как географического понятия — Замбатиб, в котором выделяется священная гора Сумеру, и политического образования — страны Бумбы. Получается, что калмыцкий фольклор сохранил тройственность Замбатиба: пространственный объект с тем же названием, как и герои с одинаковыми именами, по воззрениям калмыков, присутствует во всех трех мирах, отражаемых в фольклоре. Вместе с тем отдельные топонимы «Джангара» коррелируют с топографической или этнографической реальностью.

Буддийская космология в топонимике тувинского фольклора

Эпические сказания тувинцев не только сохранили классическую эпическую стихотворную форму исполнения, но и соединили разные мировоззренческие компоненты, свойственные этносу, — буддийские мотивы и мотивы, связанные с шаманством. Конкуренция двух идеологий видна в эпическом тексте «Хунан-Кара», где герой использует буддийскую книгу сутру для гадания, а потом призывает шамана:

«Трехсаженную
Желтую судур,
Из которой про три драгоценности,
Про три злосчастья
Узнают,
Быстро раскрыл —
Задрожал каптазын из черного камня,
Стал листать-вызнавать.
“Когда я умру,
Оставив ханскую власть,
Родится ли мальчик достойный
В моей державе — великом краю,
Среди моих подданных?” — [хан] подумав,
Стал листать-вызнавать —
[Тогда] пригласили, привезли к ней
Эки-Хо-шамана,
Камлавшего в восточном краю.
Биение сердца проверил:

¹ Чиндамани — в буддийской мифологии драгоценный волшебный камень, исполняющий желания.

“Самый разгар
 Болезни” — сказал
 Небесного цвета
 Сиво-серого коня
 Велел поймать,
 Можжевельником стал окуривать, заклинать.
 Но назавтра
 Боли усилились.
 Из [пещеры] Ак-Ой
 Наставника-ламу
 Пригласили к ней.
 Наставник-лама приехал.
 Гадальные кости бросил
 “Это не разгар [болезни],
 Предвещается что-то хорошее.
 Даже вот что:
 Счастье придет” —
 На гадальных костях нагадал» (Тувинские героические сказания, 1997: 63).

В этом эпическом сказании упоминается главная географическая структура многих нарративов, связанных с буддизмом — местность Замбатиб, называемая сказителем Ямба-дип или Чамба-дип (там же: 95, 127, 131, 135, 137, 211), в последнем эпизоде говорится о том, что задача скачек здесь — обежать семь раз вокруг Замбатиба-Ямба-дипа.

Нельзя не отметить того, что в этом сказании появляются образы буддийских божеств — Очур-баная (Очирвани, Ваджрапани) и Мага-халы (Махакалы, одного из воплощений Ваджрапани).

В сказании «Богтуг-Кириш, Бора-Шээлей» мы видим уже знакомую книгу-Судур, а также тойху — стеклянное зеркало, гадательную практику на книге-сутре (там же: 299, 383, 473). В этом же сказании описано подношение бурхану:

«На трехсаженном шелковом хадаке-айыжы
 Отборного черного соболя с белыми лапками
 Бурхану поднес,/ Оказывается» (там же: 509–510).

Состязание богатырей в этом тексте изображено несколько иначе:

«Передали, что через три дня будет состязание в беге», — говорит
 “За одну ночь Чамбы-дип обегаешь ты,
 Бегущий Мерген, но как тут тебе быть?” — говорит» (там же: 383).

В одном из мифологических повествований как главный герой рассказа появляется Сагаан-Дарий-ги (Белая Тара) (Мижит, 2009: 177–178). По-видимому, такая ситуация, как явление буддийского божества в активной роли, характерно только для специализированных текстов, в эпических жанрах мы этого не встречаем.

В тувинских богатырских сказках буддийские мотивы присутствуют так же, как и в калмыцких богатырских сказках, однако практика их применения в текстах, на наш взгляд, оказывается несколько иной, нежели у калмыков. Материалом для данного раздела нашей работы явились записи Э. Таубе от алтайских тувинцев, живущих на территории Монголии (Сказки и предания ..., 1994), а также издания тувинских сказок и мифов.

Интересно, что образы Очирвани и Махакалы как характеристика внешнего облика человека в фольклоре тувинцев встречаются еще раз, то есть ведут себя как клише:

«На четырехножном ширэ
 в дёре сидел
 восьмилетний мальчик

в одеянье-кольчуге,
в золоченом уборе обадай:
от макушки его
Очур-Манай исходил,
от лба его

Мага-Хала бурган исходил» (Тувинские народные сказки, 1994: 69).

Еще одно буддийское божество, присутствующие в тувинских сказках — это Намзырай — Намсарай, Кубера, Дзамбала — бог богатства:

«Дальше поехали и приехали в аол-поселение Эрлик Ловун-хана.

Эрлик Ловун-хан сказал Бай-Белэди:

— Раз уж твои бесценные тысяча лан полудного золота осветили мой мир, стань самым Намзырай-бурганом, — и хлопнул его ладонью по лбу.

И Бай-Белэди, став Намзырай-бурханом, зажил, ведая государственными делами, и писал в назидание историю» (там же, 1994: 305).

Слово *бурхан*, общее для тюркских и монгольских языков, обозначает и божество, и его изображение (Музраева, 2014).

Довольно много примечательных мотивов, связанных с буддизмом, встречается в несказочной прозе тувинцев. Это мотив, почему человек ходит на двух ногах: такова воля бурхана (Мифы, легенды ... , 2010: 47–49), рассказ о том, как Очурбаанай отправил Ара-хоо на Луну (там же: 53), рассказ о происхождении змеинового яда — ученики Будды пожалели змею (там же: 55), привлекает внимание рассказ о прародине тувинцев на реке Орхон (там же: 55). Нельзя не заметить почти традиционную для тувинцев тему конфликта шамана и служителя буддийского культа — таковы повествования «Рассказ про бай-Тайгу» (там же: 275–279) и «Состязание Ловуна-гадателя и шаманки» (там же: 173–176).

Некоторые образцы тувинских богатырских сказок насыщены буддийскими именами и реалиями: «Оба они стали добрыми друзьями, наши герои, призвав на свои головы защиту Балджыр Бургана, на свои косы — защиту Гесер Богды, а на свои темечки — защиту Очир Бургана и дав друг другу золотую клятву» (Сказки и предания ... , 1994: 59). Ср. также: «<...> призвали оба на свое темя Бурган Очира и поклялись друг другу стать друзьями» (там же: 181).

Очень важная для мира тувинских богатырских сказок реалья, представляющая мир географических ориентиров — гора Сюмбер, явная аналогия буддийской горе Сумеру. Из некоторых мифологических рассказов явствует, что эта гора появилась еще до создания мира (Мижит, 2009: 179–180). Гора Сюмбер встречается в текстах весьма часто. Эта гора является местом обитания самих героев, на ней они охотятся, она для них «своя», она дает им все, чтобы поддержать жизнь, что становится ясным из следующих примеров:

«<...> жил тогда простой паренек по имени Эрген-оол. Однажды он поднялся на свою гору Сюмбер, чтобы поохотиться и добыть себе дичи» (Сказки и предания..., 1994: 61);

«Это было время, когда наш истинный муж утолял свою жажду водой золотого и серебряного источников и поднимался на свою большую пеструю гору Сюмбер» (там же: 70);

«Прошло немного времени, и Сулу Балдыр Хаан отправился прямо на запад охотиться на своей горе Сюмбер» (Сказки и предания..., 1994: 135); «Стрелял Гунан Хара Баатыр на своей горе Сюмбер самых красных соболей и самых синих бобров» (там же: 117).

Но есть и такие упоминания о горе, которая выступает своеобразным ориентиром в этом мире для главного героя:

«— Когда ты взберешься на большую и высокую гору Сюмбер, то увидишь тогда перед собой большое море, — сказал он» (там же: 59).

Насыщенность тувинских сказок оронимом-названием горы Сюмбер очень сходно с тем, что калмыцкие топонимисты выявили с названием горы Сумеру, которая для каждой группы и для каждого локуса повествования оказывается организующим центром микрокосма (Хабунова, Гедеева, Убушиева, 2018: 248).

В текстах тувинских богатырских сказок встречаются и некоторые непонятные реалии, связанные с буддизмом. Рассмотрим фрагмент: «Он кричал два-три дня подряд, и бег¹ подумал: “Что бы это значило?” — и взял Птичью книгу, есть такая Птичья сутра², взял он ее, заглянул, а там говорилось: “Этому мужчине следует теперь жениться”» (*Сказки и предания ...*, 1994: 155). Следующий пассаж требует исследования: «Сперва лама Баахын Будуясын произвел очищение и омовение Тайваган Улаана, а потом все отправились на ту битву. А когда они туда отправились, лама Баахын Будуясын сказал: — Я не из тех, кто пойдет с вами на эту битву: мое дело только воскурять тринадцать жертв Алтаю, — и остался» (там же: 170). Здесь не вполне понятно, мог ли лама по своему статусу приносить жертвы Алтаю.

В фольклоре тувинцев Алтая встречаются легенды, напрямую связанные с рассказами о Будде и его жизни и деятельности. Приведем два таких рассказа. В первом («Легенда о Бурган Башкы и Очирваане») главными персонажами выступают Будда и Ваджрапани:

«Оба, и Бурган Башкы, и Очирваан, хотели, чтобы их считали властителями человечества. И решили они тогда, что властителем над людьми и миром будет тот, в чьей пиале расцветет цветок.

И вот они сидели оба с закрытыми глазами, держа в руках свои пиалы. Очирваан приоткрыл однажды глаза щелочкой и увидел, что в пиале Бурган Башкы распускается цветок лотоса. Он незаметно вынул его и опустил в свою пиалу. Тут Бурган Башкы открыл глаза и сказал:

— Ну, хорошо, ты будешь в этом мире властителем! Но в твоём мире будут войны.

А вот если бы Бурган Башкы стал властителем мира, он бы, так как причина войн всегда волки и покражи, он бы повесил волкам на шею колокольчики, а на голову воров поместил бы огонь, чтобы каждый сразу же мог распознать их. И тогда в его правление мир и люди не знали бы войн» (там же: 284).

Другая легенда «Откуда взялись рыбы» гласит: «Что касается рыб, то Бурган Башкы сказал: — Да станет это пищей детям моим! — отрезал немного мякоти от своих мясистых ляжек и бросил в море» (там же: 285). В этой истории прослеживается мотив жертвования Бодхисаттвой своей плоти ради спасения других живых существ.

Значимый для нашей темы текст — тувинская сказка «Кот-наставник», ее содержание: мыши грызут столбы хурула, лама заводит кота и представляет его мышам как наставника: кот съедает по одной мыши, мыши это замечают, разбегаются и с тех пор избегают кошек (*Тувинские народные сказки*, 1971: 193).

Буддийские мотивы в тувинском эпосе связаны с эпической топографией и маркировкой эпического пространства названием среднего мира — Замбатиб, которое полностью интегрировано в эпическое повествование: в его границах устраиваются эпические состязания. Исключительно интересен тот факт, что гора Сjumбер (Сумеру) во многих текстах выступает как центр микрокосма повествования и места проживания героя. В единичных текстах проявляются мотивы буддийских повествований. Имена буддийских божеств связаны не с культом, а с изобразительной декоративной практикой. Упоминание Бурган Башкы (Бурхан-бакши, Будды) является исключительным для тувинской фольклорной традиции. Обращает на себя внимание особая насыщенность буддийскими мотивами текстов, записанных Э. Таубе у тувинцев Монголии. Примечательно, что тувинский фольклор становится ценным источником по истории буддийских теонимов и личных имен.

Буддийская космология в топономастиконе бурятского фольклора

В настоящее время мы располагаем значительным количеством образцов бурятского эпического и сказочного фольклора, в которых проявляются буддийские мотивы. Мы не обращаемся к текстам «Гесера», поскольку они представляют больший интерес для изучения добуддийского компонента верований бурят и воздействия письменного текста на устную традицию (*Дугаров, 2005*), в частности, тенгрианства, буддийские мотивы занимают в нем менее значимое место (*Аюшеева, 2018: 223*).

Примечательный фрагмент обнаруживается в бурятском эпосе «Аламжи мэргэн»:

¹ Бег — первоначально обозначение круга лиц из родни мужа, потом — главы родственной группы, позже — обобщенно в значении «высокий господин», «князь» (см.: *Сказки и предания ...*, 1994: 370).

² Птичья сутра — текст, целью которого было толкование поведения и полета птиц (см.: там же: 322).

«Так она говорила-сказывала.
Икры себе разрезав,
Достала священную книгу,
книгу Майдари вынула.
И на столе покато, серебряном,
Таким, что потянет; его — растянется,
Днем читала она —
При свете солнца читала,
Ночью читала она.
При свете свечей читала.
Так читала она,
Что и есть забывала,
Так читала она,
Что и спать забывала.
Девять суток подряд,
Не отрываясь, читала она
И прочла эти книги
От начала и до конца» (Аламжи Мэргэн, 1991: 167).

Здесь существенно, что эпическая героиня читает сочинение, связанное с бодхисаттвой Майтрейей, будущим преемником будды Шакьямуни.

Локус действия бурятских эпических сказаний — это буддийский центр мироздания, земля Замбатиб:

«Не было у него сил.
Глянул он вниз
Семислойная Замби-земля
Величиной с ладонь, Желтеет,
Великие реки-моря,
Как тонкие иглы» (там же: 205).

Буддийские мотивы в бурятских волшебных сказках встречаются довольно часто и отличаются разнообразием и насыщенностью. В основном это связывается со значительным количеством текстов, включающих буддийские мотивы и, возможно, относительно ранним знакомством бурят с буддизмом (Цыремпилов, 2013; Буддизм в истории и культуре ... , 2014), русские документы об открытии байкальского региона позволяют датировать принятие буддизма бурятами даже началом XVII в. (Бурыкин, 2015). Благодаря этому процессу в культуру бурят вошло множество реалий, связанных с буддизмом.

Начало бурятской сказки «Царь Баян-Хара» напоминает зачин эпических героических сказаний, характерных для тюркской и монгольской эпических традиций и перенятой эвенками — однако здесь, в отличие от якутских и тунгусских эпических текстов здесь присутствует упоминание о горе Сумеру, вошедшей в эпический пейзаж:

«В прежние времена, давние времена, когда земля становилась землей, вода становилась водой, когда гора Сумбэр была еще с бугорок, молочное море было с озерко, когда в табуне рождались только аргамки, а на радость отцам — только баторы, когда бумага стала тонкой и свиная голова съедобной,— в эти ранние времена жил в западной местности Шана у подошвы трех гор Монгото-ула славный царь Баян-Хара» (Бурятские народные ... , 1990: 145).

Рассмотрим начало бурятской сказки «Харасгай мэргэн»:

«В давние-давние, прошлые прекрасные времена, когда время было чудесным, бумага была тонкой, рыба-великанша была мальком, жили Харасгай Мэргэн и Ату Ногохон. Было у них тридцать три базара и три бурхана, сорок четыре базара и четыре бурхана да светлый дворец, небеса подпирющий, высокий светлый дворец, облаков достигающий. Снизу посмотришь — семь тысяч окон, сверху посмотришь — бесчисленное множество окон, в каждом его углу — (фигурка) бурхана, на каждой стене — изображение хана» (Бурятские волшебные ... , 1993: 117).

Заметную роль в бурятских сказках играет понятие бурхана — изображения божества, Будды. Стремление приобрести бурхана изображается в сказке «Мэргэн Зоригто»:

«Так в думах да раздумьях Зорикто дошел до города. Зашел он в одну лавку, ничего не купил, заглянул в другую, тоже ничего подходящего не нашел, и подался он на базар. Тут народу видимо-невидимо, всё больше продают, а не покупают. В такой толпе и заблудиться можно; хуже, чем в тайге. Походил, походил Зорикто, потолкался и пошел домой ни с чем. Приходит к отцу с матерью, ложится спать и спит больше суток. Умаялся дорогой, шутка ли, пешком в город сходить. Проснулся Зорикто, отец его спрашивает:

- Чем порадуешь старика, что купил?
- Ничего не купил, — отвечает Зорикто.
- Зачем же ты тогда ноги ломал?
- Искал бурхана, не нашел, вот и пустым пришел домой. Кроме бурхана, мне ничего не надо.
- А знаешь ли ты, что такое бурхан? — спросил отец сына» (Флоренсов, 1927: 7–9).

Как и в фольклоре тувинцев, у бурят в хронотопе сказки встречается гора Сумеру — священная гора буддистов. Например, в бурятской сказке «Старик Молонтой»:

«Что объездил Вселенную, сущую неправду говоришь, трясешь шерстью, не пыли. У подножья горы Сэгтэ Сэмбэр белый изюбрь с острыми (рогами), посередине насквозь простреленный, исходил кровью, пыхтел-лежал. Затем лев за одним человеком гнался. Все это видел?» (Бурятские народные сказки, 2008: 55).

Вот начало сказки «Парень-сирота», вероятно, преобразованной из эпического повествования:

«В давнее время, когда Молочное озеро было еще лужей, гора Сумбэр — кочкой, один сирота-парень у богача пас овец. Тот парень однажды, когда пас овец, сильно устал, утомился» (там же: 164).

Интересные детали присутствуют в сказках из сборника, составленного Б. С. Дугаровым. Например, вот сказка «Ута-Саган Батор»: «После этого (поединка) пятнадцатиголовый мангатхай Ашура-Шара и Ута-Саган-батор обменялись вещами книгами “Шара худар”» (Бурятские народные ..., 1990: 76).

В сказке «Солнечный цветок» именование бурхан входит в обращение к нему: «— Бурханом заклинаю — не делать этого! — взмолилась Наран-Сэсэг» (там же: 143).

В сказке «Царь Баян-Хара» описывается интересный ритуал:

«Услыхали богатырский голос пятьдесят пять тэнгэри, устроили малый суглан на Луне; призвали тысячи белых бурханов, устроили большой суглан на Плеядах. Открыли они священное желтое писание и узнали о том, что не гром гремит, а созданный ими Алтан-Жоло-мэргэн просит у творцов своих коня, доспехи и одежду» (там же: 153).

В сказке «Хитрый придворный» героиня использует в качестве сигнала герою слова буддийской молитвы:

«А Уран Тушэмэл перед девушками похаживает, на красавиц поглядывает. Наконец остановился перед самой улыбчивой и услышал старухин голос: “Ом мани...” Взял он красавицу за руку...» (там же: 166).

Сказка «Газар Поолин, Сын Зээдэлэя» имеет характерное для образцов эпоса и богатырских сказок мифологическое начало, но в ней упоминается и гора Сумбэр, и буддийские божества:

«В те стародавние времена, когда погода стояла благодатная и травы ярко зеленели, когда молочное море лужицей казалось и свиньи отъедались на его берегу, когда исполинская гора Сумбэр была маленькой кочкой, когда развесистое дерево опушки колыхалось молодой порослью и круторогий козел резвился маленьким козленком, в те старопрежние времена жил на свете сын Зээдэлэя Газар Поолин со своей старухой. Была у них дочь Ногоондар — любимица богини Зеленой Тары и сын Сагаандар — любимец богини Белой Тары. Подарили боги брату с сестрой несколько жизней» (там же: 266–267).

В некоторых сказках привлекает внимание даже такие небольшие и малозначимые для сюжета детали, как ритуальная практика, сопровождающая сюжетные события:

«Привез молодец Сагаандар позолоченные подушки Буха-хана и подложил ему под голову, обернул тело парчой и шелком, забил вороного аргамака и похоронил рядом с хозяином. Преломил лук и стрелы, положил их хану на грудь, а над могильным холмом белый молитвенный флажок подвесил» (там же: 282).

«Была у нас единственная дочь-дангина, — отвечает хан. — Отпустили мы ее погулять вместе с двумя сановника. И с тех пор их нет, как в воду канули. Мы не знаем, куда делась наша дочь, но думаем, что случилось самое худшее, поэтому и пригласили почтенных лам на поминальную молитву. — После этих слов хан опустил голову в большой печали, а ханша зарыдала (там же: 310–311).

Буддийский топономастикон, или ономастическая картина мира встречается в бурятских фольклорных текстах, примерно в том же составе, в каком она наблюдается в фольклоре калмыков и тувинцев. Это выражено прежде всего в упоминании Замбатиба и горы Сумеру в тех формах, в каких они характерны для традиции. Из имен божеств в бурятских фольклорных текстах встречаются Бодисаттва Майтрейя и название сутры «Шара худар». Стоит отметить, что в бурятских фольклорных текстах встречается множество предметов, связанных с буддийской культурой, которые наполняют повествование характерными для культуры деталями.

Заключение

Буддийские элементы, которые можно обнаружить в сказках и эпосе калмыков, героических сказаниях и сказках тувинцев и в сказках и эпосе бурят в целом относительно немногочисленны, и, как можно судить, появились в фольклорных традициях разных народов независимо друг от друга. Часть таких элементов — объекты, формирующие пейзаж Среднего мира в буддийской космологии как научного сегмента и как сферы, где живут люди. Названия этих объектов — такие как Замбатиб или гора Сумеру выступают в роли дополнительного элемента фольклорного пейзажа, что особенно заметно в образцах эпоса, где гора Сумеру вписывается в архаический мифологический пейзаж, одновременно с этим у каждой группы, о которой повествуют фольклорные произведения, оказывается своя гора Сумеру — это четко видно в фольклоре тувинцев и сохранилось в представлениях о географическом мире у калмыков. В отдельных случаях в текстах появляются имена буддийских божеств — здесь они имеют разные функции от божеств как действующих лиц, как у тувинцев, до обозначений изображений божеств в окружающем материальном мире. Будда в фольклоре именуется Бурхан или Бурхан-бакши (Бурган Башкы).

Самое интересное в исследовании — удалось установить, что в том, что буддийские мотивы в традициях трех народов, исповедующих буддизм, в основном связаны с социальным миром и предметным миром. Примером первого являются образы лам, примером второго — изображения божеств и названия священных книг. Эти детали текста дополняют традиционную фольклорную картину мира и создают как бы декорации для развертывания содержания текста, позволяя изучать характер отражения реального мира в устной словесности.

Фрагментированность и неоднородное распределение упоминаний Замбатиба, а также разные формы его наименования, как и различающийся набор теонимов, наилучшим образом представленных у тувинцев, указывают на неоднородность и вероятную гетерогенность географической картины мира в эпохах тувинцев, бурят и калмыков.

Примечательно, что в фольклорное повествование проникают отдельные названия буддийских сочинений и тексты молитв. Буддийские ритуалы вписываются в фольклорное повествование как одна из сфер традиционной практики народов, описание которых входит в эпос вместе с разнообразными деталями. Это насыщение фольклора ставит под сомнение гипотезу А. И. Зайцева, согласно которой волшебные сказки появляются в обществе со сложной социальной организацией, в котором функционирует письменность (Зайцев, 1984). Любопытно, что у тувинцев появляются фольклорные версии книжных повествований (Донгак, 2004), что видно на примере рассказа о коте. Пространственно-временная картина в эпических формах фольклора привлекает внимание исследователей в поисках возможных вариантов ее формализации в связи с точными науками (Сатанар, 2020).

Дальнейшие исследования в области распространения литературно-книжной традиции, представляющей буддийское наследие, и его отражения в фольклоре отдельных этносов, а также опыты сопоставления легендарной и исторической топонимии религиозных и устных фольклорных текстов (см. например: Халтуева, 2009) представляются весьма важными как для изучения процессов развития фольклора, так и для характера процессов рецепции буддизма, изучения культуuroобразующей роли буддизма для народов Центральной Азии, характера эволюции культурных и конфессиональных компонентов буддизма при его распространении на север. Весьма значимые в теории и практике результаты обещает исследование характера направлений лексических заимствований и заимствований сюжетов и мотивов в фольклоре и литературе. Исследования в названных областях могут привести к интересным результатам и выводам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аламжи мэргэн. Бурятский героический эпос (1991) / отв. ред. А. Б. Соктоев. Новосибирск : Наука, СО. 312 с.
- Аюшеева, Э. Б. (2018) Особенности образа ламы в бурятской Гесериаде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (90). Ч. 2. С. 222–225.
- Бадгаев, Н. Б. (2014) Религиозная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 113–118.
- Бакаева, Э. П. (2004) О буддийских элементах в эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы. межд. науч. конф. / отв. ред. Н. Ц. Биткеев, Э. Б. Овалов. Элиста : АПП «Джангар». 602 с. С. 358–363.
- Бакаева, Э. П. (2008а) Проблема прародины этнических предков калмыков (по материалам добуддийских верований) // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. № 1. С. 204–211.
- Бакаева, Э. П. (2008б) Калмыцкий буддизм: история и современность // Религия в истории и культуре монголоязычных народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М. : Восточная литература. 320 с. С. 161–200.
- Биткеев, Н. Ц. (2011) «Джангар» и джангароведение // «Джангар» и эпические традиции народов Евразии: проблемы исследования и сохранения. Материалы Международной научной конференции (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.) / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста : КИГИ РАН. 173 с. С. 18–22.
- Богда Чаңгар хан : Тувинская сказка-эпос (1973) / сказ. Б. У. Балбыр; зап., подстр. пер. Д. С. Куулар; предисл. А. Ш. Кичикова // Уч. зап. Калмыцкого Научно-исследовательского Института языка, литературы и истории. Элиста : б. и. Вып. XI. С. 118–127.
- Борджанова, Т. Г. (2000) Ойратский героический эпос и буддизм // Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия: Материалы конф. / под ред. Д. А. Гущина, В. Н. Илюмжинова, Ю. Н. Солонина СПб. ; Элиста : Изд-во СПбГУ. 212 с. С. 116–117.
- Буддизм в истории и культуре бурят (2014): коллективная монография / под ред. И. Р. Гарри. Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном. 417 с.
- Бурыкин, А. А. (2003) Почему в Малодербетовской версии «Джангара» ханская ставка похожа на буддийскую ступу? (еще раз к проблеме мотивов изобразительного искусства в «Джангаре») // Буддийская культура и мировая цивилизация. Материалы третьей российской научной конференции (22–26 сентября 2003 г.) / под ред.: К. А. Наднеева, О. В. Усалко. Элиста : Изд-во КГУ. 214 с. С. 69–72.
- Бурыкин, А. А. (2013) Имена собственные как исторический источник. По материалам русских документов об открытии Сибири и Дальнего Востока XVII–XIX вв. СПб. : Петербургское востоковедение. 534 с.
- Бурыкин, А. А. (2015) Из истории лексики, связанной с буддизмом, в русском литературном языке XVII — начала XXI веков (позиции в буддийской церковной иерархии) // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство: буддизм и современный мир: материалы конференции. Улан-Удэ – Нарын-Ацагат, 13–16 июля 2014 г. / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб. : Гиперион. 430 с. С. 239–248.
- Бурыкин, А. А., Басангова, Т. Г. (2014) Типология калмыцкого фольклора / отв. ред. Д. Н. Музраева. Элиста : ЗАОр «НПП „Джангар“». 212 с.
- Бурятские волшебные сказки (1993) / отв. ред. А. Б. Соктоев. Новосибирск : ВО «Наука», Сибирская издательская фирма. 341 с.
- Бурятские народные сказки (1990) / сост. Б. С. Дугаров. М. : Современник. 389 с.
- Бурятские народные сказки. Волшебные. Бытовые (2008) / сост. С. С. Бардаханова, С. Д. Гымпилова; отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 187 с.
- Ванчикова, Ц. П., Чимитдоржин, Д. Г. (2006) История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. 147 с.
- Гедеева, Д. Б. (2013) Буддийская лексика в калмыцких микротопонимах // Бааза-Багши и его духовное наследие / отв. ред. Е. Э. Хабунова. Элиста : ЗАОр «НПП „Джангар“». 160 с. С. 52–54.
- Гребнев, Л. В. (1960) Тувинский героический эпос: (Опыт историко-этнографического анализа). М. : Издательство «Восточная литература». 147 с.
- Дарбакова, В. П. (1997) Эпос «Джангар» — венец буддийского Ренессанса // Проблемы современного джангароведения: материалы респ. науч.-практ. конф., посв. 75-летию профессора А. Ш. Кичикова : в 2-х кн. / отв. ред. А. В. Бадмаев. Элиста : Изд-во КГУ. Кн. 2. 85 с. С. 63–64.
- Джангар (1988): Калмыцкий народный героический эпос. Эпический репертуар Мукебюна Басангова / пер. с калм., предисл., коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева. Элиста : Калм. кн. изд-во. 158 с.

- Джангар (1990): Калмыцкий героический эпос / сост., подг. текстов, коммент. и словарь Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова; пер. с калм. Н. Ц. Биткеева, Э. Б. Овалова, Ц. К. Корсункиева и др. М. : Наука, ГРВЛ. 475 с.
- Джангар (1999): Малодербетская версия = Жаңһр / сводный текст, пер., вступ. ст., коммент., словарь А. Ш. Кичикова; отв. ред. А. В. Бадмаев. Элиста : КГУ. 272 с.
- Донгак, А. С. (2004) Сюжеты и мотивы «обрамленных повестей» в тувинской сказочной традиции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 20 с.
- Донгак, А. С. (2018) Легенды и устные рассказы об истории распространения буддизма в тувинском фольклоре // Oriental Studies. № 1. С. 113–120.
- Дугаров, Б. С. (2005) Сакральный мир бурятской Гэсэриады: Небесный пантеон и генезис героя : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Улан-Удэ. 45 с.
- Дугаров, Б. С. (2017) Феномен книги в тюрко-монгольском эпосе: буддийское влияние и алтайско-бурятские параллели // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). № 1. С. 82–88.
- Дугаров, Б. С., Николаева, Н. Н. (2015) Бурятский героический эпос как этнокультурный феномен в контексте нематериального культурного наследия бурят // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. Вып. 10 (1). Филология. С. 271–275.
- Зайцев, А. И. (1984) К вопросу о происхождении волшебной сказки // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / под ред. Б. Н. Путилова. Л. : Наука, ЛО. 254 с. С. 69–77.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. (2010) / под. общ. ред. Н. Г. Очировой. М. : Фонд современной истории. 392 с.
- Калмыцкие богатырские сказки (2017) / подготовка текстов, переложение калмыцких текстов, перевод, примечания, комментарии, указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой; отв. ред. А. А. Бурькин, Г. Ц. Пюрбеев, Е. Н. Кузьмина. Элиста : КалмНЦ РАН. 561 с.
- Ковалевский, О. М. (1837) Буддийская космология. Казань : Университетская типография. 167 с.
- Куулар, Д. С. (2004) Тувинская версия «Джангара» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы межд. науч. конф. / отв. ред. П. Ц. Биткеев, Э. Б. Овалов. Элиста : АПП «Джангар». 602 с. С. 143–148.
- Лиджиев, А. Б. (2010) Отражение буддизма в ойрат-калмыцких топонимах // Мир буддийской культуры: наследие и современность : материалы III Международного симпозиума, 3–5 ноября 2010 г., Чита – Агинское / отв. ред. М. И. Гомбоева. Чита : Экспресс-издательство. 323 с. С. 182–187.
- Манджиева, Б. Б. (2016) К проблеме составления тома «Калмыцкие богатырские сказки» в Своде калмыцкого фольклора // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. № 4. С. 74–80.
- Мижит, Л. С. (2009) «Тройственные образы в мифологии и фольклоре тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/601> (дата обращения: 27.07.2020).
- Мижит, Э. Б. (2010) Тувинская традиционная космология в героическом эпосе [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 1. С. 149–172. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/570> (дата обращения: 03.03.2020).
- Мифы, легенды, предания тувинцев (2010) / отв. ред. В. В. Илларионов. Новосибирск : Наука. 372 с.
- Монгуш, М. В. (2001) История буддизма в Туве (вторая половина VI — конец XX в.). Новосибирск : Наука. 200 с.
- Монгуш, М. В. (2008) Религия в истории и современной культуре тувинцев // Религия в истории и культуре монгольских народов России / сост. и отв. ред. Н. Л. Жуковская. М. : Восточная литература. 318 с. С. 215–241.
- Монраев, М. У. (2012) Калмыцкие личные имена (семантика). 3-е изд. Элиста : АУ РК «Издат. дом „Гэрэл“». 255 с.
- Музраева, Д. Н. (2014) Бурхан. К истории одного тюрко-монгольского слова в русском языке // Монголоведение. № 7. С. 28–42.
- Музраева, Д. Н. (2016) Буддийские и добуддийские мотивы в калмыцкой сказке «72 небылицы» // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования. Материалы III Международной научной конференции / ред: Т. Г. Басангова, Б. Б. Манджиева, отв. ред. В. В. Куканова. Элиста : КИГИ РАН. 324 с. С. 166–169.
- Овшинов, А. Н. (2020) Героический эпос «Джангар» — философия жизни предков калмыков // Гуманитарий Юга России. Том 9. № 2. С. 234–248. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.17>
- Ондар, Б. К. (2007) Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 551 с.
- Ондар, М. В. (2016) База данных текстов тувинского героического эпоса: первый этап [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 4. С. 66–76. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/616> (дата обращения: 03.03.2020).
- Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика, стиль) / отв. ред. В. М. Гацак. М. : МАКС Пресс. 428 с.

Орус-оол, С. М. (2011) О переводах тувинского героического эпоса на русский язык // Орус-оол С. М. Избранные научные труды / сост. М. Б. Кунга. Абакан : ООО «Журналист». 296 с. С. 55–68.

Орус-оол, С. М. (2018) Тенгрианство в тувинском фольклоре [Электронный ресурс] // Международный Фонд исследования Тенгри. URL: <http://tengrifund.ru/tengrianstvo-v-tuvinskom-folklore.html> (дата обращения: 03.03.2020).

Очир-Горяев, В. Э. (1978) Топонимика «Джангара» (к постановке вопроса) // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. / ред. П. Ц. Биткеев, Э. Б. Овалов, Б. Б. Оконов. Элиста : КНИИЯЛИ. 144 с. С. 130–132.

Поляев, В. О. (1978) Тибетско-санскритские лексические элементы в языке «Джангара» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. / ред. П. Ц. Биткеев, Э. Б. Овалов, Б. Б. Оконов. Элиста : КНИИЯЛИ. 144 с. С. 98–100.

Поппе, Н. Н. (1941) Об отношении бурят-монгольского Гэсэра к монгольской книжной версии // Записки ГИЯЛИ. Улан-Удэ : Бурят-Монгольский гос. НИИ языка, литературы и истории. Вып. 5–6. С. 7–19.

Сатанар, М. Т. (2020) Экспликация некоторых кодов мифологической системы якутского эпоса олонхо (к постановке вопроса о фольклорном времени и пространстве) // Научный диалог. № 6. С. 302–319. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-6-302-319>

Селеева, Ц. Б. (2019) Сюжетно-типологические особенности сказания «Богдо Чаңгар хан» в традиции тувинцев и эпоса «Джангар» в национальных версиях калмыков России и ойратов Синьцзяна // Новые исследования Тувы. № 4. С. 133–139. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.11>

Сказки и предания алтайских тувинцев (1994) / собраны Э. Таубе; авториз. перевод с нем. Б. Е. Чистовой. М. : Восточная литература. 380 с.

Справочник личных имен народов РСФСР (1979) / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд. М. : Русский язык. 656 с.

Торбоков, А. В. (2017) Буддийская лексика алтайского героического эпоса // Актуальные проблемы алтайской драматургии в XXI веке: К 120-летию Павла Кучияка. Материалы региональной научно-практической конференции / под ред. М. С. Дединой. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет. 291 с. С. 267–275.

Тувинские героические сказания: «Хунан-Кара», «Боктуг-Кириш», «Бора-Шэлей» (1997) / сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск : Наука. СО. 584 с.

Тувинские народные сказки (1971) / пер., сост. и прим. М. Ватагина, предисловие Д. С. Куулар. М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 208 с.

Тувинские народные сказки (1994) / ред. З. Б. Самдан. Новосибирск : Наука. 460 с.

Уланов, А. И. (1957) К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ : Бурят-Монгол. кн. изд-во. 171 с.

Уланов, А. И. (1963) Бурятский героический эпос. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во. 220 с.

Флоренсов, В. Н. (1927) Мэргэн Зоригто Монголо-бурятская сказка о Мэргэн-Зорикто. Иркутск : Власть труда. 16 с.

Хабунова, Е. Э., Гедеева, Д. Б., Убушиева, Б. Э. (2018) Топонимы в фольклорном контексте калмыков // Новые исследования Тувы. № 3. С. 242–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.16>

Хабунова, Е. Э., Дампилова, Л. С., Кунгаа, М. Б. Аюушжавийин, А. (2019) Тувинское сказание «Богда Чангар хан» и его константные сегменты в ойратской и калмыцкой версиях героического эпоса «Джангар» // Новые исследования Тувы. № 4. С. 109–118. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.4.9>

Халтуева, Г. О. (2009) Топонимический лексикон «Сокровенного сказания монголов» и «Кодзики»: общее и частное : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 25 с.

Хангалов, М. Н. (2004) Собрание сочинений : в 3 т. / под ред. Г. Н. Румянцева. Улан-Удэ : ОАО «Республиканская типография». Т. III. 312 с.

Хертек, Л. К. (2015) К вопросу о лингвистическом анализе эпических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 12 (54). Ч. I. С. 188–190.

Хомушку, О. М. (2006) Религиозный синкретизм у народов Саяно-Алтая : автореф. ... дис. докт. филос. наук. М. 53 с.

Цыбенова, Б. Б. (2000) Общности и различия бурятского эпоса «Гэсэр» и калмыцкого эпоса «Джангар» : дисс ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 162 с.

Цыремпилов, Н. В. (2013) Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII — нач. XX в.) / отв. ред. Б. В. Базаров; Учреждение Рос. академии наук, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сиб. отд-ния РАН. Улан-Удэ : ИМБТ СО РАН. 338 с.

Чингэлтэй, Б. (2004) Влияние буддийской литературы на эпос «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы межд. науч. конф. / отв. ред. П. Ц. Биткеев, Э. Б. Овалов. Элиста : АПП «Джангар». 602 с. С. 318-324.

Шаракшинова, Н. О. (1987) Героико-эпическая поэзия бурят. Иркутск : Изд-во Иркутского университета. 304 с.

Шойнжонов, Б. Б. (2008) Отражение религиозно-культурных представлений в бурятском фольклоре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 27 с.

Дата поступления: 10.05.2020 г.

REFERENCES

Alamzhi mehrgehn. Buryatskii geroicheskii epos [Alamzhi Mergen. Buryat heroic epic] (1991). Ed. by A. B. Soktoev. Novosibirsk, Nauka. Sib. Branch Publishers. 312 p. (In Russ.).

Aiusheeva, E. B (2018) Osobennosti obraza lamy v Buryatskoi Geseriade [Specific features of the lama in the Buryat version of the Geseriada]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, no. 12(90), part 2, pp. 222–225. (In Russ.).

Badgaev, N. B. (2014) Religioznaia leksika v kalmytskom geroicheskom epose “Dzhangar” [Lexics of religion in Kalmyk heroic epic “Dzhangar”]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, no. 4, pp. 113–118. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2004) O buddiiskikh ehlementakh v epose “Dzhangar” [On the Buddhist elements in the epic “Dzhangar”]. In: *“Dzhangar” i problemy ehpicheskogo tvorchestva [“Dzhangar” and the problems of epic creativity]: proceedings of an international conference*. Ed. by N. Ts. Bitkeev and E. B. Ovalov. Elista, “Dzhangar” Publishers. 602 p. Pp. 358–363. (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2008a) Problema prarodiny etnicheskikh predkov kalmykov (po materialam dobuddiiskikh verovanii) [The problem of the ancestral homeland of the ethnic ancestors of the Kalmyks: from pre-Buddhist belief systems]. *Caspian Bulletin: archeology, history, ethnology*, no. 1, pp. 204–211 (In Russ.).

Bakaeva, E. P. (2008b) Kalmytskii buddizm: istoriia i sovremennost' [Kalmyk Buddhism: History and Modernity]. In: *Religiia v istorii i kul'ture mongoloiazychnykh narodov Rossii [Religion in the history and culture of Mongolian-speaking peoples of Russia]*. Comp. and ed. by N. L. Zhukovskaia. Moscow, Oriental literature Publ. 320 p. Pp. 161–200. (In Russ.).

Bitkeev, N. C. (2011) “Dzhangar” i dzhangarovedenie [“Dzhangar” and “Dzhangar” studies]. In: *“Dzhangar” i epicheskie traditsii narodov Evrazii: problemy issledovaniia i sokhraneniia [“Dzhangar” and the epic traditions of the peoples of Eurasia]: problems of research and preservation*. Proceedings of the International Scientific Conference. Ed. by N. G. Ochirova. Elista, KHR RAS. 172 p. Pp. 18–22. (In Russ.).

Bogda Changar khan: Tuvinskaia skazka-epos [Bogda Changar the khan: the Tuva epic fairy tale] (1973). B. U. Balbyr (narrator); record, transl. by D. S. Kuular; Preface by A. Sh. Kichikov. In: *Uchenye zapiski, Kalmyckogo Nauchno-issledovatel'skogo Instituta yazyka, literatury i istorii*. Elista. Vol. XI. Pp. 118–127. (In Russ.).

Bordzhanova, T. G. (2000) Oiratskii geroicheskii epos i buddizm [Oirat heroic epic and Buddhism]. In: *Buddiiskaia kul'tura i mirovaia civilizaciia na poroge III tysjacheletia [Buddhist culture and world civilization on the threshold of the 3rd millennium]: Materials of the conf*. Ed. by D. A. Gushhin, V. N. Iljumzhinov and Yu. N. Solonin. St. Petersburg, Elista, SPbSU Publishers. 212 p. Pp. 116–117. (In Russ.).

Buddizm v istorii i kul'ture Buryat [Buddhism in the history and culture of Buryats] (2014). Ed. by I. R. Garri. Ulan-Ude, Buryaad-Mongol Nom. 417 p. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2003) Pochemu v Maloderbetovskoy versii “Dzhangara” khanskaya stavka pokhozha na buddiyskuyu stupu? (yeshche raz k probleme motivov izobrazitel'nogo iskusstva v “Dzhangare”) [Why is the Khan's residence in the Maloderbetovsky version of “Dzhangar” similar to a Buddhist stupa?: a new take on the problem of motives of art in “Dzhangar”]. In: *Buddiyskaya kul'tura i mirovaya tsivilizatsiya [Buddhist culture and world civilization]*. Materials of the third All-Russian conference. Ed. by K. A. Nadneev and O. V. Usalko. Elista, KSU Publ. 216 p. Pp. 69–72. (In Russ.).

Burykin, A. A. (2013) *Imena sobstvennye kak istoricheskii istochnik. Po materialam russkikh dokumentov ob otkrytii Sibiri i Dal'nego Vostoka XVII–XIX vv. [Proper names as a historical source: from the Russian documents on the discovery of Siberia and the Far East, 17th – 19th centuries]*. St. Petersburg, Petersburg Oriental studies Publishers. 534 p. (In Russ.).

Burykin, A.A. (2015) Iz istorii leksiki, sviazannoi s buddizmom, v russkom literaturnom yazyke XVII – nachala XXI vekov (pozitsii v buddiiskoi tserkovnoi ierarkhii) [From the history of Buddhism-related lexics in Russian literary language of 17th – early 21st centuries]. In: *Buddiiskaia kul'tura: istoriia, istochnikovedenie, jazykoznanie i iskusstvo [Buddhist culture: history, source studies, linguistics and art: Buddhism and the modern world]* : conference proceedings. Ulan-Ude-Naryn-Atsagat, July 13-16, 2014 / Ed. by A. O. Boronoev. St Petersburg, Giperion. 430 p. Pp. 239–248. (In Russ.).

Burykin, A. A. and Basangova, T. G. (2014) *Tipologiya kalmytskogo fol'klora [Typology of Kalmyk folklore]*. Ed. by D. N. Muzraeva. Elista, Dzhangar Publishers. 212 p. (In Russ.).

Buryatskie volshebnye skazki [Buryat magic tales] (1993). Ed by A. B. Soktoev. Novosibirsk, Nauka, Siberian publishing firm. 341 p. (In Russ.).

Buryatskie narodnye skazki [Buryat folk tales] (1990). Comp. by B. S. Dugarov. Moscow, Sovremennik Publishers. 389 p. (In Russ.).

Buryatskie narodnye skazki. Volshebnye. Bytovye skazki [Buryat folk tales. Magic tales. Household tales] (2008). Comp. by S. S. Bardakhanova and S. D. Gypilova; ed. by L. S. Dampilova. Ulan-Ude, BNC of SB RAS Publishers. 187 p. (In Russ.).

Vanchikova, C. P. and Chimitdorzhin, D. G. (2006) *Istoriia buddizma v Buryatii: 1945–2000 gg [The history of Buddhism in Buryatia: 1945–2000]*. Ulan-Ude, BSC of SB of the RAS Publishers. 147 p. (In Russ.).

Gedeeva, D. B. (2013) Buddiiskaia leksika v kalmyckikh mikrotoponimakh [Buddhist vocabulary in Kalmyk microtoponyms]. In: *Baaza-Bagshi i ego dukhovnoe nasledie [Baaza-Bagshi and his spiritual heritage]*. Ed. by E. Er. Khabunova. Elista, Dzhangar Publishers. 160 p. Pp. 52–54. (In Russ.).

Grebnev, L. V. (1960) *Tuvinskii geroicheskii epos (opyt istoriko-etnograficheskogo analiza) [Tuvan heroic epic: a historical and ethnographic analysis]*. Moscow, Oriental literature Publ. 145 p. (In Russ.).

Darbakova, V. P. (1997) Epos “Dzhangar” — venets buddiiskogo Renessansa [Epic “Dzhangar”, the pinnacle of the Buddhist Renaissance]. In: *Problemy sovremennogo dzhangarovedeniia [Problems of contemporary Dzhangar studies]: Proceedings of a conference dedicated to the 75th anniversary of professor A. Sh. Kichikov: in 2 books*. Ed. by A. V. Badmaev. Elista, KSU Publishers. Book 2. 85 p. Pp. 63–64. (In Russ.).

Dzhangar. Kalmytskii narodnyi geroicheskii epos. Epicheskii repertuar Mukebyuna Basangova [Dzhangar: the Kalmyk national heroic epic. Epic in the repertoire of Mukebyun Basangov] (1988). Transl. from Kalm., Preface, comment., and Glossary' by N. Ts. Bitkeev. Elista, Kalmyk Book Publishers. 158 p. (In Russ.).

Dzhangar. Kalmytskii geroicheskii epos [“Dzhangar”: the Kalmyk heroic epic] (1990). Comp., prep. texts, comments and vocabulary by N. Ts. Bitkeeva, E. B. Ovalova; transl. from Kalm. by N. Ts. Bitkeeva, E. B. Ovalova, S. K. Karankawa et al. Moscow, Nauka, Oriental literature Publ. 475 p. (In Kalmyk and Russ.).

Dzhangar. Maloderbetskaia versiia = Zhanggar [Jangar: Maloderbetsky version = Dzhangar] (1999). Consolidated text, transl., introduction, comments, dictionary by A. Sh. Kichikova, ed. by A. V. Badmaev. Elista, KSU Publishers. 272 p. (In Kalmyk and Russ.).

Dongak, A. S. (2004) *Siuzhety i motivy “obramlennykh povestiei” v tuvinskoi skazochnoi tradicii [Plots and motives of “framed stories” in Tuvan folk tale tradition]*. Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Ulan-Ude. 20 p. (In Russ.).

Dongak, A. S. (2018) Legendy i ustnye rasskazy ob istorii rasprostraneniia buddizma v tuvinskom fol'klоре [History of Buddhism's Dissemination in Tuvan Folklore: Legends and Oral Narratives]. *Oriental Studies*, no. 1, pp. 113–120. (In Russ.).

Dugarov, B. S. (2005) Sakral'nyii mir Buryatskoi Geseriady: Nebesnyii panteon i genesis geroia [The sacral world of Buryat Geseriada. Sky pantheon and the origin of the hero]. Abstract of Diss. ... Doctor of Philology. Ulan-Ude. 45 p. (In Russ.).

Dugarov, B. S. (2017) Fenomen knigi v tyurko-mongol'skom epose: buddiiskoe vliianie i altaiisko-Buryatskie paralleli [The phenomenon of the book in Turkic-Mongolian epic: Buddhist influence and Buryat-Altaiic parallels]. *Uchenye zapiski (Altaiiskaia gosudarstvennaia akademiia kul'tury i iskusstv)*, no. 1, pp. 82–88. (In Russ.).

Dugarov B. S. and Nikolaeva N. N. (2015) Buryatskii geroicheskii epos kak ehtnokul'turnyii fenomen v kontekste nematerial'nogo kul'turnogo naslediia Buryat [Buryat heroic epic as an ethnic cultural phenomenon in the context of non-material cultural heritage of Buryats]. *Bulletin of the Buryat State University. Tongue. Literature. Culture*, no. 10 (1), Filologiya, pp. 271–275. (In Russ.).

Zaitsev, A. I. (1984) K voprosu o proiskhozhdenii volshebnoi skazki [On the origin of magic tale]. In: *Fol'klor i ehtnografiia. U ehtnograficheskikh istokov fol'klornykh sjuzhetov i obrazov [Folklore and Ethnography. At the ethnographic origins of folklore plots and images]*. Ed. by B. N. Putilov. Leningrad, Nauka, Leningrad branch Publishers. 254 p. Pp. 69–77. (In Russ.).

Istoriia buddizma v SSSR i Rossiiskoi Federacii v 1985–1999 gg. [The history of Buddhism in the USSR and the Russian Federation in 1985–1999] (2010). N. G. Ochirova (ed.). Moscow, Fond sovremennoi istorii Publishers. 392 p. (In Russ.).

Kalmytskie bogatyrskie skazki [The Kalmyk heroic tales] (2017). Preparation of texts, retelling of Kalmyk texts, translation, notes, comments, indexes, and vocabulary by B. B. Mandzhieva, T. A. Mikhaleva and T. S. Seleeva. Elista, KalmSC of the RAS Publ. 561 p. (In Russ.).

Kovalevskii, O. M. (1837) *Buddiiskaia kosmologiia [Buddhist cosmology]*. Kazan, University printing house Publishers. 167 p. (In Russ.).

Kuular, D. S. (2004) Tuvinskaia versiiia "Dzhangara" [The Tuvan version of "Dzhangar"]. In: "Dzhangar" i problemy epicheskogo tvorchestva ["Dzhangar" and problems of epic creativity]: Proceedings of an international conference. Ed. by N. Ts. Bitkeeva and E. B. Ovalov. Elista, Dzhangar Publishers. 602 p. Pp. 143–148 (In Russ.).

Lidzhiev, A. B. (2010) Otrazhenie buddizma v oirat-kalmyckikh toponimakh [Reflection of Buddhism in Kalmyk toponyms]. In: *Mir buddiiskoi kul'tury: nasledie i sovremennost' [The world of Buddhist culture: heritage and modernity]*: proceedings of the 3rd International symposium. Chita, Ehkspress Publ. 323 p. Pp. 182–187. (In Russ.).

Mandzhieva, B. B. (2016) K probleme sostavleniia toma "Kalmyckie bogatyrskie skazki" v Svode kalmyckogo fol'klora [On compiling the volume "Kalmyk heroic tales" in the Collection of Kalmyk folklore]. *Bulletin of the Tuva State university. Pedagogical Sciences*, no. 4, pp. 74–80. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2009) Troiistvennye obrazy v mifologii i fol'klоре tuvincev [Triple images in mythology and folklore of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 4 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/601> (access date: 27.04.2020).

Mizhit, Eh. B. (2010) Tuvinskaia traditsionnaia kosmologiia v geroicheskom epose [Tuvan traditional cosmology in the heroic epic]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 149–172 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/570> (access date: 27.04.2020). (In Russ.).

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends and tales of the Tuvans] (2010). Ed. by V. V. Illarionov. Novosibirsk, Nauka. 372 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2001) *Istoriya buddizma v Tuve (vtoraya polovina VI — konets XX v.) [The History of Buddhism in Tuva (latter half of the 6th — late 20th cc.)]*. Novosibirsk, Nauka. 200 p. (In Russ.).

Mongush, M. V. (2008) Religiiia v istorii i sovremennoi kul'ture tuvintsev [Religion in the history and modern culture of Tuvans]. In: *Religiia v istorii i kul'ture mongoloiazychnykh narodov Rossii [Religion in the history and culture of Mongolian-speaking peoples of Russia]*. Comp. and ed. by N. L. Zhukovskaia. Moscow, Eastern literature Publ. 318 p. Pp. 215–241. (In Russ.).

Monraev, M. U. (2012) *Kalmyckie lichnye imena (semantika) [Kalmyk personal names (semantics)]*. 3rd ed. Elista, Gerel Publ. 255 p.

Muzraeva, D. N. (2014) Burkhan. K istorii odnogo tyurko-mongol'skogo slova v russkom yazyke [Burkhan. On the history of a Turkic-Mongolian word in Russian]. *Mongolian studies*, no. 7, pp. 28–42. (In Russ.).

Muzraeva, D. N. (2016) Buddiiskie i dobuddiiskie motivy v kalmytskoi skazke «72 nebylitsy» [Buddhist and pre-Buddhist motifs in the Kalmyk tale "72 fables"]. In: «Dzhangar» i epicheskie traditsii tiurko-mongol'skikh narodov: problemy sokhraneniia i issledovaniia ["Dzhangar" and epic traditions of the Turkic-Mongolian peoples: problems of preservation and research]. Proceedings of 3rd international conference. Ed. by T. G. Basangova, B. B. Mandzhieva and V. V. Kukanova. Elista, KHR of the RAS. 324 p. Pp. 166–169. (In Russ.).

Ovshinov, A. N. (2020) Geroicheskii epos "Dzhangar" — filosofiiia zhizni predkov kalmykov [Heroic Epic "Jangar" as Philosophy of Life of Kalmyks' Ancestors.]. *Humanitarians of the South of Russia*, vol. 9, no. 2, pp. 234–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.17>

Ondar, B. K. (2007) *Toponimicheskii slovar' Tuvy [A toponymic dictionary of Tuva]*. 2nd ed. Kyzyl, Tuvan book publisher. 550 p. (In Russ.).

Ondar, M. V. (2016). Baza dannyykh tekstov tuvinskogo geroicheskogo eposa: pervyi etap [Creating a database of Tuvan epic poetry: The introductory stage]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 66–76 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/616> (access date: 27.04.2020). (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia (tekstologiia, poetika, stil') [Tuvan heroic legends (textology, poetics, style)]*. Moscow, MAKS Press. 422 p. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2011) O perevodakh tuvinskogo geroicheskogo eposa na russkii iazyk [On translations of the Tuvan heroic epic into Russian]. In: Orus-ool, S. M. *Izbrannye nauchnye trudy [Selected research]*. Abakan, Zhurnalists Publishers. 296 p. Pp. 55–68. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2018) Tengrianstvo v tuvinskom fol'klоре [Tengrianism in the Tuva folklore]. *International Tengri research Foundation* [online] Available at: <http://tengrifund.ru/tengrianstvo-v-tuvinskom-folklore.html> (access date: 23.04.2020). (In Russ.).

Ochir-Goryaev, V. E. (1978) Toponimika "Dzhangara" [Toponymics of "Dzhangar"]. In: *"Dzhangar" i problemy epicheskogo tvorchestva ["Dzhangar" and problems of epic creativity]*: Proceedings of an International conference. Ed. by P. C. Bitkeev, E. B. Ovalov, B. B. Okonov. Elista, Kalmyk Institute of History, Language and Literature. 144 p. Pp. 130–132 (In Russ.).

Polyaev, V. O. (1978) Tibetsko-sanskritskie leksicheskie ehlementy v jazyke "Dzhangara" [Tibetan-Sanskrit lexical elements in the language of "Dzhangar"]. In: *"Dzhangar" i problemy epicheskogo tvorchestva ["Dzhangar" and problems of epic creativity]*: Proceedings of an international conference. Ed. by P. C. Bitkeev, E. B. Ovalov, B. B. Okonov. Elista, Kalmyk Institute of History, Language and Literature. 144 p. Pp. 98–100 (In Russ.).

Poppe, N. N. (1941) Ob otnoshenii Buryat-mongol'skogo Gesera k mongol'skoi knizhnoi versii [On the relation of Buryat-Mongol Geser to Mongol book version]. *Zapiski GIIALI*. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian state Research Institute of Language, Literature and History. Issue 5–6, pp. 7–19. (In Russ.).

Satanar, M. T. (2020) Ekhsplicakiaia nekotorykh kodov mifologicheskoi sistemy jakutskogo eposa olonkho (k postanovke voprosa o fol'klornom vremeni i prostranstve) [Explication of some codes of the mythological system of Yakut epic olonkho (towards the question of folklore time and space)]. *Scientific dialogue*, no. 6, pp. 302–319. (In Russ.).

Seleeva, C. B. (2019) Sjuzhetno-tipologicheskie osobennosti skazaniia "Bogdo Changgar khan" v tradicii tuvincev i eposa "Dzhangar" v nacional'nykh versiiakh kalmykov Rossii i oiratov Sin'tziana [Subject and typological peculiarities of epic telling "Bogdo Changgar khan" in the tradition of Tuvans and epic "Dzhangar" in the national version of Kalmyks of Russia and Oirats of Xinjiang]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 133–139. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.11> (In Russ.).

Skazki i predaniia altaiskikh tuvintsev [Fairy tales and legends of the Altaian Tuvans] (1994). Comp. by E. Taube. Moscow, Vostochnaya Literatura. 410 p. (In Russ.).

Spravochnik lichnykh imen narodov RSFSR [A guide to personal names of the peoples of RSFSR] (1979). Ed. by A. V. Supersanskaia. 2nd ed. Moscow, Russkii yazyk Publ. (In Russ.).

Torbokov, A. V. (2017) Buddiiskaia leksika altaiskogo geroicheskogo eposa [Buddhist lexics of Altaic Heroic epic]. In: *Aktual'nye problemy altaiskoi dramaturgii v XXI veke: K 120-letiiu Pavla Kuchiiaka [Actual problems of Altai drama in the XXI century: To the 120th anniversary of Pavel Kuchiyak]*. Materials of the Regional Scientific and Practical Conference]. Ed. by M. S. Dedina. Gorno-Altaiisk, Gorno-Altai State University Publ. 291 p. Pp. 267–275. (In Russ.).

Tuvinskie geroicheskie skazaniia: "Khunan-Kara", "Boktug-Kirish", "Bora-Shehlei" [Tuvan heroic tellings: "Khunan-Kara", "Boktug-Kirish", "Bora-Shehlei"] (1997). Comp. by S. M. Orus-ool. Novosibirsk, Nauka, SO Publishers. 584 p. (In Russ.).

Tuvinskie narodnye skazki [Tuvan folk tales] (1971) / transl. by M. Vatagina, preface to D. S. Kuular. Moscow, Nauka. 208 p. (In Russ.).

Tuvinskie narodnye skazki [Tuvan folk tales] (1994). Ed. by Z. B. Samdan. Novosibirsk, Nauka Publ. 460 p. (In Russ.).

Ulanov, A. I. (1957) *K kharakteristike geroicheskogo eposa Buryat [On the characterization of the heroic epic of the Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat-Mongol book Publ. 171 p. (In Russ.).

Ulanov, A. I. (1963) *Buryatskii geroicheskii epos [Buryat heroic epic]*. Ulan-Ude, Buryat book Publ. 220 p. (In Russ.).

Florensov, V. N. (1927) *Mongolo-Buryatskaia skazka o Mehrgehn-Zorikto. [Mongol-Buryat tale about Mehrgehn-Zorikto]*. Irkutsk, Vlast' truda Publishers. 16 p. Otdel'nyii ottisk iz vyp. XII Sbornika trudov Irkutsk. gosud. un-ta, pp. 237–250. (In Russ.).

Khabunova, E. Eh., Gedeeva, D. B. and Ubushieva, B. Eh. (2018) Toponimy v fol'klornom kontekste kalmykov [Toponims in the folklore context of Kalmyks]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 242–258. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.3.16> (In Russ.).

Khabunova, E. Eh., Dampilova, L. S., Kungaa, M. B. and Aiuushzhaviin, A. (2019) Tuvinskoe skazanie "Bogda Changar khan" i ego konstantnye segmenty v oiratskoi i kalmyckoi versiiakh geroicheskogo eposa "Dzhangar" [Tuvan telling "Bogda Changar khan" and its constitutive segments in the Oirat and Kalmyk versions of heroic epic "Dzhangar"]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2019.4.9> (In Russ.).

Khaltueva, G. O. (2009) *Toponimicheskii leksikon «Sokrovennogo skazaniia mongolov» i «Kodziki»: obshchee i chastnoe [Toponymic lexicon of the "Secret History of the Mongols" and "Koiiki": the general and the particular]*. Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Ulan-Ude. 25 p. (In Russ.).

Khangelov, M. N. (2004) *Sobranie sochinenii [Collection of papers]* : in 3 vol / ed. by N. Rumjanceva. Ulan-Ude, Respublikanskaia tipografiia Publishers. Vol. 3. 312 p. (In Russ.).

Khertek, L. K. (2015) K voprosu o lingvisticheskom analize epicheskikh tekstov [To a question on the linguistic analysis of epic texts]. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, no.12 (54): in 4 parts. Part I, pp. 188–190. (In Russ.).

Khomushku, O. M. (2006) *Religioznyi sinkretizm u narodov Saiano-Altaiia* [Religious syncretism among the peoples of Sayan-Altai]: Abstract of Diss. ... Doctor of Philosophy. Moscow. 53 p. (In Russ.)

Tsybenova, B. B. (2000) *Obschnosti i razlichiiia Buryatskogo eposa "Geser" i kalmyckogo eposa "Dzhangar"* [Commonalities and differences between the Buryat epic "Geser" and the Kalmyk epic "Dzhangar"]. Diss ... Candidate of Philology. Ulan-Ude. 162 p. (In Russ.).

Tsyrempilov, N. V. (2013) *Buddizm i imperiia: Buryatskaia buddiiskaia obschina v Rossii (XVIII — nach. XX v.)* [Buddhism and Empire, Buryat Buddhist community in Russia (XVIII – the beginning of. XX cent.)] / ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude, IMBT SB RAS. 338 p. (In Russ.).

Chingeltei, B. (2004) *Vliianie buddiiskoi literatury na epos "Dzhangar"* [The influence of the Buddhist literature on the epic "Dzhangar"]. In: *"Dzhangar" i problemy epicheskogo tvorchestva* ["Dzhangar" and problems of epic creativity]: Proceedings of an international conference. Ed. by P. C. Bitkeev and E. B. Ovalov. Elista, Dzhangar. 602 p. Pp. 318–324. (In Russ.).

Sharakhshinova, N. O. (1987) *Geroiko-epicheskaia poehziia Buryat* [Heroic epic poetry of Buryats]. Irkutsk, Irkutsk University Publ. 304 p. (In Russ.).

Shoiinzhonov, B. B. (2008) *Otrazhenie religiozno-kul'tovykh predstavlenii v Buryatskom fol'klоре* [Reflection of religious ideas in Buriat folklore]. Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Ulan-Ude. 27 p. (In Russ.).

Submission date: 10.05.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.15

Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии)

Наталья Л. Кольчикова, Валерий П. Прищеп

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Российская Федерация

В статье представлены результаты изучения современной литературы двух регионов территории Саяно-Алтая — тувинской и хакасской — на основе этнопоэтического подхода для выявления этнопоэтических констант. В поэзии такие константы рассматриваются как образы-символы, стилистические формулы (В. Н. Захаров, В. М. Гацук и др.). Источниковой базой для анализа стали «прецедентные» тексты современной тувинской и хакасской поэзии и их переводы на русский язык, взятые из сборников отдельных тувинских авторов: М. Б. Кенин-Лопсана, А. А. Даржая, Н. Ш. Куулара. Для исследования творчества хакасских авторов нами были использованы сборники стихов В. Г. Майнашева, изданные на хакасском и русском языках (в переводе автора); Н. М. Ахпашевой, С. А. Майнагашева (Сибдей Том).

В произведениях тувинских поэтов выделены этнопоэтические константы, которые репрезентируют тувинскую картину мира (небо, мать-земля, степи, горы, реки) и индивидуально-авторские образы-символы (материнская (отцовская, дедовская) юрта, артыш, зеленый чай, сизый дым, очаг, дверь и порог юрты, опорный шест Багана, звезды и др.). У хакасских поэтов также выделены традиционные этнопоэтические константы (солнца, неба, степи, горы, курганов, коня, волка и др.) и индивидуально авторские образы-символы (богородская трава, жарки, ковыль, герои-алыпы, Салбык, шаман, бубен, Запад-Восток, Европа-Азия и т. д.).

Исследование подчеркивает генетическое родство обеих литератур, основанное на родственности культур. Каждый из рассмотренных авторов является национальным поэтом, вскрывающим мировоззренческие и эстетические богатства своего народа.

Ключевые слова: этнопоэтика; сравнительное литературоведение; национальная культура; этнопоэтическая константа; тувинская поэзия; хакасская поэзия; тувинская литература; хакасская литература; тувинская культура; хакасская культура; образ-символ

Для цитирования:

Кольчикова Н. Л., Прищеп В. П. Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале тувинской и хакасской поэзии) // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 210–227. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.15

Кольчикова Наталья Лаврентьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 655017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92. Тел.: +7 (913) 542-26-05. Эл. адрес: pollik21@mail.ru

Прищеп Валерий Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Адрес: 665017, Россия, г. Абакан, ул. Ленина, д. 92. Тел.: +7 (983) 447-66-21. Эл. адрес: pvp-1957@mail.ru

KOLCHIKOVA, Natalya Lavrentyevna, Candidate of Pedagogy, Associated professor, Department of Russian Language and Literature, N.F. Katanov Khakas State University. Postal address: 92 Lenin St., 665017 Abakan, Russia. Tel.: +7 (913) 542-26-05. E-mail: pollik21@mail.ru
[ORCID ID: 0000-0002-0547-0592](https://orcid.org/0000-0002-0547-0592)

PRISHCHЕPA, Valery Pavlovich, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Philology, N. F. Katanov Khakas State University. Postal address: 92 Lenin St., 665017 Abakan, Russia. Tel.: +7 (983) 447-66-21. E-mail: pvp-1957@mail.ru
[ORCID ID: 0000-0002-3913-2022](https://orcid.org/0000-0002-3913-2022)

An ethnopoetic approach to the study of modern Sayan-Altai literature: the cases of Tuvan and Khakas poetry

Natalia L. Kolchikova, Valerii P. Prishchepa

N. F. Katanov Khakas State University, Russian Federation

The article presents the outcomes of a study of the modern literature of two Sayan-Altai regions — Tuva and Khakassia, making use of an ethnopoetic approach to discover underlying ethnopoetic constants. In poetry, these constants are presented as symbolic images and stylistic formulae (according to V. N. Zakharov, V. M. Gatsak etc.) Our analysis is based on 'precedent' texts of modern Tuvan and Khakas poetry and its translations into Russian, taken from the selected collections of Tuvan authors: M. B. Kenin-Lopsan, A. A. Darzhai, and N. Sh. Kuular. Of Khakas writers, we relied on collections of poems by V. G. Mainashev, published in Khakas and Russian (translated by the author); N. M. Akhpasheva, and S. A. Mainagashev (Sibdey Tom).

Ethnopoetic constants found typical for Tuvan world view include the sky, Mother Earth, steppes, mountains, rivers. These are accompanied by symbols advanced by individual authors, such as the ancestral (mother's, father's, or grandfather's) yurt, artysht, green tea, bluish smoke, hearth, door and doorstep of the yurt, support pole of Bagan, or stars. Khakas poets also make use of similar ethnopoetic constants (the sun, the sky, steppes, mountains, the horse, the wolf etc.) and authorial symbolic images (the wild thyme, globe flower, needle grass, alyp heroes, Salbyk, shaman, the tambourine, East-West, Europe-Asia etc.)

Our study points out the genetic affinity between both literatures based on the affinity of the respective cultures. Each of the considered authors is a national poet who reveals the ideological and aesthetic riches of their people.

Keywords: *ethnopoetics; comparative literature; national culture; ethnopoetic constant; Tuvan poetry; Khakas poetry; Tuvan literature; Khakas literature; Tuvan culture; Khakas culture; symbolic image*

For citation:

Kolchikova N. L. and Prishchepa V. P. Etnopoeticheskii podkhod k izucheniiu sovremennoi literatury Saiano-Altaia (na materiale tuvinskoi i khakasskoi poezii) [An ethnopoetic approach to the study of modern Sayan-Altai literature: the cases of Tuvan and Khakas poetry]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 210–227. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.15

Введение

В современном литературоведении среди факторов, обуславливающих сплочение определенных литератур в региональное целое, весомым является фактор культурной общности, восприятия определенных ценностных установок. Этнопоэтический подход исследует связь литературы с фольклором, национальным художественным мировидением, этнологическими и этнографическими традициями, национальным языком и стилевыми формами как синтез культуры этноса.

Литературы Саяно-Алтайского региона представляют собой единую историческую, этнокультурную общность. В современном литературоведении понятие региона употребляется в нескольких значениях: регионально-языковом, регионально-культурном, регионально-эстетическом. На этой основе литературы Саяно-Алтайского региона объединяются в единую общность — алтайская, тувинская, хакасская, шорская (Бикмухаметов, 1983: 134).

Известный ученый, одним из первых исследовавший общность национальных литератур Сибири, С. Ж. Балданов отмечал, что у сибирских, в том числе тувинских, хакасских литератур «художественное мышление развивалось под воздействием богатейшего фольклора... Сходство наблюдается в том, что в фольклоре народов Сибири всегда дается целый сонм образов из мира природы, из космических и земных явлений, сходство видится в композиционных приемах, в самой концепции, в характере исполнения и в целом во всей структуре произведений» (Балданов, 1983: 147).

О важности сопоставительного исследования национальных литератур Сибири на современном этапе в аспекте мифофольклорного компонента в них для выявления общих свойств писали С. Ж. Балданов (Балданов, 2005), А. Л. Кошелева (Кошелева, 2015), Н. С. Майнагашева (Майнагашева, 2008), Л. В. Челтыгмашева (Челтыгмашева, 2009). Тувинскую и хакасскую литературы связывают не только историческое прошлое, но и языковое родство, а также, при всем многообразии стилеобразующих факторов, преемственная связь с традиционными формами фольклорного художественного мышления, эстетическая природа которого определяется спецификой национального самосознания и мироощущения. Общность обеих литератур обусловлена наличием близких сюжетов, тем, мотивов, этнопоэтических констант.

Элементы фольклорного стиля, входя в новую эстетическую реальность, складывающуюся в творчестве художника, вступают во взаимодействие с опытом писателя, его духовным миром и представляют духовный мир своего народа и особенности его мировосприятия в эстетически подвижных образных формах. Тем самым открываются новые художественные возможности использования фольклорных традиций, новые стилевые перспективы их взаимодействия с литературно-письменными жанрами.

Цель данной статьи заключается в изучении литератур двух регионов территории Саяно-Алтая — тувинской и хакасской на основе этнопоэтического подхода для выявления этнопоэтических констант, которые являются органичными художественной культуре каждого народа, для раскрытия их своеобразных, неповторимых черт. Этнопоэтические константы, по мнению В. Н. Захарова, это закреплённые в образно-символической сфере языка единицы, которые формируют национальную картину мира (Захаров, 1998: 9). В поэтическом творчестве константами, в наибольшей степени содержащими этнокультурную составляющую, связанными с культурной традицией, являются образы-символы, стилистические формулы (Алефиренко и др., 2012: 26).

Термин «этнопоэтика» первыми стали использовать зарубежные исследователи. Так, Д. Ротенберг считал, что обращение к наследию традиционных культур способствует расширению изобразительных возможностей языка (Rotenberg, 1983: 50). Ещё один исследователь Г. Джэйсон пишет о том, что этнопоэтика является той частью поэтики, которая в большей степени сориентирована на лингвистику; она изучает художественные свойства устной и народной литературы, а также мифический аспект данных произведений (Jason, 2000: 273). Одним из первых данный подход к изучению региональных литератур Сибири применил уже упомянутый бурятский учёный С. Ж. Балданов. Данный исследователь, рассматривая сибирские национальные литературы в контексте общероссийского литературного процесса, указал на их «идейное единство, единство метода и художественно-эстетических принципов, единство целей, стилей, проблематики, художественных исканий, единство нравственно-эстетических и этнических идеалов, единство типических характеров и типических обстоятельств, все более углубляющееся интернациональное единство с точки зрения многонационального состава литературы» (Балданов, 2005: 5).

Современное литературоведение изучает разные аспекты данного подхода: этноконфессиональный — В. Н. Захаров (Захаров, 1998), В. Н. Зырянов (Зырянов, 2018) и др.; фольклорно-мифологический — У. Б. Далгат (Далгат, 2004), О. К. Лагунова (Лагунова, 2008), А. Е. Чернова (Чернова, 2013); этимологический: В. А. Маслова (Маслова, 2016), З. П. Табакова (Табакова, 2014) и др. В тувинском и хакасском литературоведении такой подход отчасти реализуется в работах У. Донгак (Донгак, 2013), Д. С. Куулара (Куулар, 2002), Л. С. Мижит (Мижит, 2006), З. Б. Самдан (Самдан, 2013), Н. С. Майнагашевой (Майнагашева, 2008), А. Л. Кошелевой (Кошелева, 2015), Ю. И. Чаптыковой (Чаптыкова, 2013), Л. В. Челтыгмашевой (Челтыгмашева, 2009).

Среди этих работ есть более значимые для становления данного подхода в современной науке: фольклористике и литературоведении. Так, В. Н. Захарову принадлежит заслуга введения новой научной дисциплины — этнопоэтики, которая по аналогии с этнолингвистикой «должна изучать национальное своеобразие конкретных литератур» (Захаров, 1998: 6). В. М. Гацак разработал научный инструментальный этнопоэтики, впервые в отечественной фольклористике он ввел понятие «этнопоэтической константы» (Гацик, 2000). В работах учёных его научной школы под этнопоэтическими константами подразумеваются «стилевые и сюжетно-повествовательные координаты изображаемого фольклорного мира» (там же: 15). Под руководством В. М. Гацака выросла плеяда тувинских фольклористов: С. М. Орус-оол, З. Б. Самдан и др.

В современном литературоведении этнопоэтический подход использует У. Б. Далгат, выявляя фольклорные истоки (фольклорные мотивы и образы) творчества таких русских писателей, как

И. А. Бунин, В. П. Астафьев, В. Г. Распутин и др. (Далгат, 2004). О. В. Зырянов в свете заявленного этноконфессионального подхода рассматривает теоретические и историко-литературные проблемы на примере произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчев, А. А. Фета, Ф. М. Достоевского (Зырянов, 2018).

Неоценимый вклад в развитие этнопоэтики как нового исследовательского подхода внес авторитетный исследователь литератур Кавказского региона К. К. Султанов (Султанов, 2006). В исследованиях по национальным литературам Северного Кавказа К. К. Султанов говорит о важности опоры на принцип типологической общности, так как он способствует выявлению национальной художественной традиции, и одновременно подчеркивает природу индивидуального и национального в художественном творчестве региональных писателей (Султанов, 1996). В более поздних работах ученый утверждает, что способы выражения этнического в художественном тексте — доминантные образы-символы, базовые семантические и архетипические установки, которые являются «свидетельством онтологичности этнического»; в его понимании, этнический субстрат повествования выражает «культурный код», базисные ценности национального бытия (Султанов, 2006: 170).

В трудах данных ученых используются самые разные методы исследования этнопоэтики: контекстуальный и интертекстуальный анализ, мифопоэтика, мотивный и архетипический анализ, концепт-анализ, нарратологические и жанрологические исследования. Таким образом, этнопоэтический подход применяется в такой области исследования, где осуществляется поиск и объяснение того, как этнокультурные константы внедряются в текст и меняют его смыслы. Обобщая опыт проведенных исследований, отметим, что терминологическая вариативность понятий обусловлена их междисциплинарной природой, ведь основные национальные константы могут быть пространственными, временными, предметными, духовно-религиозными.

В данной статье мы используем «прецедентные» тексты¹ современной тувинской и хакасской поэзии и их переводы для привлечения более широкого круга читательской аудитории. При написании данной статьи источниковой базой исследования стали сборники стихов как отдельных тувинских авторов: М. Б. Кенин-Лопсана², А. А. Даржая³, Н. Ш. Куулар⁴, так и коллективные сборники⁵. Для исследования творчества хакасских авторов нами были использованы сборники стихов В. Г. Майнашева, изданные на хакасском и русском языках (в переводе автора)⁶; Н. М. Ахпашевой⁷, С. А. Майнагашева (Сибдей Том)⁸, сборник «Антологии хакасской поэзии»⁹.

Этнопоэтическая основа литературы Саяно-Алтайского региона

Этнопоэтический подход наиболее результативно используется в исследованиях, посвященных изучению творчества поэтов — представителей национальных литератур отдельных регионов. В последние годы в отечественном литературоведении заметно повысилось внимание к осмыслению локальных, в том числе региональных текстов как обладающих спецификой художественного пространства, системой мотивов, культурных кодов, обусловленных спецификой территории (географической, исторической, этнографической, социальной, мифологической).

¹ Ю. Н. Караулов под прецедентными понимает такие тексты, которые существуют в межпоколенной передаче, известны общенародному коллективу, наиболее значимы в познавательном и эмоциональном отношении (Караулов, 1987: 156).

² Кенин-Лопсан М. Б. Голоса: стихи. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. 141 с.

³ Даржай А. А. Молюсь утреннему свету: стихи и поэмы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007. 72 с.

⁴ Куулар Н. Ш. Дангына: Стихи. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1996. 94 с.

⁵ Антология тувинской поэзии: Тыва болгаш орус дылдарда / сост. Н. Ш. Куулар. Кызыл: Некоммерческое партнерство «Правник+», 2014. 461 с.; Благословение юрте. Стихи российских и зарубежных поэтов (2004) / под ред. Н. О. Товуу; составители Н. Ш. Куулар, А. С. Казанцева. Кызыл: Центр развития национальной школы МОПО РТ. 98 с.

⁶ Майнашев В. Г. Ирбен от. Стихтар. Агбан: Хызылчар книга изд-возынын Хакасиядагы полігі, 1979. 96 с.; Майнашев В. Г. Кок саннары. Стихтар. Агбан: Хызылчар книга изд-возынын Хакасиядагы полігі, 1985. 112 с.; Майнашев В. Г. Крашенные ковчиги: стихи и поэмы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. 112 с.

⁷ Ахпашева Н. М. Из памяти древней: стихи. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2000. 32 с.; Ахпашева Н. М. Солярный круг. Стихи. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1993. 120 с.

⁸ Майнагашев С. А. (Сибдей Том) Илбек Чазы — Великая степь. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1996. 96 с.

⁹ Антология хакасской поэзии. Коллектив авторов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1961. 224 с.

Методология исследования региональных текстов включает в себя разные научные направления, возникшие на стыке науки, искусства, философии (Галимова, 2015: 371). Ученые пришли к выводу о том, что для релевантности подобных исследований необходимо выявить те константы, которые присущи таким текстам в целом:

- наличие исходного мифа, лежащего в основе художественных построений;
- пространственно-временная организация, её сакральный характер;
- система лейтмотивов;
- сквозные образы (архетипические, мифопоэтические) (там же: 379).

Осмысление современного литературного процесса Саяно-Алтая на основе этнопоэтического подхода предполагает обращение к работам не только региональных критиков: К. Антошина (Антошин, 1982), У. Донгак (Донгак, 2013), Д. Куулар (Куулар, 2002), Н. Майнагашевой (Майнагашева, 2008), Л. Мижит (Мижит, 2006), А. Кошелевой (Кошелева, 2015), В. Карамашевой (Карамашева, 1995), В. Прищепы (Прищепя, 2006), З. Б. Самдан (Самдан, 2013), М. Хадаханэ (Хадаханэ, 1986) и др., но и культурологов, философов: Г. Котожекова (Котожеков, 1995), Ч. Ламажаа (Ламажаа, 2013: 10) и др.

Этнопоэтический подход имеет междисциплинарный характер, так как исследует этнокультурные традиции в художественном тексте, которые выражаются через особенности менталитета, национального характера, религию, специфическую образность. Так, например, тувинский литературовед Л. С. Мижит, руководитель издания «История тувинской литературы» (История тувинской ... , 2013), изучая вопрос истоков традиционных форм трехстиший в современной поэзии, справедливо связывает этот вопрос с триадичной моделью мироздания, обосновывая общность культур народов Саяно-Алтая тем, что их космологические концепции исходят из древней религии тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Сибири — шаманизма: «в первую очередь, это триадичная модель мироздания: Небо — Земля — Подземный мир (пространственная структура), прошлое — настоящее — будущее (временная структура) и центральная вертикальная ось мира, соединяющая три космические зоны» (Мижит, 2013: 13–14).

Процесс формирования историко-литературного мышления у писателей Саяно-Алтайского региона связан с фольклоризацией, введением в структуру произведений мифологических элементов, выполняющих многоаспектные художественные функции. Этнокультурные константы как параметры этнонациональной специфики пронизывают поэзию М. Баинова, А. Даржая, Н. Куулар, В. Майнашева, Э. Мижит, А. Кыштымова, Н. Ахпашевой, В. Серен-оол, З. Намзырай и др. Изучая произведения этих авторов, постараемся выявить основные константы обеих национальных поэтик: *солнца, неба, степи, горы, курганов, юрты, коня, волка* и др.

Исторические условия становления литератур Саяно-Алтая, а также богатые песенно-поэтические традиции, глубоко укоренившиеся в сознании и мировосприятии народа, способствовали тому, что поэты приспособляли существующие фольклорные жанры — песни, благопожелания, пословицы — к новым условиям развития литературы. Многие поэты для изображения современности использовали фольклорные формы: лексическое богатство, ритмические и изобразительные средства, приемы устного народного творчества, фольклорные мотивы.

Рассмотрим их на примере произведений тувинской и хакасской литератур.

Этнопоэтические константы тувинской литературы

В современной тувинской поэзии взаимоотношения фольклорных элементов и развитой системы современного литературного стиха сложны, многогранны и обусловлены существующими традициями использования фольклора, законами художественной избирательности, в основе которых лежит определенная идейно-эстетическая позиция писателя и индивидуальная природа его стиля. Исследования литературоведов, указанные выше, посвящены изучению мифо-фольклорных традиций в тувинской литературе в творчестве её основоположников: С. Тока, С. Сарыг-оола, О. Саган-оола; в произведениях авторов 1960–1990-х гг. М. Кенин-Лопсана, А. Даржая и др. В постсоветский период началось возрождение национальных традиций, о чем свидетельствует поэзия Н. Куулара, Э. Мижит, А. Уержа и др.

В нашей статье мы опираемся на известные современные исследования по фольклористике и литературоведению, в том числе на труды, раскрывающие художественно-стилевые традиции эпоса монголо-язычных и тюркоязычных народов Сибири (Кудияров, 2002); исследования, посвященные

изучению тувинского фольклора (Орус-оол, 2001), а также периодизации тувинской литературы и типов художественного сознания в поэтике тувинской литературы (Донгак, 2013).

Современный тувинский фольклорист и литературовед З. Б. Самдан, последовательно занимаясь изучением этнопоэтических традиций, отмечает: «живучесть фольклорных традиций объясняется тем, что основополагающей стержневой идеей, подпитывающей эти корни, была и остается идея неразрывности человека и природы» (Самдан, 2010: 269).

Серьезным вкладом в исследование этнопоэтического своеобразия тувинской литературы является диссертация Т. Очур, посвященная прозе С. Сарыг-оола, цель которой заключалась в выявлении специфики национального мировидения в художественной структуре произведений писателя, в определении констант созданной писателем модели мира (Очур, 2008). Такими константами тувинской национальной картины мира исследователь считает образы-символы: степи, горы, реки, юрты, очага (там же: 12–14).

Наиболее ощутимо этот стиль закреплен в поэзии М. Кенин-Лопсана, Э. Мижита, В. Серен-оола, А. Даржая, З. Намзырай, М. Доржу, А. Уержаа, Н. Куулара и др., жанрово-стилистическая природа творчества которых ведет к лирико-философскому постижению национального характера, настоящего и прошлого родной земли, к передаче национальной психологии и своеобразию национального мышления. Устойчивые нормы поведения, этикет, ритуалы, отображенные в их творчестве, обращение к фольклорным приемам становятся основой раздумий о прошлом и настоящем родной культуры, об этнической самоидентификации.

В творчестве нашего современника Монгуш Кенин-Лопсана явно ощутимы фольклорные приемы — сравнения, метафоры, сам поэтический строй.

*Элик безин турлаглыг дээр,
Элих чуртун кагбас дижир.
Кезек-кезек авамның өөн
Кедергейин сактып кээр мен¹.*

Так говорится в моей стороне:
Даже косуля не хочет оставить
Край, где пришлось ей родиться, — а мне
Как материнскую юрту не славить...

(Пер. И. Фоякова)²

Опираясь на эстетику фольклора и подчинив ее своим идейно-художественным задачам, М. Кенин-Лопсан в этом стихотворении «Авамнын өө» («Юрта матери») развивает традиции народной поэзии, в основе образной выразительности используется традиционный для фольклора параллелизм поэтических образов. Мысль о нераздельной слитности человеческого и природного бытия составляет глубинный философский смысл этих строк. Центральный образ этого стихотворения — өг (юрта). Это и одна из устойчивых констант, и в то же время образ-символ Дома, Времени, его хода, знак прошлого и будущего:

*Баштай үнгээн черим боорга,
Баштай турган уям боорга,
Мактаар чаглаам — авамның өө.
Ынакшаанда, хорадаанда,
Ырлап чоруур ырым угу...³*

Юрта — исток мой, начало начал,
Юрта, в которой все вещи — живые.
Ты — моя песня, а я — твой певец.

(Пер. И. Фоякова)⁴

Для поэта, с одной стороны, юрта — это реальность, место, в котором он родился и жил; с другой стороны, это сакральное пространство, олицетворяющее движение времени, свойственное национальному художественному мышлению. Образ юрты дарит ощущение единства мира и себя, поэтическое осознание связи времен и поколений: лирический герой — авторское «Я» и старшее поколение — «мой отец и мать».

¹ Кенин-Лопсан М. Б. Голоса: стихи. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. С. 140.

² Благословение юрте. Стихи российских и зарубежных поэтов / под ред. Н. О. Товуу; составители Н. Ш. Куулар, А. С. Казанцева. Кызыл: Центр развития национальной школы МОПО РТ, 2004. С. 31.

³ Кенин-Лопсан М. Б. Голоса ... С. 140.

⁴ Благословение юрте ... С. 32.

Это мироощущение уходит корнями в эстетику народного поэтического творчества, в котором мир предстает цельным и нераздельным. Стихотворению М. Кенин-Лопсана присущ очень обстоятельный и неторопливый ритм, отражающий философскую созерцательность мышления. Особенность его художественного мышления — растворение личного начала, подчинение его общему ритму бытия своего народа.

В системе традиционных этнопоэтических образов важную роль играют обряды и ритуалы, обращение к которым дает возможность раскрыть непреходящий смысл архаических норм поведения, ритуала, а значит, и мышления. Например, в стихотворении *Антон Уержаа* «Артыжап көр» («Овейте дымом артыша») воссоздается философия национального бытия — ритуал очищения с помощью священного *артыша*, дымом которого изгоняется дух болезни:

<i>Алаш хемниң эзиминден Ачам чулуп эккеп кааны Ыдык үнүш хуулгаан күжү Аарагны өөвүстен Арыдыптар дээрзинге Ынак авам бүзүрээн боор...¹</i>	Над артышом — багульником таежным — Шептала мама древние слова. На камне плоском костерочка стожик Зажгла в тот час, когда кричит сова... <i>(Пер. Ю. Вотякова)²</i>

Артыш (можжевельник) — сакральное растение (*Бавуу-Сюрюн, Широбокова, Сандан, 2018: 42*). В стихотворении образ *артыша* разрастается до многозначного символа, олицетворяющего и материнскую любовь: «Не суеверье, вовсе нет, я знаю, / Недуг прогнало из груди моей, / А материнская любовь»³, и «отраженье дружбы и печали, страсти и добра» — «сердце» поэта: «Сердце мое тихое горит, / Освещая вам дорогу к дому»⁴, и символ родного края. В данном стихотворении формой выражения этнопоэтической константы становится образ-символ, с помощью которого представлен духовный мир своего народа и особенности его мировосприятия.

Не менее распространенными константами эпоса, различающимися своей национальной спецификой, национальными верованиями и представлениями народа, является описание обряда угощения.

Такой традиционный для восточных культур обряд чаепития описан в элегиях Николая Куулара «Өөм» («Моя юрта») и «Авам шайы» («Чай матери») ⁵. В элегии «Юрта» ощутимы традиционные формулы фольклора, коллективный автор которого создавал героический эпос: *у подножья хребта, в широкой степи*⁶. Традиционный образ юрты оваян теплым лирическим чувством благодаря приему олицетворения:

<i>Авазын эмген эмиим ышкаш Ава черим борбак тейи, Ыдык төрөл чыды сиңген...⁷</i>	Юрта с женскою грудью схожа: в ней тепло материнства и родства молоко... <i>(Пер. Ю. Вотякова)⁸</i>

Художественный образ юрты расширяется за счет ретроспективности описания: от детских воспоминаний как знака прошлого — к настоящему и будущему времени.

¹ Уержаа А. Артыжап көр [Овейте дымом артыша] // Благословение юрте. Стихи российских и зарубежных поэтов / под ред Н. О. Товуу; составители Н. Ш. Куулар, А. С. Казанцева. Кызыл : Центр развития национальной школы МОПО РТ, 2004. С. 74.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Антология тувинской поэзии: Тыва болгаш орус дылдарда / сост. Н. Ш. Куулар. Кызыл: Некоммерческое партнерство «Правник+», 2014. С. 76–77.

⁶ Там же. С. 76.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Там же. С. 76.

В элегии «Материнский чай» преобладают глагольные формы настоящего времени: «*Ынак авам сарыг шайын, Саарып тура...*» — «Там желтый чай заваривает мать...»¹, что создает интонацию некой повторяемости, вечности этого традиционного ритуала. Близость авторского стиля фольклорной эстетике определяется характером эпитетов — конкретным и своеобразным: *сарыг* — желтый (то есть без молока), *узиг шайын* — горячий, *дазыл хуаа* — свежий.

Эти стихи рождены народной жизнью, в них поэт, прибегая к выразительным средствам устной народной поэзии, стремится к поиску новых форм синтеза их с поэтикой современного литературного стиха, философски осмысляя в лирике «вечные» темы бытия: разлуки и встречи, расставания и ожидания.

В лирическом цикле Александра Даржая «Өгге йорээл» («Благодарность юрте») лирико-философские раздумья о жизни по своей сюжетно-образной структуре близки народным преданиям, героическим песням. Здесь ощутимо родство тем и мотивов, близость всей художественной материи национальному фольклору.

Стихотворение композиционно состоит из двух частей, построено на противопоставлении прошлого и настоящего, поэтому в системе поэтических образов, описывающих далекое историческое прошлое, прослеживаются давние традиции устного народного творчества. А. В. Кудияров считает, что одним из постоянных эпических общетюркских символов-понятий для обозначения «родных мест» сибирских народов (тувинцев, хакасов, алтайцев) является *чер-суг* (земля-вода) (Кудияров, 2002: 121). На наш взгляд, характеристика пространства и времени в данном стихотворении наделена узнаваемыми чертами национального пейзажа: «В слиянье семи рек, в степи широкой...» (земля-вода) и образами далекой старины, память о которой сохранили только *курганы*. Степь, курганы, горы — не только тувинские, но и общетюркские образы-символы (Очур, 2008: 12–14).

*Көшкүн тыва кидис өглер чырык хүндүс
Хөрлээ отка чалбыышталдыр хып-даа чораан.
Кыпчактың өө даңгаар эртен чалбыыш оттан
Кызыл хаяа өңүн хунаап, хып-даа турган²*

Средь бела дня пылала жарко юрта,
Поставленная кочевым тувинцем,
А юрта кипчака под утро тоже
Кровавою зарею полыхала...

(Пер. Е. Евпатова)³

Центральный художественный образ стихотворения — *ак-көк* (сизый дым) — также является многозначным образом-символом, олицетворяющим домашний очаг, «щедрый чай», покой и мир. В этих стихах, имеющих форму духовного наставления, обобщен жизненный опыт поэта, который озабочен будущим родного этноса. Внимание А. Даржая сосредоточено не на личностных проблемах, он видит свой нравственный долг, на наш взгляд, в создании философии выживания в век ядерного оружия. Народные традиции творчески преломляются в художественной структуре его поэзии, определяя особенности его стилиевой концепции, для которой свойственны простота и безыскусственность образов, ассоциативных сцеплений, поэт возвышает их, чтобы перевести в другой план — поэтический и философский. Поэт старается сближать разные повествовательные времена, это позволяет укрупнять масштабы повествования, придать ему многомерность эпоса, используя прием синтаксического параллелизма:

¹ Куулар Н. Авам шайы [Чай матери] // Антология тувинской поэзии: Тыва болгаш орус дылдарда / сост. Н. Ш. Куулар. Кызыл: Некоммерческое партнерство «Правник+», 2014. С. 77.

² Даржай А. Өглеривис ак-көк ыжы [Сизый дым наших юрт] // Антология тувинской поэзии: Тыва болгаш орус дылдарда / сост. Н. Ш. Куулар. Кызыл: Некоммерческое партнерство «Правник+», 2014. С. 7.

³ Даржай А. Өглеривис ак-көк ыжы [Сизый дым наших юрт] // Благословение юрте. Стихи российских и зарубежных поэтов / под ред. Н. О. Товуу; составители Н. Ш. Куулар, А. С. Казанцева. Кызыл: Центр развития национальной школы МОПО РТ, 2004. С. 56.

*Бөгүн ону бодап кээрге, хөй-ле бодал
Башка кирип, дүвүрэнчиг дойлуп кээр-дир.
Амыдырал кара дүнче шилчип болур
Амгы шагның дайыны-даа сүртенчиг-
дир¹.*

Когда сейчас подумаешь об этом
И сопоставишь с нынешними днями, —
тревожно станет: может превратиться
Жизнь в дым в горниле общего самоубийства...
(Пер. Е. Евпатова)².

Именно здесь, на уровне художественного обобщения пролегают внутренние связи поэтики с фольклорным художественным мышлением. И здесь, прежде всего, важно проследить, как преломляется в его творчество судьба человека и народа — этот важнейший момент фольклорного сознания:

*Бамбук чадыр, кирбиш бажың, кидис өглер
Чанданыңдан ак-көк ыжы дээрже үнүп,
Шайы хайнып, кезээ шагда мөңге турар³.*

И потому пускай струится в небо,
От очагов, где вкусно пахнет пищей,
И ваших юрт, и наших сизый дым!
(Пер. Е. Евпатова)⁴.

У Александра Даржая немало стихотворений, посвященных Туве, где одной из главных констант является образ *Ие-Чер* («Мать-Земля»), сакральный характер которого определяется тем, что «отождествляя родную землю со своей матерью, лирический герой А. Даржая олицетворяет ее с истоком бытия, прародительницей...» (Чендекова, 2017: 204). В стихотворении «Вера в себя» автор признается: «...Кажется, теперь / Нет непосильной ноши для меня, / А сила прибывает каждый час / Зачем она? Чтоб Матери-Земле / Помочь...»⁵.

На наш взгляд, глубоко поэтично раскрыл сакральную философию тувинской юрты Эдуард Мижит в лирико-философской поэме «Өг» («Юрта»):

*Өгбелерниң хайырлааны тыва өгнүң
Эжиин ажып, эргин артап, мөгейбишаан,
кирээлиңер...⁶*

Откроем же дверь и, шагнув за Порог, с поклоном
войдем в тувинскую юрту — великий дар наших
предков...
(Пер. Э. Мижит)⁷.

В пяти частях поэмы описан один из ключевых образов юрты: «Дверь», «Порог», «священный Багана» (опорный шест), «священный очаг». Каждый из этих образов в поэме приобретает символическое значение: «Дверь» и «Порог» как символы начала и конца жизни, «священный Багана» как символ священного очага, души человеческие как птицы, а звезды символизируют человеческие мечты, порыв к высокому, полет души. В этой поэме наряду с тончайшим лиризмом Э. Мижиту удалось раскрыть философский смысл непреходящих ценностей устойчивых, архаичных норм жизни, этикета, мышления, национальных традиций тувинского народа.

¹ Даржай А. Өглеривис ак-көк ыжы [Сизый дым наших юрт] // Антология тувинской поэзии: Тыва болгаш орус дылдарда / сост. Н. Ш. Куулар. Кызыл: Некоммерческое партнерство «Правник+», 2014. С. 7.

² Там же.

³ Даржай А. Өглеривис ак-көк ыжы [Сизый дым наших юрт] // Благословение юрте. Стихи российских и зарубежных поэтов / под ред. Н. О. Товуу; составители Н. Ш. Куулар, А. С. Казанцева. Кызыл: Центр развития национальной школы МОПО РТ, 2004. С. 56.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Там же.

⁶ Мижит Э. Өг [Юрта] // Благословение юрте. Стихи российских и зарубежных поэтов ... С. 19.

⁷ Там же. С. 10.

Таким образом, обращаясь к произведениям тувинских поэтов в рамках заявленной проблемы исследования, мы выделяем такие этнопоэтические константы, которые, с одной стороны, являются традиционным способом репрезентации национальной тувинской картины мира: *небо, мать-земля, степи, горы, реки*, а, с другой, отмечаем индивидуально-авторские образы-символы, которые являются своеобразной интерпретацией художником-творцом национального художественного сознания. К таким индивидуально-авторским образам-символам, подчеркивающим самобытность тувинского национального литературного процесса, на наш взгляд, можно отнести: *материнская (отцовская, дедовская) юрта, артыш, зеленый чай, сизый дым, очаг, дверь и порог юрты, опорный шест Багана, звезды* и др.

Этнопоэтические константы хакасской литературы

Известный хакасский литературовед А. Л. Кошелева к способам репрезентации национальной идентификации относит такие константы национального хакасского бытия, как Небо, Степь, Курган, Ветер, Тайга (Кошелева, 2015: 155–157).

Для выявления наиболее характерных этнопоэтических констант в современной хакасской поэзии мы обратились к творчеству тех авторов, чья личность была сформирована под влиянием культуры родного этноса: Н. Ахпашевой, В. Майнашева и С. Майнагашева.

На сегодняшний день, пожалуй, одним из немногих поэтов Хакасии, в творчестве которого последовательно разрабатывалась тема родной земли, ее прошлого, настоящего и будущего является *Валерий Майнашев*. Ощущение глубинных взаимосвязей времен и рождает индивидуальное мышление В. Майнашева. Поэзия В. Майнашева — яркий пример билингвального творчества. В. Майнашев закончил Литературный институт им. А. М. Горького, (г. Москва), с 1990 г. возглавлял Союз писателей Хакасии. Поэт стал одним из первых переводить свои стихи с хакасского языка на русский, добиваясь адекватности даже в тех случаях, когда в русском языке не находилось эквивалентного значения хакасскому понятию.

В поэзии В. Г. Майнашева возникает своеобразный символ Хакасии — *ирбен от* (богородская трава, чабрец). Не случайно, ее именем он назовет и одно из лучших своих стихотворений, и первый свой сборник (Майнашев, 1995). Символика этого образа связана с традиционным мировоззрением тюрков. У тюркских народов эта трава считалась священной, ее дымом освящали жилище и скот. Так, например, у хакасов, богородской травой окуривали *ызык* — ритуального коня. «Ызык — привилегированное, священное животное в стаде, чаще всего конь. Его, возводя в звание, окуривали богородской травой, в хвост и в гриву шаман вплетает ему ленты» (Бутанаев, Верник, Ултургашев, 1999: 32).

В. Г. Майнашев, выросший в самом сердце хакасской земли, с детства знал об этой чудо-траве:

*Курген. Халсарыг. Таг аразы.
Чалгызаан чазаг мин не парчам.
Тустар чызы — ирбен от чазы
Чуреemi пазох сулганча¹.*

Курган. Ковыль. Горы
Иду пешком я один
Запах времен — богородской травы запах
окутывает снова сердце мое
(Пер. Л. Чебодаевой)².

Каждое стихотворение поэта, наполненное национальным колоритом, картинками хакасского ландшафта, раскрывает тему одиночества человека, затерявшегося в бескрайней ночной степи.

Еще одним ярким символом хакасской земли в поэзии В. Майнашева являются *кун чахяхтары* (жарки):

¹ Майнашев В. Ирбен от. Стихтар. Агбан: Хызылчар книга изд-возынын Хакасиядагы полігі, 1979. С. 44–45.

² Майнашев В. Г. Крашенные ковыли: стихи и поэмы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. С. 50.

*Пазох койче кун чахаяхтары,
О хайди орта чон оларны тiпче,
Часхы читсок, пiстiнарыгларда
Мунар кунiчiктер койiбiсче¹.*

Вновь брожу я по лесам зеленым
Над бездымным пламенем жарков,
И кукушки голос отдаленный, словно сердце
вешнее лесов
(Пер. В. Майнашева)².

В. А. Карамашева считает, что система ценностей В. Майнашева определяется целью «понять сущность Вселенной, мира в целом» (Карамашева, 1995: 6). Поэтический мир В. Г. Майнашева — мировоззренческая система, способная вместить опыт русской классики и художественное национальное сознание, приметы древнего язычества и многие особенности национальной традиции. С одной стороны, он обнажает языческие корни хакасского миропонимания, бережно и уважительно охраняет его от исчезновения, фиксируя его наличие в жизни современного человека. Не случайно, поэт и, думается, не в шутку, а всерьез называл себя «последним шаманом», отдавая себя, свой поэтический дар «на суд достойный шаманов» «всех забытых селений»:

*Эй, чеек айдаc хамнар
Праi ундулган ааларнын!
Озеннер-састардан³.*

Эй, лихие шаманы
Всех забытых селений,
Выползайте туманом
Из логов и ущелий.
(Пер. В. Майнашева)⁴.

Вместе с тем, меряясь своей силой с шаманами, ощущает свое преимущество:

*Чох идiп санай хыялларны,
Агын тудыста хамнан,
Сiрерзер, чаргычыларзар,
Улуг чиишинiснен айланам⁵.*

У коварного духа
Мощь моих песнопений
Все заблудшие души
Отобьет непременно...
(Пер. В. Майнашева)⁶.

В этом стихотворении без названия Валерий Майнашев, с одной стороны, демонстрирует независимость поэта, его самодостаточность, равноправие его слова с шаманской силой, а с другой — все же признает роль шаманов как достойных судей своих стихов. Возникающее противоборство, мерение силами — ситуация совсем не мировоззренческого плана, а скорее художнического. Поэт устанавливает свое право на самостоятельность мироощущения и художественное его выражение.

В поэтическом сборнике В. Майнашева «Крашенные ковыли» одним из значимых является стихотворение «XX век», в хакасском сборнике его название дано по первой строке: «Койiбiстi хой порчозы...» В этом стихотворении ключевым является образ кургана, в котором может быть захоронен главный герой героического эпоса «Албынжи»:

*Эй, когде чусчеткен нанчы,
Комес тее истек се,
Хайди поларзын, Албынчы
Ам кургеннен сых килзе?¹*

Эй, погоди приятель, Ты мне одно скажи.
А если вдруг нестати
Проснется Албынжи?
(Пер. В. Майнашева)².

¹ Майнашев В. Г. Крашенные ковыли: стихи и поэмы. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1995. С. 75.

² Там же.

³ Майнашев В. Г. Кок саннары. Стихтар. Агбан: Хызылчар книга изд-возынын Хакасиядагы полiгi, 1985. С. 48.

⁴ Майнашев В. Г. Крашенные ковыли: стихи и поэмы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. С. 50.

⁵ Майнашев В. Г. Кок саннары. Стихтар. Агбан: Хызылчар книга изд-возынын Хакасиядагы полiгi, 1985. С. 49.

⁶ Майнашев В. Г. Крашенные ковыли: стихи и поэмы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. С. 50.

В данном стихотворении *курган* символизирует и героическое прошлое Хакасии, и её будущее, поскольку в хакасской мифологии говорится о том, что герои-альпы⁵ спят до поры и проснутся, когда надо будет защитить свой народ. В лирике хакасских поэтов также часто используется описание языческих обрядов: поклонение огню, культ огня, почитаемый древними тюрками (стих. Майнашева «Песня о друге» («Нанчыдаңары»): «*Иргі несте от успинча, / Сарыҕ тонаҕчы сығырчатхан охас...* — «В старой печке огонь не унять / — Будто рыжий разбойник свистит...»⁴). В. Майнашев своеобразно воспринимал и осмысливал традиционную модель мира своих предков. Ему как поэту-жизнелюбу более дороги серединный и верхний миры, цветовые символы которых наполняют большинство его стихотворений. Например, описание весеннего состояния природы поэт передает в стихотворении «Чир усхунганы» («Пробуждение») с помощью метафоры *кок тук* (зеленый пух):

<i>Харах козше чир хубулча Чазылар-таглар когерсче Агастар кок тукнен чабынча⁵</i>	На глазах земля преобразается, Степи и горы зеленеют, Деревья покрываются зеленым пухом <i>(Пер. В. Майнашева)⁶.</i>

В стихотворении «Уходят кони» (в оригинале без названия) цветовой эпитет *хызыл* (красный) — «*Хайди хызыл тигір хызыл чалыннан...*» («Усталое в степи садится солнце... По ковылям вдали погонщики на красном горизонте...») — символизирует гибель природного мира, становится цветом смерти. Вполне обоснованно, своеобразно традиционному мировоззрению хакасов, поэт опасался заката, означавшего осень, закат, вторую половину жизни, мир предков.

В поэзии В. Майнашева сравнительно ощутимо отражена философия шаманизма, при этом нельзя сказать, что шаманизм безоговорочно воспринимается поэтом как целостная религиозная система, становясь основой его поэтического мира, вместе с тем мировоззренческий фундамент В. Майнашева в большей мере укрепляется этой первой, естественной религиозной системой.

Еще одним автором, черпающим вдохновение в прошлом своей малой родины, является *Наталья Ахпашева*. Несмотря на то, что Н. Ахпашева создает свои произведения только на русском языке, именно этнопоэтические константы в её поэзии позволяют без труда определить её этническую принадлежность и ментальные истоки, генетическую связь с которыми подчеркивается поэтессой постоянно. Наиболее известны её стихи «Чингизиды», «Гунны», «Тавро», «Салбык», «Древнее изваяние».

Художественный мир Н. Ахпашевой в его этнопоэтическом аспекте наиболее ярко представлен в сборнике «Солярный круг»⁷. Программным в этом сборнике является стихотворение «Салбык». Большой Салбыкский курган — один из древнейших символов Хакасии, ученые относят этот курган к скифским временам, но некоторые считают его более древним, чем египетские пирамиды. Как известно, большой вклад в изучение этнографии и культуры Хакасии внесли немецкие ученые XVII-XIX веков. Первым описал Большой Салбыкский курган в 1739 г. российский учёный Г. Ф. Миллер во время академической экспедиции по Сибири 1733–1743 гг. (Миллер, 1999: 503).

В стихотворении «Салбык» Н. Ахпашева описала обряд трупосожжения:

*На голый курган у дороги
Где дышит полынью простор
слетелись голодные боги
на мой погребальный костер¹.*

Л. Р. Кызласов воспроизвел подобный обряд: «Это были могилы воинов-конников, с которыми на погребальный костер укладывали наборные узды и украшенные накладками с серебряной инкрустацией седла...» (Кызласов, 1969: 45).

¹ Майнашев, В. Кок саннары. Стихтар. Агбан: Хызылчар книга изд-возынын Хакасиядагы полігі, 1985. С. 25.

² Майнашев В. Г. Крашенные ковыли: стихи и поэмы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. С. 22.

³ Сагояков Н. Н. Хакасские мифы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. С. 134.

⁴ Майнашев В. Г. Кок саннары. Стихтар. Агбан: Хызылчар книга изд-возынын Хакасиядагы полігі, 1985. С. 15.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Майнашев В. Г. Крашенные ковыли: стихи и поэмы. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. С. 56.

⁷ Ахпашева Н. М. Солярный круг. Стихи. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1993.

Обряд захоронения у Н. Ахпашевой представлен как языческий:

*Я дымом седым поднимался,
К таким же прозрачным, как я
Но медлил и не растворялся
Над белой волной ковыля².*

Многозначность этого образа определяется еще и тем, что Салбык — не только образ-символ былого могущества, его значимость связана с традиционным представлением о *мировой горе* — оси сакрального мира, соединяющей верхний мир с миром людей и нижним миром духов; это и место, где проводятся шаманские обряды до настоящего времени.

В другом стихотворении без названия «Я стучу колотушкой в бубен...»³ лирическая героиня стихотворения Н. М. Ахпашевой — шаманка. Так поэтесса подчеркивает свою генетическую связь с языческим прошлым. Во многих стихах этого сборника звучит мотив этнической солидарности Н. Ахпашевой с предками, поэтического осмысления древнехакасской истории: она гордится своим кровным родством с языческими богинями, чьи глаза «к вискам заужены прекрасно, называя себя их «последней сестрой»⁴.

Многие авторы современной хакасской литературы ориентированы на мифофольклорный субстрат своих национальных литератур в силу того, что стали осознавать неизбежность конфликта между довлеющей цивилизацией и ценностями своей традиционной культуры. С этой точки зрения, *Сибдей Том* (псевдоним *Сергея Майнагашева*) абсолютно верно это почувствовал и сделал первые ощутимые шаги в данном направлении. Сибдей Том сознательно пишет не только на хакасском, но и на русском языке, подчеркивая свою бикультурность и желая пропагандировать ценности древнехакасской культуры для русскоязычного читателя.

Сибдей Том стремится соединить этнокультурный фактор с литературной традицией, что стало возможно благодаря выживанию традиционного культурного комплекса, таким образом, чтобы доминировала хакасская национальная идея («оставь европейский накал стихотворений»⁵). По существу, он наследует существующую традицию воинской доблести предков, преодолевая её и своеобразно трансформируя:

*Тебе! Покорять континент! И вместо культуры сабель
Нести музыку бубна...⁶*

Сибдей Том внимателен к опыту предков, который он не просто, вооружаясь им, принимает на веру, но переоценивает:

*Мои предки, казалось бы
Были глупы в противлению Западу,
Не оставили громких записок!⁷*

Сибдей Том выступает прилежным учеником своих предков, подчеркивая генетическое родство в понимании тайны жизни и смерти, которую достойный из потомков должен сохранить в себе — тем самым как бы продлевая существование вечной загадки бытия. Поэт подчеркивает суетность и бренность («недолговечность наглядна») человеческих устремлений.

Поэт признает торжество мудрости своего народа, гордится им. Он занимает достойную позицию — человека, решившего восстановить историческую справедливость: «Азия равна Европе» (*Прищепя, 2006: 247*). Сибдей Том, по существу, утверждает идею равнодостоинства своего народа с народами европейскими. Он возвращает к столь важным для любого хакаса понятиям их изначальный, всеобъемлющий смысл. Его задача — увидеть и попытаться истолковать вечные для сына степей темы. Уже только этот подход заслуживает внимания, ибо он предполагает выход на рассмотрение главных вопросов бытия.

¹ Ахпашева Н. М. Солярный круг. Стихи. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1993. С. 13.

² Там же.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же.

⁵ Майнагашев, С. (Сибдей Том) Илбек Чазы — Великая степь. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1996. С. 15.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 10.

На наш взгляд, в поэзии Сибдея Тома наиболее часто используются следующие слова-образы, многие из которых являются этнопоэтическими константами: Степь, Небо, Восход, Волк, Камни (читай — Курганы), Поле, Путь, Ветер, Родина. Особое место в этом ряду имеет прежде всего слово «Бог» (*Худай* по-хакасски — «Бог огня, воды, неба»). Небо у Сибдея Тома — это не простой образ-символ. Небо — Великое, чистое; Небо — всевышний, старое Небо (в чем очевидны отголоски тэнгрианства). Такое наличие этнопоэтических констант, несущих основной смысл, живет в поэтическом мире Сибдея Тома органично, ненавязчиво, не оставляя ощущения семантической перенасыщенности и случайности.

Таким образом, осмысление творчества современных хакасских поэтов сводится к пониманию того, что без глубины познания национального, укорененности в нем невозможна духовная зрелость, онтологическая достаточность. Главными скрепами хакасской национальной картины мира являются традиционные для народов Саяно-Алтая этнопоэтические константы *солнца, неба, степи, горы, курганов, коня, волка* и др. Но, появляются индивидуально авторские образы-символы, без которых невозможно представить художественный мир отдельного художника слова и национальную хакасскую картину мира: *богородская трава, жарки, ковыль, герои-альпы, Салбык, шаман, бубен, Запад-Восток, Европа-Азия* и т. д.

Заключение

В силу того, что литературы Саяно-Алтая на современном этапе по-прежнему ориентируются на мифофольклорный субстрат своих национальных культур, этнопоэтический подход является наиболее адекватным способом рефлексии их поэтики.

В творчестве современных тувинских и хакасских авторов, по нашим наблюдениям, общими маркерами национального менталитета, миропонимания являются этнопоэтические константы: *солнце, небо, степи, горы, курганов, юрты, коня, волка* и др., которые свидетельствуют об общности происхождения, родственности обеих культур. Но авторские художественные картины мира, созданные тувинскими и хакасскими поэтами, всё же отличаются индивидуальными авторскими образами-символами. Именно в них заложена этнокультурная составляющая, распремечивающая главный смысл стихотворений, что позволяет более глубоко осознать особенности обеих национальных литератур — тувинской и хакасской.

В результате проведенного исследования нами выявлены индивидуально-авторские образы-символы, которые являются своеобразной интерпретацией художником-творцом тувинского национального художественного сознания, к таким индивидуально-авторским образам-символам, подчеркивающим самобытность тувинского национального мировидения, на наш взгляд, принадлежат: *материнская (отцовская, дедовская) юрта, артыш, зеленый чай, сизый дым, звезды, дверь, порог (юрты), священный шест Багана* и др.

Проведенное исследование позволило выявить и ключевые образы-символы современной хакасской поэзии, которые являются индивидуально авторскими, но без них невозможно представить художественный мир отдельного художника слова и хакасскую картину мира: *богородская трава, жарки, ковыль, герои-альпы, Салбык, бубен, шаман, Запад-Восток, Европа-Азия* и т. д.

Таким образом, исследуя этнопоэтические особенности художественного сознания современных тувинских и хакасских авторов, мы обнаружили, что для них в равной степени характерно обращение к национальным истокам, а также обостренное внимание к национальным традициям — историко-культурным и этнопоэтическим, к эстетическим ценностям, накопленным в фольклоре и литературе. Авторы Саяно-Алтайского региона сохранили свою национальную идентичность, принимая за основу национального чувства эстетический, исторический опыт прошлого, выступая прилежными учениками своих предков. Проведенное исследование подчеркивает генетическое родство обеих литератур, основанное на родственности их древних культур, на понимании тайны жизни и смерти, которую достойный из потомков должен сохранить в себе — тем самым как бы продлевая существование вечной загадки бытия. По существу, каждый из авторов тувинской и хакасской литератур является национальным поэтом, вскрывающим потаенные мировоззренческие и эстетические богатства своего древнего народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алефиренко, Н. Ф., Голованева, М. А., Озерова, Е. Г., Чумак-Жунь, И. И. (2012) Текст и дискурс: учебное пособие для магистрантов. М. : Флинта ; Наука. 232 с.

Антошин, К. Ф. (1982) У истоков жизни: о современной литературе Хакасии, Тувы, Горного Алтая, Красноярского края. Красноярск : Красноярское книжное издательство. 96 с.

Бавуу-Сюрюн, М. В., Широбокова, Н. Н., Самдан, А. М. (2018) Названия лекарственных растений Тувы в словарях // Новые исследования Тувы. № 4. С. 30–46. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.2>

Балданов, С. Ж. (1983) Общность национальных литератур Сибири // Взаимодействие литератур народов Сибири / отв. ред. Г. И. Ломидзе. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 272 с. С. 147–152.

Балданов, С. Ж. (2005) Формула единства сибирских национальных литератур и формы межлитературных коммуникаций // Сибирь — единое фольклорно-литературное полиэтническое пространство : в 2 ч. / отв. ред. С. Ж. Балданов. Улан-Удэ : ГУП «ИД» «Буряад унэн». Ч. I. Вып. I. 180 с. С. 5–9.

Бикмухаметов, Р. Г. (1983) Орбиты взаимодействия. М. : Советский писатель. 240 с.

Бутанаев, В. Я., Верник, А. А., Ултургашев, А. А. (1999) Народные праздники Хакасии : учебное пособие. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 208 с.

Галимова, Е. Ш. (2015) К вопросу о методологии исследования локальных (городских и региональных) литературных текстов (на примере Северного текста русской литературы) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX вв. / отв. ред. Н. В. Ковтун. М. : Флинта ; Наука. 456 с. С. 380–395.

Гацак, В. М. (2000) Северные этнопоэтические константы // Народная культура Русского Севера. Живая традиция: Материалы республиканской школы-семинара Вып. 2 / отв. ред. Н. В. Дранникова, Ю. А. Новиков. Архангельск : Изд-во Поморского государственного университета. 136 с. С. 7–10.

Далгат, У. Б. (2004) Этнопоэтика в русской прозе 20–90-х гг. XX века (Экскурсы). М. : ИМЛИ РАН. 212 с.

Донгак, У. А. (2013) Предпосылки зарождения тувинской литературы // История тувинской литературы: в 2 т. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск: Издательство СО РАН. Т. 1. 266 с. С. 103–108.

Захаров, В. Н. (1998) Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков / отв. ред. В. Н. Захаров. Вып. 2. Петрозаводск : Петрозаводский гос. университет. 651 с. С. 5–30.

Зырянов, О. В. (2018) Введение в этнопоэтику русской классической литературы : учебное пособие. М. : Флинта ; Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 216 с.

История тувинской литературы (2013) : в 2 т. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск: Издательство СО РАН. Т. 1. 266 с.

Карамашева, В. А. (1995) В. Г. Майнашев // Майнашев В. Г. Крашенные ковыли: стихи и поэмы. Абакан : Хакасское книжное изд-во. 112 с. С. 5–7.

Караулов, Ю. Н. (1987) Русский язык и языковая личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М. : Наука. 261 с.

Котожеков, Г. Г. (1995) Культура народов Саяно-Алтая. Абакан : Хакасское книжное издательство. 208 с.

Кошелева, А. Л. (2015) Проблемы билингвизма в транскультурной (транснациональной) литературе: национально-художественное своеобразие русскоязычных хакасских писателей (XX в. — нач. XXI в.). Абакан : Хакасское книжное издательство. 270 с.

Куулар, Д. С. (2002) История и современность. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 144 с.

Кудияров, А. В. (2002) Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М. : ИМЛИ РАН. 329 с.

Кызласов, Л. Р. (1969) Древние крепости Хакасии // Археологические открытия 1968 года / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М. : Наука. 463 с. С. 244–246.

Лагунова, О. К. (2008) Феномен творчества русскоязычных писателей-ненцев и хантов последней трети XX века (Е. Айпин, Ю. Вэлла, А. Неркаги) : автореф. ... д-ра филол. наук. СПб. 42 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Тувиноведение: новые горизонты. М. : Книжный дом «Либроком». 184 с.

Майнагашева, Н. С. (2008) Хакасская драматургия 1920–1990-х годов: поэтика, типология, закономерности развития. Абакан : Хакасское книжное издательство. 149 с.

Маслова, В. А. (2016) Поэтический текст: Новые подходы и решения: учебное пособие. М. : Флинта ; Наука. 320 с.

Мижит, Л. С. (2006) Лирические миниатюры в тувинской поэзии // Методологические проблемы изучения истории литератур народов Сибири : материалы региональной конференции / отв. ред. А. С. Донгак. Кызыл : Тувинский институт гум. исследований. 162 с. С. 103–108.

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Миллер, Г. Ф. (1999) История Сибири. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 630 с.

Орус-оол, С. М. (2001) Тувинские героические сказания: текстология, поэтика и стиль : автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М. 47 с.

Очур, Т. Х. (2008) Этнопоэтическое своеобразие прозы С. Сарыг-оола: автореф... канд. филол. наук. Улан-удэ. 25 с.

Прищепа, В. П. (2006) Щемящей совести строка: Книга о современной литературе Хакасии. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство. 336 с.

Самдан, З. Б. (2010) Предпосылки к изучению фольклоризма тувинской литературы в постсоветское время // ЭТНО: литературоведение и литературное образование: перспективы и приоритеты: Материалы регион. науч. симпозиума с междунар. участием, посвящ. 75-летию проф. С. Ж. Балданова : в 2 ч. / науч. ред. Б. Б. Бадмаев. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госунивер-та. Ч. I. 290 с. С. 269–274.

Самдан, З. Б. (2013) Устное народное творчество тувинцев- художественная основа тувинской литературы // История тувинской литературы : в 2 т. / отв. ред. К. А. Бичелдей. Новосибирск: Издательство СО РАН. Т. 1. 266 с. С. 11–51.

Султанов, К. К. (1996) «Лабиринт сцеплений». Этническое — национальное — художественное // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая / отв. ред. Р. Ф. Юсуфов. М. : Наследие. Вып. 2. 288 с. С. 150–161.

Султанов, К. К. (2006) Идентичность и контекст. Этническое и художественное в литературах Северного Кавказа // Слово и мудрость Востока. Литература. Фольклор. Культура / отв. ред. Н. И. Никулин. М. : Наука. 582 с. С. 233–242.

Табакова, З. П. (2014) Этнопоэтика. Диалог культур и языков. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing. 140 с.

Хадаханэ, М. А. (1986) Литературная Тува. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 122 с.

Чаптыкова, Ю. И. (2013) Этнопоэтическое своеобразие прозы И. Костякова. Абакан : Хакасское книжное издательство. 148 с.

Челтыгмашева, Л. В. (2009) Этнопоэтическое своеобразие хакасской прозы 1930–1990-х гг. : автореф. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 19 с.

Чернова, А. Е. (2013) Этнопоэтические константы образа Русской земли в лирике Н. Рубцова // Philologia nova. Лингвистика и литературоведение : сборник статей молодых исследователей / редкол.: М. В. Сандакова, Д. Н. Черниговский, О. В. Редькина. Киров : Изд-во ВятГГУ. 172 с. С. 164–169.

Чендекова, А. Б. (2017) Мифопоэтические образы в лирике некоторых тюркоязычных поэтов // Актуальные вопросы алтайского языкознания: проблемы развития литературного языка, совершенствование современной орфографии / А. Э. Чумакаев (отв. ред.). Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография. 336 с. С. 203–206.

Rotenberg, G. D. (1983) Symposium of the Whole: A Range of Discourse Toward An Ethnopoetics. California : University of California press. 503 p.

Jason, H. (2000) Motif, type and genre: A manual for compilation of indexes & a bibliography of indices and indexing. Helsinki : Suomal. Tiedeakat. 279 p.

Дата поступления: 21.03.2020 г.

REFERENCES

Alefirenko, N. F., Golovaneva, M. A., Ozerova, E. G. and Chumak-Zhun', I. I. (2012) *Tekst i diskurs [Text and discourse]: a textbook for undergraduates*. Moscow, Flinta, Nauka. 232 p. (In Russ.).

Antoshin, K. F. (1982) *U istokov zhizni: o sovremennoi literature Khakasii, Tuvy, Gornogo Altaia, Krasnoiarskogo kraia [At the origins of life: on the modern literature of Khakassia, Tuva, Gorny Altai, Krasnoyarsk Krai]*. Krasnoiarsk, Krasnoyarsk book publishing house. 96 p. (In Russ.).

Bavuu-Surun, M. V., Shirobokova, N. N. and Samdan, A. M. (2018) Nazvaniia lekarstvennykh rastenii Tuvy v slovariakh [The Nomenclature of Medicinal Plants of Tuva in Dictionaries]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 30–46. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.2>

Baldanov, S. Zh. (1983) Obshchnost' natsional'nykh literatur Sibiri [Commonality of national literatures of Siberia]. In: *Vzaimodeistvie literatur narodov Sibiri [Interaction between literatures of the peoples of Siberia]* / ed. by G. I. Lomidze. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 272 p. Pp. 147–152. (In Russ.).

Baldanov, S. Zh. (2005) Formula edinstva sibirskikh natsional'nykh literatur i formy mezhliteraturnykh kommunikatsii [Formula of unity of Siberian national literatures and forms of inter-literary communication]. In: *Sibir' — edinoe fol'klorno-literaturnoe polietnicheskoe prostranstvo [Siberia is a unified multi-ethnic folklore and literary space]*: in 2 parts / ed. by S. Zh. Baldanov. Ulan-Ude, GUP «ID» «Buriaad unen». Part I. Vol. I. 180 p. Pp. 5–9. (In Russ.).

Bikmukhametov, R. G. (1983) *Orbity vzaimodeistviia [Orbits of interaction]*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 240 p. (In Russ.).

Butanaev, V. Ya., Vernik, A. A. and Ulturgashev, A. A. (1999) *Narodnye prazdniki Khakasii [Folk holidays of the Republic of Khakassia]*: a training manual. Abakan, KhSU Publ. 208 p. (In Russ.).

Galimova, E. Sh. (2015) K voprosu o metodologii issledovaniia lokal'nykh (gorodskikh i regional'nykh) literaturnykh tekstov (na primere Severnogo teksta russkoi literatury) [On the methodology of researching local (urban and regional) literary texts: the case of the Northern text of Russian literature]. In: *Sibirskaiia identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XX vv. [Siberian identity in the mirror of a literary text: tropes, topoi, genre forms in the XIX–XX centuries]* / ed. by N. V. Kovtun. Moscow, Flinta, Nauka. 456 p. Pp. 380–395. (In Russ.).

Gatsak, V. M. (2000) Severnye etnopoeticheskie konstanty [Northern ethnopoetic constants]. In: *Narodnaia kul'tura Russkogo Severa. Zhivaia traditsiia: Materialy respublikanskoi shkoly-seminara [Folk culture of the Russian North. Living tradition: Proceedings of the Republican school-seminar]*. Vol. 2 / ed. by N. V. Drannikova and Yu. A. Novikov. Arkhangel'sk, Izd-vo Pomorskogo gosudarstvennogo universiteta. 136 p. Pp. 7–10. (In Russ.).

Dalgat, U. B. (2004) *Etnopoetika v russkoi proze 20–90-kh gg. XX veka (Ekskursy) [Ethnopoetics in Russian prose of the 20-90s of the XX century (Excursions)]*. Moscow, IMLI RAN. 212 p. (In Russ.).

Dongak, U. A. (2013) Predposylki zarozhdeniia tuvinskoi literatury [Prerequisites for the origin of Tuvan literature]. In: *Istoriia tuvinskoi literatury [The history of Tuvan literature]*: in 2 vol. / ed. by K. A. Bicheldei. Novosibirsk, Izdatel'stvo SO RAN. Vol. 1. 266 p. Pp. 103–108. (In Russ.).

Zakharov, V. N. (1998) Pravoslavnye aspekty etnopoetiki russkoi literatury [Orthodox aspects of ethnopoetics of Russian literature]. In: *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII–XX vekov [The gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries]* / ed. by V. N. Zakharov. Vol. 2. Petrozavodsk, Petrazavodskii gos. universitet. 651 p. Pp. 5–30. (In Russ.).

Zyrianov, O. V. (2018) *Vvedenie v etnopoetiku russkoi klassicheskoi literatury [Introduction to the ethnopoetics of Russian classical literature]*: textbook. Moscow, Flinta; Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta. 216 p. (In Russ.).

Istoriia tuvinskoi literatury [A History of Tuvan Literature] (2013). Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 264 p. (In Russ.).

Karamasheva, V. A. (1995) V. G. Mainashev. In: Mainashev V. G. *Krashenye kovyli [Painted hobbles]*: poems. Abakan, Khakas book publishing house. 112 p. Pp. 5–7. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (1987) *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and language personality]* / ed. by D. N. Shmelev. Moscow, Nauka. 261 p. (In Russ.).

Kotozhkov, G. G. (1995) *Kul'tura narodov Saiano-Altaiia [Culture of the Sayano-Altai peoples]*. Abakan, Khakas book publishing house. 208 p. (In Russ.).

Kosheleva, A. L. (2015) *Problemy bilingvizma v transkul'turnoi (transnatsional'noi) literature: natsional'no-khudozhestvennoe svoeobrazie ruskoiazychnykh khakasskikh pisatelei (XX v. — nach. XXI v.) [Problems of bilingualism in transcultural and transnational literature: ethnic and artistic originality of Russian-speaking Khakas writers: 20th and early 21st century]*. Abakan, Khakas book publ. 270 p. (In Russ.).

Kuular, D. S. (2002) *Istoriia i sovremennost' [History and modernity]*. Kyzyl, Tuvan book publ. 144 p. (In Russ.).

Kudiiarov, A. V. (2002) *Khudozhestvenno-stilevyie traditsii epasa mongoloiazychnykh i tiurkoiazychnykh narodov Sibiri [Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongol-speaking and Turkic-speaking peoples of Siberia]*. Moscow, IMLI RAN. 329 p. (In Russ.).

Kyzlasov, L. R. (1969) Drevnie kreposti Khakasii [Ancient fortresses of Khakassia]. In: *Arkheologicheskie otkrytiia 1968 goda [Archaeological discoveries in 1968]* / ed. by B. A. Rybakov. Moscow, Nauka. 463 p. Pp. 244–246. (In Russ.).

Lagunova, O. K. (2008) *Fenomen tvorchestva ruskoiazychnykh pisatelei-nentsev i khantov poslednei treti XX veka (E. Aipin, Iu. Vella, A. Nerkagi) [The phenomenon of Russian-language Nenets and Khanty writers of the last third of the 20th century: E. Aipin, Yu. Vella, A. Nerkagi]*: Abstract of Diss. ... Doctor of Philology. St. Petersburg. 42 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Tuvinovedenie: novye gorizonty [Tuvan studies: new horizons]*. Moscow, Librokom. 184 p. (In Russ.).

Mainagasheva, N. S. (2008) *Khakasskaia dramaturgiia 1920–1990-kh godov: poetika, tipologiia, zakonomernosti razvitiia [Khakas drama of the 1920–1990s: poetics, typology, development patterns]*. Abakan, Khakas book publ. 149 p. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2016) *Poeticheskii tekst: Novye podkhody i resheniia [Poetic text: New approaches and solutions]*: a training manual. Moscow, Flinta; Nauka. 320 p. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2006) *Liricheskie miniatiury v tuvinskoj poezii* [Lyrical miniatures in Tuvan poetry]. In: *Metodologicheskie problemy izucheniia istorii literatur narodov Sibiri* [Methodological problems of studying the history of literature of the peoples of Siberia]: Proceedings of a regional conference / ed. by A. S. Dongak. Kyzyl, Tuvinskii institut gum. issledovaniia. 162 p. Pp. 103–108. (In Russ.).

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvinskoe trekhstishie. Triada v tuvinskoj traditsionnoi kul'ture* [Tuva tercet: the Triad in Tuvan traditional culture]. Novosibirsk, SO RAN Publ. 138 p. (In Russ.).

Miller, G. F. (1999) *Istoriia Sibiri* [The history of Siberia]. Moscow, Vostochnaia literature Publ. 630 p. (In Russ.).

Orus-ool, S. M. (2001) *Tuvinskie geroicheskie skazaniia: tekstologiya, poetika i stil'* [Tuvan heroic legends: textual criticism, poetics and style]: Abstract of Diss. ... Doctor of Philology. Moscow. 47 p. (In Russ.).

Ochur, T. Kh. (2008) *Etnopoeticheskoe svoeobrazie prozy S. Saryg-oola* [Ethnopoetic originality of S. Saryg-ool's prose]: Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Ulan-Ude. 25 p. (In Russ.).

Prishchepa, V. P. (2006) *Shchemiashchei sovesti stroka: Kniga o sovremennoi literature Khakasii* [A line of aching conscience: A book on contemporary literature in the Republic of Khakassia]. Novosibirsk, Novosibirsk book publishing house. 336 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2010) *Predposylki k izucheniiu fol'klorizma tuvinskoj literatury v postsovetskoe vremia* [Prerequisites for the study of Tuvan literature folklore in the post-Soviet period]. In: *ETNO: literaturovedenie i literaturnoe obrazovanie: perspektivy i priority* [ETNO: literary studies and literary education: perspectives and priorities]: Proceedings of a regional symposium and international conference dedicated to 75th anniversary of Prof. S. Zh. Baldanov : in 2 parts / ed. by B. B. Badmaev. Ulan-Ude, Buryat State University publishing house. Part I. 290 p. Pp. 269–274. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2013) *Ustnoe narodnoe tvorchestvo tuvintsev — khudozhestvennaia osnova tuvinskoj literatury* [Oral folk art of Tuvans is the artistic basis of Tuvan literature]. In: *Istoriia tuvinskoj literatury* [A History of Tuvan Literature] (2013). Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 264 p. Pp. 11–51 (In Russ.).

Sultanov, K. K. (1996) «Labyrinth steplenii». Etnicheskoe — natsional'noe — khudozhestvennoe [“The labyrinth of couplings”. Ethnic — national — artistic]. In: *Istoriia natsional'nykh literatur. Perechityvaia i pereosmyslivaia* [History of national literatures. Rereading and rethinking] / ed. by R. F. Iusufov. Moscow, Nasledie. Vol. 2. 288 p. Pp. 150–161. (In Russ.).

Sultanov, K. K. (2006) *Identichnost' i kontekst. Etnicheskoe i khudozhestvennoe v literaturakh Severnogo Kavkaza* [Identity and context. Ethnic and artistic in the literatures of the North Caucasus]. In: *Slovo i mudrost' Vostoka. Literatura. Fol'klor. Kul'tura* [The word and wisdom of the East. Literature. Folklore. Culture] / ed. by N. I. Nikulin. Moscow, Nauka. 582 p. Pp. 233–242. (In Russ.).

Tabakova, Z. P. (2014) *Etnopoetika. Dialog kul'tur i iazykov* [Ethnopoetics. Dialogue of cultures and languages]. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing. 140 p. (In Russ.).

Khadakhane, M. A. (1986) *Literaturnaia Tuva* [The literary Tuva]. Kyzyl, Tuvan book publisher. 122 p. (In Russ.).

Chaptykova, Yu. I. (2013) *Etnopoeticheskoe svoeobrazie prozy I. Kostiakova* [Ethnopoetical originality of the prose of I. Kostyakov]. Abakan, Khakas book publishing house. 148 p. (In Russ.).

Cheltygmasheva, L. V. (2009) *Etnopoeticheskoe svoeobrazie khakasskoj prozy 1930–1990-kh gg.* [Ethnopoetical originality of Khakas prose of the 1930s — 1990s.]: Abstract of Diss. ... Candidate of Philology. Ulan-Ude. 19 p. (In Russ.).

Chernova, A. E. (2013) *Etnopoeticheskie konstanty obraza Russkoj zemli v lirike N. Rubtsova* [Ethnopoetical constants of the Russian land in N. Rubtsov's lyrics]. In: *Philologia nova. Lingvistika i literaturovedenie* [Philologia nova. Linguistics and literary studies]: a collection of articles by young researchers / editorial board M. V. Sandakova, D. N. Chernigovskii and O. V. Red'kina. Kirov, ViatGGU Publ. 172 p. Pp. 164–169. (In Russ.).

Chendekova, A. B. (2017) *Mifopoeticheskie obrazy v lirike nekotorykh tiurkoiazychnykh poetov* [Mythopoetic images in the lyrics of some Turkic-speaking poets]. In: *Aktual'nye voprosy altaiskogo iazykoznanii: problemy razvitiia literaturnogo iazyka, sovershenstvovanie sovremennoi orfografii* [Topical issues of Altai linguistics: problems of literary language development, improvement of modern spelling] / A. E. Chumakaev (ed.). Gorno-Altai, Gorno-Altaiiskaia tipografiia. 336 p. Pp. 203–206. (In Russ.).

Rotenberg, G. D. (1983) *Symposium of the Whole: A Range of Discourse Toward An Ethnopoetics*. California, University of California press. 503 p.

Jason, H. (2000) *Motif, type and genre: A manual for compilation of indexes & a bibliography of indices and indexing*. Helsinki, Suomal. Tiedekat. 279 p.

Submission date: 21.03.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.16

Трансформация образа женщины кочевой культуры в тувинской литературе (на примере творчества А. М. Ламажаа)

Зоя Б. Самдан

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Российская Федерация

В статье исследуются особенности трансформации образа женщины кочевой культуры в творчестве современного тувинского писателя, наследницы шаманского рода, врача А. М. Ламажаа — в цикле рассказов и романе «Дороги Серебряных шаманов» (2011, 2019). Изменения культуры тувинцев-кочевников происходили на протяжении всего XX в. На этом пути были и неизбежные утраты. Этот процесс сопровождался изменениями традиционной системы ценностей и роли женщины в тувинском обществе. В числе немногих тувинских писателей А. М. Ламажаа обратилась к ранее мало освещенной теме судьбы шаманов. Впервые в жанре романа воссоздан образ женщины тувинской кочевой культуры. При этом автор органически использует приемы фольклоризма и неомифологизма.

Произведения написаны в форме объективизированного повествования, от третьего лица. Но в образе автора-повествователя просматривается образ главной героини, который определяет своеобразный биографизм ее прозы. Выделены четыре этапа эволюции образа женщины кочевой культуры: зарождение — становление — трансформация — утверждение образа. Они соответствуют эволюции от образа женщины-

защитницы природы; женщины-хранительницы традиционных ценностей семьи; женщины-хранительницы традиционных ценностей рода и до образа женщины современной формации, хранительницы исторической памяти рода и этноса.

Ключевые слова: тувинская литература; тувинцы; история Тувы; тувинский шаманизм; шаман; шаманка; образ женщины; Анна Момбужаевна Ламажаа

Для цитирования:

Самдан З. Б. Трансформация образа женщины кочевой культуры в тувинской литературе (на примере творчества А. М. Ламажаа) // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 228–239. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.16

Самдан Зоя Баировна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник группы литературоведения Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; член Союза писателей России. Адрес: 667000, Россия, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 4. Тел.: +7 (394-22) 2-39-36. Эл. адрес: samdan-sn@yandex.ru

SAMDAN, Zoya Bairovna, Candidate of Philology, Senior Research Fellow, Literary Studies Group, Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; Member; Union of Writers of Russia. Postal address: 4 Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation. Tel.: +7 (394-22) 2-39-36. Email: samdan-sn@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-0667-2954

Transformation of the image of a woman of nomadic culture in Tuvan literature: the works by A. M. Lamazhaa

Zoya B. Samdan

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Russian Federation*

The article examines the changes in the portrayal of a woman of nomadic culture in the works of Tuvan writer, a descendant of a shaman family, medical doctor A. M. Lamazhaa. We examine her collection of short stories and a novel 'The Roads of the Silver Shamanesses' (2011, 2019). The culture of Tuvan nomads has been changing during the entire 20th century, and there were inevitable losses along the way. This process was accompanied by changes in the traditional system of values and the role of women in Tuvan society. A. M. Lamazhaa is among the few Tuvan writers who focused on the rarely addressed issue of the shamans' fate. The image of a woman of the Tuvan nomadic culture has for the first time been recreated in the genre of a novel. At the same time, the writer makes use of the folklore and neo-mythologist elements in her text.

Both texts are written in the form of third-person objectified narration. But the author-narrator somewhat associates herself with the main character, which adds a degree of biographism to her work. There are four stages in the evolution of the image of a woman of nomadic culture: origin, formation, transformation, and affirmation. They correspond to the stages of evolution of a woman as a protector of nature: the guardian of traditional family values; the guardian of traditional kinship values; the modern woman as a keeper of the historical memory of generation and ethnicity.

Keywords: *Tuvan literature; Tuvans; history of Tuva; Tuvan shamanism; shaman; shamaness; image of a woman, Anna Mombuzhaevna Lamazhaa*

For citation:

Samdan Z. B. Transformatsiia obraza zhenshchiny kochevoi kul'tury v tuvinskoj literature (na primere tvorchestva A. M. Lamazhaa) [Transformation of the image of a woman of nomadic culture in Tuvan literature: the works by A. M. Lamazhaa]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3., pp. 228-239. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.16

Введение

Традиционные ценности кочевой культуры тувинского народа получили широкое отражение в исторической и художественной публицистике постсоветского периода, которая оказалась чрезвычайно востребованной читателями. Книги-воспоминания представителей старшего поколения, среди которых преобладают общественные деятели, люди с активной гражданской позицией, составляют целый пласт литературы мемуарного жанра: историко-публицистический эссе С. К. Шойгу «Уе болгаш кижилер» («Время и люди», 1997); художественно-публицистическое издание Ш. Д. Ооржака «Чоннуң чоон оруу-биле» («По широкой народной дороге», 2017); К. Л. Лапчаа «Терең суглуг Теректиг-Хемим» («Глубоководная моя река Теректиг», 2015); М. С. Байыр-оола «Көшкүн амыдырал: төрөл бөлүктөр болгаш хонаштар» («Кочевая жизнь: родовые группы и кочевья», 2019) и др. В этих книгах-воспоминаниях с большой достоверностью повествуется о жизни кочевников, о переменах, происходивших в жизни тувинцев в XX веке.

Одним из особых аспектов художественного осмысления традиций стало понимание роли женщины кочевой культуры. Обращение к этой теме важно не просто для восстановления процесса социальных и культурных перемен, их художественного осмысления, но и восстановления традиционных ролей женщины, во многом утраченных.

Цель данной статьи — исследование особенностей трансформации образа женщины кочевой культуры на примере творчества современного писателя, носителя кочевой культуры, наследницы ша-

манского рода, врача Анны Момбужаевны Ламажаа (род. в 1944 г.). Материалом нашего анализа стал цикл рассказов А. М. Ламажаа «Кайгамчык ужуралдар» («Таинственные встречи») (1994), а также ее роман «Дороги Серебряных шаманок» (2011), отражающие динамику художественного осмысления образа женщины кочевой культуры. Творчество А. М. Ламажаа ранее не было предметом специального исследования в литературоведении.

Мы опираемся на теоретические труды известного исследователя национальных литератур народов России Р. Ф. Юсуфова (Юсуфов, 1985, 1996, 2008). Он предлагает исследовать литературы Южной Сибири с точки зрения цивилизационного подхода к традиционным обществам. Истоки национальных литератур, и соответственно интерпретация современных произведений, возможно через понимание философско-языческого двоеверия: буддизма и шаманского мировоззрения, в котором преобладал тип языческо-философского литературогенеза. Шаманство он рассматривает как религию одухотворения сил природы и оформления космогонических представлений (Юсуфов, 1996: 277-279).

Исследование строится с использованием сравнительно-исторического и герменевтического методов, которые применялись нами также для анализа художественных образов М. Б. Кенин-Лопсана (Самдан, 2019).

*Фото 1. Анна Момбужаевна Ламажаа.
Фото из архива семьи А. М. Ламажаа.
Photo 1. Anna Mombuzhaevna Lamazhaa.
Photo from the family archive.*

Женщина в традиционной кочевой культуре

Сложный путь перехода тувинского этноса от многовекового кочевого образа жизни к оседлому, кардинально изменивший его жизнь и быт, начался в период Тувинской Народной Республики (1921–1944). Изменение вековых устоев в сознании, психологии и духовной культуре тувинцев-кочевников происходило постепенно и продолжалось на протяжении всего XX в. На этом пути наряду с приобщением аратов к достижениям нового образа жизни были и неизбежные утраты. Процесс разрушения традиционной культуры, сформировавшейся в кочевых условиях в течение многих тысячелетий, историки объясняют неоправданной поспешностью в проведении коллективизации и переходе на оседлость, которая в ряде случаев осуществлялась жестким командным методом, сопровождавшимся административными перегибами (История Тувы, 2016: 61–62). После вступления Тувы в состав СССР в октябре 1944 г. ускоренный переход аратских хозяйств на оседлость завершился к середине 1950-х годов. Уже к 1953 г. 93% всех аратских хозяйств оказались коллективизированы и перешли на оседлость (Москаленко, 2004: 172).

Этот процесс сопровождался изменениями традиционной системы ценностей и роли женщины в тувинском обществе (Биче-оол, 2018). Она была не только матерью, женой, хранительницей домашнего очага, но и обеспечивающей материальное благополучие семьи (Анайбан, 2005: 212–213; Доржу, 2008: 11). Именно эти функции женщины исследователи стали выделять в ее особую социальную роль в традиционном обществе. В частности, Л. В. Анжиганова отмечает, что в сфере кочевников женщина берет на себя сложные социальные роли, поскольку она сопровождает мужа в кочевьях. Женщина выступает защитником родной земли и народа наравне с мужчиной (Анжиганова, 2016: 17).

Формирование творческой индивидуальности писателя А. М. Ламажаа

Эволюция образа женщины тувинской кочевой культуры наиболее последовательно и убедительно отразилась, на наш взгляд, в творчестве А. М. Ламажаа (фото 1). Оно сформировалось и развивалось в соответствии с ее происхождением и обстоятельствами жизненного пути. На основе автобиографии,

написанной по нашей просьбе автором, и которая хранится в Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (НА ТИГПИ), приведем основные сведения о писателе.

А. М. Ламажаа (Мумбалдай) родилась 2 декабря 1944 года в м. Ушынаа Тес-Хемского района Тувинской Автономной области в семье животноводов. В ее родословной по материнской линии были женщины-шаманки племени *чооду* (*чолдак чооду*), проживавшие у священной горы Богаалыг (в народе еще называют Богаа-Даа, Алдын-Богаа). Детство ее прошло в атмосфере кочевой жизни.

Она училась в Ушынаанской, Берт-Дагской и Самагалтайской школах, 11-й класс закончила в 1963 году. В 1969 году окончила санитарно-гигиенический факультет Иркутского государственного медицинского института.

Работала в системе Госсанэпидслужбы республики в Эрзинском, Овюрском районах врачом-бактериологом, затем главным врачом Санэпидстанции. В 1973–1975-е гг. прошла подготовку в клинической ординатуре Ленинградского мединститута им. Мечникова. В 1975–1980-е гг. работала в Республиканской санэпидстанции врачом-эпидемиологом. В 1980 г. назначена главным эпидемиологом Министерства здравоохранения республики. В 1990 г. приступила к созданию учреждения нового типа по защите населения от СПИДа, который возглавляла до 2004 г. — до выхода на пенсию.

За годы работы в системе здравоохранения занималась организацией работы диагностических лабораторий, написала много методических и научных статей для медработников. Постоянно вела профилактическую работу среди населения, обучала медицинские кадры, а также принимала активное участие в общественной жизни республики, была членом I Великого Хурала (Съезда) народов республики в 1996–1998 годы.

Литературное творчество ее началось ещё в школьные годы, когда она писала стихи, пьесы. В 1994 году в сборнике тувинских писателей «Часкы хөөннер» («Весенние мотивы») были опубликованы ее рассказы «Кайгамчык ужуралдар» («Таинственные встречи») на тувинском языке, после чего она вступила в члены Ассоциации женских писателей Тувы, стала лауреатом премии им. Донгак Барыкаан (1995).

Роман «Дороги Серебряных шаманок» был опубликован в 2011 г. в г. Москва. В 2019 г. — переиздан.

В настоящее время автор живет в г. Москва (Ламажаа А. М. Автобиография, см.: НА ТИГПИ, РФ, № 6549).

Итак, во-первых, и прежде всего, рассматриваемый нами автор является представителем культуры, знающим стихию кочевой жизни изнутри. Во-вторых, она является наследницей шаманского рода. В-третьих, у нее рано появились творческие способности. В-четвертых, профессиональная деятельность ее была связана с проблемой охраны здоровья населения и позволила объездить всю республику, общаться с жителями всех районов и представителями самых разных профессий. Женская проникательность, кочевнический менталитет, шаманский дар, приобретенные профессиональные знания и квалификация врача — все это определило формирование творческой индивидуальности писателя А. Ламажаа.

Тем не менее трудовая биография, а также определенные условия развития литературы в советское время не позволяла ей заниматься полноценно литературным творчеством, вспоминать с ностальгией о прошлом своего рода. Поэтому свободно писать художественные произведения она стала в зрелом возрасте — с начала 1990-х годов. За два десятка лет А. М. Ламажаа успела развить свои литературные приемы, поэтому в ее творчестве можно выделить два этапа: ранний период — начало 1990-х годов и зрелый — начало второго десятилетия нового века.

Произведения А. М. Ламажаа написаны в форме объективизированного повествования, т. е. от третьего лица. Тем не менее, в образе автора-повествователя просматривается, на наш взгляд, образ главной героини, который определяет своеобразный биографизм ее прозы.

В соответствии с развитием главных сюжетных линий произведений А. М. Ламажаа, мы выделили четыре этапа эволюции образа женщины кочевой культуры, которые определили дальнейшую структуру статьи: зарождение — становление — трансформация — утверждение образа. Эти этапы соответствуют эволюции от образа женщины-защитницы природы; женщины-хранительницы традиционных ценностей семьи; женщины-хранительницы традиционных ценностей рода и до образа женщины современной формации, хранительницы исторической памяти рода и этноса на евразийском пространстве.

Зарождение образа женщины-защитницы природы

Цикл рассказов А. М. Ламажаа «Таинственные встречи» состоит из трех произведений: «Чер-Ээзи» («Дух земли»), «Бойдустуң кыйгызы» («Зов природы»), «Каргыштыг салымнар» («Проклятые судьбы»)¹. Не случайно первоначально автор определила единый жанр для них как повесть, состоящую из трех историй. Действительно, эти встречи-истории объединяет автор-повествователь, который делится воспоминаниями о своем детстве, кочевом образе жизни, истории своего рода.

Обращение к традициям кочевого образа жизни с позиций их переосмысления в начале 1990-х годов стало частью процесса национального возрождения, возрождения национального самосознания народов России. В последующие годы, как отмечают литературоведы, она получила развитие в концепции воплощения идеи национальной идентичности в национальных литературах (Султанов, 2007: 36).

Цикл рассказов А. Ламажаа содержит идеи защиты природы, возвращения духовных святынь народа; призыв к возврату традиционных семейных ценностей кочевников.

В первом рассказе «Дух земли» поднимается проблема ломки сознания кочевников в условиях переустройства их образа жизни. Действие происходит в ранние советские годы, когда жестко запрещались и преследовались народные традиции, в том числе так называемое «черное знахарство». Герой рассказа, народный целитель Допчут не только прекратил лечить людей, но и разуверился в своих способностях, что приводит его в уныние. Он постепенно начинает пить и забывает народные традиции. Встреча с Духом-хозяином целебного источника *аржаана* была для него шокирующе отрезвляющей и помогла ему вспомнить наказы своего деда о живительной силе священного источника и о пользе шаманского дара. Он расчищает русло *аржаана*, «оживляет» его, чтобы люди могли им пользоваться как раньше, излечивает свою больную дочь и возвращается к нормальному образу жизни животновода. В рассказе есть упоминание о традиции — народном выборе самой прилежной девочки, которой разрешается первой набирать и раздавать священный *аржаан* людям. Мы видим здесь зачатки образа женщины — защитницы природы, женщины традиционной кочевой культуры.

Во втором рассказе «Зов природы» уже определяется индивидуальный стиль автора (с тоской по родным кочевьям, по романтике чабанского труда и искренним родственным взаимоотношениям). Такая авторская позиция помогает создать реалистичный, типичный, но в то же время очень теплый образ женщины кочевой культуры. В первом издании (в сборнике 1994 г.) рассказ был посвящен всем женщинам-чабанам и матерям Тувы, а в переведенном на русский язык варианте (в издании 2019 г.) автор конкретизирует свое посвящение светлой памяти родной сестры Саарбай Момбужаевны. Образ главной героини Саарбай, созданный на основе прототипа из реальной жизни, как искреннее желание автора художественно отобразить быт чабанов — удачная находка для создания правдивого образа женщины кочевой культуры.

Сюжет повествует о нескольких днях из жизни чабанки, хозяйки большого семейства животноводов из племени *чооду* на летнем стойбище, близ озера Кара-Холь, расположенного на южных отрогах Танну-Ола. Саарбай — трудолюбивая женщина с независимым и гордым характером. Она борется за спасение скота местной породы от чиновничьего произвола. Действия происходят в 1960–1970-е годы, во время реорганизации совхозов в советской Туве, когда ошибочные волонтаристские методы начальства по замене местной породы скота на заводскую приводили к потерям поголовья и значительным проблемам для животноводческих хозяйств. Ожесточенное противостояние осложняет жизнь Саарбай. Выйти из трудного положения помогает ... ее сон о встрече с Духом-хозяином озера Синим быком. Он вселяет в ее душу оптимизм и помогает преодолеть все преграды, продолжить труд чабана.

Описание живописных картин природы, сезонных перекочевков, юношеских игр в бой быков чередуется с удивительными легендами и мифами о Духе-хозяине озера Синем быке. В данном рассказе образ Саарбай олицетворяет цельный образ женщины-защитницы природы, домашнего скота, семейных ценностей кочевой культуры.

Третья история «Проклятые судьбы» об особых шаманских способностях, о мистической истории и проклятии поколений шаманского рода имеет более разветвленную и сложную сюжетную линию. В начале 1990-х годов, когда создавалось данное произведение, эта ранее запретная тема в тувинской

¹ Ламажаа А. М. Кайгамчык ужуралдар [Таинственные встречи] // Часкы хөөннер. Тоожулар, чечен чугаалар. Тыва чогаалчыларның чыынды ному [Весенние мотивы. Повести и рассказы. Сборник тувинских писателей]. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. 192 ар. Ар. 5–70. (На тув. яз.).

литературе только начинала осмысливаться и обращение к нему начинающего прозаика было новым и смелым шагом.

В центре повествования история современной женщины-врача и ее дочери, которые являются частью рода Серебряных шаманок. Композиция произведения построена таким образом, что в каждом отдельном рассказе открывается судьба разных поколений женщин шаманского рода — Старшей матери, Младшей матери, дочери Сайлык, внучки Павлины и окружающих их людей. События современности переплетаются с таинственной историей проклятых судеб рода, история которых идет из глубины древности. В ходе повествования автором о перипетиях судьбы женщин воспоминания, видения, сны и мистические обряды причудливо чередуются с реальными событиями жизни главной героини Сайлык. Такая композиция становится характерным художественным приемом в творчестве А. Ламажаа (и как мы увидим далее — раскроются в более крупном произведении). В остросюжетном повествовании о судьбе рода Серебряных шаманок в данном произведении, по сути дела, были обозначены контуры сюжетных линий будущего романа писателя.

Кульминация сюжета наступает, как и в предыдущих рассказах, во время встречи главных героев с Духом-хозяином местности, в данном случае с Духом-хозяином горы Богаалыг на родовом святилище Серебряных шаманок. Дух-хозяин горы Богаалыг подсказывает им пути преодоления многовекового противостояния между шаманами-мужчинами и шаманами-женщинами. В результате их ожесточенной духовной борьбы с черным шаманом, олицетворяющим род шаманов-мужчин, происходит развязка. Раскрывается тайна проклятия рода и род Серебряных шаманок побеждает.

Главная художественная особенность третьего рассказа — повествование, синтезирующее реалистические и мистические сюжеты. Для анализа художественных приемов, использованных в произведениях А. Ламажаа при осмыслении шаманской психологии, на наш взгляд, более всего применима теория неомифологизма. Выдающийся исследователь мифологии народов мира Е. М. Мелетинский, подчеркивая важнейшую особенность неомифологизма в романе XX века, отмечает теснейшую его связь с универсальной психологией подсознания (Мелетинский, 2006: 296). Реалистическая канва жизни современных героев чередуется с мистическими сюжетными линиями, связанными с описанием таинственных обрядов и посвящений тувинского шаманского рода.

Сюжетные линии произведения призваны отразить эволюцию образа женщины кочевой культуры через судьбу нескольких поколений рода — эволюцию образа женщины кочевой культуры. Причем мы видим возвращение женщин, оторвавшихся от традиций кочевой культуры, получивших светское образование, ставших горожанками — к тому, что составляет для женщин культуры главное: неукоснительное соблюдение традиций рода, поддержание преемственности шаманского дара, понимание одухотворенности природы, поддержка тесных родственных связей и обеспечение благополучия своим потомкам.

Таким образом, в цикле рассказов «Таинственные встречи» А. Ламажаа мы наблюдаем зарождение образа женщины кочевой культуры, женщины-защитницы природы, традиций семьи и рода. Здесь были заложены основные идеи, образы и художественные приемы в творчестве А. Ламажаа. В том числе переосмысление мифов и легенд о Духах-хозяевах местности, которые были широко распространены в фольклорной традиции тувинцев (Мифы, легенды, предания тувинцев, 2010). Это придает авторским рассказам характер подлинной народности. С любовью воссозданные автором пейзажные зарисовки с поэтическими описаниями их образных названий передают особенности ландшафта определенной местности: горная система Танну-Ола — Драконов хребет, гора Мойнактыг или Богаалыг (ср. с др.-тюрк. *пәгээ* — женское нагрудное украшение-оберег) — гора с «воротником»; Кара-Холь — Черное озеро; Ак-Бедик — Белая Вершина и т. д. Эти названия соответствуют вполне реальной топонимике юго-восточных территорий Убсунурской котловины, где издавна проживают тувинские племена *чооду*, *соян*, *шалык*, *оюн*.

Становление образа женщины-защитницы шаманского рода

Роман «Дороги Серебряных шаманок» — крупное произведение А. Ламажаа, написанное на русском языке и вышедшее в 2011 г.¹ в московском издательстве и переизданное также в Москве в 2019 г.² (фото 2). Во второе издание также вошли в новой редакции рассказы «Таинственные встречи», переведенные автором — с тувинского на русский язык.

¹ Ламажаа А. М. Дороги Серебряных шаманок. Роман. М. : Изд-во ООО НИПКЦ «Восход-А», 2011. 260 с.

² Ламажаа А. М. Дороги Серебряных шаманок. Роман. Рассказы. 2-е изд. М. : ООО «4 Принт», 2019. 305 с.

ДОРОГИ
СЕРЕБРЯНЫХ
ШАМАНОК

Фото 2. Обложка второго издания романа
«Дороги Серебряных шаманок» 2019 г.

Photo 2. Cover of the second edition
of "The Roads of the Silver Shamanesses", 2019.

Проживая на малой родине, А. Ламажаа писала свои произведения на родном тувинском языке, а, переехав жить в Москву, начинает писать свой роман на русском языке. Выбор автором русского языка, языка межнационального общения, вероятно, был связан с возможностью обращения к более широкой читательской аудитории и расширением ее мировоззренческого взгляда на евразийском уровне.

Замысел о создании истории рода Серебряных шаманок автор начала осуществлять, как мы упоминали, еще в рассказе «Проклятые судьбы». Продолжение художественного осмысления истории шаманского рода в жанре романа, которое созревало в течение длительного времени, говорит о важности и судьбоносном значении этой истории в жизни и творчестве А. Ламажаа. Тоска по кочевью, которая определила общий пафос романа, была заложена в сознании и душе автора — в самой истории ее рода.

Основная сюжетная линия романа ведется в форме объективизированного повествования. Здесь в образе главной героини, на наш взгляд, прорисовывается образ автора. Правда, временные рамки в романе чуть сдвинуты от хронологии ее реальной жизни, что вполне допустимо для художественного произведения. Благодаря продуманному соотношению жизненной правды и художественного вымысла, создавая художественную реальность, писателю удалось воссоздать в чем-то романтическую, в чем-то мистическую, но в целом настоящую историю жизни главной героини.

Если взять содержание романа в целом, то в нем рассказывается о судьбе наследницы потомственного

шаманского рода и о людях, которых она встречала на жизненном пути. Внучка шаманок в советской Туве стала врачом, ей нельзя использовать свой дар, хотя было предназначено связать судьбу с другим шаманским родом и продолжить дело своих предков, передать его сыну.

Судьбы трех поколений рода Серебряных шаманок — прабабушки Ак-Баштыг — Белоголовой, бабушки Мөнгүн-Баштыг — Сереброголовой, внучки Чайнмаа (Получившая Дар) — отражают в романе историю рода и линию их преемственности.

Роман охватывает события жизни трех поколений тувинцев-кочевников, которые происходили в переломные периоды истории Тувы в XX веке, начиная с периода Тувинской Народной Республики и до 2000-х годов. В ходе развития сюжетных линий географические границы романа постепенно расширяются — действия происходят в Туве: сначала на родовом стойбище племени *чооду*, у реки Арысканныг, затем в сумонах Ушынаа, Берт-Даг, в районном центре Самагалтай, городе Кызыле; далее продолжают за пределами Тувы: в городе Иркутск, на озере Байкал, на острове Ольхон и заканчиваются мистическими путешествиями героев из крепости Пор-Бажын в восточной части Тувы в святые места Тибета, к священной горе Кайлас.

Роман состоит из 4-х частей, в которых разворачивается несколько сюжетных линий, раскрывающих историю жизни многочисленных персонажей, встречающихся на жизненном пути главной героини. Однако в данной статье мы ограничимся только анализом основной сюжетной линии, связанной с образом главной героини романа.

В первой части романа «Серебряные шаманки» повествуется о детских годах жизни главной героини в окружении родных из рода Серебряных шаманок в годы ТНР. Однажды на перевале при трагических обстоятельствах — в момент гибели отца — рождается девочка Чайнмаа. Она растет под неусыпным присмотром матери Долааны и бабушки Сереброголовой шаманки. У неё проявляются необычные способности: в состоянии транса она умеет летать, общаться с птицами и животными, предвидеть

будущие события. В возрасте пяти лет она получает от своей бабушки первое шаманское посвящение, это дает возможность скрывать от окружающих свой дар. Во время обряда посвящения от бабушки она узнает историю рода. Из воспоминаний родственников девочка узнает о пророчестве прабабушки Ак-Баштыг — Белоголовой шаманки, которая предсказала о больших переменах в жизни кочевников в новом 60-летнем цикле. Эти пророчества сбываются во многих эпизодах жизни Чаянмы с 1940 по 2000 годы.

Жизнь девочки сначала проходит в окружении первозданной природы, в детских играх с подругами, в общении с любимыми домашними животными. Красочные зарисовки из жизни животноводов на разных сезонных стоянках, а также описание свадьбы тети Танаа — певуньи и всеобщей любимицы в первой части романа изобилуют этнографическими подробностями, передают атмосферу жизни тувинских чабанов, их быт, обычаи и семейные традиции.

Беззаботные, счастливые будни девочки прерывает внезапно нагрянувший на население района мор — эпидемия. Это случилось в 1945 году. Так, Чаянмаа теряет почти всех родных, остается только с бабушкой и старым дядей. Девочка сама еле выжила после болезни, возможно, благодаря покровительству духа шаманского помощника — птицы Улар (горной индейки). Старики говорили, что от заразных болезней иногда помогают народные средства — корни растения *чуксугбай* (феруловидная щетинистая), а также мясо, кости, лапы священной птицы Улар. Упоминания о повторяющихся время от времени (примерно через 20, 40 лет) эпидемиях периодически возникают в дальнейшем повествовании. Очевидно, что эти сюжеты о заразных болезнях были написаны на основе реальных фактов из жизни автора. В дальнейшем этот факт определит выбор ею профессии врача-эпидемиолога.

Сумонный чиновник Баазан-дарга обвиняет бабушку в том, что именно она вызвала мор запрещенными камланиями. Начинаются трудные времена — люди стали сторониться их семьи. Шаманка распускает свой род и решает откочевать с близкими людьми в таежное урочище.

В этой части романа наряду с образом Чаянмаа важное место занимает образ бабушки Серебряголовой шаманки. В нем воплощены главные черты характера женщины-шаманки — мудрость, негибкость, достоинство, верность традициям шаманского рода. Особая забота о благополучии семьи, рода; обожествление родовых святилищ, неуклонное соблюдение шаманских обрядов — всем этим ценностям она обучает следующее поколение женщин кочевой культуры в лице своей внучки Чаянмаа.

Еще один интересный женский образ романа — певунья Танаа. Ее природный музыкальный дар здесь соотносится с необычными способностями рода Серебряных шаманок и влияет на формирование характера Чаянмаа. По мнению исследователей шаманизма, в прошлом таланты знатока фольклора, поэта и музыканта были взаимосвязаны и рассматривались как необходимая часть шаманских способностей, которым наделяли шамана духи-покровители (Новик, 1984: 60; Кенин-Лопсан, 1987: 109; Басилов, 1995: 36). Тот факт, что необычные способности шаманов в традиционном тувинском обществе, из рода которого обычно выходят певцы, музыканты, исполнители горлового пения и т. д., объясняет взаимосвязанность, органичность этих способностей в судьбе человека. Общность истоков шаманского дара и художественного таланта, характеризующая своеобразие национального менталитета тувинцев, составляет одну из главных особенностей образа женщины кочевой культуры и его эволюции.

Так, главная героиня романа Чаянмаа вырастала в окружении любящих женщин, каждая из которых обладала особыми способностями. И все детские воспоминания полны насыщенных ярких образов, счастья и природы, что безусловно сделало тему возвращения к истокам — важнейшей сюжетной линией романа.

Трансформация образа женщины кочевой культуры на изломе эпох

Во второй части романа «Время перемен» повествуется о кардинальных переменах в жизни тувинского общества, которые охватывают период с 1945 по 1964 годы. После вхождения Тувы в состав СССР идет активный процесс советизации традиционного тувинского общества. Кочевники переходят к оседлому образу жизни. Все эти перемены отразились и в судьбе главной героини романа Чаянмы.

В таежном урочище, в родовой пещере старая шаманка делает внучке второе тайное посвящение и помогает установить личного покровителя-эзрена — священную птицу Улар. Через два года Чаянмаа теряет оставшихся родных: дядя умирает, а бабушку под лозунгом борьбы с религиозными пережитками из личной мести преследует местный чиновник. Нагрянув в их юрту, два всадника на

глазах девочки жестоко избивают шаманку и увозят в неизвестном направлении. Девочку спасает в пещере от неминуемой гибели бабушкина кормилица коза. Затем ее находит и увозит Болат-честей, муж Танаа. Семья тети скрывает девочку у себя, удочеряют под новым именем Нюра. Так начинается жизнь девочки у приемных родителей среди двоюродных братьев и сестер.

Идет коллективизация, араты вступают в колхозы, начинается новая жизнь в строящемся селении Ушынаа. В 1948 г. Нюра начинает учиться в начальной школе Ушынаа, потом в сумоне Берт-Даг, а далее в районном центре, селе Самагалтай. За годы учебы в разных местах она проходит школу выживания: привыкание к оседлой жизни; предательство подруги; трудности интернатской жизни и т. д. На этом пути она, помимо этих утрат, приобретает новые знания. Учительница из Ленинграда Зоя Константиновна, заметив способности девочки к учебе, поддерживает ее во всем — обучает русскому языку, прививает любовь к чтению, интерес к русской культуре. Ее дружба с учительницей, подругой Манькай, одноклассником Буяном помогает ей пережить испытания. Она успешно заканчивает школу и поступает в Иркутский медицинский институт на санитарный факультет.

Будучи студенткой, она с подругой Люсей Чернышевой подрабатывает проводником на железнодорожных маршрутах. На её пути встречаются учителя, от которых она узнает о религиозных знаниях — священник Н. Н. Свиридов; профессор, философ Ф. И. Дроздов; учитель Суфий Хаджи Мурза Джамал. Она также узнает Лубсана, будущего спутника своей жизни, внука бурятской шаманки, встреча с которым определит дальнейшую ее судьбу. Вторая часть романа заканчивается шаманским посвящением на Байкале, на острове Ольхон, и это связывает их судьбы.

Традиционные семейные ценности в данной части романа отражаются в тесных взаимоотношениях героини с родственниками — приемной семьей, которые хранят память о роде Серебряных шаманок, чтят их традиции.

Общие перемены меняют и образ жизни главной героини, и ее роли: трудолюбивая приемная дочь, глубоко привязанная к домашним животным, к братьям и сестрам, становится примерной школьницей, затем целеустремленной студенткой, обретает новых верных друзей и духовных учителей, укрепляет свои необычные способности с помощью современных знаний. Благодаря внутреннему стержню в характере, воспитанному родом Серебряных шаманок, она достойно преодолевает испытания судьбы. Учится на врача, чтобы продолжить благородный путь Серебряных шаманок — помогать всем страждущим. Она становится равноправным членом современного советского общества.

Этот художественный образ и его взросление на фоне трансформации общества, потери и приобретения — показывают типичный путь, который прошла почти вся тувинская интеллигенция первого поколения.

Утверждение образа женщины-хранительницы исторической памяти рода в изменяющемся мире

Третья часть романа «Бремя перемен» охватывает события жизни главной героини в советский период, с 1964 по 1990-е годы, а четвертая — «Тайна Пор-Бажына» — в годы перестройки и постсоветский период, с 1991 по 2000-е годы. В них повествуется о зрелых годах жизни советского врача.

После окончания медицинского института героиня возвращается на родину в Туву и начинает работать врачом. Ее возлюбленный Лубсан, мистически соединенный с нею уже в предыдущих поколениях, погибает, не увидев своего сына. Тот должен стать наследником этого дара. Аня возвращает себе свое прежнее имя — Толуй Чайнмаа Болатовна, посвящает свою жизнь духовному служению обоих шаманских родов — своего и мужа, чтобы передать его сыну Санату.

Чайнмаа работает врачом-эпидемиологом, часто выезжает в командировки по районам Тувы. Несмотря на запреты, угрожающие лишением диплома советского врача, она продолжает также помогать людям своими необычными способностями. Однажды ее врачебная служба сталкивает ее с давним злодеем, который увез ее бабушку Сереброголовую шаманку. Используя свои шаманские способности, она добивается от него признания о содеянном убийстве, находит место трагической гибели бабушки и проводит обряд шаманского прощания.

Родственники Чайнмы, друзья детства — учитель Буян и певица Манькай, следуя традиции взаимовыручки, помогают ей преодолеть жизненные невзгоды. Сын вырастает и поступает на исторический факультет Иркутского госуниверситета, где учился его отец Лубсан. Происходящие в стране перемены ведут его по пути студента-философа, послушника Иволгинского дацана Бурятия, а далее судьба гонит его в Индию. Однако с тех пор он пропадает на долгие годы без вести.

В трудные времена начала 1990-х годов Чаянмаа долго и тщательно ищет сына, выхаживает друга Буяна, попавшего в аварию. В полном неведении, от долгого ожидания пропавшего без вести сына она тяжело заболевает, но не теряет надежду найти его.

Четвертая часть романа в основном посвящена взаимоотношениям матери и сына. Исчезновение Саната; его нахождение в плену; встреча с Аюмэй, наследницей древнего рода тибетских царей, владеющей силой Воина Света; история их любви и т. д. — все эти таинственные перипетии лишь слегка приоткрывают сюжетную линию новых продолжателей линии преемственности — Воинов Света. Путь Воина Света означает исповедование одновременно религии бон и буддизма под защитой Дхармы для служения человечеству.

Спустя десять лет после расставания с матерью Санат возвращается в Туву вместе с женой Аюмэй и маленьким сыном Детсуном. Чаянмаа выздоравливает, растит внука. Наконец-то выходит замуж за Буяна, который любил ее и ждал всю жизнь, чем обрадовал Саната, давно считавшего Буяна своим воспитавшим отцом. Духовная миссия обязывала сына и невестку уехать и продолжить путь Воинов Света. Перед отъездом они со всей семьей совершают мистическое путешествие через портал, находящийся на озере Тере-Холь, где стоит разрушенная уйгурская крепость Пор-Бажын. Перед этим Санат рассказывает историю крепости, ее правителей, а также историю борьбы адептов древних верований бон, манихейства, тэнгрианства. Чаянмаа с детьми через портал в районе крепости Пор-Бажына совершает путешествие в Тибет, на священную гору Кайлас, где она получает последнее посвящение, которое предвидела бабушка Сереброголовая шаманка.

Сын с женой уехали, но спустя несколько лет он вернулся, так как Аюмэй погибла, повторив судьбу Лубсана. Она пожертвовала своей жизнью во имя сохранения жизни любимого, который своим существованием, как пишет автор, обеспечивает баланс энергий на целом континенте и обязан жить долго, пока не подрастет смена. Через письмо Аюмэй Чаянмаа узнает тайну ее самопожертвования, а также дальнейшую судьбу сына и внука. Санат женится на подруге детства, дочери Манькай — Эртинэ, у них рождается дочка. Он открывает в Кызыле свое дело — курсы восточной астрологии и тибетской медицины, где работает временами и сама Чаянмаа.

Показывая преобразования судьбы женщины из древнего тувинского шаманского рода и превращения ее в женщину нового общества, автор демонстрирует перемены в мировоззрении человека, духовное развитие.

Роман заканчивается на родных кочевьях Чаянмаа, на берегу реки Арысканныг, куда она приезжает вместе с родными в летнее время. Размышления врача и шаманки о прежней жизни кочевников и тревога за судьбы современных чабанов не дают покоя её душе. Она приходит к мысли, что возвращение к истокам возможно только через глубокое осознание святынь родной земли, традиций предков, к которым новое поколение пойдет уже иной дорогой.

Перипетии судьбы героини в третьей и четвертой частях романа не останавливаются: она проходит и распад Союза, вступает вместе со всеми в новый мир... Но поиски путей выживания приводят ее к традиционным ценностям — взаимовыручка родственников, благополучие детей, верность заветам Серебряных шаманок. Её шаманские способности, таившиеся в душе, активизировались, чтобы поддержать сына. Тот находит новые пути для продолжения духовной миссии шаманского рода.

Образ женщины кочевой культуры новой формации тем не менее снова оказался связанным с традиционными устоями. Эволюция образа Чаянмы замыкается в форме круга: внучка шаманки — приемная дочь, сестра животноводов — мать-одиночка — бабушка шаманского рода; кочевница-шаманка — школьница — студентка — врач — целительница-шаманка.

Одним из главных художественных приемов в романе является использование автором символики, характерной для воссоздания кочевой модели мира, которой посвящены труды известного исследователя национального образа мира Г. Д. Гачева. В частности, говоря о символическом образе дороги, он выделяет особые символы дороги у кочевых народов: «всё моё ношу с собой», «дорога — путь спасения души» (Гачев, 1998: 271, 293). Название романа «Дороги Серебряных шаманок» глубоко символично. Каждое слово проходит через роман как развитие главных сюжетных линий в эволюции образа женщины кочевой культуры. *Дороги*: кочевые, школьные, студенческие, врачебные, духовные; *шаманки*: Белоголовая шаманка, Сереброголовая шаманка; шаманка бурятского рода, бабушка Лубсана; продолжатели рода шаманок — Чаянмаа, Лубсан, Санат, Аюмэй; *серебро*: род Серебряных шаманок, Пик Серебряный, плетка с серебряной рукояткой Духа-хозяина горы и т. д. Символические образы *птиц* как покровители природы и шаманского рода также проходят через все творчество А. Ламажаа:

два журавля, павлин, имена героинь — Кушкаш (Птица), Сайлык (Трясогузка), Павлина; Улар, Орел, Феникс...

Таким образом, в романе «Дороги Серебряных шаманок» автор углубляет идеи, образы и художественные приемы, которые были заложены в ее раннем творчестве. Эволюция образа главной героини и сюжетные линии ведут к раскрытию новых смыслов, нового содержания и новых форм. Автор средствами реалистического и мистического изображения действительности осуществляет свой замысел — художественно воссоздает жизнь тувинских кочевников в XX веке через творческое воплощение образа женщины кочевой культуры.

Заключение

Творчество А. М. Ламажаа представляет новое слово в современной тувинской прозе. В числе многих писателей, таких как М. Б. Кенин-Лопсан¹, о творчестве которого мы писали (Самдан, 2019), она обратилась к ранее малоосвещенной теме судьбы шаманов. Впервые женщина-писатель воссоздает в жанре романа образ женщины тувинской кочевой культуры, вводит приемы сложной композиции, творчески использует художественную символику. В своем творчестве раннего периода она органически использует приемы фольклоризма, а в зрелом — приемы неомифологизма.

Судьба женщин тувинской культуры XX века повторила негативные и позитивные стороны развития истории Тувы. И этот параллелизм, взаимопереплетение показала А. М. Ламажаа.

Ускоренный переход к оседлости привел к весьма печальным последствиям: нарушению экологии, опустевшим пастбищам, вырубке деревьев, засохшим рекам, сокращению поголовья местного скота; разрушению хозяйств. Для людей это привело к переменам в образе жизни, разрывам поколений, утратам членов семей. Тувинцев накрывала депрессия, ломались судьбы... Тем не менее, главные ценности остались и вернулись к нам. В том числе это произошло благодаря тувинским женщинам, которые оказались не просто сильными, но и мудрыми. И А. М. Ламажаа показала это в художественном преломлении. Как видим, произведения А. М. Ламажаа — это художественная летопись истории Тувы, исповедь женщины-врача, писателя не только о своей жизни, но и о жизни всех тувинцев XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анайбан, З. В. (2005) Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. М. : Институт востоковедения РАН. 243 с.
- Анжиганова, Л. В. (2016) Женский мир. Традиционные смыслы и новые вызовы. Абакан : Изд-во Хакасского государственного университета. 98 с.
- Басилов, В. Н. (1995) Посвящение во сне (рассказ узбекского музыканта) // Шаманизм и ранние религиозные представления / отв. ред. Д. А. Функ. М. : ИЭА РАН. 272 с. С. 36–48.
- Биче-оол, С. М. (2018) Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их трансформация в советский период. Абакан : Журналист. 128 с.
- Гачев, Г. Д. (1998) Национальные образы мира : курс лекций. М. : Издательский центр «Академия». 432 с.
- Доржу, З. Ю. (2008) Женщины Тувы: от прошлого к будущему. Кызыл: Изд-во ТывГУ. 184 с.
- История Тувы (2016) : в 3 т. / под общ. ред. Н. М. Моллерова. Новосибирск : Наука. Т. III. 455 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (1987) Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск : Наука. 164 с.
- Мелетинский, Е. М. (2006) Поэтика мифа. 4-е изд., репр. М. : Восточная литература. 407 с.
- Мифы, легенды, предания тувинцев (2010) / сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск : Наука. 372 с.
- Москаленко, Н. П. (2004) Этнополитическая история Тувы в XX веке. М. : Наука. 222 с.
- Новик, Е. С. (1984) Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М. : Восточная литература. 304 с.
- Самдан, З. Б. (2019) Модификация архетипического образа тувинского шамана в творчестве М. Б. Кенин-Лопсана // Новые исследования Тувы. № 3. С. 158–171. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>

¹ Кенин-Лопсан, М. Б. Читкен уруг [Исчезнувшая девушка]: Роман. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 2000. 416 с. (На тув. яз.); Кенин-Лопсан, М. Б. Судьба шаманки: Роман. Абакан: ООО «Кооператив “Журналист”», 2016. 176 с.

Султанов, К. К. (2007) *От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог*. М. : Наука. 302 с.

Юсуфов, Р.Ф. (1985) *Общность литературного развития народов СССР в дооктябрьский период*. М. : Наука. 267 с.

Юсуфов, Р. Ф. (1996) *Историософия и литературный процесс: средние века и новое время*. М. : Наследие. 300 с.

Юсуфов, Р. Ф. (2008) *Об истории литератур народов России // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития. (Материалы Международной научной конференции) (28–30 ноября 2005 г., Москва) / редкол.: Ю. Я. Барабаш, В. А. Бахтина. М. : ИМЛИ РАН. 472 с. С. 54–67.*

Дата поступления: 05.06.2020 г.

REFERENCES

Anaiban, Z. V. (2005) *Zhenshchiny Tuvy i Khakasii v period rossiiskikh reform [Women of Tuva and Khakassia in the period of reforms in Russia]*. Moscow, Institut vostokovedeniia RAN. 243 p. (In Russ.).

Anzhiganova, L. V. (2016) *Zhenskii mir. Traditsionnye smysly i novye vyzovy [Women's world. Traditional meanings and new challenges]*. Abakan, Publishing house of State University. 98 p. (In Russ.).

Basilov, V. N. (1995) *Posviashchenie vo sne (rasskaz uzbekskogo muzykanta) [Initiation in a dream: a story by an Uzbek musician]*. In: *Shamanizm i rannye religioznye predstavleniia [Shamanism and early religious beliefs]* / ed. by D. A. Funk. Moscow, IEA RAN. 272 p. Pp. 36–48. (In Russ.).

Biche-ool, S. M. (2018) *Traditsionnye brachno-semeinye otnosheniya u tuvintsev i ikh transformatsiya v sovetskii period [Traditional matrimonial and family relations among the Tuvans and their transformation during the Soviet era]*. Abakan, Zhurnalist. 125 p. (In Russ.).

Gachev, G. D. (1998) *Natsional'nye obrazy mira [National images of the world]: a course of lectures*. Moscow, Akademiia. 432 p. (In Russ.).

Dorzhu, Z. Yu. (2008) *Zhenshchiny Tuvy: ot proshlogo k budushchemu [Women of Tuva: from the past to the future]*. Kyzyl, TuvSU Publ. 184 p. (In Russ.).

Istoriia Tuvy [The History Of Tuva] (2016): in 3 vols. / ed. by V. A. Lamin. Novosibirsk, Nauka. Vol. 3. 455 p. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (1987) *Obriadovaia praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva. Konets XIX — nachalo XX v. [Ritual practice and folklore of Tuvinian shamanism. Late XIX — early XX century]*. Novosibirsk, Nauka. 165 p. (In Russ.).

Meletinskii, E. M. (2006) *Poetika mifa [The poetics of myth]*. 4th ed. Moscow, Vostochnaia literatura. 407 p. (In Russ.).

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends and tales of the Tuvans] (2010). Ed. by V. V. Illarionov. Novosibirsk, Nauka. 372 p. (In Russ.).

Moskalenko, N. P. (2004) *Etnopoliticheskaia istoriia Tuvy v XX veke [Ethnopolitical history of Tuva in the 20th century]*. Moscow, Nauka. 222 p. (In Russ.).

Novik, E. S. (1984) *Obriad i fol'klor v sibirskom shamanizme [Ritual and folklore in Siberian shamanism]*. Moscow, Vostochnaia literatura. 304 p. (In Russ.).

Samdan, Z. B. (2019) *Modifikatsiia arkhетипического образа tuvinskogo shamana v tvorchestve M. B. Kenin-Lopsana [Modifications of the archetypal image of the Tuvan shaman in the works of M. B. Kenin-Lopsan]*. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 158–171. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.13>

Sultanov, K. K. (2007) *Ot Doma k Miru: etnonatsional'naia identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog [From the home to the world: ethnonational identity in literature and intercultural dialogue]*. Moscow, Nauka. 302 p. (In Russ.).

Yusufov, R. F. (1985) *Obshchnost' literaturnogo razvitiia narodov SSSR v dooktiabr'skii period [Common features of the development of literatures of the peoples of the USSR in the pre-October period]*. Moscow, Nauka. 267 p. (In Russ.).

Yusufov, R. F. (1996) *Istoriiosofiia i literaturnyi protsess: srednie veka i novoe vremia [Historiosophy and the literary process: the Middle Ages and modern times]*. Moscow, Nasledie. 300 p. (In Russ.).

Yusufov, R. F. (2008) *Ob istorii literatur narodov Rossii [On the history of literature of the peoples of Russia]*. In: *Mezhdunarodnye Lomidzevskie chteniia. Izuchenie literatur i fol'klora narodov Rossii i SNG [International Lomidze readings. Study of literature and folklore of the peoples of Russia and the CIS: Theory. History. Problems of modern development]*. Proceedings of the International scientific conference (November 28–30, 2005, Moscow / editorial board: Yu. Ia. Barabash and V. A. Bakhtina. Moscow, IMLI RAN. 472 p. Pp. 54–67. (In Russ.).

Submission date: 05.06.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.17

Материалы Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 и 1953 гг. на негативах из собрания Кунсткамеры

Надежда А. Станулевич

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Российская Федерация

В статье даны основные сведения о коллекциях негативов (число кадров, тип используемой пленки, полнота научного описания предметов), отснятых Е. Д. Прокофьевой и А. Д. Грачом в 1952 и 1953 гг. в составе Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции Академии наук СССР. Источниковой базой исследования стали сведения из книги поступления Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, коллекционные описи, публикации собирателей коллекций. Статья вводит в научный оборот информацию о коллекциях негативов и некоторые изображения, характеризующие основное сюжеты съемки.

Рассматриваются вопросы о внесении изменений в исходные изображения (кадрирование, изменение контрастности) исследователями для публикаций полевых материалов. Выявлены и систематизированы материалы, которые были опубликованы собирателями, и те негативы, что оставались без внимания с момента создания.

Обозначены тематические блоки в коллекциях негативов Е. Д. Прокофьевой и А. Д. Грача: археологическая, этнографическая и антропологическая съемка; рабочие моменты экспедиции; индивидуальные и групповые портреты; пейзажная съемка; экспозиция Тувинского областного краеведческого музея.

Основной проблемой в научном изучении коллекций стала краткость описаний, которые составляли собиратели при регистрации своих материалов, отсутствие информации о фотографах, редкость перечисления лиц на групповых снимках.

Ключевые слова: Тува; Кунсткамера; тувинцы; Екатерина Дмитриевна Прокофьева; Александр Данилович Грач; история тувиноведения; фотография; фотографическая коллекция; негатив; музейная коллекция; культурное наследие

Для цитирования:

Станулевич Н. А. Материалы Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 и 1953 гг. на негативах из собрания Кунсткамеры // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 240–252. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.17

Станулевич Надежда Алексеевна — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории музейных технологий Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Тел.: +7 (904) 556-16-68. Эл. адрес: nadstanul@kunstkamera.ru

STANULEVICH, Nadezhda Alexeevna, Candidate of History, Junior Research Fellow, Laboratory of Museum Technologies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences. Postal address: 3 Universitetskaya Emb., 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation. Tel.: +7 (904) 556-16-68. E-mail: nadstanul@kunstkamera.ru

ORCID ID: 0000-0001-5726-9690

Expeditionary negatives of Tuva in the Kunstkamera collection, 1952 and 1953

Nadezhda A. Stanulevich

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS, Russian Federation

The article presents an overview of the collection of photographic negatives (the number of frames, the type of film used, and the completeness of the scientific description of objects) taken by E. D. Prokofieva and A. D. Grach in 1952 and 1953 as part of the Tuvan team of the Sayan–Altay expedition of the Academy of Sciences of the Soviet Union. Our study relies on the information from the record of entry at the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, its inventories and the collectors' publications. The article introduces the collection of negatives, focusing specifically on some images characteristic of the main shooting scenes.

We also examine some issues of probable tampering with the original images, such as cropping or changing contrast, when field materials were being prepared for publication. Also identified and classified are both the materials which have been published and those negatives that were not included in any publications.

The article marks thematic clusters in E. D. Prokofieva's and A. D. Grach's negatives collections, such as archaeological, ethnographic and anthropological surveying; everyday work of the expedition; individual and group portraits; landscapes; and collections of the Tuvan regional museum.

The main challenges for our study were the brevity of the labelling and description of the materials as they were registered by the collectors, the lack of information about photographers, and the group shots which rarely listed those in the photo.

Keywords: *Tuva; Kunstkamera; Tuvans; Ekaterina Dmitrievna Prokofieva; Alexandr Danilovich Grach; history of Tuvan studies; photography; photography collection; negative; museum collection; cultural heritage*

For citation:

Stanulevich N. A. Materialy Tuvinskogo otriada Saiano-Altayskoi ekspeditsii 1952 i 1953 gg. na negativakh iz sobraniia Kunstkamery [Expeditionary negatives of Tuva in the Kunstkamera collection, 1952 and 1953]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 240–252. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.17

Введение

В первой половине 1950-х гг. отряды Саяно-Алтайской экспедиции Академии наук СССР проводили активные археологические, этнографические и антропологические исследования на территории Тувы. Полученные ими материалы о быте и культуре тувинцев стали источниковедческой основой для дальнейших исследований, толчком для развития тувиноведения, связанного с именами таких ученых, как С. И. Вайнштейн, Л. П. Потапов, В. П. Дьяконова, Е. Д. Прокофьева, П. И. Каралькин и др. (Вайнштейн, 1961, 1972, 2009; Дьяконова, 1975; Каралькин, 1960; Потапов, 1969; Прокофьева, 2011, см.: Иргит, 2013).

В документации Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее — МАЭ) эта группа исследователей получила название «Тувинских отрядов» с уточнением по сезонам, проведенным в поле. Дневники полевых исследований, описи материалов и негативы со съемок во время экспедиции хранятся в Научном архиве, Отделе учета и Негатеке МАЭ. В данной публикации будут рассмотрены коллекции негативов общим числом в 2103 кадра, привезенных Е. Д. Прокофьевой и А. Д. Грачом в 1952 и 1953 гг., как наиболее яркие иллюстративные материалы, полученные Тувинским отрядом. Интересующие нас экспедиции смогли собрать удивительно много информации о традиционной жизни тувинцев, коллективизации, экономических и социальных преобразованиях в Туве (Кисель, 2012) во второй половине XX в.

Этнограф Екатерина Дмитриевна Прокофьева (1902–1978) возглавляла в 1952, 1953 и 1955 гг. так называемый Тувинский отряд под начальством Леонида Павловича Потапова (1905–2000), руководителя Ленинградской части Института Этнографии АН СССР (Кисель, 2011b: 20). В этот период были совершены первые разведывательные маршруты по труднодоступным районам Западной Тувы, сос-

тавлены археологические карты, впервые открыты многочисленные скопления петроглифов и большая серия древнетюркских каменных изваяний (Савинов, Длужевская, 1998: 8). Для археолога Александра Даниловича Грача (1928–1981) сезон 1953 г. определил его дальнейший научный интерес — изучение древностей Тувы (Грач, 1961а, 1980).

Целью данной статьи является введение в научный оборот информации о коллекциях негативов Тувинского отряда за 1952 и 1953 гг., выявление особенностей использования изображений в качестве иллюстраций к научным трудам членов экспедиций.

В представленной публикации впервые приводится систематизация фотографических материалов по тематическому признаку, благодаря которой проведена переатрибуция изображений, относящихся к индивидуальным и групповым портретам, в том числе и участников экспедиций.

Источниковой базой исследования является коллекции негативов и учетная документация МАЭ (Книги поступления, коллекционные описи), иллюстрации из рукописей и опубликованных работ А. Д. Грача и Е. Д. Прокофьевой.

Общие характеристики коллекций негативов

Е. Д. Прокофьева осуществила работу по регистрации негативов из экспедиции сезона 1952 г. спустя три года — в январе 1955 г., сформировав коллекцию с учетным обозначением МАЭ И 1612. Негативы из экспедиции 1953 г. были зарегистрированы ею в два этапа — в декабре 1954 г. и декабре 1955 г.: коллекции МАЭ И 1600 и МАЭ И 1611 — соответственно.

А. Д. Грач провел регистрацию негативов в коллекцию МАЭ И 1595 в октябре 1954 г., а также в феврале 1955 г. — МАЭ И 1617.

В сезоне 1952 г. Е. Д. Прокофьева использовала для фотосъемки пленку ФЭД формата 35 мм (2,4×3,6 см), отсняв 447 кадров. В следующем экспедиционном сезоне на пленку того же типа было снято 299 и 591 кадр в коллекциях МАЭ И 1600 и МАЭ И 1611 — соответственно.

Коллекции МАЭ И 1595, МАЭ И 1617 состоят из 510 и 256 черно-белых негативов на пленке, с которой работал А. Д. Грач. В первом случае для съемки была использована фотопленка формата 6×9 см, а во втором — разных форматов: 9×12 см, 13×18 см и пленка ФЭД 35 мм (2,4×3,6 см).

Каждому снимку А. Д. Грач дал краткое описание. Тексты к негативам, сохранившиеся в описях собирателя, формальны и не являются развернутыми; они не передают полное содержание изображенного сюжета. Тем не менее, за годы научной работы исследователь ввел в научный оборот наибольшее число материалов, отснятых в своей первой экспедиции.

Подписи, сделанные Е. Д. Прокофьевой, отличаются от подписей ее младшего коллеги полнотой описания и наличием дополнительной информации, позволяющей не только точно атрибутировать предметы, но и составить представление о собранном материале.

В коллекционных описях А. Д. Грача и Е. Д. Прокофьева числятся собирателями материалов. Указание обоих исследователей в качестве фотографов для соответствующих коллекций не представляется на данный момент возможным, так как требует внимательного изучения каждого кадра с учетом присутствующих на фотографиях лиц, а также той информации, что в ряде археологических маршрутов в качестве фотографа в 1953 г. выступал сотрудник Института этнографии АН СССР Алексей Васильевич Маторин (Грач, 1955: 402).

Основные сюжеты в коллекциях А. Д. Грача и их использование в публикациях собирателя

Значительная часть негативов, зарегистрированных А. Д. Грачом, отображает археологическую работу на территории Западной Тувы. В 1953 г. отрядом было открыто два новых каменных изваяния на территории Монгун-Тайгинского кожууна. Изображения фигур¹ с оградками было представлено в соответствующей публикации исследователя (Грач, 1955). Также было дообследовано ранее неопубликованное изваяние на территории сумона Бай-Тал, открытое Л. П. Поповым в 1949 г. (там же: 402). Последний памятник на момент работы отряда состоял уже из нескольких частей. Голова изваяния

¹ Изваяния № 1: рис. 1 — МАЭ И 1595-56, рис. 2 — МАЭ И 1617-52, рис. 3 — МАЭ И 1595-54; изваяние № 2: рис. 8 — МАЭ И 1595-161, рис. 9 — МАЭ И 1595-133, рис. 10 — МАЭ И 1595-160, согласно нумерации иллюстраций в статье (Грач, 1955).

была позднее доставлена в Ленинград, стала частью коллекции Кунсткамеры и была зарегистрирована под номером МАЭ № 6119. А. Д. Грач сделал снимки этой части памятника уже в 1954 г. по прибытии в музей¹.

Помимо реконструкции облика в случае разрушения изваяния, отряд устанавливал его первоначальное местоположение, в ситуации, когда на месте было ясно, что объект был перемещен ранее. Так, каменное изваяние, по описаниям А. Д. Грача находившееся «в степи Манайлыг-Хову (приблизительно на полпути между Шеми-Аксы и Чыргакы-Аксы)» (там же: 420), было перемещено. Находка места предыдущей установки изваяния происходила следующим образом, описанным в публикации исследователя. «Идя по глубокому следу, мы обнаружили яму, в которой некогда было вкопано изваяние (расстояние – около 100 м от тракта). Надо думать, что изваяние подобно подавляющему большинству памятников этого рода в момент первоначальной своей установки было обращено лицом на восток» (там же). Лежащая на земле каменная фигура была заснята с разных ракурсов², яма со следом от основания изваяния запечатлена на негативе МАЭ И 1595-238 (фото 1). Помимо описанных выше каменных статуй, А. Д. Грач в публикации 1955 г. привел изображения фигур, которые были открыты другими экспедициями ранее, а Тувинским отрядом обследовались повторно.

Разведывательные работы 1953 г. позволили А. Д. Грачу и его коллегам зафиксировать местоположение могильников, наскальных изображений разных исторических эпох и создать должную базу для планирования работ комплексной стационарной экспедиции (Грач, 1980: 13). Негативы из коллекций МАЭ И 1595, МАЭ И 1617 были использованы их собирателем как богатый иллюстративный материал для публикации о петроглифах Тувы (Грач, 1957). При анализе подписей к изображениям к данной статье нами было выявлено, что часть из них³ не имеет номеров коллекций МАЭ. В типографских подписях имеется лишь указание на принадлежности к музейному собранию МАЭ. На данном этапе исследования можно предположить, что негативы или отпечатки, с которых были сделаны эти иллюстрации, являются частью либо других коллекций, в том числе МАЭ, либо находятся среди полевых материалов А. Д. Грача в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН, РО, ф. 66)⁴.

Фото 1. Место, где было установлено каменное изваяние в степи Манайлыг-Хову, на полпути между Шеми-Аксы и Чыргакы-Аксы. Фото А. Д. Грача (?), 1953 г. МАЭ И 1595-238.
Photo 1. The location where a stone statue was placed in the Manaylyg-Khovu steppe, midway between Shemi-Aksy and Chyrgaky-Aksy. Photo by A. D. Grach (?). 1953. MAE I 1595-238.

¹ МАЭ И 1617-254, МАЭ И 1617-255.

² МАЭ И 1595-233÷236, МАЭ И 1617-60÷64.

³ Таблицы XXVIII–XXXII, согласно нумерации в статье (Грач, 1957).

⁴ На момент публикации фонд находится в процессе научно-технической обработки сотрудниками архива.

А. Д. Грач активно публиковал материалы экспедиции 1953 г. в своих научных статьях и монографиях (Грач, 1955, 1957, 1961а, 1980). Подписи под опубликованными фотографиями служат источником информации для атрибуции негативов, опись к которым была составлена весьма кратко (МАЭ РАН, опись коллекции МАЭ И 1595, опись коллекции МАЭ И 1617). Так становится известно, об авторстве некоторых кадров, включенных в качестве иллюстраций для издания о каменных изваяниях Тувы (Грач, 1955). При этом А. Д. Грач использует формулировку «фото автора»¹, либо указывает, что снимок был сделан его коллегой А. Д. Маториным. В ходе работы с музейными коллекциями были выявлена техническая ошибка при указании в публикации 1955 г. двух изображений из коллекции МАЭ И 1617-51 и МАЭ И 1617-53, которые получили неверную индексацию. А именно, рис. 4а ошибочно подписан как МАЭ №И-1617-51, а рис. 4б — МАЭ №И-1617-53 (там же: 405). Сличение изображений из публикации и отсканированных негативов показало, что рис. 4а соответствует негативу МАЭ И 1617-53, рис. 4б — МАЭ И 1617-51.

Результаты этой экспедиции в дальнейшем были использованы А. Д. Грачом для проведения комплексного археологического исследования памятников различного времени на территории Тувы, по результатам которого им была написана монография (Грач, 1961а), защищенная в качестве кандидатской диссертации (Грач, 1961б; см. также: Савинов, Длужевская, 1998: 8).

Фото 2. Участники Саяно-Алтайской экспедиции рядом с каменным изваянием в степи Манайлыг-Хову, на полпути между Шеми-Аксы и Чыргакы-Аксы. Фото А. Д. Грача (?), 1953 г. МАЭ И 1595-237.
 Photo 2. Members of the Sayan-Altai expedition near the stone statue in the Manaylyg-Khovu steppe, midway between Shemi-Aksy and Chyrgaky-Aksy. Photo by A. D. Grach (?), 1953. MAE I 1595-237.

¹ Фотографии, подписанные как работы А. Д. Грача: рис. 1 — МАЭ И 1595-56, рис. 3 — МАЭ И 1595-54, рис. 6 — МАЭ И 1595-59, рис. 7 — МАЭ И 1595-153, рис. 8 — МАЭ И 1595-161, рис. 9 — МАЭ И 1595-133, рис. 10 — МАЭ И 1595-160, рис. 11 — МАЭ И 1595-142, рис. 12 — МАЭ И 1595-144, рис. 14 — МАЭ И 1595-478, рис. 18 — МАЭ И 1595-234, согласно нумерации иллюстраций в статье (Грач, 1955: 403, вклейка 404-405, 408, 410, 412, 412, 413, 414, 415, 417, 421).

Фотографии, подписанные как работы А. В. Маторина: рис. 2 — МАЭ И 1617-52, рис. 4а — МАЭ 1617-53, рис. 4б — МАЭ И 1617-51, рис. 15 — МАЭ И 1617-199, рис. 16а — МАЭ И 1617-196, рис. 16б — МАЭ И 1617-197, рис. 17 — МАЭ И 1617-194, согласно нумерации иллюстраций в статье (Грач, 1955: 404, 405, 405, 418, 419, 419, 420).

Фото 3. Женщины (слева Е. Д. Прокофьева) на фоне Облисполкома в городе Кызыл. Фото А. Д. Грача (?), 1953 г. МАЭ И 1595-222.
 Photo 3. Women (E. D. Prokofieva on the left) in front of the building of the regional Executive committee, Kyzyl.
 Photo by A. D. Grach (?), 1953. MAE I 1595-222.

Фото 4. Каменная стела на археологической экспозиции Тувинского областного краеведческого музея.
 Фото А. Д. Грача (?), 1953 г. МАЭ И 1617-241.

Photo 4. A stone stele on display at the archaeological exposition of Tuvan Oblast' Regional Museum.
 Photo by A. D. Grach (?), 1953. MAE I 1617-241.

Тем не менее, неопубликованными остаются те кадры, на которых запечатлены сюжеты отличные от археологических работ, обследований территорий и видов местностей, курганов и т. п. Нам хотелось бы упомянуть тематические блоки в коллекциях, не относящиеся к основному роду деятельности экспедиций. В коллекции МАЭ И 1595 — это рабочие моменты в деятельности Тувинского отряда экспедиции (фото 2), индивидуальные и групповые портреты (фото 3), снимки этнографического характера, пейзажная съемка. Исследователям различного профиля могут быть интересны фотографии, на которых запечатлены члены экспедиционного отряда, в том числе А. Д. Грач¹ и Е. Д. Прокофьева². Такие портреты были определены после сканирования материалов и визуального осмотра каждого кадра, в связи с отсутствием упоминания о фотографируемых лицах в описях коллекций МАЭ И 1595 и МАЭ И 1617, оформленных А. Д. Грачом. В коллекции МАЭ И 1617, помимо перечисленных выше тематических блоков, присутствуют снимки музейных предметов в экспозиции Тувинского областного краеведческого музея³ (фото 4).

Предпечатная обработка иллюстративных материалов, на примере использования негативов А. Д. Грача в его публикациях

Необходимо отметить особенности работы с исходными негативами или фотографическими отпечатками для публикации их в изданиях второй половины XX в.

Для научных статей было возможным значительное кадрирование части изображения с целью уменьшения количества лишних деталей и фокусировки внимания читателя на объекте исследования. Имело место и работа с контрастностью всего изображения или его частей. На итоговой

¹ А. Д. Грач на групповых портретах: МАЭ И 1595-11, МАЭ И 1595-12, МАЭ И 1595-47, МАЭ И 1617-93. Индивидуальные портреты А. Д. Грача: МАЭ И 1595-13, МАЭ И 1595-165, МАЭ И 1595-218.

² Е. Д. Прокофьева на групповых портретах: МАЭ И 1595-11, МАЭ И 1595-12, МАЭ И 1595-40, МАЭ И 1595-41, МАЭ И 1595-42, МАЭ И 1595-43, МАЭ И 1595-222, МАЭ И 1595-226, МАЭ И 1595-232, МАЭ И 1595-237, МАЭ И 1595-508, МАЭ И 1617-94, МАЭ И 1617-95.

³ В настоящее время — Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

*Фото 5. Наскальные изображения на отрогах Чуруктуг-Кырлан. Фото А. Д. Грача, 1953 г. МАЭ И 1595-266.
Photo 5. Rock carvings on the Chyryktug-Kyrlan. Photo by A. D. Grach, 1953. MAE I 1595-266.*

*Фото 6. Изображение из публикации А. Д. Грача (Грач, 1957: лист-вклейка, табл. I).
Photo 6. An image from one of A. D. Grach's publications (Grach, 1957; Plates, table 1).*

иллюстрации это — чаще выявление, подчеркивание важных деталей. В большинстве случаев черно-белые изображения в публикациях второй половины XX в. имели ярко выраженную зернистость и несбалансированную контрастность, что приводило к ухудшению восприятия публикуемых фотографий. Хотя за неимением лучшего, такой иллюстративный материал был единственным визуальным источником. Качество изображений также могло ухудшаться от публикации к публикации,

Фото 7. У стелы с изображениями древнетюркского времени.
Долина реки Каргы, к северо-западу от села Мугур-Аксы.
Фото А. Д. Грача, 1953 г. МАЭ И 1595-59.
Photo 7. At the stela with Old Turkic images, valley of the Kargy
river, North-west from Mugur-Aksy village. Photo by A. D. Grach,
1953. MAE I 1595-59.

Фото 8. Изображение из публикации А. Д. Грача 1955 г.
(Грач, 1955: 408).
Photo 8. An image from one of A. D. Grach's publications
(Grach, 1955: 408).

если каждый раз для получения типографского клише не использовался первоначальный негатив, либо не использовалось одно и то же клише, что затруднительно в случае временного разрыва между публикациями, изданиями в типографиях различной подчиненности и использования негативов, являющихся частью музейных коллекций.

Собрания негативов, зарегистрированные А. Д. Грачом и позднее опубликованные им, наглядно демонстрируют описанные выше особенности работы с полевыми материалами. Например, кадрирование и увеличение контрастности изображений (фото 5) для публикации в статье о петроглифах Тувы (Грач, 1957) обосновано, так как фотографии должны были четко отражать содержание наскальных изображений (фото 6).

Для А. Д. Грача в экспедиции 1953 г. каменные изваяния оказались более сложными объектами для съемки. На большинстве снимков рядом с каменными фигурами, оградками или плитами оказывались люди, лошади или фон был не совсем удачным для передачи деталей древних памятников. Поэтому чаще всего эти снимки при подготовке к публикации подвергались кадрированию.

Так, снимок с изображением стелы в долине реки Каргы (фото 7) для печати в Сборнике Музея антропологии и этнографии (Грач, 1955: 408), был кадрирован — вырезана фигура спешившегося всадника и изменена контрастность области вокруг стелы. При этом качество печати не позволило

четко обозначить границы между стелой и фигурой лошади, на фоне которой заснят древний памятник (фото 8), в отличие от современного цифрового изображения, которые мы получаем путем сканирования и обращения исходного негатива в позитивное изображение.

Основные сюжеты в коллекциях Е. Д. Прокофьевой и их использование в публикациях собирателя

Частота использования Е. Д. Прокофьевой материалов, снятых ею и её коллегами в экспедициях 1952–1953 гг., не столь представительна, как у А. Д. Грача.

Восемь фотографий с этнографическими и советскими сюжетами были опубликованы исследовательницей в «Кратких сообщениях Института этнографии АН СССР» (Прокофьева, 1955). Некоторые кадры из первых экспедиций Тувинского отряда стали частью иллюстративного аппарата монографии Е. Д. Прокофьевой «Процесс национальной консолидации тувинцев», которая была написана в 1957 г. Но этот труд, уточняющий и дополняющий этнографию тувинцев, остался неизданным, так как Л. П. Потапов отказал Прокофьевой в публикации рукописи. Также ей было предложено «прекратить изучение Тувы и вернуться к исследованиям селькупов» (Кисель, 2011b: 25). Исследователи связывают такую судьбу рукописи с конкуренцией в научной сфере. Фундаментальный труд Е. Д. Прокофьевой был опубликован полвека спустя в серии монографий «Кунсткамера — Азия» (Прокофьева, 2011), благодаря кропотливой работе В. А. Киселя по редактуре и восстановлению фрагментов рукописи, хранящейся в Научном архиве МАЭ (Архив МАЭ РАН, ф. К-1, оп. 1, д. 560–562).

Поскольку в рукописи отсутствует много фотографий и рисунков (об этом пишет В. А. Кисель: Кисель, 2011a: 11–12), то публикация монографии в 2011 г. была дополнена фотографиями из архива МАЭ и из упоминавшейся выше статьи исследовательницы (Прокофьева, 1955). Из 32 фотографий, используемых в монографии, к коллекциям, зарегистрированным лично Е. Д. Прокофьевой, относится

Фото 9. Восемилетний сын пастуха-оленевода Миша едет на олене на учебу в колхозный поселок. Тоджинский кожуун, тайга Удеген. Фото Е. Д. Прокофьевой, 1952 г. МАЭ И 1612-118.

Photo 9. Misha, an eight-year-old son of a reindeer herder rides a deer to his school at a kolkhoz settlement. Todzhu kozhuun, Udegen taiga. Photo by Ye. D. Prokofieva, 1952. MAE I 1612-118.

Фото 10. Ак Тингмэ — охотница-соболятница колхоза «1 Мая». Тоджинский кожуун.

Фото Е. Д. Прокофьевой, 1952 г. МАЭ И 1612-299.

Photo 10. Ak Tingme, a sable hunter of the "May 1" kolkhoz. Todzhu kozhuun.

Photo by Ye. D. Prokofieva, 1952. MAE I 1612-299.

Большинство портретов, сделанных Е. Д. Прокофьевой, представляют собой антропологическую съемку, описание к которым интересно и историкам, и этнографам. Так серия женских портретов из коллекции МАЭ И 1612 показывает нам основные типы, особенности костюма, является рядовым антропологическим материалом, отличается художественным почерком фотографа и дополняется информативными текстами в описи. Из документов становится известно, что в охотничьей бригаде колхоза «1 Мая» работало 13 женщин. Из них четверо лучших охотниц — Ак Чезибан, Ак Тингмэ (фото 10), Ак Маримаа и Ак Оханды «были «допущены» к самому сложному промыслу — охоте на соболя» (МАЭ РАН, опись коллекции МАЭ И 1612, л. 39).

Женщины промышляли первую, более простую половину охотничьего сезона (с 25 октября по 20 декабря) на оленях (МАЭ РАН, опись коллекции МАЭ И 1612, л. 37).

8 снимков¹; зарегистрированным А. Д. Грачом — 7². Редакторы монографии использовали две фотографии³ из публикации Прокофьевой и наибольшее число фотографий — 15 — было взято из Научного архива МАЭ.

Говоря об этнотематике коллекций фото-негативов, полученных Е. Д. Прокофьевой, стоит отметить, что ее материалы иллюстрируют разные стороны жизни тувинцев. Это и традиционные занятия кочевого населения (оленоводство, охота) и новые реалии жизни советской Тувы. Часто на снимках встречаются изображения домашнего скота — овец, коров, лошадей и оленей.

Нисколько не умаляя научной ценности и уникальности в своем роде фотографий Е. Д. Прокофьевой, нужно отметить, что содержание коллекций несет на себе отпечаток советской эпохи. Это выражается, прежде всего, в большом количестве снимков, которые были призваны отражать результаты советской модернизации села и выделять новых героев социалистического строительства. Ход истории вносил свои коррективы в образ жизни тувинцев. На кадрах из экспедиций можно увидеть неспешное влечение новых реалий в привычный уклад жизни. И описания к негативам в коллекционных описях Е. Д. Прокофьевой как нельзя лучше демонстрируют этот контраст наряду с визуальным материалом. Например, в поле зрения объектива попадает Миша Параан — восьмилетний сын пастуха-оленовода, который едет с пастбищ через тайгу Удеген на олене в тувинскую начальную школу в колхозе «Советская Тува» (фото 9; МАЭ РАН, опись коллекции МАЭ И 1612, л. 17).

¹ Рис. 6 — МАЭ И 1612-396, рис. 7 — МАЭ И 1612-60, рис. 15 — МАЭ И 1612-186, рис. 41 — МАЭ И 1612-343, рис. 42 — МАЭ И 1612-337, рис. 54 — МАЭ И 1612-388, рис. 55 — МАЭ И 1612-389, рис. 57 — МАЭ И 1612-390 согласно нумерации иллюстраций в монографии (Прокофьева, 2011: 209, 213, 219, 312, 314, 436, 437, 438).

² Рис. 25 — МАЭ И 1595-103, рис. 28 — МАЭ И 1595-351, рис. 29 — МАЭ И 1595-149, рис. 38 — МАЭ И 1595-404, рис. 43 — МАЭ И 1595-241, рис. 44 — МАЭ И 1595-391, рис. 45 — МАЭ И 1595-491 согласно нумерации иллюстраций в монографии (Прокофьева, 2011: 289, 294, 294, 309, 316, 318, 320) и учетной документации МАЭ.

³ Рис. 32 и рис. 60 согласно нумерации иллюстраций в монографии (Прокофьева, 2011: 297, 446).

Помимо фотографий местных жителей, в коллекциях, собранных Е. Д. Прокофьевой, имеются групповые и одиночные портреты членов Тувинского отряда 1952–1953 гг.¹

Заключение

Состав коллекций фотографических негативов из Саяно-Алтайских экспедиций 1952 и 1953 гг., их характеристики, позволяют заключить, что материалы имеют большую научную и культурную ценность, поскольку изображения отличаются своей репрезентативностью и информативностью.

Проблемой в изучении коллекций негативов является недостаток информации о фотографах, изображенных сюжетах и лицах, отсутствие точной датировки, краткость описаний, недостаток информации об использовании изображений в публикациях исследователей.

Сопоставив исходные негативы из коллекций МАЭ с изображениями, опубликованными А. Д. Грачом и Е. Д. Прокофьевой, были внесены предложения по изменению названий негативов, как музейных предметов. В ходе работы был определен ряд сюжетов, работа с которыми требует обращения к полевым архивным материалам. В процессе составления научных описаний негативов были выявлены тематические блоки, имеющие научный потенциал с точки зрения историографии изучения Тувы и с учетом ранее опубликованных исследований о научной деятельности А. Д. Грача и Е. Д. Прокофьевой.

Переосмысление советских сюжетов в фотографической съемке, введение в научный оборот ранее неопубликованных портретов научных деятелей, рабочих моментов экспедиционной работы, расширение источниковой базы по краеведению за счет использования редких экспедиционных кадров, публикация экспедиционных материалов с использованием современных возможностей полиграфии представляются наиболее перспективными в дальнейшей работе с материалами Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции из собрания Кунсткамеры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М. : Наука. 218 с.
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 315 с.
- Вайнштейн, С. И. (2009) Загадочная Тува. М. : Домашняя газета. 416 с.
- Грач, А. Д. (1955) Каменные изваяния западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугу) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. XVI. 461 с. С. 401–431.
- Грач, А. Д. (1957) Петроглифы Тувы, I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. XVII. 541 с. С. 385–428.
- Грач, А. Д. (1961a) Древнетюркские изваяния Тувы. М. : Издательство восточной литературы. 96 с.
- Грач, А. Д. (1961b) Древнетюркские изваяния Тувы: по материалам исследований 1953–1960 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М. 138 с.
- Грач, А. Д. (1980) Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука. 256 с.
- Дьяконова, В. П. (1975) Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука. 164 с.
- Иргит, Ч. К. (2013) Периодизация истории этнографического изучения тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 3. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/221> (дата обращения: 07.05.2020).
- Каралькин, П. И. (1960) Жилище в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1955–1956 гг. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. Т. I. 312 с. С. 267–283.
- Кисель, В. А. (2011a) Предисловие // Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с. С. 9–12.

¹ А. Д. Грач на групповых портретах: МАЭ И 1611-58, МАЭ И 1611-65, МАЭ И 1611-67, МАЭ И 1611-112, МАЭ И 1611-117, МАЭ И 1611-165, МАЭ И 1611-166, МАЭ И 1611-310, МАЭ И 1611-311, МАЭ И 1611-358, МАЭ И 1611-366, МАЭ И 1611-367, МАЭ И 1611-449. Индивидуальные портреты А. Д. Грача: МАЭ И 1611-6, МАЭ И 1611-56, МАЭ И 1611-237, МАЭ И 1611-254, МАЭ И 1611-298÷306, МАЭ И 1611-357, МАЭ И 1611-359, МАЭ И 1611-514.
Е. Д. Прокофьева на групповых портретах: МАЭ И 1611-65, МАЭ И 1611-67, МАЭ И 1611-358, МАЭ И 1612-52. Индивидуальные портреты Е. Д. Прокофьевой: МАЭ И 1611-57, МАЭ И 1611-66, МАЭ И 1611-361, МАЭ И 1611-513.

Кисель, В. А. (2011b) Забытый исследователь Тувы // Прокофьева Е. Д. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с. С. 13–27.

Кисель, В. А. (2012) Тува в судьбе этнографа Е. Д. Прокофьевой [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/336/665> (дата обращения: 07.05.2020).

Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.

Прокофьева, Е. Д. (1955) Некоторые этнографические данные о тувинцах западных районов Тувинской автономной области // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 23. С. 3–18.

Прокофьева, Е. Д. (2011) Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. : Наука. 538 с.

Савинов, Д. Г., Длужевская, Г. В. (1998) Этапы жизни ученого // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача. г. Санкт-Петербург, декабрь 1998 г. / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб. : Культ-информ-пресс. 304 с. С. 7–9.

Дата поступления: 15.05.2020 г.

REFERENCES

Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tozhu tuvans: historical and ethnographic essays]*. Moscow, Nauka. 218 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (1972) *Istoricheskaiia etnografiia tuvintsev. Problemy kochevogo khoziaistva [Historical Ethnography of Tuvans. Problems of nomadic economy]*. Moscow, Nauka. 314 p. (In Russ.).

Vainshtein, S. I. (2009) *Zagadochnaia Tuva. [The mysterious Tuva]*. Moscow, Domashniaia gazeta, 416 p. (In Russ.)

Grach, A. D. (1955) Kamennye izvaianiia zapadnoi Tuvy (K voprosu o pogrebal'nom rituale tugiu) [Stone statues of the West Tuva: on the Tugu burial ritual Tugu]. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Vol. XVI. 461 p. Pp. 401–431. (In Russ.)

Grach, A. D. (1957) Petroglify Tuvy, I. (Problema datirovki i interpretatsii, etnograficheskie traditsii) [Petroglyphs in Tuva. Part I. The problems of dating, interpretation and ethnographic traditions]. In: *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]*. Vol. XVII. 541 p. Pp. 385–428. (In Russ.)

Grach, A. D. (1961a) *Drevnetiurkskie izvaianiia Tuvy [Ancient Turkic statues of Tuva]*. Moscow, Vostochnaya literature Publ. 96 p. (In Russ.)

Grach, A. D. (1961b) *Drevnetiurkskie izvaianiia Tuvy: po materialam issledovaniia 1953–1960 gg. [Ancient Turkic statues of Tuva: based on research materials collected in 1953–1960]*. Diss. ... Candidate of History. Moscow. 138 p. (In Russ.)

Grach, A. D. (1980) *Drevnie kochevniki v tsentre Azii [Ancient nomads in Central Asia]*. Moscow, Nauka. 256 p. (In Russ.).

D'iakonova, V. P. (1975) *Pogrebal'nyi obriad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskii istochnik [The funeral rite of the Tuvans as a historical and ethnographic source]*. Leningrad, Nauka. 164 p. (In Russ.)

Irgit, Ch. K. (2013) Periodizatsiia istorii etnograficheskogo izucheniia tuvintsev [Periodization of the history of ethnographical study of Tuvans]. *The New Research of Tuva*, no. 3 [online] Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/221> (access data: 07.05.2020).

Karal'kin, P. I. (1960) Zhilishche v Zapadnoi Tuve [Housing in Western Tuva]. In: *Trudy Tuvinskoi kompleksnoi arheologo-etnograficheskoi ekspeditsii 1955–1956 gg. [Tuva complex archaeological and ethnographic expedition of 1955–1956]*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. I. 312 p. Pp. 267–283. (In Russ.)

Kisel', V. A. (2011) Predislovie [Preface]. In: Prokof'eva E. D. *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The Process of National Consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. Pp. 9–12. (In Russ.)

Kisel', V. A. (2011) Zabytyi issledovatel' Tuvy [A forgotten researcher of Tuva]. In: Prokof'eva E. D. *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The Process of National Consolidation of the Tuvans]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. Pp. 13–27. (In Russ.)

Kisel', V. A. (2012) Tuva v sud'be etnografa E. D. Prokof'evoi [Tuva in anthropologist E. D. Prokofieva's doom]. *New Research of Tuva*, no. 2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/336> (access data: 07.05.2020).

Potapov, L. P. (1969) *Ocherki narodnogo byta tuvintsev [The Tuvans: sketches of the folk lifestyle and related household activities]*. Moscow, Nauka, GRVL. 402 p. (In Russ.).

Prokofieva, E. D. (1955) Nekotorye etnograficheskie dannye o tuvintsakh zapadnykh raionov Tuvinskoi avtonomnoi oblasti [Some ethnographical data about Tuvans in west regions of Tuva]. In: *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii AN SSSR [Short reports of Institute of Ethnography]*. Vol. 23. Pp. 3–18. (In Russ.)

Prokof'eva, E. D. (2011) *Protsess natsional'noi konsolidatsii tuvintsev [The Process of National Consolidation of the Tuvas]*. St. Petersburg, Nauka. 538 p. (In Russ.).

Savinov, D. G. and Dluzhevskaya, G. V. (1998) Etapy zhizni uchenogo [Stages of scientist's life]. In: *Drevnie kul'tury Tsentral'noi Azii i Sankt-Peterburg [Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg]*: All-Russian conference (St. Petersburg, December, 1998): reports. St. Petersburg, Kul't-inform-press. 304 p. Pp. 7–9. (In Russ.)

Submission date: 15.05.2020.

DOI: 10.25178/nit.2020.3.18

Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы)

Юрий В. Попков

Институт философии права Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

В статье в дискуссионном порядке решаются три основные задачи: 1) дается содержательная интерпретация произошедшего в России этнологического поворота; 2) рассматриваются концептуальные основы, фундаментальные ориентиры и проблемные зоны современной российской государственной национальной политики; 3) обобщается опыт ее реализации на примере Республики Тыва путем экспликации содержащихся в официальных документах ориентиров национальной политики данного региона и дается оценка степени их соответствия реальным актуальным проблемам этносоциального развития республики.

Суть этнологического поворота состоит в переходе от примордиалистского к конструктивистскому подходу в трактовке этнического феномена и многих связанных с ним явлений. Это выразилось в замене «этноса» как базового понятия в исследовании данного феномена на «этничность», которая, по существу, сводится к этнической идентичности. Эффекты конструктивизма нашли отражение в стратегических ориентирах и программном обеспечении государственной национальной политики, которые несут на себе отпечаток серьезных проблем и противоречий этнологического поворота. В результате две фундаментальные для Стратегии государственной национальной политики проблемы, касающиеся концептов российской нации и этнокультурного многообразия с их акцентом на идентичность, оказались, по мнению автора, ограниченными и недостаточно проработанными.

Показано, что слабым местом Стратегии является отсутствие должного внимания к региональным особенностям этносоциального развития и игнорирование задачи по выделению базисных региональных моделей национальной политики. Установка на внедрение единых стандартов без учета регионального своеобразия формализует практическую работу и определяет формирование модели централизации национальной политики как доминирующей.

Каким образом и насколько полно особенности этносоциального развития современной Тувы и существующие проблемы отражаются в проводимой региональной национальной политике, ее целевых ориентирах и актуальных задачах? Автор делает вывод: содержание современных официальных программных документов по реализации национальной политики в республике в существенной степени формализовано, текстуально и содержательно больше соответствуют не особенностям этносоциального развития данного региона, а провозглашенным в Стратегии общим целевым ориентирам, в значительной степени базирующимся на конструктивистском концептуальном фундаменте. Такой подход снижает эффективность государственной региональной национальной политики.

Ключевые слова: этнологический поворот; национальная политика; этносоциальный процесс; этнокультурное многообразие; региональная политика; Россия; Тува

Для цитирования:

Попков Ю. В. Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы) // Новые исследования Тувы. 2020, № 3. С. 253–268. DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18

Попков Юрий Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: yuripopkov54@mail.ru

POPKOV, Yuri Vladimirovich, Doctor of Philosophy, Professor; Chief Researcher, Department of Social and Legal Studies, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolaev St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: yuripopkov54@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-1036-9253](https://orcid.org/0000-0002-1036-9253)

Contemporary Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva)

Yuri V. Popkov

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article discusses three main issues: 1) provides an interpretation of the nature of the ethnological turn in Russia; 2) examines the conceptual basics, fundamental guidelines and problem areas of state national policy in contemporary Russia; 3) summarizes the experience of its implementation in the Republic of Tuva by explicating the guidelines of the national policy of this region contained in official documents, also reviewing their compliance with the actual problems of ethnic and social development of the republic.

The essence of the ethnological turn consists in the transition from the primordialist to the constructivist approach in the interpretation of the ethnic phenomenon and other related phenomena. This is reflected in the change in the basic concept of the study, where 'ethnos' is replaced with 'ethnicity', which is basically reduced to ethnic identity. The effects of constructivism are reflected in the strategic guidelines and state national policy program, which bears the imprint of serious issues and contradictions of the ethnological turn. As a result, two fundamental problems for the strategy of state national policy, concerning the concepts of the Russian nation and ethnocultural diversity with their emphasis on identity, were limited and insufficiently developed.

The article shows the absence of the proper attention to regional peculiarities of ethnosocial development and ignoring the task of classifying basic regional models of national policy as the weak points of the strategy. The goal of implementing common standards without considering regional diversities formalizes practical work and determines the formation of a centralization model of national policy as its dominant.

How and to what extent are the features of the ethnosocial development and the existing problems of modern Tuva reflected in the current regional national policy, in its targets and current tasks? The author concludes that the content of contemporary programmatic documents on the implementation of national policy in the republic is largely formalized. Textually they correspond less to the ethnosocial development of the region, and more to the general objectives of the strategy, which are largely based on a constructivist concepts. This approach decreases the efficiency of the state regional national policy.

Keywords: *ethnological turn; national policy; ethnosocial process; ethnocultural diversity; regional police; Russia; Tuva*

For citation:

Popkov Yu. V. *Sovremennaya Rossiiskaya natsional'naya politika: kontseptual'no-tselevye osnovy i opyt realizatsii (na primere Tuvy)* [Contemporary Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience (the case of Tuva)]. *New Research of Tuva*, 2020, no. 3, pp. 253–268. (In Russ.). DOI: www.doi.org/10.25178/nit.2020.3.18

Введение

Государственная национальная политика в постсоветской России характеризуется неустойчивостью ее фундаментальных целевых установок и реального содержания, что определяется комплексом факторов. Среди них определяющее значение, на наш взгляд, имеют: во-первых, произошедшие в стране кардинальные экономические, политические и социокультурные трансформации 1990-х гг.; во-вторых, обусловленные этими трансформациями динамизм и неоднозначность этносоциальных процессов; в-третьих, изменчивость официально принимаемых базисных ориентиров государственной политики в этой области. Гораздо менее очевидными, но не менее значимыми, выступают концептуальные основания национальной политики — основополагающие теоретико-методологические установки во взглядах на ее содержание и роль в обществе, а также соответствующие представления о сути лежащего в основе данной политики этнического феномена, особенностей его проявлений, перспектив существования и места в общенациональном (гражданском) строительстве. Именно концептуальные основания определяют целевые установки официальных доктринальных документов, в соответствии с которыми выстраивается конкретная практика управления.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, принятая в 2012 г. и скорректированная в 2018 году¹ (далее — Стратегия), является в настоящее время основным документом, определяющим содержание данного направления внутренней политики госу-

¹ Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 13.02.2020).

дарства. На ее основе были приняты Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (2013 г.)¹ (далее — Федеральная программа) и Государственная программа «Реализация национальной политики» (2016 г.)² (далее — Государственная программа). Вместе они играют важную роль в развитии российского общества и сам факт их наличия заслуживают высокой положительной оценки.

Стратегия в целом выстроена в рамках определенной научной парадигмы, но и после приятых поправок в ней остаются серьезные проблемные зоны, противоречия и концептуальные пробелы, требующие серьезного обсуждения. Данную проблему нам уже приходилось подробно анализировать (из последних работ см.: Попков, 2019, 2020). В частности, мы отстаиваем целесообразность выделения базовых региональных моделей национальной политики (для разных типов регионов) в силу широкого разнообразия российских субъектов федерации и существующих здесь актуальных проблем в данной сфере.

Настоящее исследование представляет собой развитие ранее полученных автором концептуально значимых результатов в контексте возможностей их применения в реальной практике управления с учетом особенностей состояния и динамики конкретной этносоциальной ситуации. Основными задачами статьи являются: 1) выявление содержания произошедшего в постсоветский период этнологического поворота и эффекта его отражения в современной национальной политике России; 2) фиксация базисных концептуальных основ, фундаментальных ориентиров и проблемных зон современной российской государственной национальной политики; 3) экспликация содержащихся в официальных документах ориентиров современной государственной национальной политики Республики Тыва и оценка степени их соответствия реальным актуальным проблемам этносоциального развития региона. Республика Тыва выбрана в качестве объекта конкретного анализа, поскольку она по этносоциальным параметрам существенно отличается от «среднестатистического» региона России, поэтому для нее актуальными являются особые региональные ориентиры национальной политики, помимо содержащихся в Стратегии общецелевых установок.

Проблемы этносоциального развития Тувы находятся в поле зрения ученых не одно десятилетие. Подробному анализу основных этапов этносоциальных исследований посвящены специальные обобщающие статьи З. В. Анайбан (Анайбан, 2008) и Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2016). В них содержится важная информация о проблематике и организации данных исследований. Авторы, в частности, делают акцент на том, что эти исследования, начатые в 1970-х гг., проводились тувинскими коллегами изначально в сотрудничестве с новосибирскими, позднее и московскими этносоциологами. Из местных специалистов серьезный вклад в разработку данной проблематики в 1990-е гг. внесли З. В. Анайбан и Г. Ф. Балакина, прежде всего своими монографическими изданиями (Балакина, Анайбан, 1995; Анайбан, 1999). Позднее целую серию монографических работ по тувиноведению опубликовала Ч. К. Ламажаа (Ламажаа, 2008, 2010, 2013ab, 2018).

Отдельного упоминания заслуживает проведенный в Правительстве Республики Тыва в 1998 г. по приглашению З. Ю. Доржу международный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири». К участию в нем были привлечены многие тувинские исследователи. Его материалы опубликованы в объемном тематическом сборнике с тем же названием (Этносоциальные процессы ... , 2000). Помимо прочего в нем представлена разносторонняя характеристика современных этносоциальных процессов в Туве.

С 2009 г. главным периодическим научным изданием по тувиноведению, в том числе по рассматриваемой проблематике, является журнал «Новые исследования Тувы». С 2016 г. он начал выходить с обозначением специальной темы для каждого номера, и первый такой номер — № 2 — был посвящен этносоциальным процессам современной Тувы³. Следует назвать еще несколько тематических номеров, которые содержат важную информацию по разным аспектам этносоциальных исследований:

¹Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (дата обращения: 13.07.2020).

²Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 N 1532 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс] // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (дата обращения: 13.07.2020).

³<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/7>

«Проблемы экономической культуры и деловой этики тувинцев в XXI веке» (Новые исследования Тувы. 2018, № 2)¹, «Взаимосвязь этнокультуры, экономики, этнодемографических процессов в пространственном развитии Тувы» (Новые исследования Тувы. 2019, № 3)². В последнее время В. С. Кан опубликовала несколько статей, непосредственно касающихся этносоциальных процессов в Туве (Кан, 2015, 2016).

В отмеченных выше и других публикациях содержится обширная информация, дающая представление о современных этносоциальных процессах в Туве, существующих здесь противоречиях, проблемах и тенденциях.

Этнологический поворот и его проявление в российской национальной политике

Специалистам хорошо известно, что, начиная с 1990-х гг., стараниями влиятельного в научных и политических кругах В. А. Тишкова и его сторонников-конструктивистов в отечественной социогуманитаристике произошел кардинальный поворот в изучении этнического феномена. Свою задачу академик изначально видел в пропаганде и внедрении конструктивистской методологии и ревизии советской теории этноса, к которой он относится крайне негативно и обозначает её «так называемой» (Тишков, 2018: 10). По его признанию, он решал вполне определенную задачу: «...собственными трудами я старался хоронить советский этнопримордиализм» (Тишков и др., 2020: 121). В итоге базовое понятие советской этнографии «этнос» было выведено из ее оборота и заменено на «этничность», которая, по сути, сводится к «этнической идентичности» (Малахов, 2001: 108; Тишков и др., 2020: 114). Сам В. А. Тишков феномен этничности также трактует как одну из форм коллективной идентичности (Тишков, 2016: 5). Даже гражданская нация у него есть не что иное, как форма коллективной идентичности³.

Начало этнологического поворота ознаменовалось официальной заменой этнографии на этнологию, что нашло отражение в изменении и названия главного в Академии наук СССР института, занимающегося изучением этнических проблем. Как пишет академик в статье с названием, отражающим суть отмеченного поворота,

«этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями. Этому способствовали развитие самого научного знания и более полная информированность отечественных специалистов о мировом научном контексте» (Тишков, 2016: 6).

Иначе говоря, российская этнология достойно влилась в «прогрессивный» водоворот мирового тренда.

Безусловно, для истинного исследователя необходимое условие его профессионализма — быть в курсе происходящего в мировой науке. Но так ли уж хорошо и продуктивно наотрез отказаться от своей собственной научной традиции и принять традицию чужую, хотя и вроде бы «продвинутой»? Вспоминаю слова французской исследовательницы Мишель Дебрэнн, профессора научно-исследовательской лаборатории Университета Paris-Quest из Парижа, которую мы пригласили выступить перед слушателями нашей школы молодых этносоциологов в 2012 г. Она сказала, что во Франции подобную школу никто бы не разрешил провести, поскольку этническую тему у них не принято не только исследовать, но и публично обсуждать. Как представляется, такая позиция в отношении данной темы является одной из составляющих разразившегося в Западной Европе миграционного кризиса и краха государственной политики мультикультурализма. На самом деле имеет место более широкая и масштабная проблема — кризис всей национальной политики (в традиционном для нас понимании этого термина) в ряде западных стран.

Если в этнологических исследованиях, бессменным руководителем организации которых в России вот уже 30 лет является В. А. Тишков, понятие этноса как таковое практически ушло из употребления, то в других социогуманитарных науках оно, как и этническая проблематика в целом, получило широкое распространение. Академик считает данный факт причудливыми метостазами «теории этноса» (Тиш-

¹ <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/38>

² <https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/43>

³ Тишков В. Что есть нация. В поисках российской идентичности // Независимая газета. 2017. 24 января. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html (дата обращения: 20.04.2020).

ков, 2016: 5; Тишков и др., 2020: 80). В отличие от него, мы рассматриваем его как свидетельство усложнения разносторонних проявлений этнического феномена и соответствующего расширения научной этнической проблематики, что вызвано прежде всего неоднозначными последствиями глобализации и современных миграционных процессов.

Было бы полбеды, если бы рассматриваемая проблема изменения отношения к этническому феномену касалась чисто научного дискурса. Но у нас пошла по западному пути и в реальной практической политике, касающейся регулирования процессов этносоциального развития и находящей отражение в государственной национальной политике. Достаточно сказать, что 1990-е гг. характеризовались неопределенностью в вопросе о месте национальной политики в структуре государственной власти, о чем говорит, в частности, многократное изменение статуса, названия и афiliationи соответствующего ведомства с другими направлениями государственной политики. В 2001 г. было вообще ликвидировано министерство, в ведении которого находилась национальная политика. Назначенный министром «без портфеля» В. Ю. Зорин, оценивая позднее причину такого кардинального решения, писал:

«Победила либеральная западная модель отношений к этнической политике. Государство ушло из этой сферы, отдав все на откуп гражданскому обществу. А оно пока не готово... Министерства и ведомства, отвечающие за государственную национальную политику, были ликвидированы практически во всех субъектах Федерации, а специалисты, работавшие в них, покинули госслужбу»¹.

Известно, что «страусиная позиция» в отношении этнического феномена и национальной политики была поколеблена конфликтными событиями на Манежной площади Москвы в декабре 2010 г.² После этого на официальном уровне произошло осознание важности данной проблемы как требующей серьезного государственного внимания и регулирующего воздействия, что нашло отражение в принятой в декабре 2012 г. Стратегии государственной национальной политики.

Утверждение данной Стратегии, подкрепленное последующим принятием федеральной и государственной программ и других важных решений, говорит о подключении ресурсов государства как самого мощного социального института для решения проблем в рассматриваемой области общественной жизни. Иными словами, речь идет об активном использовании институциональных механизмов в отношении разных проявлений этнического феномена.

Важно при этом отметить, что сама Стратегия несет на себе отпечаток серьезных проблем и противоречий этнологического поворота. К их числу относится тесное переплетение в ней эффектов примордиализма и конструктивизма. Например, признается наличие этнических общностей и этнических культур, по крайней мере, на терминологическом уровне. В то же время в качестве главного целевого показателя реализации Стратегии обозначается достижение определенного уровня общероссийской гражданской идентичности. Это свидетельствует о серьезной борьбе сторонников отечественных традиций в исследовании этнического феномена и обозначенных этнологических новаций при разработке и принятии Стратегии. Она находит отражение теперь уже не в рамках чисто научного дискурса, а в важных государственных документах, служащих руководством в повседневной практической деятельности.

Концептуальные основы и проблемные вопросы российской государственной национальной политики

В последнее время наиболее подробное описание истории постсоветской российской национальной политики в единстве с трансформацией фундаментальных основ отечественной этнологической мысли и отражением этой трансформации в соответствующих стратегических государственных документах, а также с учетом своего личного вклада в разработку научных и доктринальных основ национальной политики дал академик В. А. Тишков в обобщающей статье «Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина)» в журнале «Вестник российской нации» (Тишков, 2018). Важно еще раз подчеркнуть, что В. А. Тишков — не просто статусный, но очень влиятельный в российской науке и политике человек. По его собственному признанию, он все это время находился

¹ Зорин, В. (2012) Мы часто выдаем причину за следствие и наоборот... // Российская Федерация сегодня. № 22. С. 19.

² Беспорядки на Манежной площади в Москве 11 декабря 2010 года [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2015. 11 декабря. URL: <https://ria.ru/20151211/1339040841.html> (дата обращения: 20.04.2020).

«в центре научной и общественной жизни страны и как директор ИЭА РАН оказывал влияние на академическую стратегию и институциональные перемены» (Тишков и др., 2020: 72).

Статья содержит важный и интересный материал о противоречивых процессах национального строительства в позднем СССР и постсоветской России, а также о дискуссиях и неоднозначности содержания базисных понятий национальной политики — «нация», «народ», «самоопределение» и др. Но главное, на чем делает акцент автор, — это основное достижение и основной результат многолетней борьбы как в научной, так и в политической областях, и их В. А. Тишков связывает с формированием и закреплением в Стратегии концепта российской нации в гражданско-политическом смысле, в трактовке России как государства-нации, а российского народа — в качестве полиэтничной гражданской нации (Тишков, 2018: 12), с обоснованием российского национального проекта и его основной формулы «единства в многообразии» (там же: 29–30).

Если не вдаваться в дискуссию о том, насколько актуальной и отвечающей реалиям современности является задача формирования национального государства как определенного типа государственного устройства (достаточно распространенной является точка зрения, что оно, как и национальная идентичность вообще, переживает кризисные времена, см.: Федотова, 2019), то в основе своей вывод В. А. Тишкова и обозначенные им ориентиры можно оценить как важные и правильные.

Но что стоит за этими «правильными» формулировками? На самом деле за ними скрывается ярко выраженная конструктивистская позиция. Достаточно сказать, что саму нацию академик рассматривает в конструктивистском ключе и, подчеркнем это еще раз, как форму коллективной идентичности. Важно привести его определение полностью: нация, — пишет он в статье с характерным названием, — это «прежде всего форма коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они и считают нацией»¹. Не случайно на одном из заседаний Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ он предлагал принять федеральный закон «Формирование российской идентичности» в качестве базового для обеспечения реализации национальной политики². Закономерно, что и в основе политики по интеграции российской нации академик видит прежде всего задачу по конструированию и пропаганде соответствующих позитивных образов (Тишков, 2018: 21). В настоящее время, особенно после принятия Стратегии в 2012 году, очевидно, что в этом направлении ведется массивная работа с подключением солидных ресурсов государства, в том числе СМИ.

Такую политику можно оценить в качестве проявления «предписывания идентичности как способа применения конструктивистской методологии» (Федотова, 2013: 59). Эффект конструктивизма и предписывания в купе с четко выраженной либеральной позицией присутствует и в самой Стратегии. Достаточно сказать, что российская нация определяется здесь (если делать акцент на главном, на сути) как сообщество граждан (различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности), обладающих одной качественной характеристикой — гражданским самосознанием. Характерно, что главный целевой показатель реализации Стратегии, как отмечалось, — это уровень общероссийской гражданской идентичности (измеряемый в процентах по итогам массовых социологических опросов). Этот показатель отражен и в Государственной программе³. С учетом понимания бюрократической логики действия федеральных и региональных властей нетрудно предположить, что целевые показатели и Стратегии, и Программы будут успешно выполнены и предписанный уровень этой идентичности в документах будет достигнут. Следовательно результат в решении задачи по формированию российской нации формально предопределен.

На самом деле проблема российской нации нуждается в постановке и дополнительном обсуждении, помимо выделенных выше, также и других значимых вопросов, например, о сопоставлении нации с государством, гражданством, которое, как известно, подразумевает не только формальный юри-

¹ Тишков В. Что есть нация. В поисках российской идентичности [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2017. 24 января. URL: // URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-01-24/9_6910_nacia.html (дата обращения: 20.04.2020).

² Заседание Совета по межнациональным отношениям. 31 октября 2016 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/53173> (дата обращения 30.05.2020).

³ Постановление Правительства РФ от 29.12.2016 N 1532 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» [Электронный ресурс] // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210753/ (дата обращения: 13.07.2020).

дический статус, но и общественное участие. Очевидно также, что применительно к России как федеративному государству важное значение имеет учет и различение существования двух типов гражданских наций — федеративных и унитарных, поскольку формирование общенационального единства и соответствующей идентичности имеет свою специфику в каждом из них.

Не выдерживает критики и приводимая В. А. Тишковым формула «единства многообразия» и связанная с этим целевая установка Стратегии на сохранение этнокультурного многообразия. Хотя в скорректированной редакции Стратегии присутствует его определение — как совокупности всех этнических культур, оно представляется довольно абстрактным, а главное — не имеющим адекватного содержательного наполнения и необходимой конкретизации в тексте Стратегии, в том числе в ее целевых показателях. Закономерно, что вопросы этнокультурного многообразия и поддержки этнических культур никак не представлены и в целевых показателях Государственной программы, в том числе в ее специальной подпрограмме «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России».

В Стратегии не акцентируется и не проясняется вопрос о субъектах этнокультурного многообразия и носителях этнических культур. Неявно ответ на него присутствует в одном из определений основных понятий Стратегии, и он дан в либерально-конструктивистской интерпретации: «ж) народы, национальности, этнические общности в Российской Федерации — национальный и этнический состав населения Российской Федерации, образующий этнические общности людей, свободно определяющих свою национальную и культурную принадлежность»¹. То есть этнические общности — это этнический состав населения, который, как известно, определяется по итогам переписей населения как результат персонального отнесения себя конкретным человеком к той или иной национальности, иными словами, это есть идентичность.

Мы солидарны с И. С. Тарбастаевой и считаем, что в качестве субъектов этнокультурного многообразия целесообразно признать прежде всего не отдельных людей (как представителей той или иной национальности), а этнические сообщества (общности), понимаемые в качестве реально существующих коллективных образований, поскольку только в рамках сообществ могут сохраняться и развиваться этнические культуры. Она аргументирует, в частности, позицию, что «этнические сообщества являются первоначальными носителями этнической культуры, которая не может функционировать в рамках отдельного индивида» (Тарбастаева, 2018а: 143). Данный автор представила новый взгляд на этнокультурное разнообразие, переключив внимание с его общего представления (как некоторой этнической структуры) на субъектное видение, понимая этнические сообщества в качестве структурных компонентов разнообразия (Тарбастаева, 2020: 3–4).

Таким образом, можно заключить, что две фундаментальные для Стратегии государственной национальной политики проблемы, касающиеся концептов российской нации и этнокультурного многообразия, оказываются ограниченными и, мягко говоря, недостаточно проработанными.

Слабым местом Стратегии, на наш взгляд, является также отсутствие акцента на региональных особенностях этнокультурного и этносоциального развития России, хотя в ее обновленном варианте сформулировано положение о необходимости учета «этнокультурного фактора при обеспечении сбалансированного, комплексного и системного развития субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»². Как представляется, с учетом большого разнообразия российских регионов и особенностей протекающих здесь этносоциальных процессов данное положение нуждается в конкретизации. В частности, актуальным является выделение базовых региональных моделей реализации национальной политики с предварительной типологизацией регионов по данному основанию (Попков, 2019) как основа конкретизации целевой установки на сохранение и поддержание этнокультурного разнообразия в регионах, если только под ним понимать не элементарный этнический (национальный) состав населения, не конструктивистскую конструкцию.

¹ Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <http://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 13.02.2020).

² Там же.

Проблемные зоны этносоциального развития Тувы

Как отмечалось в начале статьи, Стратегия государственной национальной политики и соответствующие программы, обеспеченные солидным финансированием, играют важную роль во внутренней политике государства. С их принятием работа в данной сфере как на федеральном уровне, так и в регионах приобрела более оформленный, более системный и более организованный характер. В то же время выделенные выше проблемы концептуального характера и существующая ныне практика государственного управления в сфере национальной политики, которую можно назвать моделью централизации, снижают эффективность самой этой политики.

В подтверждение правомерности такого вывода и для иллюстрации существующих здесь проблем обратимся к анализу регионального опыта реализации национальной политики на примере одного из субъектов федерации — Республики Тыва (Тувы).

Выбор Тувы определяется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, она, как отмечалось, отличается от многих других регионов существенной этнокультурной спецификой, поэтому реализация национальной политики здесь должна предполагать использование не только общих, но и особых подходов, учитывающих данную специфику. Во-вторых, ранее вместе с другими новосибирскими коллегами-этносоциологами мы уже провели подробный сравнительный анализ региональных моделей национальной политики в нескольких сибирских субъектах федерации, различающихся уровнем их социально-экономического развития, конституционно-правовым статусом, этнической структурой населения, интенсивностью и характером миграционной подвижности населения, что находит отражение в особенностях этносоциальных процессов в конкретных регионах (Республики Алтай, Саха (Якутия), Бурятия, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Новосибирская область). В частности наши исследования показали разную степень остроты этносоциальной ситуации, национального вопроса и межнациональных отношений, а также различающийся набор актуальных проблем национальной политики в регионах и наличие разнообразных практик по их решению (*Этносоциальные процессы ...*, 2015; *Региональные модели ...*, 2016; *Социокультурный мониторинг ...*, 2018). Опыт Тувы может добавить новые краски в это разнообразие проблем и управленческих подходов.

Подчеркнем, что в качестве комплексного объекта национальной политики мы рассматриваем не только межэтнические отношения и конфликты, а более широкое предметное поле — этносоциальные процессы во всей их комплексности и системности как результат взаимодействия этносоциальных субъектов (этнических сообществ, этнических групп, диаспор и т. п.), выступающих коллективными носителями этнокультур (см., в частности: *Попков, 2016*). В этой связи весьма ценные выводы в свое время сделал К. Леви-Стросс: «Человеческие общества никогда не одиноки; когда они, как кажется, наиболее сепарированы, то все же существуют в виде групп, в какой-то связке» (*Леви-Стросс, 2000: 327*), поэтому «всякий культурный прогресс есть функция коалиции культур» (там же: 353), то есть этот прогресс связан с культурным разнообразием. Отсюда следует, на наш взгляд, другой важный вывод: ослабление или затухание межэтнических взаимодействий и сокращение этнокультурного разнообразия неизбежно ведет к культурному регрессу.

Переходя далее к Туве, обратим внимание на несколько проблемных моментов ее современного этносоциального развития, существенно значимых для возможного их отражения в ориентирах и содержании региональной национальной политики.

1. Известно, что в типологии субъектов федерации по этническому составу современная Тува принадлежит к немногочисленному числу регионов России с абсолютным доминированием численности титульного для данного региона этноса. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., из общей численности населения в 307 тыс. чел. тувинцы составляли в республике 82% от указавших свою национальную принадлежность, русские — чуть более 16% (их численность к этому времени сократилась с 1989 г. вдвое). В последующее десятилетие общая численность населения республики ежегодно росла¹, при этом, согласно экспертным оценкам (*Кан, 2016*), число и доля тувинцев продолжает увеличиваться, русского — сокращаться, а сальдо внешней миграции является отрицательным. Главный вектор миграции тувинцев — из села в город (Кызыл), русских — за пределы республики. Налицо ярко выраженная тенденция моноэтнизации региона и сокращение масштабов

¹ Республика Тыва — сколько населения в 1991–2020 году? [Электронный ресурс] // Численность населения. URL: <https://численность-населения.рф/республика-тыва> (дата обращения 15.05.2020).

его этнокультурного разнообразия, что отрицательно сказывается не только на русском населении, но и на развитии тувинского сообщества (Тарбастаева, 2018b).

2. Хотя Тува находится в географическом центре Азии, что имеет для нее важное символическое значение, она принадлежит к так называемым удаленным регионам с высоким уровнем замкнутости экономики (Мельникова, 2019). Это является важной особенностью региона и оказывает существенное влияние не только на развитие собственно экономики, но и на его социокультурное развитие и характер протекающих здесь миграционных и этносоциальных процессов. Важно также, что Тува относится к числу депрессивных регионов (Балакина, 2009).

3. При незначительном влиянии на современное развитие республики внешней миграции, внутренние миграционные процессы оказываются весьма значимым фактором ее этносоциального развития. Так, численность сельского населения сокращается, и село в абсолютном большинстве случаев превращается в моноэтническое. Единственный город Кызыл является неоднородным не только по этническому составу. В настоящее время в нем живут многие группы недавних сельских тувинцев, далеко не всегда успешно адаптированных к городской среде и к городскому сообществу.

4. В условиях сокращения уровня общего этнокультурного многообразия Тувы внутреннее многообразие тувинцев как единого этноса и носителей общей тувинской культуры сохраняется. Этнос и культура неоднородны, как неоднородны их политическая история, природные и социальные условия региона, что определяет сложную субэтническую дифференциацию тувинцев (Ламажаа, 2017; Ламажаа, Намруева, 2018), которая свойственна не только тувинскому этносу вообще (имея я виду наличие субэтнических групп тувинцев в Монголии, Китае и др.), но и самой Республике Тыва. Поэтому актуальным является рассмотрение тувинцев и тувинской культуры сквозь призму внутреннего многообразия. Здесь существуют разные родо-племенные, локальные и профессиональные этнокультурные группы тувинцев, обладающие различающимися традициями, способностями и житейским опытом, но одновременно и сталкивающиеся с разными социальными проблемами. Следовательно планы поддержки этнокультурного многообразия должны учитывать эти проблемы.

5. Тува представляет собой интегральное, но в то же время дифференцированное целое и с точки зрения пространственного развития, которое выражает определенное единство территории, народонаселения и социокультурного облика (Попков, Тюгашев, 2019). Разные локусы социокультурного пространства республики имеют разные проблемы, решение которых входят в сферу действий национальной политики. Наиболее сложным локусом является город Кызыл, как обладающий наиболее выраженными этнокультурным многообразием, этноконтактной плотностью и диапазоном межэтнических взаимодействий. В свою очередь и сам город является неоднородным с точки зрения пространственного профиля и концентрации проблемных зон.

Таким образом, Тува как объект национальной политики представляет собой достаточно своеобразно организованное, внутренне дифференцированное сообщество, требующее не только общих, стандартных, но и особых, адаптированных к конкретным условиям управленческих подходов, сфокусированных на актуальных местных проблемах и соответствующих целевых группах.

Проблемы национальной политики Тувы

Возникает закономерный вопрос, каким образом и насколько полно особенности этносоциального развития современной Тувы и существующие проблемы отражаются в проводимой региональной национальной политике, ее целевых ориентирах и актуальных задачах?

Прежде всего отметим, что к настоящему времени уже проводилось специальное исследование приоритетов национальной политики Тувы в постсоветский период. С опорой на тщательный и всесторонний анализ соответствующей законодательной базы республики это сделала И. С. Тарбастаева (Тарбастаева, 2016, 2017). Она выделяет три основных этапа, для каждого из которых свойственна, на ее взгляд, своя модель национальной политики:

1) 1991–1996 гг. — «этноцентристская модель», характеризующая стремление органов власти, в том числе на законодательном региональном уровне, закрепить доминирующее положение в республике тувинцев как титульного этноса;

2) 1996–2013 гг. — «умеренно-национальная модель», в рамках которой в законодательном порядке провозглашается равенство всех этнических сообществ региона, но с сохранением высокого статуса титульного народа, что аргументируется его особой ответственностью за развитие республики;

3) с 2013 — по настоящее время (2016 г. — год написания статьи. — Ю. П.) — «русскоориентированная модель», опирающаяся на сохранение этнокультурного многообразия за счет поддержания русского (русскоязычного) населения республики и русского языка; такая установка является реакцией на актуальную проблему активного оттока из Тувы русского населения (Тарбастаева, 2017).

Поддерживая основные идеи И. С. Тарбастаевой и выделение данной периодизации, выскажем аргументы в пользу корректировки некоторых положений представленной схемы:

— завершение второго этапа более точно датировать 2012 годом, так как 2013 год страна и республика жили уже под эгидой новых установок Стратегии государственной национальной политики, принятой в декабре 2012 г.;

— второй этап, на наш взгляд, может быть ассоциирован не с «умеренно-национальной», а с регионально-ориентированной моделью национальной политики, поскольку, как верно подчеркивает сам автор, «законодательные документы второй модели в значительной степени отражают собственные региональные ориентиры, не заданные рамками федерального курса» (Тарбастаева, 2016); хотя исходной базой выступала Концепция национальной политики Российской Федерации (1996 г.)¹, непосредственным руководством к действию служила адаптированная к условиям Тувы аналогичная региональная Концепция (1998 г.)²;

— третий этап, с нашей точки зрения, более точно назвать не «русскоориентированной моделью», а моделью централизации.

Для аргументации именно такой оценки третьего этапа можно привести ряд оснований.

Во-первых, Концепция государственной национальной политики Республики Тыва 1998 г. действовала только на втором этапе. За все время она была единственным в данной области документом, «в котором позиция региональной власти изложена концептуально и с учетом специфики этносоциальной ситуации» (Тарбастаева, 2016: 123). Аналогичного нормативного документа на третьем этапе, то есть после утверждения федеральной Стратегии 2012 г., в Туве не существовало и до сих пор не существует. Такая ситуация характерна для абсолютного большинства регионов России, поскольку в качестве законодательной нормы это не предусмотрено.

Во-вторых, основными документами в сфере реализации государственной национальной политики в регионе на третьем этапе являются соответствующие региональные программы. При этом важно отметить, что в начале этого этапа, то есть сразу после принятия федеральной Стратегии, уже само название программного регионального документа имело специфику — Республиканская целевая программа «Национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2013–2016 годы»³. После утверждения Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)»⁴ название региональной программы было скорректировано: Государственная программа Республики Тыва «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2014–2016 годы»⁵, но в нем некоторое отличие все-таки сохранялось — здесь речь идет не об этнокультурном, а национально-культурном развитии. В свете дискуссии о трактовке понятий «нация» и «национальное» этот нюанс представляется значимым.

¹ Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Pravo Tech. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/45256696/51652697/> (дата обращения: 16.05.2020).

² Об утверждении концепции государственной национальной политики Республики Тыва. Президент Республики Тыва. Указ от 22 апреля 1998 года № 217 [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/906701133> (дата обращения: 04.05.2016).

³ Об утверждении республиканской целевой программы «Национально-культурное развитие народов Республики Тыва на 2013–2016 годы» [Электронный ресурс] // Архив документов Республики Тыва. URL: <https://tyva.gov.ru/doc/12782> (дата обращения 15.05.2020).

⁴ Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”» [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/> (дата обращения 15.05.2020).

⁵ Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Укрепление гражданского единства и национально-культурное развитие народов республики Тыва на 2014–2016 годы» [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/430502436> (дата обращения 15.05.2020).

Утверждение Государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики» привело к унификации регионального документа, который стал называться Государственная программа Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2018–2020 годы»¹. Но опять же если в тексте самой данной программы при формулировке целей имеет место незначительное терминологическое своеобразие формулировок по сравнению с федеральными документами, то в утвержденном недавно варианте региональной программы на новый срок (2021–2023 гг.) произошла окончательная унификация документа². Для такого вывода достаточно привести обозначенные в Паспорте программы цели программы: «укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Республики Тыва; гармонизация межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений; сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов Республики Тыва; поддержка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Республики Тыва; профилактика экстремизма на национальной и религиозной почве; успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов; развитие казачества; развитие некоммерческого сектора» (там же) (они, правда, не совпадают с целями, обозначенными в тексте самой программы).

Аналогичная ситуация присутствует и в формулировках целевых показателей региональной программы. Здесь, как и в федеральных документах, акцент сделан на количественных показателях, отражающих результаты опросов населения, числа проведенных мероприятий и принявших в них участие людей, а также деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Примечательно, что из 8 обозначенных показателей 3 (то есть более трети) касаются коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (удивительно при этом, что здесь даже не используется понятие тувинцев-тоджинцев для обозначения конкретной группы этих народов в Туве). Стоит заметить, что, по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность тувинцев-тоджинцев составляла всего 1856 чел.

Налицо элементарное калькирование федеральных документов, представленных в них установок и терминов в ущерб существующим региональным особенностям.

Итак, по своим фундаментальным ориентирам региональная программа реализации национальной политики, которая, напомним, является основным документом в данной области управления, дублирует положения федеральных документов — Стратегии государственной национальной политики и соответствующей государственной программы. По сути, ни одна из зафиксированных нами выше реальных актуальных проблем современного этносоциального развития Тувы не нашла отражение в республиканской программе. Данный факт дает основание для вывода о том, что существующую практику управления в сфере национальной политики можно квалифицировать как подпадающую под модель централизации.

Заключение

Современную стадию осуществления национальной политики в России и ее регионах можно не только ассоциировать с моделью централизации, но и характеризовать как стадию рутинизации. Об этом могут свидетельствовать следующие факты. Улеглись дискуссии и страсти по поводу возможного утверждения и названия базового федерального закона в области национальной политики, в результате решили ограничиться корректировкой текста существующей Стратегии. Принята Государственная программа «Реализация национальной политики», на осуществление которой выделены и определенным образом распределены солидные финансовые средства (только из федерального бюджета — около 4 млрд. руб.). В регионах сформированы разнообразные структуры, ответственные за реализацию национальной политики. При органах исполнительной власти на местах образованы

¹ Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2018–2020 годы» [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/446646615> (дата обращения 15.05.2020).

² Об утверждении государственной программы Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике Тыва на 2021–2023 годы» [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/570773085> (дата обращения 15.05.2020).

консультативные советы по межнациональным отношениям. В рамках реализации Стратегии, федеральной и региональных программы проводится огромное количество разных мероприятий: праздников, фестивалей, конкурсов, форумов, семинаров и т. п. Запущен процесс повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, так или иначе задействованных в этой работе. Отлажены процедуры написания региональных программ реализации национальной политики и их успешного выполнения. В средствах массовой информации все реже поднимаются вопросы, связанные с данной темой. Она не была никак обозначена и в провозглашенных недавно Президентом России национальных целях развития России до 2030 года¹, хотя вплоть до последнего времени он выделял вопрос межнациональных отношений как важнейший для России² (надо, правда, заметить, что такую оценку глава государства давал на заседании Совета по межнациональным отношениям).

Что касается Тувы, то содержание современных официальных программных документов, касающихся реализации национальной политики, текстуально и содержательно больше соответствуют не особенностям этносоциального развития данного региона, а провозглашенным в Стратегии общим целевым ориентирам, базирующимся на определенном концептуальном фундаменте. Из обозначенных в начале нашей статьи детерминант современной российской национальной политики именно этот фактор является сейчас определяющим. С чем это связано? На наш взгляд, главным образом, с реализуемой моделью централизации управления под флагом проанализированной концепции российской нации, а также с четкой бюрократической логикой действия региональных властей, ориентирующихся на благополучные отчетные показатели по успешной реализации государственной национальной политики в регионе. Это не столько изъян региональной тувинской политики, сколько распространенная в абсолютном большинстве субъектов федерации практика, алгоритм стандартных нормативных действий, заданных целевой установкой на конструирование российской нации и существующей моделью управления.

Выйти за рамки данного алгоритма могут себе позволить только «сильные» субъекты, обладающие не только самостоятельным административным и финансовым ресурсом, но также располагающие профессиональным кадровым составом служащих и серьезным научным потенциалом. К числу таких «отклоняющихся» субъектов принадлежат Москва, где разработана и действует собственная Стратегия национальной политики города³ и Новосибирск, в котором сейчас осуществляется городская Концепция реализации национальной политики⁴, а недавно утверждена «Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года»⁵, которая будет действовать со следующего года. В данных документах отражены не только общенациональные, но и значимые местные ориентиры национальной политики, определяемые на основе профессиональной диагностики актуальных тенденций и реальных проблем этносоциального развития местных сообществ. Именно такой подход может обеспечить наибольшую эффективность в реализации государственной национальной политики на региональном и муниципальном уровнях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анайбан, З. В. (1999) Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы (по материалам этносоциологических исследований). М. : Институт этнологии и антропологии РАН. 336 с.

¹ Указ о национальных целях развития России до 2030 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 29.07.2020).

² Заседание Совета по межнациональным отношениям при президенте Российской Федерации 29 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62160> (дата обращения 15.07.2020).

³ О Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 года (с изменениями на 17 декабря 2019 года) [Электронный ресурс] // Правовой фонд электронной и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/537994992> (дата обращения: 15.07.2020).

⁴ Концепция реализации национальной политики города Новосибирска [Электронный ресурс] // Управление общественных связей мэрии Новосибирска. URL: <http://www.uos.novo-sibirsk.ru/assets/files/documents/municipal/konceptsiya-nac-polit.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

⁵ О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года. Постановление мэрии города Новосибирска. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации города Новосибирска. URL: <http://nskpravo.info/upload/iblock/01f/2020%201831.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

Анайбан, З. В. (2008) История этносоциологических исследований в Туве // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания / составители: Н. А. Дубова, Л. В. Остапенко, И. А. Субботина. М. : Старый сад. 360 с. С. 243–249.

Балакина, Г. Ф., Анайбан, З. В. (1995) Современная Тува: социокультурные и этнические процессы. Новосибирск: Наука. 137 с.

Балакина, Г. Ф. (2009) Стратегии развития депрессивного региона. Кызыл : ТувИКОПР СО РАН. 344 с.

Кан, В. С. (2015) Основные тенденции этносоциального развития Тувы // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сборник. / отв. ред. Ю. В. Попков. Новосибирск : Изд-во СО РАН. Вып. 10. 231 с. С. 128–133.

Кан, В. С. (2016) Этносоциальный профиль тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (дата обращения: 10.08.2016).

Ламажаа, Ч. К. (2008) Тува между прошлым и будущим. М. : Восход-А. 500 с.

Ламажаа, Ч. К. (2010) Клановость в политике регионов России. Тувинские правители. СПб. : Алетейя. 208 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013а) Архаизация общества. Тувинский феномен. М. : Издательский дом «Либроком». 272 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013b) Тувиноведение : новые горизонты. М. : Книжный дом «Либроком». 184 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К. (2016) Тувинская этничность и социум в этносоциологических и антропологических исследованиях [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/93> (дата обращения: 15.07.2020).

Ламажаа, Ч. К. (2017) Проблемы определения и изучения субэтнических групп тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы, № 1. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>

Ламажаа, Ч. К., Намруева, Л. В. (2018) Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. № 2. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Леви-Строс, К. (2000) Путь масок. М. : Республика. 399 с.

Малахов, В. С. (2001) Скромное обаяние расизма и другие статьи. М. : Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги». 175 с.

Мельникова, Л. В. (2019) Удаленная малая экономика: теоретические основания и эмпирические наблюдения // Новые исследования Тувы. № 3. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.8>

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2019) Пространственный образ Тувы в объективе социокультурной феноменологии // Новые исследования Тувы. № 3. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Попков, Ю. В. (2016) Этносоциальные процессы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (дата обращения: 02.07.2020).

Попков, Ю. В. (2019) Государственная национальная политика: проблемы и концептуальные лакуны // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 15, № 3. С. 345–366. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.302>

Попков, Ю. В. (2020) Дискурс идентичности в концептуально-проблемном поле современной российской национальной политики // Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Изд-во НГТУ. 256 с. С. 230–246.

Региональные модели государственной национальной политики современной России (2016): в 2 ч. / М. А. Абрамова, В. Г. Костюк, С. А. Мадюкова, О. А. Персидская, Ю. В. Попков; под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Манускрипт. Ч. I. 176 с.

Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика: монография (2018) / под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Изд-во НГТУ. 347 с.

Тарбастаева, И. С. (2016) Правовое поле этнонациональной политики в Республике Тыва (1991 — наст. вр.) [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (дата обращения: 10.04.2020).

Тарбастаева, И. С. (2017) Региональные модели национальной политики в республике Тыва: 1991–2016 гг. // Региональная политика — 2016 : сборник статей и аналитических докладов / под ред. Д. Орлова. М.: ООО «Грифон». 400 с. С. 297–306.

Тарбастаева, И. С. (2018а) Коллективные права этнических сообществ как условие сохранения этнокультурного разнообразия // Сибирский философский журнал. Т. 16, № 3. С. 143–151. DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-3-143-151>

Тарбастаева, И. С. (2018b) Тува превращается в моноэтнический регион: риски и перспективы // ЭКО. № 5 (527). С. 65–80.

Тарбастаева, И. С. (2020) Коллективные права этнических сообществ: социально-философский анализ: дисс. ... канд. филос. наук. Новосибирск. 153 с.

- Тишков, В. А. (2016) От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. № 5. С. 5–12.
- Тишков, В. А. (2018) Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // Вестник российской нации. № 6. С. 9–30.
- Тишков, В. А., Артемова, О. Ю., Андерсон Д. Дж., Архютлов Д. В., Балзер, М. М., Головнев, А. В., Филиппов, Р. В., Швайцер, П. (2020) Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. № 2. С. 72–137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>
- Федотова, Н. Н. (2013) Концепции идентичности в условиях нелинейной социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 52–62.
- Федотова, Н. Н. (2019) Социальное государство — результат эволюции национального государства // Вопросы философии. № 10. С. 17–21. DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440007155-5>
- Этносоциальные процессы в Сибири (2000) : тематический сборник / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Издательство СО РАН. Вып. 3. 267 с.
- Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири (2015) / под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 273 с.

Дата поступления: 29.07.2020 г.

REFERENCES

- Anaiban, Z. V. (2008) Istoriiia etnosotsiologicheskikh issledovaniia v Tuve [The history of ethno-sociological research in Tuva]. In: *Etnosotsiologiia i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia [Sociology and ethnosociology. Research, examination, memories]* / comp. by N. A. Dubova, L. V. Ostapenko and I. A. Subbotina. Moscow, Staryi sad. 360 p. Pp. 243-249. (In Russ.).
- Anaiban, Z. V. (1999) *Mezhnatsional'nye otnosheniia v Tuve v 90-e gody (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniia) [Inter-ethnic relations in Tuva in the 90s (based on materials of ethno-sociological research)]*. Moscow, Institut etnologii i antropologii RAN. 336 p. (In Russ.).
- Balakina, G. F. and Anaiban Z. V. (1995) *Sovremennaia Tuva: sotsiokul'turnye i etnicheskie protsessy [Contemporary Tuva: socio-cultural and ethnic processes]*. Novosibirsk, Nauka, Sib. izd. firma. 137 p. (In Russ.).
- Balakina, G. F. (2009) *Strategii razvitiia depressivnogo regiona [Strategies for the development of a depressive region]* / ed. by S. V. Paramonov. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 344 p. (In Russ.).
- Kan, V. S. (2015) Osnovnye tendentsii etnosotsial'nogo razvitiia Tuvy [Main trends of ethnic and social development of Tuva]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]: a thematic collection* / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, SO RAN Publ. Vol. 10. 231 p. Pp. 128–133. (In Russ.).
- Kan, V. S. (2016) Etnosotsial'nyi profil' tuvintsev [Ethnosocial profile of Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/94> (access date: 10.08.2016). (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2008) *Tuva mezhdú proshlym i budushchim [Tuva between the past and future]*. Moscow, Voskhod-A. 500 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2010) *Klanovost' v politike regionov Rossii. Tuvinskie praviteli [The clan politics of Russia's regions. The Leaders Of Tuva]*. St. Petersburg, Aleteiia. 208 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2013a) *Arkhaizatsiia obshchestva. Tuvinskii fenomen [Archaization of the society. The Tuvan phenomenon]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2013b) *Tuvinovedenie : novye gorizonty [Tuvan studies: new horizons]*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 184 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *Natsional'nyi kharakter tuvintsev [National character of Tuvans]*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriiia. 240 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K. (2016) Tuvinskaia etnichnost' i sotsium v etnosotsiologicheskikh i antropologicheskikh issledovaniiaakh [Tuvan ethnicity and the society in ethnosociological and anthropological studies]. *New Research of Tuva*, no. 2 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/93> (access date: 15.07.2020).
- Lamazhaa, Ch. K. (2017) Problemy opredeleniia i izucheniia subetnicheskikh grupp tuvintsev [Sub-ethnic groups of the Tuvans : problems of definition and research]. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 4–21. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2017.1.1>
- Lamazhaa, Ch. K. and Namrueva, L. V. (2018) Subetnicheskie differentsiatsii rossiiskikh etnosov (na primere kalmykov i tuvintsev) [Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: the case of Kalmyks and Tuvans]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 206–225. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2018.2.11>

Lévi-Strauss, C. (2000) *Put' masok [La voie des masques = The way of the masks]*. Transl. from Fr. Moscow, Respublika. 399 p. (In Russ.).

Malakhov V. S. (2001) *Skromnoe obaianie rasizma i drugie stat'i [Modest charm of racism and other articles]*. Moscow, Modest Kolerov i «Dom intellektual'noi knigi». 175 p. (In Russ.).

Melnikova L. V. (2019) Udalennaiia malaia ekonomika: teoreticheskie osnovaniia i empiricheskie nabliudeniia [A small remote economy: theoretical framework and empirical observations]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 89–101. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.8>

Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. (2019) Prostranstvennyi obraz Tuvy v ob'ekte sotsiokul'turnoi fenomenologii [The spatial image of Tuva in the focus of sociocultural phenomenology]. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 4–14. (In Russ.). DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2019.3.1>

Popkov, Yu. V. (2016) Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Ethnosocial processes in Siberia: Topical issues of theory and practice]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 5–31 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/92> (access date: 02.07.2020). (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2019) Gosudarstvennaia natsional'naia politika: problemy i kontseptual'nye lakuny [State National Policy of Russia: Problems and Conceptual Lacunas]. *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 345–366. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.302>

Popkov, Yu. V. (2020) Diskurs identichnosti v kontseptual'no-problemnom pole sovremennoi rossiiskoi natsional'noi politiki [The discourse of identity in the conceptual and problematic field of modern Russian national politics]. In: Popkov, Yu. V. and Tiugashev, E. A. *Etnokul'turnyi neotraditsionalizm i identichnost' v sovremennykh sotsiokul'turnykh transformatsiakh [Neo-ethno-cultural and identity in contemporary socio-cultural transformations]*. Novosibirsk, NGTU Publ. 256 p. Pp. 230–246. (In Russ.).

Regional'nye modeli gosudarstvennoi natsional'noi politiki sovremennoi Rossii [Regional models of state national policy in modern Russia] (2016): in 2 parts / M. A. Abramova, V. G. Kostyuk, S. A. Madiukova, O. A. Persidskaia and Yu. V. Popkov; ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Manuscript. Part I. 176 p. (In Russ.).

Sotsiokul'turnyi monitoring gorodskogo mezhetnicheskogo soobshchestva: metodologiya, metodika, praktika: monografiia [Socio-cultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, methodology, practice] (2018) / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, NGTU Publ. 347 p. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2016) Pravovoe pole etnonatsional'noi politiki v Respublike Tyva (1991 — nast. vr.) [The legal field of ethnic policy in the Republic of Tyva since 1991]. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 116–140 [online] Available at: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/98> (access date: 10.04.2020). (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2017) Regional'nye modeli natsional'noi politiki v respublike Tyva: 1991–2016 gg. [Regional models of national policy in the Republic of Tuva: 1991–2016]. In: *Regional'naia politika — 2016 [Regional policy 2016]: collection of articles and analytical reports* / ed. by D. Orlov. Moscow, OOO «Grifon». 400 p. Pp. 297–306. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2018a) Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv kak uslovie sokhraneniia etnokul'turnogo raznoobrazia [Collective rights of ethnic communities as the condition of preserving the ethno-cultural diversity]. *Sibirskii filosofskii zhurnal*, vol. 16, no. 3, pp. 143–151. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-3-143-151>

Tarbastaeva, I. S. (2018b) Tuva prevrashchaetsia v monoetnichnyi region: riski i perspektivy [Tuva is becoming a mono-ethnic region: risks and prospects]. *EKO*, no. 5 (527), pp. 65–80. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2020) *Kollektivnye prava etnicheskikh soobshchestv: sotsial'no-filosofskii analiz [Collective rights of ethnic communities: a socio-philosophical analysis]*: Diss. ... Candidate of Philosophy. Novosibirsk. 153 p. (In Russ.). (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2016) Ot etnosa k etnichnosti i posle [From ethnos to ethnicity and after]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 5–12. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2018) Kontseptual'naia dinamika etnopolitiki v Rossii (ot Gorbacheva do Putina) [Conceptual dynamics of ethnopolitics in Russia (from Gorbachev to Putin)]. *Vestnik rossiiskoi natsii*, no. 6, pp. 9–30. (In Russ.).

Tishkov, V. A., Artemova, O. Yu., Anderson, D. Dzh., Arkhiutov, D. V., Balzer, M. M., Golovnev, A. V., Filippov, R. V., Shvaitser, P. (2020) Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologiya: personal'nyi vzgliad v global'noi perspektive [From Where is Russian Ethnology and Where is it Going? A Personal View in Global Perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 2, pp. 72–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S086954150009606-6>

Fedotova, N. N. (2013) Kontseptsii identichnosti v usloviakh nelineinnoi sotsiokul'turnoi dinamiki [The conceptions of identity in the context of nonlinear socio-cultural dynamics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 52–62. (In Russ.).

Fedotova, N. N. (2019) Sotsial'noe gosudarstvo — rezul'tat evoliutsii natsional'nogo gosudarstva [Welfare state is a result of the nation-state's evolution]. *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 17–21. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31857/S004287440007155-5>

Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia] (2000): thematic collection / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, SO RAN Publ. Vol. 3. 267 p. (In Russ.).

Etnosotsial'nye protsessy i etnonatsional'naia politika v regionakh Sibiri [Ethno-social processes and ethno-national policy in the regions of Siberia] (2015) / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, SO RAN Publ. 273 p. (In Russ.).

Submission date: 29.07.2020.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Моллеров Н. М. (Россия)</i> Великий Хурал — высший и представительный орган власти Туvinской Народной Республики	4
<i>Харунова М. М.-Б., Харунов Р. Ш., Базыр Р. Н. (Россия)</i> Государственные внутренние займы Туvinской Народной Республики и СССР в Туве (1920–1940 гг.)	20
<i>Отрощенко И. В. (Украина)</i> «Монголофильство» политической элиты Туvinской Народной Республики	35
<i>Моллеров Н. М. (Россия)</i> Деятельность Управления Государственной Внутренней Политической Охраны по защите безопасности и суверенитета Туvinской Народной Республики (1925–1934 гг.)	49
<i>Самдан А. А. (Россия)</i> Вооруженное восстание в Туве в 1930 г.	66
<i>Мунге Б. В., Монгуш А. М. (Россия)</i> Становление и развитие кинофикации в Туvinской Народной Республике	81
<i>Кужугет А. К. (Россия)</i> Культурная политика Туvinской Народной Республики по организации празднеств	101
<i>Кан В. С. (Россия)</i> Этапы радиофикации в Туvinской Народной Республике (1925–1944 гг.)	111
<i>Татаринцева М. П. (Россия)</i> «В Танну-Туву». Об одной полузабытой книге	128
<i>Саая О. М., Бадарч Б. (Россия)</i> Туvinская орфография в период Туvinской Народной Республики ...	138
<i>Донгак У. А. (Россия)</i> Туvinская литература периода Туvinской Народной Республики: рождение поэтики художественной модальности	151
<i>Мижит Л. С. (Россия)</i> Туvinская национальная поэзия 30–40-х годов XX века	166
<i>Баранмаа А. Д.-Б. (Россия)</i> Взаимодействие традиционного и нового музыкального языка в народных и авторских песнях периода Туvinской Народной Республики	178

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бурыкин А. А. (Россия)</i> Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, туvinских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок)	189
<i>Кольчикова Н. Л., Прищепа В. А. (Россия)</i> Этнопоэтический подход к изучению современной литературы Саяно-Алтая (на материале туvinской и хакасской поэзии)	210
<i>Самдан З. Б. (Россия)</i> Трансформация образа женщины кочевой культуры в туvinской литературе (на примере творчества А. М. Ламажаа)	228

ТУВА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

<i>Станулевич Н. А. (Россия)</i> Материалы Туvinского отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 и 1953 гг. на негативах из собрания Кунсткамеры	240
<i>Попков Ю. В. (Россия)</i> Современная российская национальная политика: концептуально-целевые основы и опыт реализации (на примере Тувы)	253

C O N T E N T S

PAGES OF HISTORY

Mollerov N. M. (Russia) The Great Khural as the supreme representative authority of the Tuvan People’s Republic 4

Kharunova M. M.-B., Kharunov R. Sh., Bazyr R. N. (Russia) Tuvan People’s Republic’s and USSR’s Domestic Loans in Tuva, 1920s – 1940s 20

Otroshchenko I. V. (Ukraine) “Mongolophilia” of the political elite in the Tuvan People’s Republic 35

Mollerov N. M. (Russia) The Department of State Internal Political Security and its work to protect the security and sovereignty of the Tuvan People’s Republic (1925–1934) 49

Samdan A. A. (Russia) Tuvan armed rebellion in 1930 66

Munge B. V., Mongush A. M. (Russia) Formation and development of the cinema network in the Tuvan People’s Republic 81

Kuzhuget A. K. (Russia) Cultural policy of the Tuvan People’s Republic and public festivities 101

Kan V. S. (Russia) The stages of radio installation in Tuvan People’s Republic (1925–1944) 111

Tatarintseva M. P. (Russia) “To Tannu Tuva”: On a half-forgotten book 128

Saaya O. M., Badarch B. (Russia) Tuvan orthography during the period of the Tuvan People’s Republic...138

Dongak U. A. (Russia) Tuvan literature under the Tuvan People’s Republic: The birth of the poetics of artistic modality 151

Mizhit L. S. (Russia) Tuvan national poetry in the 1930s and 1940s 166

Baranmaa A. D.-B. (Russia) The interaction between the traditional and new musical language in folk and author’s songs under the Tuvan People’s Republic 178

PHILOLOGY

Burykin A. A. (Russia) Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales 189

Kolchikova N. L., Prishchepa V. P. (Russia) An ethnopoetic approach to the study of modern Sayan-Altai literature: the cases of Tuvan and Khakas poetry 210

Samdan Z. B. (Russia) Transformation of the image of a woman of nomadic culture in Tuvan literature: the works by A. M. Lamazhaa 228

TUVA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Stanulevich N. A. (Russia) Expeditionary negatives of Tuva in the Kunstkamera collection, 1952 and 1953 240

Popkov Yu. V. (Russia) Contemporary Russian national policy: conceptual and target bases and implementation experience: the case of Tuva 253

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТУВЫ / THE NEW RESEARCH OF TUVA

Электронный научный журнал

Главный редактор *Ч. К. Ламажаа*.
Редактор переводов: *В. С. Макаров*.

№ 3, 2020

<https://nit.tuva.asia/nit/issue/view/47>

Для иллюстрации обложки использована фотография
Буяна Адыгбая (Россия)

Подписано к публикации 03.09.2020 г.

Объем - 33,9 п. л.

Эл. адрес: article@tuva.asia